

**ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ
«РОДИНА – ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ»**

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ «ЗА РОДИНУ»
ПО ПРАЗДНОВАНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ
МОЛДОВА 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
НАД ФАШИЗМОМ**

**К 70-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне
1941-1945 гг.**

**Шаповалов Б. А.
Бедрос В. Х.
Перстнёв В. И.**

**КИЦКАНСКИЙ ОГНЕННЫЙ
ПЛАЦДАРМ**

Кишинёв, 2015

Коллектив авторов-составителей:

- 1. Шаповалов Борис Андреевич**, историк, доктор философии, заместитель председателя общественного движения «Родина – Евразийский союз», исполнительный директор фонда «Содружество».
- 2. Бедрос Виолетта Харитоновна**, историк, заведующая музеем Боевой славы Яско-Кишинёвской операции села Кицканы.
- 3. Перстнёв Владимир Игоревич**, журналист, заведующий музеем Боевой славы г. Бендеры, научный сотрудник Бендерского историко-краеведческого музея.

Книга «Кицканский огненный плацдарм» издана при содействии и финансовой поддержке общественного движения «Родина-Евразийский союз» и Общественного совета «За Родину» по празднованию в Республике Молдова 70-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

В книге использованы фотографии и документы из фондов Бендерского историко-краеведческого музея, воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны и личные материалы авторов.

Это книга о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. советского народа против фашистских захватчиков. На основе большого количества ранее опубликованных научных исследований, исторических документов, мемуаров советских полководцев, воспоминаний ветеранов войны в книге рассказывается о боях на знаменитом Кицканском плацдарме в 1944 году, роли и значении блистательной наступательной Яско-Кишинёвской операции советских войск в разгроме немецко-румынских захватчиков и освобождении Молдовы от фашизма. Цель книги - увековечить и сохранить память о подвиге советского народа в борьбе с фашизмом, противодействовать попыткам фальсификации истории.

Инициатор и координатор проекта, редактор книги Шаповалов Б. А., доктор философии.

Макетирование и вёрстка Баранецкая Н. И.

ISBN

С «Родина-Евразийский союз».

С Б. Шаповалов, В. Бедрос, В. Перстнёв.

СОДЕРЖАНИЕ

От плацдарма Победы к плацдарму памяти. Обращение председателя Общественного совета «За Родину», председателя общественного движения «Родина – Евразийский союз» И. В. Тулянцева к читателям.....	7
Мой Кицканский плацдарм, или почему я ношу «Георгиевскую ленточку».....	10
Глава 1. Освобождение Тирасполя и Кицкан. Бои за расширение плацдарма (апрель 1944 г.).....	19
1.1. Сообщения Советского Информбюро об освобождении населённых пунктов Молдавии.....	24
1.2. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А.С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.....	26
1.3. Из воспоминаний генерал-полковника Захарова М.В., бывшего начальника штаба 2-го Украинского фронта.....	27
1.4. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В.А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно- исторического журнала.....	28
1.5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А.К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.....	29
1.6. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В.С. и Лескина С.В.....	43
1.7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П.Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.....	47
1.8. Из воспоминаний майора Вязанкина И.А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии.....	51
1.9. Из воспоминаний гвардии майора Бологова Ф.П., бывшего начальника оперативного отделения штаба 20-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии.....	55
1.10. Из воспоминаний полковника Шинкаренко Г.Н., бывшего заместителя командира по политчасти, начальника политотдела 188-й Нижнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии.....	61
1.11. Из воспоминаний полковника Сафонова М.И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии.....	66
1.12. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого».....	69
1.13. Из воспоминаний капитана Чмелёва А.М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.....	76
Глава 2. Активная оборона. Разработка плана наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов и подготовка войск (май-июль 1944 г.).....	79
2.1. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А.С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.....	82
2.2. Из книги бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Кузнецова П.Г. Книга «Маршал Толбухин».....	82
2.3. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С.С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта. Книга «Советский солдат на Балканах».....	90
2.4. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С.С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта. Книга «Суровые годы».....	101

2.5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.....	106
2.6. Из воспоминаний генерал-полковника Захарова М. В., бывшего начальника штаба 2-го Украинского фронта.....	116
2.7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии. Книга «Дни боевые».....	116
2.8. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37 армии.....	119
2.9. Выступление писателя Александра Фадеева перед воинами 188-ой Краснознаменной Нижнеднепровской стрелковой дивизии 37-ой армии на слете бывалых воинов 21 мая 1944 года на Кицканском плацдарме.....	124
2.10. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.....	127
2.11. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.....	129
2.12. Из воспоминаний немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группой армий «Южная Украина».....	142

Глава 3. Подготовка к наступлению с Кицканского плацдарма (август 1944 г.)..... 148

3.1. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.....	155
3.2. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С.С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.....	158
3.3. Из воспоминаний бывшего командующего 37-й армией, генерал-лейтенанта Шарохина М.Н.	164
3.4. Из книги бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Кузнецова П. Г. Книга «Маршал Толбухин».....	165
3.5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.....	169
3.6. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В. А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно-исторического журнала.....	183
3.7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии. Книга «Дни боевые».....	211
3.8. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии.	213
3.9. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В. С. и Лескина С. В., 37 армия.....	215
3.10. Из воспоминаний полковника Сафонова М. И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии 68-го корпуса 57-й армии.....	217
3.11. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.....	220

- 3.12. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.....223
- 3.13. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого».....229
- 3.14. Из воспоминаний немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группой армий «Южная Украина».....232

Глава 4. Удар с Кицканского плацдарма 20 августа 1944 г. Прорыв обороны, окружение и уничтожение немецко-румынской группировки..... 235

- 4.1. Из приказа командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина о переходе войск фронта в наступление242
- 4.2. Из воспоминаний генерал-полковника Штеменко С. М., бывшего начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА243
- 4.3. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.....247
- 4.4. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С. С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.....249
- 4.5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта..... 259
- 4.6. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В. А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно-исторического журнала278
- 4.7. Из воспоминаний гвардии майора Бологова Ф. П., бывшего начальника оперативного отделения штаба 20-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 37 армии.....297
- 4.8. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В. С. и Лескина С. В.....311
- 4.9. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии314
- 4.10. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии319
- 4.11. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого».....323
- 4.12. Из воспоминаний полковника Сафонова М. И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии 68-го корпуса 57-й армии..... 336
- 4.13. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии 341
- 4.14. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.....347
- 4.15. Из воспоминаний немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группы армий «Южная Украина»354

Глава 5. Воспоминания гвардии подполковника Спесивцева Н. В., бывшего командира 1-го стрелкового батальона 282-го гвардейского Варненского стрелкового полка 92-й гвардейской Криворожской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии 359

Глава 6. Итоги и значение Яско-Кишинёвской операции 374

- 6.1. Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Ф.И. Толбухину, генералу армии Р. Я. Малиновскому по случаю освобождения столицы Молдавской ССР г. Кишинёва.....376
- 6.2. Из сообщения Совинформбюро об итогах Яско-Кишинёвской операции Красной армии по окружению немецких войск377

Глава 7. Кицканы. История и память поколений 379

Приложения: 397

1. Список руководящего состава фронтов, армий, флота, флотилии и корпусов, принимавших участие в Яско-Кишинёвской операции.397
2. Командный состав корпусов и дивизий 37-й, 46-й, 57-й армий 3-го Украинского фронта прорвавших оборону противника 20 августа 1944 г. и наступавших с Кицканского плацдарма в ходе Яско-Кишинёвской операции.401
3. Соединения и части, удостоенные правительственных наград за образцовое выполнение заданий командования в ходе Яско-Кишинёвской операции.....404
4. Соединения и части, удостоенные за образцовое выполнение заданий командования в ходе Яско-Кишинёвской операции почётных наименований «Нижнеднестровские» и «Кишинёвские».....406
5. Биографии воинов получивших звание Героя Советского Союза за героизм, проявленный в боях по захвату и расширению Кицканского плацдарма.408
6. Краткая библиография хроники Яско-Кишинёвской операции.416
7. Схемы и карты Яско-Кишинёвской операции и боевых действий на Кицканском плацдарме.
8. Фотолетопись. Командный состав фронта, армий, корпусов и дивизий, принимавших участие в боях на Кицканском плацдарме.
9. Фотолетопись. Массовый героизм советских воинов.
10. Фотолетопись. Кицканы. Память поколений.
11. Фотолетопись. «Родина – Евразийский союз» к 70-летию Победы.

Кицканский огненный плацдарм.

Шаповалов Б. А. – вступительное слово, предисловия к главам книги 1, 2, 3, 4, глава 6, подбор материалов, фотоиллюстраций и приложений, общее редактирование книги.

Бедрос В. Х. – подбор материалов и фотоиллюстраций, глава 7.

Перстнёв В. И. – подбор фотоиллюстраций, редактирование главы 5 и материалы из книги «Жаркий август сорок четвёртого».

ОТ ПЛАЦДАРМА ПОБЕДЫ К ПЛАЦДАРМУ ПАМЯТИ

*Обращение председателя общественного движения
«Родина – Евразийский союз», председателя Общественного
совета «За Родину» по празднованию в Республике Молдова
70-летия Победы в Великой Отечественной войне
1941-1945 гг. И. В. Тулянцева к читателям*

Память того или иного народа о своём происхождении и прошлом является важнейшим видом социальной памяти. Память о своём прошлом помогает понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, яснее представить себе возможное будущее. А главное – она объединяет.

Великая Отечественная война, безусловно, является одной из важнейших опор коллективной памяти народов СНГ (советского народа). Образ той войны и Победы является символом могущества нашего прошлого Отечества, единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп, служит напоминанием об огромном духовном потенциале, которым обладает Россия и братские ей православные народы.

Осознание этого обстоятельства заставляет современных, как западных, так и местных фальсификаторов истории предпринимать всё новые и новые попытки переписать итоги Второй мировой войны. Актуальность объективного осмысления причин, опыта и уроков Великой Отечественной войны советского народа 1941-1945 гг. предопределена масштабами и агрессивностью поднявшейся в последние годы волной фальсификаций и извращений её истории. «Переиграть», «перевоевать» Великую Отечественную войну, кардинально пересмотреть её причины, характер и итоги – вот чего добиваются современные фальсификаторы, прикрывая это пресловутым «новым прочтением» истории.

Западные идеологи стремятся упразднить, ликвидировать, вытравить из сознания людей само понятие «Великая Отечественная война», подставляя на его место такие дефиниции, как «советско-немецкая», «нацистско-советская» война. Сторонниками так называемого «современного прочтения» истории отбрасывается любое напоминание о справедливом, освободительном характере Великой Отечественной, она изображается как «война двух человеконенавистнических режимов», «схватка двух тоталитаризмов». Великую Отечественную объявляют «самым большим мифом» советской эпохи.

История фальсифицируется для того, чтобы современные поколения не знали о том, кто, с кем и почему воевал. Лидеры некоторых европейских стран очень хотят переписать историю, забыть позорный мюнхенский сговор Англии, Франции, Италии и фашистской Германии о разделе Чехословакии в 1938 г., который и послужил катализатором

начала второй мировой войны. Забыть о том, что против СССР воевала не только нацистская Германия, но и ещё девять стран-союзников Германии и огромное число добровольцев из практически всех стран континентальной Европы.

США и Европейскому союзу не нужны сильные и самостоятельные государства на востоке Европы. Им нужны колонии, рынки сырья и рынки сбыта своей продукции. Поэтому сначала они разрушили советское государство, дружбу народов веками живших вместе, для которых понятие «интернациональная дружба» и братство не были простыми словами.

Сегодня они стремятся уничтожить нашу православную религию, нравственные традиционные ценности и все символы, которые когда-то объединяли нас в большую и сильную державу. Они уничтожают, прежде всего, то, что нас объединяет: красное знамя, серп и молот, знамя Победы над фашизмом, Георгиевскую ленту и другие символы единства и гордости за своё прошлое. Они открыто поддерживают неонацистов и различные националистические партии и группировки для того чтобы разъединять нас и управлять нами.

В феврале 2014 г. по инициативе общественного движения «Родина – Евразийский союз» был создан Общественный совет «За Родину» по празднованию в Республике Молдова 70-летия Победы над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. В состав Общественного совета «За Родину» вошло около 70 различных политических партий, неправительственных и этнокультурных организаций, известных общественных деятелей.

Главной задачей Совета стало объединение усилий по проведению мероприятий по празднованию 70-летия Ясско-Кишинёвской операции, освобождения Молдовы от фашизма и 70-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Мы много внимания также уделяем и противодействию различным фальсификациям истории Отечественной войны, организации встреч молодёжи с ветеранами войны, изданию правдивых книг о подвиге советского народа в той страшной войне. Вся работа проводится в тесном взаимодействии с Советом ветеранов Республики Молдова.

В течение 2014 года Советом «За Родину» было проведено более 70-ти различных мероприятий. В 18 городах Молдовы были проведены массовые акции, в ходе которых разворачивалась самая большая в мире Георгиевская лента и Знамя Победы. 5 мая 2014 года такая массовая манифестация с шествием от памятника «Освобождение» до Арки Победы на центральной площади была проведена в Кишинёве. В ней приняли участие более пяти тысяч человек. Мероприятие завершилось разворачиванием самых больших в мире знамени Победы и Георгиевской ленты на центральной площади Кишинёва и большим митингом с участием ветеранов войны.

Организации, входящие в Общественный совет «За Родину», были участниками многотысячных шествий на мемориал «Вечность» в Ки-

шинёве 9 мая, 22 июня и 24 августа, патриотического автомобильного пробега в котором приняло участие более 450 автомобилей и многих других памятных мероприятий. В этом плане следует отметить участие Общественного совета «За Родину» в 2014 г. в проведении пяти круглых столов и научных конференций, издании трёх книг, посвящённых истории освобождения Молдовы.

Организация «Родина – Евразийский союз» вместе с другими членами Общественного совета стала инициатором всех мероприятий по защите памятника «Освобождение» у здания молдавской Академии наук, который кишинёвские власти пытались снести в марте – апреле 2014 г. Было проведено несколько массовых акций протеста, митингов, которые поддержали и политические партии, и ветеранские организации. Общими усилиями памятник нам удалось отстоять.

Большая работа по проведению праздничных юбилейных мероприятий и по сохранению памяти о подвигах наших отцов и дедов проводится нами и в 2015 году. Одним из таких наших больших проектов является издание книги о Кицканском плацдарме, удар с которого советских войск в августе 1944 г. сыграл решающую роль в успешном проведении Яско-Кишинёвской операции, позволил разгромить большую группировку немецко-румынских захватчиков и окончательно освободить советскую Молдавию от фашизма.

Эта книга, сборник документов и воспоминаний ветеранов войны о событиях тех суровых дней, наш ответ фальсификаторам истории. Обращаясь к молодёжи, хочу призвать Вас, читайте воспоминания ветеранов. Они – главные носители правды о Великой Отечественной войне, в которой наш народ был в первых рядах борьбы с фашизмом и стал победителем. И именно об этом рассказывает эта книга. У наших дедов и отцов был не один плацдарм в годы той войны, и все они стали плацдармами Победы. У нас с вами остался только один плацдарм – плацдарм памяти об их подвигах. И мы его должны сохранить в наших сердцах.

Великая Победа – это наша историческая память, наша гордость. В 1945 г. наши деды и отцы были вместе. Вместе мы должны участвовать и в праздничных мероприятиях посвящённых 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

9 мая – особая дата в истории современного молдавского государства. Это дата, напоминающая о нашем славном прошлом, о нашей общей победе над фашизмом. Это особая дата в наших сердцах. Это наш победный плацдарм памяти!

Мой Кицканский плацдарм, или почему я ношу «Георгиевскую ленточку»?

1. Мой Кицканский плацдарм.

Это действительно мой плацдарм. Я родился и провёл детство в Кицканах. В том самом молдавском селе, которое дало в 1944 военном году название знаменитому плацдарму 37-й армии 3-го Украинского фронта на правом берегу Днестра южнее Бендер. Именно с этого огненного, как его впоследствии называли, плацдарма 20 августа 1944 года советские войска нанесли решающий сокрушительный неотразимый удар по врагу в ходе Яско-Кишинёвской наступательной операции.

С детства я слышал рассказы о войне своего отца, других воевавших родственников, односельчан - ветеранов войны. И ещё тогда, когда в 1975 году, заканчивал десятый класс Кицканской средней школы № 1, у меня появилась мечта написать книгу о ветеранах, об их подвигах, о Кицканском плацдарме. Тогда, в школьные годы, под руководством своего учителя истории Шпак Виктора Ивановича, которому я благодарен за выбор профессии, я начал собирать материалы к этой книге. Прошли годы и мечта сбылась.

Когда, мы в общественном движении «Родина-Евразийский союз», обсуждали план мероприятий по достойной встрече 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, я и вспомнил об этой своей давней школьной мечте. Первым, к кому я пришёл с идеей написания книги о Кицканском плацдарме, был лидер движения «Родина – Евразийский союз», председатель Общественного совета «За Родину», мой друг Игорь Викторович Тулянцева, которому я благодарен за то, что он сразу горячо поддержал этот сложный, материально затратный проект и помог его реализовать.

Я благодарен своим партнёрам-соавторам Виолетте Харитоновне Бедрос из Кицкан и Владимиру Игоревичу Перстнёву из Бендер за то, что они откликнулись на моё предложение, и оказали помощь в подборе необходимых материалов и написании отдельных разделов книги.

Как профессиональному историку мне было бы легче и быстрее написать очередной научный исторический труд. Но я понимал, что в таком виде он будет интересен только узкому кругу специалистов. К тому же хотелось собрать для потомков хотя бы часть из множества опубликованных ранее свидетельств участников Яско-Кишинёвской операции. Но большинство из мемуаров военачальников и воспоминаний ветеранов войны посвящены, как правило, всему их боевому пути, хронологически охватывают большие периоды времени и событий. Опубликовать даже часть из них заново не представлялось возможным из-за большого объёма материала. Такой проект сегодня просто не реален из-за больших финансовых затрат.

И только уже в ходе работы над книгой с соавторами проекта при-

шло понимание её окончательного формата. Для того, чтобы книга была интересна и понятна массовому читателю, для того чтобы она была интересна молодёжи, нужен был необычный подход. Я вспомнил, с каким интересом и вниманием мы, школьники, слушали рассказы односельчан, участников Яско-Кишинёвской операции Почтаря Леонида Яковлевича, Шияна Василия Михайловича, Роиков Василия Павловича и Григория Ивановича, Шматок Василия Фёдоровича, военачальников, генералов Шарохина Михаила Николаевича и Блажея Арефы Константиновича, их боевых товарищей о том времени, и о тех событиях. Поэтому решение пришло само собой, мы решили сделать книгу воспоминаний участников Яско-Кишинёвской операции, посвящённых именно событиям на Кицканском плацдарме. Что может быть интереснее и достовернее для современного читателя как свидетельство участников тех исторических событий?

В результате появился увлекательный труд «Кицканский огненный плацдарм», который одинаково интересен и учёному-историку, и простому обычному человеку, интересующемуся историей своего края и Великой Отечественной войны. Это книга составленная из отрывков мемуаров советских военачальников маршалов Советского Союза Малиновского Р. Я., Тимошенко С. К., Бирюзова С. С., Захарова М. В., генералов Штеменко С. М., Шарохина М. Н., Блажея А. К., Желтова А. С., Мацуленко В. А., Кузнецова П. Г., Неделина М. И., Сафонова М. И., ветеранов войны, армейских офицеров Вылиток В. С., Лескина С. Ф., Вязанкина И. А., Чмелёва А. Н., Савельева П. В., Шинкаренко Г. Н., Бологова Ф. П.

В книге о Кицканском плацдарме использованы отрывки из ранее опубликованных книг работника Бендерского историко-краеведческого музея Перстнёва В. И. «Жаркий август сорок четвёртого» и «Огненные плацдармы войны» о событиях касающихся освобождения г. Бендеры.

Также читателям будет интересно познакомиться с отрывками из мемуаров немецкого генерал-полковника, командующего группы армий «Южная Украина» Ганса Фриснера.

Есть несколько моментов, которые следует учитывать при чтении книги и они не являются ошибками.

Как правило, в большинстве воспоминаний днестровский плацдарм южнее Бендер называется «кицканский». Но отдельные авторы воспоминаний иногда используют и названия «копанский плацдарм» или «копанско-кицканский плацдарм». Это связано с тем, что плацдарм был большим и на нём располагались три населённых пункта: Кицканы, Копанка и Меренешты. Также плацдарм в летние месяцы 1944 года советские воины называли часто по названиям сёл, где располагалась их дивизия, воинское подразделение. Официальное название плацдарма, которое используется во всех фронтовых документах, и под которым он вошёл в историю Великой Отечественной войны - Кицканский плацдарм.

В книге используются оригинальные тексты авторов воспоминаний,

и документы военных лет, поэтому наименования населённых пунктов не всегда соответствуют узаконенным современным нормам написания. Некоторые населённые пункты сегодня называются по-другому, а отдельных уже нет, так как они стали частью других населённых пунктов. К примеру, село Колкотова балка сегодня микрорайон г. Тирасполя, а село Плавни – микрорайон посёлка шёлкового комбината в г. Бендеры.

В письменных воспоминаниях авторов указываются их воинские звания, которые были у них в период Яско-Кишинёвской операции, а в подписях к фотоиллюстрациям указаны их последние воинские звания.

Отдельные стрелковые дивизии в апреле-августе 1944 г. входили в подчинение различных стрелковых корпусов, как и отдельные корпуса, в ходе боевых действий переходили в подчинение от одной армии к другой. Поэтому даже у одного автора воспоминаний может быть указано разное подчинение их соединений. В зависимости от того какой период боевых действий описывается. К примеру, 66-й стрелковый корпус был первоначально в подчинении 6-й армии и размещался на левом фланге Кицканского плацдарма. А с июня 1944 г. был переподчинён 37-й армии и воевал там же.

92-я гвардейская Криворожская Краснознамённая стрелковая дивизия освобождала Кицканы 12 апреля 1944 г, находясь в составе 57-го стрелкового корпуса, а со второй половины апреля была передана в состав 82-го стрелкового корпуса. И таких изменений в то время было много, особенно накануне начала Яско-Кишинёвской операции, когда происходила большая перегруппировка войск. Отдельные дивизии в середине августа даже снимались с Варницкого плацдарма и для наступления перебрасывались на Кицканский плацдарм.

Военные действия 37-й армии, как основной ударной силы 3-го Украинского фронта, провоевавшей на плацдарме четыре месяца и прорывавшей оборону на Кицканском плацдарме описаны довольно полно в многочисленных воспоминаниях полководцев и рядовых воинов. К сожалению, командующие 46 и 57-й армий, командиры корпусов и дивизий, входящих в их состав в период весны - лета 1944 г. практически не оставили своих воспоминаний о тех событиях. Поэтому действия этих армий на Кицканском плацдарме освещены недостаточно.

Особо хочется отметить то, что в нашем сборнике впервые публикуются воспоминания и уникальная схема расположения войск на Кицканском плацдарме подполковника Спесивцева Николая Владимировича, бывшего командира 1-го стрелкового батальона 282-го гвардейского Варненского стрелкового полка 92-й гвардейской Криворожской Краснознамённой стрелковой дивизии, которые нам удалось найти в фондах Бендерского музея.

Авторы выражают благодарность директору Бендерского историко-краеведческого музея Ирине Георгиевне Смирновой за возможность использования при работе над книгой фотографий и документов из фондов музея.

Также мне хочется поблагодарить за помощь в работе над макетом книги и фотоматериалами Баранецкую Наталью Ильиничну, и, конечно же, свою жену Татьяну Михайловну Шаповалову за терпение и моральную поддержку в работе над этим проектом.

2. Почему я ношу георгиевскую ленточку?

Колодка медали «За победу над Германией», которой были награждены фронтовики в победном мае 1945 года, имеет, как и «солдатский» советский орден Славы цвета так называемой, «Георгиевской ленты». С тех первых, послевоенных дней символом Победы над фашистской Германией, наряду с красным знаменем Победы, стала и «Георгиевская» лента с этой дорогой каждому ветерану победной медали. Многие годы она неоднократно использовалась на плакатах, праздничных открытках, приветственных адресах. Наибольшую популярность в силу ряда идеологических причин Георгиевская лента как символ Победы над фашизмом приобрела уже после развала Советского Союза. А с 2005 года эта ленточка стала мощным международным идеологическим символом объединения бывших советских народов. Этот символ в последние годы приобретает всё большую популярность в мире и приобретает совершенно новое идеологическое значение.

Георгиевскую ленточку, как сын ветерана той войны я ношу по нескольким причинам.

Во-первых, потому что для меня это не просто модный современный антифашистский символ, а символ моей памяти об отце, ветеране и инвалиде Великой Отечественной войны. На его медали «За победу над Германией», которую я берегу, именно эта лента.

Мой отец, Шаповалов Андрей Федосеевич, 1926 года рождения, семнадцатилетним пареньком был призван на службу в ряды РККА (Рабоче-Крестьянской Красной Армии – так она тогда называлась) Песчанским районным военным комиссариатом Винницкой области Украинской ССР сразу же после освобождения родного села от фашистов. Участвовал в Великой Отечественной войне с апреля 1944 г. по апрель 1945 г. Военную присягу принял в учебном подразделении 1241-го артиллерийского полка.

Служил командиром отделения (помощником командира взвода) разведки роты управления 1241 гаубичного артиллерийского полка 177-ой гаубичной артиллерийской бригады 24-ой артиллерийской ордена Суворова дивизии прорыва РКК (Резерва Главного командования). Эта дивизия выполняла специальные задания Главного командования советской армии по прорыву фашистской обороны и участвовала в боевых действиях на разных фронтах. Поэтому отец воевал в Польше, Германии и Чехословакии. Как правило, полки тяжёлой артиллерии находились в 3-10 километрах от передовой. Их задачей было разрушение оборонительных сооружений, подавление долговременных огневых точек, больших скоплений техники и живой силы противника, поддержка ар-

тиллеристским и миномётным огнём своих наступающих войск. Задачей разведчиков - наблюдателей была корректировка огня батарей полка и дивизиона. Поэтому отец со своими боевыми товарищами – разведчиками находился в пехотных подразделениях на переднем крае, а иногда на нейтральной полосе или в тылу противника.

19 апреля 1945 г. на территории Чехословакии юго-западнее города Ратибор у населённого пункта Хабичов при возвращении из ночной разведки по тылам противника, рано утром сержант Шаповалов со своим напарником попал в засаду и был тяжело ранен в левую ногу и правую руку. Почти целый день пролежал на нейтральной полосе с перебитой ногой, пока свои не вытащили. Бой за него шёл яростный. Немцы любой ценой пытались добить или захватить разведчика, а советские воины защитить. Это уже был победный 1945 год – дрались за каждого бойца до конца. Лечился в госпитале в Польше. Вернулся в родное село в июле 1945 года по демобилизации из рядов Вооружённых сил в связи с инвалидностью. Инвалид III группы Великой Отечественной войны. Награждён орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу» и «За победу над Германией». Поэтому «Георгиевская ленточка», с отцовской фронтовой медали «За победу над Германией» является для меня символом Победы советского народа в Великой Отечественной войне и символом мужества и героизма моего отца.

Во-вторых, георгиевская ленточка - это символ памяти и уважения к друзьям отца, моим землякам, моим школьным и студенческим учителям, ветеранам войны.

Я родился и окончил среднюю школу в селе Кицканы. Здесь в годы Великой Отечественной войны, в апреле-августе 1944 года, находился самый большой плацдарм советских войск на правом берегу Днестра, сыгравший важнейшую роль в Ясско-Кишинёвской наступательной операции, и соответственно, в успешном освобождении Молдавии от немецко-румынских войск.

Все школьные годы я вместе со своими одноклассниками принимал самое активное участие в работе школьного поискового отряда. Мы искали заброшенные могилы в лесу и по берегу Днестра, переносили останки погибших воинов в братскую могилу села, проводили работу по установлению их имён и фамилий, переписывались с родственниками павших воинов. Это была многолетняя кропотливая работа нескольких школьных поколений.

Книга памяти захороненных в Братских могилах села Кицканы насчитывает фамилии 1 494 солдат, сержантов и офицеров, погибших в боях на днестровском плацдарме и захороненных в Кицканах. 1 700 воинов захоронено в Братских могилах села Копанка. И в общей сложности ещё около 3 000 воинов, погибших в боях на плацдарме захоронены на мемориальных комплексах Бендер, Тирасполя, Киркаешт, Хаджимуса, Терновки, Карагаша, Суклеи и Слободзеи.

Ежегодно, 9 мая на Кицканский мемориал, благодаря нашей кропот-

ливой поисковой работе, приезжало человек по 10-20 родственников погибших воинов. Они проживали в семьях учителей и учеников нашей школы. Эта работа, встречи и беседы с родственниками павших героев Отечественной войны остались в памяти на всю жизнь. Мы, члены поискового отряда гордимся тем, что нескольких воинов нам удалось «воскресить». Это когда наши следопыты написали родственникам погибших воинов о месте их захоронения, а они в действительности оказались живы и умерли уже в послевоенные годы. Это Иван Владимирович Гулида из Свердловска и Степан Миронович Дроздов из Завадовска.

Разыскивая родственников погибшего солдата Голота Владимира Митрофановича мы неожиданно нашли его самого. Оказывается, во время боя, он был тяжелого ранен и засыпан землёй от разорвавшегося рядом снаряда. В своей части его посчитали убитым и отправили домой похоронку. А бойцы из другой дивизии, наступавшей следом, откопали раненого и отправили в госпиталь. Войну он закончил в Германии, и потом жил на Украине не зная о том, что официально «захоронен» как погибший в молдавском селе Кицканы.

Вот, что нам, красным следопытам из Кицканской средней школы №1, рассказал при встрече в Кицканах 9 мая 1970 года «воскресший из мёртвых» Владимир Митрофанович: «Во время боя недалеко от меня разорвался вражеский снаряд. Из под ног во все стороны полетела земля, и взрывная волна догнала, подбросила высоко над землёй, бросила на камни и засыпала сверху землёй. Рядом упали друзья. Санитары вынесли их, тяжело контуженных, с поля боя и отправили в госпиталь. А после боя рядом со снарядной воронкой нашли обрывки моей одежды и солдатский «паспорт» с именем, фамилией и номером части. Соответственно, в моём полку меня посчитали убитым, вычеркнули из списков живых и отправили домой похоронку. А я отлежал пару месяцев в госпитале и опять вернулся на фронт и дошёл до фашистского логова».

Вот так попало имя Владимира Голота на мрамор братского надгробья в Кицканах. 9 мая 1970 года Владимир Митрофанович побывал у нас в Кицканах, и во время многолюдного митинга, в присутствии тысяч людей сам молотком и зубилом выбил свою фамилию с мраморной плиты мемориала. Никогда не забуду глаз этого ветерана, глаз полных слёз скорби за своих погибших однополчан, и одновременно слёз радости и гордости.

Я вырос на рассказах близких и дорогих мне людей о войне и подвигах советских воинов. Это мои дяди – ветераны войны.

Пехотный старший лейтенант Юркин Владимир Семёнович, вернувшийся с фронта без левой руки, и ставший руководителем одного из первых кицканских колхозов, а затем долгие годы работавший бригадиром и заведующим перевалкой.

Холодный Григорий Иванович, гвардии сержант, воевавший в артиллерийских частях. В армии с октября 1940 года, принимал участие ещё в Финской войне, а Великую Отечественную войну прошёл с июня

1941г. по май 1945 г. Награждён орденом Красной звезды и четырьмя боевыми медалями. Механик-водитель плавающего бронетранспортёра 9-го гвардейского тяжёлого артиллерийского полка 20-й гвардейской тяжёлой артиллерийской бригады. В Кицканах, коммунист Холодный был председателем сельсовета, бригадиром, заведующим животноводческой фермой колхоза «Красный садовод».

Пехотный старшина Шаповалов Михаил Федосеевич, провоевавший почти всю войну, и ставший первым директором Кицканской средней школы. Мои родственники воевали на разных фронтах и в разных войсках. Каждый делал на фронте и в жизни то, что мог. Но всех их объединяла любовь к своей Родине, народу и стремление достойно прожить свою жизнь.

С большой любовью и уважением вспоминаю уроки жизни моих школьных директоров и учителей-ветеранов войны, которые оставили неизгладимый след в душе. Это Панченко Юрий Петрович, Нисиченко Пётр Павлович, который был инициатором сооружения мемориала Обелиск Славы и музея Яско– Кишинёвской операции в Кицканах и его жена, учитель русского языка Елена Михайловна, математик, завуч моей школы Вихрачёв Мир Никитович, бессменный руководитель нашего поискового отряда.

Это мои институтские преподаватели – ветераны: русские Ульянов Василий Павлович, Сафонов Александр Васильевич, Суровцева Мария Антоновна, Кадакин Михаил Иванович, молдаване Гинсарь Александр Васильевич и Дзюбинский Аркадий Николаевич, белорус Калинин Марат Александрович, еврей Пилат Исидор Натович.

О каждом из них можно написать книгу. К примеру, восемнадцатилетний командир танкового разведывательного взвода, лейтенант Марат Калинин несколько раз горел в танке. Воевал так, что всего за год участия в боевых действиях за храбрость был награждён четырьмя орденами и двумя медалями. В мирное время стал кандидатом исторических наук, доцентом, написал много интересных книг и воспитал несколько поколений молдавских учителей. Почти все мои учителя - наставники уже ушли из жизни. В память о них я и пишу Георгиевскую ленточку.

В третьих. Я пишу Георгиевскую ленточку в память о тысячах однополчан, не доживших до Победы.

Так сложилась моя судьба, что после окончания Кишинёвского педагогического института мне посчастливилось служить в 92-ой гвардейской Криворожской Краснознамённой учебно-мотострелковой дивизии, которая 12 апреля 1944 года освободила в числе других воинских соединений 37-й армии Тирасполь и моё родное село Кицканы, и до 20 августа 1944 года воевала на Кицканском огненном плацдарме.

Моя гвардейская дивизия была сформирована в марте 1943 года, в городе Купянске из бойцов 149-й и 12-й гвардейской стрелковых бригад, участвовавших в Сталинградской битве.

Летом 1943 г. бойцы дивизии участвовали в боях под Прохоровкой,

потом под Харьковом, Полтавой, Вознесенском, Первомайском. В 1943 г. освободили город Кривой Рог, за что дивизия получила почётное наименование «Криворожская». Форсировали Днепр в районе населенного пункта Мишуриин Рог. Вскоре дивизия была награждена орденом Красного Знамени. В 1944 г. сражалась за освобождение правобережной южной Украины, Молдавии, Румынии. Войну закончила в Болгарии. 48 воинов дивизии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

В мирное время я служил в 175-м гвардейском отдельном батальоне связи и в 332-м гвардейском мотострелковом полку этой дивизии. Мы, военнослужащие мирного времени воспитывались на подвигах своих однополчан и свято хранили традиции гвардейцев – криворожцев. В числе лучших военнослужащих в 1982 году я был занесён в Книгу Почёта 332-го гвардейского ордена Красной звезды учебного мотострелкового полка.

В-четвёртых. Георгиевская ленточка - символ уважения к страданиям и смерти почти 27 миллионов жертв фашистского нашествия на СССР, страну, в которой я родился.

В той войне погибло более 600 тысяч молдаван, в том числе более 70-ти из 250 воевавших моих земляков из родного, молдавского многонационального села Кицканы, давшего имя знаменитому плацдарму. Около 400 тысяч граждан Молдовы воевало в рядах советской армии против фашистской нечисти, и около четверти из них погибли. Из молдаван, воевавших в Красной Армии, каждый четвёртый был добровольцем. За все годы фашистской оккупации в 1941-1944 гг. в румынскую армию было с большим трудом мобилизовано 28 тысяч молдаван–бессарабцев. И то, до начала 1943 года, до гибели двух румынских армий под Сталинградом, молдаван, как и русских, украинцев, гагаузов и болгар, живших на территории Бессарабии, как неблагонадёжные элементы в румынскую армию вообще не призывали. Из этих 28 тысяч призванных в румынскую армию молдаван, более 16 тысяч, в последствии добровольно перешли в Красную Армию. Остальные просто не успели этого сделать, так как в конце августа 1944 года остатки румынской армии перешли на сторону антигитлеровской коалиции.

В 1944 году молдаване с цветами встречали армию освободителей и помогали ей, чем могли, и более 257 тысяч человек влились в ряды Красной Армии после освобождения от фашистской оккупации.

Что бы сегодня ни говорили и не писали фальсификаторы истории Второй мировой войны, но факты остаются фактами. 22 июня 1941 года румынская армия вместе с войсками нацистской Германии перешла границу Советского Союза и дошла до Сталинграда, где была полностью разгромлена вместе с 6-й немецкой армией фельдмаршала Паулюса.

В августе 1944 года возрождённая 6-я немецкая армия «мстителей» вместе с 8-й немецкой армией и двумя румынскими армиями (3-я и 4-я армии) вторично были разгромлены в ходе Яско - Кишинёвской

наступательной операции. На заключительном этапе этой операции, 29 августа 1944 года на стороне советской армии в бой вступила 1-я Краснознамённая Дебреценская румынская добровольческая пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, укомплектованная в СССР из румынских военнопленных и воевавшая, впоследствии, против немцев, в составе 2-го Украинского фронта в Румынии, Венгрии и Чехословакии.

В результате антифашистского вооружённого восстания, которое вспыхнуло в самый разгар Яско-Кишинёвской наступательной операции советских войск, 23 августа 1944 г. в Бухаресте были арестованы румынский диктатор Ион Антонеску и его ближайшие соратники, которых позднее судил румынский народ за совершённые преступления. Остатки румынской армии перешли на сторону антифашистской коалиции и на завершающем этапе войны приняли участие в боях против немецких войск уже в составе советского фронта.

Вечный огонь горит на наших воинских мемориалах и вместе с ним горит вечно наша память, наше духовное начало - всех тех, кто помнит героизм своих отцов и дедов, кто искренне благодарен тем, кто отдал за наше светлое настоящее свои жизни в борьбе с нацизмом.

Никто не забыт, ничто не забыто. «Георгиевская ленточка» объединяет миллионы антифашистов по всему миру. Для многих наших братьев Георгиевская ленточка сегодня - опора в борьбе за человеческое достоинство и честь в самом высоком смысле этих слов. Георгиевская ленточка - ещё одно напоминание, какой ценой для нас завоёвана победа. Лента стала символом общенародного уважения к воинам-победителям, Великой Победы, Великого Подвига, знаком примирения народов и объединения поколений. Если война коснулась твоей семьи. Если ты знаешь, какой ценой досталась нам Победа. Если ты гордишься своей историей, своей страной, своей семьёй. Если ты помнишь, то присоединяйся к нам, с гордостью носи символ Победы над фашизмом!

С уважением,

***Борис Шаповалов, заместитель председателя движения
«Родина – Евразийский союз», доктор философии,
сын ветерана Великой Отечественной войны.***

Глава 1. Освобождение Тирасполя и Кицкан. Бои за расширение плацдарма (апрель 1944 г.)

Освобождение Тирасполя и Кицкан от фашистских захватчиков произошло в середине апреля 1944 года в ходе зимне-весеннего наступления Красной армии на всех фронтах.

5 марта – 17 апреля прошла **Уманско-Ботошанская фронтовая наступательная операция советских войск 2-го Украинского фронта**, которая являлась составной частью Днепровско-Карпатской стратегической операции. Она завершилась почти полным разгромом 8-й немецкой армии.

Уманско-Ботошанская операция является одной из самых успешных наступательных операций советских войск. Фронт группы армий «Юг» был рассечён, 10 дивизий противника потеряли от 50 до 75 процентов личного состава и почти всё тяжёлое вооружение, ещё 13 немецких и 3 румынских дивизии понесли большие потери. Генерал-фельдмаршал Манштейн за разгром своих войск 31 марта был снят с должности и уволен в отставку. Немногим более чем за месяц боёв советские армии продвинулись на 200 - 250, а местами почти на 320 километров, освободили огромную территорию Правобережной Украины и примерно треть территории Молдавской ССР, заняли северо-восточные районы Румынии. Хотя советским войскам не удалось окружить 8-ю немецкую армию, она оказалась по существу полностью разгромленной, также огромные потери понесли войска правого фланга 1-й немецкой танковой армии. Были созданы условия для успешных действий войск 3-го Украинского фронта в Одесской операции, а в более долгосрочной перспективе - для полного уничтожения южного фланга немецких войск в Яско-Кишиневской операции.

17 марта передовые части войск правого крыла 2-го Украинского фронта захватили плацдармы на правом берегу Днестра южнее Могилёва - Подольского. Так началось освобождение Молдавской ССР. В марте были освобождены города Сороки, Бельцы, Окница, Единцы, Рышканы, практически весь север Молдовы. Развивая наступление с плацдарма на р. Днестр, 27-я и 52-я армии совместно с соединениями 2-й и 6-й танковых армий устремились к р. Прут и 26 марта на 85-км фронте севернее Унген вышли на государственную границу СССР.

В ночь на 28 марта войска фронта, преследуя противника, форсировали р. Прут и перенесли боевые действия на территорию Румынии. К середине апреля они достигли своим правым крылом Карпат, овладев Ботошани, центром вышли на подступы к Яссам, а левым крылом - на подступы к Кишинёву. Немецко-фашистское командование, чтобы спасти от полного развала южное крыло своего фронта, перебросило на это направление 18 дивизий и 3 бригады. Войска 2-го Украинского фронта, испытывая нарастающее сопротивление противника, в середине апреля закрепились на достигнутом рубеже.

Параллельно с Уманско-Ботошанской операцией проводилась Одесская наступательная операция (26 марта - 14 апреля 1944 г.) 3-го Украинского фронта.

Одесская операция 1944 года - военная операция войск 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского (при содействии сил Черноморского флота под командованием адмирала Ф. С. Октябрьского), также проходила в рамках Днепровско-Карпатской стратегической наступательной операции (24 декабря 1943 - 17 апреля 1944). Целью операции являлся разгром приморской группировки противника между реками Южный Буг и Днестр, освобождение северо-западного побережья Чёрного моря, включая город-порт Одессу и выход к линии государственной границы СССР с Румынией.

Еще в ходе Березнеговато-Снигирёвской операции командующий войсками 3-го Украинского фронта получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), в которой указывалось, что в связи с успешным наступлением 2-го и 3-го Украинских фронтов войска 3-го Украинского фронта должны преследовать отходившего противника. Ближайшая задача заключалась в том, чтобы не допустить отхода противника за реку Южный Буг и, захватив переправы на участке Константиновка, Вознесенск, не дать противнику организовать оборону на р. Южный Буг. В дальнейшем должны были овладеть городами Тирасполь и Одесса, освободить северо-западное побережье Черного моря и продолжать наступление с целью выхода на р. Прут и северный берег р. Дунай, на государственную границу СССР с Румынией.

План Одесской операции разрабатывался командующим войсками фронта генералом армии Р. Я. Малиновским совместно с представителем Ставки ВГК Маршалом Советского Союза А.М. Василевским. 19 марта он был утвержден Верховным Главнокомандующим.

Перегруппировка войск 3-го Украинского фронта и подготовка Одесской операции проводилась в весеннюю распутицу, да еще и под проливными дождями. В целях повышения подвижности войск, быстрого обхода узлов сопротивления и опорных пунктов врага, выхода им в тыл и захвата важных узлов дорог, переправ и мостов на реках в дивизиях создавались подвижные передовые отряды в составе до роты автоматчиков, взвода саперов на автомашинах, с одним-двумя 45-мм орудиями или самоходно-артиллерийскими установками.

28 марта советские войска освободили Николаев. В сложившихся условиях командованию 6-й немецкой армии не оставалось ничего, кроме как начать отход. Тем временем войска фронта в начале апреля заняли станцию Раздельная, затем был освобождён Очаков. Силы противника попали в окружение. В результате ожесточенных боев 10 апреля была освобождена Одесса. Но большей части немецкой 6-й армии удалось пробиться на запад и переправиться через Днестр.

Части 37-й армии в ночь на 12 апреля освободили от противника город Тирасполь и захватили плацдарм юго-западнее города до 2 км

по фронту и до 1,5 км в глубину. К исходу 12 апреля плацдарм был расширен по фронту до 16 км и в глубину от 6 до 10 км. В течение апреля этот плацдарм будет значительно расширен и получит название Кицканского плацдарма.

Сёла Кицканы, Мереншты и Копанка на правом берегу Днестра юго-западнее Тирасполя и Бендер были освобождены частями 37-й армии в один день с Тирасполем - 12 апреля 1944 года.

В оперативной сводке Совинформбюро сообщение об освобождении Кицкан и Копанки прозвучало 16 апреля 1944 года в связи с информацией о боях по активному расширению захваченного плацдарма. В связи с этим в некоторых источниках дата освобождения Кицкан и Копанки указывается ошибочно.

Само село Кицканы было освобождено в ходе упорного ожесточённого боя к обеду 12 апреля 1944 года, соединениями 82 – го стрелкового корпуса под командованием генерал-майора Кузнецова Павла Григорьевича в составе:

- 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии (генерал-майор Чурмаев Георгий Иванович);
- 188-й Нижнеднепровской Краснознамённой стрелковой дивизии (полковник Сенин Сергей Семёнович, заменивший раненого 11 апреля комдива полковника Даниленко Василия Яковлевича);
- 10-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова 2 степени воздушно-десантной дивизии (полковник Петрушин Андрей Никитович).

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками и проявленное мужество, отвагу при форсировании р. Днестр было присвоено звание Героя Советского Союза 3-м воинам 24-го воздушно-десантного полка 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии: разведчику, гвардии старшему сержанту Маркину Ф. Д., командиру сапёрного взвода, гвардии старшему лейтенанту Наумову И. Е., командиру взвода пешей разведки, гвардии лейтенанту Ручину А. С.

В Кицканы и Мереншты также переправилась 92-я гвардейская Криворожская Краснознамённая стрелковая дивизия (полковник Матвеев Митрофан Ильич), входившая в то время в 57-й стрелковый корпус (генерал-майор Остащенко Фёдор Афанасьевич). С 17 апреля 1944 года 92-я гвардейская стрелковая дивизия была переподчинена 82-му стрелковому корпусу, так как находилась в полосе его наступления на Кицканском плацдарме южнее Бендер с утра 12 апреля. Остальные дивизии 57-го стрелкового корпуса принимали участие в боях на Варницком плацдарме севернее Бендер.

Также в Кицканы и Копанку форсировав Днестр, переправилась 20-я гвардейская Криворожская Краснознамённая ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Дрейера Николая Михайловича, входившая в 6-й гвардейский стрелковый корпус (генерал-майор Котов Григорий Петрович).

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками и проявленное мужество, отвагу при форсировании р. Днестр было присвоено звание Героя Советского Союза двум воинам 20-й гвардейской стрелковой дивизии: командиру расчёта станкового пулемёта гвардии сержанту 60-го стрелкового полка Карпову И. П. и командиру стрелкового взвода, гвардии младшему лейтенанту 55-го стрелкового полка Кузнецову Г. С.

В Копанку на плацдарм в ночь с 11 на 12 апреля первой переправилась через Днестр 195-я Новомосковская Краснознамённая стрелковая дивизия (полковник Шапкин Иван Сергеевич), входившая в 6-й гвардейский стрелковый корпус, которая в тот же день, 12 апреля, после упорных боёв подошла к Леонтино, захватив плацдарм шириной в 12 км и глубиной в 9 -11 км.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронтах борьбы с немецкими захватчиками и проявленное мужество, отвагу при форсировании р. Днестр было присвоено звание Героя Советского Союза командиру батальона 573-го стрелкового полка 195-й стрелковой дивизии старшему лейтенанту Шарикову Н. Г.

К вечеру 12 апреля на Кицканский плацдарм переправились все дивизии 82-го стрелкового и 6-го гвардейского стрелкового корпусов, 92 гвардейская Криворожская Краснознамённая стрелковая дивизия 57-го стрелкового корпуса 37- армии с намерением освободить Бендеры и продолжить наступление в направлении Прута.

Сёла Кицканы, Копанка и Меренешты были освобождены в ходе упорных ожесточённых боёв 12 апреля 1944 года. До 15 апреля советские войска вели непрерывные бои по расширению захваченного плацдарма. После некоторого перерыва ожесточённые бои возобновились опять и продолжались до конца апреля. С 1 мая советские войска на достигнутых рубежах на Кицканском плацдарме перешли к активной обороне, как и все войска фронта вплоть до 20 августа 1944 г.

Наступавшая южнее 46-я армия к исходу 11 апреля вышла на восточный берег Днестра в районе к югу от Чобручи и 12 апреля силами разведывательных подразделений форсировала Днестр в 3 км юго-восточнее Раскайцы.

Дальнейшее наступление войск 3-го Украинского фронта было приостановлено Ставкой ВГК, которая 14 апреля приказала перейти к обороне на достигнутом рубеже с расширением захваченных плацдармов на правом берегу Днестра.

В результате Одесской операции советские войска нанесли тяжелое поражение немецкой 6-й и румынской 3-й армиям. Противник потерял за время операции свыше 27 тыс. человек убитыми и более 11 тыс. человек пленными, 952 орудия, 443 танка и штурмовых орудия, 95 складов с боеприпасами и продовольствием.

Продвижение советских войск составило до 180 км, были освобождены Николаевская и Одесская области Украинской ССР, а также зна-

чительная часть Молдавии. Потери фронта в боях с 20 апреля по 10 мая составили 32633 человека, из них безвозвратные – 6882.

В результате Одесской операции Черноморский флот получил возможность перебазировать в северо-западный бассейн Черного моря легкие силы флота и авиацию, что создавало угрозу изоляции с моря крымской группировки противника, блокированной советскими войсками с суши. Захватив плацдармы на правом берегу Днестра, войска 3-го Украинского фронта создали благоприятные предпосылки для наступления в целях завершения освобождения Молдавии и переноса военных действий на территорию Румынии и Балканы.

Вместе с тем следует признать, что 3-й Украинский фронт так и не смог выйти на государственную границу с Румынией. Противнику удалось отвести часть сил немецкой 6-й и румынской 3-й армий на правый берег Днестра и оказать на этом рубеже упорное сопротивление.

Наступление на Правобережной Украине и в Крыму закончилось выдающейся победой Красной Армии. Ее доблестные войска нанесли тяжелое поражение крупнейшей группировке врага. С конца декабря 1943 г. и до середины мая 1944 г. они разгромили 99 дивизий и 2 бригады, из них 22 дивизии и 1 бригаду уничтожили. Из рук фашистских захватчиков были вырваны важные экономические районы страны. Коренным образом изменилась стратегическая обстановка на юге. Советские армии вышли к Карпатам и тем самым расчленили фронт обороны противника, нарушив взаимодействие его войск, расположенных севернее и южнее Карпатских гор. Под угрозой ударов Красной Армии оказались районы, имевшие для Германии большое военно-политическое значение, а также районы, снабжавшие ее стратегическим сырьем. Черноморский флот, возвратившись на свои основные базы, создал реальную угрозу побережью Румынии. Практически противник уже не мог пользоваться проливами Босфор и Дарданеллы.

В операциях на юге с новой силой проявились высокая боеспособность и возросшая мощь Советских Вооруженных Сил. Выдающиеся успехи были достигнуты в чрезвычайно трудных условиях. Раскисшие поля, разлившиеся реки и ручьи замедляли продвижение войск, сковывали их маневр. Автомшины, тягачи, даже танки застредали в непролазной грязи. Очень сложным было положение с аэродромами, с доставкой переправочных средств для форсирования рек. Огромные усилия приходилось затрачивать, чтобы расчистить дороги от разбитой, а также брошенной врагом боевой техники.

Превосходство советского военного искусства над немецким, по существу, было признано и самим германским главнокомандованием. Гитлер снял с постов командующих группами армий Манштейна и Клейста. Многие фашистские генералы - командиры дивизий и коменданты городов - были арестованы и преданы суду. Одними из решающих условий победы, достигнутой на Правобережной Украине и в Крыму, явились высокий наступательный порыв советских войск, их стойкость и героизм.

В связи с вступлением Красной Армии в Румынию Советское правительство 2 апреля заявило, что «оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника». Это заявление со всей четкостью и определенностью показывало, что СССР оставляет за освобождаемыми народами право самим решать свою судьбу. 12 апреля Румынии были предложены гуманные условия перемирия. Но антинародное правительство Антонеску, связав судьбу страны с Гитлером, отказалось принять их и тем самым обрекло себя на окончательное поражение и полный крах.

1. Сообщения Советского Информбюро об освобождении населённых пунктов Молдавии.

(Текст документов оригинальный, поэтому наименования населённых пунктов не всегда соответствуют узаконенным современным нормам написания).

Из оперативной сводки за 11 апреля 1944 г.
(Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6. С.178.
<http://1941-1945.at.ua/forum/29-294-1>)

На КИШИНЁВСКОМ направлении наши войска с боями продвигались вперёд и заняли более 30 населённых пунктов, в том числе ГАРТОП, ГЛИННОЕ, КАРМАНОВО, ПАВЛОВКА, ШИБКА, КОМАРОВКА, НОВО-АЛЕКСАНДРОВКА.

На ТИРАСПОЛЬСКОМ направлении наши войска с боями продвигались вперёд и овладели районным центром Молдавской ССР СЛОБОДЗЕЯ МОЛДАВАНСКАЯ, а также заняли более 100 других населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты КАССЕЛЬ, ПЛОСКОЕ, СЛАВЯНОСЕРБКА, ГРЕБЕНИКИ, КОНСТАНТИНОВКА, ВЛАДИМИРОВКА, БЛИЖНИЙ ХУТОР, СУКЛЕЙ, КАРАГАШ, СЛОБОДЗЕЯ РУССКАЯ, ЧОБРУЧИ, ГЛИННОЕ, КОРОТКОЕ, НЕЗАВЕРТАЙЛОВКА, и железнодорожную станцию НОВО-САВИЦКАЯ. Наши войска вплотную подошли к городу ТИРАСПОЛЬ и завязали бои на его окраинах.

К югу и юго-западу от города ОДЕССА наши войска, продолжая наступление, овладели населёнными пунктами ГРОСС-ЛИБЕНТАЛЬ, КЛЕЙН-ЛИБЕНТАЛЬ, ДЕРИБАСОВКА, СРЕДНИЙ и БОЛЬШОЙ ФОНТАН.

Из оперативной сводки за 12 апреля 1944 г.
(Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6. С. 180)

На КИШИНЁВСКОМ направлении наши войска овладели районными центрами Молдавской ССР городом ДУБОССАРЫ, городом ГРИГОРИОПОЛЬ, а также с боями заняли более 30 других населённых пунктов, в том числе крупные населённые пункты ДОМНИЙ, ПЯТРА,

ТРЕБУЖЕНЬ, МАРКАУЦЬ, МАЛОВАТОЕ, КУЧЕЕР, КОРЖЕВО, ЛУНГА, ТАШЛЫК, БУТОР, СПЕЯ, ТОКМОДЗЕЯ, МАЛАЕШТЫ, КРАСНАЯ ГОРКА, ПАРКАНЫ, ТЕРНОВКА.

Войска 3-го УКРАИНСКОГО фронта в результате ночного штурма овладели городом ТИРАСПОЛЬ – важным опорным пунктом обороны немцев на реке ДНЕСТР.

Юго-западнее города ОДЕССА наши войска вели наступательные бои, в ходе которых овладели населёнными пунктами КАЛАГЛЕЯ, АЛЕКСАНДРОВКА, БУРЛАЧЬЯ БАЛКА, ЛЮСТДОРФ, ИЛЬИЧЁВКА и железнодорожной станцией АККАРЖА.

Из оперативной сводки за 15 апреля 1944 г.

(Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6. С. 187)

ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА И ТРОФЕИ ВОЙСК 3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД БОЕВ С 25 МАРТА ПО 12 АПРЕЛЯ С. Г.

Войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Малиновского в результате проведённых наступательных операций от Южного Буга до Днестра с 25 марта по 12 апреля нанесли противнику следующие потери в живой силе и технике:

Уничтожено: танков и самоходных орудий - 42, орудий разного калибра - 199, миномётов - 83, пулемётов - 589, автомашин и тягачей - 436. Противник оставил на поле боя 26.800 трупов солдат и офицеров.

За это же время войска 3-го Украинского фронта захватили у немцев следующие трофеи: самолётов - 7, танков и самоходных орудий - 401, орудий разного калибра - 753, миномётов - 291, пулемётов - 991, винтовок - 8.820, радиостанций - 101, автомашин - 10.672, мотоциклов - 481, тракторов и тягачей - 208, бронетранспортёров - 46, автоприцепов - 392, повозок с военными грузами - 6.203, лошадей - 2.076, паровозов - 287, вагонов, платформ и цистерн - 6.104, из них 1.377 гружённых боеприпасами, продовольствием, горючим, заводским оборудованием, инженерно-техническим и другим военным имуществом, складов - 95, из них с боеприпасами - 2, с продовольствием - 38, с колючей проволокой - 3, с цементом - 2. Взято в плен 10.680 немецких солдат и офицеров. **Таким образом, общие потери немцев по главным видам боевой техники и в живой силе за время наступательных операций войск 3-го Украинского фронта с 25 марта по 12 апреля составляют:** пленными и убитыми - 37.480, танков и самоходных орудий - 443, орудий разного калибра - 952, автомашин, автоприцепов и тягачей - 11.708.

Из оперативной сводки за 16 апреля 1944 г.

(Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6. С. 187)

В течение 16 апреля на КИШИНЁВСКОМ направлении наши войска, форсировав на ряде участков реку ДНЕСТР, захватили плацдармы на правом берегу реки и вели бои по их расширению.

К югу от города ТИРАСПОЛЬ наши войска, форсировав ДНЕСТР, овладели населёнными пунктами УРСОЯ, КИЦКАНЬ, КОПАНКА и вели бои за расширение захваченного плацдарма.

Примечание авторов.

В оперативной сводке Совинформбюро сообщение об освобождении Кицкан и Копанки прозвучало 16 апреля 1944 года в связи с информацией о боях по активному расширению захваченного плацдарма. В связи с этим в некоторых источниках дата освобождения Кицкан и Копанки указывается ошибочно.

Сёла Кицканы, Копанка и Меренешты были освобождены в ходе упорных ожесточённых боёв к обеду 12 апреля 1944 года. До 15 апреля советские войска вели непрерывные бои по расширению захваченного плацдарма. После некоторого перерыва ожесточённые бои возобновились опять и продолжались до конца апреля. С 1 мая советские войска на достигнутых рубежах на Кицканском плацдарме перешли к активной обороне вплоть до 20 августа 1944 г.

2. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта

(Желтов А. С. 3-й Украинский - на Балканах. В кн.: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С. 115 -117).

Войска 3-го Украинского фронта наступали вдоль Черноморского побережья. В его составе шли 57-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. А. Гаген, член Военного совета генерал-майор Л. П. Бочаров, начальник штаба генерал-майор П. М. Верховович), 37-я армия (командующий генерал-лейтенант М. Н. Шарохин, член Военного совета генерал-майор И. С. Аношин, начальник штаба генерал-майор А. К. Блажей), 6-я армия (командующий генерал-лейтенант И. Т. Шлемин, член Военного совета генерал-майор В. Я. Клоков, начальник штаба генерал-майор Ф. Д. Кулишев), 28-я армия (командующий генерал-лейтенант А. А. Гречкин, член Военного совета генерал-майор А. Н. Мельников, начальник штаба генерал-майор С. М. Рогачевский), 46-я армия (командующий генерал-лейтенант В. В. Глаголев, член Военного совета генерал-майор П. Г. Коновалов, начальник штаба генерал-майор М. Я. Бирман), 8-я гвардейская армия (командующий генерал-полковник В. И. Чуйков, член Военного совета генерал-майор Я. А. Доронин, начальник штаба генерал-майор И. К. Кравцов), 5-я ударная армия (командующий генерал-лейтенант В. Д. Цветаев, член Военного совета генерал-майор И. Б. Булатов, начальник штаба генерал-майор И. И. Варфоломеев). С воздуха войска фронта прикрывала 17-я воздушная армия (командующий генерал-полковник авиации В. А. Судец, заместитель по политчасти генерал-майор авиации В. Н. Толмачев, начальник штаба генерал-майор Н. М. Корсаков).

Мне довелось долгое время быть членом Военного совета фронта, и я хорошо помню, что фронт представлял внушительное объединение и моральный дух солдат, сержантов, офицеров был боевым, победным. Только коммунистов в войсках фронта насчитывалось свыше 130 тыс. человек. Они-то и составляли тот костяк, который объединял всю огромную массу воинов, цементировал их волю, вел вперед.

Правда, при всей значительности сил был у нас один существенный недостаток – не хватало подвижных войск. В состав фронта входили лишь 23-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск А. О. Ахматова и конно-механизированная группа, которой командовал генерал-лейтенант И. А. Плиев.

Весенняя распутица сковывала маневр войск. Люди шли буквально по колено в воде и мокром снегу. Лошади надрывались и падали. Машины глохли и останавливались. Артиллерия вязла в грязи.

Но наступление продолжалось. Личный состав был воодушевлен великой целью – выйти на государственную границу.

... Радостная весть о том, что войска 2-го Украинского фронта, нашего соседа справа, к 26 марта вышли на р. Прут – границу Советского Союза с Румынией, вызвала у личного состава ликование, стремление как можно быстрее самим достичь этой цели.

С первыми погожими апрельскими днями передовые части 3-го Украинского фронта вступили на территорию Молдавии; 12 апреля они овладели Тирасполем, с ходу форсировали Днестр, захватили на его правом берегу плацдармы. Попытка развить наступление в направлении на Комрат, с целью разгрома противника в южной части Молдавии между Днестром и Прутом, не удалась. Сильно ослабленные в предыдущих боях части и соединения 57, 37 и 46-й армий, действовавшие на этом направлении, не смогли прорвать оборону противника. В первых числах мая командующий войсками фронта Р. Я. Малиновский отдал приказ о переходе к обороне, в полосе от Дубоссар на севере до устья Днестра.

3. Из воспоминаний генерал-полковника Захарова М. В., бывшего начальника штаба 2-го Украинского фронта.

(Захаров М. В. Весна свободы братской Румынии. В кн: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С.86-87).

Лидеры буржуазно-помещичьих партий с благословения правительства Антонеску пытались добиться у правительств западных держав согласия на перемирие, причем на таких условиях, которые обеспечили бы сохранение профашистских порядков, буржуазно-помещичьего строя в Румынии.

Советский Союз же по согласованию со своими союзниками выработал условия перемирия, которые 12 апреля были вручены румынскому правительству. Эти условия состояли из следующих шести пунктов:

1. Разрыв с немцами и совместная борьба румынских войск и войск союзников, в том числе и Красной Армии, против немцев в целях восстановления независимости и суверенитета Румынии.

2. Восстановление советско-румынской границы по договору 1940 г.

3. Возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории.

4. Возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных.

5. Обеспечение возможности советским войскам так же, как и другим союзным войскам, свободно передвигаться по румынской территории в любом направлении, если этого потребует военная обстановка, причем румынское правительство должно оказать этому всемерное содействие своими средствами сообщения, как по суше и воде, так и по воздуху.

6. Согласие Советского правительства на аннулирование решения венского арбитража о Трансильвании и оказание помощи в деле освобождения Трансильвании». – (Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 2., стр. 174-175, «Военно-исторический журнал», 1967, № 9, стр.53).

Несмотря на то, что фашистский режим Румынии, как и гитлеровской Германии, был обречен на неминуемый крах, клика Антонеску отказалась от великодушных советских условий перемирия. Народ Румынии, таким образом, обрекался на новые жертвы в войне во имя чуждых ему интересов.

4. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В. А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно-исторического журнала.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 9-11).

К лету 1944 г. в вооруженных силах фашистской Германии было 325 дивизий и пять бригад, из них 179 дивизий и пять бригад находилось на советско-германском фронте.

Немецко-фашистское командование имело во Франции, Бельгии и Голландии около 60 дивизий, в Италии – 26 дивизий. В остальных оккупированных странах и во внутренних районах Германии находилось 60 дивизий.

Кроме немецко-фашистских дивизий, на советско-германском фронте было сосредоточено: 15 дивизий и 9 бригад финских войск, 11 дивизий и 3 бригады венгерских войск, 22 дивизии и 6 бригад румынских войск и 1 словацкая дивизия.

Таким образом, против советских войск действовало 228 дивизий и 23 бригады. Из приведенных данных видно, что основная масса немецко-фашистской армии по-прежнему находилась на советско-германском фронте, который продолжал оставаться главным и решающим фронтом второй мировой войны.

Немецко-фашистское командование в своих планах дальнейшего ведения войны возлагало основные надежды на возможность раскола в антигитлеровской коалиции. Исходя из этого, план немецко-фашистского командования на 1944 г. сводился к тому, чтобы упорно обороняться на

всем советско-германском фронте и, опираясь на глубоко эшелонированную оборону и естественные рубежи, удерживать занимаемые позиции.

... Оперативная обстановка в полосе 3-го Украинского фронта и задача 37-й армии.

Весной 1944 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов одержали крупную победу над гитлеровцами на юге, освободили Правобережную Украину и вышли на рубеж Стража, Пашкани, Дубоссары и далее по р. Днестр до Черного моря. На правом берегу Днестра войска 3-го Украинского фронта захватили несколько плацдармов, из которых наибольшее значение имел плацдарм, захваченный 37-й армией южнее Бендеры. На этом рубеже наши войска закрепились и начали подготовку к новой наступательной операции.

К началу августа 1944 г. перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов оборонялась группа армий «Южная Украина» в составе, армейских групп «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Всего в составе группы армий «Южная Украина» насчитывалось около 50 дивизий, из них 25 немецких. Средняя оперативная плотность достигала 10 км на дивизию, а на наиболее важных направлениях, таких, как яское, кишиневское, тираспольское, – до 8 км на дивизию.

Войскам 3-го Украинского фронта противостояла армейская группа «Думитреску» в составе 24 дивизий и бригад, из них 16 немецких и 8 румынских. Почти все соединения располагались в главной полосе обороны. Только три дивизии находились в резерве, причем две из них – 1-я румынская кавалерийская дивизия и 253-я учебно-полевая – были намного слабее пехотных. Лишь 13-я танковая дивизия представляла собой довольно значительную силу.

Основная группировка войск армейской группы «Думитреску» находилась на кишиневском выступе, где были развернуты почти все немецкие дивизии.

Учитывая важность балканского направления, немецко-фашистское командование поставило перед войсками группы армий «Южная Украина» задачу во что бы то ни стало удерживать занимаемый рубеж.

5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.

(Блажей А. К. В армейском штабе. М., Военное издательство, 1967. С. 110-129).

В ночь на 11 апреля 92-я и 228-я дивизии 57-го корпуса овладели станцией и городом Тирасполь.

К исходу 11 апреля части 57-го корпуса с ходу захватили небольшой плацдарм на западном берегу Днестра у Варницы и Терновской Плавни.

В те дни армейская газета «Советский патриот» писала:

Нас ждут молдавские равнины,

Нас ждет у берега Днестра
Сестра родная Украины,
России кровная сестра...

Да, нас ждала родная Молдавия. Ждали ее плато и равнины, холмы и возвышенности, многочисленные реки и речки, старинные города-крепости, утопающие в зелени садов села и деревни. С нетерпением ждал своих освободителей томившийся в фашистской неволе многострадальный народ Молдавии.

В районе Тирасполя еще продолжались бои на восточном берегу. Гитлеровцы, засевшие в приспособленных к длительной обороне кирпичных домах и дотах, упорно сопротивлялись. Частям 92-й гвардейской, 228-й и 188-й стрелковых дивизий приходилось драться почти за каждый дом, за каждую улицу.

Несколько южнее, в районе Слободзеи, заканчивали очищение левого берега Днестра полки 195-й стрелковой дивизии полковника Шапкина. Освободившиеся от боев подразделения и части дивизии готовились к форсированию реки. Первым на западный берег, как доносил в штаб армии командир 6-го гвардейского корпуса генерал Г. П. Котов, должен был переправляться полк Фомы Васильевича Григорьева.

Под вечер ко мне зашел Михаил Николаевич Шарохин, только что вернувшийся из-под Тирасполя. Привычно разложил на столе карту, проводил по ней карандашом, закурил, с минуту молча походил по комнате, продолжая что-то обдумывать, потом опять подошел к лежавшей на столе карте:

- Съездите, Арефа Константинович, в 195-ю к полковнику Шапкину, поторопите его с форсированием реки и выходом на высоты, пока немцы не успели закрепиться, а то, чего доброго, упустим момент. Напомните о полковой артиллерии — пусть быстрее переправляют ее за реку.

Пока я добирался до Слободзеи Молдаванской, снова занепогодило. Не задерживаясь в штабе дивизии, поехал в штаб 573-го стрелкового полка. Там мне сказали, что командир полка вместе с начальником штаба находятся в батальоне капитана Николая Григорьевича Шарикова в районе переправы.

Где-то совсем недалеко слышалась стрельба — винтовочные выстрелы перемежались с пулеметными очередями. Старшина Рощин вел машину почти наугад, в полной темноте, изредка обгоняя то медленно движущийся грузовик с боеприпасами, то группу солдат, то артиллерийские упряжки.

Командира полка и его начальника штаба капитана Николая Петровича Мазура я не без труда разыскал на северной окраине села у самого берега бушующей реки. Уровень воды в Днестре поднялся метра на три выше обычного. По реке быстро неслись не успевшие растаять грязно-серые льдины, многочисленные бревна, коряги, деревья и... человеческие трупы. На противоположном берегу метрах в двухстах от нас таинственно темнеет лес. Кто знает, что там? А форсировать Днестр надо сегодня, как приказано, первыми.

- Да, задачка не из легких! – задумчиво произносит командир полка.
- К тому же и ночь какая-то неуютная. Несколько дней было тепло, а тут на тебе - дождь, холод...

Зябко ежится капитан Мазур. «Уж лучше крепкий русский мороз, чем слякоть и стынь», - недовольно думаю я.

Словно прочитав мои мысли, полковник Григорьев говорит:

- Зимой и то легче было, честное слово!

Задача полку поставлена действительно трудная: во что бы то ни стало форсировать Днестр и, достигнув западного берега, как можно дальше пробиться вперед. Это необходимо, чтобы главные силы 195-й дивизии могли без помех переправиться через реку и развить наступление.

Люди полка устали, измотаны длительным переходом. Дать бы сейчас бойцам и офицерам отдых на всю ночь, до рассвета, но нельзя - надо двигаться вперед, завоевывать плацдарм. А возьмешь ли его, если вся артиллерийская поддержка несколько «сорокапятков» с ограниченным комплектом боеприпасов?

Капитан Мазур неожиданно поскользнулся, чтобы не упасть, схватился за ствол ветлы. В тот же миг с правого берега застрочил пулемет.

- Ишь, гады, затаились, - тихо говорит полковник Григорьев. - Нервишки у них не выдерживают. Однако для нас это неплохо. Пойдем теперь не вслепую.

- Пора бы начинать, товарищ полковник, - негромко предлагает капитан Мазур. - Переправимся, пока дождь и темно, уничтожим пулеметные гнезда, а к рассвету, глядишь, собьем немцев с берега.

- Пора-то пора, Николай Петрович, а переправочных средств у нас - всего ничего. Да и людям надо дать хотя бы небольшую передышку...

Эти слова обращены скорее ко мне, чем к капитану Мазуру. Но я молчу. Что скажешь? Верно, люди устали до изнеможения. Больше месяца армия преследует врага по весеннему бездорожью, почти без отдыха, без сна. И все-таки задерживаться нельзя. Не форсируем реку сегодня, завтра будет гораздо труднее. А переправляться ой как трудно! Немцам достаточно нескольких пулеметов, чтобы остановить, сбросить в реку тех, кто попытается достигнуть западного берега.

- Плоты готовы? — спрашиваю командира полка.

- Не успели, товарищ полковник. Мы ведь пришли сюда только под вечер. Обоз с надувными резиновыми лодками отстал. А у местных жителей тоже лодок не оказалось: их угнали или потопили немцы...

Мы поднялись к крайним хатам села. Разговорились с крестьянами.

- Плоты надо вязать, - убежденно сказал пожилой молдаванин в поношенной кушме. - Иначе через Днестр не переправиться.

- А из чего? - обернулся к нему полковник Григорьев.

- Разберем сарай, снимем ворота. Ворота, они лучше всего: крепкие, большой груз выдержат, и времени много не потребуется.

Примерно через час были готовы два плота.

- Флагманские корабли. Для добровольцев, - хмуро пошутил командир полка.

Первым вызвалось двинуться на противоположный берег отделение старшего сержанта Самодайкина из взвода пешей разведки.

Старший сержант - высокий, сухопарый, быстрый в движениях - спокойно отдавал распоряжения своим подчиненным.

Капитан Мазур кратко сформулировал задачу отделению: разведать берег, уничтожить огневые точки противника в зоне переправы, найти и просмотреть дорогу на Копанку; в три часа ночи доложить о результатах разведки.

Легкий всплеск, и самодельные плоты с разведчиками растворились в темноте ночи. Вместе с бойцами отправились два местных жителя, чтобы указать дорогу на Копанку.

Позже я еще раз встретился со старшим сержантом Александром Самодайкиным.

- Понесло нас на плотях-воротах точно на моторных лодках, только не к берегу, а вдоль реки, - по-крестьянски неторопливо вспоминал он о переправе.

- Плоты швыряло из стороны в сторону как щепки. Вымокли, конечно, до нитки: в сапогах вода хлюпает, шинели набрякли... Вдруг толчок. В берег, значит, ткнулись. Кругом черным-черно, лес у самой воды стеной стоит. Скомандовал бойцам: «Прыгай!» Берег оказался крутым. Пока взбирались на кручу, шуму наделали. На шум — автоматные очереди! Пришлось молча идти навстречу вспышкам. Штыками поработали. Одним словом, заставили мы трех автоматчиков замолчать.

Идем дальше. Глядим, между деревьями - огонек. Подошли ближе - домишко небольшой, в окнах мелькают тени. Не иначе, думаю, дозор расположился. С двумя бойцами подкрался к самому дому. Остальные на месте затаились, чтобы в случае чего выручить нас. Дверь оказалась открытой. Ворвались мы в домик, наставили автоматы и — «Хенде хох!» Пятеро там было солдат. Трое схватились было за автоматы и тут же замертво свалились: мои бойцы метко стреляют. Двое подняли руки. Отыскали мы с их помощью лодки. Трое наших повезли «языков» на левый берег, в полк. Сам я с остальными бойцами и проводниками двинулся дальше. Разведали дорогу на Копанку и благополучно вернулись назад. Вот и вся история.

«Языки», доставленные бойцами отделения Александра Самодайкина в штаб полка, оказались как нельзя кстати.

Сразу после допроса пленных полк приступил к делу. Переправлялись кто на чем, а многие смельчаки из второго батальона капитана Н. Г. Шарикова форсировали реку, как говорится, на энтузиазме и отваге. В полном снаряжении бросались они в ледяную воду и плыли к противоположному берегу, держась за плоты.

Личный состав 573-го стрелкового полка образцово выполнил поставленную командованием задачу. За подвиг, совершенный на Днестре, командир батальона капитан Николай Григорьевич Шариков, живой, энергичный крепыш лет двадцати двух, был удостоен звания Героя

Советского Союза, а все бойцы, сержанты и офицеры подразделения награждены орденами и медалями. Командир полка Фома Васильевич Григорьев стал в те дни кавалером ордена Суворова III степени.

Одновременно на различных участках форсировали Днестр 6-й гвардейский и 82-й стрелковый корпуса. К рассвету на западный берег успели переправиться несколько полков 28, 188, 20 и 195-й дивизий. Некоторые части сумели перетянуть на западный берег и полковую артиллерию.

Всего около двух часов потребовалось на преодоление водного рубежа 24-му гвардейскому полку под командованием подполковника М. Я. Жеребцова. Командир полка одним из первых причалил к западному берегу на небольшом плотике. Гвардейцы так быстро и организованно высадились на плацдарм, что гитлеровцы не смогли оказать им сколько-нибудь серьезного сопротивления.

Часам к восьми утра части 20-й гвардейской дивизии с ходу овладели населенным пунктом Копанка, а к вечеру вышли в район Киркаешть и Фынтына-Маскулуй. 195-я дивизия вплотную подошла к селу Леонтина, возле которого на крутых скатах высот засели фашисты.

Плацдарм был захвачен и с каждым часом расширялся. Инициатива на многих участках оставалась на стороне наших войск.

Сильный бой разгорелся на так называемых Кицканских высотах неподалеку от Копанки. Сначала в нем участвовал лишь батальон 20-й гвардейской дивизии 6-го корпуса. Затем на помощь ему пришел передовой отряд 188-й дивизии 82-го корпуса, переправлявшийся в излучине Днестра у Тирасполя. Но силы были неравны. Фашисты начали было теснить наших. Тогда командир 82-го корпуса генерал Кузнецов приказал бросить в район Кицканских высот переправившиеся через реку части 28-й гвардейской дивизии. К полудню противник был сбит с высот и через плавни речки Ботно откатился к Хаджимусу и в район Фынтына-Маскулуй.

Бой за плацдарм можно было считать в основном выигранным.

... Редко кому из фронтовиков не доводилось слышать фразу: «Войска устали!» Усталость войск – это не только физическая усталость людей. Речь в этом случае идет о резком снижении наступательных возможностей всего войскового организма – от личного состава передовых частей до штабов и тылов.

Именно в таком состоянии находились многие части армии после форсирования Днестра и захвата плацдармов на его правом берегу. Боеспособность войск как бы вступила в противоречие с наступательным порывом личного состава. Все острее чувствовалась нехватка людей. По-прежнему с большими перебоями подвозились боеприпасы. Артиллерийские батареи имели по 0,1–0,3 боевого комплекта снарядов. Пехота во время атак не всегда получала достаточную артиллерийскую, танковую и авиационную поддержку.

И, тем не менее, затишья не наступало. Бои продолжались по всему фронту. Причем в ряде случаев они велись с еще большим, чем прежде,

напряжением и ожесточением. Вражеские войска, используя выгодные, заранее подготовленные к длительной обороне рубежи, все чаще переходили в контратаки с применением танков и значительных сил авиации. Мы же по-прежнему вынуждены были подвозить боеприпасы с армейских складов, находившихся за сотни километров от мест сражений. На требования командиров частей и соединений ускорить подвоз боеприпасов мы неизменно отвечали: экономьте снаряды и мины, применяйте их только для поражения хорошо разведанных целей.

Для доставки боеприпасов приходилось даже использовать самолеты армейской эскадрильи. Это было очень дорого и неэффективно. Самолет По-2 мог поднять и перебросить за один рейс не больше сотни килограммов боеприпасов. На доставку тонны грузов требовалось около тонны высококачественного бензина.

Поздно вечером 12 апреля армия получила приказ командующего фронтом: прорвать оборону противника севернее и южнее города Бендеры, к исходу 14 апреля выйти на рубеж Новые Липканы, Гиска, Киркаешть и овладеть крепостью Бендеры. По данным, имевшимся тогда в разведывательном отделе фронта, крепость Бендеры с ее укрепленным районом якобы не представляла серьезного препятствия. Нашим соседям - 57-й и 46-й армиям была поставлена задача за тот же период продвинуться вперед на десять - двенадцать километров .

Ни о какой перегруппировке войск за одну ночь, разумеется, не могло быть и речи. Поэтому генерал Шарохин подтвердил ранее отданный корпусам приказ, внося в него лишь некоторые уточнения в соответствии с приказом командующего фронтом. Ближайшая задача корпусам несколько увеличивалась. В частности, 57-му корпусу предписывалось наряду с овладением Новыми Липканами взять Варницу, а 82-му - очистить от вражеских войск Суворову могилу (высота) и предместье Гиска.

Вопреки сложившейся традиции, утром 13 апреля мне пришлось выехать в войска одновременно с командующим армией: генерал Шарохин отправился на главное направление - в 57-й корпус, я - в 82-й.

Между частями 82-го корпуса и обороной немцев, закрепившихся у подошвы высот, почти на три километра по глубине пролегла заболоченная пойма. Поэтому, прежде чем атаковать врага, нашим стрелковым подразделениям предстояло под пулеметным, артиллерийским и минометным огнем преодолеть ее.

- Без серьезной поддержки артиллерии ничего из этой затеи не получится, - заметил генерал Кузнецов, когда мы уточняли с ним и начальником штаба корпуса план боя.

- Может, оно и так, но приказ надо выполнять, - в тон ему ответил я, с горечью размышляя о том, что преодолеть пойму без настоящей артиллерийской подготовки и в самом деле почти невозможно.

Ровно в семь часов началась артиллерийская подготовка. С наблюдательного пункта корпуса мы отчетливо видели разрывы снарядов и мин на восточных склонах высот. Противник молчал. Не отвечал он и на

пулеметные очереди. Поднялись из окопов и двинулись вперед жидкие цепи советских стрелков. Благополучно достигли середины поймы, густо заросшей камышом. И тут на них обрушился шквал пулеметного, минометного и артиллерийского огня. Спустя несколько минут боевые порядки наших войск начала бомбить вражеская авиация. Атака захлебнулась.

Генерал Кузнецов заметно волновался и не скрывал этого. С лица его исчезло обычное добродушие, глаза стали злыми и колючими. Он не отходил от стереотрубы.

- Без боеприпасов, без настоящей артподготовки, без зенитной артиллерии не следовало соваться, — возмущенно сказал он. - Противник подготовил сильную оборону... Вон, видите, доты? Голыми руками их не возьмешь...

Не имели успеха и повторные атаки частей 82-го корпуса. 57-й корпус пытался прорвать вражескую оборону на главном направлении армейской полосы наступления севернее Бендер, но тоже безрезультатно.

А между тем наступление необходимо было продолжать, пока противник не укрепился на подготовленных рубежах. Командование фронта придало на усиление армии бригаду гвардейских минометов М-31, 864-й самоходный артиллерийский полк и 301-й гвардейский минометный полк. Они должны были поступить в наше распоряжение 16 апреля, но прибыли на несколько дней позже. 23-й танковый корпус передавался на усиление 57-й армии.

Эта перегруппировка не дала, к сожалению, сколько-нибудь существенных результатов. Фактор внезапности был давно утрачен, противник ввел в дело свежие, подтянутые из тыла резервы, и наши войска, продолжая атаковать позиции гитлеровцев, не достигали успеха, топтались на месте, несли потери. Аналогичная обстановка сложилась и у соседей - во всех армиях 3-го Украинского фронта. Заметно затормозилось наступление войск 1-го и 2-го Украинских фронтов. С каждым днем все больше чувствовалась усталость войск. Артиллерийская плотность по-прежнему оставалась недостаточной, поэтому осуществить прорыв вражеской обороны не удавалось. К тому же в связи с наступлением ясной погоды усилилась активность авиации противника: «юнкеры» бомбили наши переправы, наносили довольно чувствительные удары по боевым порядкам войск и объектам в армейском тылу. Правда, теперь гитлеровские летчики действовали небезнаказанно, несли крупные потери от советских истребителей, но, тем не менее, налеты не прекращались.

В два часа ночи 17 апреля в штаб армии поступила новая директива фронта: «...подготовить и провести наступательную операцию... Во взаимодействии с 57-й и 6-й армиями разгромить группировку противника в южной части Бессарабии между Днестром и Прутом... Выйти на государственную границу...».

Ближайшая задача нашей армии, как и прежде, состояла в том, чтобы овладеть Бендерами, расширить плацдармы на западном берегу Днестра с выходом на рубеж Гырбовец, Суворова могила (высота), а к исходу 19 апреля изготовиться к дальнейшему решительному наступлению в на-

правлении Фарладень, Чимишлия, Фэльчиул (на реке Прут, 20 километров южнее Леово).

57-я армия в соответствии с директивой должна была наступать в направлении Резены, Леово. Наш новый левый сосед - 6-я армия под командованием генерала И. Т. Шлемина получила задачу нанести удар в направлении Каушаны, Абаклия, Комрат. (35 километров юго-восточнее Леово). Между нами и левым соседом - 6-й армией устанавливалась новая разграничительная линия: Сукля - Киркаешть - Салкуца. Участок Фынтына-Маскулуй, Леонтина утром 19 апреля был передан 6-й армии.

По всему было видно, что командование фронта придавало предстоящей операции большое значение. Об этом свидетельствовала, в частности, необычная щедрость фронта в смысле усиления армии. На период операции нам придавались: 9-я артиллерийская дивизия прорыва (без бригады артиллерии большой мощности), два полка «катюш», истребительная противотанковая артбригада, противотанковый артиллерийский полк, самоходный артиллерийский полк, инженерно-саперные и другие подразделения. Однако в первый день наступления (включая прорыв обороны противника) разрешалось израсходовать всего около половины боекомплекта, при обычном расходе в подобных случаях не менее двух-трех боевых комплектов. Это означало, что не могло быть и речи о нормальной артиллерийской подготовке.

План операции требовалось представить командующему фронтом на утверждение к двенадцати часам 18 апреля.

Командующий армией принял единственно возможное в сложившихся условиях решение: операцию по овладению крепостью Бендеры и расширению плацдармов на западном берегу реки провести силами войск 57-го и 82-го корпусов в ночь на 19 апреля; 57-й корпус наносит главный удар своим правым флангом в обход Бендер с северо-запада, овладевает крепостью и выходит на рубеж Новые Липканы, Терновская Плавня (юго-западнее Бендер) в готовности в дальнейшем наступать на Фарладень; 82-й корпус прорывает оборону противника своим правым флангом, обходит Бендеры с юга, овладевает предместьем Плавни и в дальнейшем наступает в направлении Новый Григорень; 6-й гвардейский корпус после передачи занимаемого им участка частям 6-й армии сосредоточивается в районе Кицкань, Меренешть в готовности развивать наступление на направлении главного удара армии.

Планом операции предусматривалось, что после выполнения ближайшей задачи главный удар силами пяти дивизий будет нанесен в направлении Фарладень, Чимишлия, а вспомогательный - силами одной дивизии в направлении Хаджимус, Тараклия (для взаимодействия с 6-й армией). В резерве командующего намечалось иметь одну дивизию. К десяти часам 18 апреля план операции был подготовлен. Генерал Шарохин подписал его, неторопливо закурил, подошел к окну, задумчиво произнес:

- На бумаге вроде все правильно, а на деле?... Для практической подготовки операции почти нет времени... Вот что, начальник штаба, - обер-

нулся он ко мне. - Вылетайте с планом в штаб фронта вы. Доложите генералу Малиновскому, что к указанному в директиве фронта сроку армия не сможет осуществить перегруппировку войск, подвезти боеприпасы, обеспечить пристрелку целей, довести задачу до каждой части... Потом, надо же пополнить стрелковые роты и дать солдатам хоть немного отдохнуть. Короче, постарайтесь убедить фронтовое начальство несколько отодвинуть срок начала операции. Излишняя торопливость тут ни к чему. Во всяком случае, теперь, когда противник успел закрепиться на новых рубежах. Надеюсь, фронт согласится с нами...

Пока мы выработывали план операции, разыгралась настоящая буря. Резкий ветер, словно сорвавшись с цепи, с воем и свистом гнул деревья, задирали стрехи соломенных крыш.

- Погодка для полета на «кукурузнике» не из приятных, - заметил Михаил Николаевич. - Однако иначе до штаба фронта вовремя не добраться.

Я вызвал командира эскадрильи майора Землянского:

- Готовьте самолет, товарищ майор. Через полчаса полетим в штаб фронта.

- Может, подождем, товарищ полковник? Штормовой ветер. Не могу ручаться...

- Лететь надо сейчас.

В штабе фронта я прежде всего явился к генералу Корженевичу. Феодосий Константинович ждал меня, но был чем-то озабочен и, когда я докладывал о просьбе Шарохина отсрочить начало операции, слушал не очень внимательно. Потом сказал:

- Сами, дорогой, знаем, что требуется время на подготовку. Но где его возьмешь, время-то? Сроки определены Ставкой. Ничего не поделаешь.

- С минуту помолчав, добавил: - Наш правый сосед - 2-й Украинский фронт одновременно с нами предпринимает наступление на Кишинев. Понимаете? Что касается людей и боеприпасов, у него тоже не густо. Главное сейчас - не дать противнику по-настоящему закрепиться на Днестре... По поводу вашей с Шарохиним просьбы ничего не могу сказать. Может, Родион Яковлевич решит, а я бессилен...

Генерал Малиновский на мою просьбу ответил примерно теми же словами, что и начальник штаба, но все же, утверждая план, разрешил приступить к его осуществлению на сутки позже - атаку назначил на два часа 20 апреля.

- В артиллерийскую плотность включите восьмидесятидвухмиллиметровые минометы, - распорядился он. - Боевые порядки постройте так, чтобы все было в первом эшелоне, без резерва. Командирам корпусов можно разрешить иметь в резерве на всякий непредвиденный случай не больше стрелкового полка. Успех будете развивать корпусом второго эшелона армии. Пехота начинает атаку одновременно с открытием артиллерийского огня по заранее намеченным целям.

Все как будто было уточнено, согласовано. Однако спустя сутки, вечером 19 апреля, из штаба фронта поступило приказание: «По представленным планам изготавиться к исходу 22 апреля».

Подготовка операции продолжалась. Войска первой линии перешли к обороне. 6-й гвардейский корпус к рассвету 20 апреля сдал свою полосу 66-му корпусу 6-й армии и вышел во второй эшелон в район Кицкань, Меренешть. Хотя еще не все приданные нашей армии части заняли исходные позиции, но в основном мы уже были готовы приступить к реализации плана. И вдруг новый приказ командующего фронтом: атаку по утвержденному плану начать в два часа 25 апреля. В этом же приказе командующему 17-й воздушной армией ставилась задача - на рассвете 24 апреля нанести бомбовый удар по аэродромам противника в районе Лейпцига (семьдесят километров юго-западнее Бендер), а с утра 25 апреля всеми наличными силами бомбардировщиков и штурмовиков поддерживать наступление наземных войск фронта. Нам, в свою очередь, предлагалось в ночь на 26 апреля обеспечить переправу конно-механизированной группы генерала Плиева через Днестр для ввода ее в прорыв на направлении Абаклия, Болград, чтобы отрезать противнику пути отхода от реки Ялпуг.

Ровно в два часа 25 апреля на всей полосе наступления 37-й армии загрохотала артиллерийская канонада. В сторону противника полетели тысячи снарядов и мин. Одновременно поднялись в атаку стрелковые части. То же происходило и у наших соседей - в 57-й и 6-й армиях. Однако и на этот раз дело кончилось лишь незначительным продвижением вперед, да и то далеко не на всех участках. Враг сопротивлялся с таким остервенением, что первый день наступления не дал, по сути, никаких результатов.

В приказе командующего фронтом, полученном нами поздно вечером, говорилось: «Наступление 25 апреля развивалось неудовлетворительно. Необходимо потребовать от войск и проявить самим непоколебимую стойкость, напористость при отражении контратак врага. Наступления ни в коем случае не приостанавливать... Атаку 26 апреля начать в 6.30 после 20-минутной артиллерийской подготовки по узлам обороны противника, не распыляя огня по всему фронту...».

Командующий фронтом решительно потребовал, чтобы войска 57-й армии к исходу 26 апреля овладели Рошканью и Калфой, войска 37-й армии - лесом северо-западнее Гырбовца и предместьем Гиска, войска 6-й армии - Каушанами Векь, Ермоклией.

Тем не менее и в этот раз результат оказался прежним. Вновь подтвердилась общеизвестная истина - наспех подготовленная боевая операция неизбежно обречена на неудачу.

Бои продолжались с неослабевающим напряжением. Наши атаки захлебывались одна за другой. Линия фронта оставалась стабильной. Помимо превосходства в силах и средствах в полосе нашей армии гитлеровцы обладали еще и позиционным преимуществом. В их руках

находились командные высоты и сеть мощных дотов со стенами двухметровой толщины, построенных еще до начала второй мировой войны. В 1940 году, в период освободительного похода советских войск в Бессарабию, некоторые фортификационные сооружения были взорваны. Теперь гитлеровцы вновь восстановили их и приспособили к обороне. С фронта долговременные огневые точки были тщательно замаскированы и практически не просматривались. Их особенность состояла в том, что они не имели фронтальных амбразур и по этой причине были практически неуязвимы для лобовых атак. Зато, когда нашей пехоте удавалось вклиниваться в промежутки между дотами, находившиеся в них вражеские пулеметчики открывали убийственный фланкирующий огонь, от которого невозможно было укрыться. Перед дотами тянулся глубокий противотанковый ров шириной в пять-шесть метров. Гребни высот, занимаемых противником, почти сплошь были покрыты густыми зарослями вишневого сада, скрывавших ближайшую глубину обороны немецко-фашистских войск и позволявших им свободно маневрировать. Со своих позиций мы, по существу, не имели абсолютно никакой возможности заглянуть за передний край обороны врага.

Пользуясь позиционным преимуществом, гитлеровцы часто переходили в контратаки, в которых наряду с пехотой и артиллерией принимали участие довольно значительные по численности подразделения «тигров» и «фердинандов». С воздуха вражеские контратаки поддерживались крупными силами бомбардировочной и штурмовой авиации: ежедневно отмечалось от двухсот до трехсот самолето-пролетов. Стремясь, во что бы то ни стало удержаться на занятом рубеже, и при первой возможности ликвидировать захваченные нашими войсками плацдармы на западном берегу Днестра, немецко-фашистское командование стягивало к Бендерам новые подкрепления: сначала прибыла в район боев 14-я немецкая танковая дивизия, а некоторое время спустя 8-я румынская горнострелковая дивизия.

За Днестром, на захваченных войсками нашей армии плацдармах, создалось такое положение, что трудно стало определить, какая сторона наступает, какая обороняется. Из штаба фронта ежедневно поступали приказы - прорвать вражескую оборону!

Силы армии заметно таяли. В ежедневных боях наши стрелковые части и соединения несли большие потери.

Командующий армией и я почти ежедневно бывали на наблюдательных пунктах корпусов или дивизий, лично следили за ходом боев. Вывод напрашивался сам собой - пора прекратить безуспешные атаки!

Для человека, каким бы выносливым и закаленным он ни был, существует предел физического и психического напряжения, переступив который он впадает в состояние прострации или транса, теряет способность реагировать на внешние раздражители. Это относится не только к отдельным людям, но, как показал опыт боев, нередко в подобном состоянии оказывались целые подразделения и даже части. Многим

участникам Великой Отечественной войны, в особенности командирам стрелковых частей и подразделений, несомненно, приходилось быть свидетелями таких на первый взгляд неожиданных явлений: заканчивается артиллерийская подготовка, огневой вал перемещается в глубину обороны противника, идут в атаку танки, а пехота продолжает лежать в окопах. Командир нервничает, ругается, грозит, но безрезультатно. Бывало и так. Стрелки и пулеметчики вслед за танками двинулись вперед и, пробежав несколько десятков метров, залегли без какой-либо видимой причины, не обращая внимания на минометный и артиллерийский обстрел со стороны противника. Никто и ничто не в состоянии поднять людей с земли, пока они не восстановят минимальный запас необходимой энергии. Поскольку их физическое и нервное напряжение перешло наивысшую грань, им нужна хотя бы кратковременная передышка. К сожалению, некоторые командиры, недостаточно знакомые с элементарными законами психологии и физиологии человека, пренебрегали подобными факторами или просто не обращали на них внимания. И это приводило порой к неоправданным потерям.

Войскам как воздух была необходима передышка. Это прекрасно понимали и командующий армией, и командиры корпусов, дивизий, полков. Знали об этом и в штабе фронта. Однако приказа приостановить атаки не поступало.

В один из дней после безуспешных атак дотов противника и массированного налета вражеской авиации на Парканы, где размещался командный пункт 57-го корпуса, генерал Шарохин на свой страх и риск приказал генералу Осташенко временно перейти к обороне, переместив командный пункт на полтора километра в тыл.

Вечером, докладывая по ВЧ командующему фронтом обстановку, Михаил Николаевич решительно заявил:

- Все наши усилия овладеть крепостью Бендеры не принесли пока успеха. Войска истощены. Предпринимать новые атаки считаю в настоящий момент нецелесообразным. Надо дать людям отдохнуть... Для разрушения дотов и стен бендерской крепости нужны орудия большой и даже особой мощности, которых у нас в армии нет. Наступать на доты, предварительно не разрушив их, - значит нести большие, ничем не оправданные жертвы... Родион Яковлевич Малиновский не преминул упрекнуть Шарохина.

- Топчетесь вы на своих плацдармах, и ни с места. Себя и соседей подводите, - сказал он. Однако не стал настаивать на продолжении атак. Потом, заканчивая разговор, добавил:- Завтра утром буду у вас. На месте разберемся...

На рассвете следующего дня Р. Я. Малиновский приехал на командный пункт армии в Суклею. Прибытие командующего фронтом в момент, когда армия не могла выполнить приказа, конечно, не обещало ничего приятного. Но мы были рады его приезду. Знали, генерал Малиновский приезжал обычно не распекать, а помогать.

С командного пункта Малиновский, Шарохин и я сразу же направились на наблюдательный пункт, размещавшийся на небольшой высоте северо-восточнее Паркан. Подъехать к НП днем на машине не было возможности - подступы к высоте простреливались противником. Пришлось поэтому более километра идти пешком по вспаханному с осени полю.

На наблюдательном пункте Родион Яковлевич провел несколько часов. Отсюда очень хорошо просматривался передний край обороны гитлеровцев. Командующий фронтом внимательно изучал местность, тщательно знакомился с обстановкой не только путем визуального наблюдения, но и по фотопанораме противоположного берега, имевшейся в блиндаже НП. Толковые, обстоятельные объяснения давал артиллерист-разведчик. Несколько раз генерал Малиновский переходил от фотопанорамы к амбразуре блиндажа, рассматривал в стереотрубу высокие стены крепости, ее бастионы, зубчатые башни.

- Да, Михаил Николаевич, - сказал он, обращаясь к Шарохину, - действительно крепкий орешек эти Бендеры. Овладеть ими не так-то просто... Ну что ж, надо подумать, что предпринять. В первую очередь вам, Михаил Николаевич, надо подумать и вам, начальник штаба, тоже.

Подумать и в самом деле было о чем. Бендеры являлись исключительно мощным узлом сопротивления врага. Чего стоила одна крепость! Кирпичные стены у основания - по меньшей мере восьмиметровой толщины. О разрушении их полковой и дивизионной артиллерией не могло быть речи. Десять бастионов! Два из них обращены к Днестру. Бастионы обведены глубоким рвом с каменным эскарпом и контрэскарпом. Чтобы проникнуть в крепость через ворота, требовалось преодолеть четыре подъемных моста. За стенами - так называемая генуэзская цитадель с восемью башнями-бойницами, тоже обнесенными с трех сторон рвом.

Превращая Бендеры в современный узел сопротивления, гитлеровцы модернизировали крепость: проделали дополнительные амбразуры, установили в бастионах крупнокалиберные орудия, из которых простреливали оба берега Днестра, постоянно держали под огнем Терновку, Парканы, Тирасполь. И потом эти проклятые доты!..

- Конечно, и доты крепки, - как бы про себя сказал Малиновский, еще и еще раз осматривая в стереотрубу скаты высот, занятых противником, линию траншей, доты и окопы, щедро освещенные в этот час почти отвесными лучами солнца.

- Взять доты не легко, - продолжал он, - но все-таки, по-моему, можно. Против тяжелых орудий они вряд ли устоят. А? Как вы думаете? - вопросительно посмотрел он на Шарохина.

- С вашего разрешения, товарищ командующий, я распоряжусь ударить по дотам прямой наводкой из тяжелых орудий.

- Не возражаю. Ударьте. Кстати проверим меткость артиллеристов генерала Ратова. Его пушки-то?

- Так точно, товарищ командующий. Из приданной нам 9-й артиллерийской дивизии прорыва.

Прогремел выстрел. Два тяжелых орудия совсем недавно были поставлены для стрельбы прямой наводкой недалеко от берега: одно в бывшем капонири, другое в потерне. Но артиллеристы уже успели пристреляться. Снаряд угодил точно в цель. Однако после того как рассеялся дым, дот стоял на месте. Только на его стенке, где взорвался снаряд, образовалось большое темное пятно.

- Ну что же, здесь ясно, - заметил Родион Яковлевич, отрываясь от стереотрубы. - Теперь прикажите еще одним снарядом ударить вон по той серой стенке, что обращена к Варнице.

- Есть!

И снова выстрел. Летящий снаряд виден невооруженным глазом. Удар. Разрыв. Клубы черного, смолянистого дыма на какое-то время окутали вражеский дот. Генерал Малиновский посмотрел в стереотрубу, потом, махнув рукой, отошел от нее:

- Никакого эффекта!..

Командующий фронтом задал еще несколько вопросов генералу Шарохину и артиллеристу-корректировщику о характере обороны гитлеровцев, о минных и проволочных заграждениях, в заключение сказал:

- Видно, вы правы, Михаил Николаевич: на этом участке рвать оборону нецелесообразно. Хотим мы этого или нет, но придется прекратить атаки и закрепиться. Временно, разумеется. Подумаем об ином варианте. Полагаю, придет время - и оно не за горами, - когда немцы вынуждены будут оставить крепость и доты без боя...

Вслушав замечания командующего фронтом, Шарохин приоткрыл дверь блиндажа. Солнце заметно переместилось на запад. Близилось время очередного артонала, которые гитлеровцы производили с присущей им педантичностью в строго определенное время.

- Надо немедленно выбираться с НП, товарищ командующий. Минут через десять начнется артобстрел, - озабоченно произнес Михаил Николаевич, взглянув на часы.

- Бойтесь? - улыбнулся Родион Яковлевич.

- Боюсь не боюсь, но береженого, как говорят, бог бережет. И потом не за себя, за вас приходится бояться. Мы дома, а вы - гость. Одним словом, надо уезжать.

- Ладно, поехали, - согласился Малиновский.

Выйдя из блиндажа, мы быстро зашагали к укрытым в балке машинам. Только тронулись, с правого берега Днестра ударили вражеские пушки.

В штабе Петр Андреевич Диков доложил мне: армейский наблюдательный пункт разрушен прямым попаданием снаряда в блиндаж. Убиты два разведчика и артиллерист-корректировщик.

Раннее утро 1 Мая. Праздник. Однако для фронтовиков это обычный, «рабочий» день. Только что получен приказ: войскам нашей и соседней 57-й армий перейти к так называемой активной обороне, продолжать бои усиленными отрядами за улучшение позиций, основные силы приводить

в порядок, готовить к новому наступлению, принять меры к обеспечению частей и подразделений боеприпасами и продуктами.

Это был последний приказ, подписанный Р. Я. Малиновским в качестве командующего войсками 3-го Украинского фронта и Ф. К. Корженевичем в качестве начальника его штаба. Во второй половине мая стало известно, что командовать 3-м Украинским фронтом будет генерал армии Федор Иванович Толбухин, а генерал Р. Я. Малиновский вступает в командование 2-м Украинским фронтом. Новым начальником штаба нашего фронта Ставка назначила генерал-полковника Сергея Семеновича Бирюзова.

6. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В. С. и Лескина С. В.

(В. С. Вылиток, С. Ф. Лескин. Новомосковская Краснознаменная. Боевой путь 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1979. С. 169-175).

8 апреля произошла новая перегруппировка сил армии - 6-й гвардейский стрелковый корпус развернулся фронтом на запад. Его 195-я стрелковая дивизия получила за дачу наступать к Днестру, выходя на рубеж прибрежных сел Слободзея Русская, Чобручи (левобережное). Справа к Днестру следовала 20-я гвардейская стрелковая дивизия 6-го стрелкового корпуса, слева - 60-я стрелковая дивизия 46-й армии.

Поскольку непосредственного соприкосновения с противником не было, дивизия во второй половине дня 8 апреля походными колоннами двинулась к Днестру, причем каждый полк выбросил вперед усиленное боевое охранение. На пути ей не раз приходилось развертывать боевой порядок, так как противник пытался ее останавливать, предпринимая контратаки. Но все они успешно отражались. Поздним вечером 10 апреля полки, сломив сопротивление врага, вошли в село Варваровку. Совсем близко плескался Днестр.

Здесь, в селе Варваровка, полковник Холодов уточнил задачи полков. Главный удар в направлении села Чобручи должен был нанести сохранивший к тому времени наибольшую боеспособность 564-й полк и, выбив противника из этого населенного пункта, форсировать Днестр. Вспомогательный удар на прибрежное село Слободзея Русская наносили 604-й и 573-й полки.

Когда передовые батальоны уже изготовились для последнего броска вперед, в дивизию пришла взволновавшая всех весть об освобождении Одессы. Это придало воинам новые силы.

В ночь на 11 апреля полки после удара артиллерии по позициям врага поднялись в атаку. Сразу же быстро пошли вперед на правом фланге 604-й и 573-й полки. На рассвете их передовые подразделения ворвались в село Слободзея Русская, первыми в корпусе и во всей армии достигнув берега Днестра.

Сотни жителей Слободзеи Русской выбежали на улицу встречать советских воинов – своих освободителей. На ветру затрепетали невесть откуда появившиеся красные флаги.

Бойцы 604-го и 573-го полков буквально затерялись в толпе ликующих молдаван, которые считали своим неременным долгом пригласить солдат и офицеров к себе в жилище, посадить за накрытый по-праздничному стол. Но терять на это время было нельзя: дивизии предстояло без промедления переправляться через Днестр. Жители Слободзеи Русской горели желанием помочь бойцам. Они тащили к Днестру бревна, доски, камыш – все, что могло держаться на воде.

У штабов полков выстраивались очереди желающих вступить в ряды Красной Армии. Тут были не только мужчины призывного возраста, но и подростки.

- Меня вы обязательно возьмете. Я член подпольной комсомольской организации, – заявил в штабе 573-го полка высокий худощавый юноша, показывая написанный от руки комсомольский билет с большой красной звездой на картонной обложке.

- А это что у тебя? - спросили юношу, показывая на увесистый мешок, который тот держал.

- Документы... Я взял их у фашистов, когда они бежали из села.

Член подпольной комсомольской организации И. А. Чернов, с риском для жизни похитивший у гитлеровцев мешок со штабными документами и передавший их в штаб 573-го полка, по распоряжению полковника Холодова был зачислен телефонистом в 564-й отдельный батальон связи. Это был первый молдаванин, вступивший в боевые ряды дивизии на Днестре.

Глазам воинов предстала довольно широкая - в 150-200 метров - река, медленно, как бы нехотя кидавшая на берег тяжелые холодные волны. Пойма реки оказалась здесь небольшой. Брода и переправ не нашлось.

Командир 573-го полка сразу же выслал на противоположный берег группу разведчиков полка под командованием старшего сержанта А. Самодайкина. Те на плотках, быстро сколоченных из бревен, благополучно доплыли до правобережья, а вернулись часа через два с двумя пленными фашистами. Несколько разведчиков остались на вражеском берегу, заняв поросший лесом клочок родной земли. Пленные показали, что в прилегающем к берегу лесу, который подступает к ближайшему селу Копанка, находятся мелкие группы немцев. Немецкое командование, по всей видимости, ожидало переправу советских войск не здесь, а у Тирасполя.

На командный пункт полка прибыл начальник штаба 37-й армии полковник А. К. Блажей. Он внимательно выслушал доклад полковника Григорьева о состоянии части и о данных, которые принесли разведчики.

- Надо сейчас же начинать форсирование, – сделал вывод начальник штаба армии. – Немцы наверняка встревожены визитом Самодайкина. Подбросят сил - будет поздно. Начинай, Григорьев!

- Есть, начинать! – ответил командир полка.

604-й полк несколько опередил своего соседа с переправой. Его подразделения, используя наспех сколоченные плоты и надувные лодки, начали форсирование в 14 часов 11 апреля. Первые же подразделения 573-го полка - это были роты старшего лейтенанта Н. Г. Шарикова - сели на плоты и в надувные лодки в 15 часов. Но это не имело существенного значения, важно было другое: дивизия с ходу предприняла форсирование Днестра.

Переправой 604-го полка руководил начальник штаба майор И. Е. Рогозный. Он сам в числе первых воинов оказался на правобережье, быстро организовал связь командира полка с подразделениями. Полк имел задачу прикрыть от контратаки врага продвижение 573-го полка, а этому полку предстояло как можно дальше углубиться в расположение противника, создав достаточно широкий плацдарм для всей дивизии.

Готовность батальона старшего лейтенанта Шарикова к переправе и начало самой переправы проверял начальник штаба полка майор Н. А. Шостко. Все шло ладно в этом батальоне. Тихо, без суеты воины спускали на воду плоты, на них грузили пушки, минометы, пулеметы, противотанковые ружья и рассаживались сами.

- Поплыву на головном плоту. Так будет сподручней, - сказал командир батальона майору Шостко.

- До встречи за Днестром! - Майор крепко пожал руку храброму комбату. И тихо добавил: - Надеемся на тебя, тезка!

Немецко-фашистское командование не успело подтянуть к берегу резервы. Передовые подразделения как 604-го, так и 573-го полков, легко преодолев слабое огневое противодействие противника во время переправы, без потерь высадились на вражеский берег и, не мешкая, стали продвигаться в юго-западном направлении.

Мелкие группы фашистов, встречавшиеся на пути, либо уничтожались, либо рассеивались. Вечером передовые батальоны обоих полков, пройдя село Копанка, достигли окраин населенного пункта Леонтино. Здесь они остановились, встреченные сильным артиллерийско-минометным огнем. Как позже показали пленные, к Леонтино спешно выдвинулись части 302-й немецкой пехотной дивизии.

Главное свое дело дивизия сделала - захватила на правом берегу плацдарм глубиной 9 - 11 километров и шириной 12 километров.

Пока на плацдарме вели огневой бой с противником, тут же окапываясь, подразделения 604-го и 573-го полков, 564-й полк на левом берегу ликвидировал последний очаг сопротивления противника в селе Чобручи, и лишь вечером 11 апреля, когда фашисты были выбиты из села, он смог начать переправу.

Всю ночь на 12 апреля подразделения этого полка переправлялись на правобережье, утром он встал на позиции правее 573-го полка. Его соседом стала форсировавшая реку в ту же ночь 20-я гвардейская стрелковая дивизия. Левого соседа пока у 195-й стрелковой дивизии не было.

Левобланговый 604-й полк упирался своим флангом в болото, за которым проходило старое русло Днестра. Но командиру дивизии было известно, что сюда пробивались правобланговые соединения 46-й армии.

Захваченный 195-й стрелковой дивизией плацдарм, позже названный кицканским, мог получить и действительно получил важное оперативное значение, так как позволял 37-й армии развернуть с него наступление крупными силами. Это, видимо, понимало немецко-фашистское командование. С вечера 11 апреля он стал местом ожесточенных схваток переправившихся частей с противником, предпринимавшим одну контратаку за другой.

В ночь на 12 и днем 12 апреля 604-й полк пять раз отбрасывал назад танки и пехоту противника. Тем же днем, 12 апреля, яростный натиск противника сдерживали подразделения 573-го полка, установив огневое взаимодействие с соседним 564-м полком. Самым жарким местом оказался тот участок, который обороняли 2-й батальон старшего лейтенанта Шарикова и приданная ему еще со времени переправы через Днестр 4-я армейская отдельная стрелковая рота под командованием ветерана дивизии старшего лейтенанта А. П. Кузьменко. В течение 12 апреля противник, что ни час, начинал против этих подразделений новую контратаку. Не смолкали грохот орудий, скрежет ползущих танков, крики раненых, стрекот пулеметных и автоматных очередей. Пламя и дым застилали поле боя.

Подчас врагу удавалось теснить 573-й полк, вклиниваться в его боевой порядок. Тогда в бой вступала «ударная рота особого назначения» - так называли бойцы отряд, сформированный командиром полка из офицеров штаба, начальников служб, писарей. Его водил навстречу гитлеровцам сам полковник Григорьев.

Во второй половине дня 12 апреля танки, а за ними пехота противника пробивались к позициям 4-й стрелковой роты батальона старшего лейтенанта Шарикова. Командир роты был ранен. В цепи бойцов немедленно появился командир батальона. Он приказал роте залечь в траншею и пропустить танки, а затем с тыла забросать их связками гранат и бутылками с горючей смесью, пехоту же встретить пулеметным и автоматным огнем. От бойцов потребовались большая выдержка и бесстрашие - не дрогнув пропустить над своей головой скрежетавшие гусеницами танки. Они могли и проутюжить траншею. Но воины 4-й роты пошли на это.

Пять танков почти одновременно перевалили через траншею, и пошли вперед. С тыла в них под гусеницы и в борта полетели бутылки и гранаты. Их бросили стрелки А. Н. Краюшкин, Б. А. Битнев, Г. Л. Кузьмин, Т. Н. Титов, Н. А. Неделин, Г. И. Горбоносков и оказавшийся рядом разведчик-наблюдатель полковой батареи 76-мм пушек рядовой К. С. Зубарев. Все пять танков, получив повреждения, остановились, задымили. Почти в то же мгновение по густым цепям фашистов резанул пулеметный и автоматный огонь. Очередь за очередью выпускали пулеметчики Н. Н. Гришин, Б. Н. Гуркин, Н. А. Теплов и подоспевший с подкреплением

старшина минометной роты Е. Ф. Баринов. Перед 4-й стрелковой ротой полегло около сотни фашистов.

Когда у села Леонтино установилось затишье, на наблюдательный пункт командира дивизии позвонил генерал Г. П. Котов:

- Я наблюдал интереснейший бой, - волнуясь, говорил командир корпуса. - На моих глазах противник был вдребезги разбит. Кто вел бой?

- Бойцы старшего лейтенанта Шарикова, - ответил полковник Холодов.

- Это тот, который в числе первых форсировал Днестр?

- Так точно, он!

- Я приказывал представить его к званию Героя. Материал оформлен?

- Наградной лист уже направлен вам.

- Шариков - молодец! С удовольствием подпишу представление, - сказал командир корпуса.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 г. старший лейтенант Николай Григорьевич Шариков был удостоен звания Героя Советского Союза.

Весь личный состав 2-го батальона 573-го полка, а также старший сержант Самодайкин и его разведчики были отмечены правительственными наградами и благодарностью командования. А командир полка полковник Фома Васильевич Григорьев стал кавалером ордена Суворова III степени.

28 апреля 1944 г. в командование 195-й стрелковой дивизией вступил полковник Иван Сергеевич Шапкин. Он принял дивизию в то время, когда она, как и весь 6-й гвардейский стрелковый корпус, вела тяжелые бои за расширение кичканского плацдарма. Бои эти не приносили успеха.

В самом конце апреля по пути на передовую в дивизию заехал командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал Р. Я. Малиновский. Он убедился в полной боевой готовности дивизии, но заметил, как поредел личный состав и как растянут по фронту ее боевой порядок. Затем он проследовал дальше на наблюдательный пункт командующего 37-й армией. Утром 1 мая штаб дивизии получил телеграмму, в которой сообщалось, что войска 37-й армии переходят к обороне, а 6-й гвардейский стрелковый корпус выводится во второй эшелон армии.

195-я стрелковая дивизия вернулась на левый берег Днестра и расположилась под Тирасполем. Здесь она получила пополнение. Началась подготовка к новым боям, на которую ушли три с половиной месяца.

7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. – М.: Воениздат, 1959. http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_pg/10.html

На Днестр корпус выходил, имея все три дивизии в одном эшелоне. В соответствии с замыслом командующего 37-й армией 28-я гвардейская и 10-я воздушно-десантная дивизии были нацелены смежными фланга-

ми на Карагаш; 188-я стрелковая дивизия своим левым флангом должна была овладеть Суклеей, а правым во взаимодействии с 92-й гвардейской дивизией 57-го стрелкового корпуса - городом Тирасполь.

Задачу на форсирование Днестра с ходу и захват плацдармов на его правом берегу корпус получил заблаговременно, еще на рубеже Раздельной, когда уничтожались прорывавшиеся из-под Одессы дивизии противника.

Четыре - пять дней подготовительного периода штаб корпуса и штабы дивизии по картам крупного масштаба, по военно-географическому описанию, путем авиаразведки, по донесениям войсковой и инженерной разведки, опрашивая местных жителей, изучали прилегающую к Днестру местность, свойства и характер реки.

Вместе с передовыми частями на восточный берег Днестра выдвигались разведгруппы и подразделения саперов. Они должны были: произвести тщательную разведку дорог и подступов к реке; разминировать полосы и пункты, намеченные для форсирования; изучить характер местности по обоим берегам реки; определить характер обороны противника на противоположном берегу и возможность форсирования реки с ходу; выявить наличие подручных материалов для устройства простейших переправочных средств. И, наконец, с выходом авангардов наших частей к Днестру была организована общевойсковая и инженерная разведка мест форсирования. Одновременно с этим была проведена командирская разведка во главе с командиром корпуса.

В подготовительный период все полковые, дивизионные и корпусные саперы приступили к заготовке материалов для форсирования и подвоза их по мере продвижения частей вперед.

К началу форсирования из табельных переправочных средств корпус имел 8 лодок А-3 и 28 МНЛ (малых надувных лодок). Кроме того, использовались подручные средства: для переправы пехоты - рыбацьи лодки, ворота, двери, крыши; для батальонной и полковой артиллерии строились плоты и легкие паромы. Для дивизионной и приданной корпусу артиллерии был организован корпусной пункт переправы на трех тяжелых паромах из табельного имущества грузоподъемностью 3- 9 тонн.

Выполняя поставленную задачу, части 28-й гвардейской и 10-й воздушно-десантной дивизий на плечах противника ворвались в Карагаш и Слободзея Молдавская, завязали уличные бои, к 22.00 11 апреля полностью очистили эти пункты от врага и приступили к форсированию Днестра.

После бурного Южного Буга с его неприятливыми голыми берегами Днестр в вечерних сумерках казался особенно тихим и величавым. Его еле заметное течение, густая растительность по берегам и глубокая тишина вокруг невольно переносили из мира грохота, разрушений и смерти в мир покоя и отдыха. По восточному берегу тянулись фруктовые сады и виноградники; высокий, густой лес на западном берегу вплотную подступал к реке.

188-я стрелковая дивизия, подойдя к городу Тирасполь и Суклее, завязала бои на их окраинах. В 21.00 она произвела частичную перегруппировку, увязала свои действия с 92-й гвардейской дивизией полковника Матвеева (вступил в командование после Петрушина) и возобновила наступление, нанося удар двумя полками на Тирасполь и одним на Суклею. Боем войсковых частей на подступах к Днестру и разведкой всех видов было установлено, что основные силы потрепанных нами на реке Кучурган 15, 257 и 258-й пехотных дивизий противника отходили в направлении Тирасполь, Бендеры. На левом фланге корпуса, на участке Карагаш, Слободзея Молдаванская, тянулись оторвавшиеся арьергарды и тылы этих дивизий, а также румынские пограничные отряды.

В это время года на западном берегу Днестра бывает много плавней и затопленных участков. Поэтому переправившиеся на западный берег подразделения противника непосредственно на берегу долго не задерживались, а отходили на близлежащие высоты у Кицканы, Копанка.

Учитывая все это, я приказал командирам дивизий выслать с рассветом для захвата командного Кицканского гребня передовые отряды: 28-й гвардейской дивизии - в район Кицканы, 10-й воздушно-десантной - в район Копанка.

Ночной бой сложился в нашу пользу. Долго сдерживать наш натиск противник не смог. По горькому опыту прошлых боев, он боялся лишиться путей отхода на Бендеры. Малейшая проволочка могла поставить его под угрозу полного уничтожения или пленения.

В 24.00 наши части ворвались в Колкотову Балку и Суклею и завязали там уличные бои. К 3 часам ночи 12 апреля совместным ночным штурмом воины 92-й гвардейской и 188-й стрелковой дивизий взяли Тирасполь.

К рассвету 188-я стрелковая дивизия целиком выдвинулась на восточный берег Днестра и стала готовиться к форсированию.

На левом фланге корпуса форсирование Днестра гвардейскими дивизиями началось в 22.00 и протекало без особых осложнений. Прикрывавшие берег румынские части были отброшены на запад. К утру правый лесистый берег против Суклеи и Карагаша протяжением около семи километров уже находился в наших руках.

Началось расширение плацдарма. Передовые отряды дивизий устремились на командный гребень кицканских высот. Сюда же из Бендер по правому берегу Днестра тянулись и передовые вражеские части.

И вот здесь, на гребне, произошел встречный бой, пожалуй, единственный встречный бой, который я наблюдал за все три года войны.

Гитлеровцы придавали высотам большое значение, но упредить нас в их захвате не успели, а румынское прикрытие оказалось слишком слабым.

В 8 часов утра передовой отряд 28-й гвардейской Харьковской дивизии втянулся в Кицканы, расположенные на северных скатах гребня, и тут, у монастыря, неожиданно натолкнулся на фашистских автоматчиков.

Прикрывшись с фронта одной ротой, комбат быстро вывел батальон из села и, обходя его с юга, садами, продолжал выдвигаться на высоты. С вершины гребня он увидел две вражеские колонны: одна (силою до батальона) подходила к Кицканы, другая (до полка) подтягивалась к западным скатам.

Развернувшись на гребне, батальон вступил в бой. Вскоре на помощь прибыл и передовой отряд 188-й стрелковой дивизии. Он форсировал Днестр на излучине южнее Тирасполя и, заслышав выстрелы, выдвинулся в Кицканы броском. Против вражеского полка оказались два наших батальона. Бой разгорался.

Надо сказать, что и наше командование уделяло кицканским высотам особое внимание. Ставя задачу на форсирование, командарм подчеркнул их значение.

Услышав донесшиеся с высот первые выстрелы, я немедленно направил туда все переправившиеся подразделения и части гвардейской Харьковской и воздушно-десантной дивизий.

К 11.00 гребень уже прочно седлали наши четыре стрелковых полка. Выбитые из Кицканы и сброшенные с гребня, разрозненные вражеские цепи откатывались назад, в долину.

К 12.00 я приехал в Кицканы. Бой за высоты был выигран нашими войсками. Отдаленная стрельба слышалась на западных скатах, а в селе и в садах, окружавших его, царило спокойствие.

Взобравшись на вершину кицканских высот, я замер от восхищения. На западе, как дно огромной чаши, раскинулась широкая долина с виноградниками, садами, рощами, круглым озером Бабайсь и другими небольшими озерами. За долиной поднимались в гору селения Плавни и Хаджимус, а за ними вырастали высоты, переходившие в холмистое плато, такое же высокое, как и гребень, на котором я находился.

Вправо, на возвышенном берегу Днестра, белели, обнесенные крепостными стенами Бендеры. От Бендер, изгибаясь причудливой лентой, петлял Днестр. Он сначала тянулся к югу, затем, сделав петлю, поворачивал на восток, потом, извиваясь змеей, полз на северо-восток к Тирасполю и, образовав там три крутых витка, снова поворачивал на юг.

Влево синела обширная гладь озера Ботно с большим населенным пунктом Киркаешты на противоположном берегу. От Киркаешты к западу и юго-западу местность резко повышалась.

На севере, за садами, виднелись очертания Тирасполя, а на востоке, откуда я только что прибыл, чуть проглядывала Слободзея Молдаванская.

Над высотами и низинами, над Днестром и озерами, над Бендерами и Тирасполем играло весеннее солнце.

Меня удивляло, как это гитлеровцы смогли допустить потерю такого замечательного плацдарма. Посади они сюда заблаговременно хотя бы одну дивизию, и нам не взять бы его с ходу, как это удалось теперь. Чтобы сломить организованную оборону на кицканском гребне, потребовалось бы много сил и средств.

За успешное форсирование Днестра и захват плацдарма командующий войсками фронта Р. Я. Малиновский объявил корпусу благодарность.

Бои за расширение плацдарма пришлось вести еще целых полмесяца. Нам удалось очистить от противника всю низину, занять восточную часть Плавней и выйти к предгорью, к полотну железной дороги из Бендеры на Киркаешты.

Только 27 апреля, в соответствии с указаниями командарма, корпус перешел к жесткой обороне.

С переходом к обороне от нас ушла 10-я гвардейская Криворожская воздушно-десантная дивизия, о чем я очень сожалел. Вместо нее прибыла 92-я гвардейская Криворожская стрелковая дивизия полковника М. И. Матвеева. Эту дивизию мы знали еще с Днепра, она была уже раз в составе корпуса, да и за Тирасполь дралась вместе с нами.

Для обороны всей низины с передним краем от Плавней до Киркаешты протяжением 8 километров и глубиной 6 километров - до кицканских высот - я оставил две дивизии, а одну расположил, во втором эшелоне - в районе Кицканы. Общая глубина плацдарма на участке корпуса достигала 14 километров.

Наш правый фланг упирался в Днестр (2 километра южнее Бендеры), а левый примыкал к озеру Ботно. На этом рубеже фронт стабилизировался на все лето.

8. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 210-215).

В цветущей Молдавии.

В середине апреля медсанбат переправился через Днестр и расположился в домиках и садах Кицкан. Теперь мы находились, можно сказать, недалеко от боевых порядков частей дивизии. При первой возможности дал знать об этом в полк своим сослуживцам. И вот спустя некоторое время ко мне пожаловала целая группа друзей: Герай Велибеков, Илья Ожередов, Павел Селиверстов и Виталий Коровкин. Прибыли они на пролетке, и не с пустыми руками, а с бочонком красного вина, по утверждению Павла Селиверстова, «найденного» в монастыре села Кицканы.

Мы уселись за стол в хате, где я жил. Посыпались вопросы о здоровье, о жите-бытье. Я заверил своих друзей, что через недельку буду вместе с ними добивать гитлеровскую нечисть. В свою очередь поинтересовался, как идут дела в полку, расспросил о друзьях, которые не смогли приехать с ними. Завязался долгий душевный разговор.

- В тот день, когда вас ранило, полку так и не удалось оторваться от правого берега Кучургана, - рассказывал Ожередов. - Это удалось сделать только в ночь на одиннадцатое апреля.

- Когда на переднем крае появился наш боевой замкомполка Герай Велибеков, - пошутил Селиверстов, – фрицы и румыны испугались его кавказского темперамента и отступили.

Все захохотали.

Велибеков, то ли польщенный комплиментом, а он их любил, то ли решивший рассказать о пережитом, допил вино из солдатской кружки, поставил ее на стол и, сделав рукой жест, показывающий, что пить больше не намерен, произнес:

- Постой, дорогой, погоди. Зачем шутить и другу неправду говорить? Фашисты совсем не отступили и даже не собирались это делать. Наши гвардейцы прорвали их оборону и, поддавая им, и в хвост и в гриву, погнались вспять. Да так ударили, что за день мы продвинулись на целых два десятка километров и вечером вышли к селению Карагаш. Гитлеровцы намеревались остановить нас на его восточней окраине. Позади них был Днестр, деваться им было некуда. Поэтому-то они и сопротивлялись отчаянно. Бой шел за каждый переулок, за каждый дом, строение. К наступлению темноты Карагаш был полностью очищен от захватчиков. Батальон вышел на левый берег реки. Вот как это было! А то - «отступили»...

- Согласен с вами, Герай Илдримович. Действительно, я допустил неточность формулировочки о драпаниии фашистов, - извинился Селиверстов.

Но Герая уже трудно было остановить. Смуглые щеки его порозовели, черные глаза излучали молнии. Чувствовалось, что он вновь переживал минуты успешного боя. Вспоминая, Велибеков непрерывно потягивал козью ножку. Выпустив очередную порцию табачного дыма, он продолжал:

- А форсирование реки происходило так. Примерно в полночь на нашем участке на надувных лодках от берега сначала отчалили дивизионные и полковые разведчики. Пока они плыли на противоположный берег, бойцы Шишковца спустили на воду плоты и приданные полку две надувные лодки А-3. Загрузили их боеприпасами: минами, винтпатронами, гранатами; рассадили людей. И как только был получен сигнал от разведчиков, двинулись на противоположный берег. Переправа прошла успешно. Со вторым рейсом на двух надувных лодках А-3 вместе с комбатом Шишковцом, офицерами его штаба и командиром первой батареи Николаем Софинским отправился через Днестр и я.

Сначала все шло благополучно. Гребцы, кто веслами, кто просто шестами, помалу отдаляли нас от своего берега. Однако нашу тихоходную флотилию от указанного места снесло влево течением реки...

Рассказ Велибекова дополняли Ожередов и Селиверстов, находившиеся при форсировании вместе с командиром полка подполковником Коркуновым.

.. К восходу солнца батальон выдвинулся на северо-западную окраину Кицкан - на рубеж задачи - и приступил к его закреплению.

Однако обстановка стала осложняться. Сначала оборвалась связь с командиром полка, который примерно к 3 часам переправился на западный берег реки. Связисты, вышедшие на линию для устранения порыва, сообщили о том, что они наскочили на группу фашистов. Высланное Шишковцом на помощь связистам отделение бойцов вскоре встретилось с Н. Н. Софинским, который после того как организовал наблюдение с НП комбата, вместе со своим ординарцем К. В. Филипповым возвращался к себе на батарею. Ему-то и пришлось принять на себя руководство боем по уничтожению блуждающих по лесу гитлеровцев. Не успела еще смолкнуть перестрелка в тылу батальона, как на его правом фланге до роты фашистов предприняло контратаку.

По восстановленной линии связи в батальон поступил приказ продолжать наступление в южном направлении на гряды кицканских высот, выгодных в тактическом отношении. В этой обстановке комбат Шишковец для прикрытия фланга и отражения контратаки выделил 1-ю роту, а остальные силы батальона бросил на захват гребня кицканских высот. У воинов 1-й роты бой с врагом разгорелся жаркий. На взгорье, где у стен монастыря укрепились наши гвардейцы, фашисты лезли напролом. Но вскоре на северную окраину Кицкан вышли воины 86-го гвардейского полка и завершили разгром врага. 1-я рота получила возможность соединиться с батальоном.

А тем временем капитан Шишковец, выполняя приказ, свои главные силы вывел на восточные скаты кицканских высот. Гвардейцы батальона смело атаковали врага, сбили его и закрепились на западных скатах высоты с отметкой 116,0.

Поднявшись на вершину высоты, чтобы выбрать место для наблюдательного пункта, Шишковец увидел две вражеские колонны. Одна из них, силою до двух рот, двигалась к западной окраине Кицкан, другая, силою до полка, по дороге Бендеры - Меринешты шла на высоту 116,0. Враг явно намеревался не отдавать эти выгодные позиции в излучине Днестра южнее Тирасполя. О надвигающейся опасности немедленно было доложено в полк, а оттуда в дивизию и корпус.

Вскоре завязался тяжелый бой с превосходящими силами противника. За его ходом внимательно следило командование. Придавая важное значение удержанию кицканских высот, оно принимало срочные меры к усилению батальона Шишковца. Генерал Чурмаев с ходу бросил сюда переправившийся на западный берег 92-й гвардейский полк, а командир корпуса генерал Кузнецов - батальон 580-го стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии. Оказали помощь и наши соседи слева - воины 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. К полудню общими усилиями вражеская контратака была отбита. Понеся большие потери, гитлеровцы откатились к Плавням и в Хаджимус...

... Во второй половине апреля погода стала налаживаться. Дождь и холод уступили место солнцу и теплу. Зацвели акация и плодовые деревья. Сплошным зеленым ковром покрылась земля. В такие погожие дни

не сиделось в крестьянской хате. Большую часть времени стал проводить на воздухе. Один раз в день ходил на перевязку. Заживление раны шло нормально. Все это радовало меня, вселяло надежду на скорое возвращение в строй, к своим боевым друзьям. А они меня не забывали.

Из коротких писем товарищей, из их рассказов при посещении я знал о делах полка. Наши гвардейцы вместе со своими соседями за последние дни очистили всю низину между кицканскими высотами и предгорьем к западу от них - к полотну железной дороги из Бендер на Хаджимус, Киркаешты, Каушаны. По этому, выгодному для обороны рубежу и проходила линия соприкосновения с врагом. Изо дня в день продолжались бои за расширение плацдарма. Они приняли затяжной и изнурительный характер. Дивизии и, в частности, полку несколько раз ставилась задача овладеть селением Хаджимус. В атаку гвардейцы ходили и днем и ночью. В некоторые дни - по нескольку раз, но все безуспешно. Удавалось им врывать и в селение и перерезать железную дорогу. Но не доставало сил для закрепления успеха.

Враг, располагаясь на взгорье, просматривал нашу оборону визуально, обстреливал ее артиллерийским огнем. Его авиация методически вела разведывательные полеты, бомбила штабы, ближайшие тылы и переправы через Днестр.

Роковым для полка и дивизии оказался день 18 апреля. Вечером того дня, после перевязки, ординарец Виталий Коровкин привел меня на сортировочный пункт хирургического отделения медсанбата к старому другу еще по Северо-Западному фронту, помощнику начальника штаба по тылу младшему лейтенанту П. М. Личагину, назначенному вместо Н. П. Матвейчука, убитого из полка по болезни. Личагин лежал на носилках среди десятка раненых в ожидании приема врачей. Нога и левое плечо его были забинтованы. Петр Матвеевич сильно ослабел, но нашел в себе силы рассказать о случившемся.

... Полк готовился к ночным наступательным действиям. Очевидно, по этому случаю в 16 часов командир полка подполковник Коркунов назначил совещание на командно-наблюдательном пункте. В то время он располагался на опушке леса, обращенной к противнику, западнее Меринешты.

- Когда мы, - рассказывал Личагин, - с помощником командира полка по тылу капитаном Петром Васильевичем Спириным прибыли на место сбора, там уже собрались офицеры нашего полка, несколько старших офицеров дивизии и соседних полков. Такой сбор требовал соблюдения мер маскировки и четкого несения комендантской службы. Но ничего подобного не было. Чувствовалась явная беспечность со стороны штаба полка и офицеров дивизии. И конечно, это могло быть замечено наблюдателями противника.

По этой ли причине или по другой - просто в результате методического обстрела - ровно в шестнадцать часов, в момент открытия совещания, в районе сбора рвутся всего три снаряда врага. Два из них ударили с

недолетом, а третий - вблизи НП. Осколками был убит командир девяносто второго полка подполковник Гречко, тяжело ранены командир нашего полка подполковник Коркунов, помощник начальника штаба полка по оперативной части старший лейтенант Тонконог, рядовые Позняк и Антонов, смертельное ранение получил начальник связи капитан Ожередов. Илье Петровичу оторвало ногу по самое бедро. Ему не успели сделать и перевязку, как на руках у санитаров он скончался. После артобстрела место совещания было перенесено глубже в лес. А вот с перемещением штаба задержались. Враг же примерно через два часа повторил обстрел этого района. Мы вместе с лейтенантом Лазаревичем укрылись в траншее. Но один вражеский снаряд достал нас и там. Иван Иванович был сразу же убит, а меня вот в двух местах покорежило: левое плечо и ногу... - Личагин опустил глаза, замолк. Лицо его еще более побледнело, а лоб покрылся бисеринками холодного пота. По всему чувствовалось, что разговор о пережитом ему очень тяжел.

Когда я услышал такое, у меня перехватило дыхание. Ведь подобного у нас на командном пункте не случалось ни разу... С трудом взял себя в руки и не стал задавать больше вопросов. Да и санитары подошли. Они осторожно подняли носилки. Петр Матвеевич, прощаясь, тихо произнес: - Не задерживайтесь здесь, товарищ майор. В полку вас ждут...

В хату-палату возвратился совершенно разбитым. Прилег на кровать. Горечь утраты опалила душу. Никак не верилось, что нет больше ни Ильи Петровича Ожередова, ни Ивана Ивановича Лазаревича. Два года воевал с ними бок о бок. С Ильей Ожередовым вместе прибыл в полк. Тогда нас было пятеро. Крепко дружили. Теперь в живых осталось двое...

Под утро забылся коротким сном. Проснулся с одним желанием: быстрее вернуться в строй и отомстить врагу.

9. Из воспоминаний гвардии майора Бологова Ф. П., бывшего начальника оперативного отделения штаба 20-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии.

Бологов Ф. П. В штабе гвардейской дивизии. – М.: Воениздат, 1987. Глава 6. «В боях за освобождение Молдавии». http://modernlib.ru/books/bologov_fedor/v_shtabe_gvardeyskoy_divizii/read_11

Сбивая заслоны врага, гвардейцы стали быстро продвигаться вперед, и уже на рассвете 11 апреля передовые подразделения ворвались в первое село Советской Молдавии - Слободзею Молдаванскую. К 8 часам утра 55-й полк в уличных боях очистил от противника юго-западную часть села и первым в корпусе достиг берега Днестра.

В это время противник контратаковал правофланговые подразделения 60-го полка. Щеденко развернул главные силы и встречным ударом разгромил врага. Затем полк очистил от фашистов северо-западную часть

Слободзеи Молдаванской и также вышел к Днестру.

Сотни жителей села выбежали на улицы встречать своих освободителей. Гвардейцы буквально затерялись в толпе ликующих молдаван, которые приглашали их в дома за накрытые по-праздничному столы. Но впереди был Днестр, и не было времени воспользоваться этим гостеприимством.

В штабе закипела работа.

Полковник Лимонт приступил к планированию боевых действий. Я тоже совсем было засел за документы, но прибежал посыльный и передал распоряжение срочно прибыть к командиру дивизии.

У генерала был уже полковник И. А. Замотаев. Когда я вошел, они о чем-то оживленно беседовали.

- А, Бологов - сказал комдив. - Я сейчас выезжаю в 60-й, а вам с Замотаевым нужно отправиться в 55-й полк. Помогите подготовиться к форсированию.

Кратко рассказав, что нам необходимо сделать в полку, комдив пожелал счастливого пути. Мы выехали в 9 часов утра. Поднявшись на высокий холм, невольно залюбовался открывшимся видом. Слободзея Молдаванская тянулась вдоль берега Днестра, живописно раскинувшись на поросших садами холмах.

Было тихо. Казалось, что и нет войны. Но мы знали, что на противоположном берегу притаился враг. На командном пункте нас встретил первый помощник начальника штаба полка старший лейтенант А. В. Калиновский. Командир и начальник штаба полка находились в батальонах на берегу реки. Мы сразу решили идти к ним. Спустились к реке. Она разлилась метров на 250-300. Неслись по ней остатки льдин, бревна, коряги и различный хлам. На берегу шла работа. Бойцы готовили подручные переправочные средства. Использовалось все, что могло держаться на воде: бочки, двери, плетни, доски. Из этого материала сооружались большие плоты. На отдельных бревнах и дверях полк не переправишь. Саперам помогали жители села. На себе и на лошадях они несли и подвозили к берегу различные деревянные материалы, веревки, гвозди - все, что могло пригодиться. Появилось даже пять лодок.

У одного из домов мы нашли командира полка майора Тесленко и начальника штаба капитана Иванова. Они вместе с помощником начальника штаба по разведке капитаном С. Н. Колоколовым допрашивали пленного, только что доставленного с противоположного берега Днестра. Тут же находился и командир взвода разведки лейтенант В. А. Фролов. Пленный оказался унтер-офицером 522-го охранного батальона немцев и сообщил, что остатки разгромленных частей 76-й пехотной дивизии отходят в направлении Копанки. Он утверждал, что командование дивизии не ожидает форсирования реки в этом районе крупными силами советских войск, поэтому для прикрытия отхода оставило на берегу незначительные силы.

- Надо срочно начинать форсирование реки и упредить противника в занятии им обороны на Кицканских высотах, - сказал Замотаев и тут же

поставил полку боевую задачу.

Майор Тесленко и капитан Иванов приступили к выработке решения, согласно которому форсирование Днестра предусматривалось произвести одновременно двумя батальонами, а после захвата плацдарма в пойме реки батальону капитана Н. У. Бинденко поручили с ходу овладеть Копанкой. Батальон старшего лейтенанта М. С. Шакирова получил задачу уничтожить противника в пойме реки и обеспечить ее форсирование остальными силами полка.

До мельчайших подробностей были продуманы и все остальные детали. Мы помогли командиру полка и начальнику штаба в организации взаимодействия, в определении целей для полковой, приданной и поддерживающей артиллерии. Полковую, к примеру, решили распределить между батальонами, чтобы командиры их всегда имели под рукой мощные огневые средства.

Когда работа была полностью завершена, полковник Замотаев утвердил решение командира полка и уехал в саперный батальон дивизии.

Мы с Тесленко и Ивановым направились на командный пункт. Они занялись неотложными делами, а я доложил полковнику Лимонту о показаниях пленного и о принятом командиром полка решении. Полковник Лимонт передал Тесленко приказание командира дивизии начать форсирование Днестра одновременно с 60-м полком в 14 часов 30 минут 11 апреля.

Когда все распоряжения были отданы, Иванов предложил мне пройти в 1-й батальон. На КП нас встретил капитан Н. У. Бинденко и доложил:

- Батальон к форсированию Днестра готов.

Далее он сообщил, что в передовой отряд для захвата плацдарма выделена рота лейтенанта К. В. Шмакова, которая уже погрузилась на плавсредства и готова к отплытию.

- Ну что ж, тогда начнем, - спокойно сказал Иванов.

Точно в назначенный час лодки и плоты отчалили от берега.

Одновременно наши батальоны открыли ружейно-пулеметный огонь по противоположному берегу реки. В течение трех минут стоял такой треск, что голоса соседа слышно не было. После этого поступило распоряжение начать погрузку главных сил батальонов первого эшелона.

Все шло организовано, слаженно. Бойцы без суеты спускали на воду плоты, грузили на них минометы, пулеметы, противотанковые ружья, ящики с боеприпасами. Берег пришел в движение. Сотни людей с автомаматами, пулеметами и пушками начали форсирование Днестра на широком фронте.

Когда передовая рота 1-го батальона приблизилась к противоположному берегу, противник открыл пулеметный огонь. Но поздно. В бинокль я видел, как из лодок дружно выскочила на берег группа гвардейцев и пошла в атаку. Затем донесся шум боя, который шел в глубине леса.

Примерно через тридцать - сорок минут с противоположного берега возвратился раненый рядовой И. Я. Назаренко и передал донесение

командира роты лейтенанта Шмакова. В нем указывалось, что рота задачу выполнила, плацдарм захвачен. Командир роты указал, что в бою особенно отличился взвод младшего лейтенанта Кузнецова. Из рассказа Назаренко мы узнали подробности.

Младший лейтенант Г. С. Кузнецов переправлялся в одной лодке со своим помощником старшим сержантом И. Н. Чуприным, пулеметчиками Н. Г. Пономарчуком и И. Л. Скакуном, автоматчиками В. С. Веретениным и И. Я. Назаренко. Лодка оторвалась от остальных плавсредств роты и первой достигла берега, занятого врагом. Когда противник открыл пулеметный огонь по роте, группа Кузнецова уже выскочила на берег и сразу же засекала вражеский пулемет. По приказу командира взвода Пономарчук и Скакун огнем своих пулеметов заставили замолчать врага, а Кузнецов с остальными гвардейцами группы огнем автоматов и гранатами выбили фашистов из двух окопов и сразу же закрепились в них. Небольшой плацдарм был захвачен.

Гитлеровцы предприняли сильную контратаку и начали обходить смельчаков с флангов. Первая контратака была отбита с большими потерями для врага. Однако фашисты не успокоились. Открыли по гвардейцам минометный огонь и снова перешли в контратаку, на этот раз во фланг группе гвардейцев. Но и там уже их ждали. Кузнецов умело маневрировал силами небольшой своей группы. Вскоре в ход пошли гранаты. Пал смертью храбрых Веретенин, получил ранение Назаренко, но гвардейцы стояли насмерть. Им на помощь подоспели остальные бойцы взвода, а вскоре и вся рота. Решительной атакой гвардейцы, в первых рядах которых был Кузнецов, разгромили контратакующего врага и значительно расширили захваченный плацдарм. Дорога на Копанку была открыта. Рота, благодаря смелости и командирскому мастерству Кузнецова, с честью выполнила поставленную задачу и обеспечила успешную переправу через Днестр главных сил батальона.

За подвиг, совершенный на Днестре, младший лейтенант Георгий Степанович Кузнецов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, а все гвардейцы его группы награждены орденами.

Вместе с передовыми батальонами полка на правый берег Днестра переправились начальник штаба капитан Иванов и его помощник по разведке капитан Колоколов со своими разведчиками. Капитан Иванов быстро организовал связь с подразделениями и взял на себя руководство ими на западном берегу реки. Майор Тесленко продолжал руководить переправой остальных подразделений полка.

По приказу полковника Лимонта я подобрал для командного пункта дивизии помещение на северной окраине Слободзеи Молдаванской. Там встретился с заместителем начальника политотдела подполковником В. Н. Халамендыком, который мне рассказал о подвиге командира расчета станкового пулемета 60-го полка сержанта Ивана Петровича Карпова. Действуя в составе передовой роты батальона, Карпов со своим напарником В. Ф. Рыньчаком поставили пулемет на камышовый плотик и первы-

ми отчалили от берега. Противник заметил смельчаков и открыл по ним минометный и пулеметный огонь. Рыньчак был ранен, однако Карпов, не сбавляя скорости, вел свой плотик навстречу врагу, и вскоре он уткнулся в песчаную отмель, где обрывистый берег укрыл гвардейцев от пуль. Сержант быстро снял с плотика пулемет, перенес на берег раненого товарища, перевязал и укрыл его. Поднявшись на берег, он заметил вражеский пулемет и открыл по нему огонь. Враг замолчал. Тогда Карпов ползком, таща за собой «максим» и коробку с лентой, начал продвигаться вперед и тут обнаружил еще две огневые точки противника. Сержант открыл огонь и по ним. И снова уничтожил врага. Затем он отразил натиск небольшой группы гитлеровцев. А вскоре гвардейцы роты капитана Н. Ф. Хрычева пошли в атаку, и отважный пулеметчик поддержал их метким огнем. Плацдарм был захвачен. За этот подвиг Ивану Петровичу Карпову было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

К 19 часам передовые отряды 55-го и 60-го полков после короткого боя овладели важным в оперативном отношении населенным пунктом Копанка и начали продвигаться в юго-западном направлении.

Командир дивизии решил управлять ночными действиями с передового командного пункта в Копанке. Мне он приказал взять необходимое количество радиостанций и вместе с начальником разведки майором Золотаревым, а также начальником штаба артиллерии майором Глушичем, начальником связи майором Дыкиным и моим помощником капитаном Софрыгиным следовать за ним в Копанку.

К нашему приезду в Копанку на реке уже работала паромная переправа. Встретили майора Карцева. Он доложил генералу Дрейеру, что вся артиллерия стрелковых полков переправлена. Начал переправлять свою артиллерию 46-й артиллерийский полк.

- Как настроение у саперов? - спросил комдив. - Не устали?

- Отличное, товарищ генерал, трудятся с большим подъемом. Устать-то устали, но задачу выполним. Корпусные понтоны уже прибывают. Будем наводить понтонный мост.

- Хорошо, товарищ майор. Передайте саперам мое спасибо за их труд и доставьте нас на тот берег.

Мы быстро переправились через Днестр и начали двигаться по дороге на Копанку. Сплошной колонной двигались стрелковые и артиллерийские подразделения нашей 195-й дивизии. К 22 часам нам с трудом удалось добраться до Копанки.

В просторном деревенском доме развернули передовой пункт управления. По радиации связались с командирами полков и уточнили обстановку на этот час.

Начальник штаба 55-го полка Иванов доложил, что передовой отряд полка, не встречая сопротивления противника, вышел на гребень высот юго-восточнее Копанки и продолжает двигаться в направлении Плоп-Штубей; главные силы колонной следуют за отрядом, а часть полковой

артиллерии застряла по дороге на Копанку. Генерал Дрейер предупредил Иванова, что противник может подбросить резервы и контратаковать полк. Нужно хорошо вести разведку.

Я непрерывно запрашивал обстановку у командира 60-го полка, но его рация молчала. Связался со штабом полка, но тот находился в движении и ничего нового доложить не смог. Связался с КП дивизии. Полковник Лимонт ответил, что Щеденко не отвечает более двух часов.

- Потеряли управление полком? - спросил комдив и строго посмотрел на меня.

- Разрешите мне поехать к Щеденко? - попросил я.

- Зачем вам ехать? Пошлите капитана Софрыгина, - ответил Дрейер.

И тут, наконец, заработала рация, принимая долгожданный сигнал. Щеденко докладывал, что главные силы полка в 22.00 пересекли дорогу и вышли на гребень Кицканских высот западнее Копанки.

- Веду бой с превосходящими силами противника, - кричал он, словно пытаясь заглушить грохот разрывов. - Полку удалось отразить контратаки. Но нужна помощь. Прошу усилить противотанковой артиллерией и поддержать огнем дивизионной артиллерийской группы.

- Не отходите далеко от рации. Доложу обстановку комдиву, и дадим ответ, - сказал я.

Софрыгин быстро нанес обстановку на карту, и мы доложили ее генералу Дрейеру, Он внимательно выслушал наш доклад, внимательно посмотрел на карту и сказал:

- Все ясно... Противник почувствовал угрозу окружения и начал отход из большой излучины Днестра. Мы ему перерезали все пути. Будет пробиваться. Надо срочно усилить полк Щеденко и не допустить прорыва. Вызовите к аппарату Гугина.

Именно на его 57-й полк ложилась ответственная задача, именно ему пришлось отражать наиболее сильный натиск. Соответствующие указания были даны и другим частям.

Все распоряжения комдива мы с капитаном Софрыгиным и майором Дыкиным быстро передали по рации командирам полков, используя кодовую переговорную таблицу.

Генерал Дрейер переговорил по телефону с полковником Лимонтом, ввел его в обстановку и приказал согласовать с командиром 10-й воздушно-десантной дивизии совместные действия по разгрому противника северо-западнее Копанки. После этого начать перемещение командного пункта в Копанку.

Всю ночь батальоны майора М. П. Стрижакова, капитана Ф. К. Кириленко вели напряженный бой на высотах северо-западнее Копанки. Несколько раз отбрасывали танки и пехоту противника и прочно удерживали занимаемый рубеж.

Около пяти часов утра, когда было еще совсем темно, меня пригласил к рации сержант Шляхтич. Докладывал капитан Иванов:

- На дороге, в двух километрах от Плоп-Штубей, разведка и головной батальон полка встречены плотным ружейно-пулеметным и танковым огнем противника. Решил развернуть полк и с ходу атаковать врага.

- Обстановка осложняется! - вслух произнес генерал Дрейер. - Передайте Иванову. Пусть быстрее развертывает полк, закрепляется на достигнутом рубеже, проводит разведку сил противника и атакует его.

Трудная ночь заканчивалась. Начинало светать. 57-й полк вышел на исходный рубеж и получил приказ командира дивизии нанести удар в направлении озера Ботно. Одновременно главные силы 60-го полка вышли на дорогу у юго-восточного берега озера и завязали огневой бой с противником на подступах к населенному пункту Фынтына-Маскулуй.

Начальник штаба 55-го полка Иванов доложил по радиации о том, что атака с ходу без артиллерийской подготовки успеха не имела. Полк закрепился на выгодном рубеже. Перед его фронтом противник оборонялся силою до полка пехоты с танками. Он сообщил также, что выслал письменное донесение со схемой подробного положения подразделений на 6 часов утра.

Долго не смолкал грохот орудий, вой авиационных бомб, скрежет ползущих танков, стрекот пулеметных и автоматных очередей, стоны и крики раненых. Пламя и дым застилало поле боя. Бои продолжались до 14 апреля. Обе стороны успеха не добились и вынуждены были перейти к обороне.

Главное наша дивизия сделала - захватила плацдарм на западном берегу Днестра и вместе с другими соединениями 37-й армии расширила его на глубину от 10 до 15 километров и в ширину до 20 километров. Этот плацдарм, позднее названный кичканским, обеспечил развертывание главных сил 3-го Украинского фронта в Яско-Кишиневской операции.

В двадцатых числах апреля 20-я гвардейская была выведена во второй эшелон, вернулась на левый берег Днестра и сосредоточилась в районе Тирасполя. Здесь она получила пополнение и приступила к подготовке к новым боям.

Разгром немецко-фашистских войск в Одесской наступательной операции, выход наших войск к Днестру и захват оперативного плацдарма на его правом берегу - одна из замечательных побед Красной Армии весной 1944 года на юге страны. Свой вклад в эту победу внесли и гвардейцы 20-й дивизии.

10. Из воспоминаний полковника Шинкаренко Г. Н., бывшего заместителя командира по политчасти, начальника политотдела 188-й Нижнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии.

(Шинкаренко Г. Н. Несущие факел. М.: Воениздат, 1984. Глава «Впереди Тирасполь и Днестр», стр. 190-196). http://militera.lib.ru/memo/russian/shinkarenko_gn/index.html

11 апреля части дивизии овладели населенными пунктами Никольское и Ново-Наксия. Преследуя противника, они к исходу дня вышли непосредственно к Тирасполю и к восточной окраине деревни Суклея. Здесь,

на заранее подготовленном рубеже, гитлеровцы оказали организованное сопротивление.

Действующая слева 28-я гвардейская стрелковая дивизия к этому времени ворвалась в Карагаш и Слободзею.

Перегруппировав силы и подтянув артиллерию, отчасти освободившуюся из плена распутицы, войска в 21.00 11 апреля возобновили атаку.

Общая обстановка на фронте облегчала нашу задачу. Войска 2-го Украинского фронта, развивая наступление на Дубоссары, угрожали противнику с севера, а соединения левого крыла 3-го Украинского фронта, овладев 10 апреля Одессой и районом северо-западнее ее, отрезали противнику пути отхода на юг.

Южная окраина Тирасполя... Здесь 1-му батальону 595-го стрелкового полка сильно мешал огонь тщательно замаскированного вражеского пулемета. Первым обнаружил огневую точку командир взвода противотанковых ружей сержант Б. В. Милеев, член ВЛКСМ. Проявив инициативу, он выдвинулся вперед и тут же уничтожил пулемет.

В одном из орудийных расчетов этого полка почти в самом начале наступления погиб наводчик. Еще раньше выбыл командир орудия. Их обязанности взял на себя комсомолец В. А. Столяров, заряжающий. Стрелки помогали ему перетаскивать орудие. Столяров отлично поддерживал огнем их атаку, уничтожив три пулемета и не один десяток гитлеровцев.

Находясь с капитаном Гуковым, помощником по работе среди комсомольцев, в передовых подразделениях 595-го полка, мы вместе с бойцами пробились через Колкотову балку в город. Все кругом гремело. Рвались снаряды, трещали пулеметы, полыхали пожары. Но что более всего впечатляло, так это неудержимый наступательный порыв воинов, стремившихся завершить освобождение города от фашистской нечисти. К трем часам ночи 12 апреля 1944 года части 188-й и 92-й гвардейской дивизий освободили Тирасполь. Рядовой роты автоматчиков 595-го полка Махмут Мамедов водрузил красный флаг над зданием городского кинотеатра. Полотнище, вскоре освещенное лучами утреннего солнца, было видно издалека.

Отряд лейтенанта В. Ф. Холода имел задачу, не ввязываясь в бой, выйти к Днестру и форсировать его. С помощью подручных средств бойцы отряда форсировали реку еще ночью и закрепились на правом берегу. С рассветом переправу начали полки дивизии. За первыми батальонами переправились и мы с комдивом. Огляделись. Над городом, как символ свободы, поднимался золотистый диск солнца.

По лесному проселку подъезжаем к молдавскому селу Кицканы. На его окраине встречаем бойца с термосом за плечами.

- Где-то близко кухня, — замечает Сергей Семенович. Навстречу падает еще один боец. И тоже с термосом. Спрашиваем:

- Кухня недалеко?

- Нет, не близко. А в термосе — вино.

- Какое вино? Где взяли? — встревожился комдив.

- В монастыре.

Новость была не из приятных. Посадив в машину владельца термоса, мы поспешили в монастырь, расположенный на окраине деревни.

В одном из зданий видим бочки с вином. Нашлись тут и «дегустаторы». Около двери, прислонившись к стене, полулежал человек в черной сутане. Руки его были раскинуты, голова свесилась к плечу, рот широко раскрыт. Между ног валялось старое охотничье ружье. Мелькнула мысль - мертв. Но тревога оказалась напрасной. Двое подвыпивших солдат объяснили:

- Чокались со сторожем-монахом за победу. А он не выдержал: охмелел и уснул... Позже от настоятеля, бывшего румынского офицера, и его родственника, казначея, мы узнали, что в монастыре хранились большие запасы вина. Немцы его вывезли, но какую-то часть не успели. Осталось главным образом вино молодое, с полынью, которое монахи употребляли в лечебных целях. Слух об этом быстро распространился. Охотники «полечиться» нашлись среди военнослужащих тыловых подразделений. Пришлось взять подвал под надежную охрану.

... В полдень 12 апреля 523-й и 595-й полки в полном составе уже были на западном берегу Днестра. Форсирование водного рубежа было отмечено благодарностью командующего фронтом Р. Я. Малиновского. Этому событию были посвящены митинги, состоявшиеся в батальонах.

Дивизию вывели во второй эшелон корпуса. Мы с комдивом решили вернуться на час-другой на восточный берег, чтобы осмотреть Тирасполь. Город был сильно разрушен. Всюду виднелись развалины, но улицы, залитые ярким весенним солнцем, были переполнены людьми, одетыми по-праздничному. Слышались музыка, песни. На стенах уцелевших домов висели лозунги, провозглашавшие здравицу освободителю.

Толпа жителей окружила нашу машину. Нам предлагали угощение: вино, яблоки.

В городском кинотеатре состоялся митинг. На нем яркую речь произнес член Военного совета 37-й армии генерал И. С. Аношин. От имени жителей города выступил товарищ Годарица. Он горячо поблагодарил советских воинов за освобождение и призвал горожан самоотверженным трудом помогать Красной Армии в ее борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В зале гремели аплодисменты.

25 лет спустя, в апреле 1969 года, мне снова довелось побывать в Тирасполе, который почти заново отстроился, стал одним из крупных промышленных городов нашей Родины. На торжества съехались многие участники памятных боев, в том числе Иван Иванович Бодюл, в то время первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Молдавии. Трудящиеся города посадили аллею в честь своих освободителей.

Вернемся, однако, к событиям весны 1944 года.

В ночь на 16 апреля дивизия продолжила наступление.

Нам предстояло расширить плацдарм, созданный на правом берегу Днестра.

Противник, опираясь на цепь господствующих высот, на систему инженерных сооружений, которые он начал создавать еще в марте, сопротивлялся с исключительным упорством. Гитлеровцы то и дело переходили в контратаки, пытаясь не только удержать свои позиции, но и улучшить их. В район плацдарма враг поспешно, даже на самолетах, перебрасывал свежие соединения.

Нашим частям и подразделениям было нелегко, тем более что они испытывали недокомплект в людях, в артиллерии и боеприпасах, а танков и вовсе не было. А идти вперед надо. Где выход? Его искали в ночных действиях. Темнота стала нашим союзником. Наряду с искусством командиров, важное значение в ночных боях, приобретали инициатива, находчивость и мужество солдат.

Отважно действовало в составе штурмовой группы отделение саперов, возглавляемое кандидатом в члены партии Лапиным. Задача отделения непростая: проделать проходы в минных и проволочных заграждениях противника. Тут требуется и мужество, и физическая выносливость, и мастерство.

Едва наша артиллерия открыла огонь, как в небо по всему периметру плацдарма взвились немецкие осветительные ракеты. Затрещали пулеметы, засвистели пули, зашуршали мины. И где-то неподалеку, а то и рядом загрохотали взрывы, стали взлетать огненные столбы. Казалось, на земле не осталось даже сантиметра, не прошитого смертоносным металлом. Но все это как будто не касалось саперов. Маскируясь кустарником, используя промежутки между вспышками ракет, Лапин, Попов, Подашвили, Вайсиблот и другие саперы двигались вперед. Сделав проходы в первой линии заграждений, они тут же направлялись к следующей.

За саперами идут бойцы взвода А. П. Тимофеева из 523-го полка. Путь для них открыт. Они делают рывок, забрасывая гитлеровцев гранатами. Вот и первая траншея. Теперь в ход пошли гранаты и штыки. Комсомолец В. М. Фролов захватил немецкий пулемет, повернул его против фашистов. В той же траншее героически сражался боец Костанец, накануне принятый кандидатом в члены партии. Это он с помощью гранат уничтожил станковый пулемет врага и первым ворвался в траншею. Костанец, Фролов, Гайдук, Колдобенко, Фимченко, Скакунов, Москаленко, Загородний, Морозов и Дубицкий вывели из строя более трех десятков гитлеровцев. В разгар боя командир взвода Тимофеев был ранен. Перевязав рану, преодолевая боль, он продолжал командовать взводом.

Успешно действовали на соседнем участке бойцы подразделений И. М. Асламова и П. Г. Жаркова.

Нелегко, очень непросто прогрызть оборону противника. Но прорваться сквозь его заграждения, овладеть его позицией – лишь половина дела. Обычно враг, используя резервы, прибегал к контратакам. И тут важно было удержать захваченные рубежи. Нередко это оказывалось

труднее, чем сам захват. Так было и в том «кадре», который я описываю.

С рассветом пехота и танки противника после сильной артиллерийской подготовки предприняли контратаку. Бой разгорелся с новой силой. Вблизи одного из наших орудий, выдвинутых на прямую наводку, упал снаряд. В строю расчета остался лишь наводчик П. С. Корсанов. К пушке бросился командир батареи старший лейтенант А. С. Болотов. Вдвоем с Корсановым они продолжили стрельбу и подбили два танка. Осколок вражеского снаряда перебил руку наводчику. Но орудие не замолкало. Подбил танк и сосед Корсанова – парторг батареи сержант А. Т. Завалишин. Было ли это эпизодом? Нет, это было нормой!

В боевых порядках подразделений этого, почти суточного, боя, как, впрочем, и в период других боев, безотрывно находились политработники полков и батальонов В. В. Слюняев, И. Д. Бугай, Д. В. Дубков, А. И. Гальчун, З. В. Янушкевич, И. П. Герасимов, Н. С. Краснов, В. М. Громов, К. А. Фирь, П. И. Лысов. Они появлялись там, где было всего труднее. Их слово и личный пример цементировали поредевшие цепи бойцов.

Отбитые у врага позиции мы удержали. Его контратака и на этот раз захлебнулась.

В итоге наступления, продолжавшегося до 29 апреля, нам вместе с другими соединениями 37-й армии удалось очистить от врага всю прилегающую к реке низину, занять основную часть плавней, выйти к предгорью и к полотну железной дороги Бендеры – Киркаешты. Был удержан и значительно расширен плацдарм на западном берегу реки Днестр. Его размеры позволили в августе 1944 года сосредоточить здесь крупную группировку войск 3-го Украинского фронта и нанести главный удар по противнику в Яско-Кишиневской наступательной операции.

В боях за плацдарм наши войска нанесли противнику большие потери. Не обошлось без потерь и среди личного состава дивизии, в том числе политработников, партийных и комсомольских активистов. Погиб комсорг 523-го стрелкового полка лейтенант П. Я. Шаповал. Получили ранения замполит артдивизиона С. В. Яскевич, замполиты батальонов Н. С. Краснов, П. Е. Сотников, комсорг батальона Филатов и другие. Два осколка вражеской мины отметили и мое участие в этих боях.

Много лет спустя, в апреле 1974 года, мне довелось побывать в селе Кицканы, на бывшем плацдарме, встретиться с жителями села. С болью в сердце мы вспоминали тех, кто остался навечно в этой земле.

Подвиг однополчан, их кровь, пролитая за молдавскую землю, не пропали даром. В прошлом отсталый, задавленный нуждой край буквально расцвел, приобрел подлинно социалистический облик. Счастливы и радостно живут люди одного из передовых в республике колхозов – «Красный садовод». Его председатель В. Г. Кравченко, тот самый, который мальчишкой встречал воинов-освободителей, с гордостью рассказал, что в селе теперь пять школ, клуб, много других культурных и бытовых учреждений. Машинный парк колхоза насчитывает почти 100

тракторов, 56 автомашин. Мы осмотрели колхозные парники, конструкция и размеры которых позволяют обрабатывать их почву трактором. Среди колхозников 47 специалистов с высшим и средним образованием. Годовой доход хозяйства исчисляется несколькими миллионами рублей.

А память о воинах, принесших краю освобождение, увековеченаobelском, их имена хранят сердца колхозников.

С мая по август 1944 года дивизия, как и 37-я армия в целом, напряженно готовилась к новому большому наступлению. Его общий замысел, цели и сроки хранились в глубокой тайне. Даже слово «наступление» произносить запрещалось. Говорили только об обороне. Но доступные нашему пониманию и наблюдению мероприятия сомнений не оставляли. Да и здравый смысл подсказывал: плацдармы завоевывают не для того только, чтобы их оборонять.

Под видом укрепления обороны велись огромные по размаху инженерные работы: рыли траншеи и ходы сообщения, строили укрытия и командно-наблюдательные пункты. Все это по емкости далеко превосходило самые максимальные потребности находящихся на плацдарме войск.

Впервые за многие месяцы все части дивизии были доукомплектованы до полной штатной численности личным составом, вооружением и техникой.

То одну, то другую дивизию уводили с западного на восточный берег Днестра для интенсивной боевой учебы. Наряду с обкаткой бойцов танками, что одинаково нужно и для обороны, и для наступления, проводили тактические учения наступательного характера. Воины штурмовали специально построенные укрепления «противника».

11. Из воспоминаний полковника Сафонова М. И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии.

(Дивизия с апреля по 13 августа 1944 г. воевала на Варницком плацдарме. 15 августа вместе с другими дивизиями 68-го стрелкового корпуса 57-й армии переправилась на Кицканский плацдарм в зону своего наступления).

Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», 1975. С. 43-46.

Военная дорога снова свела меня с Ильей Егоровичем Наумовым. Мы близко подружились, и я узнал подробности той ночи, когда южнее Тирасполя форсировали Днестр. Проходило это также сложно, как и у нас.

12 апреля 1944 года 10-я гвардейская воздушно-десантная стрелковая дивизия вышла к Днестру. Первым стал готовиться к переправе 24-й гвардейский воздушно-десантный полк. Командир полка майор Жеребцов

вызвал к себе командира саперного взвода полка гвардии старшего лейтенанта Илью Егоровича Наумова и разведчика гвардии старшего сержанта Федора Дмитриевича Маркина. Оба, и Наумов, и Маркин волгари-саратовцы, прекрасные пловцы, не раз преодолевали важные рубежи. Поэтому майор Жеребцов поручил им первыми форсировать Днестр.

- Учтите, от вашего успеха будет зависеть успех всей дивизии, а может, и всей операции. Скрытность, быстрота, смелость - вот главное, на что нужно рассчитывать. А теперь в путь! - сказал командир полка.

Наумов и Маркин успешно провели операцию. Они подобрали для своих десантных групп лучших саперов, стрелков и разведчиков, соорудили из подручных средств, собранных у берега, плотики. Пользуясь спустившимися густыми сумерками, направились к вражескому берегу.

Днестр оказался беспокойным. В середине реки лодку Маркина с пятью разведчиками отнесло вниз. Когда лодка коснулась дна, разведчики мигом выпрыгнули и, следуя за старшим сержантом, быстро отбежали в сторону метров на пятьдесят. Без шороха и стука выбрались на берег. Это был удачный маневр. Немцы обнаружили лодку пустой. Маркин подал сигнал разведчикам. Маскируясь поросшим мелким кустарником, они поползли к вражескому пулемету. Когда до пулеметного окопа оставалось метров тридцать, разведчики дали две длинные очереди из автоматов. Вражеский пулемет замолчал. Разведчики подползли, еще ближе, теперь было ясно, что рядом находится дзот. Маркин бросил противотанковую гранату, а два разведчика метнули ручные. Взрывом гранат разнесло дзот и уничтожило более двадцати гитлеровцев, находившихся в окопе и дзоте.

Группа старшего сержанта Маркина обеспечила старшему лейтенанту Наумову и его десантникам возможность без потерь достичь прибрежной отмели и выбраться на невысокий, но крутой, поросший кустарником глинистый берег.

Разведчики Наумова услышали вдруг едва различаемую чужую речь. Вся группа, как по команде, замерла. Вспугнуть противника, не заняв еще хотя бы маленького плацдарма, - значит погубить все. Это понимал не только Наумов, но и каждый боец его отряда. Жестом Наумов отрядил троих разведчиков выяснить обстановку. Три, еле различимые в темноте, тени скользнули в кусты и бесшумно исчезли. Шли мучительные минуты ожидания. И вдруг, чуть впереди, кусты раздвинулись, и показался один из разведчиков. Подойдя осторожно к Наумову, он взмахом руки дал понять командиру, что путь свободен.

На небольшом открытом пригорке Наумов наткнулся на окоп, в котором увидел остальных разведчиков. Рядом с ними лежали два гитлеровца, у одного из них во рту торчала тряпка. Разведчики возились с немецким пулеметом, устанавливая его в сторону немцев.

- Порядок, товарищ старший лейтенант, - шепотом доложил Наумову разведчик. - Одного уколошили, а этот еще живой, - показал он на гитлеровца с кляпом во рту.

Подтянув к себе весь отряд и переправившийся еще взвод пехоты,

Наумов стал продвигаться вперед. Не пройдя и ста шагов, бойцы захватили еще пулемет и окоп противника.

В то же время чуть левее разведчики Маркина тоже уничтожили огневую точку немцев и выбили фашистов из окопа. Плацдарм теперь хоть и не велик, но уже можно было подразделениям полка форсировать реку.

Отправив на наш берег захваченного «языка» и донесение о благополучной высадке десанта и занятии плацдарма, Наумов приказал отряду быстро закрепляться. Организовал минирование участков, где вероятны были контратаки противника.

Пока все шло тихо. Но вдруг случилось неожиданное. Внезапно из кустов вынырнул гитлеровец, беспечно подбежал к пулемету, который был захвачен наумовцами, весело окликнул притаившихся за щитком наших разведчиков. И сразу почуял неладное. Фашист вскрикнул, и метнулся в сторону, но тут же подорвался на mine.

Гитлеровцы всполошились. Одна за другой взвились в небо осветительные ракеты и повисли над головами десантников. Поднялась беспорядочная пулеметная и автоматная стрельба, забухали орудия. А еще через несколько минут позиции отряда Наумова и группы Маркина были атакованы ротой фашистской пехоты. Спасла предусмотрительность саперов. Нарвавшись на минное поле, гитлеровцы, потеряв много убитых, свернули атаку.

С рассветом противник бросил против небольшой группы до полутора роты пехоты. Разгоревшаяся схватка часто переходила в рукопашную. В этом бою Наумов лично из автомата уничтожил около пятнадцати гитлеровцев, а Маркин более десятка. А с левого берега Днестра на помощь спешили подразделения минометчиков, саперов. Плацдарм быстро начал расширяться и уходить в глубь немецкой обороны.

На следующую ночь взвод старшего лейтенанта Наумова и отделение разведчиков старшего сержанта Маркина получили задание найти брод через лиман. От этого зависело дальнейшее расширение плацдарма. Противник обстреливал лиман из всех видов оружия. По восточному берегу была артиллерия и минометы. Над лиманом и подходами к нему от Днестра все время кружили немецкие разведывательные самолеты.

Это осложняло операцию. Разведчики и саперы, маскируясь камышами, двигались по поясу в воде, часто проваливаясь в ямы. Брод обозначали вехами, затем Наумов организовал прикрытие брода, а сам вернулся к полку и перевел его по разведанному броду.

Так был занят плацдарм южнее Бендер непосредственным соседом - 37-й армией, с которого нам теперь предстояло действовать.

За эту операцию и форсирование Днестра гвардии старшему лейтенанту Илье Егоровичу Наумову и гвардии старшему сержанту Федору Дмитриевичу Маркину было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая звезда». (Архив МО СССР, оп. 793756, д. 33, л. 94.)

12. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого»

(Перстнёв В. И. Жаркий август сорок четвёртого. Бендеры, «Полиграфист», 2014. С. 10-29).

... История освобождения города Бендеры от немецко-румынских фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. имеет свои специфические особенности и несколько отличается от истории освобождения других городов. Оно проходило в два этапа: в апреле и в августе 1944 г., в ходе двух военных операций – Одесской и Яско-Кишиневской. В силу целого ряда объективных обстоятельств этот процесс растянулся на долгие месяцы.

Весна освобождения

... На заключительном этапе Одесской наступательной операции войска 3-го Украинского фронта, ломая ожесточенное сопротивление противника, с упорными боями приближались к Днестру. 4 апреля 1944 г. была освобождена станция Раздельная, 10 апреля – Одесса, 11 апреля – районный центр Молдавской ССР Слободзея, а к утру 12 апреля – Тирасполь. Учитывая динамику этих событий, а также тот факт, что расстояние между Тирасполем и Бендерами составляет немногим более 10 километров, логично было бы предположить, что освобождение г. Бендеры – дело нескольких дней. На это же нацеливало войска наше командование. Приведем в этом плане один немаловажный факт. В своей книге «В армейском штабе» бывший начальник штаба 37-й армии Арефа Константинович Блажей писал: «Поздно вечером 12 апреля армия получила приказ командующего фронтом: прорвать оборону противника севернее и южнее города Бендеры, к исходу 14 апреля выйти на рубеж Новые Липканы, Гиска, Киркаешты и овладеть крепостью Бендеры» . Однако ни этот приказ, ни последовавшая за ним директива фронта от 17 апреля, нацеливавшая войска на разгром противника в южной части Бессарабии между Прутом и Днестром и выход на государственную границу, не была выполнена.

Факторов, приведших к такому положению несколько. Форсирование водных преград в условиях массовой обороны противника обычно связано с большими человеческими потерями. К тому же весна в тот год выдалась холодная, Днестр вышел из берегов. Наши войска испытывали острую нехватку переправочных средств, поэтому в селе Парканы было разобрано множество заборов, ворот. Из досок и бревен сколачивали плоты, использовали связанные кукурузные снопы. Переправлялись ночью под ураганным огнем противника со стороны правого хорошо укрепленного бендерского берега. Подтверждением этому может служить свидетельство бывшего начальника штаба 37-й армии А. К. Блажея об укреплениях Бендерской крепости и общей системе немецкой обороны, которые приводятся в его книге воспоминаний «В армейском штабе».

... Еще одна немаловажная причина. После зимнего и весеннего наступлений, осуществлявшихся в ходе Одесской военной операции, войска 3-го Украинского фронта подошли к Днестру измотанными, поредевшими, обескровленными. Начиная с января, они прошли с боями в условиях распутицы свыше 500 километров от правобережья Днестра к Днестру без передышки, чтобы не дать гитлеровцам занять оборону. Одесская наступательная операция была на излете, в некоторых соединениях фронта насчитывалось в тот момент не более 50 процентов личного состава. На исходе апрельских боев эта цифра значительно возросла, в некоторых полках число активных штыков временами доходила до 20-30 человек.

Качество полученного пополнения, в основном за счет освобожденных районов Украины и местного населения не соответствовало сложным задачам, так как 25-30 процентов призывников ранее в армии не служили, а проведенная с ними пяти - десятидневная подготовка была явно недостаточной. Во многом и этим обстоятельством вызваны большие потери наших дивизий. Бывший командир стрелкового взвода 44-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской стрелковой дивизии капитан в отставке, бендерчанин Анатолий Павлович Крылов вспоминал: «Мне пришлось руководить боем и одновременно заряжать диски автомата ППШ, так как некоторые слабо обученные солдаты не могли сами заряжать оружие» (Почтаренко.Д.В. Варницкий плацдарм. Кишинёв, 1990. С. 73).

Пехота во время атак не всегда получала достаточную артиллерийскую, танковую и авиационную поддержку. До 60 процентов артиллерии, танков, другой техники, тыловых частей остались далеко позади. Артиллерийская плотность огня составляла одну треть от необходимой. Боеприпасы подвозились с большими перебоями с армейских складов, находившихся за сотни километров от мест сражений. Командирам и личному составу частей и соединений рекомендовалось экономить снаряды и мины, применять их только для поражения хорошо разведанных целей.

Согласно архивным данным официально город Бендеры был освобожден сводным отрядом 68-го стрелкового корпуса под командованием заместителя командира 223-й стрелковой дивизии подполковника Е. И. Ермакова. Этот отряд в 7.30 утра 23 августа вошел в покинутый противником город. Однако мы не вправе забывать тех, кто воевал у стен древнего города на Днестре, проливал кровь на его северо-западных и южных окраинах – Варницком и Кицканском плацдармах весной и летом 1944 г.

Варницкий плацдарм. Его роль и значимость в освобождении города Бендеры от немецко-фашистских оккупантов не меньшая, чем Кицканского. На протяжении многих лет она явно недооценивалась. Здесь с 12 апреля до 23 августа велись напряженные бои за город, наиболее жестокие в апреле-мае 1944 года. Беспрецедентные по меркам нашего региона, они по своему накалу и масштабам участвующих в них

крупных частей и соединений продолжались 134 дня и ночи. Эти бои создали благоприятные условия для освобождения города уже в ходе Яско-Кишиневской операции.

Каждые из этих суток – проявление массового героизма наших солдат и офицеров. Сотни их награждены высокими боевыми правительственными наградами. За особые подвиги на Варницком плацдарме восьмерым воинам присвоено звание Героя Советского Союза. На братском воинском захоронении в центре с. Варница покоится прах более 1000 солдат и офицеров, останки части погибших не обнаружены до сих пор. В селе Парканы в братской могиле захоронено более 300 человек. Среди них и те, кто отдал свои жизни на северо-западных подступах к Бендерам.

Части и соединения 3-го Украинского фронта под командованием генерала Р.Я. Малиновского, освободившие г. Тирасполь, села Карагаш, Слободзея, Кицканы, Парканы, Ближний Хутор, Бычок, Спея, Бутор и другие, в апреле-августе 1944 года сыграли решающую роль и в освобождении г. Бендеры.

12 апреля 1944 г. войска 37-й и 57-й армии 3-го Украинского фронта, освободив Тирасполь, с. Парканы, форсировали Днестр севернее и южнее Бендер, развернулись бои за овладение Варницким и Кицканским плацдармами.

Варницкий плацдарм включал в себя площадь, простирающуюся от стен Бендерской крепости до устья (поймы) реки Бык с селами Старые Липканы, Варница и частью Борисовки. Форсирование реки Днестр, как уже отмечалось, проходило в очень неблагоприятных условиях для нашей армии. В лице Бендерской крепости немцами был создан мощный узел сопротивления.

... В ночь на 12 апреля, а также в течение этого дня наши войска форсировали Днестр в районе села Кицканы с рубежа Суклея-Карагаш-Слободзея. 82-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора П.Г. Кузнецова в составе 28-й, 92-й гвардейских, 188-й стрелковых дивизий и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а также 6-го гвардейского стрелкового корпуса (20-я гвардейская стрелковая дивизия) под командованием генерал-майора Г.П. Котова завязали бои за овладение Кицканским плацдармом.

К вечеру 11-го апреля 28-я гвардейская Харьковская дважды Краснознаменная стрелковая дивизия генерал-майора Г.И. Чурмаева вышла к Днестру в районе села Карагаш и уже в 22.00 этого же дня приступила к форсированию водной преграды. Противник – румынские части - практически противодействия не оказали. К утру 12-го апреля дивизия переправилась на правый берег, начав продвижение к с. Кицканы.

В качестве передового отряда форсировали Днестр два батальона 28-й гвардейской стрелковой дивизии. Вначале переправился на правый берег 1-й стрелковый батальон 89-го гвардейского стрелкового полка под командованием Владимира Антоновича Шишковца (впоследствии ему было присвоено звание Почетного гражданина с. Кицканы). Этот бата-

льон, как вспоминает бывший начальник штаба полка И.А. Вязанкин в книге «За строкой боевого донесения», во главе со своим командиром в 8.00 одним из первых ворвался в село Кицканы. Здесь противник оказал сопротивление. Особенно трудно пришлось 1-й роте батальона под командованием В.К. Малолеткова.

На рассвете 12-го апреля жаркие бои разгорелись в садах и на взгорках монастыря, колокольня которого впоследствии стала наблюдательным пунктом командования 3-го Украинского фронта. Здесь противник оказал сопротивление силами роты автоматчиков. На помощь В.А. Шишковцу пришел батальон капитана Семена Макаровича Полищука. В бою особенно отличились пулеметный взвод Александра и стрелковая рота Молоткова 28-й гвардейской стрелковой дивизии.

Сильный бой разгорелся на так называемых Кицканских высотах, где ныне находится обелиск Славы войскам 3-го Украинского фронта. Полку немцев противостояли здесь подразделения 28-й гвардейской стрелковой дивизии, батальона 20-й гвардейской стрелковой дивизии (командир – генерал-майор Н.М. Дрейер) 6-го гвардейского стрелкового корпуса. На помощь батальону В.А. Шишковца командир 28-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Г.И. Чурмаев бросил переправлявшийся 92-й гвардейский стрелковый полк, а командир 82-го стрелкового корпуса П.Г. Кузнецов – батальон 580-го стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии. Помогли и соседи слева – воины 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, форсировавшие Днестр на участке между с. Карагаш и Слободзей.

Уже к 6.00 12-го апреля на западном берегу Днестра в районе Кицкан действовали передовые батальоны от всех трех полков 188-й стрелковой дивизии – 523-го, 580-го и 595-го. Передовой отряд дивизии под командованием лейтенанта Холод совместно с разведотрядом 523-го стрелкового полка во главе с начальником разведки полка старшим лейтенантом К.С. Корсун к 8.00 завязали бой с противником на северо-западной окраине села Кицканы. Вступил в бой и подошедший 2-й стрелковый батальон 523-го стрелкового полка. Следует отметить, что командование 188-й стрелковой дивизии с 11-го апреля 1944 г. принял на себя ее начальник штаба полковник С.С. Сенин вместо выбывшего по ранению командира полковника В.Я. Даниленко.

К 11.00 гребень высот уже прочно оседлали четыре наших стрелковых полка. Выбитые из Кицкан и сброшенные с гребня разрозненные вражеские цепи откатывались назад, в долину, и через плавни озера Ботна к Хаджимусу, и в район Фынтына Маскулуй. Левее на плацдарм выходили части 6-го гвардейского стрелкового корпуса. К 12.00 бой за высоты был полностью выигран. Отдаленная стрельба слышалась лишь на западных скатах, а в селе Кицканы и в садах, окружавших его, было удивительно тихо.

Весь остаток апреля 28-я гвардейская стрелковая дивизия расширяла плацдарм в сторону Бендер. К концу мая от противника была освобождена вся низина до железной дороги Бендеры – Каушаны, а также

восточная окраина села Плавни. До августа 1944 г. участок обороны от реки Днестр до озера Ботна удерживали две дивизии корпуса: 92-я и 28-я гвардейские. Левее, в районе с. Копанка принимала участие в боях 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

Соседом справа у 28-й дивизии была 92-я гвардейская Криворожская Краснознаменная стрелковая дивизия, которой командовал гвардии полковник М.И. Матвеев. Вечером 11-го апреля дивизия получила следующий боевой приказ: «Овладеть южной частью г. Тирасполь, после чего выйти на левый берег р. Днестр в районе Терновка – Меренешть и к рассвету 12-го апреля овладеть Суворова Могила» - (Центральный архив Министерства обороны СССР, ф.92 гв.сд., оп.1, д. 5, л. 50).

После Тирасполя дивизия должна была наступать к Бендерам слева от железной дороги. Однако ночью, уклонившись влево, двумя полками форсировала Днестр с окраины Тирасполя в районе нынешней набережной и пешеходного моста в Кицканский лес. А один полк, освободив с. Терновка, переправился через реку, набухшую от весеннего половодья в районе с. Меренешты. В 12.30 части дивизии овладели селом Кицканы, а в 15.00 с. Меренешты.

Продолжая наступление вдоль дороги Кицканы – Бендеры с целью выйти на южную окраину города Бендеры наши бойцы не встречали сопротивления. Однако к 8.00 13 апреля части дивизии, встретив организованный ружейно-пулеметный огонь из района восточнее предместья Плавни, залегли и вели бой с противником.

Здесь на самых ближних подступах к городу, недалеко от теперешних очистных сооружений с 14-го до 20-го апреля дивизия вела активные наступательные бои по расширению плацдарма, но существенных результатов не добились. В этом районе фашисты подготовили основательную линию обороны с противотанковым рвом – рядом с очистными сооружениями города, на расстоянии нескольких сот метров от завода «Молдавкабель». С господствующих высот, в том числе с Суворовской горы (высота 150.00), из бендерской крепости огонь вела вражеская артиллерия. Противник подтянул значительные силы пехоты, огневых средств, самоходной артиллерии и танков. Его авиация непрерывно бомбила части дивизии. Разгорелись жаркие и кровопролитные бои, но гитлеровцы прочно удерживали занимаемый рубеж, оказывая сильное огневое воздействие на наши боевые порядки.

Воины дивизии героически сражались, демонстрируя беспримерное мужество и стойкость. Ветеран дивизии, командир орудия 197-го гвардейского артиллерийского полка гвардии старшина А.В.Муравицкий вспоминает: «Враг ошетинился пушками, пулеметами, а сверху нас непрерывно бомбили пикирующие бомбардировщики. Но мы стояли насмерть». Анатолий Викторович прошел войну с первого ее выстрела, с 22-го июня 1941 г. и до последнего победного залпа. У стен города на Днестре он расстреливал из своего орудия прямой наводкой фашистские танки, уничтожил более 30 гитлеровцев. За героизм в боях за город Бендеры был награжден орденом Красной Звезды. Неоднократно смо-

трел смерти в глаза командир стрелкового батальона 92-й гвардейской стрелковой дивизии Сергей Сергеевич Сморгж, неоднократно был ранен. В Полтаве хорошо знали этого небольшого роста человека, убеленного сединой, всегда подтянутого, стройного. Он командовал взводом, ротой, батальоном. Отправлялся в тыл врага, добывал ценные сведения, приводил «языка». Родина удостоила его многих наград, в том числе ордена Отечественной войны за стойкость, проявленную в боях за Бендеры.

Медалью «За отвагу» был награжден командир отделения разведчиков Ефим Григорьевич Запрудский. Неоднократно приходилось ему ходить в разведку на плацдарме, здесь он потерял многих товарищей, сам был ранен. За форсирование реки Днестр под Бендерами также медали «За отвагу» удостоен связист 197-го гвардейского артиллерийского полка Елизар Алексеевич Алексеев.

Бывший командир 1-го стрелкового батальона 282-го гвардейского стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии, подполковник в отставке Николай Владимирович Спесивцев вспоминал об этих боях: «В оборону противника приходилось в прямом смысле вгрызаться, но преодолеть противотанковый ров мы не смогли, хотя весь апрель атаковали. Дивизия на южной окраине Бендер сражалась в течение месяца, понесла большие потери, но плацдарм удержала и в некоторых местах расширила».

Криворожцам удалось несколько расширить участок своих позиций от реки Днестр до западной окраины села Плавни. В дальнейшем (с начала мая) дивизия перешла к жесткой обороне на правом фланге 82-го стрелкового корпуса на рубеже – берег р. Днестр – железная дорога у села Хаджимус. Все лето вела позиционные бои. Первая траншея противника на некоторых участках проходила в 50- 70 метрах от позиций дивизии. Левофланговый полк криворожцев держал оборону в районе нынешнего БШО. Более 200 воинов дивизии покоится на Братском кладбище г. Бендеры. Часть павших захоронены в Кицканах, Тирасполе и других населенных пунктах.

За годы войны 92-я гвардейская стрелковая дивизия семь раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандования, в том числе 22 августа 1944 г. за прорыв обороны противника в районе г. Бендеры. Значительная часть воинов была награждена письменной благодарностью ВГК за освобождение приднестровского города.

Среди тех, кто весной 1944 г. сражался на Кицканском плацдарме, есть люди, которые в послевоенные годы проживали в городе на Днестре. Это Григорий Ермолаевич Соколов, бывший заместитель командира по политической части 1-го стрелкового батальона 92-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской стрелковой дивизии. Петр Николаевич Ганов, рядовой 276-го гвардейского стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Павел Иванович Калугин, рядовой 173-го стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Сендер Давидович Мильман, начальник связи дивизиона 197-го гвардейского стрелкового полка 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Кирилл Дмитриевич

Римский и его сыновья – Сергей, Иван, воевавшие в составе зенитно-пулеметного расчета 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Это Илья Петрович Федоренко, ветеран 228-й и 92-й гвардейской стрелковых дивизий.

Приказом Верховного Главнокомандующего объявлена благодарность бендерчанину Деменчак Ивану Антоновичу, рядовому 20-й гвардейской стрелковой дивизии, участнику апрельских и августовских боев 1944 года «по прорыву сильно укрепленной и развитой в глубину обороны противника южнее Бендеры».

Несмотря на захват Варницкого и Кицканского плацдармов, полностью выполнить поставленную задачу 37-я и 57-я армии не смогли, ведь им надлежало прорвать оборону противника севернее и южнее Бендер, выйти на рубеж Новые Кицканы, Гыска, Киркаешты и овладеть городом и крепостью Бендеры.

Схожая ситуация складывалась не только в армиях 3-го Украинского фронта, заметно затормозилось наступление и на позициях 1-го и 2-го Украинских фронтов. Как отмечал в своих воспоминаниях начальник политотдела 51-й инженерно-саперной бригады Почетный гражданин г. Бендеры полковник М.В. Санников: «Правый берег реки Днестр на всем его протяжении от Черного моря до Черновцов был сильно укреплен. Доты, дзоты, минные поля, проволочные заграждения, противотанковые рвы, траншеи. Ни одного моста на Днестре. Все они были уничтожены» - (Санников М. В. Сапёры шли на запад. Газета «Новое время», № 93 (738) от 22 августа 1995 г.).

Фашистское командование любой ценой стремилось не допустить вступления советских войск в юго-западный район Молдавии и далее в Румынию, которая обеспечивала Германию нефтью, поставляла солдат, продовольствие и стратегическое сырье. Поэтому полностью освободить Молдавию весной 1944-го года не удалось. Бои на рубеже Днестра, как и на Кишиневском и Ясском направлениях, приняли ожесточенный характер.

6 мая Ставка Верховного Главнокомандования отдала приказ войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов перейти на достигнутых позициях к стратегической обороне. Фронт временно стабилизировался на рубеже Северных Ясс, Ореева, Дубоссар и далее вниз по Днестру до Черного моря. Все лето командование группы немецко-румынских фашистских армий «Южная Украина» продолжало усиленно укреплять занятую линию обороны Пашканы – Яссы – Корнешты и далее по реке Днестр до Черного моря и превратило ее в мощную глубоко эшелонированную систему обороны с хорошо развитыми инженерными сооружениями. Наряду с этим гитлеровское командование предпринимало неоднократные попытки с целью улучшения своих позиций и ликвидации плацдармов советских войск на правом берегу Днестра. Все лето, то затухая, то разгораясь вновь, шли бои на заднестровских плацдармах в районах Шерпены-Пугачены, Гура-Быкулуй, Варница, Кицканы-Копанка, Чобручи-Пуркары-Раскайцы-Олонешты-Коркмазы и др. Исключительно ожесточенный и тяжелый характер носили бои за высоты, господствующие над Яссами.

13. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.

(Чмелев А. М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 68-72).

В ночь на 12 апреля 92-я гвардейская Криворожская, 228-я Вознесенская стрелковые дивизии 57-го корпуса и 188-я стрелковая дивизии 82-го корпуса овладели станцией и городом Тирасполь, с ходу захватили небольшой плацдарм на западном берегу Днестра у Варницы и Терновской плавни. Южнее, в районе Слободзеи, к левому берегу вышли части 195-й стрелковой дивизии полковника Шапкина. Одновременно на различных участках форсировали Днестр 82-й и 6-й гвардейские стрелковые корпуса. Части 20-й гвардейской стрелковой дивизии к 8 часам овладели населенным пунктом Копанка. 195-я стрелковая дивизия подошла к селу Леонтина, у высот которого на крутых скатах закрепились гитлеровцы. Плацдарм был захвачен и расширялся.

В ночь на 14 апреля части нашей дивизии совершили марш вдоль железной дороги на северо-запад от Страсбурга и к 6 часам 15 апреля сосредоточились в районе Владимировки.

... 17 апреля дивизия получила задачу – к рассвету 18 апреля сосредоточиться на левом берегу реки Днестр. Части дивизии совершили марш по маршруту: Владимировка, хутор Владимировка, высота 58.7. В период марша в дивизию поступил приказ о сосредоточении в новых районах. Имелось в виду принятие участков обороны 55-го гвардейского стрелкового полка 20-й гвардейской дивизии, 564-го и 573-го стрелковых полков 195 стрелковой дивизии.

К 4 часам 18 апреля части дивизии сосредоточились в садах в километре южнее Суклеи, западнее и севернее Карагаша. В 10 часов подразделения частей начали переправу на правый берег Днестра и продвинулись до населенного пункта Копанка. С 24 часов дивизия начала смену частей 20-й гвардейской и 195-й стрелковых дивизий. К утру 19 апреля 176-й и 183-й гвардейские стрелковые полки заняли участки обороны с передним краем на рубеже высоты 136.6 – Леонтина. 179-й гвардейский стрелковый полк – во втором эшелоне. В течение пяти дней подразделения частей оборудовали занимаемые участки и рубежи в инженерном отношении, вели наблюдение и перестрелку с противником. Перед фронтом дивизии гитлеровцы проявляли активность ружейно-пулеметным, артиллерийским и минометным огнем.

24 апреля части дивизии заняли исходное положение для наступления по юго-западным скатам высоты 136.6 и далее до леса в километре юго-восточнее.

3-й батальон 179-го гвардейского стрелкового полка был выведен с переднего края и сосредоточен северо-восточнее высоты 136.6 в районе наблюдательного пункта командира дивизии как резерв. К исходу суток 21 апреля группы саперов подготовили проходы в минных полях и проволочных заграждениях.

В период подготовки к наступлению самолеты противника системати-

чески бомбили боевые порядки и районы сосредоточения наших войск.

В 2 часа ночи 25 апреля части дивизии перешли в наступление, прорвали оборону противника на участке своего левого фланга, овладели окопами первой линии обороны противника и к 20 часам вышли на рубеж высота 151.7 – опушка леса у шоссе на дороге в километре северо-восточнее этой высоты.

Противник оказывал упорное сопротивление. Силами до двух усиленных батальонов с четырьмя штурмовыми орудиями «Фердинанд» и четырьмя средними танками шесть раз гитлеровцы переходили в контратаки. Массированными налетами гитлеровцы бомбили боевые порядки частей дивизии и глубину расположения наших войск.

В районе высоты правее села Леонтина командир стрелкового отделения 1-го батальона 183-го гвардейского стрелкового полка гвардии старший сержант В. А. Жилинский, действуя энергично и смело, увлек за собой отделение и лично уничтожил четырех гитлеровцев. Отважно действовали воины отделения К. Л. Залитко, В. Д. Курилов, И. С. Мороз, Д. С. Мирошниченко, А. И. Михайлов. Все они были награждены медалями «За отвагу».

В 2 часа ночи 26 апреля части дивизии вновь перешли в наступление, но успеха не добились. Сопротивление противника сломить не удалось.

К вечеру 28 апреля части дивизии продвинулись лишь незначительно и в течение ночи закреплялись на достигнутом рубеже, совершенствовали участки обороны, вели разведку. Последние дни апреля и первую половину первой декады мая шли бои за удержание Копанского плацдарма и его расширение.

Бывший парторг батальона 183-го гвардейского стрелкового полка гвардии капитан К. И. Белокуров рассказывает:

– Наш батальон, пробираясь через лесной массив, преследовал сбитого со своего рубежа обороны противника. Командир батальона гвардии капитан Н. И. Громов доложил командиру полка, что справа и слева фланги открыты. У батальона нет соседей. Гвардии подполковник Т. Ф. Андрищенко приказал Громову перейти к обороне. К вечеру были ближе подтянуты тыловые подразделения батальона. Санитарный взвод располагался в 200 - 300 метрах от передовой. В санвзводе было более десяти раненых, которым санинструктор Вера Чешко оказала необходимую помощь, подготовила их к эвакуации. Случилось так, что около 4 часов утра гитлеровцы потеснили подразделения переднего края батальона вправо. Под напором противника воины стрелковых подразделений начали отходить и оказались в районе санвзвода. Это увидела Вера Чешко. Схватив автомат, со слезами на глазах она кинулась навстречу нашим отступающим воинам. С криком: «Куда вы, ведь здесь лежат тяжелораненные!» Вера вступила в бой с гитлеровцами, обрушив на них огонь своего автомата. Ее поддержали связист К. Ф. Воинов, находившиеся вблизи артиллеристы батареи гвардии капитана В. Л. Зорина. Артиллеристы оставили в расчетах у орудий по два человека и со стрелковым оружием в руках бросились вперед, за Верой Чешко. Они открыли огонь по гитлеровцам шрапнелью. В бой вступили все, кто находился в это время в штабе батальона. Атака была отбита. Вера, раненная в руку и в ногу, не оставила своих подопечных, пока не эвакуировала всех в тыл. Я тоже был ранен

в этом бою. Вера оказала первую помощь и мне. Просила меня как парторга поставить вопрос о представлении к правительственным наградам артиллеристов гвардии капитана Зорина, смело вступивших в бой с гитлеровцами, действовавших со стрелковым оружием, как пехотинцы, отважно и смело.

Санинструктор батальона 183-го гвардейского стрелкового полка Вера Наумовна Чешко добровольно пришла в Красную Армию. Это была высокая, красивая, волевая девушка, по своей силе - под стать крепкому парню. Вера почти не уходила с переднего края. С полком прошла большой боевой путь. Трудно счесть, сколько раненых воинов вынесла она с поля боя, вместе с их оружием. Каких тяжелейших минут в боях не претерпела эта замечательная патриотка! Ее грудь украшали многие правительственные награды, среди которых были ордена Ленина и Красного Знамени. И сейчас с великой скорбью однополчане вспоминают Веру Наумовну и сожалеют, что после тяжелого и длительного боевого пути, незадолго до радостного дня нашей Победы, в одном из тяжелых боев на подступах к городу Вена 10 апреля 1945 года перестало биться сердце Веры Наумовны Чешко.

Наступление частей и соединений 46-й армии, начатое 25 апреля, не увенчалось успехом. Наступление частей и соединений 37-й армии севернее и южнее города Бендеры закончилось также незначительным продвижением. Гитлеровское командование стремилось всеми силами удержать заранее подготовленные рубежи и подбрасывало свежие подкрепления.

В ночь на 7 мая дивизия передала свою полосу обороны частям 61-й гвардейской Славянской стрелковой дивизии и к 15 часам сосредоточилась в районе Карагаш. С 8 по 21 мая части дивизии занимались боевой подготовкой. Основное внимание было уделено отработке темы «Усиленный стрелковый батальон в наступлении на обороняющегося противника». Одновременно с отработкой этой темы части дивизии вели оборудование рубежа по левому берегу реки Днестр и на Копанском плацдарме.

В конце мая командир 176-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник С. Ф. Ковалев был назначен на должность заместителя командира дивизии. В командование полком вступил гвардии подполковник С. Ф. Резниченко.

Еще в середине мая на узком участке фронта гитлеровцы сосредоточили танковые войска, артиллерию, пехоту и предприняли наступление в полосе обороны 8-й гвардейской армии. Трудно было сдержать натиск превосходящих сил противника. Воины отошли на новые позиции, но плацдарм на западном берегу Днестра удержали. Ожесточенные бои продолжались около трех дней.

Плацдармы на западном берегу Днестра укреплялись нашими войсками. Кицканский плацдарм площадью до пятидесяти квадратных километров наполовину состоял из заболоченной местности. Сады и лесные массивы способствовали укрытию и маскировке войск и техники.

До 25 июля части Краматорской дивизии находились во втором эшелоне в районе чобручских садов. Получив пополнение, занимались боевой подготовкой и одновременно вели работы по оборудованию оборонительного рубежа по левому берегу реки Днестр.

Глава 2. Активная оборона. Разработка плана наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов и подготовка войск (май-июль 1944 г.).

Активная оборона это, прежде всего, работа по расширению и укреплению занимаемых войсками позиций, тяжёлый труд сапёров, тыловых подразделений, боевая учёба нового пополнения. И, конечно же, напряжённая деятельность штабов всех уровней и разведки. В общем, подготовка к предстоящим наступательным боям. С начала мая потекли фронтовые будни, обычные дни, когда нет тяжелых боев, и на фронте, как говорят, установилась оперативная пауза.

Как вспоминают участники тех событий, землю копали в то лето так, как никогда раньше. На плацдарме отрыли столько траншей, убежищ и укрытий, что их и учесть было трудно. Стрелковые части на Кицканском плацдарме зарывались в землю, копая громадное количество траншей, сооружая блиндажи, огневые точки и другие защитные сооружения. С одной стороны это позволяло резко сократить потери от регулярных обстрелов немецких войск. С другой стороны, рытьё траншей про запас занимало время бойцов, и позволяло в случае наступления, скрытно сосредоточить на плацдарме минимум ещё тройное количество воинских подразделений и огневых позиций.

Сапёрные подразделения, учитывая то, что плацдарм хорошо просматривался и простреливался немцами, строили новые дороги, скрытые ходы сообщения, мостовые и паромные переправы через Днестр и его старое русло, которое шло от Копанки на юг в сторону Леонтьево и далее. На левом, южном фланге плацдарма войска находились между двумя руслами Днестра, что создавало дополнительные трудности для подготовки к наступлению. По ночам сапёры устанавливали свои минные поля и делали проходы в минных полях противника.

Бессонные ночи также были у полковых, дивизионных и армейских разведчиков, которые искали в системе обороны противника любую брешь, чтобы попасть за линию фронта и добыть языка. Была создана система наблюдателей и слухачей во всех подразделениях первой линии обороны, которые скрупулёзно отмечали любые изменения в системе обороны немецких подразделений.

В середине мая Ставка Верховного Главнокомандования произвела смену командующих и начальников штабов на нескольких фронтах. Командующий 3-го Украинского фронта генерал армии Р. Я. Малиновский переводился командующим 2-м Украинским фронтом, а начальник штаба фронта генерал Ф. К. Корженевич переводился на аналогичную должность на 4-й Украинский фронт.

Командующим на 3-й Украинский фронт прибыл генерал армии Федор Иванович Толбухин, ранее возглавлявший 4-й Украинский фронт. На должность начальника штаба был назначен генерал-полковник С.С.Бирюзов. Это были уже хорошо известные военачальники.

Войска 5-й ударной армии генерала Берзарина и 57-й армии генерала Гагена занимали на правом берегу Днестра к востоку и юго-востоку от Кишинева несколько небольших плацдармов, а южнее Тирасполя находился значительный плацдарм, на котором оборонялись два стрелковых корпуса 37-й армии генерала Шарохина. Плацдарм южнее Тирасполя был захвачен еще в середине апреля и назывался Кицканским по одноименному населенному пункту, расположенному на гребне высот.

Левифланговая 46-я армия генерала Шлемина также удерживала несколько небольших плацдармов тактического значения.

Непосредственно войскам 3-го Украинского фронта противостояла армейская группа «Думитреску» в составе 24 дивизий, из них 16 немецких и 8 румынских.

Наибольшие плотности в обороне противник создал на кишиневском направлении, где была развернута большая часть немецких дивизий, и на тираспольском – против Кицканского плацдарма. Здесь же, против плацдарма, находился стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий, который обеспечивался несколькими крупными узлами обороны и расположенной в глубине 13-й немецкой танковой дивизией.

Кишиневский выступ обороняли в плотных боевых порядках одиннадцать немецких пехотных дивизий, то есть основные отборные силы 6-й немецкой армии. Удар по ним всей мощью нашей артиллерии и авиации мог бы сразу нанести врагу невосполнимые потери, сломить его упорство и надежно обеспечить первоначальный успех. Но и оборона на этом участке фронта была глубоко эшелонированной. Здесь у немцев имелось большое количество бетонных и других долговременных оборонительных сооружений. Войска в наступлении могли понести большие неоправданные потери. И, прямой удар советских войск на Кишинёв, и далее на Хуши был вполне ожидаем немецким командованием. Этот участок был удобен для действия танковых и механизированных соединений. Проведение наступления именно на этом участке фронта просто диктовалось учебниками по стратегии и тактике проведения наступательных операций.

На тираспольском направлении заслуживал внимания Кицканский плацдарм, занимаемый войсками 37-й армии. Он был сравнительно невелик, изрезан озерами, руслами рек, плавнями. Сосредоточивать на нем крупные силы было опасно, но плацдарм имел и некоторые преимущества. Утопая в лесах, садах и виноградниках, он создавал отличную маскировку для размещения войск, выводил нашу главную группировку войск на уязвимый стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий. К тому же здесь не надо было форсировать Днестр, да и противник, по всей вероятности, едва ли ожидал отсюда крупного наступления советских войск.

Командующий фронтом Ф. И. Толбухин долго сомневался в выборе основного направления удара. Провёл несколько заседаний Военного совета, отправлял для изучения вопроса несколько групп своих помощников, сам несколько раз выезжал на передовую в разные армии. В ито-

ге он поддержал предложение командования 37-й армии и начальника штаба фронта С. С. Бирюзова нанести главный удар фронта именно с Кицканского плацдарма силами 57-й, 37-й и 46-й армий. Несмотря на то, что Ставка первоначально выступала за нанесение главного удара на кишинёвском направлении, Ф. И. Толбухину удалось убедить генеральный штаб в целесообразности нанесения удара с Кицканского плацдарма в стык двух армий армейской группы Думитреску.

Началось планирование фронтовой наступательной операции. К разработке плана привлекался строго ограниченный круг лиц. Командование других армий в замыслы предстоящих действий решено было на первоначальном этапе пока не посвящать.

Для решения этой задачи штаб фронта предложил сосредоточить на данном направлении главные силы фронта: 57, 37 и 46-ю армии, два имеющихся механизированных корпуса, до 80 процентов артиллерии и всю авиацию. Но такое массирование войск на относительно узком участке фронта было, конечно, чревато и серьезными опасностями. Достаточно сказать, что в полосе 5-й ударной армии средняя плотность артиллерии на один километр фронта не превышала 7 стволов, тогда как на участке прорыва в 37-й армии она превзошла в период прорыва обороны 260 стволов.

Войска, заметно поредевшие за время весеннего наступления, пополнялись новобранцами. Новое пополнение, главным образом из мобилизованных с освобожденных территорий, стало поступать со второй половины мая и к началу августа составляло в стрелковых частях 70 - 80 процентов. Половина из новобранцев ранее не держала в руках оружие. Поэтому обучению пополнения уделялось самое большое внимание. В обучении и воспитании молодого пополнения большую помощь командно-политическому составу оказывали бывалые воины. Они явились как бы цементом, накрепко связавшим командный и политический состав с молодыми воинами.

В мае - июне в корпусах 37-й армии провели несколько десятидневных сборов командиров стрелковых, пулеметных, минометных рот и командиров артиллерийских батарей, решив, таким образом проблему подготовки новых офицерских кадров прибывающих в дивизии.

И, наконец, когда подразделения и части 37-й армии пополнились и окрепли, появилась возможность выводить вторые эшелоны корпусов за Днестр для более глубокой полевой подготовки. Такая же работа по боевой подготовке войск проводилась и в других армиях фронта.

На полях Карагаша и Слободзеи Молдаванской, в 10 - 15 километрах восточнее Днестра, весь июнь и июль проводились батальонные учения. По распоряжению командующего фронтом и командующего 37-й армии был подготовлен оборонительный район по типу противостоявшей советским войскам на плацдарме вражеской обороны: с траншеями, заграждениями, долговременными огневыми точками, отсечными позициями. Траншеи были заполнены чучелами.

Через эту оборонительную полосу после предварительной тренировки пропускался каждый стрелковый батальон. Атака пехоты и танков на глубину первой позиции сопровождалась огневым валом. Потом вышестоящие командиры скрупулёзно анализировали результаты учений и вносили изменения в боевую подготовку войск.

Большую работу проводили тыловые подразделения фронта и армий. К предстоящему наступлению необходимо было завести огромное количество боевой техники, различных видов вооружения, боеприпасов, бензина, солёнки, продовольствия. И всё это делалось в основном по ночам в целях маскировки. Войска готовились к наступлению.

2.1. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.

(Желтов А. С. 3-й Украинский - на Балканах. В кн.: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С. 118).

С переходом войск 2-го и 3-го Украинских фронтов к обороне Ставка Верховного главнокомандования в предвидении новых операций произвела перестановку командующих. От нас на должность командующего 2-м Украинским фронтом уходил Родион Яковлевич Малиновский. Под его руководством наши войска в течение тринадцати месяцев громили врага. Мы знали его как опытного военачальника, хорошо понимавшего природу боя, операции и современной войны. Он делил с нами трудности боевой жизни, радости побед и тяготы неудач. Родион Яковлевич был всегда уравновешен, храбр, часто его можно было видеть на самых трудных участках сражения. По-отечески заботился он о солдатах. И конечно, с большим сожалением войска и командиры расставались со своим командующим. Но с нами оставался боевой опыт, оставались хорошо организованные Военные советы армий, штабы и политорганы. Одновременно с Р. Я. Малиновским был переведен на должность начальника штаба 4-го Украинского фронта генерал Ф. К. Корженевич.

Командующим на наш фронт прибыл генерал армии Федор Иванович Толбухин, ранее возглавлявший 4-й Украинский фронт. На должность начальника штаба был назначен генерал-полковник С. С. Бирюзов. Это были широко известные военачальники, обогащенные опытом войны, успешно водившие войска в сражениях под Сталинградом, на Южной Украине и в борьбе за освобождение Крыма. Под их руководством весной 1944 г. была подготовлена и проведена Крымская наступательная операция. С освобождением советскими войсками Крыма и крупнейшей военно-морской базы Севастополь гитлеровцы были лишены последних опорных баз на советском побережье Черного моря.

2.2. Из книги бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Кузнецова П. Г. «Маршал Толбухин».

К сожалению, выдающийся советский полководец, маршал Советского Союза Фёдор Иванович Толбухин ушёл из жизни в

возрасте 55 лет в октябре 1949 года и поэтому не оставил своих воспоминаний, как другие военачальники. Ф. И. Толбухин, также единственный из советских маршалов которому звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно, 7 мая 1965 г. Замечательную книгу о своём командующем фронте написал в 1966 году бывший командир 82-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов, отрывки из которой мы используем.

Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин. М., Воениздат, 1966. С. 137-140

Удар с Днестра

К новому месту службы Федор Иванович убывал с большим душевным подъемом. Радовали не только теплые, ясные весенние дни и одержанная победа в Крыму, а и сложившаяся в стране к лету 1944 года военно-политическая обстановка.

В зимне-весенних наступательных операциях советские войска отбросили врага на сотни километров от Ленинграда и Новгорода, вышли к предгорьям Карпат и в северные районы Румынии. Войска 3-го Украинского фронта, в командование которым Федор Иванович должен был вступить, освободили Криворожский бассейн, овладели крупными городами и военными портами на Черном море – Николаевом и Одессой, достигли Днестра. Важные задачи предстояли им и на лето.

Свое новое назначение Толбухин рассматривал как награду и высокое доверие к нему со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства.

Сборы были недолгими, а еще короче оказался путь по воздуху. Самолет приземлился на полевом аэродроме в хороший солнечный день. Толбухина встречали Родион Яковлевич Малиновский, генералы и офицеры фронтового управления и вместе с ними генерал-полковник Бирюзов, который прибыл сюда на несколько суток раньше.

- Здравствуй, Федор Иванович, здравствуй, дорогой. Давненько мы не виделись, – раскинув руки для объятий, говорил Родион Яковлевич. - Еще раз поздравляю тебя с крымской победой.

Толбухин сердечно поблагодарил Малиновского, всех встретивших его генералов и офицеров, крепко пожал руку своему начальнику штаба.

– Нас в Крыму воодушевляли ваши успехи. Стыдно было отставать, вот мы и нажимали, – сказал он встречавшим.

– Ну, уж скромничать тут не следует, – усмехнулся Малиновский. – Ты, Федор Иванович, так нажимаешь, особенно на меня, передохнуть негде. Я на Южный - выжил. Я на 3-й Украинский – опять выживаешь. Скоро деваться будет некуда.

– Догоняю лучших, – ответил на шутку Толбухин. С аэродрома машины отправились на командный пункт в Катаржино. За завтраком Толбухин ближе познакомился с членами Военного совета фронта, начальником политического управления, командующими родами войск.

Члены Военного совета генерал-лейтенант Алексей Сергеевич Желтов

и генерал-майор интендантской службы Владимир Макарович Лайок – ветераны Юго-Западного, затем 3-го Украинского фронтов. С октября 1942 года, в период контрнаступления на Волге, и позже они работали вместе с Н. Ф. Ватутиным, а с марта 1943 года – с Р. Я. Малиновским.

Рослый, хорошо сложенный Желтов – кадровый офицер. Окончил военное училище, командовал взводом, ротой. В партии с 1924 года. После полного курса Военной академии Фрунзе его перевели на политработу. Был военкомом стрелковой дивизии, членом Военного совета округа. В сентябре 1941 года, когда немцы угрожали Ленинграду, Желтова назначили членом Военного совета Карельского фронта.

Коренастый, плотно сбитый Лайок длительное время находился на руководящей комсомольской и партийной работе. Отечественная война застала его на посту секретаря Полтавского обкома КП(б)У. 6 сентября 1941 года по решению ЦК партии и Советского правительства он был назначен членом Военного совета по материальному обеспечению сначала армии, а затем фронта.

Начальник политуправления фронта Иван Семенович Аношин прибыл на несколько дней раньше Толбухина и тоже только знакомился с людьми. До этого он был членом Военного совета армии.

Малиновский очень тепло отзывался о своих боевых соратниках, пожелал новому командующему и Военному совету в целом работать плодотворно и дружно, так же, как и до сих пор.

Как знатока своего дела Родион Яковлевич представил Толбухину командующего артиллерией фронта, генерал-полковника артиллерии Митрофана Ивановича Неделина.

- Поработаете, узнаете: непревзойденный артиллерист, – говорил Малиновский, с любовью поглядывая на Неделина. – С великим удовольствием забрал бы его с собой, да не разрешают.

Высокий, стройный, с молодецкой военной выправкой, но рано поседевшей головой, Митрофан Иванович слегка улыбнулся. Его умный и ясный взгляд как бы говорил: «Конечно, поживете, увидите. В обиде не останетесь».

Хорошим специалистом, в совершенстве знающим все тонкости сложного военно-инженерного дела, был представлен и начальник инженерных войск фронта генерал-полковник Леонтий Захарович Котляр.

В конце завтрака Толбухин спросил у Малиновского:

- Ты, Родион Яковлевич, не будешь возражать, если я до официально-го вступления в командование побываю в армиях?

- Можно, Федор Иванович, можно. Только не надолго. Меня ведь тоже ожидают на новом месте.

Решением Ставки на Украинских фронтах было произведено перемещение командующих. Со 2-го Украинского И. С. Конев переведен на 1-й Украинский. На его место должен был прибыть Р. Я. Малиновский, а Малиновского на 3-м Украинском заменил Ф. И. Толбухин.

Родиона Яковлевича проводили с добрыми пожеланиями всем коллективом, а неделю спустя Федору Ивановичу пришлось провожать

еще одного старого боевого друга – Вячеслава Дмитриевича Цветаева. Командарму 5-й ударной за взятие Николаева Советское правительство присвоило звание генерал-полковника. Его войска первыми ворвались в Одессу. Теперь он убывал к Рокоссовскому на должность заместителя командующего войсками 1-го Белорусского фронта.

В командование 5-й ударной армией после Цветаева вступил генерал-лейтенант Николай Эрастович Берзарин. Все, кто воевал на Северо-Западном фронте в период окружения демянской группировки, знали Берзарина как мастера широкого и смелого маневра, способного добиваться победы меньшими силами. Это был человек неиссякаемой энергии, влюбленный в свою военную профессию, солдат в полном смысле этого слова. Начальники уважали Николая Эрастовича, а подчиненные любили, гордились тем, что служат под его командованием. Был доволен и Толбухин, прославленная в боях армия получила достойного военачальника.

Потекли фронтовые будни, обычные дни, когда нет тяжелых боев, и на фронте, как говорят, установилась оперативная пауза. Но и теперь у командующего фронтом дел было много.

Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин. М., Воениздат, 1966. С. 143-146

Оставшись один, Федор Иванович попытался было улечься на раскладушку, но растревоженная мысль отогнала сон, вновь потянула к карте.

Конфигурация линии фронта напоминала дугу с вершиной у Ореева, концы которой, охватывая противника, уходили: один на запад в район Яссы (здесь оборонялись войска левого крыла 2-го Украинского фронта), другой на юго-восток к Черному морю.

В составе 3-го Украинского фронта имелось четыре общевойсковые армии – 5-я ударная, 57-я, 37-я и 46-я (тридцать пять стрелковых дивизий), 17-я воздушная армия и один механизированный корпус. Растянувшись в линию от Дубоссар до Черного моря, общевойсковые армии занимали оборону протяжением 210 километров.

Войска 5-й ударной армии генерала Берзарина и 57-й армии генерала Гагена занимали на правом берегу Днестра к востоку и юго-востоку от Кишинева несколько небольших плацдармов, а южнее Тирасполя находился значительный плацдарм, на котором оборонялись два стрелковых корпуса 37-й армии генерала Шарохина. Плацдарм южнее Тирасполя был захвачен еще в середине апреля и назывался кицканским по одноименному населенному пункту, расположенному на гребне высот.

Левифланговая 46-я армия генерала Шлемина также удерживала несколько небольших плацдармов тактического значения.

Перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, прикрывая балканское направление, оборонялась группа армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Фриснера. Она делилась на армейские группы: «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Всего в составе группы армий

«Южная Украина» было 47 дивизий и 5 пехотных бригад, в которых насчитывалось свыше 640 тысяч солдат и офицеров, до 7600 орудий и минометов, около 400 танков и штурмовых орудий и 800 боевых самолетов.

Непосредственно войскам 3-го Украинского фронта противостояла армейская группа «Думитреску» в составе 24 дивизий, из них 16 немецких и 8 румынских.

Наибольшие плотности в обороне противник создал на кишиневском направлении, где была развернута большая часть немецких дивизий, и на тираспольском – против нашего кичканского плацдарма. Здесь же, против плацдарма, находился стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий, который обеспечивался расположенной в глубине 13-й немецкой танковой дивизией.

На всем протяжении фронта оборона немецко-румынских войск опиралась на выгодную местность и была хорошо укреплена. За передним краем тянулись еще две-три сплошные траншеи, а на важных участках их количество достигало пяти. Траншеи почти всюду прикрывались проволочными заграждениями, минами и противотанковыми препятствиями.

Долго всматривался Федор Иванович в карту, расцвеченную извилинами и овалами условных обозначений войск и инженерных сооружений, мысленно прикидывал, где и как лучше нанести противнику основной удар.

Выбор направления главного удара на девять десятых определяет успех операции. Так учили его в академии.

Однако боевая практика командующего войсками фронта показала, что для достижения победы нужны и другие благоприятные условия.

Отыскивая в обороне противника уязвимые места, Федор Иванович продумывал одновременно весь комплекс сложных вопросов. Прежде всего, его притягивало кишиневское направление. Оно, казалось, сулило наибольшие выгоды для нанесения главного удара.

Кишиневский выступ обороняли в плотных боевых порядках одиннадцать немецких пехотных дивизий, то есть основные отборные силы 6-й немецкой армии. Удар по ним всей мощью нашей артиллерии и авиации мог бы сразу нанести врагу невосполнимые потери, сломить его упорство и надежно обеспечить первоначальный успех.

Это направление находилось неподалеку от полосы 2-го Украинского фронта, что позволяло лучше согласовать взаимодействие главных ударов фронтов. Благоприятствовала как будто и местность: всюду можно было применить танки, сосредоточить и укрыть в складках местности артиллерию.

На тираспольском направлении заслуживал внимания кичканский плацдарм, занимаемый войсками 37-й армии. Он сравнительно невелик, изрезан озерами, руслами рек, плавнями. Сосредоточивать на нем крупные силы было опасно, но плацдарм имел и некоторые преимущества. Утопая в лесах, садах и виноградниках, он создавал отличную маскировку для размещения войск, выводил нашу главную группировку на уязви-

мый стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий. К тому же здесь не надо было форсировать Днестр, да и противник, по всей вероятности, едва ли ожидал отсюда нашего крупного наступления.

На другой день группа генералов выехала на рекогносцировку. На правое крыло фронта вместе с Толбухиным направились командарм воздушной В. Л. Судец, командующий бронетанковыми войсками Ф. В. Сухоручкин, начальник связи И. Ф. Королев. На левое крыло с начальником штаба Бирюзовым – командующий артиллерией М. И. Неделин, начальник инженерных войск Л. З. Котляр.

С кишиневским направлением, как наиболее вероятным для главного удара, Федор Иванович решил ознакомиться лично, а Бирюзову поручил определить пригодность кицканского плацдарма.

В полосе 5-й ударной армии командующего фронтом ждал командарм Берзарин. Николай Эрастович догадывался: приезд к нему командующего не случаен, понапрасну он разъезжать не любит.

Толбухин запросто поздоровался, попросил показать занимаемые армией плацдармы, ознакомить с режимом оборонявшихся войск.

- С чего прикажете начать? – спросил командарм.

- Проедем на правый фланг, посмотрим район Дубоссары, а оттуда спустимся к Ташлыку. Больше сделать едва ли сможем – жарковато, да и утомительно.

День стоял знойный. Федор Иванович тяжело дышал, часто вытирал платком лицо и шею. Берзарин поехал во главе группы, обходя опасные места стороной. По пути побывали у командира корпуса, заслушали доклады командиров дивизий. Иногда там, где было необходимо, выходили из машин, осматривали местность, наблюдали за обороной противника, интересовались переправами через Днестр.

Толбухин прикидывал, взвешивал, обменивался мнениями с сопровождавшими его генералами, проверял правильность своих мыслей и все более и более убеждался в том, что его надежды на кишиневское направление не оправдываются.

Плацдармы оказались слишком незначительными, пригодными для размещения лишь одной-двух дивизий, а местность чрезмерно открытой, мало способствовавшей сосредоточению и маскировке большого количества войск и техники.

Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин. М., Воениздат, 1966. С. 149-152

Решение вынашивалось медленно, рождалось в душевных муках. То, что еще вчера казалось безупречным, сегодня не выдерживало критики. Выезд на местность и обмен мнениями участников рекогносцировки внесли в первоначальные кабинетные наброски по карте кардинальные изменения. Обоснованные доводы начальника штаба окончательно убедили Толбухина, что главный удар следует нанести не на правом крыле, а на тираспольском направлении в центре оперативного построения фронта.

Первостепенное значение приобрел теперь кицканский плацдарм. На него и обратил все свое внимание комфронта. Правда, многое оставалось еще неясным, нуждалось в личной проверке на местности. Надо было побыть одному и еще раз продумать все заново.

Под вечер, когда спал полуденный зной, Толбухин выехал в 37-ю армию. На фронтовой дороге было тихо, словно и не шла вокруг война. Машина набирала скорость. Навстречу бежали голые, никем не засеянные поля, полуразрушенные молдавские деревни. Приятный свежий ветер обдувал лицо, проникал в расстегнутый ворот кителя, в рукав опершейся на ветровое стекло правой руки. Хорошо думалось в дороге. Вот слева промелькнула Раздельная. Здесь три месяца назад войска армии, в которую ехал теперь Толбухин, добивали вырвавшиеся из-под Одессы немецкие дивизии. Захваченная железнодорожная станция была в то время забита эшелонами с боевой техникой и награбленным фашистами советским имуществом, а в неглубоких балках валялись вражеские трупы. А вот и тираспольские высоты, с которых открывался чудесный вид на долину Днестра.

- Стой, дружок! – сказал Толбухин молоденькому водителю. – Передохнем, полюбуемся.

- Эх и красота! – восторженно воскликнул адъютант, расправляя затекшие плечи.

Внизу, на скатах высот, раскинулся одноэтажный, похожий на большое село, Тирасполь. За ним зеленая равнина садов Парканы, а еще дальше, за рекой, белоснежная старинная крепость Бендеры. Чуть левее Бендер на фоне неба вырисовывался гребень высот, с командной вершиной – Суворова могила. Там проходил передний край вражеской обороны.

Ближе, за излучиной Днестра, – второй гребень с высокой колокольней Кицканского монастыря. За гребнем плавни и озеро Ботно. Здесь наш передний край. Причудливо петлявший Днестр от Бендер приближался к Тирасполю, а затем, сделав крутое колено, уходил на юг, к Черному морю. На его восточном берегу раскинулись Суклея, Карагаш, Слободзея Молдавская, Слободзея Русская, Чобручи. Западный берег скрывался в зарослях садов и густого леса.

Долго Федор Иванович не мог оторвать своего взора от раскинувшейся перед ним чудесной панорамы. Чувство прекрасного не было чуждо ему. Но он не просто любовался теперь местностью как праздный эстет, ценитель природы, а оценивал ее как полководец – пригодна ли она для его оперативного замысла, хорошо ли будут укрыты здесь войска, разместится ли многочисленная артиллерия, надежно ли будет управление. Внешне все как будто удовлетворило его.

«Надо только хорошенько прикрыть с воздуха», – подумал комфронта. А вслух сказал:

- Полюбовались, хватит. Поехали!

На командном пункте 37-й армии в Тирасполе Толбухин застал в сборе все армейское командование. Командующий армией генерал-лейте-

нант Шарохин и член Военного совета генерал-майор Шабанов только что возвратились из поездки в войска. Подъехал из тылов и второй член Военного совета генерал-майор Сосновиков. Время было обеденное. По установленному распорядку обедали вместе. В столовой их ждал начальник штаба генерал-майор Блажей.

Чтобы не нарушать сложившейся в армии традиции, Федору Ивановичу ничего не оставалось, как принять участие в совместной трапезе. Обеденный час проходил в оживленной беседе.

Командующего фронтом интересовал кицканский плацдарм. Командарм, начальник штаба, члены Военного совета докладывали о плацдарме с увлечением, рисовали его широкие оперативные возможности, с любовью говорили о людях, занимавших там оборону.

При передаче фронта генерал Малиновский дал командованию и войскам 37-й армии высокую оценку. Освобождая Правобережную Украину, армия провела несколько наступательных операций, с честью выстояла и отразила массированный контрудар немецких танков под Кривым Рогом. Командование армии управляло войсками слаженно и деловито.

Командарм Михаил Николаевич Шарохин – участник гражданской войны. В послевоенные годы окончил Военную академию имени Фрунзе и Академию Генерального штаба, служил на ответственных должностях в Генеральном штабе. В Отечественной войне он – начальник штаба армии, заместитель начштаба фронта и, наконец, командарм. Веселый, жизнерадостный, по-юношески подвижный. Не проходило дня, чтобы он не побывал в войсках, не полазил по окопам, не покурил с бойцами солдатской махорки.

Толбухин знал Шарохина еще в мирное время. Будучи начальником штаба Закавказского Военного округа, он был тесно связан с Шарохиним, возглавлявшим тогда в Генеральном штабе Закавказское направление.

Под стать командующему и член Военного совета Василий Дмитриевич Шабанов, такой же подвижной, неутомимый. Много времени и он проводил непосредственно в войсках среди коммунистов, комсомольцев, беспартийных.

Шабанов – кадровый политработник. На войне побывал комиссаром дивизии, начальником политотдела армии. Людей он любит, службу знает, да и люди знают и любят его.

У второго члена Военного совета Владимира Васильевича Сосновикова всегда образцовый порядок в тылах. Солдаты хорошо одеты и обуты, налажено трехразовое питание. В обороне на плацдарме в тылах полков и дивизий построены бани, имеются солдатские и офицерские однодневные дома отдыха. В резервных частях открыты солдатские чайные, регулярно показываются кинофильмы, читаются лекции. Сосновиков – старый солдат и опытный политработник, у него есть чему поучиться.

Начальник штаба армии генерал Арефа Константинович Блажей пользовался в штабах и в войсках заслуженным авторитетом. Он был хорошо подготовлен, энергичен и настойчив в проведении намеченных мероприятий.

Присматриваясь и знакомясь с армейским руководством ближе, Федор Иванович вполне соглашался с оценкой своего предшественника. Такому командованию посильны любые задачи.

На закате солнца, сопровождаемый командармом, Толбухин осмотрел левый берег Днестра у Карагаша и Слободзеи, побывал на плацдарме в Кицканах и Копанке. На восточных скатах кицканского гребня шли тактические занятия, взводы и роты штурмовали полосу препятствий. В другом месте новое пополнение пристреливало винтовки и пулеметы.

Протяженность плацдарма по переднему краю от Бендер до Чобручи достигала 30, а в глубину 13 километров, общей площадью около 170 квадратных километров. Он мог надежно укрыть большое количество людей и военной техники. Наиболее доступен для применения всех родов войск был центральный участок между озером Ботно и Леонтиной.

Возвратился Федор Иванович с окончательно созревшими мыслями. Поздно вечером, вызвав к себе начальника штаба и командующих родами войск, он объявил предварительное решение. Главный удар фронт нанесет с кицканского плацдарма силами 57-й, 37-й и 46-й армий.

Началось планирование фронтовой наступательной операции. К разработке плана привлекался строго ограниченный круг лиц. Командование армий в замыслы предстоящих действий решено было пока не посвящать.

3. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С. С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.

(Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963. С. 38-56).

С утра 10 июля у Ф. И. Толбухина собрался Военный совет. Федор Иванович как бы помолодел: глаза задорно поблескивали, голос звучал твердо, уверенно и даже тучная его фигура приобрела подвижность. Я и раньше замечал, что в особо ответственные моменты, командующий испытывал какой-то необычайный прилив сил. Так было и на этот раз.

Водя карандашом по карте, Толбухин весь отдался анализу сложившейся обстановки:

– Начертание линии фронта весьма оригинально. Обратите внимание, фронт изогнулся дугой, причем выпуклость обращена в нашу сторону. Обороняться при такой конфигурации не совсем удобно. А вот наступать – совсем другое дело... Тут мы вместе с Родионом Яковлевичем Малиновским можем зажать противника в такие клещи!..

На какое-то мгновение командующий задумался, опустил карандаш, перекатывая его между пальцами.

– Но есть и очень тяжелые для нас участки, – продолжал он. – Видите, правый фланг противника прикрыт Днестровским лиманом, а выше – плавни, топь. Там неприятель может оставить минимальное количество войск, а основные, бросить к центру или на свой левый фланг, к Кишиневу... Давайте подумаем, где лучше его ударить... Тут вот, – ка-

рандаш командующего уперся в Бендеры, – сильные укрепления. Кицканский плацдарм тоже неудобен: на нем опасно сосредоточивать крупные силы. К тому же и у Днестра в этом месте берега очень крутые, и озеро Ботно со своей заболоченной лагуной помеха...

А у меня к кицканскому плацдарму было совсем иное отношение. Давно будоражила сердце дерзкая мысль... Однажды я уже высказывал ее Федору Ивановичу, но он, кажется, отнесся к ней с недоверием. Во всяком случае, мнения своего не высказал. И, пожалуй, был прав: у меня еще многого не хватало для доказательства целесообразности наносить главный удар по врагу с кицканского плацдарма...

Толбухин поднял глаза от карты, и взгляды наши встретились. Решив, видимо, узнать, не отказался ли я от своей идеи, он неожиданно спросил:

- А что вы, Сергей Семенович, думаете о кицканском плацдарме?

- То же, что и раньше, - твердо ответил я. – Удар отсюда был бы совершенно неожиданным для противника. Такой вариант немцы явно не берут в расчет.

- Над этим стоит поразмыслить, – с прежней уклончивостью отозвался Федор Иванович. – А пока посмотрим, что у нас выше, – он повел свой карандаш к северу от Кицкан до реки Прут. – Здесь местность открытая, есть хороший плацдарм против Кишинева и южнее. Правда, слева опять-таки Бендерская крепость...

Долго, скрупулезно разбирали мы достоинства и недостатки каждого направления. Карта говорила в пользу кишиневского. Местность здесь будто создана для наступления: широкий простор действиям танков; много холмов, которые укроют войска в исходном положении; справа – Прут, защищающий нас от флангового удара противника. Но главное было даже не в этом. Здесь перед нами стояли отборные гитлеровские войска в плотных боевых порядках. В ходе артиллерийской подготовки они не избежат огромных потерь. Кроме того, нанося главный удар отсюда, мы имели возможность для более тесного взаимодействия со 2-м Украинским фронтом, который, по всей вероятности, поведет наступление на Яссы, а затем устремится в Фокшанские ворота...

И все-таки в душе я отдавал предпочтение удару с кицканского плацдарма. Почему? Есть в военном деле золотое правило, высказанное еще Суворовым: «Кто удивил, тот и победил». Неожиданность – вот что делало наш удар отсюда неотразимым.

Но, повторяю, многое еще нужно было продумать. А главное – проверить все свои доводы и расчеты непосредственно на местности...

Военный совет принял решение провести рекогносцировку в разных направлениях. Тут же определили состав рекогносцировочных групп с весьма ограниченным числом участников. Даже командармов и комкоров решили пока не посвящать в свои замыслы. Исключение сделали только для командующего 17-й воздушной армией генерала В. А. Судца. Его тотчас же вызвали на Военный совет. Вслед за ним появился здесь и командующий бронетанковыми войсками фронта генерал Ф. В.

Сухоручкин. Оба они вошли в рекогносцировочную группу Толбухина и должны были выехать на правое крыло фронта. Моя группа включала генералов Лайока, Неделина и Котляра. Нам предстояло побывать на кицканском плацдарме и в полосе обороны 46-й армии.

На рассвете 17 июля наша рекогносцировочная группа тронулась в путь. Хорошо накатанная дорога то свободно расстилалась среди полей, то ныряла под развесистые кроны плодовых деревьев.

Молдавия славится своими садами. Яблони и груши буквально гнулись под тяжестью плодов. Но все это богатство гибло: в прифронтовой полосе населения почти не было – кто же мог убрать урожай?..

То, что Толбухин послал со мной командующего артиллерией и начальника инженерных войск, говорило о многом. Как видно, и Федор Иванович допускал возможность нанесения главного удара с кицканского плацдарма. Это действовало ободряюще. Теперь от меня требовалось только одно: достаточно веско обосновать свою идею.

Однако я заставлял себя трезво судить о положении вещей и потому старался находить новые и новые слабости предложенного мной плана. Да, при ударе с кицканского плацдарма войскам не потребуется под пулями и снарядами форсировать реку. Внезапность этого удара тоже обеспечена. Но как разместить на этом пяточке силы, необходимые для прорыва неприятельской обороны? Ведь тут нужна мощная группировка артиллерии. На площади в 70 квадратных километров потребуется расположить более 600 артиллерийских наблюдательных пунктов, оборудовать до 700 огневых позиций для батарей и отдельных орудий, отрыть многокилометровую сеть траншей для минометов, укрытия для нескольких сот автомашин, боеприпасов. Возможно ли все это?

«Да, возможно», – подсказывал мне внутренний голос. Чего бы стоили мы, военачальники, если бы шли на поводу у арифметики? Сколько раз во время Великой Отечественной войны жизнь опрокидывала старые представления и обогащала военную науку новыми выводами!..

Такой же точки зрения придерживался, очевидно, и Неделин. Еще перед отъездом на рекогносцировку, когда я впервые собрал свою группу, чтобы наметить порядок работы, Митрофан Иванович Неделин, человек догадливый и прямой, спросил:

– Сергей Семенович, зачем играть в прятки? Мы едем на кицканский плацдарм не зря – это каждому ясно. Речь идет о выборе направления главного удара?

Не успел я ответить ему, как в разговор вмешался генерал Котляр.

– Главный удар? – недоуменно пожал он плечами. – С кицканского плацдарма? Но там же речки, рукава, болота. А инженерных войск у нас не богато.

– Ничего, пройдем, – твердо возразил ему Митрофан Иванович. – Противник нас оттуда не ждет, вот в чем вся штука.

Такая категоричность суждений Митрофана Ивановича приятно поразила меня: значит, он мой верный единомышленник!.. И задумавшись те-

перь над трудностями артиллерийского обеспечения удара с кицканского плацдарма, я невольно стал успокаивать себя: «Неделин не подведет».

А тем временем в небе появились две черные точки. Они быстро росли. Неподалеку загремели зенитки.

– Сворачивай с дороги! – приказал я шоферу.

Тотчас же моему примеру последовали и остальные. Все мы, выскочив из машин, бросились на землю.

Самолеты сделали над нами несколько заходов. В нос ударил острый запах горячей резины: неподалеку запылал «виллис» командующего артиллерией. На другой машине было изрешечено пулями ветровое стекло. Третий вздох остался невредимым.

– Ах, черти, совсем новенькую машину спалили, – досадовал Митрофан Иванович.

Я пригласил его в свою, и мы снова покатали вперед.

Вскоре в ярких лучах утреннего солнца сверкнул Днестр. Вдали возвышался знакомый купол монастыря. На него и взяли курс. Там находился командный пункт 66-го стрелкового корпуса.

Командир корпуса генерал Д. А. Куприянов принял нас в своей подземной «резиденции». Сюда же приехали командующий 37-й армией Михаил Николаевич Шарохин и его начальник штаба Арефа Константинович Блажей.

Внешне эти люди удивительно отличались друг от друга. Шарохин – аккуратен, худощав, уравновешен. В Блажее нечто от запорожских казаков – богатырский рост, неумная энергия, любовь к соленой шутке. Но это не помешало им прекрасно сработаться. Арефа Константинович понимал командарма с полуслова и благодаря своей настойчивости, о которой ходили легенды, умел добиться, чтобы любое решение М. Н. Шарохина было проведено в жизнь.

На плацдарме мы застали относительное спокойствие. Как сообщил генерал Куприянов, гитлеровцы завтракали. Удивительная пунктуальность! В точно установленное время у противника даже наблюдатели все свое внимание сосредоточивали на котелках с похлебкой.

Из доклада Шарохина следовало, что перед 37-й армией, как и прежде, стоят 15-я и 306-я пехотные дивизии, а в глубине – 13-я танковая дивизия и 500-й штрафной батальон. Никаких перегруппировок у противника не замечено.

Вместе мы отправились на передний край нашей обороны. На одном из артиллерийских наблюдательных пунктов нас встретил молоденький командир артдивизиона. Он бойко доложил о готовности подразделения к бою. Митрофан Иванович Неделин тут же дал ему вводную:

– Из рощи справа, от ветвистого дерева, идут немецкие танки. Действуйте!

На какое-то мгновение артиллерист растерялся: танков-то на самом деле не было. Но, быстро сообразив, в чем дело, он подал команду на батареи. Через несколько секунд на указанном Неделиным рубеже под-

нялись султаны земли. Это было лучшей проверкой справедливости утверждений командира корпуса о том, что на плацдарме каждая точка, каждый рубеж пристреляны.

Побывали мы и у пехотинцев. Сначала во второй, а потом и в первой траншеях. Там тоже все было готово к бою. Люди ждали только приказа на наступление.

Мы прикинули про себя, как разместить в густых лесах большое количество артиллерии и танков, обеспечить последним беспрепятственное движение вперед. Примерились, каким образом выгоднее строить боевые порядки войск; учитывая незначительную ширину плацдарма по фронту и вытянутость его в глубину, здесь требовалось, конечно, иметь несколько эшелонов не только в дивизиях, но и в полках.

Со всех сторон взвесили мы и порядок ввода в прорыв 7-го механизированного корпуса. На этот корпус, возглавляемый энергичным генералом Ф. Г. Катковым, командующий фронтом возлагал большие надежды.

Впрочем, этого соединения мы тогда еще толком не знали. Оно только что прибыло к нам со 2-го Украинского фронта.

Зато на генерала В. И. Жданова, командовавшего 4-м гвардейским механизированным корпусом, можно было положиться во всех отношениях. Лично меня фронтовые дороги свели с этим замечательным человеком еще в бытность мою начальником штаба 2-й гвардейской армии при разгроме Манштейна. Потом мы вместе воевали на Южном и 4-м Украинском фронтах, где корпус Жданова блестяще проявил себя в боях на реке Миус, на реке Молочная, на никопольском плацдарме.

В генерале Жданове я всегда видел командира-новатора. В горниле боев он искал и находил новые тактические приемы, отбрасывая все обветшалое и устаревшее. Хороши были у него и помощники – начальник штаба корпуса полковник В. Ф. Чиж, начальник оперативного отдела, молодой и по-молодому дерзкий, но в то же время прекрасно подготовленный подполковник В. Ф. Толубко.

О 4-м гвардейском мехкорпусе я вспомнил не случайно, хотя он и не был тогда в полосе 37-й армии. Для меня было ясно, что в случае нанесения главного удара с кицканского плацдарма 37-я армия должна будет тесно взаимодействовать с соседними ей, 57-й армией справа, и 46-й слева. А в полосе-то последней как раз и сосредоточивались гвардейские танковые бригады...

Когда с делами было покончено, генерал Куприянов пригласил нас к ужину. На столе появились замечательная уха, фрукты. На десерт было подано холодное медовое пиво, и, к слову сказать, оно сослужило нам хорошую службу, когда Владимир Макарович Лайок вдруг обронил какую-то неосторожную фразу, грозившую раскрыть цель нашей поездки.

Я поспешил отвлечь его от дальнейших рассуждений на щепетильную тему:

– Давайте-ка немного отдохнем и потолкуем о чем-либо менее серьезном.

Неделин сразу понял меня.

– Откуда у вас эта медовуха? – будто, между прочим, спросил он командира корпуса.

– Из монастыря! – воодушевился генерал Куприянов. – Среди монахов есть отменные пивовары.

– Ай да святые отцы, – улыбнулся Котляр. – Нельзя ли их в военторг приспособить?

– Не пойдут, – заверил Куприянов. – А вот к колхозам проявляют интерес. Спрашивают, примут ли их туда?..

Когда закончился ужин, земля уже окутывалась южными сиреневыми сумерками. Надо было опять занимать свои места в машинах.

Дорога вела нас теперь в 46-ю армию.

Там нашу рекогносцировочную группу интересовало, собственно, одно: возможность форсирования Днестровского лимана. Выслушав подробный доклад начальника штаба армии генерала М. Я. Бирмана, побывав на наблюдательных пунктах дивизий и полков, основательно «прощупав» местность, мы с удовлетворением установили: силами 46-й армии и Дунайской флотилии здесь тоже можно нанести мощный, а главное, неожиданный удар по противнику. Было совершенно очевидно, что 4-я и 21-я румынские пехотные дивизии, а также неприятельские части береговой обороны никак не ждут нашего наступления на этом направлении. Хорошо укрепленный инженерными сооружениями передний край обороны врага не имел плотных боевых порядков.

На первый взгляд вся здешняя местность действительно была «не для войны». В таком краю только бы наслаждаться красотами природы. Нас окружали обширные фруктовые сады. За садами виднелись пышные кроны каштанов и акаций, а у самого берега Днестра и его тихого широкого лимана простирались живописные поляны.

В верховьях лиман покрыт густым и высоким камышом. Над камышовыми зарослями то тут, то там проносятся стайки диких уток. Для гнездования водоплавающей дичи места превосходные. А вот как вести здесь активные наступательные действия, нужно было хорошенько примериться.

В главной полосе вражеской обороны, проходившей по высокому гребню берега, были оборудованы бетонированные огневые точки, способные обстреливать все пространство лимана и реку. За дотами располагались надежные блиндажи, а перед ними – минные поля.

Но трудности нашего наступления состояли не только в этом. Они усугублялись еще необходимостью форсирования широкой водной преграды.

Находясь в 31-м стрелковом корпусе, мы особенно интересовались возможностью овладения сильно укрепленным опорным пунктом Талмаз. В том, что лежащие перед ним заболоченные низменности наши войска преодолеют, я не сомневался. Но смогут ли танки сопровождения взобраться на противоположный очень крутой берег Днестра?

Кручи эти не вполне отчетливо просматривались с НП, и у нас воз-

никла мысль сфотографировать их с самолетов. В дальнейшем наши авиаторы превосходно справились с такой задачей. А когда снимки показали М. И. Неделину, он заверил:

– Артиллеристы могут разрушить берег настолько, что кручи станут вполне преодолимыми. Путь на Талмаз будет расчищен...

Не терпелось поскорее вернуться на КП фронта и, приведя в систему свои наблюдения, доложить их командующему. Только согласится ли с нами Федор Иванович?..

Впереди показались знакомые тополя, домики в саду. Под колесами автомобиля, как клавиши, запрыгали доски мостика через ручей. И вот мы «дома». Быстро помылись, почистились и засели за подготовку доклада.

А на следующее утро, ровно в 8 часов, человек десять генералов собрались у командующего. Расселись по скамьям. Федор Иванович окинул собравшихся внимательным взглядом и, убедившись, что все в порядке, налил в стакан своего любимого боржоми. Выпил и снова налил.

– Ну, так, товарищи, – заговорил командующий, – времени у нас не много, а дел порядочно. Мы должны, наконец прийти к единому и окончательному мнению о направлении главного удара. Для этого следует детально обсудить все варианты. Полагаю так: вначале я изложу свои впечатления о поездке на правое крыло фронта...

Уже с первых слов Федора Ивановича нам стало ясно, что, побывав в 5-й ударной и 57-й армиях, он пришел к убеждению: эти армии не занимают наивыгоднейшего положения для нанесения главного удара. А ведь до поездки рекогносцировочных групп Толбухин думал иначе! И вот теперь открыто признает свою ошибку... Еще более вырос в моих глазах этот человек, умевший так решительно переломить себя в интересах дела.

Командующий говорил, как бы думая вслух. Казалось, он сам, прежде всего сам, хотел окончательно убедиться в верности своих выводов.

– Побывал я в восемьдесят девятой и девяносто четвертой гвардейских дивизиях. Конечно, они могут наступать на Рышков и Кишинев. Но нам это невыгодно. Здесь такая местность, что мы будем только выталкивать противника из Молдавии, а не уничтожать его.

Затем указка, которой вооружился Толбухин, поползла в сторону дубоссарского плацдарма.

– Вот смотрите. Это пятнадцатая и двести пятьдесят седьмая немецкие пехотные дивизии. Можно было бы ударить сюда – здесь кратчайшая дорога к Пруту и Дунаю. Но трудно проломить вражескую оборону. У немцев тут очень много огневых средств. И опять местность... Она не благоприятствует наступающим и, наоборот, удобна для контратакующих резервов противника.

Слушая Толбухина, я не мог не отметить, насколько он осторожен. И в данном случае это было правильно – дело затевалось нешуточное. Можно было только восхищаться логичностью рассуждений командующего.

А Федор Иванович между тем продолжал:

– Вы понимаете, что получается? Если даже наше наступление будет успешным, противник сможет отойти за Прут и Дунай, сохранив в основном боеспособность. В таком случае потребуются новая наступательная операция с преодолением водных преград и инженерных препятствий. А хотелось бы избежать этого... Я не против ударов пятьдесят седьмой армии, но ударов иного характера. Ей целесообразнее поставить свои действия в зависимость от развития успеха южнее озера Ботно, где могла бы наступать тридцать седьмая армия...

Федор Иванович внимательно оглядел лица собравшихся, будто проверяя, какое впечатление произвел этот его вывод, и повернулся в мою сторону:

– А теперь послушаем Бирюзова.

Я понимал, что это не простой отчет о моей поездке в войска. Мой доклад должен вобрать в себя мудрость большого коллектива людей – не только тех, кто выезжал со мной из управления фронта, но по возможности и всех тех, с кем нам довелось встречаться во время рекогносцировки. Следовало учитывать каждое мало-мальски деловое соображение.

Наша рекогносцировочная группа пришла к единодушному мнению; именно у левофланговых армий есть реальные возможности для нанесения главного удара.

Ко всему, о чем я уже рассказал, нужно добавить, что здесь оборона противника самой природой была разделена на две части – северную и южную. Граница между ними проходила по малоприметной реке Ботна – она как бы опоясывала северную часть. Западный берег Ботны был невысокий, но крутой и представлял собой естественный эскарп. К тому же противник оборудовал на этом берегу позиции для своих оперативных резервов и исходные рубежи для нанесения контрударов в случае нашего прорыва на кишиневском направлении.

Следовательно, нам выгоднее наступать южнее реки Ботна, в обход ее укреплений с тыла на Селемет и Хуши. Таким образом, и сама группировка войск противника, обороняющая это направление, окажется разрезанной на две неравные части – северную (более мощную) и южную. После этого появится полная возможность совместно с войсками 2-го Украинского фронта сомкнуть в районе Хуши кольцо вокруг северной части, создать сильный внутренний обвод окружения протяженностью до 100 километров, перерезать все пути отхода врага из-под Кишинева на юг и успешно завершить уничтожение окруженных.

Для решения этой задачи мы предложили сосредоточить на данном направлении главные силы фронта: 57, 37 и 46-ю армии, оба механизированных корпуса, всю артиллерию и авиацию. Но такое массирование войск на относительно узком участке фронта было, конечно, чревато и серьезными опасностями для нас. В случае если противнику удастся вовремя обнаружить наше сосредоточение в исходном положении, его авиация и артиллерия могут нанести нам большой урон и даже сорвать наступление.

Я, естественно, не мог умолчать об этом. Но тут Федор Иванович же-

стом прервал мой доклад и обратился к командующему 17-й воздушной армией:

– Каково ваше мнение на этот счет?

– Прикроем надежно, – ответил генерал Судец.

– Продолжайте, – снова обратился ко мне Ф. И. Толбухин.

Я понял, что командующий окончательно склоняется в сторону нашего предложения. По выражению лиц других участников совещания тоже было видно: они за нанесение главного удара с кицканского плацдарма. Зачем же тратить время на дальнейшие доказательства? От продолжения доклада я отказался:

– Мне добавить к сказанному нечего.

После меня выступил М. И. Неделин. Он, как всегда, излагал свою точку зрения очень четко, лаконично и аргументированно. Потом взяли слово еще несколько человек. У каждого нашлись какие-то предложения, касающиеся отдельных деталей плана, но в главном все мы были единодушны.

Дело подошло к окончательному резюме командующего. На несколько секунд воцарилась тишина, подчеркивающая торжественность момента. Федор Иванович встал, и по его лицу пробежала хитрая усмешка:

– Теперь я могу открыть вам один секрет. Мое первоначальное мнение о целесообразности нанесения главного удара правым флангом базировалось на указаниях Ставки. Она и до сих пор считает, что лучший вариант – это сосредоточение наших усилий на кишиневском направлении. Но факты восстают против этого... Будем наносить главный удар с кицканского плацдарма. Уверен, что Верховное Главнокомандование согласится с нашими доводами...

(Бирюзов С.С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963. С. 66-71).

В рассмотрении плана артиллерийского обеспечения участвовал почти весь состав Военного совета. Федор Иванович внимательно выслушал обстоятельный доклад М. И. Неделина и после тщательного обсуждения утвердил его.

Самое оригинальное, что заключал в себе этот план, состояло в высокой массированности огня на главном направлении. В артиллерийской подготовке, рассчитанной на 1 час 45 минут, там должно было участвовать 80 процентов огневых средств фронта. А концентрировалось все это на 40 погонных километрах, то есть на 15 процентах общей протяженности переднего края наших войск. Военный совет смело пошел на резкое ослабление других направлений. Достаточно сказать, что в полосе 5-й ударной армии средняя плотность артиллерии на один километр фронта не превышала 7 стволов, тогда как на участке прорыва в 37-й армии она превзошла 260 стволов.

В отличие от прошлых наступательных операций много артиллерии

выделялось для стрельбы прямой наводкой. На это переключались не только все орудия полковой артиллерии, противотанковые пушки стрелковых дивизий первого эшелона, истребительно-противотанковые полки, но и значительная часть орудий крупных калибров.

Можно было только удивляться находчивости и сметке Митрофана Ивановича Неделина. Чтобы создать высокую плотность огня при артподготовке, даже батареи зенитных пушек были привлечены для налета по второй и третьей линиям траншей и отдельным опорным пунктам противника. Впрочем, это было для Неделина привычным делом. Изучая документы военных лет, я вижу сейчас, что наш 3-й Украинский фронт не баловали ни количеством артиллерии РВГК, ни обилием боеприпасов для нее. И все же плотность огня при прорывах вражеской обороны у нас зачастую не уступала центральным фронтам, где сосредоточивались основные силы советской артиллерии. Все дело было в разумном использовании имеющихся средств, в смелости и оригинальности решений, принимавшихся Митрофаном Ивановичем. Этим бесценным для военачальника даром природа наделила М. И. Неделина очень щедро.

Всего наш фронт имел около 700 танков.

Решением командующего фронтом основную массу танков и механизированных войск намечено было использовать в эшелоне развития прорыва. Но мы не оставили без броневго щита нашу матушку-пехоту и при атаке ею переднего края вражеской обороны. Для непосредственной поддержки пехоты привлекались отдельные танковые бригады и полки. Они были подчинены непосредственно командирам стрелковых дивизий, которые использовали их на направлениях своих главных ударов.

Эшелон же развития успеха составили два механизированных корпуса – 4-й гвардейский и 7-й. Ввод их в бой планировалось осуществить после прорыва общевойсковыми соединениями главной полосы обороны противника – в начале вторых суток наступления...

А связь?.. Кто из фронтовиков не знает, какое это тонкое, капризное и в то же время важное средство, без которого в бою никак не обойтись. Недаром линии связи называли нервами фронта. Штаб фронта должен был проявить максимум заботы о том, чтобы не только во время задуманной операции, но и в ходе подготовки к ней «нервы» эти не подвели.

Я уже отмечал достоинства наших связистов. Но здесь должен еще раз подчеркнуть, что при подготовке Яско-Кишиневской операции они проявили себя во всем блеске. Перед наступлением фронтовой узел связи имел первоклассную по тому времени аппаратуру. Она обеспечивала надежное управление войсками, и с основного, и с передового командных пунктов. Имелся также резерв средств связи, смонтированный на автомашинах и предназначенный для управления войсками при перемещениях КП. А вдобавок к этому мы располагали еще тремя десятками самолетов связи, более чем двадцатью автовездеходами, бронемашинами.

Не испытывали недостатка в средствах связи и армейские командные

пункты. Особенно хорошо была организована связь в 37-й армии, где имелась широко разветвленная сеть командных и наблюдательных пунктов. Основной командный пункт армии находился в юго-восточной части Кицкан, а передовые КП расположились у самой линии фронта: один – северо-западнее села Копанки, второй – в трех километрах юго-восточнее его. Кроме того, в армии существовал еще главный наблюдательный пункт в двух километрах восточнее Копанки.

Значительно приблизились к войскам наблюдательные пункты стрелковых корпусов и дивизий. Они обосновались в одном – полутора километрах от первых траншей, на направлениях главных ударов. Место для НП выбиралось с таким расчетом, чтобы с них можно было вести визуальное наблюдение за полем боя.

Буквально вся земля опуталась проводами. И, по мере приближения дня наступления, линий связи становилось все больше и больше. Приведу такую цифру. Начиная с 10 августа, на кицканском плацдарме, ежедневно становилось на позиции 10 стрелковых, артиллерийских, минометных, танковых и других частей, которые немедленно же развертывали свои командные и наблюдательные пункты, а от них, будто щупальца, тянулись в разных направлениях линии связи. Всего к началу наступления на этом относительно небольшом клочке земли разместились около трехсот КП и НП...

Досталось и инженерным войскам. Всю эту махину, вывалившую на плацдарм, – пехоту, артиллерию, танки, самоходные установки, автомашины, радиостанции, командные и наблюдательные пункты – надо было надежно упрятать в землю, скрыть от наблюдения и огня противника, обеспечить дорогами и переправами через водные преграды. К началу операции наши инженерные части построили несколько сот километров новых дорог, возвели восемь мостов через Днестр и пять – через старое его русло.

У каждой армии были свои условия местности. 57-я, например, находилась в низинах, ее окружали озера; растительность там скудная, территория свободно просматривалась противником. 37-я армия, наоборот, готовилась наступать из района, покрытого холмами и густолесьем; только фланги у нее оказались незащищенными... Инженерным командирам пришлось основательно поразмыслить и над этим. Однако во всех армиях инженерная подготовка к наступлению была завершена в срок. За саперами оставался последний долг: перед самым ударом по врагу снять на пути наших войск свои и чужие мины, разрезать проволоку...

Чтобы составить себе хотя бы приблизительное представление о работе тыла 3-го Украинского фронта в канун Яско-Кишиневской операции, следует запомнить несколько выразительных цифр. Нам требовалось для осуществления этой операции около 200 000 тонн различных боеприпасов, около 100 000 тонн горючего, около 10 000 тонн продовольствия и много других материально-технических средств. Или, говоря иначе, службам фронтового тыла ежедневно нужно было принимать и разгружать до 50 железнодорожных составов.

А кто сможет подсчитать те усилия, которые затрачивались работниками тыла, чтобы доставить эти грузы на передовую, к непосредственным потребителям – в войска?..

4. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С. С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.

(Бирюзов С. С. Как подготавливался удар. Из книги «Суровые годы», М., Воениздат, 1966. С. 327-329).

Надо сказать, разведка у нас была поставлена превосходно.

Еще с курсантских времен я запомнил правило: «Там врага сражают метко, где всегда идет разведка». Нельзя воевать наобум, точные данные о противнике – это и правильный расчет сил и средств, и выбор наиболее рациональных способов боевых действий, и многое другое, что обеспечивает успех боя, сражения, успех операции. Поэтому я всегда с большим уважением и вниманием относился к работе разведчиков.

Было бы несправедливо не сказать здесь несколько слов об этих мужественных людях. Их безграничная храбрость, находчивость очень часто приводили в изумление. Разведчики непрерывно ходили в тыл противника через передний край и нередко приводили не только фашистских солдат, но и офицеров,

Местность, где проходила линия фронта, изобиловала садами, перелесками, холмами, а болота почти сплошь были покрыты зарослями камыша. Несомненно, это способствовало поиску противника, добыче «языков». Но, несмотря на это, сколько изобретательности, находчивости проявляли разведчики!

Одна из поисковых групп под командованием лейтенанта Сальникова как-то более километра плыла через озеро, оставаясь незамеченной врагом. Затем разведчики миновали заросли камыша, вышли к глади озера. Перед собой они толкали маленькую лодку, груженную оружием. Плыли тихо, стараясь избегать всплесков, метр за метром приближались к противоположному берегу – расположению врага.

Был полдень. В это время гитлеровцы, как правило, обедали. Этим и воспользовались наши разведчики. Они подобрались к суше. Там, метрах в 200 от берега, находился немецкий дзот, к которому вела траншея. Сержанты Сорокин и Серов быстро нырнули в эту траншею. За ними последовали другие разведчики. Раздались взрывы, треск автоматной стрельбы. Через несколько минут группа наших воинов повернула назад. Старший сержант Андриашвили тащил на плечах «языка» – немецкого ефрейтора. Во вражеском дзоте осталось шесть убитых гитлеровцев.

Обратный путь был гораздо труднее. Опомнившиеся фашисты открыли беспорядочный пулеметный огонь по зарослям камыша. Но шестерка наших разведчиков вскоре достигла своего берега, без потерь был завершён необычайно смелый поиск. Пленный дал очень ценные сведения. Все участники этой дерзкой вылазки были отмечены правительственными наградами.

Удался и другой дневной поиск. Утром разведчики сосредоточились в окопах нашего боевого охранения. Ровно в 11 часов, когда, по наблюдениям, у немцев наступило затишье, группы гвардии старшины Губанова и гвардии старшего сержанта Музыченко начали выдвигаться вперед. Под прикрытием высокой ржи разведчики подползли к вражеской траншее, забросали ее гранатами, ворвались в окоп. Сразу же был схвачен фашистский унтер-офицер. Вся операция продолжалась 15 минут. Противник даже не успел открыть прицельный огонь. Лишь позже гитлеровцы обнаружили своих убитых солдат, исчезновение унтер-офицера и открыли огонь. Но было поздно. Наши воины уже достигли своих окопов. А «язык» оказался очень ценным. Командующий фронтом объявил разведчикам благодарность и лично наградил их орденами и медалями.

Очень часто разведчики, люди необычайной храбрости и решимости, поражали выдержкой, выносливостью, так как захват «языков» давался ценой почти фантастического труда. Мне запомнился случай, когда взводу во главе с младшим лейтенантом Мурадовым пришлось делать подкоп. Позже об этом писала наша фронтовая газета «Советский воин», и я позволю себе полностью привести небольшую заметку майора Д. Гребенщикова, опубликованную в газете.

«В этом месте линия немецкой обороны подходила к нашим позициям, расположенным на окраине села, метров на 50. Ничейная полоса с обеих сторон окутана колючей проволокой, заминирована, и каждый ее метр хорошо просматривается и простреливается.

Бойцы взвода младшего лейтенанта Мурадова обнаружили около одного разрушенного дома подвал. Они решили сделать из этого подвала подкоп под позиции противника, ворваться к немцам из-под земли и «захватить языка». Произвели все необходимые расчеты, наметили трассу, достали кирки, лопаты и начали из подвала долбить землю. Работали день и ночь в течение недели. Землю вытаскивали ящиками в развалины дома. Когда туннель достиг в длину 40 метров, работы прекратили: дальше рыть было опасно, ибо немцы каждую минуту могли услышать звук ударов кирками и лопатами. До немецких траншей оставалось не больше 7-8 метров. Тогда конец туннеля раздвоили и расширили для того, чтобы здесь можно было сосредоточиться. Осторожно пробили наверх два выхода, которые оказались за проволочными заграждениями противника. Таким образом, выйдя из этих нор, разведчики могли беспрепятственно одним броском ворваться в траншею врага. Нападение решили совершить днем, когда обычно немцы оставляют в своих окопах только наблюдателей.

Младший лейтенант Мурадов разбил бойцов на две группы. Первую возглавил красноармеец Шемонаев, вторую – сержант Виноградов. Утром обе группы сосредоточились в конце туннеля у выходов наверх. Первой выбралась группа Шемонаева. В ней были сержант Задорожный и красноармейцы Ватутин, Клинков и Бордачев. С ними же пошел и командир взвода Мурадов. Не встретив никакого сопротивления, развед-

чики ворвались в немецкий блиндаж. Шемонаев гранатой оглушил двоих фрицев, остальные бросились за перегородку в другое отделение, где находилось оружие. Туда метнули гранату. Бросившись вслед за ней, бойцы схватили раненого фрица и унесли его в нору. Тем временем вторая группа сержанта Виноградова действовала несколько правее группы Шемонаева. Ворвавшись в траншею, бойцы забросали ее гранатами, уничтожив до десяти немцев. Всего в этот дерзкий налет разведчики истребили 28 немцев и одного взяли в плен.

Вот так действовали наши бесстрашные разведчики. На мой взгляд, эпизоды, приведенные выше, показывают, благодаря каким смелым действиям воинов штаб фронта постоянно располагал всеми необходимыми сведениями о противнике.

Накануне Яско-Кишиневской операции мы имели настолько полные данные о противнике, что захваченный позже в плен один немецкий генерал, взглянув на нашу разведывательную карту, воскликнул:

– Вы скопировали расположение немецких и румынских войск с карты штаба «Южной Украины»!

Пленный ошибался. Но когда к нам в руки действительно попала карта 6-й немецкой армии, то мы и сами удивились ее разительному сходству с нашей...

... Однако не стоит забегать вперед. Вернемся на заседание Военного совета 3-го Украинского фронта, проходившее 16 июля 1944 года в хате молдавских крестьян.

Итак, после перерыва перед нами выступил начальник разведки генерал Рогов. Свой доклад он начал, помнится, с краткой характеристики численного состава вражеской группы армий «Южная Украина», противостоявшей нашему и 2-му Украинскому фронтам. В нее входили 3-я и 4-я румынские армии, 17-й немецкий отдельный корпус, 8-я и 6-я немецкие армии. А всего, вместе с поддерживающим наземные войска 4-м воздушным флотом здесь насчитывалось 47 вражеских дивизий и 5 бригад, или 643 000 человек личного состава, 7618 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудия, 810 самолетов.

В целом всей этой группировкой командовал гитлеровский генерал Фриснер. В его непосредственном подчинении находились два командующих армейскими группами: немец Велер и румын Думитреску. Под началом первого были 8-я немецкая и 4-я румынская армии, а также 17-й отдельный корпус гитлеровцев. Эта армейская группа противостояла войскам 2-го Украинского фронта, занимая оборону от населенного пункта Стража до Прута.

Армейская группа Думитреску оборонялась против нашего фронта. Она, как я уже отмечал раньше, имела в своем составе 3-ю румынскую и 6-ю немецкую армии, а позиции ее простирались вплоть до Черного моря – более чем на 310 километров.

Свои основные силы командование этой группы держало на двух направлениях: тираспольском (шесть немецких и две румынские пехотные дивизии) и кишиневском, 11 немецких пехотных дивизий. По всему чув-

ствовало, что наиболее уязвимым противником считал кишиневское направление. Недаром он сосредоточил здесь всю 6-ю немецкую армию и подтянул к ее флангам резервы группы, в составе которых совсем не было румын.

В докладе начальника разведки на этом делался особый акцент. И мы его отлично поняли. Гитлеровское командование не очень-то полагалось на стойкость румынских войск. Солдаты Антонеску все лучше начинали понимать, какими бедствиями чревата для Румынии война на стороне фашистской Германии. Для того, чтобы хоть как-то «укрепить дух союзника», гитлеровцы вынуждены были даже на второстепенных направлениях расставлять румынские соединения вперемежку с немецкими и включать немецкие дивизии в состав румынских корпусов. Таким способом они рассчитывали при любой неустойке силой заставить румын лезть в пекло...

Все, о чем говорилось на Военном совете, зримо представало перед моими глазами. Я мысленно обзирал местность, на которой должно было развернуться грандиозное сражение. Видел многочисленные цепи холмов, в основном меридионального направления, реки и дороги, тянущиеся также с севера на юг... Что и говорить, рельеф для обороняющихся, прекрасный! К тому же у противника было достаточно времени, чтобы дополнить все это искусственными инженерными препятствиями: натянуть в два-три ряда колючую проволоку, оборудовать минные поля, противотанковые рвы и эскарпы, отрыть несколько линий траншей, воздвигнуть железобетонные доты...

А в глубине вражеской обороны – новые защитные рубежи по рекам Бык, Ботна, Когильник, Чага, Бырлад. Грозной преградой лежали на нашем пути Прут и Серет. Там и сям маячили города, превращенные в сильные опорные пункты. И напряженно работавшая мысль искала, искала, искала, как пробить эту стену, как победить врага малой кровью!

Бирюзов С.С. Как подготавливался удар. Из книги «Суровые годы», М., Воениздат, 1966. С. 331).

... Но пока здесь была та самая обстановка, которая в сводках характеризовалась короткой фразой «без перемен». Эта привычная фраза не раскрывала, однако, существа дела. На различных участках фронта то и дело вспыхивали жестокие бои, хотя, несомненно, в то время наш участок фронта был наиболее «тихим».

Противник нет-нет, да и «прощупывал», насколько сильны противостоящие ему советские войска. В районе Талмаз он неожиданно перешел в наступление. Сил у нас в резерве было, конечно, достаточно, чтобы тут же «успокоить» гитлеровцев, но делать этого было нельзя. Нужно было сохранить в тайне свои резервы и оставить противника при мнении о том, что мы слабы.

Враг неистовствовал. Он не щадил ни людей, ни технику, стремясь выбить наши войска с плацдарма и выйти к берегу Днестра. Но советские воины стойко сражались, и все планы фашистов были сорваны.

После одного из боев солдаты роты старшего лейтенанта Сотникова под считали захваченные у врага трофеи: 2 пулемета, 2 миномета, 300 мин, много автоматов и винтовок. Уничтожено 300 гитлеровцев.

Отделение сержанта Владимира Бондина со станковым пулеметом отразило несколько атак гитлеровцев, 60 вражеских трупов осталось перед позицией отделения после боя. Взбешенные фашисты двинули против воинов танки. Но и они были отбиты. На помощь отделению пошла группа бойцов во главе с коммунистом Закондраевым, который, несмотря на ранение, смело вел за собой воинов, расчищавших штыками траншеи от гитлеровцев.

Немцы стали отходить, но им удалось захватить с собой одного бойца из новичков. Тогда, пренебрегая опасностью, сержант Леонид Пантелеев по минному полю пополз наперерез противнику. Внезапно, как из-под земли, вырос он на их пути с автоматом наперевес, захватил в плен четырех гитлеровцев и вызволил товарища.

Замечательно действовали и снайперы, которые в критические минуты, когда фашисты рвались к нашим траншеям, хорошо помогали товарищам своим метким огнем. За день снайпер Синицкий убил 19 солдат противника, Гержов – 8, Запорожец – 7. Мужественно действовали и связисты. Например, телефонист комсомолец Сергей Савин за 15 минут сумел навести линию связи взамен старой, имевшей около 90 порывов...

А в сводках нашего фронта в это время по-прежнему сообщалось: «без перемен».

Бирюзов С. С. Как подготавливался удар. Из книги «Суровые годы», М., Воениздат, 1966. С. 337).

... Досталось и инженерным войскам. Всю эту махину, вывалившую на плацдарм, – пехоту, артиллерию, танки, самоходные установки, автомашины, радиостанции, командные и наблюдательные пункты – надо было надежно упрятать в землю, скрыть от наблюдения и огня противника, обеспечить дорогами и переправами через водные преграды. К началу операции наши инженерные части построили несколько сот километров новых дорог, возвели восемь мостов через Днестр и пять – через старое его русло.

У каждой армии были свои условия местности. 57-я, например, находилась в низинах, ее окружали озера; растительность там скудная, территория свободно просматривалась противником. 37-я армия, наоборот, готовилась наступать из района, покрытого холмами и густолесьем; только фланги у нее оказались незащищенными... Инженерным командирам пришлось основательно поразмыслить и над этим. Однако во всех армиях инженерная подготовка к наступлению была завершена в срок. За саперами оставался последний долг: перед самым ударом по врагу снять на пути наших войск свои и чужие мины, разрезать проволоку...

5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.

(Блажей А. К. В армейском штабе. М., Военное издательство, 1967. С. 130-135).

С переходом армии к обороне командование фронта отозвало почти все придававшиеся нам на период наступления средства усиления.

Мы продолжали удерживать на правом берегу Днестра два плацдарма. Первый из них - варницкий - севернее Бендер оборонял корпус генерала Осташенко. Все три дивизии находились в одноэшелонном построении и имели минимальный резерв - по одному батальону. Передний край обороны проходил по линии железной дороги Бендеры - Кишинев.

Второй плацдарм - кицканский - обороняли два стрелковых корпуса. Участок от Бендер до озера Ботно удерживал 82-й стрелковый корпус генерала Кузнецова, имевший две дивизии в первом эшелоне и одну в резерве. Передний край тут тянулся восточнее железнодорожной линии. Место было заболоченное, открытое, простреливалось противником, все еще остававшимся на Кицканских высотах. С нашей стороны обзор был ограниченным. К тому же части корпуса не могли отрыть окопы и траншеи полного профиля: они тут же заполнялись болотной водой. Левее 82-го корпуса, на участке озеро Ботно (исключительно), Фынтына-Маскулуй, Леонтина, оборону держали части 66-го стрелкового корпуса 6-й армии. 6-й гвардейский находился во втором эшелоне.

Выполняя приказ командования фронта, войска нашей армии время от времени вели местные бои за улучшение позиций, но, к сожалению, по-прежнему не имели успеха.

Из корпусов и дивизий непрерывным потоком поступали всевозможная информация, запросы, требования. Надо было во всем разобраться, все подсчитать, учесть, чтобы по возможности планомерно снабжать войска.

Особенно много дел свалилось на наших тыловиков. Если в дни наступления все внимание члена Военного совета по тылу генерала В. В. Сосновикова, начальника управления тыла армии полковника Ф. П. Нестерова, начальника штаба тыла подполковника П. Н. Назаренко, армейского интенданта полковника Г. П. Быстрякова было сосредоточено на подвозе в войска всего, что имелось на складах, на выпрашивании у фронтовых интендантов горючего, снарядов, патронов, хлеба, крупы, мяса, то теперь, в связи с переходом к обороне, появилось немало новых забот, подчас, казалось, не имевших непосредственного отношения к армии. Например, помощь крестьянам в проведении посевной на освобожденных от немецко-фашистских захватчиков землях.

Однако главным для работников тыла оставалось снабжение войск. С подвозом боеприпасов, когда дороги подсохли, положение улучшилось. Что же касается продовольствия, то его надо было заготавливать. С переходом к обороне армия, образно говоря, перешла на «подножный корм» - на продовольственное снабжение за счет местных ресурсов. Для

заготовок муки, мяса, картофеля, овощей нам выделили огромный по территории район. Население готово было отдать Красной Армии все, что имело, но в опустошенных войной деревнях остались крайне скудные запасы продовольствия. И если армия в тот период не испытывала сколько-нибудь серьезных затруднений в продовольственном снабжении, то в этом большая заслуга принадлежала Владимиру Васильевичу Сосновикову, его поистине неутомимой энергии.

В период обороны Владимир Васильевич Сосновиков, как и другие офицеры управления тыла, дни и ночи проводил в окрестных колхозах, совхозах, райисполкомах, райкомах партии, выступая на районных и сельских партийных собраниях, на сходах и митингах, готовя обозы с продовольствием для войск. Генералу Сосновикову это, пожалуй, удавалось лучше, чем другим. Опытный политработник, прекрасный организатор, он всегда находил общий язык с местными властями и населением.

В связи с переходом армии к обороне прибавилось дел у разведывательного отдела штаба и у начальника разведки полковника Василия Ивановича Щербенко. Гораздо труднее стало добывать, проверять и перепроверять разведданные.

Между тем штабу были очень нужны точные, проверенные данные о противостоящих немецко-фашистских войсках. В первую очередь они требовались оперативному отделу. Оборона обороной, а Петр Андреевич Диков и его помощники ни на день не прекращали работы над планом будущей наступательной операции. Пока это были лишь варианты, предположения, замыслы, идеи, но все они серьезно, всесторонне обсуждались в оперативном отделе. И чем больше штаб узнавал о противостоящем противнике, тем реальнее, обоснованнее становились эти планы и прогнозы.

Не замирала работа и в других отделах штаба. Задержку на днестровских плацдармах после многодневного преследования врага все считали естественной и, несомненно, кратковременной. Поэтому дела и думы каждого штабного офицера были сосредоточены на подготовке к новым наступательным боям.

... Однажды в самый разгар рабочего дня ко мне зашел начальник штаба артиллерии подполковник Иван Илларионович Жабов, высокий, стройный молодой офицер, назначенный вместо Зелинского. Обычно серьезный, вдумчивый, он в этот раз как-то загадочно улыбался.

- Арефа Константинович, приглашаю на небольшую экскурсию. Погода прекрасная, надо проветриться, не все же сидеть за картами и бумагами.

- Не до экскурсий пока, Иван Илларионович. Других дел по горло.

- Поедемте, товарищ полковник. Это совсем недолго, - настаивал Жабов. - Подполковник Понпа тоже просит вас. Он ждет в машине...

- С каких это пор начальник трофейного отдела стал любителем экскурсий?

- Тут как раз по его части. Он меня пригласил, а я вот зашел за вами, - продолжал хитровато улыбаться Жабов.

- Ну ладно. Поедем. Только ненадолго.

Машина, набрав скорость, рванулась вперед. Проехали небольшое, утопающее в вишневых садах село Колкотова Балка, за селом круто повернули направо.

И тут нам открылась по-своему величественная картина. На огромной территории, площадью не меньше десяти квадратных километров, возвышались аккуратно уложенные в штабеля боеприпасы. Тут были и снаряды, и авиационные бомбы, и мины, и целые горы ящиков с патронами, гранатами. Небольшие группы наших солдат расчищали пути подъезда к штабелям. Здесь же работали минеры. Кое-где зияли глубокие воронки. Шофер тихо вел машину между столбиками с красными флажками. Ехали словно по пороховому погребу. Дорога проходила вдоль широкой балки с обрывистыми краями. Справа и слева виднелись глубокие карьеры, почти сплошь заполненные аккуратными ящиками. Машина остановилась возле полуразрушенного, наполовину зарытого в землю домика.

- Вот и приехали, - сказал подполковник Д. Л. Понпа. - Тут у немцев была канцелярия склада.

Я уже знал, что во время наступления войска армии захватили склад боеприпасов, но, пока не увидел собственными глазами, не мог даже приблизительно представить себе, насколько он огромен.

- Говорят, тут у немцев было около миллиона снарядов, мин и авиационных бомб, - продолжал пояснять начальник трофейного отдела.

- Осталось, конечно, меньше. Перед освобождением этой территории тут поработала наша авиация. Вон, видите, воронки. Некоторые штабеля взлетели на воздух. Кое-что успели подорвать и сами гитлеровцы. Но, видно, спешили. Штабеля расположены на таком удалении один от другого, что детонация не сработала...

- Сколько же, по вашему мнению, осталось тут снарядов и мин? - спросил я Даниила Львовича.

- Пока подсчитали не все, товарищ полковник. Но полагаю, тысяч шестьсот - семьсот.

- Вот это здорово! - с восхищением произнес Жабов. - Значит, будем формировать артиллерийские трофейные батареи, угощать фашистов их же снарядами. Трофейных пушек у нас достаточно.

- И подвозить боеприпасы далеко не надо, все рядом, - добавил подполковник Понпа.

Он почти не ошибся в оценке количества снарядов и мин на складе. К концу июля сформированным в частях «трофейным» батареям и дивизионам было передано четыреста шестнадцать тысяч снарядов и мин. Около двухсот тысяч, оказавшихся поврежденными, пришлось подорвать на территории бывшего склада. Бомбы забрали авиаторы.

Впоследствии, особенно в ходе дальнейшего наступления, «трофейные» зенитные, артиллерийские и минометные батареи сыграли существенную роль в разгроме крупной группировки вражеских войск, окруженной между Днестром и Прутом.

(Блажей А. К. В армейском штабе. М., Военное издательство, 1967. С. 142-152).

В конце мая в полосе нашей обороны произошли существенные изменения. Участок севернее Терновки - Парканы, Варница, Бендеры - мы передали по приказу командующего фронтом 57-й армии. Оборонявший его 57-й корпус был выведен во второй эшелон, а несколько дней спустя передан в подчинение 2-му Украинскому фронту. Вместе с войсками корпуса от нас ушли ставшие за время боев моими друзьями Федор Афанасьевич Остащенко, его начальник штаба Василий Иванович Минеев, командиры дивизий Владимир Васильевич Русаков, Иван Никитич Есин, Петр Михайлович Чирков. Я знал и знаю их не только как умных, способных военачальников. Они были и навсегда остались моими добрыми товарищами. А что может быть крепче товарищества, закаленного в огне боев!

Слева наша оборонительная полоса несколько расширилась. Мы приняли от 6-й армии ее 66-й стрелковый корпус, оборонявший участок Фынтына-Маскулуй, Талмаз. Остальные войска 6-й армии были выведены в резерв фронта.

Нашим левым соседом снова стала 46-я армия, командование которой тогда только что принял генерал-лейтенант И. Т. Шлемин, заменивший на этом посту генерала В. В. Глаголева.

Все эти изменения свалились на нас неожиданно и, естественно, потребовали от командования и штаба большой, кропотливой работы по освоению новой полосы и организации обороны, по изучению влившихся в состав армии новых соединений и частей.

В постоянных заботах время бежало быстро.

Наступил жаркий и пыльный июнь. Для меня лично начало июня ознаменовалось радостным, пожалуй, незабываемым в жизни любого военного человека, событием: я стал генералом.

На следующий день уже в звании генерал-майора встречал группу командиров переданного фронтом в наше подчинение 66-го стрелкового корпуса.

Часа в два пополудни мне позвонил дежурный контрольно-пропускного пункта, громко, но несколько сбивчиво доложил:

- Товарищ генерал! Тут генерал Куприянов к вам и еще... В общем, четыре генерала. На машине...

- Хорошо, пропустите, - приказал я, быстро надел китель, пошел встречать.

От КПП к штабу шла группа военных. Впереди широко шагал высокий, круглолицый блондин со Звездой Героя и многими боевыми орденами. Остановившись в нескольких шагах от меня, четко доложил:

- Командир 66-го стрелкового корпуса генерал-майор Куприянов. Прибыл с командирами дивизий для представления командующему армией!

- Очень кстати, - сказал я, здороваясь и в свою очередь представляясь.

- Вовремя приехали. Командарм как раз здесь. И член Военного совета генерал-майор Шабанов на месте. Так что ждать не придется.

Командарм принял генералов в небольшой чистенькой хате. Комната была несколько тесновата, тем не менее, встреча прошла с соблюдением всех требований воинского ритуала.

Михаил Николаевич, когда мы вошли, быстро поднялся, одернул гимнастерку,

Привычным движением пальцев разгладил под ремнем складки и вышел из-за стола. Вслед за ним поднялся сидевший у окна Василий Дмитриевич Шабанов, коренастый, большелобый, с открытым сосредоточенным взглядом.

Первым, как положено, докладывал Куприянов. Кратко, четко, ни одного лишнего слова:

- Товарищ командующий! 66-й стрелковый корпус в составе 61-й гвардейской, 244-й и 333-й стрелковых дивизий со средствами усиления прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир корпуса Герой Советского Союза генерал-майор Куприянов.

Сделал шаг в сторону, пропустил вперед невысокого, быстрого в движениях, с тонкими чертами лица генерала-гвардейца. Тот доложил:

Командир 61-й гвардейской Краснознаменной Славянской стрелковой дивизии генерал-майор Лозанович.

Третьим докладывал командир 244-й Краснознаменной ордена Суворова II степени Запорожской стрелковой дивизии генерал-майор Григорий Андреевич Афанасьев, высокий, худощавый человек с открытым лицом рабочего.

Наконец, командир 333-й стрелковой. Среднего роста, широкий в плечах, совсем еще молодой, темноглазый брюнет, похожий не то на армянина, не то на цыгана.

- Командир 333-й Краснознаменной ордена Суворова II степени Синельниковской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Голоско!

Михаил Николаевич крепко пожал прибывшим руки, щуря глаза в приветливой улыбке, сказал:

- Титулы у вас, товарищи, такие длинные, что натошак, пожалуй, не запомнишь. Надеюсь, мы в долгу тоже не останемся - прибавим к ним еще кое-что. А пока прошу садиться.

Когда расселись вокруг стола, Михаил Николаевич попросил командира корпуса рассказать о себе.

- Рассказывать вроде нечего, товарищ командующий. Биография самая обычная, - сказал Куприянов. - Родился в девятьсот первом, в крестьянской семье. В Красной Армии с двадцатого года. Рядовым бойцом воевал против Петлюры. Окончил Академию имени Фрунзе. В эту войну с первых дней на фронте. За успешное форсирование Днепра в октябре сорок третьего получил Героя. Вот, собственно, и все.

Так же кратко рассказали о себе командиры дивизий. Внимательно выслушав их, генерал Шарохин деловито подытожил:

- Итак, знакомство состоялось. Теперь о делах. Задача корпуса пока остается прежней - прочно удерживать занимаемый рубеж, ни при каких обстоятельствах не пропускать немцев к Днестру. Особое внимание обратить на укрепление участка Плоп-Штубей, Леонтина, поглубже закопаться в землю. Одну дивизию держать в резерве. Последовательно выводить полки на восточный берег для тактических учений. Подробности об учениях узнаете у начальника штаба. Все ясно?

- Ясно, товарищ командующий, - ответил за всех генерал Куприянов. Шабанов незаметно подтолкнул меня локтем, шепнул:

- Как ваше мнение?

- Самое положительное, - тоже шепотом ответил я. - Такие люди не подведут...

Аналогичное впечатление о наших новых боевых друзьях сложилось и у генерала Шарохина.

Укрепляя оборону отвоеванных у противника позиций и готовясь к будущему наступлению, командование и штаб армии возлагали большие надежды в смысле дальнейшего развития успеха прежде всего на кицканский плацдарм, хотя, если говорить откровенно, он, как и варницкий, имел немало изъянов.

Общая площадь кицканского плацдарма достигала ста пятидесяти квадратных километров. Много это или мало? В масштабе армии его едва ли можно было считать большим. Дело в том, что добрую половину этой территории занимали многочисленные мелкие озера, болота, трясины. Для размещения войск годились лишь незаболоченные участки площадью около семидесяти квадратных километров.

Имелось здесь, разумеется, и кое-что выгодное для нас. Прежде всего, лесные массивы, множество садов и виноградников, тянувшихся вдоль излучины Днестра на юг от Бендер. На участке Фынтына-Маскулуй, Леонтина наши войска занимали узкую гряду холмов. Некоторые из них достигали ста сорока - ста шестидесяти метров над уровнем моря. Лесные массивы и сады служили хорошей маскировкой для войск. К сожалению, этим и исчерпывались выгоды нашего расположения. Немцы, удерживавшие господствующие высоты, глубоко просматривали и простреливали расположение войск 37-й армии.

На плацдарме не было ни одной шоссейной дороги, а полевые даже после небольшого дождя раскисали из-за близости грунтовых вод. Не располагали наши войска и сколько-нибудь удобными высотами для наблюдательных пунктов. Правда, неплохим местом, откуда можно было вести наблюдение за противником, являлась колокольня Кицканского монастыря, но она представляла собой прекрасную мишень для немецко-фашистских артиллеристов. Расположенный на ней НП постоянно подвергался опасности.

Грунтовые воды, находившиеся очень близко от поверхности, неизменно усложняли инженерные работы. Приходилось создавать насыпные окопы, устраивать гати из бревен для танков, чтобы их не засосало.

Вот этот-то «пяточок» армия и должна была оборонять. А перед наступлением здесь предстояло разместить, укрыть от вражеских наблюдателей и разведки три стрелковых, один механизированный корпуса и большое число специальных частей, около трех тысяч орудий и минометов, девять тысяч лошадей, более одиннадцати тысяч тонн боеприпасов, не считая горючего и разного военного имущества, создать свыше трехсот наблюдательных пунктов - от батальонных до армейского. Разместить войска следовало так, чтобы иметь возможность маневрировать. Необходимо было все заранее спланировать, предусмотреть любую неожиданность, поддерживать на плацдарме образцовый порядок.

Получив приказ командующего фронтом на оборону в новых разграничительных линиях, генерал Шарохин немедленно провел оперативное ориентирование руководящего состава полевого управления армии и поручил штабу разработать возможные варианты замысла будущей наступательной операции, то есть определить направление главного удара, участок прорыва, группировку сил. Разработку замысла мы вели в оперативном отделе штаба. Сюда ежедневно собирались командующие родами войск и начальники их штабов, спорили, обменивались мнениями, обсуждали различные варианты.

Как только определились первые наброски замысла, генерал Шарохин провел заседание Военного совета, на котором присутствовали все руководящие генералы и офицеры полевого управления армии: члены Военного совета генералы В. Д. Шабанов и В. В. Сосновиков, командующий артиллерией полковник В. П. Чистяков, командующий бронетанковыми и механизированными войсками полковник Е. Я. Вишман, начальник инженерных войск генерал А. И. Голдович, начальники оперативного и разведывательного отделов, получившие к тому времени звание полковника, П. А. Диков и В. И. Щербенко, а также многие другие офицеры штаба.

Докладывал полковник Диков. Кратко охарактеризовав недостатки апрельского плана наступления и неудачный выбор направления главного удара, Петр Андреевич продолжал:

- Наш прежний план наступательной операции не увенчался успехом. И напомнил я о нем лишь для того, чтобы иметь его в виду, если потребуются нанести по обороне противника вспомогательный удар. Что же касается основного варианта замысла будущего наступления, а вернее сказать, продолжения наступательной операции, то здесь важно помнить главное. В связи с изменением разграничительных линий мы должны исходить из открывшейся возможности нанести главный удар по более слабому участку вражеской обороны, чтобы в случае успеха расчленил войска противника. Этого, по моему мнению, можно достигнуть, нанеся главный удар из района Фынтына-Маскулуй, Леонтина в направле-

нии Опач, Чимишлия, в стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Хотя участок довольно узкий, всего пять-шесть километров по фронту, вроде дефиле, зато в случае прорыва обороны наши войска сразу выходят на оперативный простор, на вражеские тылы.

На этом участке, - продолжал П. А. Диков обосновывать идею наступления, - мы имеем определенное тактическое преимущество. Исходное положение на глубину три-четыре километра прикрито густым молодым лесом, что позволит скрытно подвести войска почти к самому переднему краю обороны противника. Участок прорыва, как я уже докладывал, узкий, поэтому вряд ли немецко-фашистское командование может предположить, что основной удар мы нанесем именно здесь.

Предлагаемый нами вариант в основе своей не новый, - сказал он в заключение. - Части 82-го и 6-го корпусов еще в первой половине апреля пытались нанести удар по вражеской обороне из района Фынтына-Маскулуй, Леонтина. Но тогда у нас было мало сил, особенно артиллерии, танков. Попытка оказалась безуспешной... Оперативный отдел считает, товарищ командующий, этот вариант наиболее целесообразным и выгодным.

- Ну что ж, посмотрим, послушаем, что скажут товарищи, - заметил генерал Шарохин. - Как полагают разведчики?

Полковник Щербенко сообщил, что на участке в направлении Опач, Чимишлия противник ведет интенсивные оборонительные работы, однако железобетонных сооружений не отмечено. По мнению разведотдела, предложенный вариант можно было принять за основу.

Примерно в том же духе высказались командующие родами войск. Когда зашла речь об инженерном оборудовании плацдарма, генерал Голдович предложил привлечь к этой работе как можно большее число солдат и командиров не только инженерных войск, но и пехоту, артиллеристов, танкистов.

- Саперы займутся сооружением мостов, капониров, минированием, маскировкой войск, водоснабжением. Словом, выполнят самые сложные инженерные работы, - подчеркнул он. - Ну, а все остальное пусть возьмут на себя другие рода войск. Командующий поддержал генерала Голдовича. А затем, оценивая предложенный вариант удара по обороне противника с рубежа Фынтына-Маскулуй, Леонтина, заявил:

- Остановимся пока на этом варианте. Начальнику штаба совместно с начальниками родов войск немедленно начать соответствующие расчеты и обоснование замысла для доклада командующему фронтом. Тщательно продумать оперативное построение, маневр силами и средствами, подготовить и провести штабную игру на картах и макете местности.

Согласился с нашим вариантом и начальник штаба фронта генерал-полковник Бирюзов, побывавший у нас вскоре после совещания. Прежде чем высказать свое мнение, он почти целый день провел на переднем крае: разговаривал с командирами корпусов, дивизий, полков и некоторых батальонов. Вечером, возвратившись на командный пункт армии, сказал генералу Шарохину и мне примерно следующее:

- Плацдарм, конечно, трудный. Недостатков у него, пожалуй, не меньше, чем достоинств. Но тут уж ничего не поделаешь... Вариант нанесения главного удара с рубежа Фынтына-Маскулуй, Леонтина считаю достаточно обоснованным. Так и буду докладывать генералу Толбухину. Имейте, однако, в виду, что исходный район следует готовить не меньше чем на две армии...

Генерал Бирюзов не объяснил подробно, что означали его слова, а допытываться было неудобно. Только в начале августа мы узнали, что с кицканского плацдарма на участке южнее Бендер (исключительно озеро Ботно) будет наступать и 57-я армия. В середине августа мы передали ей этот участок.

После отъезда Бирюзова штаб продолжал разработку замысла вероятной наступательной операции и уточнение деталей задуманного варианта с чувством гораздо большей уверенности в том, что участок прорыва и направление главного удара выбраны правильно.

Командование и штаб фронта, как видно, тоже всерьез заинтересовались этим вариантом. Во второй половине июня в штаб армии неожиданно прибыли Федор Иванович Толбухин и Сергей Семенович Бирюзов с группой генералов из фронтового штаба. Как раз в тот день мы проводили у себя штабную летучку на картах, продолжая отрабатывать будущую наступательную операцию. Федор Иванович и приехавшие с ним генералы внимательно наблюдали за ходом штабной игры.

На разборе, обосновывая избранный вариант, генерал Шарохин докладывал:

- По нашему мнению, вариант прорыва вражеской обороны на участке Фынтына-Маскулуй, Леонтина является наиболее целесообразным и эффективным, хотя подготовить и осуществить мощный удар на узком участке нелегко. Плацдарм к тому же неудобен. И, тем не менее, риск вполне оправданный. В случае удачного прорыва мы сразу вбиваем клин между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями и кратчайшим путем выходим к Пруту на соединение с войсками 2-го Украинского фронта. Крайне важно, что с началом наступления не потребуются форсировать водную преграду. По всему видно, враг ожидает, что главный удар будет нанесен севернее Тирасполя, где он сосредоточивает свои основные силы. Поэтому выгодно нанести удар именно там, где оборона слабее.

Ссылаясь на то, что враг ожидает главного удара севернее Тирасполя, Михаил Николаевич опирался на обобщенные разведанные, полученные накануне из штаба фронта. Из них явствовало, что немецко-фашистское командование предпринимает необходимые меры по укреплению обороны, прежде всего, из расчета на попытку прорыва советских войск в районе Дубоссары, Григориополь. С точки зрения классической тактики эта полоса была действительно наиболее удобной. Прорыв здесь открывал кратчайший путь на Кишинев. Это-то, видно, и ввело в заблуждение гитлеровское командование. После проведенной вскоре командованием фронта оперативной маскировки на этом участке немецко-фашистские

стратеги еще больше уверовали в то, что советские войска готовятся к прорыву именно в районе Дубоссары, Григориополь.

Ф. И. Толбухин с присущими ему тактом и вниманием слушал доводы командующего 37-й армией. Когда Шарохин закончил доклад, Федор Иванович сказал:

- О вашем варианте я знаю, друзья мои, немало думал над ним. По моему, он интересен, заманчив. Но вот что меня беспокоит. Как вы укроете на таком «пяточке» усиленную армию? Как протолкнете ее через узкую горловину? Думали вы над этим?

Михаил Николаевич шагнул к висевшей на стене карте, но его опередил генерал Бирюзов.

- Думали, товарищ командующий, - сказал он. - Они всё довольно тщательно подсчитали. Я знакомился с расчетами и полагаю, что они реальны. Вариант, предлагаемый командованием 37-й армии, не только позволит вбить клин между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями. Этот вариант открывает кратчайший путь нашим войскам на соединение с главными силами 2-го Украинского фронта. Таким образом, создаются благоприятные предпосылки для окружения и разгрома всей кишиневской группировки противника. Можно будет, как говорится, накрепко завязать мешок. А емкость плацдарма можно несколько увеличить, хотя и с большим трудом. Впрочем, товарищи из армии кое-что уже предусмотрели: создают дополнительные линии траншей, аппарелей, убежищ. Надеюсь, генерал Голдович не ударит лицом в грязь...

Не удовлетворившись ответом Бирюзова, командующий фронтом продолжал задавать вопросы Шарохину, мне, Чистякову, Вишману, Нестерову:

- Как организуете управление войсками при прорыве обороны и во время преследования противника? Когда, на каком этапе введете в сражение второй эшелон? Что предполагаете делать, если не удастся сразу прорвать немецкую оборону? Каким образом предполагаете обеспечить снабжение войск в период преследования противника?.. Учтите, - сказал он в заключение, - как только ваша армия выйдет к Пруту, а 2-й Украинский фронт прорвет оборону противника в районе Ясс, на вас навалится огромная сила. И надо будет выстоять.

- Выстоим, товарищ командующий! На это у нас пороуху хватит, - заверил Шарохин. Хотя и командарм, и все мы отвечали уверенно, каждый чувствовал: над планом наступления предстоит еще много и упорно работать.

- Замысел оригинальный, я бы сказал, слишком смелый. Стоящий замысел, - постукивая пальцами по столу, резюмировал генерал Толбухин. - Ладно, пораскиньте еще мозгами, обсудите на досуге все «за» и «против». Тут надобно семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Обмозгуйте, и такой вопрос: что будете делать, если 57-я армия не сумеет с ходу прорвать немецкую оборону южнее Бендер? Ответ доложите потом.

С этими словами он поднялся из-за стола, давая понять, что разговор

окончен. Твердого решения командующий фронтом в этот раз не принял. Видимо, не мог принять без согласования со Ставкой. К тому же существовал вариант нанесения главного удара севернее Тирасполя. Его тоже так, запросто, не сбросишь со счетов.

И все же мы теперь твердо знали, что в принципе Ф. И. Толбухин не отвергает нашего плана. Значит, надо продолжать совершенствовать его, отрабатывать замысел на картах, на рельефном плане местности, на штабных и войсковых учениях! Это было теперь главным.

6. Из воспоминаний генерал-полковника Захарова М. В., бывшего начальника штаба 2-го Украинского фронта.

(Захаров М. В. Весна свободы братской Румынии. В кн: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С. 97).

И все же, несмотря на это, предпочтение было отдано удару с кицканского плацдарма.

Дело в том, что немецко-фашистское командование такой вариант попросту считало невозможным - на кицканском плацдарме опасно сосредоточивать крупные силы. К тому же у Днестра в этом месте очень крутые берега, да и озеро Ботно со своей заболоченной лагуной представляло собой серьезное препятствие. По этой причине фашисты не брали в расчет возможность удара с Кицкан, но тем и привлекательно было для командования 3-го Украинского фронта это направление главного удара. Именно неожиданность делала удар отсюда неотразимым.

Верховное главнокомандование согласилось с доводами, которые приводило командование 3-го Украинского фронта в доказательство целесообразности Кицканского направления главного удара своих войск. Но это решение требовало очень сложной работы по маскировке войск, по подготовке их к сражению. Надо отдать должное таланту командующего войсками 3-го Украинского фронта Федора Ивановича Толбухина, начальника штаба Сергея Семеновича Бирюзова, а также генералов и офицеров этого фронта, замечательно подготовивших свои войска к Яско-Кишиневской операции. На редкость смелый, дерзкий и хорошо продуманный план был блестяще осуществлен в ходе сражения.

7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. - М.: Воениздат, 1959.

http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_pg/10.html

Наступили майские дни, солнечные, ясные. В высоком небе ни тучки, ни облачка. Зазеленели леса, зацвели фруктовые сады и палисадники. Все кругом заблагоухало.

С моего наблюдательного пункта, оборудованного на западном скате кицканского гребня, чуть пониже вершины, была видна огромная чаша

котлована с гладью озер, извилистым Днестром и многочисленными садами.

Мой НП на днестровском плацдарме был самым лучшим за всю войну. Я и до сих пор с восторгом вспоминаю о нем. Хорош был и командный пункт. Сначала он размещался в Кицканах, а затем перебрался на опушку леса.

С переходом к обороне, в частях корпуса развернулись в невиданных до сих пор размерах организационные и учебные мероприятия; войска приводились в порядок, велись усиленные инженерные работы по закреплению захваченного плацдарма, шла боевая подготовка офицерского состава и штабов, производилось боевое сколачивание подразделений.

Наша оборона на Днестре коренным образом отличалась от обороны под Кривым Рогом. Части вышли на плацдарм обескровленными, а после пятнадцатидневных боев за расширение плацдарма батальоны резко сократились: в каждом из них осталось по одной стрелковой роте с двумя - тремя десятками стрелков и автоматчиков; в пулеметной и минометной ротах было по одному взводу.

Требовалось пополнить подразделения личным составом, влить туда кадры среднего и младшего командного состава, укрепить партийные организации.

Новое пополнение, главным образом из мобилизованных с освобожденных территорий, стало поступать со второй половины мая и к началу августа составляло в стрелковых частях 70 - 80 процентов.

В обучении и воспитании молодого пополнения большую помощь командно-политическому составу оказывали бывалые воины. Они явились как бы цементом, накрепко связавшим командный и политический состав с молодыми воинами.

Землю копали в это лето так, как никогда раньше. На плацдарме отрыли столько траншей, убежищ и укрытий, что их и учесть было трудно.

Теперь, много лет спустя, разглядывая схему оборонительных работ и инженерных сооружений корпуса, поражаешься гигантскому солдатскому труду.

На правом участке главной полосы обороны, примыкавшей к излучине Днестра, было вырыто десять траншей полного профиля, связанных между собой ходами сообщения. Войска занимали не более половины траншей, остальные являлись запасными и предназначались на случай усиления участка резервами.

Левый, болотистый участок, менее насыщенный траншеями и окопами, опоясали противопехотными заграждениями — проволокой и минами.

Для отдыхающей смены повсюду были сооружены подбрустверные укрытия и землянки. Командные пункты разместили в хороших блиндажах. Всю боевую технику, транспорт и конский состав укрыли в окопах и земляных апарелях.

За траншеями и жилыми постройками бойцы ухаживали с любовью:

своевременно очищали от обвалов и разрушений, днища и полы посыпали песком, стены обшивали камышом и жердями, у жилых землянок разбивали клумбы. И это на передовой, в двухстах - трехстах метрах от противника! Как все это было не похоже на 1941 - 1942 годы!

Вторую полосу обороны по западным скатам кицканского гребня оборудовали двумя сплошными траншеями, командными и наблюдательными пунктами и ходами сообщения, связывавшими западные скаты с восточными. Вдоль берега Днестра у Тирасполя шла отсечная позиция из двух - трех траншей.

Одновременно с организационным укреплением частей и оборонительными работами развернулась боевая учеба, охватившая всех - от рядового бойца до генерала.

Основы военного дела: материальная часть оружия и умение владеть им, права и обязанности начальников и подчиненных, понятие о воинской дисциплине, воинском долге и чести - прививались молодым солдатам в окопах на переднем крае. Тут же приобретались ими и практические навыки несения боевой службы; первый выстрел производился не в тире по мишени, а по действительному врагу. Строевое и тактическое сколачивание подразделений шло в ближайшем тылу.

Для взводных и ротных учений вторые эшелоны дивизий по очереди выводились на восточные скаты кицканского хребта. Здесь был развернут настоящий учебный центр с полосой препятствий, учебным тактическим полем и стрельбищами.

Если на западной низине, между хребтом и передним краем обороны, люди жили настороженно, маскировались и прятались в траншеи, соблюдали режим огня и больше отмалчивались, то попадая на восточную низину, между хребтом и Днестром, они вели себя иначе: с утра до вечера были на ногах, ползали и бегали, лазили через забор, ходили по буму, прыгали через окопы, стреляли и во весь голос кричали «ура».

Одновременно с боевой подготовкой одиночного бойца и мелких подразделений проводились учебные сборы офицерского состава.

По мере поступления нового пополнения роты и батареи в полках развертывались и доводились до штатного состава, а командовать ими было некому. Поэтому на должность командиров рот и батарей выдвигались новые кадры, но они нуждались в элементарной теоретической подготовке, в приобретении первых практических навыков. Эта подготовка велась под наблюдением опытных боевых командиров.

В мае - июне корпус провел несколько десятидневных сборов командиров стрелковых, пулеметных, минометных рот и командиров артиллерийских батарей, решив, таким образом, и эту довольно-таки сложную для нас задачу.

И, наконец, когда наши подразделения и части пополнились и окрепли, появилась возможность выводить вторые эшелоны корпусов за Днестр для более глубокой полевой подготовки.

На полях Карагаша и Слободзеи Молдаванской, в 10 - 15 километрах

восточное Днестра, начались батальонные учения. По распоряжению командарма был подготовлен оборонительный район по типу противостоявшей нам на плацдарме вражеской обороны: с траншеями, заграждениями, долговременными огневыми точками, отсечными позициями. Траншеи были заполнены чучелами.

Через эту оборонительную полосу после предварительной тренировки пропускался каждый стрелковый батальон. Атака пехоты и танков на глубину первой позиции сопровождалась огненным валом.

Батальонным учениям на подготовленной оборонительной полосе большое внимание уделяли командарм и наш новый командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин. Прежний командующий генерал армии Р. Я. Малиновский выбыл от нас во второй половине мая командовать 2-м Украинским фронтом.

Командарма и комфронта Ф. И. Толбухина я видел на учебном поле почти ежедневно. Они обычно присутствовали при постановке комбатом задач и организации взаимодействия, затем взбирались на стрельбищную вышку и наблюдали оттуда за артподготовкой и атакой, а после «прорыва обороны» внимательно подсчитывали пробоины, определяя действительность артиллерийского и пехотного огня. Часто видел я их и душевно беседующими с бойцами после разборов учений и в кругу офицеров и генералов за обеденным столом в большой палатке.

Генерал Толбухин как-то сразу вошел в жизнь войск фронта и стал любимым и уважаемым военачальником. Подкупала его простота, человечность. Он во многом напоминал Малиновского, к которому войска привыкли.

Генералы и старшие офицеры, знавшие нового командующего близко, в разговорах между собой называли его по имени и отчеству. И когда говорили: «Нужно доложить Федору Ивановичу», - все уже знали, что речь идет о командующем фронтом.

В период летней напряженной учебы все горели одним желанием – как можно лучше подготовиться к предстоящим наступательным боям. Каждый знал: сидеть на плацдарме долго не придется, и всякая свободная минута должна быть использована с наибольшей пользой.

8. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37 армии.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 218-221).

В полдень мы с Коровкиным выехали из Кицкан. Пара вороных коней, запряженных в легкую пролетку, не спеша трусила по извилистой дороге. Миновав последние домики селения, я сразу же почувствовал, что мы находимся недалеко от переднего края. На многочисленных пере-

крестках дорог и тропинок пестрели стрелки-указки. Они были направлены к складам, мастерским, пунктам боепитания и медпунктам. Одна из них с надписью: «Хозяйство Гутмана» – привела в радостный трепет мое сердце. Эта указка уже более двух лет служила ориентиром для всех, кто стремился найти наш 89-й гвардейский стрелковый полк. Особенно она помогала тем, кто подвозил нам боеприпасы или какое-либо военное имущество. Ее выставлял наш начальник артиллерийского снабжения майор Александр Менделеевич Гутман, трудолюбивый, всегда отлично выполнявший свои обязанности ленинградский коммунист с большим партийным стажем. Но вот внимание привлекла еще одна указка. Она направляла к месту расположения командного пункта дивизии.

- Сверни вон на ту дорогу, - приказал я ездовому. - Сначала явемся в штадив.

Пролетка затряслась по проселку в сторону Киркаешты. В густом саду у шлагбаума нас остановил часовой. Внимательно изучив мои документы, он показал, как попасть на КП. Упряжку нашу посоветовал поставить под навес, устроенный для этой цели невдалеке от контрольно-пропускного пункта. Пройдя немного, мы увидели ряд добротных блиндажей. У входа в один из них с табличкой «ОК» встретились с начальником отдела кадров Н. И. Чажечкиным. Он провел меня к начальнику штаба дивизии полковнику З. И. Артемову. Не без труда я опустился вниз (нога еще свободно не сгибалась) и очутился в просторном помещении, освещенном электрическим светом от аккумуляторных батарей. За широким самодельным столом, склонившись над картой, сидели генерал Чурмаев, полковник Артемов и подполковник Молчанов.

Я доложил о прибытии. Чурмаев поднялся, пожал мне руку, по-отечески похлопал по плечу. А когда я поздоровался с Артемовым и Молчановым, усадил на свободный стул.

- С клюшкой еще ходишь? - спросил у меня Георгий Иванович.

- Так точно! Нога еще не очень хорошо сгибается в колене.

- Ну, это ничего, заживет здесь скорее, чем в медсанбате. Главное, как раз к делу возвратился.

Распросив меня подробнее о состоянии здоровья, Чурмаев продолжал:

- Сегодня в ночь восемьдесят девятый полк из второго эшелона выводится в первый. Ему предстоит большая работа, а командира нет. Вот мы сидим и ломаем голову, на кого возложить командование полком. А тут, как говорится, на ловца и рыба идет, - перефразировал он на рыбацкий манер известную охотничью поговорку, - раз прибыл, тебе и карты в руки...

- А что случилось с Велибековым? - невольно вырвалось у меня.

- Велибеков жив, но не совсем здоров. Врачи вновь кладут его в медсанбат. А нового командира пока еще не прислали. Вот и придется тебе временно возглавить полк. Думаю, что это ненадолго.

Чурмаев коротко проинформировал меня об обороне противника, поставил боевую задачу. Начальник штаба Артемов, сообщив, что Ковыженко уже известна боевая задача, вручил мне письменное боевое распоряжение.

... Полку предстояло в ночь на 16 мая принять участок обороны от 92-го гвардейского стрелкового полка со всеми имеющимися минными полями, проволочными заграждениями и инженерными сооружениями: траншеями, ходами сообщения, бытовыми блиндажами, огневыми позициями для ручных и станковых пулеметов, минометов и артиллерии. Нам надлежало получить у сменяемых подразделений сведения об обороне противника и режиме его огня, схемы батальонных, ротных и взводных районов обороны, стрелковые карточки отделений и отдельно стоявших ручных и станковых пулеметов. Прием обороны назначался с наступлением темноты и должен был завершиться к 2 часам 16 мая. Акт и схему обороны приказано представить в штадив к 8 часам. Вместе с тем нам рекомендовалось не прекращать инженерные работы до начала смены и после нее, усилить бдительность личного состава, организовать круглосуточное дежурство офицеров. Отдых личному составу на переднем крае предоставлять только в дневное время в две смены: одна половина бодрствует, другая - отдыхает...

Полковой участок обороны был широк, изрезан озерами и болотами. Опорные пункты в нем, по существу, размещались по отдельным направлениям, разобщенным друг от друга. Кроме того, полку приказывалось ранее выставленное боевое охранение между озером Фигурное (1 км восточнее Хаджимуса) и лесом (300 м западнее озера Бабай) оставить на месте. Все это создавало большие трудности в организации огня и взаимодействия между подразделениями.

Когда я вышел из блиндажа Артемова, было уже далеко за полдень. Солнце клонилось к горизонту. Легкий ветерок принес прохладу. Командный пункт полка в то время размещался в лесу, в 2 км к западу от Киркаешты. По пути туда я медленно перебирал все мероприятия, которые надо было сделать в первую очередь, составлял план своих действий. Но ход моих мыслей был прерван грохотом разрывов снарядов вблизи от дороги. В нос ударил кисло-терпкий запах. Кони рванулись вперед. Я покачнулся, резко откинулся назад и почувствовал боль в колене. Сердце учащенно забилось. «Что это, испуг? - подумал я. - Случайные разрывы снарядов раньше на меня так не действовали. Неужели стал трусить? Отчего же? Наверное, отвык за полтора месяца лечения. Ничего, привыкну...»

Выпустив еще несколько снарядов, гитлеровцы прекратили огонь. «А возможно, этот участок просматривается противником? Надо проверить, - отметил я мысленно. - И если это так, необходимо поставить здесь щитовую маску».

Вскоре мы въехали в густой лес. Вековые дубы, ясени и липы свои-

ми развесистыми кронами надежно прикрывали от воздушного наблюдения. Вдали среди стволов деревьев я заметил группу офицеров.

- Это наши офицеры. Там и штаб полка расположен, - указывая на них, сказал Коровкин.

Подъехав поближе, приказал остановить коней. Осторожно выбравшись из пролетки и опираясь на крючковатую палку, пошел к группе. Там меня заметили. Очевидно, о моем прибытии уже предупредил Артемов. Высокий, подтянутый старший лейтенант Ковыженко подал команду «Смирно», направился навстречу с докладом... Пожав ему руку, подошел к офицерам, поздоровался с ними. Давно не переживал такой радости, как теперь... Оказалось, Ковыженко проводил совещание с командирами подразделений о предстоящей боевой задаче полка.

- Вслед за ним я по некоторым вопросам дополнил начальника штаба и передал офицерам указания командира дивизии. После окончания совещания офицеры окружили меня. Среди них были старые друзья: Синягин, Спилов, Шилов, Луконин, Гринь, Кривопол, Рогалевич, Селиверстов, Декань, комбаты Шишковец, Полищук... С болью в сердце вспомнили мы и тех, кто пал смертью храбрых в минувших боях, и тех, кто находился в госпитале... но нужно было готовиться к новым боям.

Полк занял оборону на открытой заболоченной местности, просматриваемой и насквозь простреливаемой противником. Наряду с несением боевой службы мы развернули инженерные работы, совершенствуя оборону, создавая надежные укрытия для личного состава и боевой техники. Однако сделать все это было чрезвычайно сложно.

В светлое время враг не давал поднять головы, поэтому инженерные работы велись только ночами, а они становились все короче и короче. К тому же из-за неглубокого залегания грунтовых вод наши гвардейцы не могли отрывать окопы и траншеи полного профиля: их тут же заполняла болотная жижа. Кроме того, в ночное время враг усиливал беспокоящий огонь из орудий, минометов и пулеметов. И, несмотря на эти трудности, выполняя приказ командования дивизии, полк настойчиво вгрызался в землю. К работам привлекался весь личный состав полка.

Наступившие теплые, солнечные дни подсушивали болото. Это и позволяло углублять окопы, траншеи, ходы сообщения, огневые позиции. А там, где невозможно было это сделать, насыпным способом поднимались брустверы.

В двадцатых числах мая в полк прибыл новый командир подполковник А. Г. Куликов.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 223-226).

... Давно кончилась пора цветения садов. В зелень плодовых деревьев вплелись бордовый и янтарный цвета вишни, черешни. Несмотря на то, что шла война с ее непосредственными спутниками – свистом пуль и грохотом снарядов и бомб, жизнь в природе ни на минуту не замирала.

Развивались своим чередом и события на фронте. Июнь ознаменовался новыми сокрушительными ударами советских войск на Карельском пешейке и в Белоруссии. Ежедневно радио приносило из Москвы победные звуки салюта.

Мы же продолжали сидеть в обороне и по мере подсыхания болот расширяли плацдарм, приближая свой передний край к оборонительной линии врага. Делали это осторожно. Сначала разведчики определяли степень высыхания грунта. Затем на выгодные рубежи выдвигали боевое охранение, а за ним и весь боевой порядок полка.

И вновь ночами напролет кипела напряженная окопная работа. Копали новые траншеи и ходы сообщения к ним, оборудовали огневые позиции для пулеметов и минометов, устраивали минные и проволочные заграждения, расчищали сектора обстрела от обильно растущего камыша...

В эти же дни в полк поступило значительное пополнение, что позволяло нам создавать полнокровные роты, батальоны, укомплектовывать до штата специальные подразделения. Новобранцы были, главным образом, из недавно освобожденных районов страны. Люди, пережившие немецко-фашистскую оккупацию, горели желанием сполна отомстить врагу за все его злодеяния на советской земле, рвались в бой. Однако они не были еще обучены азам военного дела. Штабу, партийно-политическому составу полка, офицерам батальонов пришлось приложить немало труда, чтобы правильно распределить пополнение по подразделениям, расставить в них младший командный состав, которого не хватало, заново создать или укрепить имеющиеся партийные и комсомольские организации.

Уделялось в полку большое внимание и совершенствованию знаний командиров подразделений и штабных работников. Например, для командиров стрелковых, пулеметных и минометных рот, артиллерийских батарей при корпусе были организованы десятидневные сборы. Со штабными офицерами занятия проводились периодически в полку и дивизии методом штабных тренировок, решением тактических летучек, проведением игр на картах. На занятиях офицеры штаба тренировались также в исполнении боевых и отчетных документов, в ведении рабочих и отчетных карт, в работе на средствах связи с соблюдением мер скрытого управления.

Обучение молодых воинов проводилось как непосредственно на передовой, где они изучали материальную часть оружия и воинские уставы, так и в ближайшем тылу, когда то или иное подразделение выводилось во второй эшелон. На специально оборудованном учебном поле молодые солдаты вместе со старослужащими занимались строевой подготовкой, тренировались в стрельбе, закалялись физически на штурмовой полосе. Там же проходило и тактическое сколачивание подразделений от отделения до роты.

Более крупные учения - батальонные и полковые - проводились на малонаселенной и сильно пересеченной местности, расположенной в 10–15 км восточнее Днестра.

С этой целью полк выводился из обороны. Учениями руководило обычно дивизионное или корпусное командование. Полигон был оборудован траншеями, различными заграждениями, огневыми позициями. Это был в полном смысле слова оборонительный район, подобный тому, на котором нам предстояло наступать.

Реализации всех наших мероприятий способствовала и сложившаяся обстановка. Противник перед нашим фронтом давно не проявлял активности.

Наряду с выполнением оборонительных задач и плана боевой подготовки в дивизии и полку проводились и культурно-просветительные мероприятия. Нам читались лекции, в полку была организована художественная самодеятельность, устраивались концерты гастролирующих выездных бригад профессиональных артистов.

Во второй половине июня, после завершения батальонных тактических учений, нашему полку было приказано подготовить и провести показательное учение на тему «Наступление усиленного стрелкового полка с прорывом укрепленной обороны противника». Им руководил сам командующий армией генерал М. Н. Шарохин. На учение приглашались все командиры корпусов, дивизий и полков, находившихся во втором эшелоне и армейском резерве, командующие артиллерией, начальники специальных войск, участники армейских сборов. Учение в целом прошло хорошо. Командование осталось им довольно. В конце разбора за отличную организацию и старание, проявленные на учении, генерал Шарохин объявил благодарность всему личному составу полка.

Июль прошел в хлопотах несения боевой службы, организации и ведения поисковой и визуальной разведки противника, в настойчивой учебе и инженерных работах. А последним не было конца. Недаром бытовала тогда среди нас поговорка: «совершенствование обороны не имеет пределов».

Передний край нашей обороны, искусно замаскированный, давно уже был придвинут вплотную к вражеским позициям. До них теперь оставалось не более 70–100 м. Но инженерные работы не прекращались ни на минуту. Они по-прежнему велись с напряжением всех сил. Однако копали наши воины не на передовой, а в ближайшем войсковом тылу. Мы сооружали оборонительные рубежи с траншеями полного профиля и ходами сообщения к ним, отрывали окопы для артиллерии и аппарели для танков, которых у нас пока не было. И хотя командование утверждало, что это необходимо для непреодолимой обороны, мы догадывались: готовим укрытия для сосредоточения новых войск - исходный район большого наступления.

9. Выступление писателя Александра Фадеева перед воинами 188-ой Краснознаменной Нижнеднепровской стрелковой дивизии 37-ой армии на слете бывалых воинов 21 мая 1944 года на Кицканском плацдарме.

(Авторский материал по газетным публикациям Б. А. Шаповалова. Публикуется впервые).

В начале мая на Кицканском плацдарме наступило временное затишье, шли позиционные бои. 37-ая армия пополняла свои войска живой силой и техникой, укрепляла свои позиции на плацдарме. Части, первыми форсировавшие Днестр, были отведены на левый берег для отдыха бойцов и пополнения. В этот период в нескольких соединениях 37-й армии, побывал известный советский писатель Александр Александрович Фадеев, который уже тогда начал работу над романом «Молодая гвардия».

Остались воспоминания участников встреч Фадеева с воинами 188-й и 195-й стрелковых дивизий. Фадеев побывал на Кицканском плацдарме, выступал перед солдатами и офицерами, знакомился с расположением войск поднимаясь на колокольню Кицканского монастыря, где находился один из наблюдательных пунктов 37-й армии, а во время прорыва обороны противника 20 августа наблюдательный пункт 3-го Украинского фронта.

В месяцы затишья, 195-я Новомосковская Краснознаменная стрелковая дивизия, находясь во втором эшелоне армии на левом берегу Днестра, набиралась сил, готовилась к предстоящим боям.

В то время, как в дивизии закончили обучение 500 воинов из пополнения, полученного в дни боев на плацдарме в районе Копанки в гости к воинам приехал писатель Александр Фадеев. Здесь он встретил своих старых друзей: Ивана Федоровича Шапкина, командира дивизии и Николая Порфирьевича Абраменко, начальника политотдела дивизии.

Писателя волновали события Краснодона, и им был задуман роман «Молодая гвардия». Изучая подробности о героическом подполье в Краснодоне, писатель узнал, что некоторые очевидцы драмы, разыгравшейся в шахтерском городке, попали в 195 стрелковую дивизию. Писатель хотел обязательно побеседовать с ними.

Комдив и начальник политотдела помогли писателю встретиться с нужными ему людьми, в свою очередь попросили гостя выступить перед воинами дивизии. Во время своих встреч с воинами дивизии А.А. Фадеев рассказал о героическом прошлом Красной Армии, партизанах Дальнего Востока. Писатель выразил надежду, что и в 195-й дивизии еще будут герои боев, о которых после войны напишут книги.

Побывал Александр Фадеев и в селе Кицканы на самом днестровском плацдарме, где встретился с солдатами и офицерами, участвовавшими в освобождении Краснодона, которые сообщили ему ценные сведения для задуманного романа.

В 188-ой Нижнеднепровской Краснознаменной стрелковой дивизии, занимавшей тогда участок обороны на Кицканском плацдарме южнее Тирасполя, 21 мая проходило совещание ветеранов дивизии, или как в то время его называли «слет бывалых воинов». Только что пришедшее в подразделения дивизии новое пополнение с глубоким вниманием слушало рассказы героев минувших боев.

И вот начальник политотдела 188-ой дивизии полковник Григорий Наумович Шинкаренко предоставляет слово человеку с посеребренными висками в красноармейской гимнастёрке с орденом Ленина на груди, автору известных массовому читателю книг «Разгром» и «Последний на Удэге», руководителю Союза писателей СССР Александру Александровичу Фадееву.

На импровизированную трибуну, наспех оборудованную в лесу, поднялся Фадеев. Он говорил горячо, убежденно. Его слушали с большим вниманием, напряженно, боясь упустить хоть одно слово.

Александр Фадеев сказал: «Товарищи! Разрешите мне от себя лично и от имени всех советских писателей передать вам, славным воинам дивизии, о которой знает вся страна, пламенный сердечный привет!

Здесь собрались люди большого опыта, природной сметки, народного ума. Таких у нас много. Десятки тысяч родилось их за время Великой Отечественной войны.

Храбрые люди есть везде. Есть они и у противника, и у наших союзников. Но таких, как вы, нет нигде! Вы люди иного склада, особой страны. Если собрать храбрых воинов союзных стран и спросить у них, что они думают делать после войны, - наверняка последуют ответы: приобрести капитал, открыть торговлю, мастерскую и т. д. А взгляните вы в свои собственные души! Не преследуем мы особых, личных целей. Более высокие идеи руководят поступками наших людей. Нет у нас капиталистов, помещиков, нет частной собственности, национальной розни, эксплуатации человека человеком. Все трудятся на общее благо. О чем мечтает наш писатель? Правдиво рассказать о великой борьбе, о героях, их подвигах, чувствах, настроениях, желаниях. Рассказать для истории, чтобы на таких примерах учились поколения...».

Эту речь писателя записал заместитель редактора дивизионной газеты «На врага!» Е. Новиков. Вечером, перед тем как опубликовать ее, он пришел в политотдел, где находился Фадеев, и вручил ему гранку набора. Писатель внимательно прочел стенограмму своей речи, внес необходимые поправки и спросил, когда выходит газета. Узнав, что газета будет разослана в части и подразделения дивизии утром, Фадеев спросил: «А вы успеете набрать и заверстать мое небольшое письмо, адресованное бойцам и командирам соединения?.. Тогда я его сейчас напишу и через минут сорок сам занесу к вам в редакцию. А вы тем временем внесете мои поправки в текст речи».

Письмо и речь Фадеева были опубликованы в одном и том же номере газеты «На врага!»

Вот что говорилось в письме писателя к воинам дивизии: «Дорогие товарищи – бойцы, сержанты, офицеры.

Мне, советскому писателю выпало счастье присутствовать на совещании бывалых воинов части. Эта встреча, произвела на меня неизгладимой впечатление. Наши бывалые воины – это простые люди, их сила состоит не только в том, что они несут в душе самые высокие черты

нашего народа. Они борются не ради корысти, не за богатство, не за наживу, не за личную карьеру, а за свободу, независимость, счастье и процветание нашей Родины, нашего народа, за счастье всего трудящегося человечества.

Бывалые воины – это народные богатыри! На них смотрят молодые бойцы, как на своих воспитателей, учителей. Несите же высоко непобедимое и благородное звание нашего великого народа – освободителя, немеркнувшее знамя Ленина!»

Задуманная беседа А. А. Фадеева завязалась с находившимся тогда в редакции комсоргом 523-го стрелкового полка, активнейшим военкором дивизионной газеты Петром Лисовым, слава о ратном подвиге которого в дни Яско-Кишиневской операции прогремела по всему фронту. В том же номере, где была напечатана речь и письмо писателя, публиковалась и подвальная статья старшего лейтенанта П. Лисова «Комсомольцы учатся».

Прочитав его статью Александр Фадеев сказал, улыбаясь: «А ведь у военкора и писателя получилось замечательное творческое содружество статья и письмо их рядышком. А сама статья-то комсорга, признаться, звучит актуально, в унисон содержанию всего номера!»

Номер же газеты был целиком посвящен урокам наступательных боев, пропаганде боевого опыта бывалых воинов, вскоре успешно примененного всем личным составом дивизии в незабываемом сражении в междуречье Днестра и Прута, которое принесло полное освобождение народу Молдовы от фашистского ига.

А. Фадеев много беседовал с солдатами и офицерами не только 195 и 188 дивизий. Он побывал и в других частях, находящихся на днестровском плацдарме. Поднимался на колокольню Кицканского монастыря, с которой изучал расположение войск на плацдарме. О его поездке на Кицканский плацдарм рассказывалось в газете 188 дивизии «На врага» в мае 1944 года, газете «Советская Молдавия» 24 декабря 1971 года, журнале «Вопросы литературы» 1972 год №5 стр.251-252., в воспоминаниях ветеранов войны: Бирюзов С. С. «Суровые годы», 1966, стр.304-305; Вылиток В., Лескин С. Восемь огненных дней. 1974 г., стр.30-32., а также в книге начальника политотдела 188-й стрелковой дивизии Г. Н. Шинкаренко «Несущие факел».

10. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.

(Чмелев А. М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 73).

Части Краматорской дивизии на левом фланге 46-й армии в составе 37-го стрелкового корпуса оборонялись в своей полосе. Передний край

дивизии растянулся от Чобручей до Талмаз. Справа, по правому берегу реки Днестр, занимали оборону части и соединения 37-й армии генерала М. П. Шарохина.

Части дивизии готовились к дальнейшим боевым действиям: доукомплектовывались личным составом, боевой техникой, оружием и боеприпасами, вели разведку противостоящего противника, уточняли рубежи его обороны, опорные пункты. Все подразделения частей занимались боевой и политической подготовкой. Особое внимание уделялось партийно-политической работе среди личного состава.

Войска готовились к осуществлению Яско-Кишиневской операции и к ведению боевых действий на чужой территории. Политотдел дивизии, партийные и комсомольские организации в своей работе значительное внимание уделяли привитию воинам чувства высокого патриотизма и интернационального долга.

Были проведены в частях партийные и комсомольские собрания. Политотдел дивизии провел партийный и комсомольский активы. Были обсуждены вопросы интернационального долга советских воинов по освобождению братских стран от фашистского ига.

(Чмелев А.М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 75-76).

В частях дивизии был многонациональный состав воинов. Воины писали в свои республиканские газеты о земляках, об их подвигах на фронте. Агитаторы-туркмены 179-го гвардейского стрелкового полка обратились в редакцию республиканской газеты «Туркменская искра» с просьбой высылать им газеты на родном языке. Редакция начала высылать два экземпляра газеты. В одном из номеров были напечатана статья о героическом подвиге воина, агитатора Баймурата Бегенджиева, который стал сержантом, командиром орудийного расчета.

Многие воины кавказских и среднеазиатских национальностей в боях проявили исключительную храбрость и мужество, за что были отмечены правительственными наградами. Воин взвода разведки 183-го гвардейского стрелкового полка армянин Авак Мартиросович Петросов неоднократно ходил в разведку, на его счету было восемь «языков». Он был награжден орденами Славы 3-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Снайпер Ханбул Темомратов, узбек, в боях па плацдарме на правом берегу Днестра снял немецкого снайпера и наблюдателя. Был награжден орденом Славы 3-й степени. Азербайджанец Мухадын Мухамедович Джабраимов, парторг роты, неоднократно проявил себя в боях. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

И. К. Стуруа, житель города Тбилиси, в конце июня 1941 года был призван в Красную Армию. После краткосрочной подготовки получил воинскую специальность механика по связи. Первое боевое крещение получил в боях за Севастополь. В бой пришлось вступить сразу же после высадки с корабля. Был ранен и контужен. После лечения в госпитале попал в 179-й гвардейский стрелковый полк. В боях при освобож-

дении Ворошиловограда – снова ранение в голову и контузия. Снова госпиталь... Затем служба в 183-м полку гвардии подполковника Т. Ф. Андрущенко. И. К. Стуруа награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Уроженец города Тирасполя Молдавской ССР, коммунист Е. Б. Фишман, призван в Красную Армию в июне 1941 года Кишиневским горвоенкоматом. Участвовал в боях на Юго-западном и 4-м Украинском фронтах. Дважды был ранен. У села Большая Знаменка умелым обходным маневром старший лейтенант Е. Б. Фишман со своей ротой вышел в тыл гитлеровцам. Обнаружив угрозу окружения, противник в панике бежал. Е. Б. Фишман лично уничтожил пять гитлеровцев. Командованием полка был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени.

Его земляк Л. И. Бродский был призван в Красную Армию в марте 1943 года. Акмолинским горвоенкоматом. Будучи наводчиком 76 мм орудия 176-го гвардейского стрелкового полка, сержант Бродский был ранен. Не оправившись от ранения, поспешил в свою батарею. А 20 августа 1944 года он из своего орудия уже метко разил врага на земле родной Молдавии. Вскоре после прорыва обороны противника сержант Бродский в одном из боев огнем своего орудия уничтожил 2 станковых пулемета противника с расчетами, подавил огонь автоматической пушки, рассеял до взвода пехоты, уничтожил 6 гитлеровских солдат, за что был награжден орденом Славы 3-й степени.

Воины узбеки, армяне, татары получали периодическую литературу и газету «Советский воин», блокнот агитатора на родных языках. Через агитаторов частей литература на языках нерусских национальностей поступала агитаторам подразделений.

11. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.

(Савельев В. П. Боевые будни штаба. М.: Воениздат, 1986. С. 161-177). http://militera.lib.ru/memo/russian/saveliev_vp/index.html

После успешных боев по освобождению Николаева, а затем Одессы дивизия выдвинулась к старой государственной границе. Лил дождь. Части расположились в садах и балках. Одни сутки отводились на подготовку форсирования Днестра - реки широкой и полноводной ранней весной. На карте начальника разведки подполковника К. С. Михальченко пока еще мало данных об обороне противника. Но разведчики уже заняли наблюдательные пункты по всей полосе наступления. Две группы с радиостанциями удачно перебрались через Днестр. Они сообщили: на западном берегу - подразделения прикрытия, главные силы отведены за старое русло Днестра. Слишком легко противник оставил выгодный

рубеж. Это насторожило. В такой ситуации мы бы действовали иначе. Вдоль реки заняли бы оборону основные силы, а вторые эшелоны подготовили бы рубеж в глубине.

Внимательно изучив местность, в штабе пришли к убеждению: на этот раз фашисты приняли вполне обоснованное решение. Междуречье, которое затапливалось в половодье, отдавалось без серьезного боя, но зато все силы сосредоточивались на удержании выгодного в тактическом отношении рубежа по старому руслу реки.

При таком построении обороны напрашивалось решение: форсировать реку передовыми отрядами, на широком фронте. Внезапно. Ночью. Затем без паузы обрушить удар на узком участке по основному рубежу. Для форсирования старого русла, ширина которого составляла 30 - 40 метров, требовалось сразу же доставить переправочные средства.

При форсировании, как ни в каком другом виде боя, успех во многом зависел от надежного подавления огневой системы противника. С особой тщательностью планировались вопросы огневого поражения большими мастерами своего дела - командующим артиллерией полковником Б. А. Харкевичем, начальником штаба майором Б. К. Сониным, его помощниками капитаном Н. Е. Левченко и старшим лейтенантом Г. Л. Сурисом. Артиллерийский штаб всегда работал в тесном контакте со штабом дивизии. Без этого не могло быть согласованности в решении вопросов.

Удивительно легко удалось форсировать Днестр и захватить междуречье. Впереди возвышался крутой и высокий берег, вдоль которого виднелись домики деревни Талмаз, где укрепился противник. Оборонительный рубеж готовился долгое время. Сил и средств для его прорыва ни у нас, ни у соседей не хватило.

В начале мая войска перешли к обороне. Один полк дивизии выводился в резерв корпуса. Двумя полками предстояло занять рубеж на широком фронте. Трбовалось обживать небольшой плацдарм, залитый водой. С него ведь легче потом наступать. КП дивизии расположился у самого берега, где немного выше местность. Сюда долетали даже 81-мм мины противника.

С каждым днем прибывала вода, затапливая местность. Вблизи КП в реку воткнули рейку, размеченную на сантиметры. Буквально на глазах поднимался уровень воды. Первые окопы, отрытые на переднем крае, залило. Отходить назад, к реке? Пока рано. Можно еще поправить положение: сделать ограждающие насыпи, установить настилы. Догадливые воины обкладывали окопы прутьями, крепили стенки щитами, а когда видели, что не сберечь их - вода заливала все, что было открыто в земле, - стали создавать насыпные сооружения.

Некоторые шутники смеялись: «Дед Мазай и зайцы». Кое-где появлялись плоты на сваях и на плаву. Там, где немного посуше, делались дренажные сооружения, отрывались колодцы и отводы для стока воды. Против напора воды выставлялись упрямство, смекалка, настойчивость,

труд. Верилось, что в схватке с водой гвардейцы выйдут победителями. Вода не снаряд, она мгновенно не раскидывала в стороны земляные сооружения.

В полной мере раскрылись способности дивизионного инженера майора Н. Н. Фетисова. Неторопливый, с мягким характером, умом ученого. Его доводы обычно обосновывались расчетами. Он верил в непогрешимую силу формул и положений руководств. На войне помимо строгих таблиц и нормативов, составленных для типовых условий, были еще суровые требования боевой обстановки, которые часто не поддавались учету. Надо! - и все отступало и пересчитывалось по наивысшей шкале, с учетом предельных возможностей людей и боевой техники.

Мне запомнился из детства случай. Недалеко от нашей деревни, расположенной на берегу Волхова, был песчаный карьер. Небольшой буксир таскал баржу, груженную песком. Однажды борта баржи нарастили досками, чтобы увеличить нагрузку. В воду опустилась и красная черта, ниже которой запрещалось погружать баржу. Много дней баржа благополучно отвозила песок. Как-то буксир днем отошел от берега, и на развороте баржа накренилась набок и медленно, на глазах у всех, опрокинулась кверху днищем.

За красной чертой - всегда риск. Если требовалось сделать больше, чем допускалось нормами и подтверждалось расчетами, Фетисов возражал:

- Вы можете приказать, но я остаюсь при своем мнении.

Но это не мешало ему настойчиво проводить в жизнь решение командира. У него десяток разных экспериментов с оборудованием окопов. То, что не выдерживало проверку, сразу же браковалось. Здесь меньше всего нужны были теоретические рассуждения, а требовались разумные практические рекомендации, которые могли быть использованы для укрепления рубежа.

Половодье угрожающе наступало на оборону. Подошло время решать - оставаться на занимаемых рубежах или отводить части на узкую прибрежную полосу, не поглощенную разливом. Ночью в подразделения были направлены офицеры штаба с задачей оценить состояние оборонительного рубежа и представить свои соображения о перспективах обороны.

Из полка со мной пошел полковой инженер капитан П. М. Носов. Невысокий, узкоплечий, шинель висела на нем неловко, края ее изрядно пообтрепались и загрязнились. В разрез шинели проглядывались у него подколеники - широкие брезентовые раструбы, которые обхватывали края голенищ и закрывали колени ног. Вода уже не могла залиться в сапоги.

Он лучше знал дорогу. Но за ночь там, где вчера проходила тропинка, местами уже плескалась вода. Шел он быстро, на ходу высказывал свои беды. Его беспокоило состояние минных полей.

- Вода вымоет и перетащит мины в другое место, и опять все надо начинать сначала.

Через небольшую канаву были переброшены два бревнышка. За ней дорога совсем пропала. Среди голых деревьев просматривались вдали

только отдельные незалитые островки. К ним надо добираться по воде. Сапоги у меня как решето, вода захлюпала в них.

На ближнем островке семь человек. Со всех сторон обложен он наклонно поставленными щитами из прутьев, сделана обкладка дерном.

Молодец, Прокопенко, - хвалил Носов, рассматривая сооружение.

Младший лейтенант стеснительно улыбался. Щеки впалые, небритые, руки запачканы в глине. Он быстро вытер их о брюки, прежде чем подать руку.

- Вы же, товарищ капитан, дали идею установить щиты.

- Чтобы вложить ее в дело, надо иметь умную голову, - Носов постукал пальцем по лбу. - Замечательно сделано.

Не островок, а крепость. Для оружия оборудованы бойницы. Ни одного воина за последние дни не потеряли во взводе от огня врага. Замыслы у Прокопенко большие: вытянуть позицию вдоль фронта, поставить щиты из прутьев, которые станут вроде волнорезов на подступах к занимаемой позиции.

Гвардейцы сбились плотнее, закурили. Один, с черными усиками, показал свою фотографию, успел ее получить в Одессе. На карточке он был неузнаваем: пригнулся, как тигр перед прыжком, глаза горели, в правой руке - пистолет, в левой - кинжал, на шее - автомат, на пояском ремне - две гранаты, кубанка сбита набекрень, казалось, что он уже видел приближающихся врагов и с нетерпением ждал удачного момента, чтобы внезапно наброситься на них. Видимо, еще раньше друзья рассматривали эту карточку, но теперь вместе со мной заготовили от всей души.

- До войны работал в цирке, - пояснил он, пряча в карман карточку. - Жонглер, фокусник. Честный обман зрителей. Ловкость рук.

- Не разучились за эти годы? - поинтересовался я.

Он улыбался, возвращая карту, которую незаметно вытащил у меня из кармана. Видимо, мастерство не пропало.

Совсем близко - другой островок. Вода настойчиво атаковывала его. Воины торопливо лопатами набрасывали вырытую в воде землю.

Далеко разносился сердитый голос:

- Землю надо копать. Зачем сюда воду льешь?

Завернули с Носовым на этот голос. Здесь местность немного ниже, и вода с большой силой врзалась в поднявшееся на ее пути препятствие. На отвоеванном острове стоял лейтенант, лицо круглое, из-под пилотки выбивался густой клок волос.

- Создаем позицию, - громко начал он докладывать, а уже тише добавил: - С водой ничего не поделает. Заливает. Со всех сторон.

Бойцы, мокрые, усталые, шлепали ногами по воде, таская землю. Вода холодная, да и ветерок-утренник продувал насквозь. Земли натаскать надо немало. Голые сучья деревьев не скрывали позицию от наблюдения противника.

Капитан П. М. Носов сразу же приступил к делу. Очень ему пригодились сапоги с надетыми подколенниками. Взяв из рук солдата топор, стал вбивать под наклоном колья, а потом показал, как нужно закреплять

на них прутья. Не на словах, а на деле учил инженер. До чего же умелые и ловкие у него руки. Ни одного лишнего движения, все делалось быстро, надежно и даже красиво. Шинель у него намочла, фуражка сползла на затылок.

Таким людям, трудолюбивым, знающим, смекалистым, мастеровым, в любой обстановке не было цены. Вряд ли они сами представляли, как много пользы приносили другим, не думая о себе, не беспокоясь ни о наградах, ни о званиях, не ожидая даже похвалы начальства. Еще на КП полка, взяв в руки пруттик, Носов терпеливо пояснял мне, как выгоднее делать насыпи для огневых средств. Перед ним не вставал вопрос: зачем нужны окопы в воде. Об этом думали другие, его же обязанность сделать их надежными и прочными.

Лейтенант же недавно принял взвод. Обычно война очень быстро обкатывала острые углы в характере офицера. Под огнем врага нет смысла говорить только языком команд. Здесь намного доходчивее воспринимались бы не зычные команды, а личный пример в работе. Наравне со всеми, а может быть, даже чуточку больше сделать, чем его подчиненные, - тогда скорее появится авторитет у командира взвода. В организации труда, пожалуй, самое уязвимое место у лейтенанта. Я прошел с ним к позиции взвода младшего лейтенанта Н. В. Прокопенко. Не сразу распознали, где находился командир взвода. Тот вместе с бойцами уже вбивал заготовленный плетень-стенку.

- На всякий случай. Круговая оборона, - шутливо пояснил он.

Сам пример наглядно учил, как нужно работать и командовать. Вот только удивляло, что, находясь рядом, лейтенант не нашел времени сходить к своему опытному соседу, чтобы перенять у него лучшее. Сюда были вызваны и сержанты, чтобы оглядеть сооружение соседнего взвода. Такая учеба весьма полезна.

Как только забрезжил серый туманный рассвет, противник обстрелял плацдарм. В разных местах взлетали султаны взрывов. Затрещали пулеметы и автоматы с обеих сторон. В каких бы окопах ни находились воины - насыпных, полузатопленных, наплавных, - они не прятались за укрытия, настойчиво выискивали цели и по мере их обнаружения открывали огонь.

Лишь через две недели уровень воды остановился, потом начал опускаться. Под ногами еще долго хлюпала вода, но лес уже не казался больше голым, оторванным от земли. Весна брала свое. На глазах оживала природа. С каждым днем крепла и оборона. Сила ее не только в количестве открытых траншей, в числе поставленных мин и других заграждений, а в людях, в крепости их духа, боевой закалке, опыте, умении смело смотреть в глаза врагу.

В подразделениях немало ветеранов, которые с боями достигли Днестра, прошли огонь и воду, выдержали многие испытания. Они стали живым примером для прибывшего пополнения. Среди новичков были люди молодые и пожилые, воевавшие и впервые взявшие в руки оружие.

Я как-то зашел в 311-й полк. Недалеко от КП, на лужайке, сидели полукругом молодые бойцы. Перед тем как направлять их в подразделения, с ними беседовал начальник штаба майор И. Ф. Тарханов. Видимо, так же перед войной он вел уроки в школе – неторопливо, тщательно взвешивая слова. Иван Федорович восстанавливал весь боевой путь полка. Я сам с интересом слушал его взволнованный яркий рассказ о боевых делах, подвигах гвардейцев. Перед глазами вставали, как маяки, братья Остапенко, Юдаков, Гилев, Антропов, Ивановский...

- Легких побед не бывает, - говорил он, переходя к задачам, что решали воины в обороне.

Слушая беседу, невольно думалось о том, как важно офицерам штаба встречаться с личным составом, раскрывать перед людьми не только очередные задачи, но и показывать, как же их выполняли мужественные гвардейцы в других, неизмеримо более трудных условиях.

Тарханов ничего не сказал о себе. Пришлось восполнить этот пробел - бойцам положено знать своих начальников. Ведь о тех отважных воинах, о которых поведал начальник штаба, он знал не понаслышке, не через вторые руки, а сам был рядом с ними, так же смело бился с врагами.

Какую бы задачу ни выполняли подразделения, у начальника штаба всегда находилось немало нерешенных вопросов. Оставшись со мной наедине, Иван Федорович высказал свое беспокойство. Не хватало разведчиков для укомплектования разведвзвода, доставало в роте связи двух радиостанций, не регулярно поступали из штаба дивизии новые данные о противнике, отделение кадров требовало, не считаясь с мнением командира полка, отправки в резерв армии офицеров, не имеющих подразделений... Широкий круг забот начальника штаба полка. Он как первый заместитель командира за все был в ответе.

По каждому поднятому вопросу Тарханов обстоятельно сообщил, что им предпринималось. Не добившись положительного ответа от лиц, непосредственно отвечающих за решение вопросов, он просил моего вмешательства. На первый взгляд, некоторые вопросы вроде не имели прямого касательства к сегодняшним боевым делам полка, но они могли повлиять на устойчивость управления в предстоящем наступлении, и потому не следовало откладывать решение их на другое время. Было отчаянно, что начальник штаба, занятый текущими заботами, думал также и о завтрашнем дне.

Когда была внесена ясность в поставленные вопросы, я спросил его: не трудно ли дается штабная наука?

- Вначале было трудно, - признался он. - А теперь, - и он улыбнулся, - тоже трудно, но уже преодолимо.

Работая продолжительное время в оперативном отделении, он привык с большим уважением относиться к документам и, уже будучи начальником штаба, много сил и времени уделял им. Видимо, ему предстояло внести поправки в свой стиль работы, добиваясь повышения роли живого общения и сокращения бумажного потока.

Когда-то меня удивляло обилие мелких вопросов, которые неотступно преследовали начальника штаба, и решение их отнимало у него много времени. Как-то само собой, без всяких «административных мер», по мере накопления опыта и мастерства у подчиненных отпадали мелочи, больше времени у начальника штаба уже занимали сложные вопросы, которые не могли быть решены без него.

Так, в интересах обеспечения устойчивости обороны немало времени заняла разработка небольшой, но емкой памятки для офицера и солдата. В ней особо подчеркивалась необходимость поддержания высокой активности обороны. Гвардейцам предписывалось непрерывно бить врага, на каждый его выстрел посылать десять пуль в ответ. Такова железная логика борьбы. Держать все время противника под огнем, в постоянном страхе, не давать ему возможности использовать выгодные условия местности. Пусть знает, что ни один выстрел его не окажется безнаказанным. Это оправдало себя в боях.

Но такая активность не могла появиться в результате одного призыва. Здесь решающее значение имел пример ветеранов, опытных воинов, глубоко познавших в боях силу и важность огня. Необстрелянные солдаты, находясь рядом с ними, воспринимали от них лучшие качества гвардейцев.

Штаб организовал постоянно действующие сборы снайперов. Я побывал на ряде занятий. В кустах устанавливались мишени, которые с трудом можно было разглядеть. Две секунды на выстрел. Все мишени оказывались пораженными. Такие стрелки продырявили немало фашистских голов. Каждый из них готовил себе достойного ученика. Это большое и важное дело пошло вширь, захватило сотни людей. Лучшей оценкой их работы служило признание самих врагов.

- Ваши снайперы, - показал пленный 21-й пехотной дивизии, - не дают поднять головы. За один день наша рота потеряла 15 человек ранеными и 4 убитыми.

Противник тоже зарывался в землю, ставил проволочные заграждения и минные поля, вел огонь. Часто производил налеты артиллерией по разным районам обороны. Наличие траншей не исключало людских потерь.

С тем чтобы не допустить оттока из дивизии раненых, которых можно было долечивать без ущерба и в этих условиях, был создан при медсанбате батальон выздоравливающих. Врачам добавилось работы. Со временем этот батальон стал солидным подразделением. По плану штаба предусматривалось, по мере выздоровления, проведение с личным составом облегченных занятий.

Штаб не прекращал поиски путей по повышению устойчивости обороны. Были разработаны и внедрены такие мероприятия, как вывод подразделений в тыл для занятий по боевой подготовке, учеба командиров и штабов на местности с разбором вопросов по отражению воз-

можных ударов противника, созданию круговой обороны в районах размещения пунктов управления, огневых позиций артиллерии и складов. Проводились комплексные проверки состояния обороны с привлечением офицеров штабов полков и батальонов. Не забывали мы и о подготовке запасных районов, организации широкой сети наблюдательных постов и дублирующих каналов связи...

И конечно, во главу угла ставились задачи по воспитанию у личного состава постоянной готовности к отражению внезапного удара врага.

Постепенно спала вода, подсохли траншеи и тропинки, зазеленела трава. С каждым днем густела развесистая шапка крон деревьев, надежно укрывая оборону. В лесу стало веселее, даже временами слышалось пение птиц. Впереди, за старым руслом реки, - высокий, лысый гребень, весь изрытый траншеями. Днем там не видно людей. Наши снайперы заставили фашистов прятаться, переползать, жить все время под страхом смерти.

На картах велся строжайший учет всех огневых точек врага. Десятки наблюдателей с раннего утра и до позднего вечера терпеливо изучали оборону. Их работа была трудной, кропотливой, требующей большой выдержки. Много постов располагалось на высоких деревьях. Обычно у дерева, где находился наблюдатель, стоял отполированный шест: один конец его упирался в «гнездо», а второй опускался в открытую щель. С какой бы предосторожностью ни вели наблюдение разведчики, но рано или поздно их замечали. Враг понимал, какую опасность представляли они, и потому не жалел снарядов, чтобы их уничтожить. Огонь велся обычно залпами. В один миг нужно было успеть покинуть «гнездо» и спрятаться в щель. С помощью шеста сползти с любого высокого дерева можно за секунды. Заканчивался обстрел, и снова карабкались наблюдатели на свои места. В иной день приходилось им укрываться от обстрелов по 5–6 раз.

К концу дня в штабе дивизии собирались новые данные об обороне противника. Карта наполнялась условными знаками огневых точек, участков траншей и ходов сообщений, которых раньше не отмечалось. Бесспорно, выгоднее до перехода в наступление потратить больше сил на изучение обороны, но зато быть уверенным, что при наступлении огонь артиллерии придется по конкретным целям. Штаб учитывал также потери и укомплектованность вражеских частей.

Начальники разведки полков имели ведомости боевого состава частей противника. Если в сводке указано, что уничтожено 20 человек, то на эту цифру уменьшалась численность этих подразделений. Через пленных состав частей периодически уточнялся.

На плацдарме - жизнь под огнем. Ко всему привыкает человек, даже к опасности. Но, какими бы привычными ни становились для него траншеи и землянки, в которых ел, спал, нес службу, все равно он уставал от этих условий. Ему требовалась разрядка, снятие напряжения. Тогда он бодрее начинал ощущать жизнь, яснее видел перспективу развития

дальнейших событий, более реальными цветами окрашивал действия и поступки людей. Такую разрядку получали солдаты и офицеры при выводе подразделений во второй эшелон. Боевая подготовка взбадривала воинов, держала их в постоянной готовности к боевым действиям. Штаб дивизии планировал вывод батальонов во второй эшелон, не ослабляя устойчивости обороны.

Здесь, на плацдарме, отметили первую годовщину создания дивизии. Год в боевой истории - большой срок. За это время выросли замечательные кадры, мастера ведения боя. Вот некоторые из них. Командир роты старший лейтенант Б. А. Солодовников, ему 22 года, с начала войны на фронте.

До формирования дивизии воевал командиром взвода в 10-й бригаде, 8 раз ранен. Такое количество ранений было только у майора Н. П. Рассказова. Всем чертям назло выжил, не потерял бодрости духа, стал крепче и бесстрашнее в бою. После выздоровления всегда попадал в свою родную дивизию. Награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

Командир третьего батальона 308-го полка майор В. А. Чмель чаще всего успешно выполнял наиболее трудные задачи в бою. Его батальон всегда действовал на решающих направлениях. Мы знали, что комбат не подведет и сумеет переломить обстановку в свою пользу.

Неизмеримо выросло мастерство офицеров штаба. Немало добрых слов можно сказать и о начальнике связи дивизии майоре К. М. Татуре. Он стал мастером высокой квалификации. В любой обстановке смело брал на себя ответственность за решение возникающих вопросов по организации связи. При добром участии Татура в короткие сроки в полной мере раскрылись способности его помощника майора Г. И. Проценко. Суровый принцип взаимозаменяемости всегда был жизненным на войне. Там, где он соблюдался, исключалась опасность того, что в тяжелой обстановке мог произойти сбой в работе какого-либо звена штаба. В Георгии Ивановиче удачно сочетались глубокие знания своего дела и отвага, жизнерадостность и большая работоспособность. Он всегда находил время для выполнения обязанностей секретаря парторганизации. Ни одна судьба офицера штаба не решалась без его участия. Он был счастлив, когда хвалили коммуниста, отмечали его дела. На войне секретарю надо иметь доброе сердце, приветливо открытое людям. Здесь чаще от него коммунисты ждали поддержки, дружеского участия, совета.

За последнее время влились в оперативное отделение молодые способные офицеры - старшие лейтенанты А. К. Бабич и П. М. Фесуненко.

Прибыл из штаба корпуса на должность заместителя начальника оперативного отделения дивизии майор Ф. П. Шаченко. С первых же шагов работы в штабе он показал, что достоин доверия. Однажды комиссия из штаба армии проверила состояние обороны дивизии. Общий вывод был вполне благоприятным. Однако указывалось, что в районе обороны од-

ной из рот неудачно выбраны огневые позиции для пулеметов. При докладе результатов контроля со мной был майор Ф. П. Шаченко. Его будто пружиной подкинуло с места.

- Я вчера проверял там оборону, - взволнованно заговорил он. - Заверяю, что все площадки выбраны удачно, с хорошим обстрелом. Пойдемте на местность - я докажу.

Накануне, в преддверии работы армейской комиссии, штаб дивизии выборочно проверил некоторые районы обороны. Председатель согласился на перепроверку данных, тем более что это не задерживало составление акта. Минут через сорок офицеры вернулись. По оживленному, радостному лицу Шаченко было ясно, что он одержал победу. Проверяющий согласился, что допустил ошибку.

Казалось бы, произошло незначительное событие, но в нем сразу же раскрылся характер офицера штаба, его непримиримость к фальши и высокая принципиальность в решении поставленных перед ним задач. Серьезно, по-деловому подходил Федор Петрович к решению любого задания. Для него не существовало деления задач на важные и второстепенные, каждую выполнял старательно, без спешки.

Офицеры штаба часто привлекались к проверкам состояния обороны. Нередко ходил в подразделения и я. Однажды заглянул в небольшой тесный блиндаж. Там было человек десять. Присел в уголке передохнуть. Бойцы сначала были несколько смущены моим присутствием, однако скоро привыкли, и разговор опять возобновился. Говорил пожилой, степенный командир роты старший лейтенант Ф. К. Федоренко:

- Кончится война, приятно будет сказать: «Я освобождал Николаев, Одессу».

Голос у ротного мягкий, тихий. Перед ним молодое пополнение. Все это у него вроде вступления для большого разговора о делах, бдительности и несении службы. Привел он пример, как один солдат во время артналета противника спрятался в нишу, оставил без присмотра пулемет.

- Все надеялись на него, верили, что он стоит на посту, в готовности бить врага, если тот под прикрытием огня начнет атаку. Первое испытание огнем не выдержал.

Федоренко вспомнил атаку вражеских танков на днепровском плацдарме. Тогда рота лежала без окопов, на мерзлой земле, слегка припорошенной снегом. Гранаты и два ПТР - все, чем располагала она для борьбы с танками. Никто не дрогнул, выдержали, два танка подбили. Один - на счету командира отделения сержанта Васюкова.

Я слушал офицера и думал о том, что он умеет воспитывать у подчиненных высокие бойцовские качества.

Оборона, несмотря на глубокую ночь, бодрствовала, стреляла, несла дежурство, работала, чутко улавливая звуки и шорохи. На плацдарме паслись кони, - дымили кухни, кто-то стирал белье, ловил в реке рыбу.

Здесь, в окопах, наступила третья годовщина начала войны. 22 июня сорок четвертого был самый обычный день. Скорее по привычке, чем по

необходимости, штаб корпуса напомнил о повышении бдительности и готовности к отражению возможного удара противника. Таковую же бумагу довел штаб дивизии до полков.

Снайперы в этот день занесли на свой лицевой счет очередных уничтоженных фашистов: И. Заинчковский - 15-го, Б. В. Барирьяк - 10-го, К. И. Тихонов - 6-го. Артиллеристы 245-го артиллерийского полка подавили две батареи, разрушили три блиндажа и два НП. Пулеметчик сержант С. Глущенко очередью из пулемета поразил трех солдат врага.

За сутки было открыто 400 метров траншей, установлено 92 мины, наблюдателями засечено 6 пулеметных точек и одна минометная батарея.

После обеда с дивизионным инженером Н. П. Фетисовым провели рекогносцировку оборонительных рубежей за Днестром. До чего же тихо и спокойно на полях! В кустах птичий гомон. Днестр неторопливо катил свои воды к морю.

Вечером зашел на КП командир батальона майор П. В. Козак. Уезжал он на курсы. Еще в 10-й бригаде был командиром роты, заместителем комбата. Сильный и неторопливый, в бою отчаянно смел и напорист. Не хотелось ему покидать дивизию на пороге больших событий.

- Не представляю, как буду учиться и жить в тылу, - сознался он. - Ни стрельбы, ни окопов. Вроде забросили на другую планету.

Конечно, за батальон он изучил и теорию и практику. С боями прошел комбатом больше тысячи километров, попадал во всякие ситуации. Но учеба - всегда на пользу. Я считал, что какой бы опыт ни накопил человек, он будет спотыкаться, если у него нет систематизированных знаний теории.

- Счастливы вы, что едете учиться. Закончите учебу - приедете нас менять, - убеждал я его.

Вспомнили трудные бои на Северном Кавказе. 10-я стрелковая бригада у нас с ним - обжитый дом, который оставили повзрослевшие дети. Тогда казалось, что все там делалось солидно, не вызывая никаких кризисов, что все действия командования вполне оправдывались сложившимися условиями. Теперь и мы стали опытнее и уже другими глазами оглядывали жизнь в оставленном доме.

На днях уехал из дивизии на другую должность командующий артиллерией полковник Б. А. Харкевич. В его глазах была та же боль расставания. Нигде не возникает такого крепкого сплава дружбы, как на фронте, в обстановке постоянной опасности и больших трудностей. Не случайно, в какие бы только ни попадали госпитали раненые, выздоровев, они снова просились в свою дивизию, к своим друзьям, с которыми сроднились за время боев...

Не все шло гладко в работе штаба, немало времени отнимали разборки всяких непредвиденных случаев, которые происходили по его вине. Я приведу только некоторые, чтобы показать, насколько широк их диапазон.

Рано утром сообщили: приполз перебежчик. Через минное поле.

Саперы уверяли, что мины наставлены там плотно, мышь не проскочит. И вдруг прополз человек, не встретив ни одной мины. Начальник штаба саперного батальона капитан Н. С. Коган, один из самых исполнительных офицеров, расставил колышки в шахматном порядке. Наглядно - проползти, не задев ни одного, может только змея. Перебежчик тоже смотрел на колышки и никак не мог понять, что от него требовалось. Наконец понял: надо показать, как полз.

- Больше всего боялся наскочить на мину, - пояснил он. - Бог помог.

И он молитвенно сложил руки, поднял глаза кверху.

С наступлением темноты саперы проверили на этом направлении все минные поля. Оказалось, что противник сумел скрытно на узком участке снять мины, подготовив проход для действия своей разведгруппы. Это был суровый урок для штаба. Какие бы сложные заграждения ни выставлялись на подступах к переднему краю, но они должны быть всегда под контролем, иначе ничто не гарантирует от внезапного удара противника.

... Перед рассветом одна из рот 305-го полка была переведена в другой район. Перед уходом ротный приказал: забрать бревна, которые служили перекрытием блиндажей и землянок, забрать жерди, из которых были сделаны нары, и плетеные щиты, что крепили песчаные стенки траншей. За час солдаты вытащили каркас, и красивое, прочное сооружение рухнуло, перестало им быть. Уже пропала боевая позиция, нет блиндажей и землянок, нет траншей, а есть нагромождение куч земли. Все придется начинать сначала. Рядом сидели солдаты прибывшей сюда роты, молча курили, ждали, пока начальство выясняло отношения.

Начальник штаба майор П. Е. Кондрашев не стал сразу распекать ротного. Когда отошли подальше, остановился, взял его за плечи: «Что же ты наделал? Какой из тебя командир роты? Где же твоя совесть?» В том, что приключилась глупость, виноват штаб полка, который не проверил, не свел ротных вместе, не организовал передачу района.

Узкая специализация офицеров штаба один раз уже подвела. В боях под Одессой основной состав ведущих отделений пришлось направить в полки для оказания помощи командирам подразделений в организации штурма города.

В работе штаба не могло быть пауз. Подходило время писать боевое донесение, а для этого требовалось собрать дополнительные данные. Кем же можно заменить операторов? Имелись отличные мастера по учету личного состава, специалисты по связи, но никто из них не мог даже временно подменить офицеров оперативного отделения. Сама практика убеждала, что собирать сведения и наносить их на карту должен уметь любой офицер штаба. Вина здесь начальника штаба - он забыл это важнейшее требование. В обороне имелись возможности устранить этот пробел в подготовке офицеров. С большим старанием занимались специалисты вопросами взаимозаменяемости. Через короткое время они уже пробовали свои силы в выполнении несложных заданий, которые

обычно решались операторами. Такая направленность в подготовке офицеров, несомненно, положительно сказывалась на повышении оперативности в работе штаба, особенно в напряженные периоды боя.

Мы знали, что некоторые очень важные сигналы доходили с передовой до командного пункта с опозданием, поскольку двигались они от одной инстанции к другой и задерживались какое-то время на каждой из них. Решили четко определить сигналы, которые необходимо с передовой передавать в штаб дивизии напрямую, без всяких промежуточных звеньев. Связисты решили эту проблему сравнительно легко, без больших затрат средств связи. На переднем крае создали три наблюдательных поста, на которые возлагалась обязанность за передачу важных данных. Такое мероприятие уменьшало вероятность внезапных атак противника и тем самым способствовало устойчивости обороны.

Как-то ночью вблизи переднего края обороны 308-го полка я увидел, как связисты прокладывали ровик для телефонного провода. Обычно ковыряли лопатами, работа продвигалась медленно. А здесь нашли плуг, запрягли коня, и ровик вырастал на глазах. Начальник связи полка старший лейтенант В. Г. Куприянов подхватил инициативу командира взвода лейтенанта Г. И. Бондарика и внедрил новшество во всех батальонах.

Начальник связи дивизии майор К. М. Татур в интересах сохранения кабеля на ряде участков заменил его на старые куски колючей проволоки.

Связисты всегда в работе. Днем и ночью. Наличие устойчивой связи - лучшая оценка их труда. На пунктах управления дивизии самоотверженно трудились связисты штабной роты старшего лейтенанта Н. Д. Гусакова и взводов лейтенантов А. Х. Енгулатова, В. К. Заяесского и старшины С. С. Кулюпина. Чаще всего приходилось иметь дело с Николаем Дмитриевичем Гусаковым. Исполнительный, трудолюбивый и настойчивый в работе, он много усилий вкладывал в организацию связи и воспитание у своих подчиненных бережного отношения к техническим средствам. Часто можно было видеть его за работой на аппаратуре.

- Надо переставить и закрепить по-другому узелок, а то при встряске откажет, - инструктировал он подчиненных и показывал, как и что надо сделать. Большое старание в поддержании устойчивой проводной связи проявлял командир телефонно-кабельной роты старший лейтенант А. М. Бабенышев. В первые же дни обороны весь кабель был зарыт в ровики, и даже при сильных обстрелах плацдарма порыв связи был редким случаем.

Как постоянно наращивалась сеть траншей и ходов сообщения, так и повышалась устойчивость системы связи за счет обходов, соединительных, промежуточных и дублирующих линий.

Задачи в бою, в том числе и оборонительном, всегда выполнялись при самом тесном взаимодействии пехоты, артиллерии, саперов, химиков, а также при активном участии штабов, политработников, связистов, тыловиков... Все эти звенья тесно связаны между собой и составляли единую систему в районе обороны батальона, участка полка и полосы дивизии.

Идея проверять все эти звенья в комплексе, по единому плану, с привлечением всех специалистов нашла признание не сразу. До этого проверяли отдельные звенья, но не всю систему. Много тратили времени и сил, но результаты проверок не всегда сказывались на улучшении состояния обороны в целом.

Но потом убедились в полезности и необходимости проверок системы. Эффективность контроля сразу же возросла. Резче обозначились слабые звенья и узкие места, куда требовалось направлять усилия командиров и штабов, больше стало организованности в работе всех органов управления.

12. Из воспоминаний немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группой армий «Южная Украина».

(Фриснер Г. Проигранные сражения. - М.; Воениздат, 1966). <http://militera.lib.ru/memo/german/friessner/index.html>

Глава вторая. Румынский район театра военных действий.

Итак, меня посылали на фронт, на котором якобы «ничего не случилось» или, как пишет Гудериан в своей книге, «царила абсолютная тишина».

Утром 25 июля я вылетел к новому месту назначения. Это был великолепный, хотя и небезопасный, полет. Мы приземлились на небольшом аэродроме Тыргул-Окиа в восточных отрогах Карпат. Для встречи явился первый заместитель начальника штаба группы армий «Южная Украина» полковник генштаба фон Трота. Он временно исполнял обязанности начальника штаба до приезда генерал-майора фон Грольмана, который должен был вскоре прибыть в распоряжение группы армий. Прежний начальник штаба генерал-майор Венк был отозван в распоряжение генерального штаба, где ему предстояло занять должность начальника оперативного управления. Одновременную замену командующего и начальника штаба группы армий отнюдь нельзя было назвать удачным решением.

На автомашине мы добрались до штаба группы армий. Он находился в горном курорте Слэник в Восточных Карпатах, расположенном в очень красивом месте. Я был поражен, увидев мирный ландшафт, маленькие деревушки, по которым еще не прошла война. Все выглядело удивительно мирно. В парках курорта прогуливались румынские офицеры со своими дамами. Это непривычное зрелище вызвало у меня горькое чувство.

Мне была отведена небольшая дачка. Здесь жил и мой предшественник генерал-полковник Шернер. Рабочие помещения оперативной группы штаба располагались в большом курортном отеле. Для работы это было чрезвычайно удобно, если бы не частые налеты авиации противника. Другие отделы штаба группы армий были рассредоточены по соседним зданиям и даже населенным пунктам.

Группа армий имеет в своем составе несколько полевых и танковых армий. Полевая армия состоит, как правило, из 2–4 армейских и танковых корпусов. Корпус насчитывает 2–3 дивизии, в том числе 1–2 танковые.

От случая к случаю, по оперативно-тактическим соображениям или для облегчения управления войсками, несколько крупных соединений в пределах одной группы армий могут быть объединены в армейскую группу.

В момент принятия мною командования немецко-румынскими войсками в моем распоряжении находились две немецкие и две румынские армии в составе 44 дивизий общей численностью около 900 тысяч человек, включая и личный состав тыловых частей.

Мозг группы армий - это ее командование, во главе которого стоит командующий в чине генерал-полковника или фельдмаршала. Это высший военачальник в сухопутных войсках. Он несет полную ответственность за боевые действия и за снабжение своих войск.

В своей работе командующий группой армий опирается на начальника штаба (офицер генерального штаба в чине генерала), который является его непосредственным советником и помощником в оперативных вопросах. Начальнику штаба подчиняется штаб группы армий, состоящий из оперативного отдела, отдела тыла, отдела личного состава.

Каждый из этих отделов делится на отделения и группы, во главе которых, за исключением отдела личного состава, стоят офицеры генерального штаба. Кроме этого, имеются еще специальные службы, которые сотрудничают с оперативным отделом штаба. Сюда относятся отдел начальника войск связи, отдел начальника инженерных войск, отдел начальника военно-транспортной службы и, наконец, отдел особых поручений. Оперативный отдел решает в основном все вопросы командования войсками, их обучения и организации. К вопросам командования относится и такая важная сфера деятельности, как разведывательная служба, которой занимается группа «1-це».

«Группа армий «Южная Украина» была создана из бывшей группы армий «Юг» фельдмаршала Манштейна и группы армий «А» фельдмаршала фон Клейста. После тяжелых боев зимой 1943/44 и весной 1944 годов, в ходе которых мы понесли большие потери, 6-я армия (казалось, ее преследовал злой рок), заново сформированная после разгрома под Сталинградом, была вторично разбита, на сей раз на южном крыле Восточного фронта. Турецкие газеты писали тогда о полном крушении южного крыла немецкого фронта и о неминуемой потере Балкан в результате этой катастрофы. В апреле 1944 года группе армий «Южная Украина» удалось, наконец стабилизировать фронт на рубеже Днестра и далее по линии Кишинев, Яссы, северо-восточные склоны Карпат. Благодаря высокой боеспособности немецких войск и весьма энергичным мерам в тыловых районах, которые принял бывший командую-

ший генерал-полковник Шернер, новый рубеж обороны был укреплен в течение лета настолько, что оказалось возможным не только отражать постоянно усиливающиеся удары русских, но и перейти на отдельных участках в контрнаступление. В этих боях противнику был причинен чувствительный урон, а немецкие войска вновь подняли голову. Это последнее обстоятельство имело очень важное значение, если учесть неустойчивость румын и их нежелание продолжать войну.

В течение летних месяцев предпринималось все возможное, чтобы улучшить подготовку и вооружение румын. Был обеспечен немецкий инструкторский состав, было поставлено немецкое оружие, румынская танковая дивизия «Великая Румыния» получила немецкие танки. Были созданы новые оборонительные рубежи. На северном крыле группы армий закончилось начатое еще до войны строительство оборонительной позиции «Траян», пересекавшей местность в самых высоких точках. На эту позицию были введены новые румынские дивизии. Многочисленные успехи в обороне, лучшее вооружение, тесное сотрудничество в области военной подготовки несколько повысили боевой дух румын и усилили их волю к сопротивлению. По крайней мере, у меня сложилось именно такое впечатление.

Была найдена возможность постепенно отвести с фронта шесть немецких танковых дивизий и освежить их. Они были оставлены в резерве в качестве ударных дивизий в тылу у ненадежных румынских войск. В этот период удалось пополнить и усилить за счет частей, высвободившихся после эвакуации Крыма, некоторые немецкие и румынские дивизии. Улучшилось положение с подвозом. Мосты были укреплены или построены заново, дороги ремонтировались, склады пополнялись предметами снабжения.

Для того чтобы оказаться на высоте положения, необходимо было решить следующие две задачи:

1) своевременно отвести фронт группы армий за Прут, а возможно, и на уже оборудованный оборонительный рубеж Галац, Фокшаны, восточные отроги Карпат;

2) сосредоточить все немецкие силы в тыловом районе под моим командованием.

Ко времени моего прибытия в группу армий она имела как бы два фронта, один - обращенный на север, другой - на восток. Как отмечалось выше, они сложились в процессе постепенной стабилизации обстановки после боев в период весеннего отступления.

Передний край обороны проходил от устья Днестра (Днестровский лиман) на север вдоль этой реки до района восточнее Кишинева. Здесь он поворачивал на запад и шел далее через Корнешты, Яссы, Куты в направлении Карпат. Общая протяженность линии фронта составляла 654 км, из них 267 км фронта обороняли румынские войска.

На южном участке фронта (бессарабское направление) передний край обороны проходил по более или менее ровной местности, к тому же здесь фронт прикрывался широким Днестром, который сам по себе был отличным фронтальным препятствием. Однако русским еще в ходе весеннего наступления удалось создать плацдармы на западном берегу Днестра. В дальнейшем эти плацдармы стали весьма удобными исходными районами для наступления крупными силами. Прежде всего, это относится к плацдарму вблизи Тирасполя.

За этим фронтом почти параллельно переднему краю протекало несколько средних и мелких рек, из которых самыми значительными были Прут и Сирет. Все эти реки опять-таки создавали естественную преграду для наступающего. Однако и для обороняющейся стороны в случае вынужденного отхода эти реки также могли явиться серьезной неприятностью, особенно в случае разрушения мостов.

На северном участке фронта (молдавское направление) местность была более пересеченной и частично лесистой, а значит, весьма благоприятной для обороны. Позиция «Траян», служившая второй оперативной полосой обороны, была особенно удобна для этого.

Ключевым участком фронта группы армий было яское направление. Здесь нам следовало ни в коем случае не допустить прорыва противника ударом с севера на юг, в результате которого были бы отрезаны войска, оборонявшиеся на бессарабском направлении.

В тылу группы армий над местностью господствовали Карпаты, обеспечивавшие хорошие возможности для наблюдения и обороны.

Командованию группы армий были подчинены две армейские группы. На южном крыле (от Черного моря до района восточнее Ясс) оборонялась армейская группа под командованием генерал-полковника Думитреску. Она включала 3-ю румынскую и 6-ю немецкую армии и насчитывала 12 немецких пехотных дивизий, немецкую танковую дивизию, 4 румынские пехотные дивизии и румынскую кавалерийскую дивизию.

На северном крыле между Прутом (восточнее Ясс) и Карпатами у Черновиц, фронтом на север, действовала армейская группа немецкого генерала Велера (он являлся одновременно и командующим 8-й немецкой армией). Ему были подчинены 8-я немецкая и 4-я румынская армии, имевшие в своем составе 7 немецких пехотных дивизий (часть их была горноегерскими), немецкую мотопехотную дивизию, 13 румынских пехотных дивизий, 4 румынские горнопехотные бригады и румынскую танковую дивизию «Великая Румыния».

Итак, на фронте группы армий оборонялись 21 немецкая и 23 румынские дивизии (горнопехотные бригады). Невеселое соотношение, учитывающая ненадежность румынских дивизий.

Характерным для группировки сил было смешение немецких и ру-

мынских соединений внутри армий и армейских групп, что было сделано по соображениям безопасности. И те и другие подчинялись единому командованию, но лишь в оперативно-тактических вопросах. Во всех других случаях румынские соединения получали приказы либо от своего генерального штаба, либо от румынского военного министерства в Бухаресте, либо, наконец, непосредственно от Антонеску.

Насколько я мог определить, войска повсюду энергично занимались оборудованием своих позиций, делали все возможное для подготовки к новому наступлению противника. У меня сложилось впечатление, что если бы имелось достаточное количество боевых средств, и прежде всего боеприпасов, если бы нам оставили хотя бы часть взятых у нас танковых дивизий, являвшихся до сих пор главной опорой фронта, и если бы моральный дух румынских частей хотя бы мало-мальски соответствовал моральному духу немецких войск, то мы могли бы противостоять натиску русских, по крайней мере, в первый период наступления.

К сожалению, упомянутые предпосылки отсутствовали. Кроме того, большую тревогу вызывал рост заболеваний малярией в частях, расположенных в низовьях Днестра. Малярия выводила из строя в среднем одну треть личного состава. А это уже чувствительно отражалось на боевой мощи наших войск в данном районе.

Уже во время первых поездок на фронт до меня неоднократно доходили слухи о сомнительной надежности румынских офицеров. Хотя вначале никаких конкретных доказательств не было, многое говорило о том, что здесь далеко не все в порядке. Так, например, по указанию румынского военного министерства была произведена замена высших румынских офицеров, причем немецкий командующий не был поставлен об этом в известность. И все это совершалось накануне русского наступления! В качестве предлога была выдвинута версия о том, что румынские военачальники должны-де отдохнуть перед сражением. Среди них оказался, в частности, и командующий 4-й румынской армией генерал Раковица. На фронт он так и не вернулся. Позднее, когда уже был свергнут старый режим, он вновь появился на арене теперь уже в роли румынского министра обороны.

Глава четвертая. Злой рок и предательство.

Несмотря на все донесения и предостережения группы армий, ей не было дано разрешения отвести свои войска за Прут или же на линию укреплений в предгорьях Карпат. Мне не было также передано и командование всеми вооруженными силами Германии на румынской территории, как я просил.

Командование группы армий не могло оттянуть линию фронта по собственной инициативе, так как только высшее военное руководство имело право оценивать все подлежащие учету факторы политического, экономического и стратегического характера, например воздействие на соседние фронты, сокращение полосы обеспечения нефтепромыслов Плоешти, румынско-венгерские территориальные споры и т. д. Тем не

мене, я на свой страх и риск начал заранее готовиться к отводу войск группы армий на новые рубежи.

Таким образом, линия фронта осталась на прежнем месте. В то же время численность личного состава группы армий постоянно сокращалась. С конца июня до 13 августа мы были вынуждены передать другим группам армий целых 11 дивизий! Буквально накануне русского наступления нам приказали снять с фронта некоторые немецкие дивизии, хотя командование группы армий, учитывая надвигающуюся опасность, выразило по этому поводу протест главному командованию сухопутных войск.

Время, оставшееся до наступления русских, было использовано нами, как и раньше, для укрепления оборонительных рубежей. Было завершено оборудование первой полосы обороны на северном участке фронта, в Молдавии. За ней была подготовлена хорошо укрепленная вторая линия, получившая название «Траян». В районах переправ через Прут удалось создать предмостные укрепления на восточном берегу, которые в случае нашего отступления должны были обороняться группами прикрытия для обеспечения планомерного отхода войск, ведущих арьергардные бои. С этой целью на переправах были своевременно накоплены дополнительные средства для постройки мостов, а пешеходные мосты подготовлены к взрыву, чтобы затруднить противнику переправу, через реку. Однако и здесь нам снова пришлось убедиться в том, что в современной войне реки, какими бы широкими они ни были, серьезным препятствием уже не являются.

В тыловом районе были созданы замаскированные склады боеприпасов и военного имущества. Тем не менее, ощущалась острая нехватка боеприпасов, боевой техники и средств для сооружения препятствий. Как и на всех остальных фронтах, мы вели «войну бедняков» против гораздо более оснащенного противника. В тылу постоянно велась работа по обучению войск, в частности работа по подготовке экипажей румынских танков. Мы делали все возможное, чтобы дать отпор превосходящим силам противника.

Июль прошел сравнительно спокойно. Боевая деятельность войск, заключавшаяся главным образом в мелких стычках разведывательных групп, протекала нормально. Складывалось впечатление, что противник всецело поглощен операциями против групп армий «Центр» и «Север». В соответствии с этим передвижения войск противника, обнаруженные нашей авиацией перед фронтом группы армий, первоначально были истолкованы как переброска сил на север. Результаты деятельности нашей воздушной разведки вообще были весьма незначительными вплоть до последних дней перед началом наступления. Это объяснялось, вероятно, тем, что русские производили передвижение войск скрытно и только ночью. Так как русские умели хорошо маскировать подобные мероприятия, наша агентурная разведка смогла сообщить необходимые сведения также лишь с большим опозданием. Видимо, по этим причинам главное командование сухопутных войск и не реагировало так долго на угрозу крупного русского наступления на фронте моей группы армий.

Глава 3. Подготовка к наступлению с Кицканского плацдарма (август 1944 г.)

Перед советскими войсками оборонялась группа армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Г. Фриснера.

В нее входили 2 армейские группы: «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии, и 17-й немецкий армейский корпус) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Всего в ней насчитывалось 900 тыс. человек, 7600 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудий и 810 боевых самолётов (4-й немецкий воздушный флот и румынская авиация). Противник создал сильную глубокоэшелонированную оборону, состоящую из 3 - 4 оборонительных полос, увязанных с водными преградами и холмистой местностью. Сильные оборонительные обводы опоясывали многие города и другие населённые пункты.

Проведение Яско-Кишинёвской наступательной операции возлагалось на войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского: 40-я, 7-я гвардейская, 27-я, 52-я, 4-я гвардейская, 53-я, 6-я танковая, 5-я воздушная армии, 5-й гвардейский кавалерийский корпус, 23-й и 18-й танковые корпуса; и 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ф. И. Толбухина: 5-я ударная, 57-я, 37-я, 46-я и 17-я воздушная армии, 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса; Черноморский флот, командующий адмирал Ф. С. Октябрьский и Дунайскую военную флотилию, командующий - контр-адмирал С.Г. Горшков.

Действия фронтов координировал представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

В подготовительный период войска 2-го и 3-го Украинских фронтов пополнялись вооружением и боевой техникой. В апреле – августе Ставка передала фронтам 875 танков и самоходно-артиллерийских установок, 6223 орудия и миномёта, 13142 ручных и станковых пулемёта, 116 тыс. автоматов, 280 тыс. винтовок и карабинов. На Черноморский флот по решению Государственного Комитета Обороны из состава Северного и Тихоокеанского флотов были переброшены 6 больших и 20 малых морских охотников, 10 подводных лодок, 12 торпедных катеров.

К началу операции советские войска насчитывали 1250 тыс. человек, 16 тыс. орудий и минометов, 1870 танков и самоходно-артиллерийских установок, 2200 боевых самолетов. На участках прорыва обороны противника (на 2-м Украинском фронте – 16 км, на 3-м – 18 км) были созданы высокие оперативные плотности наступающих войск – до 240 орудий и минометов и до 56 танков и самоходно-артиллерийских установок на 1 км фронта.

Согласно директиве Ставки от 2 августа 1944 года, 2-й Украинский фронт получил задачу прорвать оборону противника, нанося удар силами трёх общевойсковых и танковой армий на Яссы-Фэльчиул. На первом этапе операции войска должны были захватить переправы через реку

Прут и совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить кишинёвскую группировку противника, не допуская её отхода, а затем развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, обеспечивая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат.

3-му Украинскому фронту была поставлена задача прорвать оборону противника южнее Бендер и нанести удар силами войск трех общевойсковых армий в направлении Хуши, обеспечивая ударную группировку фронта с юга. На первом этапе им предстояло во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта разгромить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово – Молдавка, и в дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай.

Танковые и механизированные соединения фронтам предлагалось использовать после прорыва обороны противника для быстреего захвата переправ на р. Прут, а 5-й гвардейский кавалерийский корпус – для форсирования р. Серет и обеспечения войск 2-го Украинского фронта с запада. Черноморский флот получил задачу содействовать наступлению войск левого крыла 3-го Украинского фронта, обеспечить им форсирование Днестровского лимана, высадить тактические десанты, уничтожить вражеские корабли. Дунайская флотилия должна была содействовать войскам 3-го Украинского фронта в форсировании Дуная.

Свои силы и средства фронты массировали на решающих направлениях, где было сосредоточено от 67 до 72 процентов пехоты, 61 процент орудий и миномётов, 85 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок и почти вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях – в 4-8 раз, в артиллерии – в 6-11 раз и в танках и САУ – в 6 раз. Это обеспечивало им возможность непрерывно наращивать мощь ударов и добиваться высоких темпов наступления.

Наращивание натиска обеспечивалось также глубоким оперативным построением фронтов, особенно 2-го Украинского, в первом эшелоне которого находилось пять общевойсковых армий (38 дивизий), в эшелоне развития успеха – танковая армия, два отдельных танковых и один кавалерийский корпуса, а во втором эшелоне и резерве – одна общевойсковая армия и два отдельных стрелковых корпуса (13 дивизий).

На 3-м Украинском фронте, удар с которого предусматривался менее глубоким, все четыре его общевойсковые армии (34 дивизии) располагались в первом эшелоне. Глубина построения войск здесь достигалась за счёт создания нескольких эшелонов в армиях, а также за счёт подвижных групп, созданных во фронте и в 37-й армии (два механизированных корпуса), и резерва (один стрелковый корпус).

Артиллерийская плотность на участках прорыва доходила до 240 – 280 орудий и миномётов на 1 км фронта. Продолжительность артиллерийской подготовки предусматривалась на 2-м Украинском фронте 1 час 30 минут и на 3-м Украинском – 1 час 45 минут. Поддержка атаки пехоты

и танков планировалась ординарным или двойным огненным валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня.

Танковым и механизированным войскам после ввода в прорыв предстояло стремительно продвигаться в указанных им направлениях, упредить подход резервов противника и завершить окружение его главных сил. В последующем они должны были наступать в глубь Румынии.

Предусматривающийся высокий темп наступления – 20 – 25 км в сутки для пехоты и 30 – 35 км для подвижных соединений – давал возможность упредить яско-кишинёвскую группировку противника в выходе на реку Прут и на восьмой день захватить Фокшанские ворота, создавал условия для стремительного прорыва советских войск в центральные районы Румынии, вывода её из войны на стороне фашистской Германии. Это открывало также перспективу быстрого выхода советских армий к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую низменность – в тыл карпатской группировки противника.

Фронтам удалось хорошо организовать дезинформацию гитлеровцев. Почти до самого начала наступления командование вермахта и штаб группы армий «Южная Украина» не имели точного представления о его сроках и направлениях главных ударов советских войск. Это позволило добиться оперативной внезапности.

Большое внимание уделялось инженерному обеспечению операции. На обоих фронтах было открыто более 7,2 тыс. км траншей и ходов сообщения, построено свыше 50 тыс. блиндажей и убежищ, оборудовано более 6700 командных и наблюдательных пунктов, наведены десятки переправ через реки, отремонтированы или построены новые дороги.

Значительную помощь советским войскам оказали трудящиеся Молдавии. Они приняли участие в восстановлении 58 железнодорожных мостов и более 700 км железнодорожных путей, в ремонте сотен автомашин, десятков орудий и танков, в строительстве оборонительных сооружений, аэродромов. Молдавские партизаны поддерживали тесную связь со штабами фронтов и армий, доставляли им сведения о противнике, нарушали его коммуникации и уничтожали мелкие гарнизоны.

К началу операции войска получили все необходимые материальные средства. Они имели от 1,5 до 6,6 боекомплекта снарядов и мин, от 7,4 до 9 заправок авиационного и дизельного топлива, до 2,7 заправки автобензина, достаточное количество продовольствия, фуража и снаряжения. В госпиталях было развёрнуто более 134 тыс. резервных коек для приёма раненых и больных воинов.

Особенность готовившейся операции заключалась в том, что войскам предстояло не только сломить сопротивление и разгромить сильную группировку противника, но и вести военные действия на территории государства, армия которого вместе с немецко-фашистскими войсками участвовала в войне против СССР. Эту особенность постоянно имели в виду советское командование, политорганы, партийные и комсомольские организации. Проводились мероприятия по разъяснению воинам целей

и задач наступления советских войск на территории Румынии, приказов Верховного Главнокомандующего, проявлялась забота об удовлетворении материально-бытовых нужд личного состава.

Военные советы и политорганы большое внимание уделяли укреплению партийных и комсомольских организаций путём приёма в партию и комсомол наиболее отличившихся в боях воинов и расстановки коммунистов и комсомольцев в подразделениях. В июне – августе в войсках обоих фронтов было принято в члены партии 30 685 человек и кандидатами в члены партии – 37 048 человек. К началу операции в войсках уже насчитывалось 284 602 коммуниста. На 3-м Украинском фронте во многих стрелковых ротах коммунисты и комсомольцы составляли 50 процентов личного состава.

Большую подготовительную работу к наступлению провел 3-й Украинский фронт и особенно 37-я армия, находившаяся на Кицканском плацдарме с которого планировалось нанести главный сокрушительный удар в стык 6-й немецкой и 3-й румынских армий. Ветераны 3-го Украинского фронта говорят о том, что в 1941 - 1942 годах никто не решился бы почти полностью оголеть 220 километров фронта и сосредоточить свыше 90 процентов всех сил и средств на направлении главного удара шириной в 40 километров. За Днестром на небольшом Кицканском плацдарме сосредоточили всю 37-ю, главные силы 57-й армий и частично два корпуса 46-й армии. Если бы противнику удалось раскрыть замысел командования 3-го Украинского фронта, он мог не только сорвать операцию, но и нанести серьезное поражение войскам упредительным контрударом в обход группировки советских войск с флангов и тыла.

Риск был большим, но он имел под собой твердую почву. Фактически незначительное численное превосходство над противником (в людях оно составляло 1,2 : 1, в артиллерии и танках – 1,6 : 1) на 3-м Украинском фронте сумели превратить в подавляющий перевес над ним. По танкам и артиллерии на главном направлении он стал шестикратным, по пехоте – восьмикратным.

На случай контрудара неприятеля до самого последнего момента находились в готовности к отражению его два механизированных и один стрелковый корпуса. Не дремала и авиация, которая надёжно прикрыла небо над Кицканским плацдармом и переправами через Днестр.

Но главное, на что надеялось руководство фронта и в чем, по счастью, не ошиблось, составляли заранее продуманные и великолепно осуществленные широкие мероприятия по оперативной маскировке. В основе их лежало создание ложной группировки войск на кишиневском направлении. 3-й Украинский фронт успешно имитировал сосредоточение механизированного корпуса в районе Римаровки, стрелкового корпуса – в Карманово, артиллерийской дивизии прорыва – в районе Григориполь, Ташлык.

Целой серией обманных маневров удалось полностью скрыть от неприятеля действительную перегруппировку войск 3-го Украинского

фронта. В основе ее лежала идея как бы смыкания к центру 57-й, 37-й и главных сил 46-й армий при одновременном размыкании правого крыла фронта (5-й ударной армии) от Бендер до Бравичен, а левого его крыла (части сил 46-й армии) от Чобручи до побережья Черного моря.

5-я ударная армия сменяла 57-ю в полосе Спеля – Бендеры и принимала в свой состав от 2-го Украинского фронта 26-й гвардейский корпус, оборонявшийся на рубеже Бравичены – Дубоссары.

57-я армия перемещалась в район Бендеры – Киркаешты, где, в свою очередь, сменяла 37-ю армию. А 37-я армия сосредоточилась на фронте в 9 -10 километров между озером Ботно и населенным пунктом Талмаз. Главные ее силы группировались преимущественно в районе Копанки и севернее, то есть ближе к правому флангу. Здесь же, в районе Карагаша, расположился 7-й механизированный корпус, который должен был действовать в полосе 37-й армии.

46-я армия вводила в первый эшелон на своем правом фланге прибывающий из резерва фронта 31-й гвардейский стрелковый корпус и уплотняла в связи с этим фронт 37-го стрелкового корпуса. Предназначенный для совместных действий с 46-й армией, 4-й гвардейский механизированный корпус, располагался юго-западнее станции Раздельная, удаленной от линии фронта почти на 80 километров, но к 3 часам 20 августа он должен был сосредоточиться в районе Слободзеи Молдавской.

20 августа 4-й гвардейский мехкорпус должен был переправиться через Днестр и 21 августа во взаимодействии с 7-м механизированным корпусом, вводившемся в шестикиллометровый прорыв фронта между Фантына-Маскуй и Леонтино в полосе 37-й армии, устремиться к переправам противника на реке Прут, чтобы отрезать пути отступления 6-й немецкой армии из-под Кишинёва в юго-западном направлении.

Общая площадь Кицканского плацдарма на котором сосредотачивалось громадное количество войск фронта составляла почти 160 квадратных километров, в том числе «полезных» и того меньше - всего лишь 70 квадратных километров. Большая часть территории была заболочена, дорог, пригодных для движения автотранспорта, здесь почти не было. Отсутствовали и мосты, соединяющие левый берег Днестра с плацдармом. Но наличие лесных массивов и большого количества садов и виноградников облегчало сосредоточение и маскировку советских войск.

Инженерные работы были направлены в первую очередь на увеличение емкости плацдарма путем создания сильно развитой системы траншей и ходов сообщения, эшелонированных на всю его глубину, а также специальных укрытий для войск и боевой техники. Инженерные работы проводились в условиях, когда противник просматривал почти всю территорию плацдарма. Несмотря на такие тяжелые условия, войска 37-й армии создали на один километр фронта до 19 км траншей и ходов сообщения, до 470 пулеметных, артиллерийских, минометных и других укрытий, до 200 убежищ и землянок, 620 артиллерийских огневых позиций. Кроме того, было отремонтировано 135 км имевшихся дорог и проложено 72 км новых дорог.

Для скрытного выдвижения войск к первой позиции были открыты четыре хода сообщения, идущие от сел Копанка и Кицканы, протяженностью каждый от 4 до 6 километров. По этим ходам сообщения войска могли быстро и скрытно в любое время суток выдвигаться из глубины на любое направление, несмотря на просматриваемые противником открытые участки местности. Всего было подготовлено 1700 огневых позиций для артиллерии и более 300 наблюдательных пунктов.

К началу наступления только в полосе 37-й армии через р. Днестр было построено 8 мостов и один паром на 60 тонн. Через старое же русло реки Днестр было построено 5 мостов и 4 парома.

Перед началом наступления осуществлялось разминирование своих минных полей прежде всего в глубине плацдарма, а затем на переднем крае. К разминированию, помимо сапёрных подразделений соединений, привлекалась 12-я штурмовая инженерно-саперная бригада, которая в период с 10 по 15 августа сняла 59 минных полей с общим количеством 16 900 противотанковых и 3500 противопехотных мин.

Всего на направлении главного удара 37-й армии в минных полях противника было проделано до 80 проходов, а в проволочных заграждениях до 95 проходов. На каждую стрелковую роту было проделано 3 - 4 прохода, а на танковую роту 2 - 3 прохода.

Перед фронтом 37-й армии гитлеровцы подготовили три полосы обороны глубиной 40 - 45 км, из которых наиболее подготовленной и развитой в инженерном отношении была главная полоса. Она состояла из трех позиций, оборудованных траншеями и ходами сообщения полного профиля, и достигала 6 - 8 км глубины.

Передний край главной полосы обороны проходил по юго-восточному берегу оз. Ботно, Фантына-Маскуй, Леонтино и далее по южному берегу старого русла реки Днестр.

Первая позиция состояла из 2 - 3 траншей, соединенных ходами сообщения, и была развита на глубину 1 - 1,5 км.

Населенные пункты Фантына-Маскуй, Плоп-Штубей, Леонтино, Талмазы, Каушаны-Вець, Каушаны, Кирнаць, Поляска, Ермоклия и другие были превращены в опорные пункты и являлись составной частью общей системы обороны. На их окраинах имелись окопы, многие здания были приспособлены для ведения огня из пулеметов и автоматов.

Всего, без учета 13-й немецкой танковой дивизии, которая стояла в резерве и прикрывала стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий, перед фронтом 37-й армии противник имел: 8 пехотных батальонов, 360 станковых и 65 ручных пулеметов, 50 орудий ПТО, 108 орудий (без ПТО), 56 минометов. Средняя тактическая плотность сил и средств противника в полосе наступления 37-й армии (9 км) на 1 км фронта составляла: около пехотного батальона, 40 ручных и 13 станковых пулеметов, 6,2 миномета, 5,5 противотанковых орудия и 12 орудий калибра 75 мм и выше.

В соответствии с замыслом командования 3-го Украинского фронта, на Кицканский плацдарм и прилегающий к нему восточный берег

Днестра, в полосу шириной 25 километров (менее 10 процентов общей протяженности фронта), сосредоточивались 27 стрелковых дивизий из 37 имеющихся в составе войск фронта, то есть 73 процента наличных сил пехоты, более 90 процентов артиллерии усиления, все танковые и механизированные части. Сюда же нацеливалась и вся фронтовая авиация.

Артиллерийская плотность на участке прорыва Хаджимус - Чобручу достигала свыше 200 орудий и минометов на километр фронта.

За счет перегруппировки войск на участке прорыва создавалось превосходство над противником: по пехоте восьмикратное, по артиллерии и танкам шестикратное.

В операции участвовало более 8 тысяч орудий и минометов всех калибров, около 700 танков и самоходно-артиллерийских установок и около тысячи боевых самолетов.

Ширина полосы наступления стрелковых корпусов 37-й армии была в пределах 4 – 5 км (66-й стрелковый корпус – 4 км, 6-й гвардейский стрелковый корпус – 5 км), а участка прорыва – от 2,5 км до 3,5 км. Узкие участки прорыва стрелковых корпусов являлись результатом ограниченности плацдарма, с которого готовилось наступление.

Тактическая плотность сил и средств на 1 км участка прорыва достигала: в 66-м стрелковом корпусе – по живой силе 7, 7 стрелковых батальона, по артиллерии – 248 орудий и минометов, по танкам – 18 бронеединиц; в 6-м гвардейском стрелковом корпусе – по живой силе 3, 6 стрелковых батальона, по артиллерии – 239 орудий и минометов, по танкам – 13 бронеединиц.

Превосходство над противником было довольно значительным: в 66-м стрелковом корпусе – по живой силе в 3 раза, по артиллерии – в 7 раз, по танкам – в 11, 2 раза; в 6-м гвардейском стрелковом корпусе – по живой силе, артиллерии и танкам – от 3 до 6,5 раза.

В соответствии с планом материального обеспечения запасы материальных средств наступающей советской группировки были доведены до следующих норм: продовольствия – в войсках до 7 суточек, на армейских складах до 8 суточек; горюче-смазочных материалов – в войсках до 2 заправок, на армейском складе до 1 заправки, в артиллерийских частях до 3 заправок, в механизированных частях до 2 заправок; боеприпасов – до 4 боекомплектов, из них в войсках - 2 и на армейских складах – 2 боекомплекта.

Причём значительные запасы материальных средств были сосредоточены на самом плацдарме, что себя оправдало, так как наступление с плацдарма требовало большего расхода материальных средств, особенно боеприпасов, чем в обычных условиях.

Большая партийно-политическая работа с личным составом подразделений 37-й, 57-й и 46-й наступающих армий поднимала боевой дух войск, укрепляла воинскую дисциплину. Только в войсках 37-й армии за четыре месяца (май - август) было принято в члены партии 3500 человек и в кандидаты – свыше 4000 человек.

К началу операции в стрелковых ротах были полнокровные партийные организации, насчитывавшие от 8 до 10 коммунистов. Во многих стрелковых ротах партийно-комсомольская прослойка достигала 50 процентов.

Значительная работа проводилась с молодым пополнением, в основном прибывшим с территории, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. За период с 1 марта по 20 мая 1944 г. 37-я армия получила в качестве пополнения более 20 тысяч человек. Новое пополнение равномерно распределялось по подразделениям и проходило усиленную боевую подготовку на учебных полигонах. Под особый контроль партийно-политических органов фронта и армий была взята боевая и политическая подготовка новобранцев.

1. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта.

(Желтов А. С. 3-й Украинский - на Балканах. В кн.: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С. 119 -122).

Штабы и войска тщательно изучали оборону противника, которую он укреплял почти четыре месяца. Фашисты сгоняли к Днестру население близлежащих сел рыть окопы, противотанковые рвы. К середине августа они создали глубоко эшелонированную оборону с развитой сетью траншей. Ближайшие к Днестру населенные пункты были превращены в узлы сопротивления. Особенно усиливал противник рубежи против наших плацдармов. Оборона здесь состояла из двух полос: первая имела четыре траншеи, соединенные ходами сообщений; примерно такой же была и вторая полоса. В полосе обороны нашего фронта у противника средняя оперативная плотность достигала 12 км на одну дивизию, 8 – 10 орудий и минометов на 1 км фронта, а против плацдарма южнее Тирасполя (кицканского) она была значительно выше: 8 км на одну дивизию, 25 – 26 орудий и минометов на 1 км фронта.

Как нам было известно, немецко-фашистское командование вдалбливало в сознание своих солдат, что они не имеют права отступать. Опережая события, скажем, что захваченные нами пленные показывали: частями был получен приказ, в котором требовалось «противиться натиску любой силы со стороны противника, удерживать рубежи до последнего человека».

В предстоящей Яско-Кишиневской операции главная роль Советским Верховным главнокомандованием отводилась 2-му Украинскому фронту. Из состава нашего фронта к этому времени были выведены 8-я гвардейская, 6-я, 28-я армии; они были перегруппированы к северу – в пределы Северной Украины и Белоруссии. Фронт располагал теперь только четыремя общевойсковыми, одной воздушной армией и двумя механизированными корпусами. Идея операции состояла в том, чтобы концентрическими ударами двух фронтов окружить и разгромить группу армий «Южная Украина».

Необходимо отметить некоторые особенности разработки плана операции и подготовки войск фронта к наступлению. Некоторые участники войны в последние годы писали, будто бы в вопросе о выборе направления главного удара у нас, в Военном совете фронта, не было полного единодушия, что командующий фронтом якобы настаивал на ударе на смежном фланге со 2-м Украинским фронтом. Это не соответствует действительности. Дело обстояло иначе. Захватывая в апреле плацдарм южнее Тирасполя, мы уже думали использовать его как исходный рубеж для будущего наступления. В последующем у Военного совета фронта это мнение окончательно укрепились, и было утверждено Ставкой.

Что касается Кишиневского направления, то здесь в полосе 5-й ударной армии в соответствии с планом оперативной маскировки мы лишь имитировали сосредоточение сил. Цель была простая – ввести противника в заблуждение, относительно направления удара главной группировки фронта. Мы создавали видимость переброски на Кишиневское направление стрелкового и механизированного корпусов, а также артиллерийской дивизии прорыва. В июле и августе в сумерках и ночами на участке Дубоссары – Тирасполь обозначалось движение автоколонн, здесь строилась система ложной обороны, включалась ложная система радиосети.

Цель была достигнута. Именно на Кишиневском направлении немецкое командование ошибочно ожидало главный удар нашего фронта. Против нашей 5-й ударной армии генерал Фриснер держал крупные силы – 14 немецких дивизий. Позже, в ходе нашего наступления, он обнаружил, что фронт наносит сильный удар с плацдарма южнее Тирасполя, но даже и тогда оценил его как второстепенный, начав отвод своих сил с «Кишиневского выступа» лишь на третьи сутки нашего наступления.

В армейском тылу на учебных полях все части и соединения тщательно и всесторонне готовились к наступлению. На занятиях по боевой подготовке, проводившихся днем и ночью, воины учились взламывать и прорывать сильную, заблаговременно созданную оборону противника, вести бои в траншеях и населенных пунктах, отражать танковые атаки, форсировать водные преграды, надежно закрепляться на новых рубежах.

Такая учеба была необходима. Дело в том, что в течение апреля – июля в части и соединения наших войск поступило сотысячное пополнение из освобожденных районов Правобережной Украины, Молдавии. Это были люди, познавшие режим фашистской оккупации, но не принимавшие участия в боях. Нужно было учить их искусству ведения боя, начиная с самых азов, передать им богатый опыт ветеранов.

Важное значение имела и политическая подготовка. Войскам фронта впервые предстояло действовать на территории Румынии, которая три года воевала на стороне фашистской Германии. Это было новое обстоятельство, накладывавшее заметный отпечаток на все мероприятия по политической подготовке личного состава фронта. В основу нашей работы было положено заявление Советского правительства от 2 апреля и постановление Государственного Комитета Оборона от 10 апреля 1944 г. о поведении советских воинов за рубежом.

В этих документах было ясно сказано, что Советский Союз не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя, что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью – продолжающимся сопротивлением войск противника.

Этими заявлениями тогда был нанесен сокрушительный удар по гитлеровской пропаганде, распространявшей лживые утверждения о том, будто Советский Союз покусается на румынский суверенитет.

Вступая на территорию другого государства, Советская Армия несла освобождение трудящимся, выполняла свой интернациональный долг.

Командиры и политработники не строили иллюзий на счет того, что за рубежом у нас все будет гладко, не исключали возможность совершения враждебных актов со стороны прислужников Гитлера и местной реакционно-монархической челяди. Поэтому в войсках поддерживалась постоянная бдительность и боеготовность.

В ходе подготовки войск постепенно выкристаллизовывался и характер действий в предстоящей операции. В Военном совете фронта было решено, что главный удар фронт должен нанести в центре своего построения – смежными флангами 37-й и 57-й армий при усилении их двумя механизированными корпусами. Этот удар наносился с кицканского плацдарма и южнее Бендер в общем направлении на Опач, Селемет, Хуши навстречу главному удару 2-го Украинского фронта, наступавшему основными силами в направлении Яссы, Васлуй, Фэльчиул. Окружение и уничтожение яско-кишиневской группировки противника должно было произойти на 7 – 8-й день операции.

Войска 5-й ударной армии (командующий генерал-полковник Н. Э. Берзарин, член Военного совета генерал-майор И. Б. Булатов, начальник штаба генерал-майор А. М. Ку-щев), стоявшие на Кишиневском направлении, должны были удерживать занимаемый рубеж и в случае отхода противника ударами по сходящимся направлениям с севера и востока овладеть Кишиневом. Левофланговая 46-я армия получила задачу, прикрывая слева главный удар фронта, совместно с оперативной группой генерал-лейтенанта А. Н. Бахтина при поддержке Дунайской флотилии под командованием адмирала С. Г. Горшкова отрезать и уничтожить 3-ю армию королевской Румынии.

Это решение 31 июля Ф. И. Толбухиным и мною было доложено в Ставке Верховному главнокомандующему. Одновременно свое решение докладывал в Ставке и командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский в присутствии члена Военного совета фронта генерал-полковника И. З. Сусайкова. И. В. Сталин, нашел возможным усилить войска нашего фронта двумя механизированными корпусами и авиацией. Наши решения были утверждены. 2 августа 1944 г. на этот счет последовала директива. Наступление назначалось на 20 августа.

2. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С. С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.

(Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963. С. 71-84).

Вся наша подготовительная работа достигла своего кульминационного пункта в начале августа, когда была получена директива Ставки. Я позволю себе полностью воспроизвести здесь этот немногословный документ:

«Особо важная.

Лично: Командующему 2-м Украинским фронтом.

Командующему 3-м Украинским фронтом.

Подготовить и провести операции с целью – силами 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил.

Для выполнения указанной задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Второму Украинскому фронту прорвать оборону противника, нанося удар силами 27-й, 52-й, 53-й армий, 6-й танковой армии в общем направлении на Яссы, Васлуй, Фельчиул. На первом этапе операции овладеть Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через реку Прут на участке Хуши, Фельчиул и совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить кишиневскую группировку противника, не допуская ее отхода на Бырлад, Фокшаны.

После разгрома кишиневской группировки противника развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, обеспечивая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат, к югу от Пятра.

5-й гвардейский кавалерийский корпус использовать для форсирования р. Серет и обеспечения правого фланга фронта с запада.

2. Третьему Украинскому фронту прорвать оборону противника южнее Бендеры и нанести удар силами 57-й и 37-й и правого крыла 46-й армий в направлении Опач, Селемет, Хуши, прочно обеспечивая ударную группировку фронта с юга.

На первом этапе операции во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разбить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай.

3. Подвижные соединения (танковую армию, танковые и механизированные корпуса) использовать после прорыва обороны противника для быстрого захвата переправ на р. Прут в районе Хуши, Фельчиул.

4. Командующему 2-м Украинским фронтом в 24.00 5 августа 1944 г. передать командующему 3-м Украинским фронтом, а послед-

нему принять участок, занимаемый 53-й армией с двумя стрелковыми дивизиями и корпусным управлением этой армии, сменив к указанному времени остальные соединения 53-й армии.

С этого же времени установить следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинским фронтами: Рыбница, Игнацей, Чеколтень, Бравичены, Быковец, Коту-Мори и далее по р. Прут. Все пункты для 3-го Украинского фронта исключительно.

Командующему 2-м Украинским фронтом освободившиеся войска 53-й армии использовать для наращивания силы удара на направлении прорыва.

5. Готовность к наступлению согласно личным указаниям.

6. Ответственность за обеспечение стыков между фронтами возложить на командующего 2-м Украинским фронтом.

7. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

2 августа 1944 г.»

Трудно передать словами наши тогдашние чувства и переживания. Хотя все, что предписывалось директивой относительно 3-го Украинского фронта, нам было давно известно (ведь Ставка приняла решение по подготовленным у нас материалам), сам факт получения этого документа был явлением значительным. С этого момента приобрело силу закона все то, над чем мы так много корпели в штабе, чему посвящено столько поездок в войска и что до поры до времени являлось всего только проектом, нашими предложениями, а точнее сказать, предположениями.

Вскоре на стыке фронтов состоялась встреча двух командующих – Родиона Яковлевича Малиновского и Федора Ивановича Толбухина. Вслед за этим собрался расширенный Военный совет нашего фронта с участием командующих армиями, начальников штабов и членов военных советов. Ставку представлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко.

... Наши войска, будто колоссальным мечом, должны были рассечь вражескую группу Думитреску на две части, отделив 6-ю немецкую армию от 3-й румынской. При этом создавались выгодные условия для полного разгрома и той и другой. Для решения такой сложной задачи намечалось привлечь более 20 стрелковых дивизий, около 600 танков и самоходных орудий, свыше 5000 артиллерийских орудий и минометов, более 1000 самолетов.

На том же заседании Военного совета докладывали свои решения и все командующие армиями, заблаговременно ознакомленные с директивой Ставки.

Как сейчас вижу каждого из них. Вот вышел к карте командующий 5-й ударной армией Н. Э. Берзарин. Молодой, темпераментный, широко мыслящий. Докладывает четко, ясно, но, по всему видно, страшно недоволен тем, что не его 5-я ударная (ударная!) армия наносит главный удар. Заканчивая доклад, с нескрываемой горечью обратился к Федору Ивановичу:

– Товарищ командующий, армия растягивает свой фронт, как гармошку. Всего получается сто тридцать километров! Тут не только наступать – обороняться трудно.

Толбухин с улыбкой поглядел на Берзарина и приложил руку к груди: сочувствую, мол, но помочь ничем не могу.

Совсем в другом ключе было выступление командующего 57-й армией Н. А. Гагена. Он представлял старшее поколение нашего генералитета. В то время Николаю Александровичу перевалило уже за пятьдесят. На фоне молодых, выросших во время войны командармов Гаген выглядел более степенным, несколько даже флегматичным.

Толбухин слушал его внимательно, ни разу не прервал репликой.

57-я армия включалась в ударную группировку фронта. В ее состав входили семь стрелковых дивизий и одна отдельная танковая бригада. Армия была хорошо усилена артиллерией и полностью укомплектована личным составом. Задача ее заключалась в том, чтобы одним стрелковым корпусом нанести удар по противнику севернее озера Ботно, а главные силы иметь в готовности к развитию успеха первого эшелона либо севернее, либо южнее того же озера в общем направлении на Молешты.

– Смею заверить Военный совет, – как-то торжественно и немного старомодно закончил Н. А. Гаген, – что войска армии выполнят поставленную задачу с честью.

Затем слово было предоставлено командующему 37-й армией генералу М. Н. Шарохину. Михаилом Николаевичем нельзя было не любоваться. Есть люди, которые обаятельны и внешне и внутренне. К числу таких принадлежит и М. Н. Шарохин (теперь генерал-полковник в отставке, Герой Советского Союза).

Несмотря на тогдашнюю свою молодость, он уже успел пройти большой и сложный путь. Начал службу рядовым пулеметчиком. Был командиром взвода, командовал кавалерийским эскадронам, стоял во главе штаба легкой бомбардировочной авиабригады, работал в Генеральном штабе. До войны окончил две военные академии – имени М. В. Фрунзе, а затем Академию Генерального штаба. Словом, опыта и знаний Михаилу Николаевичу было не занимать. Но, как всякий требовательный к себе командир, он всегда находился в поисках, все время нащупывал новые пути-дороги и в тактике, и в оперативном искусстве.

Когда М. Н. Шарохин доложил свой план на предстоящую операцию, даже выдавший виды Толбухин поразился его смелости. Федор Иванович предложил сначала проверить этот план на опытном командно-штабном учении. И только когда убедился в верности всех расчетов молодого командарма и его начальника штаба А. К. Блажея, с чувством глубокого удовлетворения утвердил их предложения.

Командарм-37 решил сосредоточить на участке прорыва своей армии все имевшиеся в его распоряжении стрелковые войска, кроме одного полка, все танки (свыше 100 единиц), более 90 процентов артиллерии

(около 1570 орудий и минометов). Тем самым на главном направлении достигалось превосходство над противником по пехоте и основным видам вооружения в 4–5 раз. Мог ли враг удержаться на своих позициях при таком соотношении сил!..

Наконец очередь дошла до левого крыла фронта. Слово получил командующий 46-й армией генерал-лейтенант И. Т. Шлемин – человек рассудительный, немногословный, всегда чем-то озабоченный. Он тоже отличался у нас широтой оперативного кругозора (недаром еще в начале войны был начальником штаба Северо-Западного фронта). И доклад свой Иван Тимофеевич построил так, будто выступал с академической кафедры.

46-я армия в составе десяти дивизий и двух морских бригад должна была главными силами действовать в составе ударной группировки фронта в общем направлении на Волонтировку, Тарутино и в то же время провести десантную операцию в районе Аккермана (ныне – Белгород-Днестровский).

Для осуществления десантной операции через Днестровский лиман на левом крыле армии создавалась особая группа войск под командованием генерал-лейтенанта А. И. Бахтина, а заместителем его был назначен командующий Дунайской военной флотилией, опытный и мужественный моряк контр-адмирал С. Г. Горшков. В состав этой группы входили 83-я и 255-я бригады морской пехоты, отдельный мотострелковый батальон Дунайской военной флотилии, 3-й отдельный мотоциклетный полк, 252-й батальон плавающих автомобилей, два понтонных батальона и катера пограничных войск. Непосредственное взаимодействие с этой группой должна была осуществлять 259-я стрелковая дивизия армейского подчинения.

В общем замысле наступления десантной операции отводилась весьма важная роль, поэтому Военный совет решил рассмотреть ее обстоятельно, с широким привлечением моряков. Помнится, контр-адмирал Горшков прибыл к нам вместе с членом Военного совета флотилии капитаном 1 ранга А. А. Матушкиным и своим начальником штаба капитаном 1 ранга А. В. Свердловым. Все крепкие, энергичные, загорелые. Держатся с достоинством и в то же время как-то по-особому предупредительны.

План десантной операции первым докладывал заместитель командующего 46-й армией генерал Бахтин. Десантной группе на второй день наступления главных сил фронта предстояло форсировать Днестровский лиман и, стремительно действуя в двух направлениях, захватить переправы на реке Хаджидер, а затем, развивая наступление на Молдавку, окружить противника северо-западнее лимана. В дальнейшем группе надлежало наступать в юго-западном направлении к реке Когильник для окончательного окружения и уничтожения вражеских войск во взаимодействии с главными силами 46-й армии.

С большим вниманием выслушал Военный совет и Сергея Георгиевича Горшкова. Говорил он очень лаконично, но после его доклада обстановка на нашем морском участке фронта предстала перед нами достаточно

ярко. Мы узнали о том, что Черноморский флот не оставляет в покое противника – срывает его морские перевозки, блокирует важнейшие вражеские порты. Для обеспечения действий Дунайской флотилии от ударов с моря моряки используют в прибрежной зоне подводные лодки и торпедные катера. Активизировала свои действия и авиация флота; она наносит удары по вражеским базам Констанца и Сулина, по кораблям противника в море.

Вполне зримо представил нам С. Г. Горшков и действия своей флотилии. Для переброски десанта на правый берег Днестровского лимана он располагал 28 полуглиссерами, 35 катерами и 450 десантными лодками. В распоряжение командующего флотилией были выделены также отряд корабельной поддержки (6 бронекатеров, 2 минометных катера, 3 катера-тральщика) и 16 орудий береговой обороны. Авиационную поддержку десанта обеспечивали ВВС Черноморского флота под командованием опытного боевого генерала В. В. Ермаченкова. Он тоже присутствовал на заседании Военного совета и во время доклада С. Г. Горшкова заметил: – На морскую авиацию можете положиться. У нас сейчас более трехсот самолетов. Есть и пикирующие бомбардировщики, и истребители, и штурмовики...

Заседание Военного совета затянулось. После докладов командующих армиями, десантной группой и флотилией начались доклады начальников родов войск и различных служб. Рассмотрели планы авиационного и артиллерийского обеспечения операции, использование бронетанковых сил. Заслушали доклад И. С. Аношина о партийно-политической работе в войсках, выступление первого члена Военного совета А. С. Желтова.

Наконец поднялся Федор Иванович Толбухин. Он выразил полное удовлетворение подготовкой войск и штабов. Но тут же напомнил о недопустимости благодушия и самоуспокоенности.

– Времени у нас осталось мало, – сказал Толбухин. – Об отдыхе и помышлять нельзя. Надо предпринять последние усилия, чтобы полностью завершить подготовку к наступлению и тем заложить твердый фундамент победы.

Это было последнее заседание Военного совета перед Яско-Кишиневской операцией.

... Вспоминая те давние дни, я и сейчас не могу отделаться от мысли об исключительной дерзости наших действий. Разве пришло бы кому в голову, скажем, в 1941 – 1942 годах почти полностью оголить 220 километров фронта и сосредоточить свыше 90 процентов всех сил и средств на направлении главного удара шириной в 40 километров? Разве осмелились бы тогда расположить за Днестром на небольшом кичканском плацдарме всю 37-ю и главные силы 57-й армий? Ведь если бы противнику удалось раскрыть наш замысел, он мог не только сорвать операцию, но и нанести нам серьезное поражение упредительным контрударом в обход нашей группировки с флангов и тыла.

Риск с нашей стороны был большим, но он имел под собой твердую

почву. Фактически незначительное численное превосходство над противником (в людях оно составляло 1,2 : 1, в артиллерии и танках – 1,6 : 1) мы сумели превратить в наш подавляющий перевес над ним. По танкам и артиллерии на главном направлении он стал шестикратным, по пехоте – восьмикратным.

На случай контрудара неприятеля до самого последнего момента находились в готовности к отражению его наши механизированные корпуса. Не дремала и авиация.

Но главное, на что мы уповали и в чем, по счастью, не ошиблись, составляли заранее продуманные и великолепно осуществленные широкие мероприятия по оперативной маскировке. В основе их лежало создание ложной группировки войск на кишиневском направлении. Мы имитировали сосредоточение мехкорпуса в районе Римаровки, стрелкового корпуса – в Карманово, артиллерийской дивизии – в районе Григориполь, Ташлык.

Все было сделано очень тонко. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы проводилась разгрузка войск. Из района реального сосредоточения наших войск по дорогам шли машины, танки, передвигалась пехота. Делалось это преимущественно перед наступлением вечерних сумерек, чтобы создать видимость сосредоточения войск в темное время. А фактически ночью войска возвращались обратно. На месте ложного сосредоточения по-прежнему оставались только один запасный полк, инженерная бригада и два инженерно-строительных батальона. Они усиленно имитировали расположение вновь прибывших соединений: дымили походными кухнями, на просматриваемых участках устанавливались макеты танков из дерна и хвороста. И оттуда же специально выделенные радиостанции будто бы невзначай, в нарушение правил посылали в эфир ничего незначащие сигналы.

В довершение ко всему ложный район сосредоточения войск был надежно прикрыт зенитной артиллерией и авиацией. При появлении вражеских воздушных разведчиков по ним открывался поистине бешеный огонь с земли, их немедленно атакывали наши истребители. Тем самым преследовалась двоякая цель: создать видимость усиленного прикрытия фактически несуществующей крупной группировки войск и не допустить, чтобы вражеская разведка раскрыла действительное положение в этом районе, а значит, и наш действительный замысел.

В дальнейшем мы имели возможность убедиться, что все эти меры оперативной маскировки полностью себя оправдали. Противник не только в момент прорыва его обороны, но даже на второй день нашего наступления продолжал ожидать главного удара на кишиневском направлении. Действия с кицканского плацдарма он считал отвлекающими. Только к концу второго дня ожесточенных боев враг понял весь трагизм своего положения.

Целой серией обманных маневров нам удалось полностью скрыть от неприятеля действительную перегруппировку войск. В основе ее лежала идея как бы смыкания к центру 57-й, 37-й и главных сил 46-й армий при

одновременном размыкании правого крыла фронта (5-й ударной армии) от Бендер до Бравичен, а левого его крыла (части сил 46-й армии) от Чобручи до побережья Черного моря.

5-я ударная армия сменяла 57-ю в полосе Спеля – Бендеры и принимала в свой состав от 2-го Украинского фронта 26-й гвардейский корпус, оборонявшийся на рубеже Бравичены – Дубоссары.

57-я армия перемещалась в район Бендеры – Киркаешты, где, в свою очередь, сменяла 37-ю армию. А 37-я сосредоточилась на фронте в 9 – 10 километров между озером Ботна и населенным пунктом Талмаз. Главные ее силы группировались преимущественно в районе Копанки и севернее, то есть ближе к правому флангу. Здесь же, в районе Карагаша, расположился 7-й механизированный корпус, который должен был действовать в полосе 37-й армии.

46-я армия вводила в первый эшелон на своем правом фланге прибывающий из резерва фронта 31-й гвардейский стрелковый корпус и уплотняла в связи с этим фронт 37-го корпуса. Предназначенный для совместных действий с 46-й армией, 4-й гвардейский механизированный корпус располагался в это время юго-западнее станции Раздельная, удаленной от линии фронта почти на 80 километров, но к 3 часам 20 августа он должен был сосредоточиться в районе Слободзеи Молдавской.

Исходное положение для атаки войска занимали только ночью. Выезды на КП и НП производились также лишь в темное время. Радиосеть до начала наступления не работала, и во избежание всяких случайностей радиостанции были даже опечатаны.

3. Из воспоминаний бывшего командующего 37-й армией, генерал-лейтенанта Шарохина М. Н.

(В боях за Молдавию. Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», 1970, с. 63-65).

Это был участок местности, ограниченный с севера Днестром, с запада рекою и озером Ботна, с востока - старым руслом Днестра. На юге между озером Ботна и старым руслом Днестра образовалась как бы горловина шириною до 8 километров, у вершины которой оборонялся противник.

Общая площадь плацдарма составляла почти 160 квадратных километров, в том числе «полезных» и того меньше - всего лишь 70 квадратных километров.

Дорог, пригодных для движения автотранспорта, здесь почти не было. Отсутствовали и мосты, соединяющие левый берег Днестра с плацдармом.

Наличие же большого лесного массива, прилегающего к Днестру, и садов обеспечивало скрытное расположение и маскировку войск.

Учитывая незначительную площадь будущего исходного района и необходимость сосредоточения на нем крупных сил, было решено увели-

чить емкость плацдарма за счет «влезания» в землю, что позволило бы скрытно расположить войска и избежать больших потерь от огня противника в исходном положении.

За время нахождения в обороне войска армии постепенно уходили в землю, отрыли и оборудовали 8-10 линий траншей полного профиля с ходами сообщения. Для скрытного выдвижения войск к первой позиции были отрыты четыре хода сообщения, идущие от сел Копанка и Кицканы, протяженностью каждый от 4 до 6 километров. По этим ходам сообщения войска могли быстро и скрытно в любое время суток выдвигаться из глубины на любое направление, несмотря на просматриваемые противником открытые участки местности. В траншеях и ходах сообщения были отрыты глубокие убежища и «лисьи» норы для людей. Лошади, машины и боевая техника также были врыты в землю. Было подготовлено 1700 огневых позиций для артиллерии и более 300 наблюдательных пунктов.

Чтобы ориентироваться в пустой сети траншей и ходов сообщения, им дали наименования и установили указатели. Для маневра артиллерии и подвоза питания через траншеи устроили переходы. Отремонтировали и построили мы здесь 470 километров новых дорог и колонных путей. Навели и построили 7 мостов через Днестр, из них один под водой - на глубине полуметра.

Во время смены войск и при занятии исходного положения была организована комендантская служба в траншеях. Для скрытного от противника сосредоточения войск и их деятельности на плацдарме были проделаны большие работы по маскировке войск и сооружений. Мосты на сваях прикрывались дымами и устройством ложных переправ, а наплавные мосты на день разводились. Инженерным войскам армии под руководством армии генерала А. И. Голдовича пришлось здесь очень много потрудиться.

Одновременно с подготовкой плацдарма проводилась и боевая подготовка войск, находящихся во вторых эшелонах и резервах. Со взводами, ротами, батальонами и полками проводились учения на местности, схожей с той, на которой нам предстояло прорывать оборону противника. Часть учений проводилась с боевой стрельбой, и как правило, с танками и артиллерией.

4. Из книги бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Кузнецова П. Г. «Маршал Толбухин».

(Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин. М., Воениздат, 1966. С. 153-158).

С получением директивы Ставки в штабе фронта и штабах командующих родами войск развернулась напряженная работа. Все прежние наметки и расчеты проверялись заново, в них вносились поправки и дополнения.

Замысел командующего войсками 3-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина сводился к следующему. Сосредоточив основные силы фрон-

та на плацдарме южнее Тирасполя и создав здесь решающее превосходство над противником, мощным ударом на узком участке прорвать вражескую оборону и, развивая прорыв в глубину, расколоть армейскую группу «Думитреску» на две части, изолируя немецкие войска от румынских. В дальнейшем с вводом в прорыв механизированных соединений и быстрым выдвиганием вперед захватить переправы через Прут и во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта окружить и уничтожить 6-ю немецкую армию, а при содействии Черноморского флота – 3-ю румынскую армию.

Вспомогательный удар наносился войсками левого фланга 46-й армии совместно с Дунайской военной флотилией через Днестровский лиман, в направлении на Аккерман. Операцию предстояло провести в высоких темпах с продвижением за 6 - 7 дней на глубину 100 - 120 километров.

В соответствии с замыслом, на кичканский плацдарм и прилегающий к нему восточный берег Днестра, в полосу шириной 25 километров (менее 10 процентов общей протяженности фронта), сосредоточивались 27 стрелковых дивизий из 37 имеющихся в составе войск фронта, то есть 73 процента наличных сил пехоты, более 90 процентов артиллерии усиления, все танковые и механизированные части. Сюда же нацеливалась и вся фронтовая авиация.

Артиллерийская плотность на участке прорыва Хаджимус - Чобручу достигала свыше 200 орудий и минометов на километр фронта.

За счет перегруппировки войск на участке прорыва создавалось превосходство над противником: по пехоте восьмикратное, по артиллерии и танкам шестикратное.

В операции участвовало более 8 тысяч орудий и минометов всех калибров, около 700 танков и самоходно-артиллерийских установок и около тысячи боевых самолетов.

После того как все было рассчитано и проверено, армиям были поставлены задачи.

5-я ударная армия Берзарина в составе семи стрелковых дивизий принимала участок Бравичени – Дубоссары от 2-го Украинского фронта и полосу от 57-й армии до Бендер. Растянутая на 126-километровом фронте армия должна была прочно удерживать свои оборонительные позиции в готовности нанести удар из района Оргеев на Кишинев.

57-я армия Гагена (восемь стрелковых дивизий и одна танковая бригада) одним стрелковым корпусом прорывала оборону на участке Хаджимус – Киркаешты в направлении Урсойя, Фарладень, обходя Бендеры с юга.

Главными силами (пять стрелковых дивизий), сосредоточив их во втором эшелоне в районе Тирасполя, армия получила задачу развивать успех корпуса первого эшелона либо войти в прорыв южнее озера Ботно в полосе 37-й армии.

37-я армия Шарохина (девять стрелковых дивизий), усиленная 7-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской дивизией, проры-

вала оборону на узком 6-километровом фронте Фынтына-Маскулуй, Леонтина и, нанося удар в направлении Опач, Токуз, Чимишлия, к исходу четвертого дня наступления должна была выйти на рубеж железной дороги Бендеры – Болград, на участке Селемет - Лейпциг, продвинувшись в глубину вражеской обороны до 60 километров.

В дальнейшем армия развивала наступление на Карпиняны, отрезая противнику путь отхода за реку Прут, окружая и уничтожая совместно с войсками 2-го Украинского фронта кишиневскую группировку.

46-я армия Шлемина (десять стрелковых дивизий, две бригады морской пехоты), растянутая на 110-километровом фронте, осуществляла два удара. Главный наносился на правом фланге группировкой из семи стрелковых дивизий. Здесь армия прорывала оборону противника на 8-километровом участке Талмаз – Чобручу, действуя в направлении Волонтеровка, Тарутино. Взаимодействуя с 4-м механизированным корпусом, главные силы армии на четвертый день операции должны были выйти на линию железной дороги Кишинев – Болград. В последующем из района Тарутино они развивали наступление к устью Дуная, окружали и уничтожали части 3-й румынской армии.

Вспомогательный удар наносился на левом крыле через Днестровский лиман в направлении Аккерман (ныне Белгород-Днестровский) десантной группой под командованием заместителя командующего армией генерал-лейтенанта А. Н. Бахтина.

Для обеспечения форсирования лимана из Дунайской флотилии выделялись полуглиссеры, катера, десантные лодки. Боевые действия группы поддерживались отрядом корабельной поддержки и морской авиацией.

Важная роль в операции отводилась механизированным корпусам.

7-й механизированный (командир генерал-майор Ф. Г. Катков), приданный 37-й армии, и 4-й гвардейский механизированный (командир генерал-лейтенант В. И. Жданов) фронтового подчинения вводились в прорыв на рубеже Каушаны, Фиштелица. Устремившись вперед навстречу подвижным войскам 2-ю Украинского фронта, они должны были выйти к переправам на реке Прут в районе Леово, Котовское, где завершить окружение кишиневской группировки врага, не допуская ее отхода на юго-запад.

17-я воздушная армия получила задачу главными силами содействовать 37-й и 46-й армиям в прорыве вражеской обороны, а с вводом в прорыв механизированных корпусов прикрыть их с воздуха и сопровождать штурмовой и истребительной авиацией.

В резерве командующего фронтом оставался один стрелковый корпус трехдивизионного состава.

Перегруппировку войск фронта намечалось провести в период 10 - 18 августа. Готовность к наступлению была установлена на 20 августа.

Чтобы скрыть направление главного удара и ввести противника в заблуждение, Военный совет утвердил разработанный штабом план мероприятий по оперативной маскировке.

В его основу лег замысел создания ложной крупной группировки войск (стрелкового и механизированного корпусов, артиллерийской дивизии прорыва) на кишиневском направлении в районе Реймаровка, Глинное, Ташлык. Был разработан график прибытия частей на железнодорожные станции. Разгрузка их должна была производиться в предутренние часы, а выдвижение в районы сосредоточения – с наступлением вечерних сумерек. Для имитации выгрузки, передвижения и сосредоточения войск в ложном районе выделялись запасной полк 5-й ударной армии, инженерная бригада, два строительных батальона, артиллерийские и танковые подразделения.

В районе сосредоточения были построены свыше пяти тысяч шалашей, землянок и других укрытий, сотни макетов танков, орудий, самоходных установок, автомашин, развернута радиосеть. Ложный район усиленно прикрывался зенитной артиллерией и авиацией. При появлении над районом воздушной разведки противника открывался сильный огонь, поднималась истребительная авиация.

Незадолго до начала наступления на восточный берег Днестра были выдвинуты две артиллерийские батареи большой мощности. Кочуя с одной позиции на другую, тяжелые артиллерийские системы производили артиллерийскую пристрелку и разрушение вражеских укреплений. Одним словом, все было продумано до мелочей и проведено с большим мастерством. И следует сказать, план оперативной маскировки вполне оправдал себя. Даже в первый и второй день наступления войск фронта с кицканского плацдарма противник все еще считал, что это только вспомогательный удар, а главный вот-вот должен последовать на кишиневском направлении.

В последнюю декаду перед наступлением, когда планирование операции и боя перешло в штабы армий, корпусов и дивизий, внимание Ф. И. Толбухина было приковано к подготовке войск и штабов, организации взаимодействия между родами войск. Много внимания он уделял 37-й армии, которой по замыслу отводилась ведущая роль. Находясь в центре оперативного построения ударной группы, она мощным тараном рассекала вражеский фронт на две части, проникала в глубину обороны и первой выходила к реке Прут, окружая и уничтожая кишиневскую группировку противника.

Командующего фронтом часто видели на полях Карагаша и Слободзеи Молдаванской, где находился учебный центр армии. Взобравшись вместе с командармом Шарохиним и командующим артиллерией Неделиным на наблюдательную вышку, Толбухин внимательно следил за ходом батальонных учений, а затем с не меньшим увлечением подсчитывал пробоины, определял процент поражения выставленных в окопах чучел и мишеней. Если учение проходило успешно, Федор Иванович был оживлен и весел, после разбора долго беседовал с бойцами, благодарил их за службу, а командира батальона приглашал в палатку пообедать.

Его честная, беспредельно чистая душа раскрывалась в такие минуты во всей своей обаятельности.

В середине августа Федор Иванович побывал на оперативной игре, которую проводил командарм Шарохин с командирами корпусов и дивизий. Он спокойно покуривал, выдержанно и с тактом направлял игру в нужное русло. Все его советы и пожелания воспринимались участниками игры с глубокой признательностью.

5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.

(Блажей А. К. В армейском штабе. М., Военное издательство, 1967. С. 152-185).

Перехитрить, обмануть противника, ввести его в заблуждение!.. Что нужно делать, какие принять меры, чтобы немецко-фашистское командование не узнало заранее о концентрации на плацдарме советских войск для будущей наступательной операции? Этот вопрос волновал всех без исключения работников армейского штаба.

Офицеры заходили ко мне и Петру Андреевичу Дикову с самыми различными предложениями. Большею частью это были умные, деловые, всесторонне продуманные рекомендации, а иногда по-детски наивные, прямо-таки фантастические планы. Речь шла главным образом о мерах, обеспечивающих такой режим деятельности войск на плацдарме, который бы постоянно дезинформировал противника, лишал его возможности хотя бы приблизительно знать, где в данный день и час имеется наибольшее количество людей и боевой техники. Над частями и соединениями армии, как дамочков меч, висела угроза массированных бомбардировок с воздуха и внезапных артиллерийских ударов. Войска с исключительной строгостью выполняли приказ на жесткую оборону.

Штаб разработал подробный план мероприятий по маскировке войск. Была образована специальная маскировочная группа во главе с заместителем начальника оперативного отдела подполковником Г. К. Саркисяном. Главная ее задача состояла в том, чтобы обеспечивать тщательную маскировку истинных объектов, не слишком навязчиво показывать противнику ложные объекты и строжайшим образом следить за соблюдением режима движения не только на плацдарме, но и на левом берегу Днестра. Все старые дороги, ведущие на плацдарм, пришлось перекрыть и построить вместо них новые, которые в меньшей степени просматривались с воздуха. Открытые участки дорог (движение на них было односторонним) завешивались маскировочными сетями. Всюду были установлены офицерские контрольные и диспетчерские посты, имевшие прямую телефонную связь с соответствующими штабами. Движение в сторону плацдарма велось исключительно в темное время суток. Водителям автомашин и механикам-водителям танков категорически запрещалось включать свет. С плацдарма же на восточный берег реки машины иногда двигались днем или ночью с включенными фарами. Это делалось тоже в соответствии с планом маскировки с целью дезинформации наблюда-

телей противника. Самым тщательным образом маскировались окопы, траншеи, огневые позиции артиллерии. Качество маскировки систематически проверяли с земли и с воздуха ответственные офицеры штаба армии, в том числе командующие родами войск. В подобных проверках принимали участие также генералы Шарохин, Шабанов, я, командиры и начальники штабов корпусов.

Мы предполагали - и, как потом выяснилось, не без оснований, - что гитлеровцы оставили на освобожденной нашими войсками территории своих тайных агентов. Выявить их сразу, разумеется, не было возможности, а каждый такой агент-шпион мог нанести большой вред, свести на нет все наши планы. Чтобы избежать напрасных потерь среди гражданского населения от артиллерийского огня противника, Военный совет армии принял решение: временно отселить с плацдарма и из прибрежных населенных пунктов в тыл всех местных жителей.

Отселение прошло в основном организовано. В течение трех дней из прифронтовой зоны выехали в тыл жители расположенных на плацдарме сел Кицкань, Копанка, Меренешть, а на левом берегу Днестра - жители города Тирасполя и других населенных пунктов. В двадцатипятикилометровой зоне было разрешено остаться лишь уполномоченным - по одному на каждые десять домов. Это были, прежде всего, партийные и советские активисты, недавние партизаны, словом, люди надежные. Они наблюдали за сохранностью имущества граждан. Через уполномоченных же осуществлялась необходимая связь между военными и гражданскими властями.

По линии штаба пришлось принимать меры, направленные на предотвращение возможных просчетов. Командующий армией подписал приказ, согласно которому выход к переднему краю обороны бойцам и командирам частей обслуживания разрешался только в строго определенных местах, с ведома командиров дивизий и обязательно в сопровождении командира роты или батальона. Такой порядок был установлен и для направляемых во вражеский тыл разведывательных групп.

Приказ командующего запрещал до начала наступления пользоваться радиопередатчиками - их опечатали. Разговоры по телефону разрешались только ограниченному числу командиров и штабных офицеров. На всех узлах и линиях связи была установлена жесткая служба контроля. Запрещалось также использовать средства связи для передачи служебной информации, даже шифрованной, в которой прямо или косвенно затрагивались вопросы, связанные с подготовкой наступления.

Настойчивая борьба с вражеской агентурой, неустанная забота о маскировке войск и боевой техники, строгий порядок в использовании средств связи - все это позволило вести подготовку к наступлению в условиях полной скрытности, а впоследствии обеспечило внезапность удара по вражеской обороне и дальнейшее развитие успеха.

Противник до самого последнего момента не предполагал, что главный удар по его обороне будет нанесен с кицканского плацдарма. Об этом убедительно свидетельствует признание начальника штаба 6-й не-

мецкой армии. «Нашей разведке не удалось получить определенные данные о количестве и численности подтягиваемых соединений, - писал он. - Как показали дальнейшие события, тот факт, что в глубине противника не производилось надлежащей разведки, значительно усугубил серьезность положения». Работа над планом наступательной операции продолжалась. Ею в той или иной степени под видом учений с войсками и штабных игр были постоянно заняты все звенья аппарата армейского и подчиненных штабов. И по мере того как план уточнялся, совершенствовался, принимал конкретные формы, требовались все более точные и обширные данные о противнике. Иными словами, чтобы принять окончательное решение, нужно было полнее знать диспозицию врага - численность и расположение его войск в полосе обороны и будущего наступления армии, схему укреплений, минных заграждений, расположение огневых точек, резервов.

В соединениях и частях первой линии наших войск была развернута густая сеть наблюдательных пунктов, на которых круглые сутки дежурили офицеры. Много времени на НП проводили, в частности, командиры и начальники штабов соединений. Постоянное наблюдение за противником велось также с четырех армейских наблюдательных пунктов. Но это позволяло видеть, да и то не на всех участках, только самый передний край обороны гитлеровцев. А где проходят вторая и последующие траншеи? Где находятся огневые позиции артиллерии? Какие перегруппировки войск происходят во вражеском тылу? Все эти вопросы требовали самых точных ответов.

В тыл немецко-фашистских войск регулярно вылетали фронтовые воздушные разведчики, производили аэрофотосъемки. Однако съемки с воздуха тоже не вносили полной ясности. Наилучшим источником получения информации о положении в ближайшем и более глубоком тылу противника могли бы быть пленные, «языки», но, как я уже упоминал, захватывали их наши разведчики довольно редко, к тому же, как правило, только солдат и ефрейторов. Тем не менее, каждый допрос «языков» давал какой-то материал для раздумий, анализа, сопоставлений. На допросы пленных начальник разведотдела полковник Щербенко обычно приглашал либо меня, либо генерал-майора Шабанова, а иногда и командующего армией, если тот не был занят более важным и срочным делом.

Наши разведывательные группы действовали не только в районе переднего края вражеской обороны, но и в более глубоком тылу.

Однажды ночью шесть разведчиков 28-й гвардейской дивизии во главе со старшим сержантом Нестеровым отправились за линию фронта в четырехсуточный поиск. В качестве проводника с ними пошел один из местных жителей, хорошо знавший широкую полосу плавней, которая вклинивалась в расположение врага, была заминирована и считалась непроходимой. Риск, конечно, был большой, но все обошлось благополучно.

За четверо суток группа Нестерова нанесла на карту систему оборо-

ны противника, характер оборонительных сооружений и расположение нескольких артиллерийских батарей вдоль западного берега реки и озера Ботно. Разведчики установили, в частности, что оборона гитлеровцев имела траншеи полного профиля с густой сетью ходов сообщения, площадки для пулеметов, проволочные заграждения в два-три кола и несколько дзотов на отдельных участках вдоль берега реки Ботно, а в Хаджимусе - снайперские и пулеметные гнезда в приспособленных к обороне домах.

Сведений о силах и средствах противника, о его обороне у нас накапливалось с каждым днем все больше. Разведчикам удалось, например, задолго до наступления определить расположение значительного числа вражеских артиллерийских батарей, а в конце июля многие из них были уничтожены совместным ударом нашей авиации и артиллерии.

Операция по разгрому вражеских батарей была проведена быстро, четко и, я бы сказал, с определенным изяществом. Штурмовики 17-й воздушной армии и наши артиллеристы действовали в тесном контакте.

Инженерные работы действительно приходилось вести в необычайно сложных и трудных условиях. Окопы, траншеи, укрытия для артиллерийских орудий, блиндажи отрывали так называемым «сапным» способом, не выбрасывая землю на поверхность.

С предельным напряжением работал штаб инженерных войск армии, возглавляемый подполковником М. И. Ивановым. Днем офицеры штаба, как правило, находились в дивизиях и полках: изучали местность, мысленно определяли трассы будущих траншей и переходов, вместе с артиллеристами намечали позиции батарей. По ночам чертили, планировали, рассчитывали. На кальках рождались проекты, которые вскоре воплощались в оборонительные сооружения, дороги, дамбы, водоразборные колодцы, дзоты...

Несмотря на близость грунтовых вод, линии траншей, или «сапов», тайных подкопов, как их называли в старину, с каждым днем все ближе подтягивались к рубежу вражеской обороны. К концу июля наша передовая траншея пролегла уже всего в пятидесяти - ста метрах от немецких окопов. Она была так искусно замаскирована, что почти не просматривалась ни с воздуха, ни с земли. К тому времени общая протяженность траншей и ходов сообщения на плацдарме достигла без малого двухсот километров. Это были целые улицы с ответвлениями, переулками, разъездами, тупиками и площадками, отрытые в земле, во многих местах имевшие деревянные мостовые. От околиц сел Кицкань и Копанка к переднему краю вели четыре сплошные траншеи, по ширине и глубине напоминавшие противотанковые рвы. Это были главные артерии снабжения и питания войск, державших оборону, пути для перегруппировки, смены и вывода частей в исходное положение.

Особенно много заботы и изобретательности приходилось проявлять военным инженерам, инженерным частям и подразделениям при оборудовании огневых позиций артиллерии. В соответствии с планом опера-

ции орудия и тяжелые минометы предполагалось устанавливать, по существу, колесо к колесу. Тут же, поблизости, должны были находиться тягачи, лошади, склады боеприпасов.

- Просто ума не приложу, как мы все это укроем, - жаловался мне генерал Голдович. - Соорудить укрытие для стрелка или пулеметчиков - пустяки. Их позиции можно замаскировать так, что не обнаружишь, находясь даже рядом. А пушки в карман не спрячешь. Их так много, что при всем желании не скроешь...

Осунувшийся, с темным от загара лицом, с запавшими от постоянно недосыпания глазами, Александр Иванович тут же добавлял, как бы отбрасывая сомнения:

- А делать все-таки надо... Самим делать. Ни на кого этих забот не переложить...

И снова Голдович уезжал в войска. Волновавшие его вопросы маскировки артиллерийских позиций решались, в конце концов, так, как этого требовала обстановка. Для достижения цели использовалось все, что только было возможно использовать: маскировочные сетки, дерн, курстарник, пересаживаемые с одного места на другое деревья. Постепенно артиллерийские позиции покрывались, словно волшебной шапкой. Лишь внимательно присмотревшись, можно было увидеть верхушку стереотрубы или ствол дежурного орудия. Все остальное надделено спрятано.

В траншеях и окопах оборудовались глубокие убежища для хранения боеприпасов и всевозможной боевой техники, «лисьи норы» для стрелков, пулеметчиков, артиллерийских и танковых расчетов.

Зарываясь в землю, армия маскировалась столь искусно, что противник, несмотря на все старания, оставался в неведении насчет ее замысла. Плацдарм становился все более похожим на своеобразный укрепленный район, рассчитанный на долговременную оборону.

Это было достигнуто титаническим, многодневным трудом бойцов и офицеров всех родов оружия. Каждый из них вложил в общее дело много сил и энергии, а некоторые отдали самое дорогое - жизнь. Но я, пожалуй, не ошибусь, если скажу, что главная заслуга в инженерной подготовке кицканского плацдарма к развертыванию наступательной операции по праву принадлежала инженерным частям армии и корпусов, саперным подразделениям дивизий и полков. Они сделали все, на что были способны.

... Много споров было, например, об оперативном построении войск армии в исходном положении для прорыва. Некоторые товарищи настойчиво предлагали трехэшелонный вариант. Такое предложение обосновывали тем, что участок прорыва очень узок и поэтому, дескать, больше чем одной-двум стрелковым дивизиям с приданными частями в такую горловину одновременно не пробиться. Довод, казалось, убедительный. Но когда зашла речь о вводе в сражение второго, а затем третьего эшелонов армии, стало очевидно, что при таком варианте развитие наступления может затормозиться. Противник, имея свободу маневра, успеет

подвести резервы и организовать оборону на заранее подготовленных рубежах. Иначе говоря, мы рисковали потерять темп, тогда как при расчете на победу наступающий должен непременно упреждать обороняющегося. Исходя из этого, был принят более надежный вариант двухэшелонного оперативного построения армии.

А как строить боевые порядки корпусов, дивизий, полков? По этому вопросу тоже имелось немало различных суждений. Опыт учений, проведенных со штабами, а затем на учебном полигоне с войсками, показал, что и тут нельзя придерживаться шаблонной тактики. Решено было боевой порядок корпусов строить в два эшелона, а в дивизиях и полках, в зависимости от обстановки, иметь двух- и трехэшелонное построение. И в этом был большой смысл: на узком участке прорыва гораздо легче ввести в бой из глубины батальон, нежели целый полк.

Несколько опережая события, можно сослаться на такие примеры.

333-я стрелковая дивизия, действовавшая во время прорыва на главном направлении, имела все полки в одном эшелоне, а каждый из полков в свою очередь имел трехэшелонный боевой порядок, что позволило на узком, в два километра, участке быстро, без суеты и суматохи при незначительных потерях ввести в сражение всю дивизию.

10-я гвардейская воздушнодесантная дивизия наступала на более широком, шестикилометровом, участке, ее полки действовали тоже в одном эшелоне. В резерве командир дивизии оставил только один батальон. Но здесь такое построение боевого порядка обуславливалось иными соображениями. Передний край обороны противника на участке 10-й гвардейской проходил по высокому обрывистому берегу. Чтобы атаковать вражеские позиции, нашим солдатам и офицерам нужно было преодолеть вброд или вплавь старое русло Днестра, а затем взбираться вверх по крутым и извилистым тропам. В этих условиях любая задержка, неизбежная при поэшелонном вводе частей дивизии в бой, могла сказаться отрицательно.

Внимательного изучения требовал и вопрос о времени ввода в сражение второго эшелона армии и развитии прорыва в глубину. Дискутировались в основном два варианта. Если наш правый сосед - 57-я армия в первый же день наступления прорвет немецкую оборону и выйдет на оперативный простор, то мы намечали ввести свой второй эшелон с утра четвертого дня наступления на рубеже речки Чага. Однако такая ситуация была маловероятной. Еще в апреле мы на собственном опыте убедились, что прорвать сильно укрепленную оборону врага южнее Бендер с первого удара вряд ли возможно. Поэтому был принят более реальный вариант. С первого же дня наступления мы решили последовательно разворачивать свой правофланговый корпус вправо, чтобы содействовать успеху соседа. А второй эшелон армии ввести в сражение раньше - с утра третьего дня операции - на рубеже Опач, Брезоя с задачей развивать наступление в общем направлении на Токуз, Чимишлия. Что же касается левого фланга, то он не вызывал у нас опасения. Для взаимодействия с правофланговым

корпусом 46-й армии, наступавшим в составе ее основной группировки на главном направлении, мы выделили лишь одну стрелковую дивизию.

Вводить в сражение подвижную группу в период учений не намечали, поскольку ее у нас не было. 7-й механизированный корпус прибыл к нам за несколько дней до начала наступательной операции.

В процессе предварительной работы над планом в штабе не раз возникали споры о порядке применения танков непосредственной поддержки пехоты. До подхода 7-го механизированного корпуса армия располагала двумя танковыми и тремя самоходными артиллерийскими полками. Они придавались корпусам первого эшелона (за исключением одного самоходного полка, оставленного в армейском резерве). Ни у кого не вызывала сомнения необходимость использовать танки и самоходки для нанесения массированного удара на главном направлении. Спор шел о другом: ввести их в бой, как обычно, впереди пехоты для прорыва вражеской обороны или после, когда стрелковые части овладеют первой оборонительной позицией противника? Дело в том, что участок будущего прорыва неоднократно минировали не только наши войска, но и гитлеровцы. В некоторых местах мины были заложены в два-три этажа. Их залило водой, затянуло песком и илом, летом весь участок покрылся густой травой. Многие мины к тому же были поставлены на неизвлекаемость. В такой ситуации невозможно было проделать надежные, безопасные проходы для танков почти под носом у противника.

- Мы сделаем все, чтобы обеспечить проходы в минных полях, – докладывал на одном из совещаний у командующего генерал Голдович. - Однако ручаться, что в них не останется мин, я не могу.

С этим нельзя было не считаться. И командующий вопреки, казалось бы, незыблемому порядку применения танков и самоходок непосредственной поддержки пехоты принял решение ввести их в бой только после того, как стрелковые части углубятся на полтора-два километра в оборону врага, то есть прорвут первую оборонительную позицию. В дальнейшем предполагалось использовать танки и САУ, как обычно, для поддержки пехоты, для помощи ей в захвате новых рубежей и развитии успеха в глубине обороны немецко-фашистских войск. Решение на первый взгляд несколько необычное, но оно диктовалось обстановкой.

В планировании и организации артиллерийского обеспечения тоже имелись свои особенности, которые опять-таки обуславливались тактической ограниченностью и невыгодностью плацдарма, узостью участка будущего прорыва. Средства артиллерийского усиления армия получила незадолго до начала наступательной операции, а до того планирование приходилось вести по приблизительным расчетам. Тем не менее, огневые позиции готовились для значительно большего количества артиллерии, чем та, какой мы располагали.

Подробный исполнительный план артиллерийского наступления был разработан штабом командующего артиллерией к 12 августа, когда уже точно было известно, на какие средства усиления мы могли рассчиты-

вать. Планом предусматривалась артиллерийская подготовка атаки, а также поддержка и сопровождение пехоты и танков во время боя в глубине обороны противника. Поддержку пехоты и танков намечалось осуществлять методом ординарного огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину до 1,6 километра.

Для быстрого и надежного уничтожения огневых точек, дотов и дзотов противника, его наблюдательных пунктов, для проделывания проходов в проволочных заграждениях и минных полях, для разрушения стыков траншей и ходов сообщения были образованы особые артиллерийские группы для стрельбы прямой наводкой. В состав таких групп входили орудия различных калибров вплоть до двухсоттрехмиллиметровых гаубиц. На каждый километр фронта прорыва определялось до тридцати орудий, которые должны были вести огонь прямой наводкой. Общая же оперативная плотность артиллерии планировалась из расчета двести пятьдесят орудий и минометов на километр фронта прорыва.

Одновременно с планом артиллерийского обеспечения был составлен подробный график выхода артиллерии в районы предварительного сосредоточения и в районы развертывания. В соответствии с графиком из районов предварительного сосредоточения артиллерия перебазировалась в районы развертывания под покровом темноты лишь после того, как были подготовлены наблюдательные пункты и огневые позиции. Ввиду того что делалось это в самый разгар перегруппировки стрелковых и танковых частей, мы вынуждены были создать специальную артиллерийскую комендантскую службу, ставшую составной частью общевойсковой службы регулирования.

В связи с тем, что стрелковым полкам предстояло действовать на очень узких участках, где невозможно было разместить полковые артиллерийские группы и приданную им артиллерию, планом предусматривалась непосредственная поддержка каждой стрелковой части лишь тремя-четырьмя артдивизионами, а своих полковых артиллерийских групп они не имели.

Сосредоточение большой массы артиллерии на узком по фронту участке требовало исключительно твердой централизации управления ею. Недостаток дорог при смене огневых позиций мог вызвать путаницу, неразбериху, отставание артиллерии. Чтобы избежать этого, в каждой дивизии для поддержки стрелковых полков первого эшелона создавались специальные артиллерийские группы (ДАГ) в составе от шестидесяти до девяноста пяти орудий и минометов. Это позволило в ходе наступления выделять в распоряжение командиров стрелковых батальонов по одной-две батареи. Восьмидесятидвух - и стодвадцатимиллиметровые минометы дивизий второго эшелона каждого стрелкового корпуса сводились в общую группу под единым командованием. Чтобы надежно обеспечить правый фланг армии и подавить огневую систему противника, на западном берегу реки Ботно была образована особая группа в составе 104 восьмидесятидвухмиллиметровых минометов, которую возглавил командующий артиллерией корпуса полковник Б. Н. Муфель.

При всей важности детальной разработки плана наступательной операции еще более необходимо было подготовить к предстоящим боям личный состав войск и штабы. Без этого даже самый блестящий замысел командования мог остаться сражением на бумаге. Боевая подготовка войск и штабов в период обороны составляла основу основ планируемого наступления.

На протяжении всего периода обороны боевая подготовка войск и штабов велась непрерывно, в строгом соответствии с планом и графиком, утвержденными командующим фронтом. Учебные мероприятия были расписаны на каждый день до полка включительно.

Офицерский состав войск от командиров взводов и выше привлекался на специальные учебные сборы, которые проводились в полках, дивизиях и корпусах под руководством соответствующих командиров.

Командиры полков и их заместители, начальники разведотделений корпусов и дивизий проходили учебные сборы при штабе армии. Для молодых командиров, особенно влившихся в армию из запаса, эти занятия стали в полном смысле слова краткосрочной академией военных знаний.

Много внимания уделялось практической и теоретической подготовке штабных офицеров к решению новых боевых задач.

Во второй половине июня я с группой работников оперативного отдела проверил деятельность штабов корпусов, ряда дивизий и некоторых полков. Оказалось, что далеко не все штабные офицеры правильно понимали свою роль в управлении войсками.

Докладывая командующему результаты проверки, я предложил провести семинар руководящих оперативных работников штабов корпусов и дивизий. Генерал Шарохин согласился со мной, и такой семинар вскоре состоялся.

Систематически проводились в армии игры на макете и на штабных картах с командирами и начальниками штабов соединений, а также тактические занятия и учения войск на полигоне. Изучались и практически отрабатывались самые насущные вопросы организации боя и взаимодействия. Иначе говоря, проводились своеобразные репетиции будущих боев.

Какие цели ставило перед собой командование армии при обучении штабов и войск? Подготовить соединения и части к четким, согласованным действиям в наступательной операции; выработать единство взглядов по всем оперативным и тактическим вопросам; определить и практически отработать наиболее целесообразные методы прорыва вражеской обороны, формы оперативного и боевого построения войск, маневра; добиться дальнейшего улучшения форм и методов управления войсками.

На восточном берегу Днестра, в районах сел Чобручи и Слободзея, мы оборудовали большой учебный полигон с примерной копией вражеских укреплений на участке будущего прорыва: окопами полного профиля и траншеями на всю тактическую глубину, артиллерийскими позици-

ями, районом расположения резервов. Для отработки единства действий войск при прорыве на полигоне неоднократно проводились показательные учения с боевой стрельбой.

Мы, конечно, в известной степени рисковали, отводя дивизии второго эшелона и резерва армии на восточный берег Днестра, за двадцать - тридцать километров от переднего края. Однако этот риск был вполне оправданным, а в определенной мере являлся и необходимым.

Первое показательное учение состоялось 18 июня. Его проводил командующий армией генерал Шарохин с одним из полков 28-й гвардейской стрелковой дивизии. Тема - «Наступление усиленного стрелкового полка с прорывом укрепленной обороны противника». На учение привлекались все командиры корпусов, дивизий и полков, находившихся во втором эшелоне и армейском резерве, командующие артиллерией соединений и частей, участники армейских сборов.

На примере наступления полка все присутствовавшие учились передовому опыту взаимодействия. Каждый боец и командир полка знал свое место в бою. Всем примерно было известно, где укрывался противник, куда нужно нацеливать основной удар. При этом можно было довольно точно судить об эффективности огня и потерях оборонявшихся. В ходе боя генерал Шарохин делал необходимые замечания, корректировал действия рот, батальонов и подразделений связи. Таким образом, выявлялись и впоследствии устранялись возможные просчеты и недостатки наших планов и графиков реального наступления.

Спустя несколько дней на том же полигоне состоялось показательное учение со 195-й стрелковой дивизией, усиленной танками, артиллерией и поддерживаемой штурмовой авиацией с боевым бомбометанием. На учении присутствовали командующий фронтом генерал Ф. И. Толбухин с ответственными работниками штаба фронта, командующие соседними армиями, командиры корпусов и дивизий второго эшелона и резерва нашей армии, начальники штабов и родов войск этих соединений, ну, и, естественно, большое число генералов и офицеров армейского штаба. Командовал дивизией полковник Иван Сергеевич Шапкин.

Главную заботу командующего и штаба, естественно, составляли вопросы устойчивости и непрерывности управления войсками. А это в большой степени зависело от системы пунктов управления, их подвижности, своевременного перемещения штаба с одного пункта на другой и умелой организации связи.

На период прорыва вражеской обороны и боя в тактической глубине управление войсками планировалось осуществлять с основных командных и наблюдательных пунктов командарма, а также с соответствующих пунктов командиров корпусов и дивизий первого эшелона. В исходном положении для наступления были подготовлены запасные пункты управления. Все командные, наблюдательные и запасные пункты имели между собой постоянные проводные линии связи, для чего широко использовались трофейные средства. Что касается табельных средств связи, то они

были отремонтированы и зарезервированы до начала наступательных действий. Во время прорыва вражеской обороны управление войсками осуществлялось главным образом по линии наблюдательных пунктов, которые с прибытием командарма и оперативной группы штаба сразу превращались в передовые командные пункты.

Наличие необходимого числа заблаговременно оборудованных пунктов управления (КП, НП, ЗПУ), а также вспомогательных узлов связи, каждый из которых можно было быстро развернуть в узел связи основного КП армии, позволяло обеспечивать не только устойчивость, но и скрытность управления войсками, давало возможность маневрировать.

Помнится, в августе, когда авиация и артиллерия противника стали систематически бомбить и обстреливать район Суклеи, где размещался командный пункт армии, командарм и штаб немедленно переместились в район Ближнего Хутора на ЗПУ. В тот же день, однако, выяснилось, что и новое место расположения КП может быть известно немецко-фашистскому командованию. В связи с этим командарму и оперативной группе штаба ночью снова пришлось перебазироваться в район Суклеи, а потом во Владимировку, на другой ЗПУ.

В разработке системы пунктов управления и в организации их обслуживания первостепенная роль принадлежала штабу армии. Огромную работу провели в этом плане начальник инженерных войск генерал А. И. Голдович, начальник связи полковник П. П. Туровский, подчиненные им части и подразделения.

Мобильность и непрерывность управления войсками находились также в прямой зависимости от слаженности и четкости в работе оперативного отдела, от уровня подготовки и умения его работников образцово выполнять свои многотрудные обязанности. Если принято считать, что штаб – мозг армии, то оперативный отдел с полным основанием можно назвать его центральным, непрерывно действующим организмом, с помощью которого командование осуществляло координацию и регулирование всей жизни и боевой деятельности армии, ее соединений и частей.

Полковник Петр Андреевич Диков, возглавлявший оперативный отдел, навсегда запомнился мне человеком неистощимой энергии и неутомимой работоспособности. Когда он отдыхал и отдыхал ли вообще - так и осталось для меня загадкой. Заглянешь в полночь - сидит за столом, что-то чертит, наносит на карту, либо читает донесения, поступившие из корпусов и дивизий.

- Не пора ли отдохнуть, Петр Андреевич?

- Вообще-то, может, и пора, да дел много. Придется еще часок-другой посидеть...

«Часок-другой» нередко продолжался до рассвета. А утром полковник Диков, словно и не было бессонной ночи, - чисто выбритый, подтянутый - либо уезжал в войска, либо уточнял что-то по телефону, либо снова работал с картой.

Впрочем, со временем в штабе не считался никто. Такими же бес-

покойными людьми были заместители Дикова подполковники Аркадий Николаевич Шурупов и Михаил Демьянович Чудный.

... Подготовка наступления с кичканского плацдарма была, как я уже говорил, серьезным экзаменом и для наших армейских связистов.

Система связи на плацдарме была чрезвычайно сложной. От Днестра до переднего края обороны в самых различных направлениях тянулись провода. Линии надо было постоянно поддерживать в рабочем состоянии. Между тем некоторые из них чуть ли не ежедневно выходили из строя в результате артиллерийских обстрелов и бомбежек. К тому же до самого начала наступления на плацдарме почти непрерывно велась перегруппировка войск. Это требовало и своеобразной перегруппировки средств связи.

Много внимания уделяли П. П. Туровский и его подчиненные совершенствованию радиосвязи. Именно тогда наши связисты впервые применили дистанционное управление рациями при помощи выносных средств. Это дало возможность не демаскировать пункты управления расположением поблизости большого числа радиостанций, исключить взаимные помехи, повысить устойчивость работы раций в условиях артиллерийских обстрелов и бомбежек. А главное - мы с командующим армией могли теперь вести радиопереговоры с соединениями со своего рабочего места. Тогда же по инициативе П. П. Туровского была введена и другая новинка - радиокоммутация. Через радиокоммутатор каждый офицер штаба мог с пункта управления связаться с абонентами из войск, а абоненты соседних радионаправлений - между собой.

Радиокоммутация и дистанционное управление рациями намного повысили живучесть средств связи, что в конечном счете способствовало повышению мобильности, эффективности и оперативности управления войсками.

Несмотря на трудности, полковник П. П. Туровский и его помощники с честью выдержали «плацдармный экзамен». Побывавший в августе на кичканском плацдарме начальник связи фронта генерал-лейтенант И. Ф. Королев так оценил их работу: «Считаю организацию и состояние узлов связи и опорных пунктов образцовыми. Выражаю полковнику Туровскому Петру Павловичу и всем связистам армии благодарность».

27 июля генерал Ф. И. Толбухин провел военную игру, в которой приняли участие руководящие работники управления штаба фронта, командующие и начальники штабов армий. Военный совет фронта полностью одобрил представленный нами доклад и план наступательной операции с кичканского плацдарма. Однако долгожданную директиву фронта с указанием даты начала наступления мы получили лишь 8 августа. В ней указывалось, что на период наступательных боев нам придаются 7-й мехкорпус генерала Ф. Г. Каткова, а также несколько артиллерийских и минометных частей усиления. Времени на окончательную, генеральную подготовку к прорыву, на организацию взаимодействия с соседями, авиацией и танками оставалось мало, а работы было еще невпроворот.

В связи с прибытием войск усиления и изменением разграничительных линий предстояло произвести перегруппировку сил, сделать кое-какие перерасчеты, внести существенные коррективы в план.

Директива была строго секретной. С ней мы ознакомили только узкий круг генералов и старших офицеров полевого управления армии. Такая предосторожность была вовсе не лишней: гитлеровцы продолжали усиленно охотиться за нашими военными секретами.

До рассвета мы с полковником Диковым составляли проект приказа, ставившего войскам задачи на подготовку к наступлению. В соответствии с решением командарма будущую наступательную операцию предстояло еще раз проиграть на макете с командирами корпусов и дивизий, после чего провести заключительную рекогносцировку и организацию взаимодействия на местности.

На рассвете следующего дня, когда приказ был подписан, в штабе собрались командиры соединений. Помнится, генерал Шарохин обратился к ним с такими словами:

- Давайте, товарищи командиры, еще разок посмотрим, что делается на переднем крае, проведем, так сказать, генеральную инспекцию, заглянем в ближайшее будущее.

- А что, скоро начинаем? - спросил генерал Котов, привычно поглаживая бритую голову.

- Теперь уж скоро, товарищ Котов! - улыбнулся Михаил Николаевич.
- Читайте приказ. Надеюсь, он вас обрадует. Ждать осталось недолго.

Несколько минут, пока командиры соединений знакомились с приказом, в просторной комнате стояла напряженная тишина. Потом все разом заговорили, посыпались шутки, реплики. Новый приказ, как и предполагал командарм, обрадовал собравшихся: войскам и их начальникам давно осточертело топтаться на месте. Люди рвались в наступление.

Штабная игра на макете, проведенная с командирами корпусов и дивизий на запасном командном пункте армии в районе Кицкан, показала, что командиры соединений готовы к наступательной операции и прекрасно уяснили стоящие перед ними задачи.

9 августа для согласования вопросов взаимодействия к нам в армейский штаб прибыли вместе с начальниками своих штабов командир 7-го механизированного корпуса генерал Ф. Г. Катков и командир 9-го смешанного авиационного корпуса генерал О. В. Толстик, приехал также начальник штаба 17-й воздушной армии генерал Н. М. Корсаков.

При распределении ресурса самолето-вылетов мне и Чистякову пришлось изрядно поспорить с Олегом Викторовичем Толстиком. Ресурс самолето-вылетов был ограниченным, а целей много. Мы кропотливо распределяли их между артиллеристами и авиаторами. По ближайшим к переднему краю целям должна была наносить удар артиллерия, а по целям, недосягаемым для артиллерии, - авиация. Наибольшее число самолето-вылетов запланировали на первый день наступления - четыреста пятьдесят истребителей и триста восемьдесят штурмовиков, а на второй день соответственно по триста самолето-вылетов; с вводом в сражение

7-го механизированного корпуса главные усилия авиакорпуса решили бросить на его поддержку и обеспечение.

Для ввода в сражение частей 7-го механизированного корпуса предусматривалось два варианта: по первому - корпус должен был вступить в бой утром второго дня наступления с рубежа высота 210.4 (юго-восточнее Каушаны), Попяска в направлении Чимишлия, Карпиняны; по второму - с утра третьего дня наступления с рубежа Опач, Брезоя. Лавину машин механизированного корпуса (двести восемь танков и САУ, массу другой боевой техники) необходимо было пропустить сквозь горловину прорыва, суженную минными полями, и сквозь поток стрелковых и артиллерийских частей с исключительной точностью по времени. В противном случае мог замедлиться темп наступления армии. В связи с этим оба варианта ввода мехкорпуса пришлось тщательно отрабатывать на макете местности. Генерал Шарохин лично проверял готовность частей усиления к наступательной операции, знание их командирами конкретных задач. Кстати, до начала наступления ни войскам армии, ни приданным войскам мы не отдавали письменных приказов — командирам предлагалось все держать в памяти. Детальный, тщательно разработанный, неоднократно проверенный в ходе штабных и полевых учений план наступления имелся в единственном экземпляре лишь в штабе армии.

Когда речь заходит сейчас о минувших боях, в частности, о подготовке наступления с кицканского плацдарма, мне иногда приходится слышать: действительно ли была необходима столь жесткая централизация планирования операции? Не подменяли ли тем самым командующий армией и его штаб командиров корпусов, дивизий, полков, взяв на себя их функциональные обязанности? Ответ здесь может быть только один: мы никого не подменяли. Принимая те или иные решения, командарм непременно учитывал все разумные предложения нижестоящих командиров и штабов. К тому же в пределах своих функциональных обязанностей они, как правило, действовали самостоятельно. Централизация распространялась лишь на вопросы планирования наступательной операции и диктовалась специфическими условиями дислокации армии, особенностями кицканского плацдарма.

Противник, как уже упоминалось, просматривал со своих позиций весь плацдарм. В этих условиях только строжайшая регламентация действий войск позволяла скрытно готовить наступление. Армии предстояло прорываться на очень узком участке фронта со слабо прикрытым правым флангом. Такой маневр надо было спланировать с ювелирной точностью, учитывая взаимодействие десятков, сотен подразделений, каждому из которых ставилась своя, особая задача. Необходимы были точнейшие расчеты, возможные лишь при централизованном планировании и строгом контроле.

В дни, предшествовавшие началу наступления, на плацдарме происходила непрерывная перегруппировка войск и техники. Нам удалось провести ее скрытно, без суеты, без ненужных встречных переходов, а главное - без потерь. В данном случае тоже немаловажную роль сыграло

централизованное планирование. Было рассчитано по минутам: кто, откуда, когда и в каком направлении должен двигаться.

Пехота с пулеметами и легкими минометами передвигалась по глубоким траншеям всего в сотнях, а нередко и в десятках метров от первой оборонительной линии врага, но наблюдатели противника не смогли ее обнаружить. Лабиринт траншей на плацдарме напоминал улицы города. Траншеи имели свои номера и даже названия, перекрестки - указатели. Благодаря умелому, всесторонне продуманному инженерному оборудованию плацдарма наши войска даже во время массированных вражеских бомбежек и сильных артиллерийских обстрелов почти не несли потерь.

В последние перед наступлением дни особенно много пришлось поработать нашим снабженцам-тыловикам. К переднему краю непрерывно подходили резервы, подвозились боеприпасы, подтягивалась боевая техника.

На армейскую базу снабжения - станцию Мигаево и разгрузочные станции Тирасполь, разъезд Ново-Савицкий грузы доставлялись по восстановленной железной дороге, как правило, в темное время суток. Гитлеровцам, несмотря на все попытки, не удалось разбомбить наши склады.

На участке от Тирасполя до Слободзеи Русской мы имели девять переправ через Днестр. Деревянные мосты были подводными и с воздуха не просматривались. Наплавные переправы разводились и маскировались по утрам. Всякое движение на берегах Днестра днем прекращалось.

Противник, безусловно, догадывался о существовании мостов и переправ, но установить точно их местонахождение так и не смог. Бомбардировки велись, как правило, наугад.

Начальником автоотдела армии был в то время молодой, энергичный подполковник Александр Васильевич Руненков. Армия располагала двумя автобатами. Большое количество машин для подвоза боеприпасов имели также корпуса, дивизии, полки. Требовалось подлинное искусство, чтобы за несколько коротких летних ночей перевезти около двадцати тысяч тонн грузов и не насторожить противника. Автомобилисты под руководством подполковника Руненкова блестяще справились с этой задачей.

6. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В. А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно-исторического журнала.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 13-28).

В начале августа 1944 г. Ставка Верховного Главнокомандования

направила командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами директиву, согласно которой войска обоих фронтов должны были окружить и уничтожить крупную группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем оба фронта должны были наступать на Фокшаны, Галац, Измаил.

Войскам 2-го Украинского фронта (командующий генерал армии Р. Я. Малиновский, член Военного совета генерал-лейтенант И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров) предстояло прорвать оборону противника северо-западнее Яссы, и нанести удар в общем направлении на Яссы, Васлуй, Фэльчиул. Прежде всего войска фронта должны были овладеть рубежом Бакэу, Васлуй, Фэльчиул и во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта окружить и уничтожить яско-кишиневскую группировку противника, не допустив ее отхода на Бырлад, Фокшаны. После разгрома яско-кишиневской группировки противника войскам фронта предстояло развивать дальнейшее наступление в общем направлении на Фокшаны, обеспечивая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат.

3-му Украинскому фронту (командующий генерал армии Ф. И. Толбухин, член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов, начальник штаба генерал-полковник С. С. Бирюзов) ставилась задача прорвать оборону противника с плацдарма южнее Бендеры и, развивая наступление в направлении Опач, Селемет, Хуши, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом окружить и уничтожить яско-кишиневскую группировку противника, овладев рубежом Леово, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем фронту приказывалось развивать, наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай.

Координирование боевых действий обоих фронтов Ставка возложила на Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Во исполнение указаний Ставки командующий 3-м Украинским фронтом решил главный удар нанести центром – силами 57-й и 37-й армий и частью сил 46-й армии – с плацдарма южнее Бендеры в общем направлении на Ермоклия, Селемет, Хуши, прорвать оборону противника на участке Хаджимус, Чобручу и во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом на седьмой-восьмой день операции окружить и уничтожить яско-кишиневскую группировку противника (Архив МО, ф. 392, оп. 244976, д. 2, л. 254).

По замыслу фронтовой операции 37-я армия входила в состав ударной группировки фронта и действовала в первом эшелоне. По сравнению со всеми армиями фронта она имела наибольшее количество средств усиления. Армии придавался 7-й механизированный корпус, который должен был действовать в качестве армейской подвижной группы.

37-я армия (командующий генерал-лейтенант М. Н. Шарохин, член Военного совета генерал-майор В. Д. Шабанов, начальник штаба полковник А. К. Блажей) имела задачу прорвать оборону противника на фронте (иск) Фантына-Маскуй, Леонтино, нанести главный удар в общем направлении западнее Поляска, Токуз, Чимишлия и овладеть:

- в первый день операции – ст. Каушаны, Поляска;
- во второй день – (иск) Заим, Брезоя;
- в третий день – Салкуца, Чага, р. Чача;
- в четвертый день – железной дорогой на участке Селемет, Лейпциг.

В дальнейшем, взаимодействуя с 57-й армией, она должна была развивать наступление силами не менее двух стрелковых корпусов с максимальными средствами усиления на Чимишлия, Карпиняны для окружения и уничтожения кишиневской группировки противника. С утра четвертого дня армии приказывалось пропустить в случае необходимости главные силы 57-й армии в своей полосе с рубежа Салкуца, Токуз (Архив МО, ф. 392, оп. 244976, д. 2, лл. 254 – 257).

57-я армия (командующий генерал-лейтенант Н. А. Гаген) должна была нанести удар севернее оз. Ботно силами одного стрелкового корпуса. Главным силам армии приказывалось подготовиться к действиям по одному из двух вариантов: либо развивать успех первого эшелона, либо наступать в полосе 37-й армии (Архив МО, ф. 392, оп. 244976, д. 2, лл. 254 – 257).

46-я армия (командующий генерал-лейтенант Т. И. Шлемин) должна была нанести главный удар из района восточнее Чобручу в направлении Тарутино. После выхода в этот район войска должны были развивать наступление в юго-западном направлении и во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией окружить и уничтожить 3-ю армию королевской Румынии и тем самым обеспечить главные силы ударной группировки фронта от ударов с юга (Архив МО, ф. 392, оп. 244976, д. 2, лл. 254 – 257).

5-я ударная армия (командующий генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин), действовавшая на правом крыле фронта, имела задачу прочно удерживать занимаемый рубеж, быть в готовности к преследованию противника в случае его отхода и ударами по сходящимся направлениям с севера и востока овладеть столицей Молдавской ССР городом Кишинев (Архив МО, ф. 392, оп. 244976, д. 2, лл. 254 – 257).

17-я воздушная армия (командующий генерал-полковник авиации В. А. Судец) получила задачу главными силами содействовать войскам 37-й и 46-й армий в прорыве обороны противника на фронте Хаджимус, Чобручу; в дальнейшем, с вводом в прорыв 7-го и 4-го гвардейского механизированных корпусов, прикрывать их с воздуха и сопровождать штурмовой и истребительной авиацией.

Таким образом, главный удар войска 3-го Украинского фронта наносили в стыке двух армий противника (6-й немецкой и 3-й румынской), что давало возможность расчленив их, окружить и уничтожить порознь.

Из поставленных армиям задач видно, что ведущую роль во фронтовой операции должна была играть 37-я армия. Ей предстояло прорвать сильную оборону противника, разгромить его 13-ю танковую дивизию – наиболее крупный резерв армейской группы «Думитреску», выйти на пути отхода кишиневской группировки врага, принять на себя основной ее удар. В дальнейшем во взаимодействии с 57-й армией, а также с армиями 2-го Украинского фронта разгромить окруженную вражескую группировку войск.

Характеристика района боевых действий 37-й армии.

Боевые действия войск 37-й армии в Яско-Кишиневской операции проходили преимущественно на Бессарабской возвышенности, которая узкой полосой простирается между реками Днестр и Прут на высоте 400 м над уровнем моря. На местности много балок и оврагов, поросших кустарником. Балки и овраги тянутся преимущественно в южном направлении, ограничивая в некоторой степени возможность действия бронетанковых войск. Наличие небольших лесных массивов, холмов и высот позволяло скрытно располагать войска и боевую технику.

Особо следует остановиться на характеристике плацдарма, с которого 37-я армия готовила наступление. Он представлял собой пойму р. Днестр, местами заболоченную. Здесь были озера, леса и сады. Поэтому, хотя площадь его составляла около 150 кв. км, войска можно было разместить лишь на площади 70 кв. км. На этом плацдарме нужно было сосредоточить и подготовить к боевым действиям три стрелковых, один механизированный корпуса, 51 артиллерийский полк, около 30 специальных частей.

Хороших дорог на плацдарме не было, за исключением одной рокадной, идущей вдоль правого берега р. Днестр, и 4 – 5 плохих грунтовых дорог, пригодных для проезда всех видов транспорта только в сухое время года. Поэтому колонные пути приходилось прокладывать в густых зарослях, что очень затрудняло маневренность наших войск. Озера и заболоченные участки разобщали боевые порядки частей и соединений. Так, в районе Леонтино на одном участке оборону могла занимать только одна рота, которая поддерживала связь с соседом лишь в обход болота, простиравшегося на 9 – 12 км. Из-за отсутствия на плацдарме высот, командующих над окружающей местностью, трудно было оборудовать удобные наблюдательные пункты.

Близость грунтовых вод (40 – 80 см) от поверхности земли на низких участках местности затрудняла отрывку траншей и оборудование позиций для артиллерии и танков. В некоторых районах приходилось создавать насыпные окопы, а под гусеницы танков подкладывать бревенчатые настилы.

Почва района боевых действий в основном черноземная, местами – суглинисто-черноземная. После сильных дождей, а также во время весенней и осенней распутицы грунтовые дороги становятся труднопроходимыми для колесного транспорта.

На плацдарме имелось три населенных пункта: Меринешть, Кицканы, Копанка, в которых размещались тыловые части и подразделения.

Таким образом, плацдарм представлял большие неудобства для размещения и подготовки войск к наступлению. Однако войска, наступавшие с него, имели большое преимущество: они освобождались от необходимости форсировать Днестр.

Нашим войскам предстояло в ходе операции форсировать такие реки, как Ботна, Чага, Когильник, Б. Ялпуг, Прут. Все они, за исключением р. Прут, в летнее время пересыхают и, следовательно, легко могут быть преодолены.

Сеть грунтовых, шоссейных и особенно железных дорог в полосе действия войск фронта была развита слабо.

Таким образом, серьезных препятствий для применения крупных масс войск в предстоящем районе боевых действий 3-го Украинского фронта не было.

Характеристика обороны и группировки войск противника в полосе наступления 37-й армии.

Перед фронтом 37-й армии гитлеровцы подготовили три полосы обороны глубиной 40 – 45 км, из которых наиболее подготовленной и развитой в инженерном отношении была главная полоса. Она состояла из трех позиций, оборудованных траншеями и ходами сообщения полного профиля, и достигала 6 – 8 км глубины.

Передний край главной полосы обороны проходил по юго-восточному берегу оз. Ботно, Фантына-Маскуй, Леонтино и далее по южному берегу старого русла р. Днестр.

Первая позиция состояла из 2 – 3 траншей, соединенных ходами сообщения, и была развита на глубину 1 – 1,5 км.

Между первой и второй траншеями оборудовались блиндажи и землянки для укрытия и отдыха солдат. Блиндажи имели перекрытие в 2 – 3 наката бревен и были связаны между собой ходами сообщения. В лесу (2 км западнее Леонтино) было сделано два завала, 600 м восточнее Виноградного хозяйства проходил противотанковый ров длиной 3 км.

Перед передним краем первой позиции имелись проволочные заграждения в два-три ряда кольев и минные поля.

Система огня противника находилась в тесной связи с инженерными заграждениями.

Вторая позиция главной полосы обороны проходила на удалении 1,5-2 км от переднего края. Она состояла из одной-двух траншей и прикрывала основные районы артиллерийских позиций. На отдельных участках перед второй позицией были установлены проволочные заграждения и минные поля.

Первую и вторую позицию занимали пехотные батальоны первого эшелона полков и полковые резервы.

Третья позиция была подготовлена на удалении 4 – 5 км от переднего края по линии Кирнацень, Балка Штубей и состояла из одной-двух траншей. Она оборонялась подразделениями дивизионных резервов.

Вторая полоса обороны была подготовлена в 8 – 10 км от переднего края по линии Каушаны-Вежь, г. Каушаны, Ермоклия. Она состояла из одной, местами двух траншей. Эта полоса не была занята войсками, она предназначалась для оперативных резервов противника и отходивших с главной полосы частей. Общая глубина тактической зоны обороны достигала 10 – 12 км.

Третья полоса обороны противника проходила по р. Когильник на удалении 40 – 45 км от переднего края и состояла лишь из одной прерывчатой траншеи.

Населенные пункты Фантына-Маскуй, Плоп-Штубей, Леонтино, Каушаны-Вежь, Каушаны, Кирнацень, Поляска, Ермоклия и другие были превращены в опорные пункты и являлись составной частью общей системы обороны. На их окраинах имелись окопы, многие здания были приспособлены для ведения огня из пулеметов и автоматов.

Большое внимание противник уделял минированию, которое имело ряд особенностей. Во-первых, на переднем крае основная часть минных полей была установлена за проволочными заграждениями и небольшая часть - впереди проволоки. Такая установка мин имела целью ввести в заблуждение нашу разведку и создать впечатление незначительного минирования переднего края. Во-вторых, тщательно прикрывались минами артиллерийские позиции.

Наибольшей плотности минные поля достигали между первой и второй траншеями первой позиции. Так, на участке выс. 15.7, пересечение дорог Леонтино, Виноградное хозяйство было установлено 3500 – 4000 мин на 1 км фронта. В глубине обороны минные поля прикрывали лишь танкоопасные направления.

Группировка противника, перед фронтом 37-й армии состояла из 81-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии и 579, 580 и 549-го пехотных полков 306-й пехотной дивизии. Обе дивизии входили в состав 30-го армейского корпуса 6-й немецкой армии. К началу операции немецкая пехотная дивизия в среднем имела 7-8 тыс. человек, 90 – 100 орудий и минометов. Все пехотные полки были двухбатальонного состава. В каждом батальоне имелось по три пехотные роты и по одной роте тяжелого оружия. Пехотные роты насчитывали от 80 до 100 человек. Наиболее плотно войсками была занята первая позиция. На второй позиции располагались полковые резервы – по одной роте от каждого полка.

Дивизионным резервом противника являлись: 1-й батальон 580-го пехотного полка и специальные подразделения 306-й пехотной дивизии, которые намечалось использовать как пехотные. Все эти подразделения располагались на третьей позиции: запасный батальон в лесу 2 км за-

паднее Поляска, фюзилёрный батальон в районе Поляска и 1-й батальон 580-го пехотного полка в районе Балки Штубей.

Оборонявшиеся части противника поддерживались большим количеством артиллерии, преимущественно калибра 105 мм. В полосе наступления армии было выявлено до 15 дивизионов артиллерии (из них 4 дивизиона Резерва Главного Командования), 13 минометных групп, 7 отдельных минометов, 10 батарей зенитной артиллерии, 26 отдельных орудий (из них 20 противотанковых). Артиллерия противника перед фронтом 37-й армии располагалась в основном за второй позицией главной полосы обороны, в 4 – 5 км от переднего края.

В районе Манзырь, Токуз, Опач была сосредоточена 13-я танковая дивизия – резерв армейской группы «Думитреску».

Всего, без учета 13-й танковой дивизии, перед фронтом 37-й армии противник имел: 8 пехотных батальонов, 360 станковых и 65 ручных пулеметов, 50 орудий ПТО, 108 орудий (без ПТО), 56 минометов. Средняя тактическая плотность сил и средств противника в полосе наступления 37-й армии (9 км) на 1 км фронта составляла: около пехотного батальона, 40 ручных и 13 станковых пулеметов, 6,2 миномета, 5,5 противотанковых орудия и 12 орудий калибра 75 мм и выше.

В ночь на 20 августа в район Фештелица, Ермоклия противник начал перебрасывать из состава 6-й немецкой армии резервную группу «Зедлер», состоявшую из полкового штаба и одного батальона 30-го армейского корпуса, штурмового батальона 6-й армии и 93-го танкового истребительного батальона Резерва Главного Командования. Эти части, так же как и 13-ю танковую дивизию, противник предполагал использовать для контрудара в случае прорыва нашими войсками главной полосы обороны.

Немецко-фашистское командование рассчитывало прочно удержать занимаемые позиции. Но чтобы ввести в заблуждение советское командование об истинном начертании переднего края и предотвратить большие потери своих войск от огня советской артиллерии в ходе артиллерийской подготовки, оно отдало приказ отвести основные силы немецкой пехоты (не меньше 2/3 активных штыков) на вторую позицию главной полосы обороны. Оставшееся на переднем крае охранение должно было, ведя пулеметный огонь с кочующих огневых позиций, а также снайперский, создать видимость наличия всей пехоты на переднем крае. Но этот приказ гитлеровцы не успели выполнить.

В целом в полосе наступления 37-й армии была создана сильная оборона и группировка войск противника. Особенность вражеской обороны заключалась в том, что войска занимали лишь первую, главную полосу. Остальные позиции, подготовленные в глубине, немецкое командование рассчитывало удержать войсками, которые будут отходить с первой полосы, при активных действиях 13-й танковой дивизии.

Подготовка операции. Решение командующего 37-й армией.

Уяснив задачу и оценив обстановку, командующий 37-й армией генерал-лейтенант М. Н. Шарохин решил главный удар нанести центром - силами 66-го и 6-го гвардейского стрелковых корпусов в общем направлении Токуз, Чимишлия и, прорвав оборону противника на шестикилометровом фронте (иск) Фантына-Маскуй, Леонтино, уничтожить вражеские войска в районе Кирнацень, Поляска, Леонтино, к исходу первого дня наступления овладеть рубежом Каушаны-Векь, выс. с отм. 210.4, большая дорога севернее и северо-восточнее Ермоклия, то есть второй полосой обороны противника. В дальнейшем, введя в прорыв 7-й механизированный и 82-й стрелковые корпуса, предполагалось развивать наступление силами двух стрелковых и одного механизированного корпусов на Чимишлия, Карпиняны и во взаимодействии с 57-й армией окружить и уничтожить кишиневскую группировку противника. Один стрелковый корпус в ходе наступления обеспечивал ударную группировку армии с юга и юго-запада.

В соответствии с принятым решением были поставлены задачи стрелковым корпусам.

66-й стрелковый корпус - командир генерал-майор Д. А. Куприянов, начальник штаба полковник С. В. Сафонов, начальник политотдела полковник К. И. Хмельнов – в составе 61-й гвардейской, 333-й и 244-й стрелковых дивизий с 46-й пушечной артиллерийской бригадой, 152-м гаубичным артиллерийским полком, 251-м истребительным противотанковым дивизионом, 10-й минометной бригадой, 26-й легкой артиллерийской бригадой, 87-м гвардейским минометным полком, 52-м танковым полком, 398-м самоходным артиллерийским полком, 56-м и 57-м инженерно-штурмовыми батальонами должен был нанести главный удар в общем направлении выс. 151.7, выс. 210.4, имея ближайшей задачей прорвать оборону противника на участке Фантына-Маскуй, (иск) квадратная роща (2 км восточнее выс. 151.7), овладеть рубежом гребень высот восточнее Кирнацень, роща Длинная юго-восточнее Кирнацень (глубина 4 – 5 км) и к исходу первого дня наступления выйти на рубеж Каушаны-Векь, выс. 210.4, (глубина 10 – 12 км). Частью сил (левофланговой дивизией) корпусу приказывалось наступать на квадратную рощу (3 км севернее Поляска) для окружения и уничтожения противника совместно с 20-й гвардейской стрелковой дивизией 6-го гвардейского стрелкового корпуса в лесу юго-восточнее выс. 151.7.

В дальнейшем предполагалось развивать наступление в общем направлении выс. 210.4, Токуз, Чага и к исходу второго дня овладеть рубежом Каушаны, Опач, (иск) выс. 199.9 (что северо-восточнее Токуз).

В случае отставания соседа справа (57-й армии) имелось в виду две стрелковые дивизии последовательно развертывать па рубеже Плоп-Штубей, Опач фронтом на север, обеспечивая главную группировку армии с севера и с северо-запада. По мере продвижения правого соседа севернее р. Ботна дивизии с указанного рубежа свертывать во второй эшелон корпуса.

С выходом на рубеж Каушаны-Векь, выс. 210.4, обеспечить ввод в прорыв частей 7-го механизированного корпуса в общем направлении на Токуз.

6-й гвардейский стрелковый корпус - командир генерал-майор Г. П. Котов, начальник штаба полковник М. Д. Зайчиков, начальник политотдела полковник А. В. Груздов – в составе 20-й гвардейской стрелковой, 10-й гвардейской воздушно-десантной и 195-й стрелковых дивизий со средствами усиления получил задачу нанести главный удар правым флангом в общем направлении на Брезоя, имея ближайшей задачей прорвать оборону противника на участке квадратная роща 2 км восточнее выс. 151.7, Леонтино и овладеть рубежом (иск) роща 1,5 км юго-восточнее Кирнацень, Виноградное хозяйство. Частью сил (20-й гвардейской стрелковой дивизией) корпус должен был нанести удар в направлении прямоугольной рощи (3 км севернее Поляска) для окружения и уничтожения противника совместно с 333-й стрелковой дивизией 66-го стрелкового корпуса в лесу юго-восточнее выс. 151.7. К исходу первого дня корпус должен был овладеть рубежом большая дорога севернее и северо-восточнее Ермоклия (глубина 10 – 12 км).

В дальнейшем предполагалось развивать наступление в общем направлении Брезоя, Абаклия и к исходу второго дня выйти на рубеж Брезоя, отм. 175.8 (юго-западнее Симонешть).

С овладением районом Леонтино, в случае отставания левого соседа (46-й армии), одной стрелковой дивизией во взаимодействии с правофланговыми частями 46-й армии наступать в направлении «СК-дв» (5 км восточнее Поляска) с целью окружения и уничтожения противника в районе юго-западнее и южнее Талмаз.

С выходом на рубеж большая дорога (севернее и северо-восточнее Ермоклия) обеспечить ввод в прорыв частей 7-го механизированного корпуса в общем направлении Токуз, Чимишлия.

82-й стрелковый корпус (командир генерал-майор П. Г. Кузнецов, начальник штаба генерал-майор Ф. М. Щекотский, начальник политического отдела полковник К. П. Пашенко) в составе 92-й, 28-й гвардейских и 188-й стрелковых дивизий, составляя второй эшелон армии, должен был начать боевые действия с утра третьего дня операции с рубежа Опач, выс. 199.9 в общем направлении Токуз, Чимишлия. Однако это предполагалось осуществить лишь в том случае, если правофланговому корпусу (66-му) придется из-за задержки 57-й армии развернуться по р. Ботна фронтом на северо-запад для прикрытия главных сил 37-й армии от ударов противника с севера.

Если наступление 57-й армии будет развиваться по плану, 82-й стрелковый корпус намечалось ввести в сражение на четвертый день операции с рубежа р. Чага. В том и другом случае корпус должен был иметь одну стрелковую дивизию во втором эшелоне и ввести ее на правом фланге.

Оперативное построение армии предусматривалось в два эшелона: в первом эшелоне – 66-й и 6-й гвардейский стрелковые корпуса и во

втором эшелоне – 82-й стрелковый корпус. Кроме того, армия имела подвижную группу в составе 7-го механизированного корпуса.

В артиллерийско-противотанковый резерв выделялись 324-й и 1243-й истребительно-противотанковые артиллерийские полки и две саперные роты 127-го инженерно-саперного батальона. Армейский подвижный отряд заграждения создавался из двух саперных рот.

Операцию предусматривалось провести в три этапа.

Первый этап – прорыв тактической зоны обороны противника. Глубина – 10 – 12 км, продолжительность – один день.

Второй этап – ввод в прорыв подвижной группы (7-й механизированный корпус) и второго эшелона армии (82-й стрелковый корпус); разгром оперативных резервов, противника и выход стрелковых дивизий первого эшелона к исходу четвертого дня на рубеж Селемет, Лейпциг; захват подвижными частями переправ через р. Прут на участке Леушени, Леово. Глубина для общевойсковых соединений 50 км, продолжительность три дня, среднесуточный темп 17 км.

Третий этап – преследование противника, окружение и уничтожение его кишиневской группировки во взаимодействии с другими армиями с выходом главных сил на р. Прут. Глубина для общевойсковых соединений 50 км, продолжительность 2 – 3 дня, среднесуточный темп 17-25 км.

Общая планируемая глубина операции составляла 110 – 112 км, продолжительность 6 – 7 дней, темп наступления – около 20 км в сутки.

Таким образом, решение командующего 37-й армией полностью отвечало сложившейся обстановке. Главный удар наносился в стыке двух полков противника (579-го и 580-го) на наиболее удобном участке плацдарма, позволявшем сосредоточить и использовать на нем все роды войск.

Вспомогательное направление (от Леонтино до Талмаз) проходило по северному берегу старого русла р. Днестр, было очень заболочено и непригодно для сосредоточения крупных сил. На этом направлении нашим войскам предстояло форсировать реку, противоположный берег которой был сильно укреплен противником.

Прорыв вражеской обороны осуществлялся на узком участке фронта. Армия действовала в полосе 9 км, а главный удар наносился на участке протяженностью 6 км. На направлении главного удара были сосредоточены почти все силы и средства армии: девять дивизий, все танки и сау, в том числе и 7-й механизированный корпус, более 90 процентов всей артиллерии и вся поддерживавшая армию авиация.

Решительное массирование сил и средств на направлении главного удара обеспечивало высокую оперативную плотность: 0,6 км на стрелковую дивизию, 260 орудий и минометов и 52 бронеединицы. Создание такой плотности на 1 км участка прорыва позволило достигнуть значительного превосходства над противником, в среднем от 3,5 до 5 раз по основным видам вооружения.

Двухэшелонное оперативное построение армии и стрелковых корпусов при наличии подвижной группы позволяло непрерывно наращивать усилия в оперативной глубине и успешно вести боевые действия с кишиневской группировкой противника, по которой войска 3-го Украинского фронта непосредственно удар не наносили.

Планирование прорыва тактической зоны обороны противника в первый день операции лишало 13-ю танковую дивизию врага возможности занять вторую полосу.

Необходимость оперативного обеспечения главной группировки армии с севера от возможных ударов противника двумя стрелковыми дивизиями (61-й гвардейской и 333-й) и артиллерийско-противотанковым резервом (229-м легким артиллерийским полком, ротой 945-го инженерно-саперного батальона) 66-го стрелкового корпуса, которые последовательно развертывались на рубеже Плоп-Штубей, Опач фронтом на север, объяснялась тем, что 57-я армия наносила удар ближе к основным массам войск противника, расположенным на кишиневском выступе. В связи с этим армия могла быть контратакована крупными силами врага и замедлить темп наступления, а это в свою очередь оголяло правый фланг 37-й армии.

Оперативное обеспечение главной ударной группировки армии с юга в случае отставания левого соседа (46-й армии) осуществлялось силами 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизией 6-го гвардейского стрелкового корпуса, которая должна была нанести удар в направлении Талмаз и во взаимодействии с правифланговыми частями 46-й армии окружить и уничтожить противника в районе юго-западнее и южнее Талмаз.

Особое внимание в решении командующего 37-й армией уделялось разгрому оперативного резерва противника – 13-й танковой дивизии. Для этой цели в распоряжении командарма находился стрелковый корпус второго эшелона, подвижная группа и сильный подвижный артиллерийский противотанковый резерв в составе 324-го и 1243-го истребительных противотанковых артиллерийских полков и двух саперных рот 127-го инженерно-саперного батальона. Кроме того, могли быть привлечены подвижные артиллерийские противотанковые резервы стрелковых корпусов.

Ширина полосы наступления стрелковых корпусов была в пределах 4 – 5 км (66-й стрелковый корпус – 4 км, 6-й гвардейский стрелковый корпус – 5 км), а участка прорыва – от 2,5 км до 3,5 км. Узкие участки прорыва стрелковых корпусов являлись результатом ограниченности плацдарма, с которого готовилось наступление.

Ближайшая задача стрелковых корпусов на направлении главного удара заключалась в прорыве позиции полковых резервов противника и в выходе в район основных артиллерийских позиций на глубину 4 – 5 км. Задача дня сводилась к прорыву второй полосы обороны на глубину 10 – 11 км. На вспомогательном направлении задача дня стрелковых корпусов сводилась к прорыву главной полосы обороны и выходу ко второй полосе.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 32-35).

... По решению командиров стрелковых корпусов прорыв тактической зоны обороны противника предусматривалось осуществить в первый день боя. Ввод в бой дивизий второго эшелона имелся в виду после выполнения ближайшей задачи, для завершения прорыва второй полосы обороны. Ближайшая задача стрелковых дивизий первого эшелона совпадала с ближайшей задачей стрелковых корпусов и заключалась в прорыве двух позиций на глубину 4 – 5 км. Задача дня стрелковых дивизий совпадала с задачей дня стрелковых корпусов и заключалась в прорыве второй полосы обороны противника на глубину 10 – 11 км.

Стрелковые дивизии, действующие на направлении главного удара армии, обычно имели следующие средства усиления: до двух истребительно-противотанковых артиллерийских полков, артиллерийский полк, один-два минометных полка, танковый полк, самоходно-артиллерийский полк, саперный батальон.

Боевые порядки дивизий первого эшелона, за исключением 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, строились в два эшелона.

Тактическая плотность сил и средств на 1 км участка прорыва достигала: в 66-м стрелковом корпусе – по живой силе 7, 7 стрелковых батальона, по артиллерии – 248 орудий и минометов, по танкам – 18 бронеединиц; в 6-м гвардейском стрелковом корпусе – по живой силе 3, 6 стрелковых батальона, по артиллерии – 239 орудий и минометов, по танкам – 13 бронеединиц.

Превосходство над противником было довольно значительным: в 66-м стрелковом корпусе – по живой силе в 3 раза, по артиллерии – в 7 раз, по танкам – в 11, 2 раза; в 6-м гвардейском стрелковом корпусе – по живой силе, артиллерии и танкам – от 3 до 6,5 раза.

Для преследования противника создавались передовые отряды. В стрелковых корпусах они формировались заблаговременно в составе стрелкового батальона, усиленного дивизионом артиллерии и ротой саперов. Кроме того, передовые отряды в составе стрелковой роты, усиленной двумя батареями артиллерии и одним-двумя взводами саперов, создавались в каждой стрелковой дивизии. Передовым отрядам ставилась задача с утра второго дня наступления, передвигаясь на автомашинах за 7-м механизированным корпусом, захватывать выгодные рубежи, сильные опорные пункты противника и удерживать их до подхода главных сил. Такое использование передовых отрядов создавало благоприятные условия для действий подвижных войск армии, которые, не ввязываясь в бой за опорные пункты и не распыляя своих сил, могли быстро продвигаться вперед, нацеливая свои основные силы на выход в тыл кишиневской группировки врага.

Боевые действия передовых отрядов давали возможность стрелковым корпусам и дивизиям организовать стремительное преследование отхо-

дившего противника, быстро выйти к р. Прут и окружить вражескую кишиневскую группировку войск.

Особенностью в решениях командиров стрелковых корпусов является нарезка узких полос наступления и участков прорыва для стрелковых дивизий, что объясняется условиями местности ограниченного плацдарма. Узкие полосы наступления и участки прорыва позволяли создать достаточно высокие плотности сил и средств.

Командиры дивизий в соответствии с полученными задачами приняли решения, согласно которым стрелковым полкам первого эшелона приказывалось иметь боевой порядок в 2 – 3 эшелона и прорывать оборону противника на участке 500 – 1000 м.

В три эшелона строились полки 333-й стрелковой дивизии 66-го стрелкового корпуса, левофланговый полк 20-й гвардейской стрелковой и правофланговый полк 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизий 6-го гвардейского стрелкового корпуса. Такое построение объяснялось, во-первых, тем, что узкая ширина полос дивизий и полков не позволяла развернуть их в два эшелона, во-вторых, дивизии этих полков наносили главный удар в центре полосы прорыва армии и должны были прорывать сильную оборону противника с наращиванием удара из глубины, в-третьих, при построении дивизии в два эшелона и при очень узких полосах наступления было бы очень сложно и трудно вводить в бой полки вторых эшелонов дивизий, они могли бы запоздать с вводом в бой. Батальоны из глубины вводить легче и быстрее.

Ближайшая задача стрелковых полков первого эшелона заключалась в прорыве первой позиции главной полосы обороны противника на глубину 1,5- 2 км, а последующая - прорыв второй позиции на глубину 4 – 5 км.

Организация артиллерийского обеспечения.

При планировании артиллерийского обеспечения наступления предусматривалось создание на плацдарме мощной группировки артиллерии.

Для сосредоточения артиллерии на плацдарме была организована комendantская служба регулирования как в районе развертывания артиллерии, так и в районах ее предварительного сосредоточения.

Вначале артиллерийские части по специально разработанному графику выводились к плацдарму и сосредоточивались в 1 - 1,5 км от него. И лишь после того как были заняты на плацдарме все наблюдательные пункты, проложены линии связи и открыты окопы для орудий, они по строгому плану, в ночное время, с соблюдением всех мер свето- и звукомаскировки выводились непосредственно на плацдарм.

Перегруппировка и занятие огневых позиций артиллерией длились 18 дней. Занятие артиллерией огневых позиций в течение такого продолжительного времени объяснялось особенностями плацдарма, необходимостью переправы артиллерии через р. Днестр по общему плану использования переправ, ограниченностью дорог на плацдарме и короткими ночами в это время года.

Значительное усиление стрелковых войск артиллерией привело к сильному уплотнению боевых порядков, что увеличивало поражаемость от авиации и артиллерии противника. Поэтому командование приняло меры к сохранению живучести артиллерии. Плацдарм был хорошо подготовлен в артиллерийском отношении: районы огневых позиций для артиллерии и минометов оборудовались с расчетом на более высокие нормы артиллерийского насыщения, артиллерия, так же как и другие рода войск, тщательно укрывалась и замаскировывалась. Для этого производились большие инженерные работы.

Благодаря хорошей маскировке удалось скрытно и без потерь сосредоточить артиллерию на плацдарме и подготовить ее к ведению огня.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 39-56).

Всего на участке прорыва было сосредоточено 96 процентов орудий и 73 процента минометов. Это дало возможность создать плотность в 260 орудий и минометов на 1 км фронта.

Вся реактивная артиллерия сосредоточивалась на направлении главного удара, что еще больше увеличивало плотность артиллерии.

9-я артиллерийская дивизия прорыва не использовалась централизованно, а распределялась бригадами и полками по стрелковым корпусам и дивизиям. Такое распределение артиллерии можно признать целесообразным, так как оно давало большую плотность орудий и минометов на участке прорыва стрелковых дивизий, что в свою очередь способствовало успеху операции.

К исходу 12 августа штаб командующего артиллерией 37-й армии (командующий полковник В. П. Чистяков) на основе указания командующего артиллерией 3-го Украинского фронта генерал-полковника артиллерии М. И. Неделина составил подробный план артиллерийского обеспечения, который предусматривал артиллерийскую подготовку атаки, артиллерийскую поддержку атаки и артиллерийское сопровождение пехоты и танков при бое в глубине обороны противника.

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 105 минут. График артиллерийской подготовки предусматривал четыре 5-минутных огневых налета по траншеям первой позиции, 15-минутный ложный перенос огня в глубину обороны противника и методический огонь на разрушение и подавление в течение 70 минут.

Артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков планировалась методом одинарного огневого вала в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину до 1,6 км. Намечалось четыре основных и шесть промежуточных рубежей. Для постановки огневого вала привлекались в основном 82-мм и 120-мм минометы и часть батарей из состава групп поддержки пехоты. Остальная часть артиллерии групп поддержки пехоты должна была в это время поддерживать атаку частей методом последовательного сосредоточения огня.

Артиллерийское сопровождение пехоты и танков при бое в глубине обороны противника планировалось методом последовательного сосредоточения огня на глубину ближайшей задачи армии. Важной особенностью организации артиллерийского обеспечения являлось то, что в середине артиллерийской подготовки огонь артиллерии и минометов переносился в глубь обороны противника. В это время войска первого эшелона, имитируя чучелами, сильным ружейно-пулеметным огнем и криками «ура» атаку, должны были заставить противника покинуть укрытия и занять траншеи для отражения атаки, а наша артиллерия вновь переносила огонь по первым траншеям.

К началу операции войска 37-й армии имели от двух до четырех боекомплектов боеприпасов, что обеспечивало успешное проведение операции на всю ее глубину.

Планирование авиационного обеспечения.

По плану штаба фронта для поддержки наступления войск 37-й армии выделялась 306-я штурмовая авиационная дивизия и 295-я истребительная авиационная дивизия, входившие в состав 17-й воздушной армий.

В период подготовки операции авиация должна была:

- прикрыть группировку войск армии в районе Суклея, Кицканы, Фантына-Маскуй, Слободзья Русская, а также переправы через р. Днестр методом дежурства истребителей на передовых аэродромах;

- вести разведку в полосе армии в направлениях: Каушаны, Чимишлия, Хуши, Ермоклия, Манзырь, Комрат, Леово, Каушаны, Кайнари, Лопушна;

- произвести контрольное фотографирование отдельных объектов полосы обороны противника по заданию штаба армии.

На первом этапе операции для поддерживающей авиации ставились следующие задачи:

- уничтожить, путем штурмовых действий живую силу и технику противника в районе Плоп-Штубей, юго-восточной части Кирнацень, рощи юго-восточнее Кирнацень, Виноградное хозяйство;

- подавить артиллерийские батареи противника в районе Кирнацень, Каушаны-Векь, Ермоклия, Поляска;

- нанести удар по штабам и узлам связи противника в Ермоклия, Волонтировка, Кайнари.

В течение всего первого этапа операции над полем боя должны были непрерывно действовать группы по 8 – 12 штурмовиков с задачей препятствовать подходу резервов противника из района Каушаны-Ноуй, Опач, Манзырь.

На втором этапе операции авиация должна была:

- обеспечить ввод в прорыв 7-го механизированного корпуса;

- прикрыть истребителями и обеспечить непосредственной поддержкой продвижение 7-го механизированного корпуса в глубине обороны противника в направлении Токуз, Чимишлия, Лопушна до выхода его в район Чимишлия, Петрешть, Батырь;

- уничтожать подходящие резервы и отходящие колонны противника в направлениях Салкуца, Опач, Токуз, Чимишлия, Манзырь;

- уничтожать методом свободной охоты резервы и штабные машины противника;

- вести разведку в полосе армии до р. Прут по заявкам штаба армии.

Боевое напряжение авиации предусматривалось следующее. В первый день наступления планировалось совершить истребителями 450 самолето-вылетов, а штурмовиками – 380 самолето-вылетов. Во второй день операции как для истребителей, так и для штурмовиков было запланировано по 300 самолето-вылетов.

Планирование боевых действий бронетанковых войск.

Директивой командующего 3-м Украинским фронтом от 8 августа 1944 г. 37-й армии был подчинен 7-й механизированный корпус (командир генерал-майор Ф. Г. Катков) в составе трех механизированных и одной танковой бригады. В корпусе насчитывалось 208 танков и самоходно-артиллерийских установок. Этой же директивой корпусу была поставлена задача: с выходом стрелковых войск на рубеж Каушаны, Ермоклия войти в прорыв и нанести удар в направлении Токуз, Чимишлия, Лопушна, выйти на линию Котовское, Лопушна, Коту-Морий и во взаимодействии с 57-й и 37-й армией окружить и уничтожить кишиневскую группировку противника, не допустив ее отхода на юго-запад за р. Прут. Ближайшая задача корпуса заключалась в том, чтобы к исходу первого дня ввода в прорыв выйти в район Селемет, Петрешть, Батырь, в дальнейшем развивать удар через Чимишлия на Карпиняны, Лопушна.

По плану командующего 37-й армией предусматривались два варианта ввода в прорыв подвижной группы. По первому варианту 7-й механизированный корпус должен был войти в прорыв с утра второго дня операции с рубежа выс. 210.4, Поляска в общем направлении на Токуз, Чимишлия, Карпиняны; по второму – с утра третьего дня с рубежа Опач, Брезоя. В обоих случаях механизированный корпус вводился в прорыв с рубежа протяженностью 6 км по трем маршрутам, в двухэшелонном построении, имея в первом эшелоне три механизированные бригады и во втором эшелоне – одну танковую бригаду.

Стрелковые корпуса первого эшелона с утра второго или третьего дня операции должны были обеспечить ввод в прорыв механизированного корпуса: 66-й стрелковый корпус – с рубежа г. Каушаны, 6-й гвардейский стрелковый корпус – с рубежа (иск) выс. 193.5, Ермоклия. После ввода в прорыв подвижной группы стрелковые корпуса должны были выслать вслед за ней свои передовые отряды.

... С вводам 7-го механизированного корпуса в прорыв ему переподчинялись от 66-го и 6-го гвардейского стрелковых корпусов 7-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, 407-й и 465-й легкие артиллерийские полки, 230-й гаубичный артиллерийский полк, 188-й минометный полк 10-й минометной бригады, 45-й гвардейский минометный полк, 3-я зенитная артиллерийская дивизия. Все эти артиллерийские части и соединения обеспечивались 1,5 боекомплекта боеприпасов и до трех заправок горючим. 45-й гвардейский минометный полк имел 12 дивизионных залпов.

В целом такое усиление механизированного корпуса артиллерией повышало его огневую мощь и давало ему возможность самостоятельно решать важные оперативно - тактические задачи.

Планом наступательной операции 37-й армии предусматривалось прикрыть сосредоточение 7-го механизированного корпуса в выжидательном районе, а также обеспечить ввод его в прорыв и действие в глубине обороны противника силами 306-й штурмовой и 295-й истребительной авиадивизий.

Большая задача по обеспечению ввода в прорыв подвижной группы армии возлагалась на инженерные войска. Для выхода мехкорпуса в исходное положение планировалось силами 160-го армейского мостостроительного батальона усилить мост в районе Суклее до 60 тонн, силами 26-го и 36-го управлений оборонительного строительства (УОС) построить новый мост под грузы 60 тонн в районе Слободзея Молдаванская и силами 126-го мостостроительного батальона навести мост грузоподъемностью 30 тонн в районе 2,5 км юго-западнее Суклея.

Для пропуска механизированного корпуса на плацдарме планировалось оборудовать четыре 10-километровых сквозных маршрута до переднего края обороны с мостами на них под грузы 60 тонн, а также обозначение этих маршрутов указками и вехами по обеим сторонам дороги через каждые 25 – 30 м друг от друга. На маршрутах движения корпуса были выставлены регулировочные посты.

В период с 15 по 19 августа офицеры штаба инженерных войск 37-й армии во главе с командующим инженерными войсками генерал-майором Л. И. Галдовичем совместно с командованием 7-го механизированного корпуса и командирами бригад и отдельных частей проехали по всем маршрутам и мостам с целью ознакомления.

Инженерное обеспечение ввода 7-го механизированного корпуса в прорыв было возложено на 127-й инженерно-саперный батальон 8-й инженерно-саперной бригады, 28-й армейский дорожный батальон, 923-й отдельный саперный батальон 82-го стрелкового корпуса и саперный батальон 7-го механизированного корпуса.

Перед инженерными частями, обеспечивавшими ввод мехкорпуса в прорыв, была поставлена задача: разминировать район сосредоточения частей корпуса, обозначить маршруты и отремонтировать их, пропустить части корпуса через траншеи и минные поля, как свои, так и противника, а также регулировать движение по маршрутам.

С вводом в прорыв механизированному корпусу придавались три саперных батальона.

7-й механизированный корпус с вводом в прорыв должен был получить: горючего - три заправки, продовольствия – 5-7 суток, боеприпасов – 3 – 5 боекомплектов.

Таким образом, планирование использования 7-го механизированного корпуса исходило из тщательной оценки обстановки и отвечало требованиям успешного выполнения поставленных задач.

Кроме 7-го механизированного корпуса, 37-й армии были приданы 5-й тяжелый танковый полк, 52-й танковый полк, 398, 864 и 1891-й самоходно-артиллерийские полки.

Всего в двух танковых и трех самоходно-артиллерийских полках имелось 107 танков и сау. Танковые и самоходно-артиллерийские полки использовались как танки непосредственной поддержки пехоты.

По решению командующего армией танковые и самоходно-артиллерийские полки придавались стрелковым корпусам, действовавшим в первом эшелоне: 66-й стрелковый корпус получил 5-й тяжелый танковый полк и 398-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк, 6-й гвардейский стрелковый корпус - 52-й танковый полк и 864-й самоходно-артиллерийский полк. Это обеспечивало среднюю плотность 18 бронеединиц на 1 км участка прорыва в 66-м стрелковом корпусе и 13 бронеединиц в 6-м гвардейском стрелковом корпусе.

1891-й легкий самоходно-артиллерийский полк составлял резерв командующего армией.

Все танки и самоходно-артиллерийские установки использовались массированно на направлении главного удара с задачей развить наступление после прорыва пехотой переднего края обороны противника.

... Инженерное обеспечение операции.

Для инженерного обеспечения армии придавались: 8-я инженерно-сапёрная бригада, 12-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада. Всего с учётом полковых сапёров на направлении главного удара армии имелось 30 сапёрных рот, или 5 сапёрных рот на 1 км фронта участка прорыва.

Основными задачами инженерного обеспечения являлись: проведение инженерной разведки, подготовка и содержание переправ через р. Днестр, обеспечение скрытой перегруппировки войск, маскировка их сосредоточения и расположения боевых порядков, сплошное разминирование в тактической глубине и ряд других мероприятий. Особое внимание уделялось подготовке плацдарма как исходного района для наступления и обеспечению стремительного прорыва вражеской обороны.

Инженерные работы были направлены в первую очередь на увеличение емкости плацдарма путем создания сильно развитой системы траншей и ходов сообщения, эшелонированных на всю его глубину, а также специальных укрытий для войск и боевой техники. Инженерные работы проводились в условиях, когда противник просматривал почти всю территорию плацдарма. Несмотря на такие тяжелые условия, войска 37-й армии создали на 1 км фронта до 19 км траншей и ходов сообщения, до 470 пулеметных, артиллерийских, минометных и других укрытий, до 200 убежищ и землянок, 620 артиллерийских огневых позиций. Кроме того, было отремонтировано 135 км имевшихся дорог и проложено 72 км новых дорог. Начиная от Кицканы и Копанка, в сторону переднего края было отрыто несколько ходов сообщения, что дало возможность скрытно выводить войска в исходные районы.

Густая сеть траншей и ходов сообщения позволила значительно снизить потери войск от огня артиллерии и авиации противника. В траншеях и ходах сообщения, в пунктах скрещивания траншей были установлены указатели и тщательно организована комендантская служба. Разграничительные линии между войсками обозначались специальными знаками, колышками или вехами.

Только благодаря неослабному руководству командующего армией и его штаба удалось сосредоточить на плацдарме огромное количество войск и боевой техники и разместить их в соответствии с планом операции.

Для обеспечения следования артиллерии непосредственно в боевых порядках наступающей пехоты через траншеи были проложены перекидные мостики.

Атакующие подразделения выходили из траншей по заранее сделанным приставным лестницам. Их было изготовлено 1474.

Все лестницы накануне наступления были сосредоточены в первой линии траншей. Кроме лестниц, было сделано большое количество врезных ступенек, аппарелей и других приспособлений. Оборудование приставных лестниц, аппарелей и врезных ступенек производилось с расчетом одновременного выхода из траншей всех атакующих подразделений.

Большое внимание уделялось дорожному строительству и обеспечению надежных путей сообщения плацдарма с левым берегом р. Днестр. Это объяснялось тем, что имевшиеся на плацдарме дороги совершенно не могли обеспечить потребностей войск. Мосты через р. Днестр в полосе армии отсутствовали.

В период подготовки наступления были разведаны, обозначены и оборудованы дороги из расчета:

- на каждую стрелковую дивизию – одна дорога;
- на каждый стрелковый корпус – одна дорога для автотранспорта;
- на армию – две основные армейские дороги: одна – по маршруту Кицканы, выс. 136.6, другая - по маршруту Копанка, Леонтино.

Дороги для стрелковых дивизий и корпусов были подготовлены силами дивизионных и корпусных саперных батальонов. Армейские дороги готовились силами 127-го инженерно-саперного батальона (8 исбр) и 28-м армейским дорожно-саперным батальоном.

В предвидении выхода 7-го механизированного корпуса на плацдарм в районе Суклея 16-тонный мост через р. Днестр был усилен до 60 тонн. Кроме того, в районе 2,5 км юго-западнее Суклея был наведен наплавной мост из парка ДМП (деревянный мостовой парк) грузоподъемностью 30 тонн, а 1,5 км юго-западнее этого моста был наведен наплавной мост под грузы 7 тонн.

В районе Слободзея Молдаванская был построен мост на жестких опорах под грузы 60 тонн. Деревянный мост через реку Днестр в районе Карагаш, принятый от 46-й армии, вследствие своей ветхости был почти заново восстановлен под грузы 16 тонн. В районе Тирасполь был наведен наплавной мост из парка ДМП-41 под грузы 16 тонн.

С целью маскировки одновременно со строительством постоянных переправ развернулось строительство пяти ложных переправ. Строительство и эксплуатация мостов и переправ осуществлялись в ночное время, днем наплавные мосты разводились и маскировались у берегов реки.

... В резерве командующего армией оставался парк НЛП (наплавной лёгкий парк) 12-й штурмовой инженерно-саперной бригады, 0,5 парка НЛП и парк УВСА-3 8-й инженерно-саперной бригады. Это давало возможность в случае выхода из строя какой-либо переправы немедленно использовать резервные парки. Так, в первый день наступления наших войск потребовалось в районе Леонтино навести мост через старое русло р. Днестр, для чего был использован парк УВСА-3 8-й инженерно-саперной бригады. Всего к началу наступления в полосе армии через р. Днестр было построено 8 мостов и один паром на 60 тонн. Через старое же русло р. Днестр было построено 5 мостов и 4 паромов.

Большое внимание уделялось строительству и оборудованию командных и наблюдательных пунктов. Так, главный армейский наблюдательный пункт был оборудован на высоте 3 км юго-западнее Копанка, он имел 10 блиндажей. Защитная толщина блиндажей обеспечивала от прямого попадания 76-мм снарядов, а в блиндаже командующего армией – от 152-мм снарядов. Все блиндажи были соединены между собой ходами сообщения полного профиля. Подъезды к главному наблюдательному пункту и его месторасположение тщательно маскировались.

Командные и наблюдательные пункты соединений и частей оборудовались саперами этих соединений после выхода войск в свои районы расположения.

Командные и наблюдательные пункты для артиллерии оборудовались самими артиллеристами. Все сооружения для командных и наблюдательных пунктов оборудовались в противохимическом отношении. За период подготовки к наступлению было оборудовано 258 командных и наблюдательных пунктов, открыто 265 открытых ячеек для наблюдения и сделано 19 наблюдательных вышек на деревьях.

Для отражения возможных ударов противника на плацдарме создавались многочисленные минно-взрывные заграждения, разграждение которых перед началом наступления составляло важнейшую часть инженерной подготовки операции.

Средняя плотность минирования достигала 1000 - 1200 противотанковых и противопехотных мин на 1 км фронта. Перед передним краем была установлена проволочная сеть в 2 - 3 ряда кольев, что составляло 20 795 пог. м.

Разминирование своих минных полей осуществлялось прежде всего в глубине плацдарма, а затем на переднем крае. К разминированию привлекалась 12-я штурмовая инженерно-саперная бригада, которая в период с 10 по 15 августа сняла 59 минных полей с общим количеством 16 900 противотанковых и 3500 противопехотных мин.

18 августа инженерным войскам был дан приказ полностью разминировать свои минные поля на переднем крае. Эту работу выполняли 12-я штурмовая инженерно-саперная бригада и саперы 66-го и 6-го гвардейского стрелковых корпусов, находившихся в первом эшелоне армии. В начале работу рассчитывали закончить в два дня, затем срок был сокращен на один день. Малый срок, установленный для работ, не позволил инженерным и саперным частям полностью снять мины на переднем крае. Лишь на левом фланге армии, на участке старого русла р. Днестр, Леонтино минные поля были сняты полностью. Поэтому на правом фланге и в центре армии в минных полях были проделаны проходы, огражденные проволокой и обозначенные указками и вехами.

В ночь на 19 августа разминирование своих минных полей на переднем крае обороны было закончено. В ночь на 20 августа инженерные части приступили к проделыванию проходов в минных полях и других заграждениях противника посредством взрыва удлиненных зарядов. Всего на направлении главного удара армии в минных полях противника было проделано до 80 проходов, а в проволочных заграждениях до 95 проходов. На каждую стрелковую роту было проделано 3 - 4 прохода, а на танковую роту 2 - 3 прохода.

... Применение дымовых и огнеметно - зажигательных средств.

В соответствии с планом штаба армии применение дымов имело целью:

- лишить противника возможности наблюдать и вести фланговый артиллерийский, минометный и пулеметный огонь из района Киркаешты и высот юго-западнее оз. Ботно по боевым порядкам наших войск, наступавших в направлении Фантына-Маскуй, Плоп-Штубей;

- ослепить наблюдательные пункты противника на безымянных высотах юго-западнее Киркаешты и дезориентировать его относительно направления главного удара армии;

- прикрыть дымом форсирование старого русла р. Днестр в районе северо-восточнее Леонтино и лишить возможности противника вести прицельный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь по наступавшим нашим войскам;

- прикрыть переправы через р. Днестр в районе Суклея, Тирасполь, Слободзея Русская, Слободзея Молдаванская.

Следовательно, план дымового обеспечения предусматривал постановку дымовых завес на флангах армии и в тылу вдоль р. Днестр.

Начало дымопуска планировалось после артиллерийской подготовки, в 9 часов 45 минут. Продолжительность дымопуска предусматривалась: шашками - от 4 до 6 часов, минометами - 1 час.

... Прикрытие мостов через р. Днестр дымом производилось в период со 2 по 20 августа в тесном взаимодействии с зенитными батареями, которые отражали налет вражеской авиации на переправы. Дымовая завеса поднималась по сигналу с постов ВНОС при появлении самолетов противника. Способ задымления мостов был кольцевой. Дым закрывал

мосты в радиусе 2 км. Все ярко выраженные объекты как на плацдарме, так и вне его, по которым авиация противника могла ориентироваться при налетах на переправы, также задымлялись. Продолжительность дымовой завесы колебалась в пределах 10 – 20 минут. В результате прикрытия дымом переправ в тесном взаимодействии с зенитной артиллерией налеты вражеской авиации на переправы успеха не имели.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 58-65).

Организация пунктов управления и связи.

Характерной особенностью организации пунктов управления в 37-й армии являлось то, что все они были максимально приближены к войскам и обеспечивались надежной связью. Основным командным пунктом армии, на котором размещался первый эшелон полевого управления, находился на юго-восточной окраине Кицканы, в 12 км от переднего края обороны противника.

Кроме основного командного пункта, в армии были организованы два наблюдательных пункта: один на южных скатах высоты с отм. 159.6, другой – 3 км юго-восточнее Копанка.

В 3 км юго-западнее Копанка был оборудован главный наблюдательный пункт армии, который с 18 августа стал основным пунктом по управлению войсками на первом этапе операции.

Наличие трех наблюдательных пунктов было вызвано особенностями плацдарма, который просматривался противником на всю глубину и на котором трудно было найти подходящее место, позволявшее иметь хороший обзор вражеской обороны.

Пункты управления стрелковых корпусов и дивизий располагались еще ближе к войскам. Так, командные пункты командиров корпусов располагались на удалении 5 – 7 км, наблюдательные пункты – на удалении 2 – 3 км от переднего края. Командные пункты командиров дивизий располагались на удалении 2 – 3 км, наблюдательные пункты – на удалении 1 – 1,5 км от переднего края.

Такое приближение командных и наблюдательных пунктов к войскам создавало благоприятные условия для личного общения старших начальников с подчиненными и обеспечивало четкое и бесперебойное управление частями и соединениями.

Тыловой пункт управления армии был развернут на левом берегу Днестра, в 15 – 20 км от переднего края. В районе дислокации тылового пункта находились хорошие дороги и удобные пути подъезда.

Характерной особенностью организации пунктов управления являлось то, что все они были рассредоточены, что снижало возможность потери управления войсками в случае удара авиации противника.

На всех командных и наблюдательных пунктах была организована круглосуточная комендантская служба.

Перемещение командного пункта армии в ходе операции планировалось за ударной группировкой войск по оси движения Ермаклия, Манзырь, Садаклия.

... Организация связи.

На плацдарме организовывалась надежная телефонная, телеграфная и радиосвязь с подчиненными штабами и соседями.

Проводная связь была весьма широко развита и охватывала все без исключения части и соединения, вплоть до запасного полка самоходной артиллерии, разгрузочных площадок, речных переправ. Вся эта сеть постоянных линий связи была построена частями связи армии с использованием проволоки разного диаметра, и том числе и колючей. Это давало возможность не только расширить сеть связи, но и иметь в резерве большую часть телефонного полевого кабеля и шестовой линии, нужных в ходе операции.

... Большое насыщение плацдарма войсками резко увеличивало число радиостанций. В армии насчитывалось 1050 различных радиостанций, из них в пехоте – 530, в артиллерии – 340, в танковых и самоходно-артиллерийских частях – 180.

Это явилось причиной, усложняющей организацию связи, так как для всех радиостанций не хватало волн. Так, для организации радиосвязи в армии требовалось 340 волн, а в распоряжение начальника связи было дано 100. В силу большого недостатка радиоволн приходилось допускать работу нескольких радиостанций на одной волне. Кроме того, чтобы компенсировать недостаток радиоволн в радиосетях стрелковых дивизий, полков и батальонов, разрешалось работать на так называемых «половинках» и даже четвертых долях волн, хотя существующими таблицами радиоволн такие случаи не предусматривались. Для этого на радиостанциях была произведена дополнительно соответствующая градуировка.

... Оперативное обеспечение операции. Разведка.

С получением указаний на подготовку операции начальник разведотдела армии полковник В. И. Щербенко разработал план разведки, который был утвержден командармом.

Перед войсковой разведкой ставились задачи:

- наиболее полно вскрыть группировку противника, районы расположения резервов, их состав и вероятные направления их действий, характер инженерных укреплений и заграждений как на переднем крае, так и в глубине тактической зоны обороны;
- своевременно установить перегруппировку войск противника, подход его новых частей с других участков фронта;
- систематически уточнять боеспособность и политико-моральное состояние немецко-румынских войск.

Для выполнения поставленных задач была создана широкая сеть наблюдательных пунктов – войсковых, артиллерийских, инженерных, дан-

ные которых позволяли наиболее полно изучить противника. Наблюдение велось круглосуточно. В ночное время работа наблюдателей дополнялась высылкой постов подслушивания (3 – 5 человек) к переднему краю обороны противника из состава стрелковых рот и батальонов. С постов подслушивания велось наблюдение за изменением режима огня, за возможной сменой частей противника, за производством инженерных работ и установкой проволочных заграждений и минных полей.

Одновременно с визуальной разведкой проводились действия разведывательных групп с целью захвата пленных, уточнения переднего края и огневой системы противника. В состав разведывательных групп стрелковых дивизий включались разведчики, автоматчики, саперы и химики. Вот один из примеров. В ночь на 17 июля 1944 г. на участке 66-го стрелкового корпуса силами разведроты 244-й стрелковой дивизии был проведен ночной поиск с целью захвата контрольного пленного.

В состав разведывательной группы было выделено 13 человек.

В течение трех дней (с 14 по 16 июля) разведывательная группа тщательно готовилась для действия в поиске: непрерывно велось наблюдение за объектом атаки, несколько раз осуществлялась вылазка дозоров для изучения путей подхода к объекту и отхода от него. Каждый разведчик отлично знал свои обязанности при нападении на объект. С целью достижения внезапности было решено проволочные заграждения преодолеть с ходу при помощи плащ-палаток.

Разведывательная группа была разделена на подгруппы: подгруппу захвата – в составе 6 человек под командованием старшего сержанта Черного и две подгруппы обеспечения – правой во главе с рядовым Яковлевым и левой под командованием рядового Тутина. Командир группы младший лейтенант Сорокин находился в правой подгруппе обеспечения.

В 23 часа 16 июля разведчики заняли исходное положение в окопах боевого охранения наших войск. Здесь командир группы еще раз уточнил метод действия и проверил знание бойцами поставленной задачи.

В 23 часа 30 минут под покровом темноты разведчики бесшумно подползли к проволочным заграждениям и развернулись в боевой порядок для атаки. Выбрав удобный момент, они забросали гранатами атакуемый объект. Затем, накинув на колючую проволоку плащ-палатки, бойцы быстро преодолели заграждение и овладели вражеским окопом. В это время слева от окопа противник открыл огонь из пулемета. Разведчики старший сержант Черный, рядовые Костюченко и Павлов забросали его гранатами. Вырвавшись вперед, рядовой Костюченко вместе со своими товарищами захватил в плен пулеметчика, который оказался солдатом 3-й роты 93-го моторизованного полка 13-й танковой дивизии. На допросе пленный дал ценные показания о выдвигении 13-й танковой дивизии из района южнее Кишинева в район Манзырь, в полосу 37-й армии.

Таким образом, ночной поиск удался вследствие тщательного изучения объекта атаки, внезапных, смелых и инициативных действий разведчиков.

Большое внимание командование армии уделяло разведке боем, как наиболее эффективному способу, дающему возможность выявить с большой достоверностью группировку, силы, средства и намерения противника и вместе с тем проверить ранее имевшиеся сведения.

В подготовительный период в полосе армии разведка боем была проведена три раза. Она проводилась силою усиленной стрелковой роты или батальоном при поддержке артиллерии – до артиллерийского полка стрелковой дивизии, одного армейского артиллерийского дивизиона и трех-четырёх минометных батарей. Во время разведки боем офицерский состав всех родов войск и специальных войск с наблюдательных пунктов изучал и засекал огневую систему противника. Специально выделенные группы саперов-разведчиков изучали характер инженерных укреплений и заграждений на переднем крае вражеской обороны.

В день наступления, 20 августа, была проведена разведка боем с целью установить, занимает ли противник первую траншею или же, оставив боевое охранение, отошел в глубь обороны. Это требовалось для того, чтобы не вести артиллерийскую и авиационную подготовку по пустому месту. Кроме того, разведка боем имела целью захватить на переднем крае важные опорные пункты врага, особенно высоту с отм. 151. 7, с которой просматривались наши позиции на глубину до 6 км.

Разведка боем проводилась силами пяти стрелковых рот, усиленных артиллерией и минометами, в полосе наступления армии за три часа до артиллерийской подготовки. После 5-минутного огневого налета по переднему краю обороны противника роты перешли в наступление, преодолели сильное огневое сопротивление и местами ворвались в первую траншею, захватив в плен несколько солдат из 306-й пехотной дивизии. Под воздействием сильного огня и контратак противника разведывательные роты вынуждены были отойти в исходное положение.

В итоге разведки боем был уточнен передний край, система огня противника, а также установлено, что враг прочно занял прежние позиции.

Для разведки оперативной глубины обороны противника, а также расположения его резервов применялась глубокая разведка путем засылки в тыл врага разведывательных партий по 3 – 5 человек из состава разведывательных рот стрелковых дивизий и разведывательных взводов стрелковых полков.

Артиллерийская разведка осуществлялась во взаимодействии с разведкой других родов войск, что давало возможность иметь более полные сведения о противнике.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 69).

... Противовоздушная оборона.

Противовоздушная оборона войск армии планировалась штабом армии и осуществлялась силами 35-й, 3-й зенитных артиллерийских дивизий, 60-го и 130-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов

РВГК. Кроме того, привлекались зенитно-пулемётные роты стрелковых дивизий, в каждой из которых имелось по 16-17 зенитных пулемётов.

Всего на прикрытие главной группировки войск армии было выделено, кроме дивизионных и корпусных зенитных средств, 5 зенитных полков и 2 зенитных дивизиона. Это надёжно обеспечивало прикрытие войск армии на плацдарме.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 71-72).

... Оперативная маскировка.

Важное место в подготовке операции занимала оперативная маскировка. Мероприятия по оперативной маскировке сводились к тому, чтобы скрыть действительную перегруппировку, районы сосредоточения войск и направление главного удара. С этой целью штабом армии был тщательно разработан подробный план оперативной маскировки, который проводился в жизнь самым жестким образом.

Все передвижения, перегруппировки и смена войск осуществлялись только в темное время суток. Дороги, просматривавшиеся противником, были закрыты, а вместо них по лесу были проложены новые. На дорогах, по которым шло передвижение войск и автотранспорта, был установлен систематический контроль штабов соединений, а также круглосуточные офицерские посты регулирования. Кроме того, на дорогах было установлено одностороннее движение автотранспорта, которое значительно сократило количество аварий.

Личный состав и боевая техника тщательно маскировались путем использования подручных средств и маскировочных сетей. Передвижение военнослужащих на исходном положении в дневное время было запрещено. Категорически запрещалось выходить на рекогносцировку танкистам в танковой форме, выезжать начальствующему составу большими группами на машинах.

Целым рядом мероприятий была повышена боевая готовность войск к отражению возможных попыток противника вести боевую разведку. В местах, плохо наблюдаемых по условиям местности, несли службу специально подготовленные секреты.

К разработке плана операции был привлечен ограниченный круг офицеров. Приказы и боевые распоряжения, связанные с подготовкой операции, отдавались исполнителям только в устной форме и в необходимом объеме, переписка, даже шифром, была запрещена. Радиостанции до начала наступления были опечатаны. Всякие переговоры по телефону, имевшие хотя бы какое-либо отношение к подготовке наступления, были категорически запрещены. На всех узлах и линиях связи была организована служба контроля.

Мероприятия по оперативной маскировке дали положительный результат. Противнику не удалось получить данные, вскрывавшие под-

готовку войск к наступлению. Правда, этому в значительной степени способствовали мероприятия по оперативной маскировке, проводимые в масштабе фронта на вспомогательном направлении. С этой целью в полосе 5-й ударной армии имитировалось сосредоточение и подготовка ударной группировки войск фронта (в районе Реймаровка имитировалось сосредоточение механизированного корпуса, в районе Карманово – стрелкового корпуса и в районе Ташлык – артиллерийской дивизии прорыва). Эти мероприятия были настолько эффективны, что противник, ожидая здесь наш главный удар, держал против 5-й ударной армии свои основные силы, что имело важное значение для достижения успеха при прорыве обороны противника с плацдарма южнее Бендеры.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 77-80).

... Материальное обеспечение операции.

Организация материального обеспечения операции проходила в особых условиях. С одной стороны, широкая водная преграда р. Днестр, находившаяся в тылу, представляла собой значительное препятствие в снабжении войск материально-техническими средствами. С другой стороны, тыловые части и учреждения имели много времени (до 4 месяцев) для организации и устройства тыла. В силу этих обстоятельств командование 37-й армии основные тыловые части и учреждения приблизило к войскам, а часть их даже разместило на плацдарме. Так, армейская база и станция снабжения до 15 августа были развернуты от линии фронта на удалении 30-40 км, а с 15 августа – на удалении 15 км. Выгрузочные станции, армейские госпитальные и ветеринарные учреждения были приближены к линии фронта на 8-15 км, причем часть армейских тыловых учреждений находилась непосредственно на плацдарме. Дивизионные обменные пункты располагались на удалении 6-8 км и медико-санитарные батальоны – на удалении 4-6 км от переднего края.

До 15 августа армия базировалась на железнодорожном участке ст. Мигаево, Раздельная, Ново-Савицкое. Армейская база со всеми полевыми складами была развернута на ст. Мигаево, а выгрузочные станции – в Ново-Савицкое и на разъезде 36-й километр. На выгрузочную станцию разъезд 36-й километр подавались боеприпасы, а в Ново-Савицкое – остальные грузы. Отделение на грунте было развернуто на плацдарме: артиллерийский склад в 2 км западнее Суклея, а продовольственный – на северо-восточной окраине Копанка.

Армейские госпитали первой линии были развернуты в районах Карагаш и Слободзея Молдаванская. Два хирургических подвижных полевых госпиталя были выдвинуты на плацдарм в район медико-санитарных батальонов для принятия раненых непосредственно из частей. Госпитальная база была развернута в районе железнодорожной станции Мигаево, а ее отделение с эвакуопунктом – на ст. Ново-Савицкое.

Такое расположение армейских госпиталей создавало нормальное условие для лечебно-эвакуационного обеспечения. Все армейские госпитали в подготовительный период были максимально разгружены от раненых и больных, не подлежащих лечению в армейском тылу.

Армейская военно-автомобильная дорога проходила через Гребеники, Владимировка, Суклея, Копанка. Кроме нее, армия располагала двумя дополнительными путями подвоза и эвакуации. Первый из них проходил через Владимировка, Суклея, Копанка, а второй – через Ново-Савицкое, Слободзея Молдаванская, Суклея, Копанка.

За корпусами были закреплены определенные дороги. Так, за 66-м стрелковым и 7-м механизированным корпусами была закреплена дорога, идущая от Кицканы до Плоп-Штубей, за 6-м гвардейским и 82-м стрелковыми корпусами – дорога Копанка, Леонтино, Ермоклия.

Подвоз всех видов снабжения до ст. Мигаево и выгрузочной станции Ново-Савицкое производился железнодорожным транспортом, а от выгрузочной станции до дивизионных обменных пунктов – армейским и войсковым автотранспортом.

С 15 августа базирование армии было перенесено на железнодорожную станцию Тирасполь вместе с основными полевыми складами. На бывшей станции снабжения в Мигаево оставались такие склады, как автомобильный, горюче-смазочных материалов и санитарный.

Сближение войсковых и армейских тылов привело к тому, что основная часть армейских тыловых частей и учреждений размещалась в войсковом тылу. Такое устройство армейского тыла способствовало приближению запасов к войскам, сокращению участков подвоза, а также бесперебойному снабжению частей материальными средствами в ходе операции.

В соответствии с планом материального обеспечения запасы материальных средств были доведены до следующих норм:

- продовольствия – в войсках до 7 сутодач, на армейских складах до 8 сутодач;

- горюче-смазочных материалов – в войсках до 2 заправок, на армейском складе до 1 заправки, в артиллерийских частях до 3 заправок, в механизированных частях до 2 заправок;

- боеприпасов – до 4 боекомплектов, из них в войсках - 2 и на армейских складах – 2 боекомплекта.

Создание на плацдарме значительных запасов материальных средств себя оправдало, так как наступление с плацдарма требовало большего расхода материальных средств, особенно боеприпасов, чем в обычных условиях.

... Партийно-политическая работа.

В войсках армии за четыре месяца (май - август) было принято в члены партии 3500 человек и в кандидаты – свыше 4000 человек.

К началу операции в стрелковых ротах были полнокровные партийные организации, насчитывавшие от 8 до 10 коммунистов. Во многих

стрелковых ротах партийно-комсомольская прослойка достигала 50 процентов.

... Значительная работа проводилась с молодым пополнением, в основном прибывшим с территории, освобожденной от немецко-фашистских захватчиков. За период с 1 марта по 20 мая 1944 г. 37-я армия получила в качестве пополнения более 20 тысяч человек. Новое пополнение равномерно распределялось по подразделениям.

... Проводились собрания, беседы, слёты бывалых воинов, велась большая разъяснительная работа с личным составом воинских подразделений. Под особый контроль партийно-политических органов фронта и армий была взята боевая и политическая подготовка новобранцев.

... Во второй декаде августа были проведены семинары и совещания с начальниками политотделов, заместителей командиров частей по политчасти, парторганами первичных и ротных парторганизаций. Широко практиковался разбор проведённых учений с обсуждением действий коммунистов по выполнению ими заданий командования.

... Приказ командующего 3-м Украинским фронтом о наступлении был встречен воинами 37-й армии с исключительным подъёмом. Во всех частях состоялись митинги, на которых солдаты, сержанты и офицеры дали клятву, не щадя своих сил и самой жизни, выполнить поставленную боевую задачу.

7. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. - М.: Воениздат, 1959.

http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_pg/10.html

Планирование Яско-Кишиневской операции и непосредственная подготовка к ней начались в первых числах августа. Почувствовалось это сразу после приезда к нам представителя Ставки Верховного Главнокомандования Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Как-то вечером мне позвонил командарм и предупредил, чтобы я завтра был готов встретить у себя высоких гостей.

- Кстати, прикажи своим саперам укрепить лестницу на монастырской колокольне, она шатается. Да проверь лично, - сказал он мне,

- Когда прикажете ожидать вас? - спросил я.

- Утром, между десятью и одиннадцатью часами. В десять утра я был уже в Кицканах, около колокольни. Через четверть часа прибыл маршал Тимошенко, а вместе, с ним командующий фронтом, командарм, член Военного совета фронта генерал-лейтенант А. С. Желтов и член Военного совета армии генерал-майор В. Д. Шабанов. Генерал-лейтенанта Желтова я видел впервые, а Василий Дмитриевич Шабанов - мой старый боевой друг.

Представившись, я коротко доложил маршалу о выполняемой корпусом задаче. Выслушав меня, он пожал мне руку и как-то по-простецки, больше по-товарищески, чем официально, переспросил:

- Ну, а все же, как дела-то у вас?

- Хорошо! - искренне ответил я. - Продолжаем зарываться в землю, учимся день и ночь, готовимся к будущим боям. Настроение у личного состава прекрасное.

- Еще бы! - улыбнулся Тимошенко и посмотрел на Толбухина. - Два месяца живут, как на курорте. Разве можно обижаться!

- Мы и не обижаемся. Теперь у нас все есть: и люди, и техника, и хорошо подготовленные к бою части. Любой приказ командования будет выполнен.

- А мы и не сомневаемся, - сказал маршал. - А теперь покажите-ка нам оборону противника. Сюда, что ли? - посмотрел он на колокольню.

Высокий, стройный маршал первым и довольно-таки легко стал подниматься по крутой лестнице. Вслед за ним двинулись генералы.

Командующий фронтом взялся за перила, попробовал их прочность, посмотрел наверх и затем окинул взглядом свою полную фигуру. Толбухин страдал диабетом, и его полнота была вызвана этой болезнью.

- Тяжеловат! - сказал он и безнадежно махнул рукой. - Догоняйте, догоняйте! - показал он мне на лестницу.

Взобравшись на первые два пролета, я посмотрел вниз. Толбухин, заложив руки за спину, спокойно прохаживался по нижней площадке.

С колокольни открывался прекрасный вид на северный берег Днестра, утопавший в садах Терновки и Паркан, на Бендеры и на весь правый сектор корпуса от Плавней до Хаджимуса.

Особенно резко выделялись высоты западнее Бендер и Хаджимуса со вторыми и третьими позициями главной полосы вражеской обороны.

Плохо просматривался левый сектор в направлении Киркаешты и совсем не просматривался передний край обороны. Он был закрыт уцелевшими постройками Плавней и пышной растительностью.

- А где же Федор Иванович? - обратился маршал ко мне. - Да, да! Ему тяжеловато, лучше не подниматься, - сказал он, узнав, что генерал армии остался внизу.

После ознакомления с обороной маршал и генералы уехали в Тирасполь, в штаб армии, с этого дня началась напряженная и целеустремленная подготовка к наступательной операции.

11 августа на ВПУ штарма состоялся проигрыш на картах решения командарма с командирами корпусов.

12 августа на основе принятого командармом решения состоялись рекогносцировки командиров корпусов с командирами дивизий, а 13 августа был произведен проигрыш с ними на картах,

14 августа я издал приказ по корпусу на наступление, а 15 августа вторично участвовал в военной игре, проводившейся в присутствии Толбухина.

Командиры корпусов первого эшелона явились на игру вместе со своими командирами дивизий, а я, как командир корпуса второго эшелона, приехал один. Нужно сказать, что назначение корпуса во второй эше-

лон армии очень огорчило меня. Свою обиду я высказал командарму. Шарохин спокойно выслушал, а потом, улыбаясь, спросил по-дружески:

- Ты учился в военной академии?

- Учился.

- Знаешь, какие части командир выделяет в свой второй эшелон?

- Знаю.

- А почему же ты заявляешь мне претензию? Ты знаешь, что я сначала намечал твой корпус в первый эшелон, а затем перерешил и оставил во втором. Думаешь, это случайно? Нет! Это не обида, а большая честь для корпуса. Пойми сам и постарайся разъяснить подчиненным. Ясно?

- Ясно! Будет исполнено!

- Ну то-то же!

На военную игру командиры корпусов и дивизий прибыли подтянутые, торжественные. Они знали, что для них это генеральная репетиция.

Начальник штаба армии расположил нас вокруг огромного рельефного ящика, на котором была изображена горловина кицканского гребня с обороной противника в нашем исходном положении для наступления.

Генерал Толбухин сидел в сторонке, ни во что не вмешивался и как бы не обращал внимания на всю суету.

Наконец все расселись по своим местам, и командарм начал игру.

Командующий фронтом внимательно следил за игрой и вносил свои поправки. Делал он это очень спокойно и обоснованно.

Оперативной игрой и действиями участников Толбухин остался доволен.

После 15 августа начались рекогносцировки и увязка взаимодействия в звене командиров полков и комбатов, а в последние три дня до начала операции была произведена перегруппировка войск.

Корпус, передав свою оборонительную полосу правого фланга армии генерала Гагена, сосредоточился во второй эшелон армии между Кицканы и рекой Днестр.

Все рекогносцировки офицерского состава и перегруппировка войск производились в условиях тщательной маскировки, в строжайшей тайне. Противник и не подозревал, что над ним нависли грозные тучи. Вот-вот должна была разразиться и сама гроза.

8. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии 37-й армии.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 226-228).

В то время когда наши воины перелопачивали и утюжили животами болотистую землю кицканского плацдарма, командование разрабатывало план разгрома южной группировки противника. 37-я армия по решению

командующего фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина должна была играть ведущую роль во фронтовой операции. Ей предстояло прорвать оборону противника и во взаимодействии с 57-й армией и войсками 2-го Украинского фронта окружить и разгромить кишиневскую группировку врага. 82-й стрелковый корпус по решению командарма составлял второй эшелон армии.

И вот настал наш черед. 14 августа в полк поступил приказ командира дивизии, из которого нам стало известно, что дивизия выводится во второй эшелон корпуса и все инженерные сооружения, возведенные нами за период обороны, по акту сдает частям 93-й и 113-й стрелковых дивизий 57-й армии. В ночь на 15 августа сдали оборону 29-му полку 93-й стрелковой дивизии.

Объем проделанных нами инженерных работ был весьма внушительный. Но поскольку полк не раз выводился во второй эшелон дивизии, а также много готовил сооружений и за пределами полкового участка, приведу итоговые данные в целом за дивизию. Переданная полоса обороны включала: 26,7 км траншей и ходов сообщения полного профиля, 1713 стрелковых ячеек и пулеметных площадок, более 300 блиндажей, около 100 огневых позиции для артиллерии и минометов, более 13 км проволочного заграждения, 8400 противотанковых и противопехотных мин и много других инженерных сооружений. Эти цифры свидетельствуют о поистине героическом труде наших гвардейцев.

Передача участка обороны и смена частей проводились с величайшей осторожностью и с соблюдением всех мер маскировки. Утром 18 августа полк сосредоточился в северной части урочища Загорное. Здесь мы продолжали подготовку к наступлению.

С утра 19 августа комдив провел строевой смотр, на котором была проверена готовность полка к выполнению боевой задачи. Во второй половине дня на командный пункт дивизии пригласили командиров, замполитов и начальников штабов частей и отдельных подразделений. На этом совещании мы узнали, что войска 3-го Украинского фронта переходят в наступление. Наша дивизия действовала во втором эшелоне 82-го стрелкового корпуса, который, в свою очередь, составлял второй эшелон 37-й армии. Последнее всех нас немного огорчило. Генерал Чурмаев, заметив это, сказал:

- Вы, товарищи, народ грамотный и сами должны знать, какие части и соединения назначаются во второй эшелон...

- Лучшие, конечно, - слышался чей-то голос.

- То-то и оно! Так давайте же сделаем все от нас зависящее, чтобы оправдать доверие командования и Родины.

Вернувшись после совещания в полк, подполковник Куликов пригласил меня к себе. Мы изучили по карте назначенный маршрут движения, рубежи возможной встречи с противником. Затем командир полка принял решение на марш и поставил боевые задачи подчиненным командирам. В подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, а

затем провели и митинг в полку. Выступавшие на собраниях и митинге офицеры и бойцы, в первую очередь коммунисты и комсомольцы, дали клятву драться с врагом до последнего вздоха, взяли конкретные обязательства: совершить организованно марш, а при вступлении в бой уничтожить столько-то гитлеровских захватчиков.

9. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В. С. и Лескина С. В., 37 армия.

(В. С. Вылиток, С. Ф. Лескин. Новомосковская Краснознаменная.

Боевой путь 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1979. С. 176-178).

15 августа на кицканском плацдарме южнее Тирасполя в штабе 37-й армии генерала М. Н. Шарохина проходила командно-штабная игра, целью которой было проигрывание действий соединений армии в предстоявших наступательных боях. В игре участвовали командиры корпусов и дивизий, на ней присутствовали новый командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал Ф. И. Толбухин и член Военного совета фронта генерал А. С. Желтов.

37-й армии предстояло в скором времени принять участие в решительном наступлении войск 2-го и 3-го Украинских фронтов, позже получившем название Яско-Кишиневской операции. Ее результатом должны были стать полное освобождение Советской Молдавии и вывод Румынии из войны на стороне фашистской Германии. 2-й Украинский фронт наносил удар по противнику с севера, а 3-й Украинский фронт – с востока по направлениям, сходящимся в районе Хуши, Васлуй, имея целью окружить и уничтожить основные силы немецкой группы армий «Южная Украина». 37-я армия входила в состав сил фронта, наносивших главный удар.

На командно-штабной игре полковник Шапкин хорошо уяснил обстановку, которая сложилась в августе перед фронтом 37-й армии, роль и место 195-й стрелковой дивизии в операции, ее конкретные боевые задачи на всю глубину боевых действий.

Перед 37-й армией оборону занимали на сильно укрепленных позициях соединения 6-й немецкой армии, пополненные людьми и вооружением. В главной полосе обороны размещались части 15-й и 306-й пехотных дивизий, за ними стояла 13-я танковая дивизия.

Согласно замыслу командующего 37-й армией 195-й стрелковой дивизии предстояло наступать во втором эшелоне 6-го гвардейского стрелкового корпуса, следуя за 20-й гвардейской стрелковой дивизией и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизией в общем направлении на населенный пункт Ермоклия. Она должна была после прорыва первых вражеских позиций развить успех корпуса, а до того, следуя во втором эшелоне, быть в готовности к отражению контратак врага против частей первого эшелона.

Возвращаясь после командно-штабной игры домой, полковник Шапкин вспоминал, как ярко и убедительно говорил генерал Толбухин о великой освободительной миссии Советской Армии, вступающей на территории приграничных государств с единственной целью вызвать трудящихся из-под фашистского ига, о высоком долге воинов 3-го Украинского фронта завершить освобождение Советской Молдавии и положить конец хозяйничанью гитлеровцев в Румынии. Полковник Шапкин мог быть доволен тем, как три с половиной месяца, пока дивизия состояла в резерве, личный состав трудился, готовя себя к новым схваткам с врагом.

Все это время шла боевая учеба параллельно с доукомплектованием частей. Так как в соединение прибыло много молодых воинов, еще и не нюхавших пороху, занятия проходили по уплотненным расписаниям днем и ночью. Курс молодого бойца осваивался менее чем за месяц. Пополнению приходилось постигать премудрости военного дела буквально в поте лица своего: занятия проходили только в поле, где надо было, как в бою, подниматься в атаку, уметь окапываться в считанные минуты, совершать стремительные марш-броски. Молодой начальник штаба дивизии полковник А. Н. Овсяников сумел отладить процесс боевой учебы так, что всем своим содержанием он отвечал требованиям повышения боеспособности и боеготовности соединения.

В эти дни гостем дивизии оказался известный советский писатель А. А. Фадеев. На берег Днестра его привели поиски очевидцев и участников бессмертного подвига комсомольцев Краснодона, вдохновившего писателя на создание романа «Молодая гвардия». Такие люди в дивизии нашлись. Были встречи, душевные разговоры с ними, пополнившие записную книжку писателя новыми сведениями о краснодонской драме.

Писатель обрадовался, узнав в командире дивизии Иване Сергеевиче Шапкине своего старого друга, с которым долгое время не виделся, а в начальнике политотдела Николае Порфирьевиче Абраменко - доброго знакомого по довоенной работе. Засиделись до глубокой ночи, вспоминали годы первых пятилеток, встречи в Москве. Живой, любознательный человек, Фадеев рвался к бойцам поговорить по душам о войне, о героике боев, рассказать о событиях на фронте, о своих замыслах. Он побывал у стрелков, артиллеристов, минометчиков, встречался с партийными и комсомольскими активистами. Страстно говорил о преемственности боевых традиций в народе, выражал надежду, что в дивизии есть герои, о которых еще напишут книги.

В ночь на 18 августа 195-я стрелковая дивизия согласно боевому распорядку командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса выдвинулась на плацдарм, расположившись в предбоевом порядке в лесу неподалеку от излучины Днестра. Отсюда было уже рукой подать до передовой.

Утром 18 августа дивизию посетил генерал А. С. Желтов. В то время в соединении находились представители политуправления фронта, политотделов 37-й армии и 6-го гвардейского стрелкового корпуса. Шло

совещание заместителей командиров частей и подразделений по политической части, секретарей партийных организаций, на котором обсуждались насущные задачи партийно-политической работы в боевой обстановке. Выступивший на совещании генерал Желтов привлек внимание политработников к усилению идейно-политической работы и ее тесной связи с новыми освободительными задачами Советской Армии, призвал к бдительности и соблюдению дисциплины.

В течение 19 августа во всех частях дивизии прошли двухчасовые политические занятия по теме «Успехи советских войск на фронтах Великой Отечественной войны», на которых, в частности, шла речь о нормах поведения советского воина на чужой территории. Личному составу разъяснялось, что бойцы и командиры с красными звездами на пилотках идут в Румынию не как завоеватели, а как защитники трудового народа.

А в ночь на 20 августа дивизия вышла на исходные позиции для наступления в 3 километрах юго-западнее села Копанка на стыке между 20-й гвардейской стрелковой и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизиями. Справа занял позиции 604-й полк под командованием подполковника М. К. Керимова, слева - 564-й полк, которым теперь командовал подполковник С. С. Силаев. 573-й полк полковника Ф. В. Григорьева составил второй эшелон дивизии.

Поскольку после прорыва первых вражеских позиций предполагался ввод в бой через полосу 37-й армии 7-го механизированного корпуса, штаб дивизии во исполнение боевого распоряжения командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса сформировал передовой отряд под командованием полковника Холодова. Отряду, посаженному на автомашины, предстояло во взаимодействии с 64-й механизированной бригадой стремительно продвигаться вперед, захватывая выгодные рубежи и удерживая их до подхода главных сил. Передовой отряд расположился вместе со вторым эшелоном дивизии.

10. Из воспоминаний полковника Сафонова М. И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии 68-го корпуса 57-й армии.

Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», 1975. С. 39-41.

И вот совершенно для нас неожиданно, вечером 13 августа получаем приказ сдать плацдарм 73-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й ударной армии, а части нашей дивизии вывести на восточный берег Днестра.

За четыре месяца весь участок плацдарма от Гура-Быкулуй до Варницы, занимаемый дивизией, мы оборудовали не просто для обороны, а как исходную позицию для наступления. И, вполне естественно, оставлять нам его было жаль. Здесь на плацдарме командиры и политработники вели большую военную и политическую подготовку с по-

ступившим к нам в апреле и мае пополнением из освобожденных районов южной части правобережной Украины, а также из сел и городов Молдавии. За эти месяцы в дивизию влилось около 2 тысяч человек, в числе которых более 10 процентов молдаван. Большая часть поступивших была не обучена военному делу и недостаточно подготовлена политически. За четыре месяца они научились хорошо владеть оружием, освоили приемы ведения боя, получили политическую закалку.

13 августа, сдав плацдарм, дивизия сосредоточилась в балке, в районах хутора Блинный и деревни Новая Владимировка. А в ночь на 14 августа цель нашего отвода стала проясняться. Получаем приказ в полночь, согласно которому дивизии и всему нашему корпусу необходимо выйти на Кицканский плацдарм и быть готовыми к переходу в наступление.

- Вот это сюрприз! - прочитав приказ, воскликнул Антонов. - С плацдарма на плацдарм и в наступление. Понимаешь, в наступление!

Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», 1975. С. 47-50.

...Когда я прибыл на свой командный пункт, комдив первым делом спросил:

– Как плацдарм, Михаил Иванович?

Я рассказал: Кицканский плацдарм невелик, всего километров до 20 по фронту и 10 - в глубину, с разорённым в центре селением Кицканы. Местность болотистая и лесистая. Может показаться, что для сосредоточения здесь главных сил фронта и нанесения главного удара нет возможности. Однако командующий фронтом генерал армии Ф. И. Толбухин, начальник штаба генерал-полковник С. С. Бирюзов и член Военного Совета фронта генерал-лейтенант А.С.Желтов, осмотрев все плацдармы в полосе фронта, выбрали именно Кицканский. Я также объяснил, что у этого плацдарма есть много преимуществ перед другими даже крупнее его по площади. Во-первых, в стратегическом отношении выгодно его расположение; во-вторых, рельеф местности этого кусочка молдавской приднестровской земли, казалось, создан самой природой для большого и успешного наступления. Крутой изгиб Днестра и наличие на плацдарме на исходном положении высоты лесов и садов позволяло скрытно от противника производить переправу войск на Кицканский плацдарм, иметь на высотах удобные наблюдательные пункты.

....Переправа через Днестр для дивизии была паромной. В ночь на 15 августа дивизия начала переправу в излучине Днестра южнее Тирасполя. Четкая работа переправы обеспечивалась саперными подразделениями и регулировщиками - ответственными офицерами дивизии капитаном Ф. М. Яровым, майором И. И. Гумеровым, майором Ф. М. Вилинским, капитаном А. Т. Гришко, старшим лейтенантом М. А. Панковым. 16 августа дивизия полностью переправилась через Днестр и сосредоточилась в ближайших к реке фруктовых садах. Штаб дивизии расположился на небольшой высоте, поросшей редкими деревьями яблонь и слив.

Когда рано утром комдив и я вышли на свой НП из наспех оборудованного блиндажа, мы были изумлены красотой открывшейся перед

нами картины. Вокруг, насколько хватало зрения, раскинулись бесконечные фруктовые сады. Вдали виднелись Бендеры, Тирасполь и голубая лента Днестра, а впереди борозды траншей наших войск и врага.

Для меня, сибиряка, видеть такое казалось сном.

- Красотища-то какая! - вздохнув всей грудью, с грустью сказал Антонов. - Только болот много.

Такого дивного уголка земли мне еще видеть не приходилось. Как рай земной! Думалось: вот она, наша Советская Молдавия!

- Рай-то рай, - будто читая мои мысли, говорил Антонов, - но немцы изрядно наследили здесь: вон сколько плешин понаделали. Надо предупредить наших ребят, чтобы фашистам не уподобились, чтобы ни одного дерева не сгубили. Это же наше теперь добро, нам и беречь его.

Поражало еще огромное количество наших войск на плацдарме. Ночью мы не заметили этого. Сейчас, куда бы не бросили взгляд, везде стояли войска. Вся безлесная часть земли плацдарма, поля среди садов и рощ были вдоль и поперек изрезаны траншеями, окопами, ходами сообщений. Плацдарм был буквально усеян позициями артиллерии и минометов, замаскированные стволы напоминали покрытые молодой порослью пни. На опушках садов и леса просматривались закрытые ветвями танки, самоходки, автомашины.

- Неплохо поработали здесь наши соседи! - радостно сказал Владимир Семенович.

И действительно, за четыре месяца, которые 37-я армия находилась на плацдарме, она превратила его в отличный исходный рубеж для наступления. Теперь на этом пятачке сосредоточились три общевойсковых армии - 57-я, 37-я и 46-я, два механизированных корпуса, а севернее Бендер - 5-я ударная армия под командованием генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина. Четыре армии, закаленные в трехлетних боях, гнавшие врага из-под Москвы и Волги, имели огромное превосходство над оборонявшимся противником. Командиры Н. А. Гаген, М. Н. Шарохин, И. Т. Шлемин, Н. Э. Берзарин отличались высокой оперативной грамотностью, имели огромный боевой опыт.

...Еще до перехода дивизии на Кицканский плацдарм наши разведчики собрали много данных об обороне противника, численности и состоянии его войск, командовании частей и соединений перед плацдармом. Вечером 18 августа командир дивизии собрал офицеров штаба, политотдела, командиров частей и отдельных подразделений. На этом совещании он сказал, что части должны быть готовы в любую минуту вступить в бой.

Находясь длительное время в обороне, дивизия не только прочно удерживала плацдарм, но и много сделала в совершенствовании боевой подготовки и выучки бойцов. Особенно в результате нескольких смелых и удачных разведок. К тому же в дивизии находились офицеры, кото-

рые дрались еще за освобождение Северного Кавказа и особое военное искусство и личную храбрость показали при освобождении Донбасса и правобережья Украины.

11. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.

(Чмелев А. М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 73).

Части Краматорской дивизии на левом фланге 46-й армии в составе 37-го стрелкового корпуса оборонялись в своей полосе. Передний край дивизии растянулся от Чобручей до Талмаз. Справа, по правому берегу реки Днестр, занимали оборону части и соединения 37-й армии генерала М. П. Шарохина.

Части дивизии готовились к дальнейшим боевым действиям: доукомплектовывались личным составом, боевой техникой, оружием и боеприпасами, вели разведку противостоящего противника, уточняли рубежи его обороны, опорные пункты. Все подразделения частей занимались боевой и политической подготовкой. Особое внимание уделялось партийно-политической работе среди личного состава.

Войска готовились к осуществлению Яско-Кишиневской операции и к ведению боевых действий на чужой территории. Политотдел дивизии, партийные и комсомольские организации в своей работе значительное внимание уделяли привитию воинам чувства высокого патриотизма и интернационального долга.

Были проведены в частях партийные и комсомольские собрания. Политотдел дивизии провел партийный и комсомольский активы. Были обсуждены вопросы интернационального долга советских воинов по освобождению братских стран от фашистского ига.

(Чмелев А.М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 75-79).

В частях дивизии был многонациональный состав воинов. Воины писали в свои республиканские газеты о земляках, об их подвигах на фронте. Агитаторы-туркмены 179-го гвардейского стрелкового полка обратились в редакцию республиканской газеты «Туркменская искра» с просьбой высылать им газеты на родном языке. Редакция начала высылать два экземпляра газеты. В одном из номеров были напечатана статья о героическом подвиге воина, агитатора Баймурата Бегенджиева, который стал сержантом, командиром орудийного расчета.

Многие воины кавказских и среднеазиатских национальностей в боях проявили исключительную храбрость и мужество, за что были отмечены правительственными наградами. Воин взвода разведки 183-го гвардейского стрелкового полка армянин Авак Мартиросович Петросов не-

однократно ходил в разведку, на его счету было восемь «языков». Он был награжден орденами Славы 3-й и 2-й степени, орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Снайпер Ханбул Темомратов, узбек, в боях на плацдарме на правом берегу Днестра снял немецкого снайпера и наблюдателя. Был награжден орденом Славы 3-й степени. Азербайджанец Мухадын Мухамедович Джабраимов, парторг роты, неоднократно проявил себя в боях. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Красной Звезды.

И. К. Стуруа, житель города Тбилиси, в конце июня 1941 года был призван в Красную Армию. После краткосрочной подготовки получил воинскую специальность механика по связи. Первое боевое крещение получил в боях за Севастополь. В бой пришлось вступить сразу же после высадки с корабля. Был ранен и контужен. После лечения в госпитале попал в 179-й гвардейский стрелковый полк. В боях при освобождении Ворошиловограда – снова ранение в голову и контузия. Снова госпиталь... Затем служба в 183-м полку гвардии подполковника Т. Ф. Андриюшенко. И. К. Стуруа награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

Уроженец города Тирасполя Молдавской ССР коммунист Е. Б. Фишман призван в Красную Армию в июне 1941 года Кишиневским горвоенкоматом. Участвовал в боях на Юго-западном и 4-м Украинском фронтах. Дважды был ранен. У села Большая Знаменка умелым обходным маневром старший лейтенант Е. Б. Фишман со своей ротой вышел в тыл гитлеровцам. Обнаружив угрозу окружения, противник в панике бежал. Е. Б. Фишман лично уничтожил пять гитлеровцев. Командованием полка был представлен к награждению орденом Отечественной войны 2-й степени.

Его земляк Л. И. Бродский был призван в Красную Армию в марте 1943 года Акмолинским горвоенкоматом. Будучи наводчиком 76 мм орудия 176-го гвардейского стрелкового полка, сержант Бродский был ранен. Не оправившись от ранения, поспешил в свою батарею. А 20 августа 1944 года он из своего орудия уже метко разил врага на земле родной Молдавии. Вскоре после прорыва обороны противника сержант Бродский в одном из боев огнем своего орудия уничтожил 2 станковых пулемета противника с расчетами, подавил огонь автоматической пушки, рассеял до взвода пехоты, уничтожил 6 гитлеровских солдат, за что был награжден орденом Славы 3-й степени.

Воины узбеки, армяне, татары получали периодическую литературу и газету «Советский воин», блокнот агитатора на родных языках. Через агитаторов частей литература на языках нерусских национальностей поступала агитаторам подразделений.

Гитлеровское командование особое внимание уделило укреплению района между реками Днестр и Прут. Здесь гитлеровцы создали четыре глубоких оборонительных рубежа. На первом из них было три линии траншей, Первая траншея проходила непосредственно у самого уре-

за воды. Укрепления прикрывались минными полями и проволочными заграждениями. Населенные пункты и здания, прилегавшие к Днестру, были оборудованы гитлеровцами в опорные пункты. Особо сильно был укреплен опорный пункт в районе села Талмазы, в полосе действий частей дивизии. Противник в этом районе усиленно прикрывал и держал под непрерывным наблюдением нашу оборону.

25 июля из района садов восточнее села Чобручи части дивизии совершили марш, ночью сменили части 108-й гвардейской стрелковой дивизии в полосе Леонтина – румынский пост (в полукилометре северо-восточнее церкви в Чобручах) и приступили к оборудованию занимаемых позиций.

Пауза в обороне с 25 июля активно использовалась для обучения и подготовки личного состава подразделений частей дивизии к наступательным действиям. Уточнялись данные о противнике, его численность и расположение перед фронтом частей, минные заграждения, расположение огневых точек, резервов, схемы укреплений.

В ночь на 1 августа 176-й гвардейский стрелковый полк произвел перегруппировку. Его 3-й батальон был выведен в резерв командира дивизии. В ночь с 7 на 8 августа полк полностью передал свой участок обороны в районе села Леонтина 2-му батальону 907-го стрелкового полка 244-й стрелковой дивизии и сосредоточился в ближайшем лесу.

1 августа командиром 179-го гвардейского стрелкового полка вместо ушедшего па учебу гвардии подполковника М. Г. Дубовика был назначен гвардии подполковник Я. Т. Кореньков.

...Утром 16 августа командир дивизии свой командный пункт приблизил к боевым порядкам, на место КП 179-го гвардейского стрелкового полка.

В ночь с 16 на 17 августа 179-й гвардейский стрелковый полк сдал свой участок обороны 4-й гвардейской стрелковой дивизии и сосредоточился в лесу, а 183-й – передал свой участок обороны в районе озера Широкое 108-й гвардейской стрелковой дивизии и также сосредоточился в лесу.

Перед началом наступления на плацдарме проходила большая перегруппировка войск и техники. Несмотря на то, что противник со своих позиций просматривал весь плацдарм, мероприятия по перегруппировке были проведены скрытно и без потерь. От Тирасполя до Слободзеи через Днестр было несколько переправ. Противнику не удалось обнаружить или повредить ни один подводный мост, ни одну из наплавных переправ.

Но время шло. Не происходило никаких изменений. Ожидание уже тяготило. Это чувствовалось по настроению и высказываниям. Все стремились в наступление.

Большую работу перед наступлением провели офицеры служб снабжения частей и дивизии. В части, в подразделения переднего края подвозились боеприпасы, подтягивалась боевая техника. Офицеры службы тыла частей под руководством начальника тыла дивизии гвардии под-

полковника Л. П. Божко и начальника оргпланового отделения дивизии гвардии майора А. И. Шашкова, начальников служб тыла дивизии за несколько коротких августовских ночей сумели перевезти большое количество грузов, скрыв эту работу от противника.

12. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.

(Савельев В. П. Боевые будни штаба. М.: Воениздат, 1986. С. 177-185). http://militera.lib.ru/memo/russian/saveliev_up/index.html

Глава четвертая. Мастера выплавляют победу.

На плацдарм приезжали офицеры штаба армии: осматривали, прикидывали его возможности. Однажды побывал здесь генерал И. Т. Шлемин, командующий 46-й армией, в состав которой входила теперь 108-я гвардейская стрелковая дивизия. Внимательно выслушал доклад начальника разведки капитана А. М. Чечулина, заменившего подполковника К. С. Михальченко, который убыл по ранению. Тот докладывал без записей, все данные о противнике прочно отложились у него в памяти. Александр Михайлович определил возможный характер действий противника с началом нашего наступления.

- Можно подумать, что вы изучили план оборонительного боя в штабах противника, - шутливо заметил командарм. - Другого решения на использование резервов у них не будет.

Я тоже поддержал мнение разведчика. Часть резерва противник задействует при бое за первую позицию. Она составляет основу его обороны. Сама местность определила ее особое назначение. Траншеи протянулись над высоким крутым берегом старого русла реки. С них противник держал под огнем все междуречье, а крутизна берега, доходившая до 43 градусов, служила серьезным препятствием для наступающих. Для противника потерять первую позицию равносильно оставить этот рубеж обороны.

Начальник оперативного отделения подполковник Н. В. Попов убедительно раскрыл соотношение сил и средств сторон.

- В ходе наступления придется выделять часть сил дивизии на прикрытие левого фланга, - уверенно заключил он.

- Откуда вы знаете, что слева не будет соседа?

- Я же оператор, товарищ генерал. Местность диктует.

За годы войны офицеры штаба стали мастерами. Мыслили широко, оглядывали всю полосу армии, реально взвешивали возможности.

Один за другим докладывали офицеры. Мы здесь стали старожилками и потому лучше других знали местность, группировку и возможности противника, обстоятельно изучили его оборону.

Командарм не сделал никаких выводов, ни на что не ориентировал, он просто намерен был познакомиться с мнениями старожилков плацдарма и с возможностями соединений по разгрому противника на этом направлении.

На другой день командир корпуса генерал Ф. С. Колчук в ходе штабного учения предложил попробовать прорывать оборону передовыми батальонами. Заманчиво новое, тем более оно оправдалось в Белорусской операции. Но то, что было удачным в одной операции, могло оказаться непригодным для данных условий. Исходя из условий местности первые траншеи в обороне противника заняты основными силами батальонов первого эшелона. Отсюда напрашивалось, чтобы первоначальный удар был мощным, способным разгромить эти подразделения.

- А если противник отведет свои части с первой позиции? - спросил генерал Колчук.

- Не оставит выгодный рубеж. Сомневаться не нужно, - стоял я на своем.

Командир корпуса не опровергал доводы. Отрадно, что к нашему мнению прислушивались, спорили по-деловому. Видимо, еще не все было продумано в планах фронта и армии.

Вскоре дивизия стала жить другими заботами и задачами. Плацдарм, подготовленный к обороне, как и предполагалось, явился исходным районом для наступления. Густая сеть траншей и ходов сообщения, врезанная в него, позволяла скрытно расположить на сравнительно небольшой площади наступательную группировку войск. Заблаговременно созданные дороги, мосты, наблюдательные пункты - все это теперь служило интересам наступающих.

На плацдарм прибывали новые соединения. По всему ощущалось приближение больших событий. Обороне приходил конец. Уже вступил в действие строжайший приказ о соблюдении маскировки: никакого движения в дневное время, все должно застывать перед рассветом. На дорогах обновились шлагбаумы, на просматриваемых участках со стороны противника выросли стенки из камыша и лозы. На Днестре появились подводные мосты. На плацдарме проложили новые дороги, а старые выровняли, сделали шире.

Большая группировка сбивалась на плацдарм. Все подготовленные основные и запасные огневые позиции заняли орудия, минометы, реактивные установки. В отрытых ровиках пролегли пучки разноцветных проводов. Лес наполнился новыми звуками. Машина была поставлена на холостой ход, бегали механики, подливали масло, подкручивали гайки, прикладывали к корпусу ухо, выискивая неисправности и сбои.

Штаб получил фотосхемы обороны противника на всю ее глубину. При наличии такого документа отпали многие сомнения о системе построения обороны за первой позицией. Приходилось только сожалеть, что этих фотосхем штаб дивизии не получал при прорыве таких оборонительных полос, как Голубая линия, на реке Молочной, на Днепре. Там наступали, имея мало данных о противнике. Только в ходе боевых действий вскрывалась его огневая система.

С учетом особенностей построения обороны противника определялся замысел разгрома его группировки. 37-й корпус, имея в первом эшело-

не 59-ю и 108-ю гвардейские стрелковые дивизии, прорывал оборону на участке южная часть Талмазов, Чобручу. По решению командира корпуса 108-й дивизии предстояло действовать на левом фланге, прорвать оборону на участке 3,5 км, разгромить противостоящие подразделения противника, овладеть деревней Чобручу, в дальнейшем наступать в направлении Слободзеи.

Без спешки, обстоятельно готовилась Яско-Кишиневская операция. В боевых документах корпуса и армии многое было тщательно расписано, расчерчено, размечено.

В первый раз с такой подробностью определялись задачи и порядок действия войск. На чистом листе бумаги были расставлены боевые порядки дивизии и полков.

На участке прорыва дивизии местность была крайне неудобная для атаки: до переднего края обороны противника предстояло взбираться по крутым скатам. Весь расчет делался на мощный огонь артиллерии и смелый бросок пехоты. На тренировках подразделения успешно преодолевали более крутые склоны. Много раз командиры и офицеры штабов с секундомерами в руках выверяли возможный темп броска. Но под огнем врага такой стремительный рывок возможен при условии, что будет короткая дистанция. Сложность возрастала еще и оттого, что на ничейной полосе протекал безымянный ручей, который требовалось преодолеть перед атакой.

После многих прикидок и расчетов командир дивизии принял решение в ночь перед атакой преодолеть ручей и на правом берегу оборудовать исходную траншею. Расположить скрытно свой первый эшелон почти под самым носом противника - это большой риск. Но он был оправдан. За отрывкой траншеи штаб установил жесткий контроль. Никаких послаблений и отступлений от требований скрытности.

Казалось, что много дней занимала подготовка Яско-Кишиневской операции, а если внимательно присмотреться к жесткому графику выполнения намеченных мероприятий, то в нем на планирование боя в дивизии отводилось всего 14 часов. Иначе нельзя. Если штаб не уложился бы в эти сроки, то отработанные документы во многом теряли бы свою ценность. Важно было довести до подчиненных результаты планирования до принятия ими решений и до выезда их на местность для организации взаимодействия войск.

Несмотря на жесткие сроки, появилась полная уверенность, что все необходимые боевые документы будут отработаны. К этому времени неизмеримо возросло мастерство офицеров штаба. Они привыкли работать с полным напряжением сил, не считаясь с помехами и неудобствами. Ведь документы разрабатывались в тесных землянках, при слабом освещении копилки-гильзы, на маленьких неудобных столах наряду с выполнением офицерами обычных обязанностей, вытекающих из действий войск в обороне.

Для сокращения сроков и повышения качества планирования каждый

офицер штаба обычно специализировался на разработке однотипных документов, что позволяло ему хорошо освоить методику их составления. Если же исполнитель по каким-либо причинам не был на КП, то его документы чаще брал на себя начальник отделения.

Указания и исходные данные для планирования я доводил до начальников отделений и служб. Карта с решением командира готовилась в двух экземплярах: один передавался в оперативное отделение, второй оставался у начальника штаба, что давало возможность сразу же привлекать к планированию основной состав офицеров управления.

Качество планирования боевых действий - это лицо штаба, его авторитет. Требования к боевым документам были известны каждому исполнителю. Чтобы добиться их выполнения, я руководствовался суровым принципом работы начальника штаба 11-го гвардейского стрелкового корпуса полковника М. В. Глonti. Суть его состояла в том, что, какие бы сроки ни отводились на планирование, начальник штаба не пропускал и не подписывал боевой документ не только с ошибками и исправлениями, но и с неряшливо или нечетко сформулированными фразами, даже если они не искажали содержание документа и не позволяли его понять иначе.

Такой порядок мною был заведен с первых шагов работы в штабе, от него я не отходил, и подчиненные привыкли к нему. Обычно я сам разрабатывал боевой приказ или плановую таблицу боя. Начальнику штаба легче подготавливать эти документы, ему с большей подробностью известен замысел командира, да и сам он в состоянии многие вопросы самостоятельно доработать и детализировать.

То, что написано начальником штаба, уже не подлежало проверке и, тем более, корректировке. Считалось, что это последняя инстанция, после которой документ можно было подписывать и отправлять адресатам. Но на этот раз порядок я нарушил. Майор Ф. А. Шаченко придирчиво, со всей строгостью выверил документы, отработанные мною, отыскал ряд погрешностей. Я изучил его пометки: все они оказались справедливыми и вполне обоснованными. Значит, подчиненные стали грамотнее, поднялись на более высокую ступеньку мастерства, а с такими и работать легче. Но и для себя пришлось сделать вывод: больше требовательности к качеству выполняемой лично работы. Чтобы в любых условиях все видели в документе, отработанном начальником штаба, образец, тот самый эталон, который могли брать для сравнения и оценки других документов. Начальнику штаба не положено отставать от суровых требований, а они неудержимо повышались от одного боя к другому.

Я не сторонник «вымучивания» документов, но и не одобрял, когда ради сокращения времени документ рождался под диктовку с карты, без изготовления черновика. Какой бы высокой квалификацией ни обладал офицер штаба, чаще всего повторялись не только форма, но и прежнее содержание. На память быстрее всего приходило то, что уже освоено, стало знакомым и привычным. Но давно было известно, что новый бой не повторял предыдущий, в нем всегда все по-иному. Если штаб не заме-

чал этого, то он не поднимался в своей работе выше канцелярии, аккуратно учитывающей входящие и исходящие документы. Никак нельзя было допускать, чтобы исчезло из работы штаба, а тем более его начальника главное – творчество и поиски оригинальных путей решения вопросов.

Но как бы тщательно ни были разработаны документы, решающее значение все-таки имела работа командира с подчиненными непосредственно на местности. С утра 17 августа командир дивизии приступил к организации взаимодействия в предстоящем наступлении. Взаимодействие – это непоколебимая уверенность каждого воина, что сосед не подведет и сделает положенное вовремя, что артиллерия подавит цели, что авиация нанесет удары по резервам и огневым позициям артиллерии врага, что перед второй траншеей противника будет введен в бой второй эшелон батальона, а после захвата первой позиции – резерв полка... Такая согласованность рождалась вначале в планах, разработанных штабом, теперь же она закреплялась на местности.

В ходе этой работы командир приводил в действие свое решение, перед глазами подчиненных протекали события предстоящего боя. Оживала тихая пока оборона врага, приводилась в действие его огневая система, выползали из траншей и балок резервы для контратак и закрытия брешей, совершали маневр подразделения, пытаясь усилить опасные участки. Шаг за шагом, минута за минутой командир вел своих подчиненных, растолковывал им, как целесообразнее действовать, чтобы не слабела, а еще больше наращивалась сила удара по врагу по мере продвижения частей в глубину его обороны. Особое внимание он уделял решению вопросов огневого поражения противника.

Вместе с ротами пойдут артиллеристы с радиостанциями, обеспечивая управление огнем из первой траншеи врага, как только пехота зацепится за нее. Чтобы быстрее тащить пушки по крутому берегу, на помощь расчетам придет пехота из второго эшелона. Уже подготовлены лямки, веревки, освоена техника втаскивания орудий. Без тренировки даже с этой простой задачей воины под огнем могли не справиться.

Нужен уверенный и смелый бросок на вросшего в землю врага. Его пехота не должна поднять оружие для стрельбы, пока наши гвардейцы преодолевают высокий и крутой берег старого русла реки. В успехе такого броска многое зависело от точного соблюдения времени, интервалов, дистанций, порядка выдвижения огневых средств и ведения огня артиллерией. Полковник Дунаев терпеливо напомнил о необходимости выдерживать установленные нормативы: фронт взвода – 55, роты – 135, батальона – 480, промежутки между солдатами – 3 м. Ни больше, ни меньше. В интервалах – огонь пулеметов и ПТР, через головы пехотинцев полетят снаряды и будут рваться в 150 м от передовой цепи.

Победа всегда определялась не только силой оружия, но и высоким моральным духом. С подполковником Л. П. Вахрушевым, как обычно перед каждым серьезным боем, мы перебрали наиболее сложные вопросы

в организации боевых действий, определили трудности, которые могли возникнуть в ходе наступления, прикинули, где нужны совместные усилия офицеров штаба и политотдела. Заранее намеченный порядок работы всегда оказывал неоценимую помощь в бою.

18 августа во всех подразделениях прошли открытые партийные собрания. Коммунисты перед лицом своих товарищей, перед партией заверили, что они не пожалеют сил и самой жизни, чтобы достойно выполнить задачу.

Коммунисты штаба участвовали в проведении таких собраний в разных подразделениях. Я побывал в первом батальоне 305-го полка. Воины собрались под высокими и густыми кронами деревьев. И смотрел на них и радовался. Они старательно побрились, выстирали гимнастерки, подшили к ним подворотнички.

Запомнилось выступление красноармейца Прокопчука. Высокий, с широкой грудью, размахивая перед собой тяжелым кулаком, он говорил:

- Очистим землю от врага - в этом можно не сомневаться. Звание члена партии не посрамим.

Он обращался к однополчанам с призывом полнее использовать в ходе атаки свое оружие, поливать на ходу огнем из автоматов траншеи врага, не давать фашистам вести прицельную стрельбу по наступающим. Воин, закаленный в боях, хорошо усвоил: сила атаки в огне. Не только артиллерия, но и каждый воин в ответе за огневое поражение противника.

Выступления были короткими, бодрыми, в них звучала твердая уверенность, что группировка противника на этом направлении будет разгромлена. Коротким было и принятое решение.

К вечеру состоялось партсобрание в управлении дивизии. Здесь также много не говорили. Коммунисты придиричиво вглядывались в то, что ими сделано, находили слабинки в решении ряда вопросов, вместе искали пути для устранения недоделок...

К исходу 19 августа все было готово для наступления. Спать, до утра не тревожить солдат и офицеров – таков приказ командира дивизии. Привыкли засыпать однополчане в любой обстановке сразу же, без долгих приготовлений, так же легко, без раскачки вставали они, услышав команду или вспышку стрельбы.

Только саперам предстояло трудиться всю ночь. Свои мины они сняли раньше, но еще оставались заграждения противника. За месяцы обороны фашисты наставили их много. В саперном батальоне опытные мастера. Много раз проделывали они проходы для пехоты и танков. Всегда уверенно шли подразделения в атаку, не опасаясь, что может прогреметь взрыв от случайно оставшейся мины.

Трудной задачей для саперов являлся пропуск войск через безымянный ручей. Ширина его небольшая - всего 20 метров, но для пехоты и артиллерии ручей представлял препятствие. Противник держал его всегда под огнем. В эту ночь саперам предстояло навести через ручей 60-тонный мост и пешеходные мостики. За несколько дней до этого са-

перы отработали все действия по наводке мостов. В тылу был подобран похожий ручей, на нем собирали в темноте элементы мостов. Работали без команд, каждый исполнитель делал то, что ему положено. Ни одного лишнего движения, ни одного слова и резкого стука. Появились кувалды, обвернутые в тряпки, молотки с деревянными набойками, готовились сборные секции, чтобы в короткие сроки под огнем врага установить мосты на месте.

Я уже начал дремать, когда пришел подполковник Н. В. Попов, доложил о приезде авторитетной комиссии для проверки нашей готовности к наступлению.

На КП все в движении. Полтора десятка проверяющих. Люди опытные, знали, как и что проверять. Начали с боевых документов. Уже через полтора часа проверяющие определили, что существенных замечаний по содержанию и оформлению документов у них нет. Отмечались мелкие недочеты в отработке отдельных второстепенных деталей. Комиссия решила проверить 311-й полк. Часы показывали 2 часа ночи. Я попытался отговорить их от такой затеи. Тем более что штаб дивизии проверял уже все вопросы не только в полках, но и в батальонах. Старший группы был неумолим, напомнил ленинский принцип: доверяй, но проверяй.

Впервые заметил, что под густыми кронами деревьев вроде спрессовано дневное тепло, а на полянах бодрящая свежесть ночи. На протоптанных дорожках ни души. За мной цепочкой двигались проверяющие. Разбудили штаб полка, а через полчаса и батальонное начальство. Пробивался слабый рассвет. Через час должны подняться командиры, офицеры штабов и политработники. Начнется боевой день.

Члены комиссии ходили по траншеям. Солдаты спали, прикрывшись накидками и шинелями. Около пулеметных точек дежурили наводчики. Проверяющие придирчиво спрашивали командиров подразделений о содержании задач, с кем нужно держать взаимодействие, кто из артиллеристов пойдет рядом, какие сигналы установлены для управления...

13. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого»

(Перстнёв В. И. Жаркий август сорок четвёртого. Бендеры, «Полиграфист», 2014. С. 33-36).

К началу намечаемого наступления войска 2-го и 3-го Украинских фронтов получили пополнение людьми и материальной частью. На 20 августа их численность с учетом тыловых частей достигла 1.250 тысяч человек. На их вооружении имелось 19,5 тысяч орудий, минометов и «катюш», 1.404 танка и самоходно-артиллерийских установок, 2.200 боевых самолетов (с учетом авиации Черноморского флота).

Левый фланг 3-го Украинского фронта, действующего на приморском направлении, прикрывался кораблями Черноморского флота и Дунайской военной флотилии. Основные силы и средства последней предназначались для переправы десантных войск через Днестровский лиман в направлении города Белгород - Днестровский, а впоследствии для самостоятельных действий вместе с морской пехотой в устье Дуная и его прибрежных населенных пунктов Вилково, Килия, Измаил, Рени.

Довольно крупными силами на этом театре военных действий располагало и вражеское командование. Против советских войск оно выставило группу армий «Южная Украина» под командованием генерал-полковника Ганса Фриснера, в состав которой входили армейская группа «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии), армейская группа «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии) и 17-й немецкий отдельный армейский корпус. Всего в группе армий «Южная Украина» насчитывалось 919 тысяч солдат и офицеров, 7618 орудий и минометов, свыше 400 танков и штурмовых самоходных орудий, 810 боевых самолетов. 35. Противник занимал удобную для обороны местность, но его войска, расположенные на вершине дуги, охватывались с обоих флангов 2-м и 3-м Украинскими фронтами.

Серьезную тревогу у немецкого командования вызывало направление, выводящее советские войска к Кишиневу с севера и востока. В ожидании лобовых ударов наших армий с этих направлений, особенно со стороны Пугачено-Шерпенского плацдарма, находившегося в 35-40 километрах от столицы Молдавской ССР, оно выдвинуло сюда наиболее сильную 6-ю армию в составе тринадцати немецких и одной румынской дивизий. Оборонительный рубеж противника здесь состоял из 7-8 линий сплошных траншей, соединенных глубокими ходами сообщения.

Вражеская оборона была до предела насыщена искусственными препятствиями (проволочные заграждения в несколько рядов кольев, спираль «Бруно», ловушки, противотанковые и противопехотные поля минные поля и тому подобное). Все прибрежные населенные пункты, как и отдельные каменные строения на правом берегу реки превращены в опорные пункты и сильные узлы сопротивления с круговым обстрелом. Все это свидетельствовало о том, что фашисты всерьез и надолго собирались отстаивать местность, прилегающую к Кишиневу.

Командующий войсками группы армий «Южная Украина» Ганс Фриснер и его штаб считали, что, выставив здесь большую часть немецких соединений – 13 из 25 дивизий, они смогут успешно отразить как удар главных сил 3-го Украинского фронта, если он последует со стороны Пугачен и Шерпен, так и наступление ударной группировки войск 2-го Украинского фронта, если оно будет предпринято вдоль восточного берега реки Прут.

Особое внимание уделить кишиневскому направлению гитлеровцев заставляло и то обстоятельство, что на смежных флангах двух наших фронтов находились 4-я гвардейская и 5-я ударная армии. По опыту про-

шлых сражений немцы давно уже усвоили, что где появляются гвардейцы и ударники, там, как правило, и наносится главный удар.

С получением директивы Ставки Верховного Главнокомандования началась подготовка войск к ведению боевых действий в предстоящей операции. Командующий 2-м Украинским фронтом генерал армии Р.Я. Малиновский (член Военного Совета генерал-лейтенант танковых войск И.З. Сусайков, начальник штаба генерал-полковник М.В. Захаров) решил главный удар нанести в направлении Васлуй и далее на Фокшаны.

Сколь оригинальным, столь и неожиданным для врага было решение командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Ф.И. Толбухина (член Военного Совета генерал-лейтенант А.С. Желтов, начальник штаба генерал-полковник С.С. Бирюзов). Суть его состояла в том, чтобы ударом с Кицканского плацдарма южнее Бендер в направлении на Хуши окружить и уничтожить совместно со 2-м Украинским фронтом основные силы группы армий «Южная Украина». Удар приходился по стыку румынских и немецких войск и позволял в короткие сроки выполнить поставленную задачу. Кроме этого, частью сил 46-й армии во взаимодействии с Черноморским флотом предполагалось разгромить 3-ю румынскую армию и одновременно развивать наступление на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за Прут и Дунай.

Одной из важнейших предпосылок, решительным образом обеспечивающих успех проведения Яско-Кишиневской операции, явились широко проводимые советским командованием мероприятия, направленные на введение фашистов в заблуждение относительно направлений удара главных сил 2-го и 3-го Украинских фронтов, а также сроков их перехода в наступление.

Огромная работа, направленная на дезинформацию вражеского командования, проводилась в полосе обороны 5-й ударной армии. Перед ее соединениями, обороняющимися на широком фронте от села Бравичены Оргеевского района до селения Красная Горка Тираспольского района, была поставлена задача не только сковать действия неприятеля в районе Кишинева, но и привлечь как можно больше сил 6-й немецкой армии и резервы группы армий «Южная Украина» именно к этому участку.

С этой целью в тылу 5-й ударной армии широко имитировались мероприятия по подготовке крупного наступления на Кишинев. В основу решения этой задачи (исполнения плана оперативной маскировки, разработанного штабом фронта) было положено ложное сосредоточение крупной группировки войск. Так, в районе Реймаровки обозначалось появление механизированного корпуса, в Карманово – стрелкового корпуса, а в районе Григориополя, Ташлыка и Бутора - артиллерийской дивизии прорыва.

За время проведения в жизнь плана оперативной маскировки на участке этой армии, в ложных районах сосредоточения войск и боевой техни-

ки была проделана гигантская работа: сооружено 5305 самых различных укрытий, 104 склада, изготовлено и установлено 514 макетов танков, орудий, минометов и автомашин, отрыто большое количество ложных траншей, ходов сообщений и огневых позиций для орудий и минометов. Здесь непрерывно дымили походные кухни, горели костры по ночам, а с помощью мощных радиостанций наши девушки-радистки посылали в эфир ничего не значащие радиосигналы. Все это способствовало тому, что противник не смог даже заподозрить, что над ним в районе румынского города Яссы и южнее Бендер нависли грозовые тучи и, вот-вот должна была разразиться сама гроза.

Одновременно с пунктуальным осуществлением всех разделов плана оперативной маскировки, велась подготовка собственно к самому наступлению: отработка и доведение войскам многочисленных боевых документов, перегруппировка и подтягивание войск и боевой техники к участкам, намеченным для прорыва, подвоз огромного количества материально-технических средств, исчисляемого сотнями железнодорожных эшелонов, проводилось скрытно, в глубочайшей тайне от врага.

В полном объеме шло обучение войск к предстоящему сражению. На занятиях с солдатами, сержантами, офицерами и генералами отрабатывались инициативные, смелые и решительные действия, вопросы тесного взаимодействия всех родов войск. Даже сегодня, спустя семь десятилетий, трудно представить себе масштабы этой работы, проведенной с личным составом в канун Яско-Кишиневской операции. Можно сказать лишь одно, что она помогла сохранить жизнь не одной тысяче советских воинов, особенно в момент прорыва укреплений врага.

Непрерывно, в период подготовки к операции, велись наземная и воздушная разведки. Наши разведчики, используя глухие ночи, а часто и светлое время суток, ползали перед самым носом у противника, проникали незамеченными в его тыл, чтобы достать «языка», тщательно прощупать систему обороны и ее долговременные сооружения. В ходе этих поисков они на местности уточняли расположение огневых позиций вражеской артиллерии и минометов, минных полей, проволочных заграждений и других «сюрпризов», которые в ночь перед наступлением должны были обезвредить саперы, уничтожить или подавить наши артиллеристы.

14. Из воспоминаний немецкого генерал-полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группой армий «Южная Украина».

Фриснер Г. Проигранные сражения. - М.; Воениздат, 1966. <http://militera.lib.ru/memo/german/friessner/index.html>

Начиная с 7 августа, картина резко изменилась. Разведка регулярно

стала докладывать о все более интенсивных передвижениях войск противника по обеим сторонам Прута. Они концентрировались главным образом в районе западнее реки. Все говорило о том, что эта концентрация сил имеет к нам самое непосредственное отношение. Строительство аэродромов вблизи линии фронта, оборудование новых артиллерийских позиций, приведение в боевую готовность танковых соединений, активизация деятельности разведки, многочисленные случаи разведки боем, в особенности на нашем северном крыле, на фронте армейской группы Велера, ясно говорили о том, что русские планируют наступление. Это стало еще более очевидным, когда противник начал пристрелку своей артиллерии и бомбардировку наших позиций. Было заметно, что русские усилили зенитную оборону мостов через Днестр. Пленные показывали, что советское командование отозвало всех солдат, отправленных на полевые работы, и что один взвод в каждой роте проходит специальную подготовку в качестве «штурмовой группы» для прорыва укрепленных полос. Агентурная разведка сообщила, что на карпатский участок фронта прибыли русские горнострелковые части. Вскоре были получены сведения, что советские саперы проделывают проходы в минных полях и сооружают ступеньки на передних стенках траншей.

На южном крыле фронта, где действовала армейская группа Думитреску, картина была тоже далеко не безоблачно ясной, как и на фронте армейской группы Велера. К сведениям о перемещениях войск противника перед фронтом 6-й армии, севернее и северо-западнее Кишинева, в направлении армейской группы Велера (8-я армия) 18 августа добавились данные об интенсивной переброске советских войск в направлении участка фронта, обороняемого армейской группой Думитреску. Кроме того, советское командование постоянно наращивало свои силы на предместных укреплениях вдоль Днестра. Кульминационным моментом этих передвижений был день, когда наша воздушная разведка насчитала до тысячи автомашин, идущих к фронту. Увеличилось и число вновь вступивших в действие полевых аэродромов противника перед правым крылом группы армий. В одесском порту, начиная с 7 августа, также наблюдалась растущая концентрация судов противника. Мы успешно подавляли выявленные объекты с воздуха в той степени, в какой это удавалось при наличии ограниченного числа боевых самолетов.

Группировка сил противника позволяла сделать совершенно определенный вывод о том, что противник будет наносить удары в двух направлениях: на днестровском участке фронта - в районе Тирасполя и западнее Прута - в районе Ясс. Оперативный замысел советского командования был совершенно ясен. Было очевидно, что северная группировка противника - 2-й Украинский фронт под командованием русского маршала Р. Малиновского - попытается прорваться на юг между реками Прут и Серет, чтобы отрезать армейскую группу Думитреску и помешать ее отходу на запад. В то время мне казалось, что вторая группировка в районе Тирасполя - 3-й Украинский фронт под командованием маршала

Толбухина - вначале получит задание сковывающими действиями удерживать на месте войска армейской группы Думитреску до тех пор, пока северная группировка не блокирует переправы через Прут. Как мы убедились позднее, это предположение было ошибочным.

Выявленные нами к началу сражения силы противника перед фронтом группы армий насчитывали 94 стрелковые дивизии, 7 танковых дивизий и кавалерийский корпус. Они давали противнику возможность приступить к крупномасштабной операции с далеко идущими целями.

Сосредоточение сил противника, ставшее очевидным в августе, заставило командование группы армий вновь заявить протест главному командованию сухопутных войск по поводу продолжающегося отвода дивизий с нашего фронта, над которым нависла серьезная угроза. Если уж не было возможности оставить у нас эти соединения, то самой разумной компенсацией явился бы своевременный отвод войск группы армий «Южная Украина» за Прут. Ведь соотношение сил и общая обстановка полностью изменились. Однако разрешения на такой отвод не было дано вплоть до самого последнего момента, когда уже было слишком поздно! В этом и заключалась одна из существенных причин последовавшей вскоре катастрофы.

В ночь с 18 на 19 августа, после заключительной «вспышки» передвижений противника по всему фронту, всякое движение замирает. 19 августа во второй половине дня после примерно получасовой артиллерийской подготовки противник на нескольких участках фронта группы армий атакует наши войска, как правило, силами не более батальона. Это лишь прелюдия к настоящему наступлению - разведка боем, с помощью которой советское командование хочет еще раз прощупать нашу систему обороны, определить эшелонирование наших сил и выявить наиболее уязвимые места. Возможно, русские намерены захватить более удобные позиции и одновременно ввести нас в заблуждение относительно подлинного направления своего главного удара. Эти первые атаки удаётся успешно отразить; противник несет большие потери в людях.

Вечером 19 августа в штабе командования группы армий в Слэнике в моем присутствии проводится очередное совещание, на котором присутствуют начальники штабов 6-й армии (генерал-майор Гедке), 8-й армии (генерал-майор Рейнгардт) и 4-го воздушного флота (генерал-майор Шульц). Всем нам совершенно ясно, что самое позднее 20 августа следует ожидать крупного русского наступления. После событий 19 августа армии уже начали новую перегруппировку сил с целью укрепления наиболее угрожаемых участков фронта, а именно - участка 29-го немецкого корпуса на юге и 6-го румынского корпуса в районе Ясс. На всякий случай начальникам штабов армий предлагается на рассмотрение план отвода войск группы армий - так называемый «вариант Медведь». Первоначально этот план держался в секрете, чтобы не посеять неуверенность или панику в войсках.

Глава 4. Удар с Кицканского плацдарма 20 августа 1944 г. Прорыв обороны, окружение и уничтожение немецко-румынской группировки.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта сосредоточил на Кицканском плацдарме и примыкавшем к нему правом берегу Днестра три общевойсковые армии, два механизированных корпуса, свой резерв - стрелковый корпус и почти три четверти фронтовой артиллерии. На правом фланге плацдарма, южнее и восточнее Бендер, вытянувшись вглубь в три эшелона, занимала исходное положение 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена. Она изготвилась к прорыву на своем левом фланге, на узком 4-километровом участке, между Хаджимусом и Киркаештами. В первом эшелоне армии наступал 68-й стрелковый корпус генерал-майора Н. Н. Шкодуновича. Остальные два корпуса армии составляли второй и третий эшелон и должны были использоваться или в своей полосе наступления или усилить в случае необходимости 37-ю армию. Наступление 57-я армия должна была развивать в направлении Урсои, Фарладан и Бендер.

В центре плацдарма, на острие удара 3-го Украинского фронта, упираясь правым флангом в озеро Ботно, а левым в высоту 138,7 западнее Талмаза, сжалась на 9-километровом участке 37-я армия генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина. В предстоящей фронтовой операции ей отводилась ведущая роль. Усиленная 7-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской дивизией прорыва, имея во втором эшелоне 82-й стрелковый корпус генерал-майора П. Г. Кузнецова, армия ударом двух стрелковых корпусов первого эшелона должна была вбить клин и прорвать оборону противника на узком шестикилометровом участке фронта между Леонтьево и Фынтына Маскулуй. 82-й стрелковый корпус был сосредоточен во втором эшелоне - в садах и рощах южнее села Кицканы. Приданный армии 7-й механизированный корпус генерала-майора Ф. Г. Каткова расположился на правом берегу Днестра в районе Карагаша и должен был начать переправляться на плацдарм вечером 20-го августа.

В первом эшелоне у 37-й армии наступали два стрелковых корпуса: справа, примыкая к озеру Ботно и седлая горловину кицканского гребня, - 66-й стрелковый корпус генерал-майора Д. А. Куприянова; слева, против Леонтины, - 6-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Г. П. Котова. Главный удар армии нацелен был вдоль гребня на фронте в 6 километров в направлении на Опач, Токуз, Чимишлия.

На левом фланге, от Талмаза до Чобручу, на 8-километровом участке сосредоточились основные силы (два стрелковых корпуса) 46-й армии генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина. Прорывали оборону на участке Талмазы – Чобручи 31-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора С. А. Бобрука и 37-й стрелковый корпус генерал-майора Ф. С. Колчука. Удар наносился в направлении Волонтировка, Тарутино в взаимодействии с 4-м гвардейским механизированным корпусом генерал-майора В. И. Жданова.

Задачей механизированных корпусов, которые должны были войти в прорыв на рубеже Фештелица, Каушаны, был стремительный выход к Пруту в районе Леово – Хынчешты, захват переправ и завершение окружения кишинёвской группировки немецких войск.

Таким образом, на 18 километров прорыва, равного только 7 процентам общей протяженности фронта, командующий войсками фронта генерал армии Ф. И. Толбухин сосредоточил 72 процента всех своих дивизий, около 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок и 71 процент артиллерии и минометов. Сюда же был нацелен и удар с воздуха тысячи боевых самолетов фронтовой авиации.

Боевые действия войск 37-й армии, как и общие действия 2-го и 3-го Украинских фронтов по разгрому кишиневской группировки противника могут быть разделены на три этапа:

Первый этап (20 - 21 августа) – прорыв тактической зоны обороны противника.

Второй этап (22 - 24 августа) – преследование противника и окружение его кишиневской группировки совместно с другими армиями 3-го и 2-го Украинских фронтов.

Третий этап (25 - 27 августа) – участие в ликвидации кишиневской группировки немецко-фашистских войск.

20 августа, утром после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска 2-го и 3-го Украинских фронтов перешли в наступление, сопровождаемые двойным огневым валом. Одновременно штурмовая авиация группами по 8 - 20 самолетов с интервалами в 15 минут наносила бомбовые и штурмовые удары по наиболее сильным опорным пунктам и огненным позициям артиллерии противника. Артиллерийская подготовка и удары авиации оказались весьма эффективными. Огневая система противника была подавлена. Враг понес большие потери в живой силе и боевой технике, особенно на главной полосе. Управление войсками в звене батальон – полк – дивизия было врагом потеряно. Эту благоприятную обстановку использовали войска ударных группировок фронтов для развития высоких темпов наступления и прорыва тактической обороны противника в кратчайший срок.

Утром 20 августа в 8.00 началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка войск 37-й армии 3-го Украинского фронта перед наступлением.

За 50 минут до окончания артиллерийской подготовки был произведен 15-минутный ложный перенос огня в глубину вражеской обороны. Одновременно с переносом огня пехота, находившаяся в первой траншее, в соответствии с планом операции открыла сильный ружейно-пулеметный огонь и с криками «ура» стала поднимать вверх заранее подготовленные чучела пехотинцев. Обман удался. Гитлеровцы вышли из убежищ и приготовились к отражению атаки. В это время наша артиллерия произвела несколько огневых налетов по переднему краю врага.

В результате мощной артиллерийской и авиационной подготовки противник понес большие потери в живой силе и боевой технике.

Большинство командных и наблюдательных пунктов врага было разрушено. Огневая система на переднем крае и в ближайшей глубине его обороны оказалась нарушенной, а управление войсками в полковом звене потеряно.

К исходу дня войска 37-й армии завершили прорыв главной полосы обороны и на ряде участков вклинились во вторую оборонительную полосу противника, продвинувшись в глубину на 10-12 км. Попытки врага контратаками тактических резервов остановить наступление наших войск успеха не имели.

В первый день наступления советских войск противник потерял более 3500 солдат и офицеров убитыми и около 700 пленными. Кроме того, войска 37-й армии захватили 70 орудий разных калибров, 54 пулемета и много другого вооружения и военного имущества.

Войска 57-й армии наступавшие на правом фланге Кицканского плацдарма, в течение дня продвинулись на глубину 3-4 км, где встретили упорное сопротивление противника. Исходя из особых условий местности и ограниченных средств усиления, 57-я армия имела оперативное построение в три эшелона: 68-й, 9-й и 64-й корпуса в затылок друг другу. Таким образом, 68-й стрелковый корпус находился в первом эшелоне 57-й армии и играл роль ее тарана с задачей прорвать оборону противника на глубину 12-15 километров и открыть дорогу для всей армии.

68-й стрелковый корпус имел двухэшелонное построение: в первом эшелоне – 93-я и 113-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне – 223-я стрелковая дивизия. Дивизии первого эшелона также имели два-три эшелона.

В направлении главного удара на Бендеры в 68-м стрелковом корпусе находилась 93-я стрелковая дивизия. Правее ее перед Бендерами занимала исходное положение для наступления 223-я стрелковая дивизия. Слева занимала боевые позиции 113-я стрелковая дивизия. Такое построение войск позволяло командованию армии и корпуса непрерывно наращивать силу удара по врагу с тем, чтобы обеспечить прорыв обороны на всю глубину.

Но, тем не менее, прорыв обороны противника под Бендерами 57-й армией из-за ожесточённого сопротивления немецких войск на хорошо подготовленных и укрепленных позициях затянулся на три дня. Только после взятия, господствующей над местностью, Суворовской горы и угрозы окружения немецкое командование начало отступление на этом участке фронта.

Сосед слева – 46-я армия, так же как и 37-я армия, прорвала оборону противника на глубину 10-12 км в первый же день наступления. 46-я армия в первый день боя овладела крупными населенными пунктами Талмазы и Чобручи и развивала наступление в тесном соприкосновении с левым флангом 37-й армии.

В связи с успешным наступлением стрелковых соединений 37-й армии в первый день операции сложились благоприятные условия для вво-

да в прорыв 7-го механизированного корпуса. По приказу командующего армией этот корпус в 19 часов 30 минут 20 августа начал выдвижение из выжидательного района в исходный район по трем маршрутам: 16-я механизированная бригада – по маршруту Кицканы, роща северо-западнее Поляска, 63-я механизированная и 41-я танковая бригады – Кицканы, лес северо-западнее Леонтино и 64-я механизированная бригада – Копанка, Леонтино, Поляска. Механизированный корпус должен был войти в прорыв с утра второго дня наступления.

Соединения 2-го Украинского фронта в первой половине дня 20 августа прорвали две полосы обороны противника. В полосе 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко начался ввод в прорыв 6-й танковой армии генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко, которая, несмотря на все усилия, не смогла оторваться в наступлении на значительное расстояние от пехоты. Это объяснялось тем, что выдвинутые из оперативного резерва германские передовые части 1-й танковой и 18-й горно-пехотной дивизий заняли оборону на подступах к хребту Маре и совместно с отступавшими остатками разгромленных частей 5-й и 76-й пехотных дивизий оказывали упорное сопротивление советским войскам. В связи с тем, что противник удерживал в своих руках яские высоты, 18-й танковый корпус ввести в прорыв в первый день операции не удалось. Серьезную помощь наступающим советским войскам оказала 5-я воздушная армия генерал-полковника С. К. Горюнова, которая произвела в этот день 1580 самолето-вылетов.

На второй день операции, 21 августа, войска 2-го Украинского фронта продолжали расширять и углублять прорыв. К исходу дня соединения 27-й и 6-й танковой армий захватили перевалы на хребте Маре, а в течение ночи завершили прорыв армейской полосы обороны противника. Войска 52-й армии генерал-лейтенанта К. А. Коротева к этому времени овладели крупным политическим и экономическим центром Румынии - городом Яссы, преодолели все три вражеские оборонительные полосы и вышли на оперативный простор. В этот же день были введены в прорыв конно-механизированная группа и 18-й танковый корпус, которые перешли к развитию успеха в общем направлении на Хуши.

Наступление 3-го Украинского фронта с Кицканского плацдарма южнее Бендер было настолько неожиданным и стремительным, что к исходу первого дня операции его войска завершили прорыв главной полосы обороны противника и вышли ко второй оборонительной полосе, местами вклинившись на глубину 10 - 12 км и расширив фронт прорыва до 40 км. Это создавало благоприятные условия для развития стремительного наступления в глубину и для изоляции соединений 3-й румынской армии с целью последующего их разгрома по частям.

Противник, стремясь сорвать начавшееся наступление, с вечера 20 августа подтянул резервы и, опираясь на вторую полосу обороны, утром 21 августа нанес контрудар по войскам 37-й армии генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина, возлагая особые надежды на действия немецкой 13-й

танковой дивизии. Однако все его попытки остановить наступление 37-й армии оказались безуспешными. Измотав и обескровив противника, войска армии решительной атакой овладели населенным пунктом Ермоклия, а к исходу дня вышли в район Опач. Соединения 46-й армии к этому времени вышли в район Александрень.

В боях по прорыву обороны противника советские воины проявили массовый героизм. Яркой иллюстрацией его служат действия ефрейторов А. И. Гусева и К. И. Гуренко в районе молдавского села Ермоклия. 60-й полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии, выполняя боевую задачу, днём 21 августа ворвался на восточную окраину села. Гитлеровцы предприняли контратаку. На огневую позицию пулемётчика 1-го батальона Гусева двигалось четыре «тигра». Понимая, что остановить танки огнём из пулемёта невозможно, боец привязал к груди гранаты и бросился под один из них. Танк взорвался, а остальные повернули назад.

Аналогичный подвиг совершил боец третьего батальона этого же полка Гуренко. Улучшив момент, он с прижатыми к груди гранатами бросился под передний из трёх надвигавшихся на него танков. Воодушевлённые высоким подвигом своих боевых товарищей, воины полка при поддержке артиллерии отразили контратаку гитлеровцев, уничтожив большую часть их танков. А. И. Гусев и К. И. Гуренко были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Подвиг Александра Матросова в бою под Талмазами повторил воин 59-й гвардейской стрелковой дивизии 46-й армии П. И. Банников, закрывший грудью амбразуру вражеского дзота. Ему также посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В связи с успехом, достигнутым ударной группировкой войск 3-го Украинского фронта, его командующий в 10 часов 21 августа ввел в прорыв в полосе 46-й армии 4-й гвардейский механизированный корпус, который перешел к стремительному преследованию противника и к концу дня вышел на рубеж Райлен – Клястицы. С некоторым запозданием, в 14 часов в полосе 37-й армии была введена в сражение ее подвижная группа – 7-й механизированный корпус, который к концу дня не сумел далеко оторваться от стрелковых соединений. Тем не менее, в течение 20 и 21 августа войска ударной группировки 3-го Украинского фронта прорвали тактическую оборону противника, разгромили его 13-ю танковую дивизию и, увеличив прорыв на глубину 40 – 50 км и по фронту до 95 км, создали реальную угрозу изоляции 6-й немецкой армии от 3-й румынской.

К утру 22 августа войска 2-го Украинского фронта овладели хребтом Маре и на направлении главного удара вышли на оперативный простор. Серьезных результатов добились и войска 3-го Украинского фронта. Противник к этому времени израсходовал все свои оперативные резервы и не имел каких-либо крупных сил и средств для противодействия наступлению советских войск.

В связи с достигнутыми успехами Ставка ВГК 21 августа издала директиву, в которой указывала на необходимость «объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника».

Выполняя указание Ставки, войска 2-го Украинского фронта продолжали развивать наступление. 22 августа перешли в наступление соединения 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И. В. Галанина, наносившей главный удар на правом фланге вдоль восточного берега р. Прут. К исходу этого дня войска фронта глубоко охватили группировку противника в районе Ясс и Кишинева с запада.

23 августа соединения 27-й армии 2-го Украинского фронта завершили выполнение задачи, запланированной на пять дней. В тот же день 6-я танковая армия закончила очищение от противника города Васлуй и, продвинувшись на 45 км южнее, овладела городом Бырлад. Войска 7-й гвардейской армии генерал-полковника М. С. Шумилова полностью преодолели Тыргу - Фрумосский укрепленный район и форсировали р. Серет, а конно-механизированная группа генерал-майора С. И. Горшкова освободила г. Роман. 73-й стрелковый корпус 52-й армии в этот же день овладел г. Хуши.

Продолжая наступление 24 августа, войска 4-й гвардейской и 52-й армий и 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта вышли к р. Прут на рубеже западнее Хуши – Котумори и соединились с передовыми частями 3-го Украинского фронта, завершив окружение крупной группировки противника. В это же время передовые отряды 6-й танковой армии захватили переправы на р. Серет в районе севернее Фокшаны и находились более чем в 120 км от войск 52-й армии и 18-го танкового корпуса, действовавших на внутреннем фронте окружения. 27 августа 6-я танковая армия прорвала оборону противника у Фокшанских ворот и развивала наступление с темпом 50 км и более в сутки.

Подвижные группы и 37-я армия 3-го Украинского фронта 22 августа стремительно продвигались в глубину вражеской обороны. 7-й механизированный корпус в этот день с боями прошел 80 км, выполнив задачу, поставленную на два дня, а 4-й гвардейский механизированный корпус преодолел 90 км. К исходу дня ударная группировка фронта расширила прорыв до 170 км по фронту и до 70 км в глубину.

На левом крыле 3-го Украинского фронта в ночь на 22 августа группа генерала Бахтина форсировала Днестровский лиман и захватила узкую прибрежную полосу. При поддержке авиации и корабельной артиллерии Черноморского флота высадились первые эшелоны 46-й армии, войска которой разгромили 310-ю пехотную дивизию врага.

В создавшейся обстановке командующий вражеской группой армий «Южная Украина» запросил разрешения главного командования сухопутных сил отвести войска 6-й и 3-й румынской армий на позиции, оборудованные по р. Прут. Такое разрешение было дано ему лишь ночью 22

августа, но оно оказалось запоздалым. К началу отхода указанных армий (в ночь на 23 августа) войска 3-го Украинского фронта уже выдвигались на их тылы и коммуникации, а на следующий день они завершили окружение 3-й румынской армии (3 дивизии и 1 бригада). 24 августа эта армия перестала существовать, многие ее разрозненные подразделения, понимая бессмысленность сопротивления, сдавались в плен, а части, оказывавшие упорное сопротивление, были уничтожены.

В ночь на 23 августа кишиневская группировка противника начала отход к реке Прут. Обнаружив это, войска 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Н.Э. Берзарина перешли в наступление, к исходу 23 августа ворвались в Кишинев, а на следующий день освободили его. Соединения 57-й армии в результате упорных трёхдневных боёв к утру 23 августа овладели Бендерами и продолжали наступление к Пруту. В этот же день 7-й механизированный корпус вышел на пути отхода противника к р. Прут и занял оборону на северо-восток, а 4-й гвардейский механизированный корпус вышел в район северо-восточнее и тоже занял оборону.

Таким образом, к исходу 23 августа войска 3-го Украинского фронта перерезали основные пути отхода 6-й немецкой армии. На следующий день к Пруту вышла 37-я армия и соединилась с войсками 52-й армии и 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта, тем самым был окончательно замкнут внутренний фронт окружения, где оказались 7, 44, 52, 30 и частично 29-й армейские корпуса противника, а также ряд других его частей.

Воспользовавшись нерешительными действиями 78-го стрелкового корпуса 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, наступавшего вдоль Прута, противник удержал переправы в районе Леушени и севернее. Это позволило ему частью сил просочиться на западный берег. В тылу 52-й армии, севернее и южнее Хуши, оказались значительные силы врага. Уничтожение вражеской группировки, прорвавшейся на правый берег, было закончено войсками 2-го Украинского фронта в основном к 29 августа. Только одной крупной группировке противника численностью свыше 10 тыс. человек удалось прорваться на юго-запад, пройти 70 км и выйти в район севернее Аджул-Ноу. Для ее ликвидации были направлены 3 стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии, 23-й танковый корпус и другие части, которые завершили выполнение этой задачи 4 сентября.

Бронекатера Дунайской военной флотилии, выполняя поставленную задачу, с утра 24 августа прорвались через Очаковское гирло Дуная к порту Вилков и овладели им, а затем и Килией.

Ликвидация главных сил окруженной группировки противника на левом берегу Прута была успешно осуществлена войсками 3-го Украинского фронта 25 - 27 августа.

В период с 20 по 29 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией разгромили основные силы вражеской группы армий «Южная

Украина», освободили Молдавскую республику и продолжали развивать наступление в центральные районы Румынии и к границам Болгарии.

В благоприятных условиях, созданных выдающимися победами Красной армии, демократические силы Румынии подняли 23 августа 1944 г. вооруженное восстание и свергли фашистский режим Антонеску. На следующий день Румыния вышла из войны на стороне Германии и 25 августа объявила ей войну. Румынские войска принимали участие в боях с немецкими захватчиками, теперь уже на стороне Красной армии.

Развивая наступление на бухарестском и измаильском направлениях, главные силы 2-го Украинского и часть сил 3-го Украинского фронтов, прорвав Фокшанский укрепленный район, 27 августа овладели г. Фокшаны. На следующий день они взяли г. Браилов и порт Сулина, а 29 августа совместно с Черноморским флотом овладели портовым городом Констанца.

1. Из приказа командующего 3-м Украинским фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина о переходе войск фронта в наступление.

Краткая хроника Яско-Кишинёвской операции.- Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», 1984. С. 131-133.

... Доблестные воины 3-го Украинского фронта! Выполняя приказ Родины, вы неоднократно обращали в позорное бегство ненавистного врага. В прошлых боях за освобождение Украины и Молдавии вы проявили чудеса храбрости и героизма...

В тяжелых распутицах нынешнего года вы героически прошли сотни километров, очищая родную Советскую Землю от немецко-румынских захватчиков. Далеко позади остались Днепр и Буг, Кривой Рог, Никополь, Николаев и Одесса. На ряде участков вами форсирован Днестр. Но еще топчет враг землю Советской Молдавии и Измаильской области. Еще томятся в рабстве сотни тысяч советских людей, ручьями льется невинная кровь женщин, детей и стариков. Они ждут своего освобождения... ПРИКАЗЫВАЮ:

Войскам 3-го Украинского фронта перейти в решительное наступление.

1. Доблестным пехотинцам стремительным штурмом прорвать оборону противника и уничтожить его. Смело врываться в траншеи врага: пулей, штыком и гранатой разить ненавистных извергов. Неустанно преследовать их по пятам, не давать им закрепляться на промежуточных рубежах.

2. Мужественным артиллеристам и минометчикам сокрушительным огнем прокладывать путь пехоте и танкам, громить живую силу и технику противника.

3. Отважным танкистам, взаимодействуя с пехотой, ложными ударами бить по вражеским флангам, дробить войска противника, резать его коммуникации, окружать и уничтожать захватчиков.

4. Неустрашимым саперам быстро проделывать проходы в минных полях и проволочных заграждениях, не задерживать нашу наступающую пехоту, своевременно наводить переправы.

5. Смелым летчикам обрушивать смертельный груз на боевые порядки вражеских войск, стойко прикрывать нашу пехоту с воздуха, дерзко бомбить коммуникации врага, не давать ему выходить из-под ударов наших войск.

6. Храбрым связистам обеспечить в бою непрерывную связь, вовремя устранять неисправности и повреждения в ней.

7. Неутомимым труженикам войсковых тылов не отставать от наступающих подразделений, постоянно питать войска боеприпасами, снаряжением и продовольствием.

8. Офицерам и генералам организовать образцовую работу штабов, обеспечить четкое взаимодействие всех родов войск, непрерывно управлять боем, широко применять маневр.

9. Всем воинам фронта смело идти вперед, беспощадно уничтожать румыно-немецких захватчиков. Высоко держать честь воинов Красной Армии, соблюдать образцовый порядок и организованность, не допускать самоуспокоенности и благодушия, прочно закреплять отвоеванные рубежи.

Воины Красной Армии! Родина-мать благословляет Вас на новые подвиги. Великое непобедимое знамя Ленина осеняет вас!

С именем Ленина, с верой в победу – вперед за окончательный разгром немецко-румынских захватчиков!

Смерть фашистским оккупантам!

Командующий войсками 3 Украинского фронта генерал армии Ф. Толбухин

Член Военного совета 3 Украинского фронта генерал-лейтенант А. Желтов

Начальник штаба 3 Украинского фронта генерал-полковник С. Бирюзов

2. Из воспоминаний генерал-полковника Штеменко С. М., бывшего начальника Оперативного управления Генерального штаба РККА.

(Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989).

Имея указания Ставки, Генштаб должен был учитывать складывающуюся в той или иной стране ситуацию, все сложные политические вопросы и даже - где больше, где меньше - участвовать в их разрешении. О новой обстановке, в которой теперь наступали войска, нам не раз напоминали в Ставке. Многократно был предупрежден и Р.Я. Малиновский, фронт которого являлся основной силой в Румынии и Венгрии, о том, какая особой важности политическая задача возложена на его войска.

Двум нашим фронтам - 2-му и 3-му Украинским - противостояла группа немецко-фашистских армий «Южная Украина». В состав ее вхо-

дили две немецкие (8-я и 6-я) и две румынские (4-я и 3-я) армии, 17-й отдельный армейский корпус немцев и многие другие пехотные и специальные части.

Устойчивость войск противника была весьма значительной. Об этом свидетельствовали прошедшие бои. Долгое время группой армий «Южная Украина» командовал один из наиболее способных немецких военачальников генерал-полковник Шернер - впоследствии он яростно сопротивлялся советским войскам в Чехословакии даже после приказа о полной капитуляции Германии. В конце июля Шернера сменил генерал Фриснер. Гитлеровское командование надеялось, что такая замена принесет пользу:

Фриснер был известен как военачальник, обладавший большим боевым опытом, хотя он и потерпел перед тем неудачу в Прибалтике, где возглавлял группу армий «Север». По всей полосе группы армий «Южная Украина» круглосуточно строились оборонительные сооружения; на отдельных направлениях вновь создаваемые полевые позиции сочетались с заблаговременно усиленными укрепленными районами.

При разработке плана операций на Балканах кроме обычных элементов обстановки приходилось учитывать и еще одно обстоятельство: вероятность так называемого «балканского варианта» действий наших союзников. Этот вариант предусматривал одновременное открытие второго фронта и вторжение войск союзников в страны Балканского полуострова. Уинстон Черчилль в общем виде изложил «балканский вариант» еще на Тегеранской конференции и теперь настаивал на его проведении. В случае если «балканский вариант» был бы осуществлен, главную роль на полуострове играли бы англо-американские вооруженные силы. Советскому Союзу пришлось бы преодолевать значительные трудности политического характера и проделать большую работу для согласования действий союзных армий. Не исключалось также, что союзники предпочтут за нашей спиной попытку договориться с румынским правительством. Вскоре, кстати, нам стало известно, что кое-что в этом направлении уже делается.

Были трудности и по координации усилий Советских Вооруженных Сил. Взгляд на карту убеждал, что потребуются одновременные действия на юг - в интересах освобождения Болгарии и Югославии и на запад - с целью разгрома немецко-фашистских войск в Венгрии, Австрии и Чехословакии. Силы, таким образом, на какое-то время разбрасывались. При этом было ясно, что нашим войскам придется сражаться на весьма широком фронте в крайне неблагоприятных для наступления условиях местности, поскольку горы, реки и многочисленные населенные пункты предоставляли противнику возможность успешно обороняться.

Наряду с чисто военной и морально-политической подготовкой Красной Армии к освободительной миссии на территории стран - сателлитов гитлеровской Германии предпринимались и меры дипломатического порядка, которые расшатывали устои гитлеровской коалиции. В част-

ности, 13 мая 1944 г. правительства Советского Союза, Великобритании и США обратились к Венгрии, Румынии, Болгарии и Финляндии с заявлением. В нем говорилось, что нынешняя политика правительств этих стран существенно укрепляет германскую военную машину. В то же время эти страны могут сократить срок войны в Европе, уменьшить количество своих собственных жертв и содействовать победе союзников. Для этого они должны выйти из войны, прекратить пагубное для них сотрудничество с Германией и оказывать сопротивление гитлеровцам всеми доступными им средствами. Страны-сателлиты были предупреждены, что им необходимо уже сейчас решить, будут они упорствовать в своей нынешней безнадежной и гибельной политике или внесут вклад в общую победу союзников и тем самым смогут избежать ответственности за участие в войне на стороне гитлеровцев. Этот шаг союзных держав имел большой политический эффект, так как помог существенно укрепить позиции сил Сопротивления.

...Положение на направлении главного удара 2-го Украинского фронта очень беспокоило Генеральный штаб. В середине дня 21 августа мы, как обычно, связались по телефону со штабами наступающих фронтов и уточнили обстановку. Вскоре нам предстояло ехать в Кремль на доклад. Начальник штаба 2-го Украинского фронта М. В. Захаров оценивал обстановку оптимистично, полагая, что перед хребтом Маре наши войска не задержатся и вот-вот ускоренно двинутся вперед. Он доложил также, что с часу на час ожидает сообщения об овладении Яссами, и оказался прав.

В 15 часов мы с А. И. Антоновым были в кабинете Верховного Главнокомандующего. Когда дошла очередь до обстановки на юго-западе, И.В. Сталин, внимательно изучив карту, потребовал напомнить командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами, а также представителю Ставки о главной задаче руководимых ими войск: как можно скорее окружить противника. Он продиктовал: «...Сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника».

Поскольку прорыв вражеской обороны по хребту Маре мог вызвать соблазн бросить главные силы 2-го Украинского фронта для преследования румынских войск в направлении на Роман и Фокшаны, а 3-го Украинского фронта - на Тарутино и Галац, Верховный Главнокомандующий подчеркнул: «Ставка требует основные силы и средства обоих фронтов привлечь для выполнения этой главнейшей задачи, не отвлекая сил для решения других задач. Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии».

Мы особо внимательно отнеслись к этому указанию: ведь Генштабу предстояло контролировать, как выполняются указания Ставки.

Закljučая диктовку, И. В. Сталин сказал: «Перед вашими обоими фронтами действует около 44 дивизий противника, из которых 6 дивизий уже разбито. Вы же имеете 87 дивизий, и, кроме того, у вас значительное превосходство над противником в артиллерии, танках и авиации. Таким образом, вы имеете все возможности для успешного решения указанной задачи и должны эту задачу решить».

Представителю Ставки Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко было приказано следить за неуклонным выполнением этой директивы.

Пока мы докладывали об обстановке, с фронтов поступили новые данные. К 15 часам были взяты Яссы - мощный узел обороны противника. Из-за правого фланга выдвинувшихся вперед войск 27-й армии С.Г. Трофименко начали поворачивать на запад, обходя укрепленный Тыргу-Фрумос, части 7-й гвардейской армии генерала М. С. Шумилова. Они должны были сломить оборону противника и с западного направления обеспечить действия главных сил фронта. 6-я танковая и 27-я армии вклинились в оборону противника до 49 км, прорвали ее и вышли на оперативный простор. Теперь они могли непосредственно перехватить наиболее вероятные пути отхода противника на запад и юг и разгромить его войска, стремившиеся избежать намечавшегося окружения.

Значительно продвинулся вперед и 3-й Украинский фронт: глубина его прорыва на направлении действий 4-го гвардейского мехкорпуса, которым командовал генерал В.И. Жданов, достигла 50 км. Фронт отсек 3-ю армию румын от войск 6-й немецкой армии.

Директива Ставки была очень своевременной для организации действий фронтов. К исходу 21 августа противник был уже не в состоянии удержать занимаемые им выгодные позиции по хребту Маре и под напором армий 2-го Украинского фронта начал отход. Войска Р.Я. Малиновского с 6-й танковой армией и 18-м танковым корпусом в авангарде ринулись за ним, не останавливая преследования и в ночь на 22 августа и весь следующий день. Мощь удара главных сил фронта была дополнена ударом перешедшей в наступление 4-й гвардейской армии И.В. Галанина. Действуя вдоль левого берега Прута, она обеспечила операцию фронта с востока и вместе с тем дробила оборону кишиневской группировки противника ударом с севера на юг. К исходу дня войска 2-го Украинского фронта углубились в оборону противника на 60 км и расширили прорыв до 120 км.

Армии 3-го Украинского фронта стремительно продвигались с востока к переправам на Пруте. Опрокидывая сопротивление румынских и немецких войск, их подвижные части к исходу 22 августа на 80 км вклинились в глубину расположения противника и преодолели три четверти расстояния до своей цели. На левом фланге войска фронта во взаимодействии с Дунайской военной флотилией успешно форсировали Днестровский лиман.

Таким образом, в течение 22 августа отчетливо обозначились контуры огромного окружения, которое составляло суть разработанной Ставкой советского Верховного Главнокомандования операции по разгрому группы немецко-фашистских армий «Южная Украина» под Яссами и Кишиневом.

3. Из воспоминаний генерал-лейтенанта Желтова А. С., бывшего члена Военного совета 3-го Украинского фронта

(Желтов А. С. 3-й Украинский - на Балканах. В кн.: Великий освободительный поход. М., Политиздат, 1970. С. 123 -125).

Рано утром 20 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов двинулись вперед. На врага обрушилась исполинская огневая мощь ударов авиации и артиллерии. На направлении главного удара враг дрогнул, начал метаться, неся большие потери в людях и технике. Захваченные пленные рассказывали, что наступление наших войск с кицканского плацдарма оказалось для них неожиданным, огонь был такой силы, что некоторые солдаты сходили с ума.

С колокольни Кицканского монастыря, где располагался наблюдательный пункт, мы видели, как дружно атаковали дивизии первого эшелона 37-й армии. За первый день операции на направлении главного удара наступающие части и соединения 37-й и 57-й армий под командованием испытанных в боях, умудренных боевым опытом генералов М. Н. Шарохина и Н. А. Гагена завершили прорыв главной полосы обороны и местами вклинились во вторую оборонительную полосу противника, продвинувшись на глубину более 10 км и расширив фронт прорыва до 40 км. Четыре вражеские дивизии были почти полностью разгромлены. Оценивая в эти дни положение своих войск, немецкое командование группы армий «Южная Украина» в журнале боевых действий отмечало, что советские войска в первый же день глубоко прорвали фронт на двух участках и что «создалось серьезное положение».

Достигнутый успех позволил командующему фронтом с утра 21 августа ввести в сражение подвижные войска – 7-й и 4-й гвардейский механизированные корпуса под командованием генералов Ф. Г. Каткова и В. И. Жданова. Взаимодействуя с общевойсковыми соединениями наступавших армий, они разгромили 13-ю танковую дивизию противника и к исходу дня расширили прорыв до 100 км по фронту и 30 км в глубину. В последующие два дня подвижные войска продвинулись на глубину 75 – 115 км; армейская группа «Думитреску», противостоявшая нашим войскам, была разрезана на две части: 6-я немецкая и 3-я румынская армии были полностью изолированы друг от друга. Ударная группировка фронта выходила на коммуникации 6-й немецкой армии. Войска 46-й армии силами оперативной группы генерал-лейтенанта А. Н. Бахтина в ночь на 23 августа форсировали Днестровский лиман и овладели городом и крепостью Аккерман. Действия армии привели к полному окружению 3-й

румынской армии. Успешно развивалось также и наступление войск 2-го Украинского фронта. 21 августа они овладели крупным административным центром Румынии – г. Яссы и устремились на юг вдоль западного берега р. Прут.

Под угрозой окружения нашими войсками кишиневской группировки немецко-фашистское командование лишь в ночь на 23 августа начало отвод ее в общем направлении на Котовское, Хуши и южнее, за р. Прут. Но было уже поздно. Механизированные корпуса, стремительно продвигаясь вперед, в этот день вышли к переправам на р. Прут в районе Леушени и севернее Леово, заняли оборону фронтом на северо-восток. Пути отхода кишиневской группировки противника в пределах полосы наступления нашего фронта были отрезаны, а 24 августа подвижные войска фронта в районе Хуши, Фэлчиул соединились с передовыми частями 2-го Украинского фронта. Кольцо вокруг кишиневской группировки противника сомкнулось.

События развивались стремительно. Успех нам сопутствовал повсюду. Войска 5-й ударной армии, энергично преследуя отступающего противника, 24 августа штурмом овладели Кишиневом. Над столицей Советской Молдавии вновь реял советский флаг, водруженный Героем Советского Союза А. И. Бельским. К этому времени войска 46-й армии в районе северо-западнее Аккермана полностью разгромили 3-ю румынскую армию в составе трех дивизий и одной бригады. Основные усилия войск фронта сосредоточивались на том, чтобы совместно с войсками соседнего фронта уничтожить окруженную группировку немцев.

Противник оказывал упорное сопротивление. Не желая напрасного кровопролития, Военный совет фронта направил окруженным ультиматум. Утром 27 августа группа советских политработников в составе майора А. Н. Ратникова, капитана К. П. Васильева и лейтенанта Б. С. Гопкина в полосе 37-й армии на участке 195-й стрелковой дивизии, восточнее Минжир, передала текст ультиматума командованию окруженных войск. В результате в течение одного дня на этом участке случилось в плен 15 тыс. солдат и офицеров.

К исходу 27 августа сопротивление окруженного противника восточнее р. Прут было окончательно сломлено. Однако большая группа противника сумела прорваться на юго-запад через боевые порядки войск 52-й армии, пытаясь пробиться через Карпаты в Венгрию. Но и она позже была полностью уничтожена.

Наступление двух фронтов завершилось. Немецко-фашистская группировка «Южная Украина» была разгромлена. Только войска нашего фронта в эти дни захватили и уничтожили 145 самолетов, 420 танков, более 4 тыс. орудий и минометов, свыше 20 тыс. автомашин и много другой военной техники; было взято более 100 тыс. пленных, в том числе 63 200 немцев.

Из войны на стороне фашистской Германии была выведена Румыния. Гитлеровская клика лишилась своего сателлита. Разгром группы армий

«Южная Украина» привел к коренному изменению стратегической обстановки на Балканах в пользу Советской Армии. Завершив освобождение Советской Молдавии и Измаильской области, войска нашего фронта очистили от гитлеровских захватчиков восточные районы Румынии и вышли к 5 сентября на румыно-болгарскую границу. Соединения 2-го Украинского фронта устремились через центральные и западные районы Румынии к границам Венгрии и Югославии.

4. Из воспоминаний генерал-полковника Бирюзова С. С., бывшего начальника штаба 3-го Украинского фронта.

(Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963. С. 93-111).

Ровно в 8 часов утра 20 августа 1944 года под ногами у нас колыхнулась земля, а в лицо ударила упругая взрывная волна.

Небо над Кицканами заволочило дымом. Разрывы тысяч снарядов и сотен авиационных бомб слились в единый страшный гром войны.

Начальник политуправления фронта Иван Семенович Аношин толкнул меня локтем и кивнул на Владимира Александровича Судца, который сосредоточенно смотрел на небо. Там плыли боевые воздушные корабли. Судец весь был в эту минуту с летчиками.

Вражеская авиация оказывала слабое сопротивление. Инициатива в воздухе всецело принадлежала нам. Наши авиаторы надежно блокировали аэродромы противника и почти все свои усилия сосредоточили в данный момент на обеспечении действий войск 37-й и 46-й армий.

Владимир Александрович все время сносился по радио с командирами своих дивизий и корпусов, находившимися на командных пунктах в стрелковых соединениях, называл по фамилиям командиров авиаполов и эскадрилий, вылетавших на боевое задание, ставил им дополнительные задачи, перенацеливал на другие объекты. Вот он только что закончил разговор с командиром 306-й штурмовой дивизии полковником А. В. Ивановым – и у нас над головами круто меняет курс девятка штурмовиков. Это эскадрилья Героя Советского Союза капитана Н. Н. Дьяконова устремилась на вражескую батарею, которая все еще ведет сильный огонь. Проходит несколько минут – и батарея разом смолкает. Значит, удар штурмовиков пришелся точно по цели.

Сосредоточенно наблюдает за полем боя и командующий артиллерией фронта М. И. Неделин. Он то и дело посматривает на секундомер, изредка кивая мне: «Ну как?» Если бы он мог услышать меня, я непременно сказал бы: «Вроде неплохо, но цыпят по осени считают».

В тылу и слева от нас заревели танки, выдвигаясь ближе к переднему краю. С командного пункта видно, как по траншеям пробирается пехота вторых эшелонов: мелькают штыки и каски. А впереди сплошная стена огня, дыма и вздыбленной земли. От копоти потемнела трава. Воздух, как наждак, царапает горло.

В 8 часов 55 минут артиллерия сделала ложный перенос огня в глубину обороны противника. Над нашей первой траншеей замельтешили искусно сделанные чучела. Уцелевшие вражеские солдаты вылезли из своих укрытий, готовясь к отражению атаки. И тут-то наша артиллерия снова нанесла удар по переднему краю. Как показали потом пленные, в этот момент противник понес наибольшие потери...

В 9 часов 43 минуты началась действительная атака. Дружно заговорили пулеметы прикрытия. На подступах к вражеской обороне дым и пыль немного улеглись, и с НП мы ясно увидели, как наша пехота стала обтекать буковые рощи, перебираться вброд через болотца. Замелькали белые бинты, появились раненые...

Потом двинулись танки. За ними опять пехота.

Атака развивалась в быстром темпе. Но местами наталкивалась на упорное сопротивление. Особенно сильный огонь противник вел с высоты 151,7. Генерал Неделин кого-то ругал, стыдил и часто повторял: «подавить надо, подавить!..».

Мне не терпелось поподробнее узнать первые результаты действий наших войск. Связался по телефону с КП 37-й армии.

Генерал М. Н. Шарохин сам взял трубку.

– Скоро будет связь с дивизией? – строго спросил он, очевидно приняв меня за своего начальника связи.

– Скоро, – спокойно ответил я.

– Ах, это вы, Сергей Семенович... Прошу извинить... У нас здесь дела идут превосходно. Смотрю вот в стереотрубу, и налюбоваться не могу. Пехота продвигается очень стремительно. Напористо действуют сопровождающие ее артиллеристы: на ходу разворачивают тягачи, отцепляют пушки и ведут огонь прямой наводкой по танкам противника. Несколько танков уже горит.

Я в шутку высказал сожаление, что нет поблизости кинооператоров.

– Почему это нет? – возразил М. Н. Шарохин. – Они еще с вечера у нас здесь орудуют.

Поинтересовался, в полосе какой дивизии обозначился наибольший успех.

– Пожалуй, лучше всех идет сто девяносто пятая, – ответил командарм. – Только сам Шапкин меня тревожит.

– А что?

– Вместе с каким-то батальоном шагает чуть ли не впереди всех.

– И боем не управляет?

– Нет, этого сказать нельзя. Управляется дивизия твердой рукой. Да и с нами у Шапкина связь устойчивая.

– Ну а если так пусть шагает хоть с ротой, – согласился я, отдавая мысленно дань отваге командира дивизии. – По-чапаевски человек действует... Враг-то ведь уже бежит!..

На ПКП фронта появились пленные офицеры. В числе их был коман-

дир батальона из 306-й пехотной дивизии капитан Ганс Либша. Из его ответов мы поняли, что нашу ночную разведку боем противник принял за неудачное наступление с ограниченной целью. И после того как разведчики вернулись на исходные позиции, было решено, что мы едва ли возобновим атаки на этом же направлении. Для Ганса Либши, равно как и для других офицеров 306-й немецкой дивизии, утренний наш удар оказался полной неожиданностью. Немец не переставал удивляться тому, что русские совершенно точно узнали расположение всех огневых точек, огневых позиций, КП, НП и очень верно наносили по ним удары.

– Когда русская пехота и танки появились в расположении моего батальона, я отдал приказ на отход, – докладывал пленный капитан. – Но ваша авиация не позволяла поднять головы. Она с бреющего полета добывала все живое, что уцелело после артиллерии. Батальон был уничтожен почти целиком...

А события между тем продолжали развиваться. Обстановка повелительно диктовала нам как можно энергичнее проталкивать в прорыв все новые и новые соединения. Одновременно нужно было позаботиться и о расширении прорыва. Я доложил об этом Ф. И. Толбухину.

– Правильно, – согласился Федор Иванович. – Передайте Шарохину, чтоб ускорил ввод вторых эшелонов корпусов и принял энергичные меры к подтягиванию седьмого механизированного корпуса.

Я поставил Толбухина в известность, что у генерала Сухоручкина возникли серьезные опасения за своевременный ввод 7-го мехкорпуса в бой.

– К сожалению, и у меня есть причины для такого беспокойства, – вздохнул Федор Иванович. – Ведь все дороги, предназначенные мехкорпусу, до сих пор запружены стрелковыми войсками и их тылами.

Толбухин сделал паузу и с раздражением добавил:

– Передайте, Сергей Семенович, Шарохину и Каткову, что я категорически требую от первого – очистить маршруты для мехкорпуса, от второго – быстрее вводить в бой танки.

Выслушав это требование, Шарохин не сказал в ответ ни слова.

– Вы меня поняли? – переспросил я.

– Понял.

– А чего отмалчиваетесь?

– Не знаю, что вам сказать. Там ведь и член Военного совета Шабанов был, и ваш представитель генерал Сухоручкин почти безотлучно находится. Да и сам командир мехкорпуса Катков, как говорят, собаку на этом съел... А дело табак. Вы же сами понимаете...

Да, я понимал. Если из бутылки при вертикальном положении вытекает вода за несколько секунд, то ускорить это вытекание можно только путем расширения горлышка. Видимо, наше желание не соответствовало реальным возможностям, опережало их. И переправы, и дороги, и слишком узкий фронт прорыва строго лимитировали нас. Корпус Каткова запаздывал.

– Может быть, это и к лучшему, – пытался утешить меня, а заодно и себя М. Н. Шарохин.

Он повел речь о сохранении сил, о том, что 7-й мехкорпус можно ввести в бой вместе со вторым эшелоном армии - 82-м стрелковым корпусом и, таким образом, у нас будет еще больше возможностей для развития успеха в глубине.

Пока мы объяснялись с Шарохиным, Федор Иванович оставил свое место у стереотрубы и подсел к столику с картой. Бои теперь шли где-то за лесом.

Толбухин дал указание подготовить ему новый наблюдательный пункт на Кицканских высотах, откуда хорошо просматривалась вся местность в сторону Кишинева.

– А как там Шарохин, что-нибудь видит? – спросил командующий.

Я опять связался с 37-й армией. Оттуда сообщили, что с армейского НП пока еще можно наблюдать картину боя на главном направлении.

– Давайте-ка перебираться туда, – решил Толбухин...

С этой минуты дел у меня прибавилось.

Командный пункт М. Н. Шарохина располагался в 2 - 2 1/2 километрах от нас. Переезд туда занял - немного времени. Но с новой точки нужно было установить надежную связь со всеми армиями. Я стал поочередно выслушивать доклады начальников армейских штабов.

Как всегда, телефонная трубка в левой руке, красно синий карандаш – в правой. Карандаш бегаёт по карте уже за зубчатой линией, обозначающей передний край обороны противника. Красные стрелы приближаются к рубежам, которые были предусмотрены в плане операции. На всем фронте четко обозначился успех.

37-я армия по темпам продвижения опередила своего правого соседа. 57-я армия стала отставать, и Шарохин принял решение развернуть свою правофланговую 61-ю стрелковую дивизию фронтом на северо-запад. Слева, где наступала 333-я стрелковая дивизия под командованием генерала А. М. Голоско, войска противника, лишённые управления, отходили на запад, не оказывая серьёзного сопротивления. Командиру 66-го стрелкового корпуса генералу Д. А. Куприянову было приказано готовить к вводу в бой свой второй эшелон – 244-ю стрелковую дивизию.

Хорошо наступал и 6-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерала Г. П. Котова. Он окружил и уничтожил в районе Поляски один полк 306-й немецкой пехотной дивизии и несколько румынских подразделений.

Армия опережала график продвижения, и это нас очень радовало.

После полудня немцы силами вторых эшелонов 306-й и 15-й пехотных дивизий, а также охранными частями предприняли контратаку из районов восточнее Каушан и западнее Поляски, нанося удар по центру 37-й. Но эта попытка восстановить положение кончилась полным провалом: введенные в бой резервы были разбиты, а остатки 15-й и 306-й

пехотных дивизий отброшены западнее Поляски и к северу от нее. Таким образом, к исходу первого дня наступления 37-я армия прорвала главную полосу обороны противника на стыке его 30-го и 29-го армейских корпусов.

Успешно шло дело и в 46-й армии. Ее ударная группировка – 31-й гвардейский и 37-й стрелковые корпуса – во взаимодействии с левым флангом 37-й армии нанесла сильное поражение двум румынским дивизиям и к исходу дня тоже выполнила поставленную задачу, выйдя на линию Ермоклия – Чобручу – Раскаецы.

В целом за день боев брешь, пробитая в обороне противника нашими 37-й и 46-й армиями, составляла до 40 километров по фронту и до 11-12 километров в глубину.

А вот 57-я армия действовала, к сожалению, не так успешно. Первый ее эшелон часам к 11 с трудом овладел первой траншеей противника и плотном железной дороги между Хаджимусом и озером Ботно. Дальнейшие попытки развить наступление в сторону флангов нужных результатов не дали, и к 20 часам командарм ввел в бой 223-ю стрелковую дивизию из второго эшелона. Но и она не добилась успеха. До самого вечера 57-я армия отражала контратаки танков противника и своей задачи на 20 августа не выполнила. Объяснялось это, прежде всего тем, что перед ее фронтом удары нашей авиации и артиллерии были гораздо слабее, нежели на главном направлении.

Что же касается крайней правофланговой 5-й ударной армии, то ни в первый, ни во второй день она фактически не наступала, а создавала лишь видимость боевой активности.

Гигантское сражение, начавшееся ранним утром 20 августа, втянулось в ночь. В нем участвовали сотни тысяч людей, тысячи стволов артиллерии, большое количество танков и авиации.

И тут-то Ф. И. Толбухина опять настигла болезнь. Его совсем оставляли силы.

Наш передовой наблюдательный пункт был слишком неудобен для больного. Я уговорил Федора Ивановича уехать на основной КП, а сам занялся подведением итогов дня. Но прежде чем сообщить эти итоги в Ставку, связался по телефону с начальником штаба 2-го Украинского фронта Матвеем Васильевичем Захаровым, проинформировал его о действиях наших войск и в свою очередь получил исчерпывающую информацию об успехах, достигнутых соседом.

Мы взаимно поздравили друг друга.

С утра 21 августа бои приняли еще более ожесточенный характер.

Не было семи часов, когда мне позвонил начальник штаба 37-й армии генерал А. К. Блажей и с присущим ему хладнокровием доложил:

– Из района Каушан и Ермоклии противник перешел в контратаку...

- И танки есть?

- По неточным данным, целая танковая дивизия

- Тринадцатая?

- По-видимому, она...

Я тотчас лее связался с Федором Ивановичем, передал ему эти сведения и получил разрешение перенацелить главные силы нашей авиации и дальнобойной артиллерии против 13-й танковой дивизии немцев.

Справедливости ради надо сказать, что в отношении этой дивизии нами был допущен некоторый просчет. Мы не нанесли по ней удара в исходном районе, не атаковали ее с воздуха на марше и, таким образом, позволили ей сблизиться с нашими войсками и контратаковать их. Налицо было еще одно свидетельство того, что мы порой чрезмерно увлекались каждой огневой точкой на переднем крае, а резервам в глубине обороны противника не уделяли должного внимания. Господствовала тактика ближнего боя и это обходилось нам иногда очень дорого. Девиз «Сближайся и уничтожай!» очень хорош для командира полка, командира дивизии, но командованию фронта всегда нужно иметь в виду и дальние цели...

Контратаки немецких танков следовали одна за другой. Только к 11 часам М. Н. Шарохин не без гордости доложил:

– Соппротивление перед центром и левым флангом армии сломлено. Десятая гвардейская воздушно десантная и двадцатая стрелковая дивизии окружили противника в Ермоклии...

– А где наш мехкорпус? Вы мне скажите, вступил ли в дело Катков? – спросил Толбухин.

Ответ последовал отрицательный. Механизированный корпус генерала Каткова все еще оставался на месте.

Не скрывая уже своего раздражения, Федор Иванович обратился ко мне:

– Немедленно свяжитесь с Катковым и передайте ему мое настоятельное требование начинать наступление.

Переговоры с командиром механизированного корпуса неприятно поразили меня. Этот мужественный человек обнаружил не свойственную ему нерешительность. Он пытался доказать, что, пока не будет разбита 13-я танковая дивизия немцев, вводить в бой его мехкорпус нецелесообразно. Для меня стало ясно, что трудности трудностями, но и настроения Каткова тоже сыграли немаловажную роль в том, что соединение запоздало с включением в активную боевую работу. От имени командующего войсками фронта я потребовал немедленных действий.

В 14 часов 7-й мехкорпус был введен в бой. К этому времени 37-я армия уже вышла на заданный рубеж. Однако силы ее иссякали. И только появление большого количества наших танков сообщило войскам новый приток боевой энергии. 333-я и 195-я стрелковые дивизии проявили еще большую напористость.

Бывший командир 195-й стрелковой дивизии, ныне генерал-майор И. С. Шапкин, позднее рассказывал мне:

– У моего командного пункта танкисты появились в трудный час. Заметно поредевшие полки дрались из последних сил. И вдруг такая подмога – целая танковая бригада да еще дивизион «катюш» в придачу.

Гвардейские минометы сыграли один залп, другой, и перед нами образовалось настоящее кладбище машин и пехоты противника.

Бой расширился по фронту и в глубину, стал распадаться на отдельные очаги. Ночью немцы хотели прорваться из Ермоклии через боевые порядки пятьсот семьдесят третьего стрелкового полка, но встретили упорное сопротивление. Особенно отличился второй батальон, которым командовал тогда Герой Советского Союза капитан Жариков. В жесточайшем бою этот батальон нагромоздил буквально горы трупов вражеских солдат и офицеров...

А тем временем другой наш механизированный корпус, 4-й гвардейский, под командованием генерала Жданова, сметая на своем пути все оборонительные сооружения врага, уже выходил в район Александровки. Это означало угрозу окружения для многих неприятельских частей, в том числе и для его сильно потрепанной 13-й танковой дивизии. Войска 3-го Украинского фронта, продвинувшись в глубину расположения врага на 30 - 40 километров, фактически почти изолировали 6-ю немецкую армию от 3-й румынской.

Часов в девятнадцать 21 августа я зашел к Ф. И. Толбухину. У него находились А. С. Желтов, В. М. Лайок, И. С. Аношин.

– В самую пору прибыли, – приветливо встретил меня Федор Иванович. – Теперь, можно сказать, весь Военный совет в сборе.

Командующий был радостно возбужден. Перед ним лежало только что подписанное донесение в Ставку, и он стал фразой за фразой цитировать выдержки из этого документа.

Начал с концовки:

– Успешное развитие операции обоих фронтов дает полную возможность окружения в ближайшие дни кишиневской группировки противника.

Затем, уже не придерживаясь строго текста, принялся пересказывать включенные в донесение отдельные боевые эпизоды:

– Смотрите, что делают авиаторы... Четверка истребителей под командованием старшего лейтенанта Константина Черногора, возвращаясь с боевого задания, атаковала четырнадцать вражеских самолетов «фокке-вульф». Комсомолец Чревко первым сбил фашиста. Потом отличился командир группы. Выручая ведомого, он грохнул вторую неприятельскую машину. Третья досталась на долю младшего лейтенанта Бабкова. А сами возвратились без потерь.

Федор Иванович отложил страничку в сторону и взялся за другую:

– А вот о царице полей... Парторг роты сержант Малыгин и коммунисты Юсупов и Иванов втроем набросились на расчет вражеской пушки, уничтожили его и из трофейного орудия сами открыли огонь по неприятелю... От коммунистов не отстают и комсомольцы: в одной из рот, когда был ранен командир, командование взял на себя комсорг товарищ Лаев и блестяще; провел атаку...

В заключение командующий обратился к начальнику политического управления фронта:

– Надо бы, Иван Семенович, побольше писать о таких вот героях в нашей фронтовой газете.

Пожалуй, самый лучший наблюдательный пункт был у нас в районе Кицканского монастыря. Но по мере развития наступления пришлось оставить его и продвинуться несколько вперед. Так или иначе, ни с какого НП всего фронта не увидишь.

Больше всего об этом сожалели артиллеристы. Ведь любой командир батареи может управлять огнем только с НП. Он видит разрывы своих снарядов и корректирует: правее, левее, дальше, ближе, пока не поразит цель. А поскольку все артиллерийские начальники когда-то были командирами батарей, у них эта страсть к наблюдению за полем боя сохранилась навечно.

Мне хорошо запомнился один довольно курьезный случай. Дело было еще в ту пору, когда мы располагались на территории Кицканского монастыря. Высокая монастырская колокольня, с которой далеко просматривалась местность во все стороны, сразу пленила нас всех, но организовать там наблюдательный пункт для командующего фронтом было невозможно. Монастырь находился не далее 3 километров от крепости Бендеры, и появление на колокольне даже небольшой группы людей немедленно было бы обнаружено противником. Однако наши артиллеристы не ушли от соблазна и оборудовали себе НП на самой звонарской площадке. Митрофан Иванович Неделин сам забрался на колокольню да еще прихватил с собой и генерала Тарасова. Не успели они обосноваться там, как противник открыл сильный артиллерийский огонь, и это принудило их с завидной резвостью покинуть свой «высокий пост». Несколько снарядов разорвалось во дворе монастыря. Из церковных окон посыпались стекла. Наблюдатели катились по крутым лестницам, как на салазках, и долго после этого не могли нормально пользоваться стульями.

– Ну, я-то хоть артиллерист, а зачем начальника оперативного управления понесло на колокольню, ума не приложу, – пробовал отшутиться Неделин.

Однако Ф. И. Толбухин – человек очень восприимчивый ко всякому юмору – на этот раз был неумолимо строг. В сердцах он отчитал генералов, как провинившихся школьников...

Новый наш командный пункт во многом уступал кицканскому. Но узел связи и здесь работал превосходно. А в сложной и динамичной обстановке большого наступления это имеет едва ли не первостепенное значение для твердого управления войсками. Командующий и его штаб должны своевременно реагировать на изменения, ежеминутно происходящие в полосе фронта, организовывать удары авиации по стремительно выдвигающимся к месту прорыва оперативным резервам противника, четко распоряжаться своими резервами, контролировать подвоз боеприпасов и горючего. Операторам, работникам разведотдела, начальникам служб и в особенности самому начальнику штаба приходилось вести бесконечные переговоры по аппаратам связи всех систем. А так как на сей раз дела в войсках шли хорошо, то продолжительность этих перегово-

воров заметно увеличилась: о хороших делах каждый стремится доложить поподробнее.

И вдобавок нас в тот день буквально замучила своими запросами Ставка. Много времени тратилось на уточнение таких деталей, которые, с моей точки зрения, не имели никакого существенного значения для Верховного Командования. Вызовы к московскому проводу несколько сократились только глубокой ночью.

В полночь к Ф. И. Толбухину зашли Неделин и Сухоручкин. Оба были в приподнятом настроении. Им тоже хотелось поделиться с командующим хорошими новостями.

Когда речь зашла о мехкорпусах, Федор Иванович болезненно поморщился: его все еще нервировала медлительность, проявленная Ф. Г. Катковым. Генерал Сухоручкин постарался успокоить командующего, заверил, что 7-й мехкорпус, хотя и начал боевые действия с некоторым опозданием, свою задачу выполнит.

- Федора Григорьевича Каткова я тоже знаю, – смягчился Толбухин. – Командир боевой, подвести не должен. Диву даюсь, как это он оплошал сегодня утром.

- Очень трудные сложились условия, – некстати обмолвился Сухоручкин.

- А у Жданова они были легче? – сразу отпарировал Федор Иванович. – Мне кажется, что Жданову довелось испить чашу погорше, а смотрите, сколько в нем энергии, воли, как он чувствует оперативную обстановку!

Против этого возразить было нечего. При вводе в бой всем танкистам пришлось туго. Переправившись через Днестр на пароме, они должны были взбираться на высокий, почти отвесный берег. Для того чтобы танки смогли преодолеть такое препятствие, требовалось проложить сложные зигзагообразные маршруты. Танков было не десятков, а два корпуса, и прокладка для них маршрутов оказалась делом очень хлопотным. В довершение ко всему на долю 4-го гвардейского механизированного корпуса достался еще и изрядный кусок заболоченной местности.

В помощь Жданову был командирован начальник инженерных войск фронта генерал Котляр. Однако помощь эта оказалась в значительной мере запоздалой: трудно было ускорить переправу частей корпуса, когда через Днестр в районе Чобручи имелась только одна мостовая переправа. Тут, надо прямо признать, нами была допущена ошибка.

Стремясь к тому, чтобы противник не разгадал нашего замысла, мы до минимума сократили в этом районе все строительные работы, в том числе и строительство переправ.

В переброске мехкорпуса через Днестр важную роль сыграла инженерная бригада, которой командовал болгарин Петр Панчевский.

– Мне много раз приходилось видеть горячую работу саперов, но такое наблюдаю впервые, – докладывал Котляр. – Люди делают невозможное...

Немало было забот и у командующего воздушной армией. Авиация – очень прожорливый вид войск. Она ежедневно сжигает тысячи тонн го-

рючего, расходует уйму боеприпасов. К тому же самолеты того времени отличались относительно небольшим радиусом действия и, чтобы ударные группировки наземных войск фронта не оказались без авиационного обеспечения, требовались частые перебазирования с одного аэродрома на другой.

В. А. Судец был тогда, пожалуй, самым непоседливым человеком. «Оседлав» свой По-2 (благо сам летчик), он целыми днями носился из полка в полк, поспевал побывать и у истребителей, и у штурмовиков, и у бомбардировщиков, частенько наведывался к общевойсковым начальникам.

– По окончании войны, – шутил Толбухин, – этому летучему командарму нужно поставить золотой памятник и обязательно в комбинации с его «кукурузником». Самолет тоже достоин увековечения в памяти потомков...

Ни на минуту не замирала напряженная работа в оперативном и разведывательном управлениях штаба фронта. Было уже около 2 часов ночи, когда начальник разведки явился к командующему с сообщением об отходе войск противника за Прут. Разведчики предполагали, что началось отступление 6-й немецкой армии. И как бы в подтверждение их предположений тут же раздался телефонный звонок из 5-й ударной армии. Генерал Берзарин сообщил:

– С наступлением темноты противник предпринял попытку незаметно оторваться от нас. Энергично преследуем его...

Наконец-то!.. Как гора с плеч свалилась. Значит, улыбнулось счастье и 5-й ударной. Она пошла на Кишинев.

Мы с начальником разведки внимательно рассматривали карту. Теперь на ней уже ясно обозначился успех грандиозной Яско - Кишиневской операции.

Ясно для нас. А как для противника? Вся стратегическая мудрость в том и состоит, чтобы бить врага там и тогда, где и когда он не ожидает наших ударов.

День ото дня, час от часу нам удается это все лучше. И наоборот, немецко-фашистское командование проявляет все большую неосмотрительность.

Если бы генерал Фриснер и его штаб обладали достаточно гибким оперативным мышлением, они могли бы правильно оценить положение еще до начала нашей артподготовки, когда велась разведка боем. Уже тогда надо было бы начать переброску оперативных резервов и снимать часть сил с менее активных участков фронта. В таком случае 20 августа часам к 10-12 в полосе нашего прорыва противник имел бы до шести – семи дивизий, а к концу дня нарастил бы там свои силы еще тремя – четырьмя дивизиями. И нам пришлось бы затратить огромные усилия для решения поставленной задачи, а противная сторона избежала бы столь тяжелого поражения.

Однако немецкое командование оказалось явно не на высоте. И 20 и

даже 21 августа оно все еще стремилось держать оборону в прежнем боевом построении.

Мы имели радиоперехваты переговоров с Фриснером командира 29-го армейского корпуса и командующего 3-й румынской армией. Ему докладывали, что советские войска большими силами наносят удар с кицканского и днестровского плацдармов, просили оказать незамедлительную помощь.

Фриснер ответил на это: «Вы плохо разбираетесь в обстановке. Я дал вам 13-ю танковую дивизию, 153-ю пехотную дивизию, ряд охранных частей и обязываю вас удерживать занимаемые позиции.

Но к тому времени позиции, о которых пекся командующий, были уже потеряны. Противнику в пору было думать о сохранении собственной головы.

Из 5-й ударной то и дело поступали донесения об успешном продвижении вперед. Командующий 57-й армией в 3 часа ночи доложил, что 223-я дивизия вплотную подошла к крепости Бендеры. 7-й мехкорпус вышел на пути отступления кишиневской группировки противника к переправам через реку Прут. 4-й гвардейский механизированный корпус еще за два часа до этого повернул на северо-запад и устремился навстречу войскам 2-го Украинского фронта...

5. Из воспоминаний генерал-майора Блажея А. К., бывшего начальника штаба 37-й армии 3-го Украинского фронта.

Блажей А. К. В армейском штабе. М., Военное издательство. 1967. С. 189-216

Начало артиллерийской подготовки было назначено на восемь часов утра 20 августа, а накануне в штабе состоялось партийное собрание, на котором в числе других коммунистов выступил командарм.

- Мы много и хорошо потрудились в дни обороны, - сказал он. - Но главное впереди. Пусть каждый твердо запомнит: успех наступательной операции по-прежнему зависит от четкой и слаженной деятельности штаба. Мы, коммунисты полевого управления армии и штабной парторганизации, должны показать пример образцовой работы, сделать все возможное и даже невозможное...

Сразу после собрания генерал Шарохин выехал с командующими родами войск и командирами частей усиления на главный наблюдательный пункт в район Копанки, на высоту 135.0. Вслед за ними перебрался на НП и я с несколькими офицерами штаба.

Поздно вечером, заслушав краткие доклады командующих родами войск и командиров частей усиления о готовности к атаке, командарм приказал всем сверить часы.

- Ну, а теперь, товарищи, по землянкам и блиндажам. Отдыхайте. Завтра времени для этого не будет.

Однако мало кто спал в ту ночь. Бодрствовали дежурные офицеры на всех НП и КП. Не смыкали глаз телефонисты и радисты. С нетерпением

ждали сигнала на открытие огня артиллеристы и минометчики, чтобы первыми «протрубить зарю» нового дня. Еще и еще раз проверяли готовность войск к атаке командиры частей и соединений.

Я тоже всю ночь провел на НП.

Близилось утро. В синеве бездонного неба одна за другой гасли звезды. До восхода солнца оставалось часа полтора.

Предраассветную тишину разорвал грохот артиллерийской канонады. Началась разведка боем: требовалось проверить, не отвел ли противник в последний момент свои войска в глубь обороны, на вторую линию. Для этого наши штурмовые роты и группы разведчиков должны были прорваться под прикрытием артиллерийского огня к вражеским окопам, вскрыть систему огня и захватить пленных.

Разведка прошла успешно. Штурмовым ротам 66-го стрелкового и 6-го гвардейского корпусов удалось захватить пленных и обнаружить несколько неизвестных ранее огневых точек врага.

Пленные, доставленные на армейский наблюдательный пункт, подтвердили, что передний край обороны занимает прежняя группировка войск и что имеется строгий приказ командования любой ценой удерживать обороняемые позиции.

Стрелки на часах сходятся у цифры восемь.

- Огонь!

В могучую симфонию слился грохот орудий. Задрожала и вздыбилась земля. Небо прочертили огненные трассы реактивных снарядов. Серые фонтаны дыма, пыли, камня стеной взметнулись над обороной противника, закрыли горизонт, затмили солнце. С ревом пронеслись, утюжа вражеские укрепления, штурмовики.

Мы прильнули к стереотрубам, но передний край обороны гитлеровцев скрыла непроницаемая завеса из земли и дыма. Несколько небольших авиабомб взорвалось неподалеку от нашего наблюдательного пункта. Низко, почти на бреющем полете, над нами пронеслась тройка штурмовиков.

- Вот шуты гороховые, - досадливо махнул рукой командир 9-го смешанного авиационного корпуса генерал О. В. Толстик. - Чуть по своим не стукнули. Впрочем, им сейчас трудно ориентироваться - все в дыму... Надо срочно перенести удары в глубину вражеской обороны, - уже на ходу добавил он, направляясь по траншее к рации.

С начала артподготовки прошло больше часа, а грохот канонады не стихал. Каков будет результат?

- Как полагаете, Валерий Павлович, не оживут немецкие батареи, когда начнется атака? - спросил я командующего артиллерией.

- Не оживут, Арефа Константинович, - уверенно ответил Чистяков. - Все рассчитано. На каждый километр фронта прорыва у нас почти двести пятьдесят орудий и минометов. Против такой силы не устоишь. Все смешаем с землей!

На мгновение грохот орудий смолкает. Наступает плотная, почти ося-

заемая тишина. Смотрю на часы - девять сорок две... «Заиграли» гвардейские минометы. Это последние залпы перед броском пехоты и танков.

Вслед за залпами «катюш» над затянутым дымом полем покатилося тысячеголосое «ура». Все пришло в движение, словно наконец распрямилась туго свернутая пружина. К линии вражеской обороны хлынула лавина людей, танков, автомашин.

Генерал Шарохин облегченно вздохнул: все шло нормально, как было предусмотрено. Тем не менее, командарм и все находившиеся на НП с тревогой поглядывали на небо: не бросят ли гитлеровцы в район прорыва крупные силы бомбардировочной авиации? Но над узкой горловиной прорыва безраздельно господствовали наши штурмовики и истребители.

С основного НП отчетливо просматривался только левый фланг наступавших войск, где действовали части и соединения 6-го гвардейского корпуса. Для наблюдения за правым флангом, где вражеские позиции предстояло атаковать частям 66-го стрелкового корпуса, саперы оборудовали вспомогательный НП на противоположном скате высоты возле фольварка Зальшаны. Туда после артподготовки и направился со своим штабом полковник Чистяков.

Правый фланг был открытый, и это вызывало беспокойство. К тому же низина, по которой предстояло наступать правофланговой 61-й гвардейской дивизии, простреливалась из всех видов оружия. Чтобы помешать гитлеровцам вести по атакующим прицельный огонь из района Киркаешть и с высот юго-западнее этого населенного пункта, было решено поставить над низиной плотную дымовую завесу до пяти километров по фронту. Для этого привлекался 14-й отдельный батальон химической защиты с сотней минометов из 28-й и 92-й гвардейских стрелковых дивизий.

Около десяти утра я позвонил начальнику химслужбы армии подполковнику Л. В. Чибисову, находившемуся на вспомогательном НП.

- Как с дымом?

- Все в порядке. 14-й батальон начал дымопуск.

Через несколько минут начальник штаба 61-й гвардейской дивизии подполковник А. И. Притузов доложил:

- Дымы плотно закрыли озеро Ботно. Густые клубы дыма высотой до двухсот метров движутся по долине в юго-западном направлении. Противник наполовину ослеплен, с западного берега озера огня не ведет. Немецкая артиллерия обстреливает наши позиции со станции Каушань и из Плоп-Штубей. Дымовая завеса подходит к Плоп-Штубей. Скоро двинемся вперед...

Значит, и на правом фланге все в порядке. Хорошее начало, очень хорошее! Успешно продвигаются танки и пехота. Первые эшелоны наступающих уже овладели передовыми позициями противника, скрылись за нависшими над районом прорыва высотами.

В просторном блиндаже армейского НП то и дело звонит телефон: командиры корпусов и дивизий лаконично докладывают о ходе наступления, просят разрешения на передислокацию своих наблюдательных пунктов ближе к наступающим войскам.

- В добрый путь! - с юношеским задором отвечает им генерал Шарохин. - Выдвигайтесь, не отставайте!

Полковник Туровский протянул командарму небольшой листок.

- Очень интересная радиограмма. Только что перехватили наши связисты. Передавал открытым текстом румынский офицер.

- «У нас все разбито, - вслух прочитал Михаил Николаевич. - Тут каждую минуту можно умереть. Связи с подразделениями нет. Шлите немедленно помощь. Дорога каждая минута...»

Вскоре на НП был доставлен пленный лейтенант из артиллерийского дивизиона резерва немецкого главного командования. Его показания не расходились с текстом перехваченной телеграммы.

По всему было видно, что противник обескуражен огромными потерями в результате нашей артподготовки. Удар, вероятно, оказался неожиданным не только для войск переднего края, но и для немецко-фашистского командования на этом участке фронта.

Доложив по ВЧ командующему фронтом о первых результатах наступления, генерал Шарохин после небольшой паузы добавил:

- Войска ушли вперед. Я со своего НП уже ничего не вижу. Прошу разрешения выдвинуться на новый наблюдательный пункт.

- Не возражаю, - ответил Толбухин. - Кстати, скоро буду у вас. Сейчас выезжаю.

Минут через двадцать командующий фронтом вместе с начальником штаба Бирюзовым и несколькими старшими офицерами фронтовой оперативной группы был уже на нашем НП. Веселый, улыбающийся, он радушно со всеми поздоровался. Пожимая руку Шарохину, сказал:

- Пока, кажется, все идет по плану. Докладывайте, Михаил Николаевич, что собираетесь делать дальше.

- Когда и как думаете вводить в бой 7-й мехкорпус? - вставил Бирюзов. - Имейте в виду: через узкую горловину, что вы прорвали, хозяйство Каткова просунуть не просто.

- Нас это тоже беспокоит, - ответил Шарохин. - Хотя все спланировано, рассчитано по минутам. Полагаю, задержки не будет...

Воспользовавшись паузой, я в общих чертах изложил командующему и начальнику штаба фронта наш план ввода в бой частей 7-го мехкорпуса.

- Все правильно, - задумчиво произнес Федор Иванович. - Но план планом, а на деле может всякое случиться. Главное - не допустить пробки, иначе налетят коршуны, пиши все пропало...

Не допустить пробки, обеспечить прохождение мехкорпуса через бывший передний край врага, через узкую горловину прорыва в максимально сжатые сроки, без малейшей задержки! От этого во многом зависел дальнейший успех наступления.

Мехкорпусу генерала Каткова предстояло двигаться не по улицам и дорогам, а по узким проходам в минных полях. По этим своеобразным коридорам должны были быстро, без задержки пройти сотни громоздких танков, самоходок, бронетранспортеров, тягачей с тяжелыми орудия-

ми на прицепах, автомашин с боеприпасами и продовольствием, тысячи людей. Впрочем, пройти - не то слово. Этой могучей лавине предстояло стремительно пронестись через бывший передний край, будучи готовой в любую минуту вступить в бой.

В соответствии с планом наступления оперативная служба регулирования движения мехкорпуса была поручена ответственным офицерам штаба армии, штаба артиллерии и штаба инженерных войск. Они получили в свое распоряжение батальон дорожной службы, комендантские подразделения, армейский резерв офицерского состава. И все же тревога за успешный ввод в сражение частей мехкорпуса не покидала нас.

- Товарищ командующий, разрешите мне выехать в 6-й гвардейский к генералу Котову, - обратился Михаил Николаевич к Толбухину.

Тот молча кивнул.

Не задерживаясь ни минуты, Шарохин вместе с членом Военного совета, командующим артиллерией и командующим бронетанковыми войсками тронулись в путь.

Я позвонил П. А. Дикову, приказал свернуть пункт управления в Кицкани и вместе со всеми отделами штаба перебазироваться на основной наблюдательный пункт армии.

С прибытием отделов штаба на основной НП я выехал в 333-ю стрелковую дивизию, чтобы проверить, все ли сделано в полосе ее наступления для беспрепятственного пропуска частей 7-го мехкорпуса. Добраться до штаба дивизии оказалось не просто. Все мало-мальски удобные для проезда дороги и даже тропы заполняли бесконечные колонны автомобилей, тягачей с артиллерийскими орудиями, подвод - ни объехать, ни обойти.

Пристроились к одной из колонн. Вот и бывший передний край. Над ним еще не успела развеяться густая серая пелена. Все искорежено, вздыблено, перевернуто. Трупы гитлеровцев, минометы, пулеметы, винтовки, автоматы, остатки укреплений, блиндажей, даже громоздкие пушки - все перемешано с землей и глиной. Ветер развеивает флажки, которыми обозначены проходы в минных полях.

Отсюда, с бывшей первой оборонительной линии гитлеровцев, отчетливо видна высота 151.7 в полутора километрах юго-восточнее села Плоп-Штубей. Эта господствующая над местностью высота, превращенная противником в узел обороны, причиняла немало неприятностей нашим войскам в течение всего периода обороны.

Теперь высота наша. Ее восточные склоны почти сплошь покрыты воронками от разорвавшихся авиабомб и снарядов, обломками вывернутых наизнанку блиндажей. Но уничтожено не все. Кое-где видны уцелевшие амбразуры дотов, неразрушенные блиндажи. В одном из них разместился командный пункт 333-й стрелковой дивизии. У входа меня встретили генерал-майор А. М. Голоско и командир 1116-го стрелкового полка майор И. М. Журавский.

- Приехал поздравить вас с успехом, Анисий Михайлович. Что у вас нового? - спросил я комдива, пожимая его полную руку.

- Особенно выдающегося пока ничего нет, но наступление идет успешно, - улыбнулся в ответ Голоско, щуря темные, как сливы, глаза. - Небольшую рыбку, правда, поймали, а щуку ухлопали... Жаль, конечно, лучше бы живьем прихватить...

- А поточней?

- Можно и поточней. На этой высоте находился штаб 81-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии немцев. Наша артподготовка, видно, застала всех врасплох. Артиллерия поработала на славу. Не выдержали многие блиндажи. Командир полка подполковник Эхт убит, штаб разгромлен. Захвачены важные документы, приказы...

- Ну что ж, неплохой улов.

- Может, хотите посмотреть, с каким комфортом жил командир немецкого полка? - спросил Голоско, хитровато улыбаясь. - Вон его бывшая квартира.

Спустились в глубокий блиндаж. Две просторные комнаты. Стены увешаны коврами. На полу тоже ковры. В углу одной из комнат кровать с пружинным матрацем, на спинке стула - хорошо отутюженный мундир с погонами подполковника, рядом до блеска начищенные хромовые сапоги. В другой комнате у стены - небольшой шкафчик, над ним аккуратно написанный тушью плакат: «Садясь за стол, не забудь выпить!» О том, что подполковник Эхт свято выполнял эту заповедь, свидетельствовали пустые бутылки с французскими, венгерскими, немецкими и румынскими этикетками.

В блиндаж ввели пленного ефрейтора, денщика Эхта. Заикаясь, глотая слова, он без конца повторял: «Ваша артподготовка была ужасной». Допрошенные затем начальник штаба разгромленного вражеского полка и офицер оперативного отделения штаба той же части в один голос заявили, что никто не ожидал наступления русских на этом участке фронта. «Командование было убеждено, что вы готовите наступление севернее - в районе Дубоссар».

Нашу артподготовку оба назвали крошечным адом. И в правдивости этих слов нельзя было усомниться. Крошево из земли, кирпича и цемента, сожженные огненным валом деревья и кусты - вот все, что осталось от переднего края обороны противника.

Отсюда, с высоты, как на ладони были видны долина речки Ботно и село Кирнацень. Там продолжался бой. По проложенной внизу дороге быстро проносились автомашины, тягачи с прицепами, конные артиллерийские упряжки. За высотой артиллеристы занимали огневые позиции и вели стрельбу прямой наводкой по гитлеровцам, засевающим в окопах и траншеях второй оборонительной линии.

- Анисий Михайлович, вы не забыли, что должны освободить путь для прохода танков Каткова? - спросил я генерала Голоско. - Все должно быть рассчитано по минутам, чтобы никакой задержки.

- Не сомневайтесь. Все будет сделано как нужно. Сам проверю.

333-я дивизия продолжала штурмовать вторую оборонительную по-

лосу противника. Понаблюдав с полчаса за ходом боя, я выехал в штаб армии.

В штабе полковник Диков доложил мне, что в связи с отставанием правого соседа (68-го корпуса 57-й армии) снизила темп наступления наша 61-я гвардейская дивизия. На левом фланге, где наступал 6-й гвардейский корпус, противник продолжает удерживать сильно укрепленный узел обороны - село Леонтина, хотя 20-я гвардейская стрелковая и 10-я гвардейская воздушнодесантная дивизии уже вплотную подошли к Попяске, ведут за нее бой.

Село Леонтина, расположенное у подножия обрывистой, покрытой густым кустарником высоты, являлось мощным узлом сопротивления врага, обращенным фронтом на север. На крутых скатах высоты с южной стороны имелось несколько наблюдательных пунктов, откуда просматривалось расположение наших войск вплоть до Копанки и Кицкани, а также большой участок восточного берега Днестра от Слободзеи до Тирасполя. Там же, на скатах леонтинских высот, противник располагал несколькими дзотами с крупнокалиберными пулеметами и тщательно замаскированными, хорошо оборудованными минометными позициями.

Этот узел сопротивления находился в стыке между 29-м и 30-м армейскими корпусами немцев. По всему чувствовалось, что гитлеровское командование придавало ему большое значение. Село и высоты обороняли батальон и рота из 306-й немецкой пехотной дивизии. Наверх, к оборонительным позициям противника, вела узкая полевая дорога с крутыми поворотами. Атаковать Леонтину в лоб было бессмысленно, поэтому генерал Котов решил обойти засевших на высотах гитлеровцев с запада и востока, окружить, а затем уничтожить.

К полудню 20 августа 10-я воздушнодесантная дивизия замкнула кольцо окружения вокруг Леонтины, продолжая наступать своими главными силами в южном направлении. Леонтинский оборонительный узел атаковал с тыла 30-й гвардейский полк под командованием подполковника И. С. Переудина. Окруженный гарнизон продолжал отчаянно сопротивляться. Пытаясь помочь ему, командир немецкого армейского корпуса направил в район Леонтины батальон 4-й горнострелковой румынской дивизии из района Талмаза. Но румынский батальон так и не дошел до Леонтины: перехваченный неподалеку от села подразделениями 19-го полка 10-й воздушнодесантной дивизии, он был почти полностью уничтожен.

Леонтинский гарнизон капитулировал. 30-й гвардейский полк взял в плен более трехсот гитлеровцев, захватил в качестве трофеев тридцать семь орудий и много другого вооружения. Многие пленные были пьяны. Этим в какой-то мере, видимо, объяснялось их безрассудное сопротивление.

Не менее твердым орешком, но уже по иной причине оказалась и Попяска. Поначалу все шло хорошо. Части 20-й гвардейской стрелковой дивизии почти вплотную подошли к селу, рассчитывая с ходу овла-

деть им. Но немецко-фашистское командование неожиданно ввело в бой резерв. Гитлеровцы контратаковали, а на ближних подступах к Попяске встретили стрелковые подразделения гвардейцев массированным огнем из дзотов и приспособленных к длительной обороне домов. Бой за село продолжался до второй половины дня 20 августа, но не дал результатов. Тогда генерал Шарохин, находившийся вместе с командиром корпуса Котовым на командном пункте дивизии Дрейера, приказал блокировать Попяску с востока, а главными силами корпуса продолжать наступление в направлении Ермоклии.

Примерно в это же время радист принес мне донесение авиационного разведчика. Летчик сообщал: «16.00. Наблюдаю выдвижение из м. Манзырь двух колонн танков с артиллерией и пехотой. Одна колонна движется на север, в направлении Каушани, другая - на Сайци».

Связавшись по телефону с командармом, я доложил ему содержание донесения авиаразведчика.

- Этого следовало ожидать, - ответил Михаил Николаевич. - Противник, несомненно, вводит свой главный резерв - 13-ю танковую. Приезжайте ко мне, Арефа Константинович, обсудим вместе, что предпринять.

13-я немецкая танковая дивизия была нашей старой знакомой. С ней, а точнее, с ее предшественницами, носившими 13-й номер, нашей армии приходилось встречаться не однажды. Первая встреча состоялась в ноябре сорок первого года в районе Ростова-на-Дону. Тогда дивизия действовала в составе танковой группы Клейста, в боях понесла большие потери, но избежала разгрома. Через год, в ноябре сорок второго, на подступах к городу Орджоникидзе 37-я армия вновь встретилась с частями 13-й танковой. В этот раз ее постигла неудача. Потеряв в районе населенного пункта Гизель под ударами войск 9-й и 37-й армий почти все танки и артиллерию, командир дивизии с жалкими остатками боевой техники едва уволок ноги. И вот теперь предстояла третья встреча... Последние разведанные говорили, что 13-я танковая по-прежнему в большой чести у немецко-фашистского командования и даже пользуется определенными привилегиями. Укомплектована хорошо подготовленной, профашистски настроенной молодежью. В ротах по восемьдесят - девяносто человек. Имеется около ста двадцати танков, самоходных и штурмовых орудий.

С таким противником нельзя было не считаться. Следовало подготовить достойную встречу.

Новый наблюдательный пункт армии по приказанию генерала Шарохина был оборудован примерно в двух километрах от НП командира 6-го гвардейского корпуса: именно на этом участке уже через несколько часов после прорыва вражеской обороны наметилось главное направление. Сюда и перебрался командарм в сопровождении Шабанова, Чистякова, Голдовича, Вишмана и небольшой группы офицеров оперативного и разведывательного отделов штаба. В нескольких десятках метров от армейского НП расположился со своей оперативной группой

командир 82-го стрелкового корпуса генерал П. Г. Кузнецов (корпус находился во втором эшелоне армии).

Для надежного и непрерывного управления войсками в дни августовского наступления командарм располагал не только штатными, но и дополнительными средствами связи. Учтя опыт весеннего наступления, штаб, в первую очередь отдел полковника Туровского, сделал все возможное, чтобы связь командарма с войсками работала надежно. За счет трофеев нам удалось вдвое против штатного расписания увеличить число радиостанций. На НП командующего было теперь три радиостанции, в том числе одна мощная фронтальная рация «РАФ». Полковник Чистяков для управления артиллерийскими войсками имел радиогруппу из шести раций. Свои радиогруппы были также у командующего бронетанковыми и механизированными войсками полковника Вишмана, у начальника инженерных войск генерала Голдовича и у начальника управления тыла. Каждый командир корпуса располагал двумя радиостанциями: одна - для связи с армией, другая - для связи с подчиненными соединениями и частями. Рации и питание для них получили командиры дивизий, многих полков и даже некоторых батальонов. Штаб армии наряду с группой раций располагал передающим радиоузлом и радиоконмутатором. Таким образом, впервые за время войны мы получили возможность в полном объеме управлять войсками по радио, независимо от того, находится на месте или перемещается штаб.

Вечером 20 августа я тоже переехал из района Копанки на новый армейский НП. Отсюда, с господствующей над местностью высоты, далеко просматривалась глубина вражеской обороны. В бинокль отчетливо были видны горящие танки, перевернутые пушки, клубы черного дыма от разрывов бомб и снарядов.

В бывшем немецком блиндаже, наскоро приспособленном под НП, генерал Шарохин разговаривал с командирами 6-го гвардейского стрелкового и 7-го механизированного корпусов. Увидев меня, Михаил Николаевич развернул карту и тут же приказал доложить новые данные армейской разведки о противнике.

- Вам тоже полезно послушать, - кивнул он генералам Котову и Каткову.

Я сообщил, что, по последним сведениям, командование 6-й немецкой армии выдвигает свой резерв в район Ермокли. Основу резерва составляет 13-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Трегера. Из опроса плененных установлено, что в район Ермокли уже прибыли полковая группа «Драбе» из состава 384-й пехотной дивизии и группа под названием «Зедлер» силой до двух пехотных полков из состава 52-го армейского корпуса. Можно сделать вывод, что немецко-фашистское командование сосредоточивает в Ермокли мощную группировку войск. Вероятный замысел противника, — опираясь на сильный узел сопротивления, использовать стянутый туда армейский резерв и нанести контрудар по левому флангу и тылам нашей армии с целью восстановить положение, существовавшее до сегодняшнего утра, то есть принудить наши

войска отойти на прежний рубеж обороны. Перед отъездом на НП я докладывал обстановку генералу Бирюзову. Его мнение сводится к тому же. Противник, видимо, готовится нанести контрудар. Начальник штаба фронта подчеркнул серьезность обстановки и потребовал подготовиться к возможному контрудару врага, чтобы быстро обескровить его 13-ю танковую дивизию.

- Генерал Бирюзов сообщил, - добавил я, - что наш сосед слева - 46-я армия овладела крупными населенными пунктами Талмаз и Чобручи. У правого соседа успеха пока нет.

- Каково ваше мнение, товарищ Котов, по поводу того, о чем доложил начальник штаба армии? - спросил Шарохин командира 6-го гвардейского корпуса.

- Полностью согласен с выводами товарища Блажея насчет вероятных действий противника, - негромко сказал Котов. - Нет сомнений, гитлеровцы обязательно попытаются улучшить свое положение. Во-первых, они будут прорываться к Попяске, чтобы выручить окруженный там гарнизон. Во-вторых, примут все меры, чтобы оттеснить части двух наших гвардейских дивизий, вклинившихся во вторую полосу немецкой обороны. Считаю, что 6-й гвардейский корпус должен немедленно и как можно глубже зарыться в землю, подтянуть артиллерию. Утром отразим огнем с места контрудар врага. Только после этого продолжим наступление, чтобы во взаимодействии с 66-м корпусом окончательно разгромить всю неприятельскую группировку.

Внимательно выслушав Котова, командарм обернулся к Чистякову:

- Достаточно у нас бронейных снарядов? Где сейчас находится 398-й самоходный артполк подполковника Ветрова?

- Снарядов хватит, товарищ командующий, и бронейных и фугасных. А вот полк Ветрова пока далеко. В район Попяски он прибьет только к завтрашнему утру.

- Тут, видно, ничего не поделаешь, - заметил командующий. - Досадно, конечно, что запаздывает Ветров со своими тяжелыми самоходками. Они пришлось бы сейчас очень кстати. А пока будем планировать без них. Я согласен с предложениями комкора Котова: контрудар противника надо отражать с места.

Исходя из принятого решения, командарм приказал:

6-му гвардейскому корпусу в течение ночи укрепиться на достигнутом рубеже. К рассвету войскам корпуса быть готовыми отразить с места массированным огнем всех видов оружия во взаимодействии с авиацией контрудар противника, сломить его сопротивление, после чего продолжать наступление и обеспечить ввод 7-го мехкорпуса в прорыв с рубежа Ермоклия. К исходу 21 августа овладеть Сайцами;

66-му стрелковому корпусу ночью продолжать действовать передовыми отрядами. С рассветом перейти в наступление главными силами, завершить прорыв второй оборонительной полосы противника. Обеспечить ввод частей 7-го мехкорпуса в прорыв с рубежа горы Каушани (высота 210.4). К исходу 21 августа овладеть Салкуцей;

7-му механизированному корпусу к исходу 21 августа выйти в район Селемет, Садаклия, Батырь, а к исходу 23 августа – на реку Прут. Захватить переправы на участке Лопушна, Леушени, Чоры. Соединиться с частями 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Препятствовать отходу на запад кишиневской группировке противника.

Всю ночь личный состав частей и подразделений 6-го гвардейского корпуса зарывался в землю, оборудовал огневые позиции. Под покровом темноты гитлеровцы, как мы и полагали, несколько раз безуспешно пытались контратаковать позиции 20-й и 10-й гвардейских дивизий, вклинившихся во вторую полосу их обороны. К утру корпус надежно окопался и замаскировался, готовый отразить основной контрудар врага.

Бой на подступах к Ермоклии начался артиллерийским поединком. Еще не рассеялся предрассветный туман, как с обеих сторон загрохотали сотни орудий. Снаряды и мины с воем и шипением пронеслись в воздухе на встречных курсах, с оглушительным ревом разрывались, вздымая столбы пыли и дыма. С наблюдательного пункта в стереотрубы и мощные бинокли были ясно видны огненные всплески в расположении вражеской обороны. Немецкие снаряды иногда рвались неподалеку от нашего НП. Но на это никто не обращал внимания. Все взоры были прикованы к домам и садам Ермоклии: там находились гитлеровцы.

Не успел показаться из-за горизонта красноватый диск солнца, как из зарослей кукурузы, из густых садов выскочило несколько десятков вражеских танков. Набирая скорость и ведя на ходу огонь, они помчались к открытым за ночь окопам 60-го гвардейского стрелкового полка, которым командовал подполковник И. Н. Макуха.

Наша противотанковая и дивизионная артиллерия встретила контратакующие танки врага сильным огнем. Над полем боя в разных местах поднялись столбы черного дыма: горели «тигры» и «пантеры». Но контратака продолжалась. Десятка полтора бронированных фашистских «зверей» все ближе подходили к позициям гвардейцев. По окопам полка непрерывно вели огонь стоявшие в укрытиях «фердинанды»: вражеские самоходки активно поддерживали атаку «тигров» и «пантер».

Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Несколько машин ворвались в расположение оборонительных позиций полка, начали утюжить окопы, к которым серо-зеленой тучей, с устрашающим воем и гиканьем шла немецкая пехота. Бой гремел неподалеку от наблюдательных пунктов командира корпуса Котова и командира дивизии Дрейера. Много гитлеровцев полегло у окопов 60-го полка, но несли потери и гвардейцы. Подполковник Макуха бросил в бой батальон второго эшелона.

Артиллеристы полка, выдвинувшие противотанковые пушки для стрельбы прямой наводкой, вывели из строя несколько «тигров» и «пантер». Вражеская пехота кое-где залегла, а на отдельных участках начала пятиться. Однако натиск врага не ослабевал.

Один из немецких «тигров» оказался метрах в трехстах от НП командира дивизии. В лобовую броню ударили два противотанковых снаряда,

но он продолжал двигаться вперед. Казалось, его уже ничто не остановит. И тут перед танком вырос советский боец. Раздался взрыв. Крутнувшись на месте, «тигр» остановился, а минуту спустя на его броне заплясали языки пламени. Вражеский танк уничтожил комсомолец гвардии ефрейтор Александр Гусев, воспитанник коллектива Московского автозавода.

Гусев командовал пулеметным расчетом. Когда начался бой, он вместе со своим помощником рядовым Ковалевым и подносчиком патронов рядовым Девятко занимал огневую позицию в окопе. Бойцы, находившиеся поблизости от гусевского окопа, рассказывали потом, что пулеметчики в секторе своего обстрела истребили за несколько минут до двух десятков гитлеровцев, а остальных плотно прижали к земле. Потом недалеко от окопа разорвался снаряд. Погиб Ковалев. Тяжело ранило Девятко. Осколком снаряда разбило пулемет. На окоп всей своей громадой надвигался вражеский «тигр». Остановить его, не пропустить к наблюдательному пункту командира дивизии можно было только ценою собственной жизни. Александр Гусев схватил противотанковые гранаты и бросился под танк...

Самоотверженный поступок молодого ефрейтора всколыхнул гвардейцев. Увидев загоревшийся танк, они в едином порыве поднялись из окопов и с криком «ура» ринулись на вражескую пехоту. На помощь первому и третьему батальонам подошел второй батальон. Гвардейцы начали теснить гитлеровцев, ворвались на окраину села. Еще один рывок – и оно будет очищено от фашистских войск. Но внезапно из-за хат двинулась новая волна танков, сопровождаемых пехотой. Наши стрелковые батальоны залегли. В единоборство с танками вступила гвардейская артиллерия. От ее огня загорелось несколько танков. Остальные ворвались в расположение батальонов. Один из них надвигался на окоп ефрейтора Кузьмы Гуренко. И он, уже немолодой человек, отец двух детей, повторил подвиг Александра Гусева.

За беззаветное мужество и отвагу, проявленные в бою, ефрейторам Александру Ивановичу Гусеву и Кузьме Иосифовичу Гуренко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Оба они приказом Министра обороны СССР навечно зачислены в списки своего полка...

Отражая первую, наиболее яростную вражескую контратаку у Ермоклии, полк И. Н. Макухи понес значительные потери, но с честью выдержал трудный экзамен. Враг был оттеснен, и его контратака, на которую немецко-фашистское командование, несомненно, возлагало большие надежды, захлебнулась. Однако бои в районе Ермоклии не прекратились. Вzbешенные неудачей, гитлеровцы вновь и вновь контратаковывали, бросая в бой все большее число танков, самоходок, штурмовых орудий.

На помощь нашим стрелковым и артиллерийским частям пришли авиаторы. Разведав места сосредоточения «тигров», «пантер», «фердинандов», они наносили по ним непрерывные удары. Силы 13-й немецкой

танковой дивизии, пехотных полковых групп «Драбе», «Зедлер» и других частей, сосредоточенных в районе Ермоклии, таяли.

Когда вражеские контратаки несколько ослабли, генерал Котов после непродолжительной артподготовки ввел в бой свой второй эшелон - 195-ю стрелковую дивизию с задачей обойти Ермоклию с юго-востока. Маневр удался. К одиннадцати часам корпус одновременным ударом с фронта и флангов овладел Ермоклией - ключевым узлом обороны врага на его второй оборонительной полосе.

Остатки 13-й немецкой танковой дивизии, а также нескольких пехотных соединений и частей, продолжая огрызаться, начали отходить.

Овладев Ермоклией, части 20-й гвардейской и 195-й стрелковой дивизий корпуса генерала Котова, не теряя ни минуты, стали преследовать противника. Вместе с ними пошел на запад и 27-й пограничный отряд. Дойдя до государственной границы на реке Прут, он должен был приступить к своим прямым обязанностям - несению пограничной службы. 10-ю гвардейскую дивизию генерал Котов вывел во второй эшелон.

Командующий армией остался доволен боем у Ермоклии. Вечером он подписал приказ, в котором объявил благодарность личному составу 6-го гвардейского корпуса, его командиру генералу Котову и командиру 20-й гвардейской дивизии генералу Дрейеру.

Ермоклия была не единственным пунктом на второй полосе обороны, где гитлеровцы пытались задержать наступление наших войск. Примерно то же, но в несколько меньших масштабах произошло утром 21 августа на правом фланге армии, где действовал 66-й стрелковый корпус генерала Д. А. Куприянова. Стянув в район горы Каушани изрядно потрепанные, полуразбитые танковые, артиллерийские, пехотные, тыловые части и подразделения, пополнив их свежими резервами, немецко-фашистское командование и здесь подготовило контрудар против наших войск. Гитлеровцы явно надеялись восстановить положение, а главное, удержать важный узел сопротивления гору Каушани. Однако части 66-го стрелкового корпуса выбили немцев из укреплений на склоне горы. Понеся огромные потери, противник вынужден был отойти на новый оборонительный рубеж.

В то время когда части 6-го гвардейского и 66-го стрелкового корпусов готовились к отражению вражеских контратак в районах села Ермоклия и горы Каушани, командующего и штаб армии больше всего волновал вопрос: удастся ли пропустить 7-й механизированный корпус через узкую горловину прорыва в той последовательности и те сроки, которые предусматривались планом операции?

С восемнадцати часов 20 августа все дороги на плацдарме были открыты только для движения частей мехкорпуса. Бронированная армада ринулась вперед.

А между тем к сражавшимся в глубине вражеской обороны стрелковым корпусам и дивизиям спешили резервы, колонны машин с боеприпасами и продовольствием, тыловые части и подразделения. Они были

необходимы там, где шли бои. И все-таки пропустить их через узкую полосу прорыва одновременно с частями механизированного корпуса не было возможности.

Нет задачи труднее, чем сдерживать войска в наступлении. Но именно это мне как начальнику штаба армии пришлось в известной мере делать вечером 20-го и в ночь на 21 августа.

В штабе непрерывно звонили телефоны. Командиры стрелковых корпусов, дивизий и даже полков просили быстрее пропустить их резервы, тылы. На все их требования я неизменно отвечал: - Придется ждать!

Прекрасно понимая, что от своевременного подхода пополнения, от бесперебойного обеспечения стрелковых частей боеприпасами и продовольствием зависит очень многое, я тем не менее вынужден был на какое-то время задерживать и колонны машин, и тыловые подразделения, и резервы, и отставшие штабы, задерживать до той поры, пока не пройдет по зеленой улице 7-й механизированный корпус.

К рассвету 21 августа нам, наконец, удалось протолкнуть части 7-го мехкорпуса. Однако на исходный рубеж корпус вышел не к шести часам утра, как было намечено, а только к девяти.

Несмотря на трехчасовое опоздание, генерал Катков и после сосредоточения корпуса на исходном рубеже почему-то не спешил вводить его в бой. На первый взгляд его поведение было непонятным.

- Почему он медлит? Его помощь необходима Котову! - раздраженно бросил генерал Шарохин, потом решительно натянул фуражку: - Еду к Каткову.

Командира 7-го мехкорпуса генерал-майора Ф. Г. Каткова и его начальника штаба генерал-майора А. И. Соммера мы знали как волевых и опытных военачальников. Именно поэтому их медлительность в данном случае казалась особенно странной.

Внезапно в памяти всплыло высказывание генерала Каткова при обсуждении плана взаимодействия. Он доказывал, что корпус надо вводить в бой только после окончательного прорыва второй оборонительной полосы противника и разгрома 13-й танковой дивизии немцев. Обосновывал свое требование весьма убедительно: корпусу предстоит долгий и трудный путь к Пруту, нет смысла ввязываться в сражение прежде времени.

Мехкорпус начал боевые действия лишь в четырнадцать часов, после того как противнику было нанесено решительное поражение в районе Ермоклии и была прорвана вторая полоса обороны немцев.

Танкисты быстро обогнали стрелков и артиллеристов 20, 10 и 195-й дивизий, преследовавших противника, вырвались вперед. К исходу дня главные силы мехкорпуса достигли рубежа Опач, Брезоя, а передовые отряды вплотную подошли к селу Токуз и местечку Манзырь. И все же задачу дня корпус не выполнил, что вызвало недовольство командования фронта.

Вечером 21 августа генерал Шарохин приказал генералу Каткову ре-

шительно ускорить темп продвижения вперед, к исходу 22-го выйти на рубеж Гура-Галбена, Жавгур, Сагайдак, а передовыми отрядами занять Резены, Мелешть, Котовское (Гынчешть), Сарата-Галбена. Основная цель заключалась в том, чтобы успеть перекрыть пути возможного отхода войск противника к Пруту и соединиться с подвижными войсками 2-го Украинского фронта.

Итак, две наиболее трудные задачи - прорыв вражеской обороны и ввод в сражение армейской подвижной группы - были решены, хотя и не без серьезных осложнений. Предстояло еще ввести в сражение второй эшелон армии - 82-й стрелковый корпус, который по-прежнему оставался на плацдарме и ждал своей очереди.

Успех был налицо, и все-таки уже в первые два дня боев тщательно разработанный план наступательной операции на ряде участков претерпел изменения. Серьезные трудности создались на правом фланге армии. Наступавший там 66-й корпус заметно отстал, несмотря на то что справился с довольно трудной задачей - овладел горой Каушани, своего рода шверпунктом вражеской обороны на второй оборонительной полосе.

Правда, отставание 66-го корпуса было вынужденным. Его задерживал сосед справа - 68-й стрелковый корпус 57-й армии, которому пришлось наступать на очень невыгодном участке. Атаки правого соседа захлебывались одна за другой, несмотря на мужество и отвагу личного состава.

По этой причине командир 66-го корпуса генерал Куприянов, вынужденный все время думать об обеспечении своего правого фланга от вероятных контрударов противника, постепенно развернул фронтом на север сначала 61-ю гвардейскую, затем 333-ю и, наконец, 244-ю стрелковые дивизии. Отставание корпуса тормозило продвижение к Пруту других соединений армии, растягивало фронт и с каждым часом все больше затрудняло управление войсками.

Чтобы ликвидировать разрыв, командующий фронтом несколько позже переподчинит 66-й корпус командующему 57-й армией генералу Гагену, а нам передаст из 57-й армии 64-й стрелковый корпус под командованием генерала Ивана Кондратьевича Кравцова. Пока же приходилось все больше растягивать фронт наступления.

Наш левый сосед - 31-й стрелковый корпус 46-й армии в тесном взаимодействии с 4-м гвардейским механизированным корпусом продолжал успешно наступать в общем направлении на Тарутино. К нему у нас не было никаких претензий.

Части 6-го гвардейского корпуса, используя успех танкистов генерала Каткова, непрерывно двигались в направлении Леово. Корпус преследовал противника двумя эшелонами: в первом действовали 20-я и 10-я гвардейские дивизии, во втором - 195-я стрелковая. Каждая дивизия первого эшелона высылала на десять - пятнадцать километров вперед подвижные отряды на автомашинах, усиленные артиллерией и танками.

Непосредственно с частями 7-го мехкорпуса следовал усиленный

передовой отряд 6-го гвардейского корпуса в составе стрелкового батальона, артиллерийского дивизиона, двух танковых и одной саперной рот. Командовал им заместитель командира 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии Герой Советского Союза полковник Георгий Степанович Иванищев - человек смелый, решительный, до придирчивости требовательный не только к подчиненным, но и к самому себе. Возглавляемый им отряд имел задачу: захватить переправы на речке Чага в районе Воеводул-Михай, Гура-Вэйлор (девять километров юго-западнее местечка Манзырь) и удерживать их до подхода главных сил.

По мере продвижения вперед левого фланга армии разрыв между 6-м и 66-м корпусами увеличивался, правый фланг все больше оголялся. Настала пора вводить в сражение второй эшелон армии - 82-й стрелковый корпус. Это было сделано на рассвете 22 августа.

- В преследование противника ваш корпус переходит с рубежа Опач, Сайци, - еще раз напомнил командарм генералу Кузнецову и начальнику его штаба полковнику Стремякову. - Потребуйте от войск самого большого напряжения и стремительности. Сегодня к вечеру жду от вас донесения об освобождении Чимишлии, а завтра, надеюсь, вы будете в Гуре-Галбене и Котовском. Надо упредить противника в овладении этими селами. Вам помогут танкисты Каткова. Будьте готовы к трудным боям. Немцы непременно попытаются прорваться к Пруту.

Измотанные, обескровленные, но все еще боеспособные 294, 302, 384-я пехотные немецкие дивизии, а также отдельные артиллерийские, танковые, инженерные части пытались закрепиться на рубежах рек Чага и Когильник. Но это были попытки обреченных - они не могли замедлить продвижения наших войск.

Темп наступления армии начиная с 22 августа стал поистине стремительным: за сутки 6-й гвардейский корпус продвинулся на запад почти на сорок пять, а 7-й механизированный более чем на семьдесят пять километров. Многокилометровый бросок совершил и 82-й стрелковый корпус.

Немецко-фашистское командование, ошеломленное столь быстрым продвижением советских войск, не смогло обеспечить более или менее организованного отступления своих частей.

Как позднее стало известно, командующий 6-й немецкой армией принял решение на отход, уже после того когда все пути отступления были фактически перехвачены советскими войсками.

«С 20 августа 1944 года начался новый этап в истории этой великой войны, - писал в «Журнале боевых действий» начальник штаба армии генерал-майор Вальтер Гельмут. - И здесь, как под Сталинградом, 6-я армия стояла в центре событий мировой истории... После прорыва русских южнее Тирасполя и у Ясс события развивались с такой стремительностью, какой до того никто не мог ожидать».

Ссылка на Сталинград в данном случае, видимо, была уместной. Спустя несколько дней судьба 6-й армии, которую представлял Вальтер Гельмут, во многом оказалась похожей на судьбу армии Паулюса. Разница

состояла лишь в том, что здесь, в Молдавии, в критический момент генералы и старшие офицеры бросили свою армию на произвол судьбы...

Судя по захваченным штабным документам, командование группы армий «Южная Украина» еще утром 22 августа пришло к выводу, что дальнейшее сопротивление на восточном берегу Прута бесполезно. В пять часов тридцать минут все немецкие войска, входившие в состав группы, получили приказ: с наступлением темноты отходить на западный берег Прута, занять оборону, укрепиться и не дать русским возможности форсировать реку.

К концу того же дня немецко-фашистские войска, выполняя приказ командования, начали поспешный отход в направлении города Хуши. Колонны немецких и румынских войск, тогда еще возглавляемые командирами корпусов и дивизий, заполнили все дороги, ведущие к Пруту. 44-й армейский корпус вместе со своими тылами совершал марш по направлению на Леушени, 7-й армейский корпус двигался по дороге на Лопушну, части 30-го и 52-го армейских корпусов - на Карпиняны. Вслед за ними к Пруту спешили остатки соединений, разгромленных на первой и второй оборонительных полосах.

Река Прут подобно магниту тянула к себе тысячи и тысячи гитлеровцев. Там, за Прутом, они видели единственное спасение от преследовавших их по пятам советских танковых и стрелковых соединений. Но до Прута приходилось переправляться через другие реки, помельче и поуже. У мостов и бродов образовывались огромные скопления танков, артиллерии, пехоты. С утра 23 августа по ним непрерывно наносили удары наши бомбардировщики и штурмовики 17-й воздушной армии.

На подступах к переправам через Прут противника подстерегал еще один сюрприз. В районе Чимишлии на колонны 30-го и 52-го немецких армейских корпусов обрушилась с тыла лавина танков мехкорпуса генерала Каткова. Несколькими часами позже у Гуры-Галбены такому же внезапному удару советских танков с тыла подверглись авангардные дивизии 44-го немецкого армейского корпуса. Чего-чего, а встречи с советскими танками гитлеровское командование не ожидало, не предполагало, что маневр с отводом войск за Прут будет вовремя разгадан и упрежден советским командованием.

В крупных вражеских штабах поднялась паника. Предвидя неизбежность разгрома, штаб группы армий «Южная Украина» во главе с генерал-полковником Фриснером, потеряв связь с войсками, 23 августа бежал из Галаца в Карпаты. Его примеру последовал и штаб 6-й армии. Потеряв возможность управлять корпусами и дивизиями, штаб бросил их и к исходу дня находился уже за несколько десятков километров от места боев – в Тарутино. Прижатые к Пруту, фашистские войска нашли себе временный приют в лесах восточнее Лопушны, Карпинян и севернее Митрополита. Под ударами наших войск на глазах распадались и 3-я румынская армия. Целые ее подразделения и части, в ряде случаев почти без боя, сдавались в плен.

Незадолго до полуночи 22 августа на НП командарма собрались члены Военного совета армии, командующие и начальники родов войск, начальники отделов штаба. Настроение у всех было прекрасное. Из войск непрерывно поступали радостные сообщения. Только что радисты приняли и расшифровали очередное боевое донесение командования 6-го гвардейского корпуса: «Передовой отряд корпуса захватил аэродром в районе станции Басарабьяска, девять исправных самолетов, мастерские, много запасных авиамоторов и горючего, – сообщали Котов и Зайчиков. - Соединения корпуса продолжают преследовать и громить противника... Моральное состояние войск с каждым боем повышается...».

Об успешном продвижении на запад, о новых победах докладывали и командиры других соединений. Далеко вперед, почти до самого Прута, продвинулись части 7-го механизированного корпуса. Как тут не быть отличному настроению!

Раздался телефонный звонок. Михаил Николаевич взял трубку, с минуту молча слушал, потом повернулся к окну, включил радиоприемник.

- Сейчас Москва будет передавать приказ Верховного Главнокомандующего.

По комнате поплыли мелодичные звуки позывных: «Говорит Москва. Передаем приказ Верховного Главнокомандующего... Генералу армии Толбухину...»

- Это нам, - радостно сказал Шабанов.

В приказе говорилось, что войска 3-го Украинского фронта прорвали сильно укрепленную, развитую в глубину оборону противника южнее Бендер. За три дня наступления они продвинулись до семидесяти километров и расширили прорыв до ста тридцати километров по фронту. Далее перечислялись фамилии военачальников, чьи войска отличились в боях при прорыве вражеской обороны: генерал-лейтенанта Шарохина, генерал-лейтенанта Шлемина, генерал-лейтенанта Гагена, генерал-майора Куприянова, генерал-майора Котова, генерал-майора Лозановича, генерал-майора Голоско, генерал-майора Дрейера, полковника Петрушина и других.

Диктор еще продолжал читать приказ, когда в комнату торопливо вошел начальник разведки полковник Щербенко и скороговоркой выпалил:

- Товарищ командующий, разрешите доложить. Авиаразведка фронта перед наступлением темноты наблюдала крупные колонны немецких войск, двигавшиеся с рубежа Днестра по направлению к Пруту.

- Все-таки двинулись! - досадливо передернул плечами Михаил Николаевич. - Это как раз нам во фланг справа. Очень опасно. Надо предупредить командиров корпусов, особенно поторопить Кравцова. Слишком медленно он плетется. Так можно и опоздать. Пишите, Арефа Константинович, приказ.

Вскоре приказ был составлен и подписан. В нем уточнялась задача 82-му корпусу. К исходу 23 августа корпус должен был овладеть рубежом Каштангалия, Градиштя (десять километров севернее Чимишлии), Жавгур, а сильными передовыми отрядами захватить переправы на реке Прут в районе западнее Минжир; дивизию второго эшелона, а также всю тяжелую и противотанковую артиллерию предлагалось вести за правым флангом. Таким образом, части 82-го корпуса должны были заполнить

разрыв между 66-м корпусом, переподчиненным 57-й армии, и 6-м гвардейским корпусом.

64-му корпусу, проходившему в то время через бывший передний край обороны противника в районе Фынтына-Маскулуй, Леонтина, было приказано ускорить движение и к восемнадцати часам 23 августа выйти в район местечка Чага и села Каприорь.

Чтобы ускорить переброску частей 64-го корпуса, генерал Шарохин попросил командующего фронтом выделить автотранспорт. И уже к утру в распоряжение генерала Кравцова поступил автобатальон.

В полдень 23 августа мы получили новые данные фронтовой авиаразведки. Колонны вражеских войск двигались из района Кишинева через Лопушну в юго-западном направлении. Создавалась реальная угроза прорыва противника к Пруту. Генералу Каткову было приказано выйти главными силами на рубеж Котовское, Лопушна и отрезать врагу пути отхода.

Над правым флангом 6-го гвардейского корпуса нависла угроза. Чтобы парировать возможный удар противника, командарм приказал Котову дивизию второго эшелона и главные силы артиллерии вести за правым флангом в общем направлении на Чок Майдан, Дезгинже, Баюшу, а 52-й танковый полк в районе Чимишлии вывести в армейский резерв.

Беспокоивший нас все время правый фланг армии теперь, казалось, находился в безопасности. Тем не менее, требовалось постоянно быть начеку.

Войска армии, преследовавшие противника, по-прежнему быстро продвигались вперед. Мне вместе с начальником связи полковником Туровским и начальником оперативного отдела полковником Диковым приходилось уделять много внимания перемещению пунктов управления. В обстановке стремительного наступления малейшая задержка с подготовкой командного пункта, несвоевременное развертывание узла связи были недопустимы.

Генерал Шарохин требовал, чтобы командный пункт армии находился как можно ближе к частям и соединениям первого эшелона наступавших войск. И это не было капризом или прихотью. Такое размещение КП армии позволяло уверенно и надежно управлять войсками: линии связи были короткими и действовали безотказно.

Узлы связи КП армии мы обычно развертывали на рубеже командных и наблюдательных пунктов дивизий, а иногда и полков. К моменту прибытия на армейский КП генерала Шарохина с оперативной группой войска продвигались дальше вперед, штабы дивизий и полков следовали за ними, а КП армии, оставаясь определенное время на месте, становился пунктом управления, откуда ни на минуту не прекращалась связь с корпусами.

К исходу 23 августа части 7-го механизированного корпуса и передовые отряды стрелков-гвардейцев корпуса генерала Котова вышли к Пруту на фронте от Леушени до Леово и овладели несколькими переправами противника.

Колонны 7-го и 44-го армейских немецких корпусов, двигавшиеся к Пруту из района Кишинева, на подступах к селу Лопушна были встречены 16-й механизированной бригадой полковника М. Ф. Маршева,

а в селе Леушени - танкистами 41-й танковой бригады полковника В. Е. Копиенко. Завязался встречный бой. Гитлеровцы понесли большие потери.

Получив сокрушительный удар, 44-й и некоторые части 7-го армейского корпуса противника повернули было на северо-запад, чтобы переправиться за Прут в районе Немчень. Однако и здесь их встретили советские танки.

К рассвету 24 августа части 7-го механизированного и 6-го стрелкового корпусов одновременно в нескольких местах форсировали Прут, захватили плацдармы на участке от Леушени до Леово включительно и вскоре соединились в районе Хуши с передовыми отрядами 18-го танкового корпуса 2-го Украинского фронта. Примерно в то же время войска 5-й ударной армии генерала Н. Э. Берзарина вышли на рубеж Бардар (десять километров северо-восточнее Котовского), Зембрень, Резены (двенадцать километров севернее Сагайдака).

Таким образом, войска правого крыла и центра 3-го Украинского фронта образовали своеобразное полукольцо, тянувшееся от северной окраины Кишинева через Золотянку и Гыртоп до Лопушны и перекрывавшее пути отхода гитлеровцам к Пруту. Севернее Котуморий все дороги к реке преградили гитлеровцам механизированные и стрелковые соединения 2-го Украинского фронта. Образовался огромный котел, в который попали семнадцать пехотных и одна учебно-полевая немецкие дивизии, свыше сорока отдельных частей, штабы 7, 52, 30 и 29-го армейских корпусов. Однако сплошного внутреннего фронта окружения к тому времени еще не было. Перед войсками противника возникла альтернатива - либо прорваться через неокрепший фронт окружения, либо капитулировать. Командование окруженной группировки избрало на первых порах наиболее бесперспективный путь - любой ценой прорываться за Прут.

6. Из монографии генерал-лейтенанта Мацуленко В. А., профессора, доктора исторических наук, Институт военной истории министерства обороны СССР, главный редактор Военно-исторического журнала.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 87-108).

Ход боевых действий.

Прорыв тактической зоны обороны противника.

Боевые действия войск 37-й армии по разгрому кишиневской группировки противника могут быть разделены на три этапа.

Первый этап (20 - 21 августа) – прорыв тактической зоны обороны противника.

Второй этап (22 - 24 августа) – преследование противника и окружение его кишиневской группировки совместно с другими армиями 3-го и 2-го Украинских фронтов.

Третий этап (25 - 27 августа) – участие в ликвидации кишиневской группировки немецко-фашистских войск.

Утром 20 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска 37-й армии перешли в наступление.

За 50 минут до окончания артиллерийской подготовки был произведен 15-минутный ложный перенос огня в глубину вражеской обороны. Одновременно с переносом огня пехота, находившаяся в первой траншее, в соответствии с планом операции открыла сильный ружейно-пулеметный огонь и с криками «ура» стала поднимать вверх заранее подготовленные чучела пехотинцев. Обман удался. Гитлеровцы вышли из убежищ и приготовились к отражению атаки. В это время наша артиллерия произвела несколько огневых налетов по переднему краю врага.

В результате мощной артиллерийской и авиационной подготовки противник понес большие потери в живой силе и боевой технике. Большинство командных и наблюдательных пунктов врага было разрушено. Огневая система на переднем крае и в ближайшей глубине его обороны оказалась нарушенной, а управление войсками в звене рота – батальон – полк потеряно.

О большой эффективности артиллерийской и авиационной подготовки говорили генералы и офицеры противника, взятые в этот день в плен. Вот, например, что показал взятый в плен командир 2-го батальона 578-го пехотного полка 306-й пехотной дивизии капитан Ганс Дибш:

«Батальон оборонялся на участке северо-западнее Леонтино. Об истинных масштабах готовящейся русскими наступательной операции командованию не было известно. О таком большом сосредоточении русскими танков, артиллерии и авиации мы не знали. Утром 20 августа началась обработка нашего переднего края русской артиллерией и авиацией. По характеру артподготовки и действиям авиации мне и многим другим стало ясно, что русским совершенно точно было известно расположение всех наших огневых точек, огневых позиций, наблюдательных и командных пунктов. Надо признать, что такие точные данные о расположении нашей обороны были достигнуты, безусловно, аэрофотосъемкой и заблаговременной тщательной авиаразведкой. Огневые средства немецкой обороны буквально уничтожались низко летавшими русскими самолетами, которые действовали вдоль переднего края и по промежуточным рубежам. Когда русская пехота появилась в расположении батальона, и он стал отходить, русская авиация не давала возможности организовать отход. Батальон был рассеян и частично уничтожен огнем авиации, минометов и пулеметов».

Атака советских войск была дружной и настолько стремительной, что противник был застигнут врасплох и не оказал в первых траншеях сильного сопротивления. В одном из донесений политуправлению фронта дается такая оценка атаки: «Никогда, пожалуй, за время боевых действий фронта атака не была такой стремительной, как это было 20 августа. Как только был дан сигнал к атаке, все, как один, дружно, многие во весь

рост, с исключительной стремительностью с криками «ура» устремились к передним траншеям противника и захватили их».

И действительно, воины 37-й армии как снег на голову внезапно обрушились на врага. Впереди шли коммунисты, личным примером увлекая за собой остальных бойцов. Вот, например, как в газете 333-й стрелковой дивизии «На страже Родины» говорится об этом: «Как только закончилась артиллерийская канонада, бойцы стремительно поднялись в атаку. Парторги Жданов, Сентелеев, Гатин, комсорги Малый, Сидякин и другие шли в боевых порядках и своим личным примером воодушевляли бойцов на подвиги и героизм. Пулеметчик Рушковский в первый же час наступления истребил во вражеских траншеях двух немецких офицеров. Красноармеец Рассказов уничтожил трех гитлеровцев.

Командир стрелкового отделения сержант Олейник во время атаки истребил 15 фашистов. Пулеметный расчет Петра Боборец ни на шаг не отставал от стрелков. В разгар атаки ранило в ногу наводчика младшего сержанта Николая Катрича. Отважный воин ползком передвигался вперед и поливал фашистов свинцом из своего «максима». 12 гитлеровцев и одну пулеметную точку уничтожил он в коротком бою. Тяжелая рана не давала возможности наводчику следовать за нашей пехотой. Тогда на помощь Катричу поспешил сержант П. Боборец. Он установил пулемет на небольшую высоту и огнем уничтожил более 20 вражеских солдат».

Успешно шло наступление и в глубине обороны противника.

Войска 66-го стрелкового корпуса после 3-часового боя овладели первой позицией. Правофланговая 61-я гвардейская стрелковая дивизия ввиду сильного сопротивления врага из опорного пункта Плоп-Штубей вынуждена была развернуться фронтом на северо-запад. Только ее 189-й стрелковый полк (командир майор В. С. Лимов), наступавший на левом фланге, продолжал успешно продвигаться вперед.

333-я стрелковая дивизия, захватив первые траншеи, встретила ожесточенное сопротивление противника на высоте 151.7. Эта высота господствовала над окружающей местностью и фактически являлась ключом первых двух позиций врага. На высоту наступал 3-й стрелковый батальон 1116-го стрелкового полка, которым командовал офицер коммунист майор Красусский. Первой ворвалась на высоту 7-я стрелковая рота под командованием члена КПСС старшего лейтенанта Тимченко. Действия советских воинов были настолько стремительны, что противник не мог оказать организованного сопротивления. Высота была взята, и на ней бойцы роты водрузили красный флаг. Штаб 81-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии противника, находившийся на высоте, был разгромлен.

Овладев высотой, 333-я стрелковая дивизия продолжала продвигаться вперед и к 12 часам прорвала вторую позицию главной полосы обороны гитлеровцев. Используя успех 333-й стрелковой дивизии и 189-го стрелкового полка, командир 61-й гвардейской стрелковой дивизии в 13 часов 30 минут ввел в бой второй эшелон – 187-й гвардейский стрелко-

вый полк (командир подполковник Г. И. Иванов), который к исходу дня прорвал главную полосу обороны.

333-я стрелковая дивизия к 19 часам прорвала главную полосу обороны и вышла ко второй полосе, где противник оказал ожесточенное сопротивление.

С наступлением темноты для прорыва второй полосы обороны в бой был введен второй эшелон корпуса – 244-я стрелковая дивизия. Однако, выдвигаясь на исходное положение для ввода в бой, дивизия уклонилась на север и вышла к пункту Кирнацень. И лишь в 23 часа она смогла совместно с 333-й стрелковой дивизией атаковать противника на второй полосе в районе горы Каушаны. Но атака была безуспешной, так как противник успел выдвинуть на вторую полосу 13-ю танковую дивизию, находившуюся в резерве. По этой же причине ночные действия специально выделенных отрядов (батальоны от полков вторых эшелонов) были также неудачными и не дали желаемых результатов.

Этим закончились боевые действия корпуса в первый день операции. Поучительность боев 66-го стрелкового корпуса заключается в применении маневра силами и средствами на поле боя, в своевременном использовании успеха частей первого эшелона путем ввода в бой вторых эшелонов дивизий. Отрицательным в боевых действиях корпуса является несвоевременный и неудачный ввод в бой его второго эшелона. Следствием этого было невыполнение поставленной задачи: войска корпуса не смогли с ходу прорвать вторую полосу обороны противника.

Несколько иначе развивались события в полосе наступления 6-го гвардейского стрелкового корпуса. Сломив упорное сопротивление противника, войска корпуса через 30 минут после начала атаки полностью овладели первой траншеей и продолжали развивать успех в глубь неприятельской обороны. Фашисты предприняли две контратаки из леса 2 км юго-восточнее выс. 151.7, но безуспешно. Его контратаки были отбиты. К полудню правофланговая 20-я гвардейская стрелковая дивизия корпуса вышла на рубеж Балка Штубей, с которого атаковала противника, оборонявшегося в Поляска. Однако атака с ходу не удалась, так как противник превратил Поляска в сильный опорный пункт, который обороняли остатки отошедшей сюда 306-й пехотной дивизии и 500-й штрафной батальон.

Командующий 37-й армией генерал-лейтенант Шарохин потребовал от командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса опорный пункт противника Поляска блокировать лишь частью сил, а главными силами к исходу дня выполнить поставленную задачу – овладеть второй полосой обороны противника.

Для выполнения этого приказа командир 6-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Котов решил овладеть Поляска обходным маневром. Удар с запада наносился 60-м гвардейским стрелковым полком 20-й гвардейской стрелковой дивизии (командир полка подполковник И. П. Макуха) и с востока 24-м гвардейским стрелковым полком

10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (командир майор М. Я. Жеребцов).

Атака полков поддерживалась артиллерией и танками. В результате ожесточенного боя почти весь гарнизон противника, оборонявший Поляска, был уничтожен и только отдельным разрозненным группам врага удалось вырваться в направлении Ермоклия.

10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия корпуса, форсировав старое русло р. Днестр, встретила сильное сопротивление противника из опорного пункта Леонтино. Тогда командир дивизии решил двумя фланговыми полками (24-м и 19-м без одного батальона) обойти Леонтино с запада и востока и продолжать наступление на Поляска, а 30-м гвардейским воздушно-десантным полком с одним батальоном 19-го гвардейского воздушно-десантного полка окружить и уничтожить противника в этом опорном пункте. Такое решение командира дивизии следует признать целесообразным, так как оно давало возможность одновременно уничтожить вражеский опорный пункт и не снижать темпа прорыва обороны противника во всей полосе дивизии.

Опорный пункт Леонтино входил в общую систему главной полосы обороны врага и играл в ней видную роль. Он находился на стыке двух армейских корпусов (30-го и 29-го) и был сильно укреплён.

С фронта и флангов он прикрывался тремя сплошными траншеями, соединёнными между собой ходами сообщения. Перед первой траншеей были установлены проволочные заграждения в три кола, спираль Бруно и минные поля плотностью до тысячи противотанковых и противопехотных мин на 1 км фронта.

Опорный пункт Леонтино обороняли рота 580-го и батальон 549-го пехотных полков 306-й пехотной дивизии. Их поддерживали артиллерийский дивизион 105-мм орудий и три минометные батареи, имевшие огневые позиции в 1-2 км южнее Леонтино.

Командир 30-го гвардейского воздушно-десантного полка подполковник И. С. Переудин, оценив обстановку, решил двумя батальонами обойти Леонтино с запада и юго-запада и выйти в тыл этому населённому пункту, а одним батальоном наступать с фронта на северную окраину. На юго-восточную окраину наступал стрелковый батальон 19-го гвардейского воздушно-десантного полка.

Наступление полка поддерживали три артиллерийских дивизиона из дивизионной артиллерийской группы, с которой командир полка имел связь по радио, а связь со стрелковыми батальонами и ротами – телефоном, радио, посыльными и сигнальными ракетами.

В результате артиллерийской подготовки к началу наступления полка большинство огневых средств опорного пункта противника, а также артиллерийские и минометные батареи южнее Леонтино были подавлены. Однако отдельные дзоты и огневые точки уцелели.

Боевые действия 30-го гвардейского воздушно-десантного полка обещивались: справа – 24-м гвардейским воздушно-десантным полком,

который наступал в южном направлении западнее Леонтино, слева - 19-м гвардейским воздушно-десантным полком, наступавшим также в южном направлении, но восточнее Леонтино. Это обстоятельство в значительной степени гарантировало успех боя по овладению опорным пунктом противника.

Перейдя в наступление вместе с другими частями армии, 30-й гвардейский воздушно-десантный полк и батальон соседнего слева полка сломили сопротивление противника западнее и восточнее Леонтино и к 12 часам окружили гитлеровцев в опорном пункте. Затем одновременной атакой на Леонтино со всех сторон полк начал бой за населенный пункт.

Гарнизон противника оказывал ожесточенное сопротивление. На помощь ему вражеское командование направило по дороге Талмаз – Леонтино батальон пехоты 4-й горнострелковой дивизии румын, который контратаковал подразделения 19-го гвардейского воздушно-десантного полка, но смелыми и стремительными действиями наших подразделений был частью уничтожен, частью захвачен в плен.

К 14 часам опорный пункт Леонтино был очищен от врага. На поле боя гитлеровцы оставили убитыми 1200 солдат и офицеров. 30-й гвардейский воздушно-десантный полк захватил 250 пленных и 37 орудий; в том числе 7 штурмовых.

С падением опорного пункта Леонтино фактически рушилась оборона главной полосы немцев на левом фланге 6-го гвардейского стрелкового корпуса.

Успех полка во многом зависел от мощной артиллерийской подготовки, смелых маневренных действий подразделений, хорошо налаженного взаимодействия пехоты с артиллерией. Большую роль в успехе полка сыграли стремительные действия соседей, которые обеспечили фланги полка от контратак противника.

В то время когда шел бой за Леонтино, основные силы 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии продолжали наступление и к исходу дня вышли ко второй оборонительной полосе, где встретили сильное сопротивление противника из опорного пункта Ермоклия.

Таким образом, к исходу дня войска 37-й армии завершили прорыв главной полосы обороны и на ряде участков вклинились во вторую оборонительную полосу противника, продвинувшись в глубину на 10-12 км. Попытки врага контратаками тактических резервов остановить наступление наших войск успеха не имели.

В первый день наступления советских войск противник потерял более 3500 солдат и офицеров убитыми и около 700 пленными. Кроме того, войска 37-й армии захватили 70 орудий разных калибров, 54 пулемета и много другого вооружения и военного имущества.

Войска 57-й армии, наступавшие справа, в течение дня продвинулись на глубину 3-4 км, где встретили упорное сопротивление противника.

Сосед слева – 46-я армия, так же как и 37-я армия, прорвала оборону противника на глубину 10-12 км.

В начале наступления образец мужества и творческой инициативы показали артиллеристы. Вот один из примеров. Противник, пытаясь задержать наступление наших войск в районе Кирнацень, начал накапливать свои силы для перехода в контратаку. Намерения его были раскрыты. Командир батареи лейтенант Земцов получил приказание выдвинуть свои орудия на выс. 133.6, рассеять пехоту и уничтожить штурмовые орудия врага.

При выходе батареи к указанному месту противник встретил ее сильным ружейно-пулеметным огнем. Лейтенант Земцов приказал одному взводу выдвинуть орудия на северо-западный скат высоты, а другому - на юго-восточный. Чтобы занять выгодную огневую позицию, батарея выдвинулась вперед пехоты.

Противник численностью до 200 человек при поддержке штурмовых орудий перешел в контратаку. Батарея Земцова приняла неравный бой.

Два взвода пехоты противника при поддержке двух штурмовых орудий атаковали взвод лейтенанта Воловина. Подпустив штурмовые орудия на 60-80 м, командир расчета старший сержант Смолинов подбил их. Оставшись без прикрытия, вражеская пехота поспешно стала отходить. Таким образом, смелыми действиями артиллеристы сорвали контратаку врага.

В первый день боя образец мужества показали коммунисты, в том числе агитаторы, как подлинные вожаки масс. Одним из таких агитаторов был красноармеец Чайка из подразделения 333-й стрелковой дивизии. Словом и делом завоевал он себе авторитет среди бойцов.

Агитатор Чайка всеми средствами пропагандировал боевой опыт и подвиги отличившихся воинов. Выбрав удобную минуту, Чайка выпустил листок- «молнию», в котором кратко и образно рассказал о подвиге комсомольцев-пулеметчиков братьев Царевых. Отважные комсомольцы выдвинулись со своим пулеметом вперед, прикрывая огнем подход главных сил своего подразделения. Метким огнем они наносили большие потери гитлеровцам.

Будучи ранены, пулеметчики не покинули поле боя и продолжали рвать врага. Листок- «молния» передавался из рук в руки, и вскоре вся рота узнала о подвиге братьев Царевых.

На подступах к населенному пункту Кирнацень фашисты оказали яростное сопротивление. Сильный огонь вынудил наших бойцов залечь. Пробираясь ползком от одного бойца к другому, агитатор Чайка подбадривал людей, учил их, как лучше преодолеть зону обстрела, призывал к стремительным действиям. По сигналу командира Чайка первым ринулся в атаку, увлекая за собой всех бойцов.

В лице агитатора Чайки все бойцы роты видели храброго и бесстрашного воина, готового отдать жизнь во имя победы.

В момент штурма вражеских траншей на рядового Меркина напали три фашиста. Двоих из них боец уничтожил огнем из автомата, но третий, появившийся сзади, выстрелом ранил Меркина. В одно мгновение

Чайка бросился на выручку товарища и наповал убил гитлеровца. Всего в первый день боя Чайка истребил 11 фашистов.

В связи с прорывом войсками 37-й и 46-й армий главной полосы обороны противника командование 6-й немецко-фашистской армии, чтобы не допустить прорыва всего фронта южнее Бендеры, решило ввести в сражение 13-ю танковую дивизию из своего резерва. Дивизия, получив задачу восстановить положение, в 17 часов 30 минут 20 августа начала выдвижение на вторую полосу и к исходу дня в районе Ермоклия и западнее этого населенного пункта заняла ее в готовности перейти в контратаку.

Во второй половине дня 20 августа в район Фештелица, Ермоклия была срочно выдвинута полковая группа «Драбе» из 384-й пехотной дивизии и группа «Зедлер» из 52-го армейского корпуса силой до двух пехотных полков.

Командующий армейской группой «Думитреску» доложил в штаб группы армий «Южная Украина», что контратакой 13-й танковой дивизии положение будет легко восстановлено.

Следовательно, 37-й армии предстояло завершить прорыв второй полосы обороны противника и разгромить 13-ю танковую дивизию. Вечером 20 августа командующий 37-й армией приказал командирам корпусов главными силами с утра 21 августа возобновить наступление, завершить прорыв второй полосы обороны противника на всем фронте армии и к исходу дня выйти на рубеж Салкуца, Сайци; с рубежа Каушаны, Ермоклия обеспечить ввод в прорыв 7-го механизированного корпуса.

С утра 21 августа войска 37-й армии, умело используя местность, к 11 часам отразили ряд контратак 13-й танковой дивизии и пехотных частей противника и после короткой артиллерийской подготовки перешли в наступление. Сломив упорное сопротивление 13-й танковой дивизии и пехотных частей, наши войска завершили прорыв второй полосы обороны врага и обеспечили ввод в бой 7-го механизированного корпуса.

66-й стрелковый корпус правофланговой 61-й гвардейской стрелковой дивизией к 13 часам выбил противника с выс. 133.6, вышел к населенным пунктам Каушаны-Векь и Каушаны, но овладеть ими с ходу не смог, так как гитлеровцы превратили их в сильные опорные пункты и перебросили сюда на автомашинах подразделения 535-го и 536-го пехотных полков 384-й пехотной дивизии.

Части 61-й гвардейской стрелковой дивизии временно закрепились на достигнутом рубеже и были готовы перейти в атаку после более тщательной подготовки.

В создавшейся обстановке командир 66-го стрелкового корпуса генерал-майор Куприянов решил стремительной атакой в ночных условиях выбить противника из Каушаны-Векь и Каушаны, ибо овладение этими населенными пунктами имело важное значение. Во-первых, с захватом этих пунктов резко сокращался фронт наступления войск 66-го стрелкового корпуса, и высвобождались силы для развития наступления, во-вто-

рых, рушилась оборона немцев против правого фланга 37-й армии и наши войска выходили на оперативный простор, в-третьих, можно было оказать помощь в наступлении соседу справа (68-му стрелковому корпусу 57-й армии).

Стремясь во что бы то ни стало удержать эти опорные пункты в своих руках, противник тщательно подготовил их к обороне. По окраинам Каушаны-Веж и Каушаны проходила траншея, перед передним краем которой были установлены проволочные заграждения в один-два ряда кольев и минные поля. Многие дома были оборудованы под дзоты. Оборона опорных пунктов возлагалась на два пехотных полка, усиленных артиллерией и минометами. Захват Каушаны-Веж и Каушаны планировалось осуществить после тщательной разведки противника. С этой целью из состава 61-й гвардейской стрелковой дивизии был создан разведывательный отряд под командованием майора Механошина. Отряду было приказано скрытно выйти на юго-восточную окраину Каушаны-Веж, разведать группировку и систему огня противника и атакой с тыла совместно с частями, наступавшими с северо-востока и юга, овладеть Каушаны-Веж. Общую атаку решено было начать в 23 часа 21 августа.

Командир разведывательного отряда с командирами рот и разведывательного взвода засветло выдвинулся на северо-западные скаты выс. 210.4 и произвел рекогносцировку местности. Офицеры установили, что местность, на которой предстояло действовать разведывательному отряду, сильно пересеченная; глубокая балка, тянувшаяся к Каушаны-Веж, была покрыта лесом и кустарником.

После рекогносцировки майор Механошин поставил разведывательному отряду следующую задачу: разведывательному взводу с отделением саперов двигаться по маршруту выс. 210.4, балка юго-восточнее Каушаны-Веж, разведать маршрут и скрытые подступы к населенному пункту, установить огневую систему противника и наличие пехоты в балке юго-восточнее села. Выйдя на юго-восточную окраину Каушаны-Веж, командир разведывательного взвода должен был силами двух отделений организовать наблюдение за противником, а с третьим отделением возвратиться в район выс. 210.4 для доклада командиру разведотряда о результатах разведки и сопровождения разведотряда к селу, в тыл противнику.

В 19 часов разведчики приступили к выполнению задачи, через час незаметно для противника подошли к юго-восточной окраине Каушаны-Веж и в 200 м от села заняли выгодный для наблюдения рубеж. Таким образом, путь движения к Каушаны-Веж был разведан. Пехоты противника в балке юго-восточнее села не оказалось.

В 21 час командир разведывательного взвода возвратился, с отделением на выс. 210.4 и доложил командиру разведотряда о результатах разведки. Было установлено, что юго-восточная окраина Каушаны-Веж в том месте, где к селу подходит балка, слабо охраняется. Однако этот участок был заминирован и контролировался огнем. Более того, по высотам

северо-восточнее и восточнее населенного пункта фашисты установили пулеметы, которые простреливали перекрестным огнем балку, идущую к юго-восточной окраине.

В 21 час 20 минут разведывательный отряд выступил из района выс. 210.4 в направлении юго-восточной окраины Каушаны-Векь. Двигались по балке колонной по одному. Впереди, на удалении 20-30 м, справа и слева шли дозоры. Через полтора часа подошли к рубежу, занятому разведывательным взводом. Майор Механошин, выслушав доклад о характере обороны противника и его огневой системе, решил, что разведанный участок удобен для проведения внезапной атаки. Однако противник по-прежнему продолжал контролировать скрытые подступы к Каушаны-Векь.

Отряд залег. Командир разведотряда наметил направление атаки и в ста метрах от населенного пункта выбрал рубеж атаки. К 23 часам, отряд занял этот рубеж, а саперы проделали проходы в минных полях противника.

В 23 часа по сигналу красной ракеты части корпуса начали атаку. Подразделения разведотряда смелым броском ворвались на юго-восточную окраину Каушаны-Векь и через полчаса овладели центром села, где организовали круговую оборону. Части корпуса, наступавшие в это же время на восточную и южную окраины Каушаны-Векь, уничтожали основные силы противника. Гитлеровцы поспешно и беспорядочно отступили через болото Ботно в направлении Заим.

К 24 часам 21 августа опорный пункт Каушаны-Векь был в наших руках. После этого гитлеровцы поспешно оставили и населенный пункт Каушаны.

Так в результате смелых и дерзких действий разведывательного отряда удалось вскрыть слабые стороны в обороне противника. Действуя в ночных условиях, части корпуса ликвидировали сильный опорный пункт противника в Каушаны-Векь, завершив таким образом прорыв тактической зоны вражеской обороны против правого фланга частей 66-го стрелкового корпуса. Войска корпуса получили возможность стремительно развивать наступление в глубину.

Левofланговая 333-я стрелковая дивизия 66-го стрелкового корпуса после упорных боев в первой половине дня овладела важным опорным пунктом противника горой Каушаны (выс. 210.4). Эта гора представляла довольно выгодный рубеж обороны противника, так как господствовала над окружавшей местностью. Она опоясывалась двумя линиями траншей с ходами сообщения, перед которыми были проволочные заграждения в 1-2 кола и сплошные минные поля. На горе было оборудовано несколько дзотов. Все подходы к ней прикрывались пулеметным и минометным огнем. Гора Каушаны оборонялась силами двух пехотных батальонов при поддержке 93-го моторизованного полка 13-й танковой дивизии.

Бой за гору Каушаны носил ожесточенный характер. Вначале, с 7 до 12 часов, 333-я стрелковая дивизия с места отражала яростные контрата-

ки противника. В 12 часов она перешла в наступление, обошла гору с запада и востока и затем одновременными ударами с двух сторон овладела ею. В этом бою противник потерял убитыми до 500 солдат и офицеров. Частями 333-й стрелковой дивизии было уничтожено 20 пулеметов, подбито 12 орудий, 8 самоходных пушек и 4 танка. Овладев горой Каушаны, дивизия начала преследовать противника и к исходу дня перерезала дорогу Каушаны - Манзырь.

244-я стрелковая дивизия, наступая в обход горы Каушаны с юга, к исходу дня также перерезала в своей полосе важную дорогу Каушаны - Манзырь. Этим самым войска 66-го стрелкового корпуса во всей своей полосе вышли на оперативный простор.

Перед фронтом 6-го гвардейского стрелкового корпуса противник оказывал особенно сильное сопротивление в районе Ермоклия. Здесь находились главные силы его 13-й танковой дивизии и приданные ей остатки 306-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизий. Кроме того, в этот район прибыли: штурмовой батальон и сборные подразделения 384-й и 302-й пехотных дивизий.

В результате сложившейся обстановки попытка войск первого эшелона корпуса с ходу овладеть второй полосой обороны противника успеха не имела. Больше того, контратакованный крупными силами пехоты и танков врага из района Ермоклия (до двух пехотных полков при поддержке 30 танков), корпус вынужден был с места отражать контратаки врага.

Ввод в бой второго эшелона корпуса, 195-й гвардейской стрелковой дивизии, командир корпуса считал в этой обстановке нецелесообразным ввиду явного превосходства сил противника и отставания нашей артиллерии.

Поэтому было принято решение вначале подтянуть артиллерию, а затем после короткой артиллерийской подготовки ввести в бой второй эшелон корпуса. Одновременно с вводом второго эшелона 195-й стрелковой дивизии в обход Ермоклия с юго-востока и одновременными ударами с фронта и с фланга овладеть вражеским опорным пунктом.

Отразив с места контратаку противника, войска 6-го гвардейского стрелкового корпуса после короткой, но мощной артиллерийской подготовки перешли всеми силами в наступление. В результате мощного артиллерийского огня, умелого маневра частей и своевременного ввода в бой второго эшелона сильный опорный пункт противника Ермоклия к 11 часам 21 августа был взят, а его гарнизон окружен и уничтожен.

В боях за Ермоклия особенно отличились подразделения 604-го и 564-го стрелковых полков 195-й стрелковой дивизии.

604-й стрелковый полк с места отразил шесть контратак гитлеровцев силой до одного батальона при поддержке 10 танков и штурмовых орудий каждая. Одна из контратак пришлось по 1-й роте 1-го стрелкового батальона, которой командовал старший лейтенант Бурдин. Бойцы роты не дрогнули. Подпустив вражеские танки на близкое расстояние, они

бросили в них противотанковые гранаты, а по пехоте, следовавшей за танками, открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Танки на мгновение остановились. В это время по ним ударила дивизионная артиллерия. Они быстро повернули обратно. Старший лейтенант Бурдин поднял роту в атаку и личным примером увлек за собой бойцов.

В результате боев за вторую полосу обороны 13-я танковая дивизия противника понесла большие потери. Вместе с остатками разбитой 306-й пехотной дивизии она начала отход в юго-западном направлении. Войска 6-го гвардейского стрелкового корпуса получили приказ командующего армией преследовать отходящего врага.

Преследование началось всем боевым порядком корпуса, причем дивизии первого эшелона имели все полки в линию. 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия была выведена во второй эшелон корпуса и передвигалась в походных колоннах на его левом фланге.

К исходу дня корпус вышел в район Сайци, где противник оказал сильное сопротивление. Для уточнения группировки противника в Сайци и его обороны ночью была произведена разведка. В качестве примера рассмотрим действие разведки 64-го стрелкового полка 195-й стрелковой дивизии.

Для разведки были назначены две разведывательные группы по 5 разведчиков в каждой. Командиром первой разведгруппы был старшина Г. Я. Антипин, командиром второй разведгруппы – старшина Сулимов.

При подходе к Сайци у местных жителей узнали, что передний край противника проходит по окраине этого населенного пункта. Разведчики незаметно для противника пробрались в село, и в одном из домов обнаружили 14 спящих фашистов, среди которых был один офицер. Командир второй разведгруппы решил бесшумно захватить спящих гитлеровцев, однако при подходе к дому разведгруппа была обнаружена, и фашисты открыли огонь. Разведчики приняли бой. Двое из них стреляли из автоматов по окнам, а остальные бросали в окна гранаты. В результате 7 фашистов было убито, и 7 взято в плен.

Первая разведгруппа при подходе к Сайци отклонилась на западную окраину населенного пункта, где обнаружила на марше пехотное отделение гитлеровцев в составе 10 человек во главе с офицером. Разведчики сделали засаду. Подпустив фашистов на близкое расстояние, они внезапно открыли по вражеской колонне автоматный огонь, пять человек было убито и пять взято в плен. Пленные солдаты были доставлены в штаб полка.

В результате разведки и опроса пленных удалось установить, что Сайци обороняет батальон 243-й бригады штурмовых орудий 30-го армейского корпуса, в котором было около 20 штурмовых орудий и несколько пехотных подразделений, отошедших со второй полосы обороны. Командир 6-го гвардейского стрелкового корпуса решил ввести в бой второй эшелон - 10-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию – в обход Сайци с юга. Успешно завершив маневр в обход вражеского опор-

ного пункта, 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия вышла в тыл фашистам. Затем одновременной атакой с тыла и фронта удалось быстро ликвидировать вражеский гарнизон и овладеть Сайци.

В связи с успешным наступлением стрелковых соединений в первый день операции сложились благоприятные условия для ввода в прорыв 7-го механизированного корпуса. По приказу командующего армией этот корпус в 19 часов 30 минут 20 августа начал выдвижение из выжидательного района в исходный район по трем маршрутам: 16-я механизированная бригада – по маршруту Кицканы, роща северо-западнее Поляска, 63-я механизированная и 41-я танковая бригады – Кицканы, лес северо-западнее Леонтино и 64-я механизированная бригада – Копанка, Леонтино, Поляска. Механизированный корпус должен был войти в прорыв с утра второго дня.

В целях нормального беспрепятственного движения приказом командующего армией на всех трех маршрутах было прекращено всякое движение частей 37-й армии и маршруты были полностью предоставлены в распоряжение 7-го механизированного корпуса.

Регулирование движения частей и соединений корпуса возглавляла группа офицеров оперативного отдела армии, штаба инженерных войск и штаба командующего артиллерией. В распоряжении этой группы находился отряд, специально сформированный для этой цели, и регулировочные посты от инженерных частей армии.

В исходный район войска корпуса вышли к 9 часам 21 августа, то есть с опозданием на 3 часа. Опоздание было вызвано плохой организацией марша со стороны штаба механизированного корпуса, а также плохим руководством со стороны командира корпуса генерал-майора Каткова. Выйдя в исходный район, 7-й механизированный корпус простоял на месте до 14 часов, когда уже войска 6-го гвардейского стрелкового корпуса преследовали разбитого под Ермоклия противника. Такое положение объясняется медлительностью и нерешительностью командира механизированного корпуса, считавшего, что 13-я танковая дивизия противника еще не разбита и требуется продолжение атаки пехоты. Лишь энергичное вмешательство командующего 37-й армией генерал-лейтенанта Шарохина, потребовавшего от командира механизированного корпуса решительных действий и твердого руководства подчиненными частями, позволило в 14 часов 21 августа с рубежа Каушаны, Ермоклия ввести корпус в прорыв в общем направлении на Токуз, Чимишлия. Ввод механизированного корпуса в прорыв был обеспечен короткой артиллерийской подготовкой трех тяжелых пушечных бригад и артиллерией четырех стрелковых дивизий первого эшелона.

К исходу 21 августа 7-й механизированный корпус вышел на рубеж Опач, Брезоя, а передовыми отрядами подошел к Токуз, Манзырь.

Таким образом, продвижение войск 37-й армии 21 августа было незначительным. К исходу дня ее стрелковые соединения не вышли на заданный рубеж, а 7-й механизированный корпус не выполнил своей задачи.

Войска 57-й армии резко отстали, они подошли лишь к дороге Фарладень – Каушаны. Это вынудило командующего 37-й армией повернуть часть сил 66-го стрелкового корпуса на север с целью обеспечения армии от ударов противника с кишиневского направления.

Соседняя слева 46-я армия в 9 часов 21 августа с рубежа южнее Поляска, Чобручу обеспечила ввод в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса в общем направлении на Тарутино. К исходу дня этот корпус вырвался вперед значительно дальше, чем 7-й механизированный корпус, и главными силами достиг р. Чага. Успех 46-й армии и 4-го гвардейского механизированного корпуса облегчал наступление 37-й армии, прочно обеспечивая ее от ударов противника с юга.

Основные усилия нашей авиации в течение дня направлялись на уничтожение танков, артиллерии и живой силы врага, препятствовавших продвижению войск фронта. Всего за сутки наша авиация совершила 946 самолётов – вылетов.

В результате боевых действий 37-й армии на первом этапе операции была прорвана тактическая зона обороны противника и наши войска вышли на оперативный простор. Так рухнули надежды командования армейской группы «Думитреску» исправить положение при помощи 13-й танковой дивизии. С разгромом 13-й танковой дивизии основные оперативные резервы армейской группы «Думитреску» были израсходованы, в то время как у командующего 37-й армией находился еще во втором эшелоне неиспользованный 82-й стрелковый корпус, что гарантировало дальнейшее успешное развитие операции.

Стремительное продвижение 46-й армии создало непосредственную угрозу изоляции 6-й немецко-фашистской армии от 3-й армии королевской Румынии. Неуспех правого соседа – 57-й армии – вынудил растянуть правый фланг 37-й армии для обеспечения от ударов противника с севера.

В течение двух дней войска 37-й армии продвинулись в глубь вражеской обороны на 25-30 км, расширив прорыв по фронту до 30 км, а передовые отряды 7-го механизированного корпуса продвинулись на 35-40 км.

7-й механизированный корпус был введен в бой после прорыва стрелковыми соединениями тактической зоны обороны противника. Лишь его передовые бригады принимали участие в прорыве второй оборонительной полосы.

Подобное использование подвижной группы создавало благоприятные условия для развития операции в высоком темпе. Однако из-за плохого руководства и нерешительных действий командира 7-го механизированного корпуса генерал-майора Каткова и его штаба корпус запоздал с выходом в прорыв, тем самым недовыполнив задачу дня.

Особенностями наступления 37-й армии на первом этапе операции следует считать то, что оно развернулось с ограниченного, малопригодного в тактическом отношении плацдарма и в сравнительно узкой по-

лосе местности, ограниченной справа оз. Ботно, а слева старым руслом р. Днестр с широкой болотистой поймой. Сильно мешали наступлению войск имевшиеся у противника на флангах опорные пункты и господствующие высоты, откуда он имел возможность вести прицельный артиллерийский огонь по нашим наступающим войскам.

В этих условиях войска 37-й армии были стеснены в маневре, имевшиеся три дороги были чрезмерно перегружены боевой техникой и транспортом. В результате артиллерия отставала от боевых порядков пехоты, что замедляло темп наступления наших войск. Так, например, отставание артиллерии при бое за опорный пункт противника Ермоклия не позволило частям 6-го гвардейского стрелкового корпуса овладеть им с ходу. Однако, несмотря на особенности и трудности обстановки, в которой 37-й армии пришлось осуществлять прорыв, ее части и соединения в ряде случаев смело применяли маневр на поле боя. Примером этого может служить овладение опорными пунктами противника Плоп-Штубей, Леонтино, Поляска, гора Каушаны, Ермоклия. Все эти опорные пункты наши войска, как правило, вначале окружали путем обхода их с флангов, а затем уничтожали стремительной атакой с разных сторон.

Прорыву обороны противника в значительной степени способствовала хорошо организованная мощная артиллерийская подготовка, в ходе которой успешно был осуществлен ложный перенос огня. Противник и его оборона были в значительной степени подавлены.

Успешно действовала на первом этапе и наша авиация. В течение двух дней она совершила 1646 самолето-вылетов, в том числе 120 самолето-вылетов в условиях ночи.

Следует отметить, что главная полоса обороны гитлеровцев была прорвана силами стрелковых дивизий первого эшелона. Дивизии вторых эшелонов корпусов в это время в бой не вводились, за исключением 244-й стрелковой дивизии-66-го стрелкового корпуса, но и эта дивизия была введена в бой лишь к исходу дня, когда уже главная полоса обороны была фактически прорвана. Такое использование вторых эшелонов корпусов объясняется благоприятно развивавшимся наступлением дивизий первого эшелона. Это обстоятельство в свою очередь способствовало успеху дальнейшего наступления.

Управление войсками во всех звеньях было максимально централизовано и приближено к войскам. Армейскому командованию приходилось иногда вмешиваться в вопросы чисто тактического характера. Например, командующий армией давал войскам указания о порядке и характере осуществления маневра частями с целью овладения опорными пунктами противника, а также помогал организовывать взаимодействие между родами войск.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 160-164).

Итоги операции.

Наступательная операция, проведенная войсками 37-й армии во второй половине августа 1944 г., явилась существенным вкладом в дело общего разгрома группы армий «Южная Украина» и в освобождение Советской Молдавии, Румынии и Болгарии от немецко-фашистского ига.

Наступая в первом эшелоне ударной группировки 3-го Украинского фронта, 37-я армия играла ведущую роль в операции. Ее войска в течение двух дней прорвали тактическую зону обороны противника, разгромили его самый крупный оперативный резерв – 13-ю танковую дивизию – и на пятый день операции вышли к р. Прут, на пути отхода кишиневской группировки врага. В последующие три дня 37-я армия совместно с механизированными корпусами приняла на себя удар основных сил кишиневской группировки врага и одновременно с другими армиями фронта успешно решила задачу по ликвидации крупной окруженной вражеской группировки 6-й немецко-фашистской армии.

В ходе восьмидневных боев 37-я армия разгромила крупные силы противника. Только убитыми гитлеровцы потеряли свыше 60 000 солдат и офицеров. Количество пленных достигало свыше 27 000 человек, из них было 19 477 немецких солдат и офицеров. За это же время захвачено и уничтожено 108 танков и штурмовых орудий, более 820 орудий и минометов (Архив МО, ф. 392, оп. 121250, д. 219, лл. 354-355).

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество многие части и соединения армии были награждены государственными наградами.

Войска 37-й армии в Кишиневской операции проявили высокие морально-боевые качества.

Оперативные и тактические выводы.

Поучительным в наступательной операции 37-й армии было успешное выполнение плана. Несмотря на ограниченный плацдарм, на котором надо было сосредоточить и подготовить к наступлению крупную группировку войск, командующему армией и его штабу благодаря правильной оценке обстановки, оперативному руководству и жесткому контролю удалось своевременно провести все намеченные мероприятия подготовительного периода в срок.

На первом этапе операции задача первого дня была в основном выполнена. Лишь, на второй день войскам армии не удалось полностью осуществить поставленную задачу. Это объяснялось, во-первых, несвоевременным вводом в прорыв 7-го механизированного корпуса, во-вторых, отставанием соседней справа 57-й армии, в результате чего 37-й армии пришлось выделить основные силы правофлангового 66-го

стрелкового корпуса для прикрытия ударной группировки от возможных ударов противника с севера. Глубина продвижения общевойсковых соединений во второй день операции вместо запланированных 10-12 км составила 6-8 км.

На втором этапе операции войска 37-й армии не только выполнили, но и перевыполнили поставленные задачи. Так, на третий день операции 6-й гвардейский стрелковый корпус вместо запланированных 20 км прошел 35-40 км. 82-й стрелковый корпус, своевременно введенный в сражение, за день вместо 18-20 км по плану продвинулся на 25-40 км. Успешному наступлению стрелковых корпусов содействовали стремительные действия 7-го механизированного корпуса, который в течение первого дня осуществил бросок на 80 км в глубь вражеской обороны.

Результаты четвертого дня операции еще более превзошли намеченный план. 6-й гвардейский стрелковый корпус вместо запланированных 25 км продвинулся на 35-37 км, а 82-й стрелковый корпус вместо 20-25 км прошел 30-35 км. В обоих случаях успешное продвижение корпусов объяснялось умелыми и инициативными действиями командиров частей и соединений, а также успешными действиями подвижной группы армии и авиации. Подвижная группа в этот день продвинулась на 50 км, вышла к р. Прут и захватила плацдарм на западном берегу реки, а авиация ударами с воздуха наносила большие потери отходящим войскам противника.

Третий этап операции проходил по плану и закончился в намеченный срок.

Следует указать на то, что планирование темпов наступления определялось стремлением упредить противника и не дать ему возможности вырваться из окружения. Среднее удаление окружающих войск от ближайших переправ на р. Прут составляло около 60-80 км, а наших участков прорыва – около 100 км. Противник мог начать отход с позиций северо-восточнее Кишинева не раньше второго дня. Следовательно, темп продвижения наших войск должен был составить в среднем не менее 20-25 км в сутки, что и было запланировано и достигнуто в ходе операции. Кроме того, высокие темпы развития операции не давали возможности противнику противопоставить нашему наступлению крупные и организованные контрмероприятия.

Как известно, прорыв обороны противника является одним из важнейших и наиболее сложных этапов наступательной операции. Для 37-й армии сложность прорыва усугублялась тем, что противник в течение четырех месяцев подготовил против копанского плацдарма хорошо развитую в инженерном отношении оборону, с большим количеством опорных пунктов и узлов сопротивления. Больше того, в расположении противника находились командные высоты, с которых просматривался почти весь плацдарм нашей армии, а в оперативной глубине, на удалении 25 км от переднего края, немецко-фашистское командование держало танковую дивизию – наиболее сильный оперативный резерв.

Плацдарм же, с которого готовилась операция, был ограничен и тактически невыгоден для организации наступления.

При подготовке операции все эти обстоятельства командованием 37-й армии были учтены. Многочисленные маскировочные мероприятия, установление строжайшей маскировочной дисциплины, оборудование исходного положения для наступления густой сетью траншей и ходов сообщения, максимальное приближение исходных позиций к переднему краю обороны противника, тщательная подготовка плацдарма в артиллерийском и танковом отношении – все это в значительной степени способствовало созданию сильной группировки войск на плацдарме, внезапности действий и успеху прорыва.

Прорыв тактической зоны обороны противника имел некоторые особенности. Он осуществлялся на узком участке фронта при глубоком оперативном построении армии и боевых порядков частей и соединений. Ограниченный плацдарм и узкий участок прорыва затрудняли маневр частей и подразделений по окружению опорных пунктов противника. Однако, несмотря на это, войска были подготовлены к маневру, и в ходе прорыва вражеской обороны наши подразделения и части применяли его.

В ходе наступления своевременно использовались вторые эшелоны стрелковых дивизий и корпусов, осуществлялась непрерывная поддержка и сопровождение войск огнем артиллерии.

В результате главная полоса обороны противника была прорвана стрелковыми дивизиями первого эшелона в первый же день операции, а вторая полоса и, следовательно, тактическая зона обороны в целом – стрелковыми корпусами первого эшелона армии к 12 часам второго дня операции.

(Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года. М., Воениздат, 1961. С. 167-173).

Выводы по боевому применению родов войск.

Артиллерия. Эффективное применение артиллерии было достигнуто решительным массированием ее на главных направлениях, созданием высоких артиллерийских плотностей на участках прорыва и умелым использованием в ходе наступления. Особенность артиллерийского обеспечения операции 37-й армии с ограниченного плацдарма заключалась, прежде всего, в создании мощной группировки артиллерии на плацдарме. Необходимость в этом вызывалась, во-первых, тем, что противник перед плацдармом имел крупную группировку своих войск и сильную оборону, во-вторых, тем, что использование артиллерии со своего берега не всегда эффективно, а переброска ее на плацдарм в ходе боя требовала большого количества времени. Поэтому даже артиллерию армейских групп командующий 37-й армией расположил на плацдарме. Однако большое усиление войск на плацдарме артиллерией привело к сильному уплотнению ее боевых порядков и, следовательно, увеличивало угрозу

ее поражения от авиации и артиллерии противника. Плацдарм был хорошо подготовлен в артиллерийском отношении: районы огневых позиций для артиллерии и минометов оборудовались с расчетом на более высокие нормы артиллерийского насыщения, артиллерия, так же как и другие рода войск, тщательно укрывалась и маскировалась.

За период операции артиллерией было израсходовано 256 593 снарядов и мин. Наибольший расход боеприпасов был во время прорыва тактической зоны обороны противника и в период ликвидации его окруженной группировки. Это объяснялось тем, что именно в эти периоды боевых действий артиллерия выполняла особо важные и большие задачи.

На первом этапе операции, на участке прорыва в 6 км, было сосредоточено 1569 орудий и минометов (без учета реактивной артиллерии). На каждый стрелковый полк, принимавший участие в наступлении на главном направлении, приходилось 3 артиллерийских полка.

Средняя плотность артиллерии на участке прорыва 37-й армии достигала 260 орудий и минометов (без учета реактивной артиллерии). Такая плотность обеспечила надежное подавление заранее подготовленной сильной обороны противника.

Танки. На участке прорыва плотность танков непосредственной поддержки пехоты достигала до 17 бронеединиц на 1 км фронта, а с учётом подвижной группы – 40 бронеединиц. Такая плотность способствовала успешному прорыву вражеской обороны и стремительному развитию операции.

Эшелон развития успеха составлял 7-й механизированный корпус. Поучительным в боевых действиях 7-го механизированного корпуса является сочетание прочной обороны с мощными контратаками во фланг прорывающемуся из окружения противнику.

Авиация. Основные усилия поддерживающей авиации были направлены на поддержку действий наземных войск. Около 90 процентов всех самолёто-вылетов авиация совершила для выполнения задач, связанных с поддержкой наземных войск. Наибольшее напряжение авиации было на первом этапе операции, так как войска 37-й армии на этом этапе решали задачу по прорыву сильно укрепленной обороны противника и разгрому оперативного резерва.

Постоянное воздействие нашей авиации на противника в значительной степени парализовало управление 6-й немецко-фашистской армии, мешало фашистскому командованию осуществлять перегруппировки своих войск и нанесло отходящим и окруженным войскам противника большие потери.

Инженерные войска. Большую помощь стрелковым, танковым и артиллерийским войскам в оборудовании исходного района для наступления и в ходе операции оказали инженерные войска. Инженерные войска проделали большую работу по наведению переправ через р. Днестр, что способствовало своевременному сосредоточению войск на плацдарме и бесперебойному обеспечению их всем необходимым для боя.

Основные особенности инженерного обеспечения операции 37-й армии с ограниченного плацдарма заключались в очень большом объеме работ по оборудованию плацдарма как исходного района для наступления, в создании густой сети траншей и ходов сообщения, в оборудовании большого количества дорог и переправ. Так, в период подготовки операции на плацдарме было оборудовано 194,7 км траншей и ходов сообщения, 4149 огневых позиций для пулеметов, минометов и противотанковых ружей, 523 огневые позиции для артиллерии, 1585 блиндажей и землянок, восстановлено и построено 189,6 км дорог, наведено через р. Днестр 8 наплавных мостов и подготовлен паром под груз в 60 тонн.

Наряду с оборудованием исходного района для наступления инженерные части почти до самого начала операции не прекращали строительства оборонительных рубежей.

Значительная работа была проделана инженерными войсками в ходе наступления. Так, в период с 20 по 27 августа они разведали и разминировали 1218 км маршрутов. В ходе боев ими было снято, собрано и подорвано 2000 противотанковых и противопехотных мин.

7. Из воспоминаний гвардии майора Бологова Ф. П., бывшего начальника оперативного отделения штаба 20-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 37 армии.

Бологов Ф. П. В штабе гвардейской дивизии. – М.: Воениздат, 1987. Глава 6. «В боях за освобождение Молдавии». http://modernlib.ru/books/bologov_fedor/v_shtabe_gvardeyskoy_divizii/read_12/

Я, тогда еще молодой офицер, не переставал восхищаться талантом, неиссякаемой энергией и большими организаторскими способностями Николая Михайловича Дрейера. Все эти дни он отдыхал не более трех-четырёх часов в сутки, а ему в то время уже перевалило за пятьдесят.

19 августа в штабе дивизии было проведено партийное собрание с повесткой дня «Итоги работы коммунистов парторганизации штаба по подготовке наступления и задачи обеспечения управления войсками в ходе наступательного боя». В докладе генерал Дрейер подробно проанализировал работу коммунистов, отметив, что начальники родов войск, служб, отделений штаба и их офицеры успешно справились с поставленными задачами, проявили максимум инициативы, творчество и стремление как можно лучше обеспечить всестороннюю подготовку наступления. Партийное собрание прошло с большим подъемом и активностью.

После него Н. М. Дрейер пригласил к себе руководящий состав штаба и объявил, что полная готовность назначена на 24.00 19 августа.

Мне предстояло выехать в первую стрелковую роту 60-го полка. Мы с ординарцем шли по глубокой траншее, где в одиночку и группами сидели бойцы, а рядом лежали приставные лестницы и чучела. Наблюдатели и дежурные у пулеметов зорко следили за обороной противника.

В первой роте нас встретил командир роты гвардии капитан Н. Ф. Хрычев. Он доложил, что боевая задача доведена до каждого бойца роты и теперь все готовятся к митингам.

- Где будете их проводить? - спросил я.

- Во второй траншее, так как из первой будет слышно противнику, пояснил командир роты.

Я согласился с этим предложением, и мы направились во вторую траншею, где в это время уже собрался 2-й взвод. Перед личным составом выступили парторг роты, командир взвода и я.

* * *

На наблюдательный пункт мы возвратились поздно вечером. На стыке с 55-м гвардейским полком встретили дивизионного инженера А. И. Карцева и инженера 55-го полка капитана А. Л. Блехера, которые проверяли работу саперов, закончивших разминирование наших минных полей и начавших проделывать проходы в минных полях противника. Тяжелое и опасное это дело - снимать мины под дулами вражеских пулеметов. Только ловкость, большая натренированность, смелость и бесстрашие помогают им выполнить эту сложную задачу. Оставив капитана Блехера, мы с Карцевым пошли на наблюдательный пункт дивизии по глубоким траншеям и ходам сообщения. Противник методически вел огонь и пускал осветительные ракеты. Над головой свистели пули, удалялись о бруствер.

- Как вы думаете, Александр Иванович, сколько километров траншей и ходов сообщения вырыто на плацдарме? - спросил я у Карцева.

- Точных данных у меня нет, но думаю, что сотнями километров исчислять можно, - ответил Карцев.

- Да, много, и все это завтра придется оставить, - сказал я. - Сколько пришлось солдату за войну земли перекопать и сколько еще придется до победного дня?!

Даже в наступлении, при любой остановке солдат сразу же заботится об окопе, сначала копает для стрельбы лежа, а затем, если есть время, углубляет его для стрельбы стоя. При переходе к обороне эти окопы соединяются траншеями, ходами сообщения. Оборудуются отсечные позиции, строятся блиндажи, землянки и другие укрытия, и все это одной саперной лопаткой!

Когда мы пришли на НП, там уже были все в сборе. Доложив комдиву о проведенном митинге, я проверил маскировку и охрану НП, затем связался по телефону с начальником штаба дивизии, сообщил о готовности НП к работе и подумал: «Теперь, кажется, все! Подготовка закончена».

В первом часу ночи 20 августа прилег отдохнуть, но уже часа в четыре проснулся. На востоке уже еле занималась заря. Стояла редкая на фронте, никем и ничем не нарушаемая тишина. Со стороны Днестра тянуло прохладой. Воздух был наполнен запахами леса и трав.

Ровно в 8 часов утра был дан сигнал «Ураган», и понесли его телефонные провода и радиоволны по всем полкам, батальонам, дивизионам,

ротам, батареям. В воздух взвились сигнальные ракеты. Началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Под ногами заколыхалась земля. Небо над плацдармом заволокло дымом. Разрывы тысяч снарядов и авиационных бомб слились в единый страшный грохот войны.

Только в полосе наступления дивизии по обороне противника вели огонь 320 орудий и минометов. Каждую минуту на нее обрушивалось 1600 снарядов и мин. Одновременно с первыми выстрелами в воздухе появились наши красnozвездные штурмовики, которые действовали группами в 8-12 самолетов.

В 8 часов 55 минут артиллерия сделала ложный перенос огня в глубину обороны противника. В это время бойцы из нашей первой траншеи подняли чучела, открыли ружейно-пулеметный огонь и прокричали «ура». Уцелевшие солдаты противника вылезли из своих укрытий и приготовились к отражению атаки. И тут-то наша артиллерия снова нанесла удар по переднему краю. Как показали потом пленные, в этот момент противник понес наибольшие потери в живой силе.

Более часа гремела канонада. Но вот за три минуты до переноса огня в глубину обороны противника по всем линиям Связи пронесся сигнал атаки. В воздух взлетели красные ракеты.

Мы наблюдали, как гвардейцы первого эшелона полков стремительно выбросились из траншей и с дружным «Ура!», «За Родину!», «Вперед!» под прикрытием артиллерийского огня бегом устремились в атаку. За ними пошли танки, потом вторые и третьи эшелоны стрелковых полков. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника. Дым и пыль немного улеглись, и мы ясно увидели, как гвардейцы, ведя огонь на ходу, ворвались в первую траншею противника, выбили уцелевших гитлеровцев из второй и стали развивать наступление, сопровождаемое огненным валом.

Вслед за передовыми подразделениями неотступно двигалась артиллерия сопровождения - 45-мм противотанковые и 76-мм полковые пушки, которые с коротких остановок уничтожали огневые средства противника. Мое дальнейшее наблюдение было прервано телефонными звонками. Все интересовались и спрашивали, как началась и развивается атака.

На поле боя сопротивление противника начало возрастать. Замелькали бинты, появились раненые.

Командир 55-го гвардейского полка доложил, что второй стрелковый батальон капитана М. С. Шакирова встретил сильное огневое сопротивление противника из опорного пункта на северной опушке рощи в трех километрах севернее Попяски. Батальон ведет тяжелый бой, и дальнейшее продвижение приостановлено.

- Решил посадить резервную стрелковую роту старшего лейтенанта Натирухина на танки, обойти опорный пункт через полосу 60-го полка и ударить по фашистам с тыла.

Командир дивизии одобрил решение Тесленко и попросил пред-

ставителя авиации нанести удар по этому опорному пункту врага. Одновременно их действия поддержала эскадрилья штурмовиков. Вслед за этим вместе с танковым десантом устремились в атаку и бойцы второго батальона. Грозным и стремительным стал удар гвардейцев. До полутора сотен солдат и офицеров врага было уничтожено в этой роще, двадцать гитлеровцев сдались в плен.

Не менее упорные бои шли в полосе наступления 60-го гвардейского полка. Здесь особенно отличились гвардейцы первой стрелковой роты под командованием капитана Н. Ф. Хрычева. Командир отделения сержант В. И. Шубенко со своими подчиненными первым ворвался в опорный пункт врага. Вместе с рядовыми П. К. Шульгой, М. Ф. Алексеенко и И. И. Макаровым уничтожили до 20 фашистов и 9 вражеских солдат взяли в плен. Как всегда, вместе с бойцами атаковал противника парторг батальона младший лейтенант Н. С. Борисенко, увлекая их своим примером.

Решительно и смело действовали гвардейцы 5-й стрелковой роты под командованием К. К. Партаяна. Они уничтожили 30 фашистов и 12 взяли в плен. В этом бою был тяжело ранен капитан Партаян, погиб командир взвода лейтенант И. А. Волков. И тогда командование ротой взял на себя комсорг 2-го батальона И. Т. Филоненко, и рота успешно выполнила поставленную задачу.

Хорошо поддерживали атаку батальонов артиллеристы 2-го и 3-го дивизионов 46-го гвардейского артполка под командованием майоров К. П. Пыгунова и А. К. Грязина.

Не менее успешно действовала минометная рота полка под командованием капитана С. А. Бакурова. В этом бою Бакуров был ранен, но не ушел с поля боя, пока не освободили Леонтино.

К 12 часам дня полки первого эшелона продвинулись на глубину до четырех километров, овладели второй позицией противника и выполнили ближайшую задачу.

Генерал Дрейер приказал мне готовить переезд на новый НП в район южной опушки леса в километре севернее Виноградного хозяйства. К этому времени майор Софрыгин с группой связистов и саперов организовал там связь и оборудовал место для наблюдения.

С нового НП нам стало хорошо видно поле боя. Противник стремился задержать наступление наших частей. Особенно сильное сопротивление он оказал во второй половине дня на подступах к высоте 194,1 и северной опушке безымянной рощи.

Пытаясь восстановить положение, фашистское командование силами вторых эшелонов 306-й и 15-й пехотных дивизий и охранных частей предприняло контратаку из района восточнее Каушанов и западнее Попяски против левого фланга 333-й дивизии и 55-го полка нашей дивизии. Тяжелая обстановка сложилась на участке 3-го батальона 55-го гвардейского полка, которым командовал капитан И. Ф. Фенченко. Здесь гитлеровцы контратаковали значительными силами пехоты, поддержан-

ной двенадцатью танками. От меткого огня бронбойщиков роты противотанковых ружей гвардии капитана П. Н. Ефимова загорелись два танка, три танка были подбиты расчетами 15-го отдельного гвардейского противотанкового дивизиона под командованием гвардии майора П. Е. Гашко, но остальные продолжали идти вперед. Еще несколько минут, и они могли бы вплотную подойти к позициям 8-й роты. И тут в роту под вражеским огнем пробрался заместитель командира батальона старший лейтенант Н. Ф. Червов. Выбрав удобный момент, когда подошел взвод наших танков, он поднялся во весь рост и крикнул:

Гвардейцы! За Родину! Вперед!

Бойцы видели, как, вооружившись противотанковыми гранатами, Н. Ф. Червов бросился навстречу танкам. За ним дружно поднялись остальные. В танки летели гранаты. Пехоту били прикладами, расстреливали в упор. В горячей схватке был тяжело ранен Н. Ф. Червов, по рота продолжала громить врага. Подбили еще три танка и уничтожили много фашистов.

Мужественно и решительно действовали бойцы 7-й роты батальона под командованием старшего лейтенанта Е. Д. Полхирева. Искусно маневрируя в складках местности, рота вышла во фланг контратакующему противнику и разгромила до взвода, врага. В разгар боя были убиты два командира взвода младшие лейтенанты И. И. Галич и И. Е. Ушаков. Вскоре был тяжело ранен и командир роты. Тогда командование ротой смело взял на себя сержант В. Д. Абрамов и повел бойцов в новую атаку.

Второй батальон гвардии капитана М. С. Шакирова первым принял удар контратакующих фашистов, отбил три атаки и не допустил прорыва противника через боевые порядки батальона. В этом бою умело и мужественно действовали артиллерийские и минометные подразделения полка под руководством начальника артиллерии гвардии старшего лейтенанта И. П. Сумского. Они тесно взаимодействовали с пехотой, прокладывая ей дорогу непрерывным массированным огнем.

Большую помощь полку в отражении контратаки оказали артиллеристы поддерживающего 1-го артдивизиона 46-го гвардейского арtpолка дивизии под командованием гвардии майора А. Е. Карпухина. 2-я батарея этого дивизиона во главе со старшим лейтенантом О. А. Григорьевым уничтожила одно самоходное орудие, два бронетранспортера и подавила минометную батарею противника. В результате смелых и решительных действий 55-го стрелкового и 52-го танкового полков контратака противника захлебнулась. Враг понес большие потери и начал отходить на юго-запад.

Понес потери и полк. Пали смертью храбрых командир роты противотанковых ружей коммунист гвардии капитан П. Н. Ефимов, командир стрелковой роты лейтенант Ю. С. Миляевич, командир взвода связи лейтенант В. Н. Козлов. Были ранены командиры стрелковых рот капитан А. В. Родиков, старший лейтенант Д. И. Денисов, старший лейтенант И. М. Третьяков.

Пока 55-й гвардейский полк отбивал контратаку противника в районе высоты 194,1, противник силою до батальона на бронетранспортерах при поддержке трех самоходных орудий контратаковал 2-й батальон 60-го гвардейского. Командир попросил разрешения на ввод в бой 3-го батальона.

- Что ж, пришло время наращивать силы, - сказал генерал Дрейер и дал соответствующие распоряжения. Он связался с командиром 333-й стрелковой дивизии, договорился об одновременном ударе по флангам контратакующей группировки противника и приказал мне срочно вызвать на НП командира 57-го полка. Минут через 15 на НП прибыл подполковник И. А. Гугин, и генерал Дрейер поставил ему боевую задачу. Полку предстояло во взаимодействии, с соседями разгромить противника и овладеть населенным пунктом Попяска. Комдив дал указание майору Глушичу на артиллерийское обеспечение ввода в бой 57-го гвардейского полка.

Подполковник Гугин быстро и организованно развернул свой полк, и после огневого налета артиллерии и удара нашей штурмовой авиации гвардейцы стремительно атаковали противника. Метко вел огонь пулеметчик сержант Т. Г. Зайцев. Бесстрашно сражался рядовой П. П. Губенко, вели вперед своих бойцов коммунисты командир первого батальона майор В. С. Чистяков, командир роты старший лейтенант Е. Н. Кузьмук, умело руководили боем командир 3-го батальона полка капитан В. К. Котомин, командиры взводов лейтенант П. А. Володин и гвардии старший сержант И. И. Плешаков.

В это время с фронта перешли в атаку и гвардейцы 55-го полка. Противник понес большие потери и, боясь окружения, начал поспешно отходить к Попяске, оставляя на поле боя убитых и раненых. Не давая противнику организованно отойти и закрепиться, гвардейцы на его «плечах» ворвались на северную окраину.

сержанта Журавлевского. Во время атаки сержант заметил в траншее у крайнего дома группу противника. Быстро оценив обстановку, он рванулся вперед и бросил противотанковую гранату. Взрыв разметал гитлеровцев. Вслед за группой Журавлевского в село с запада ворвались подразделения 57-го, а с востока 60-го гвардейских полков. В коротких уличных боях они разгромили гарнизон противника в Попяске и полностью овладели ключевой позицией.

К исходу 20 августа части дивизии вышли на южную окраину Попяски, овладели прилегающими к ней высотами и выполнили задачу дня. Теперь дивизии требовалась хотя бы небольшая передышка для того, чтобы подтянуть артиллерию, тылы, дать гвардейцам хотя бы несколько часов отдыха, накормить их. С наступлением темноты в район НП переместился основной командный пункт.

Вместе с майором Савченко мы обработали боевые донесения частей и отдельных подразделений дивизии и направили в штаб корпуса оперативную сводку за первый день боя. Командир дивизии приказал полковнику Б. А. Лимонту подготовить наградной материал на отличившихся в бою.

Поздно вечером 20 августа к нам приехал командир корпуса генерал Котов. Он поставил дивизии задачу завершить в течение 21 августа прорыв обороны противника на всю глубину, обеспечить ввод в сражение 7-го механизированного корпуса и развивать наступление в направлении Брезои. Он указал на необходимость принять своевременные меры для отражения возможных контратак танковой дивизии противника. Выслушав распоряжения, генерал Дрейер тут же уточнил боевые задачи полкам на следующий день. По его решению 55-й гвардейский полк, понесший наибольшие потери в первый день боя, был выведен во второй эшелон. Мы с начальником штаба быстро нанесли на карты боевые задачи и срочно с офицерами связи отправили их в полки.

С рассветом 21 августа, командир дивизии с группой офицеров переехал на новый НП, подготовленный за ночь на северо-восточных скатах высоты 194,1. После артиллерийского налета наступление возобновилось.

Как и предполагалось, противник за ночь подтянул резервную танковую дивизию в район Каушанов и Ермоклии и с утра перешел в контратаку. Боевые действия сразу же приняли ожесточенный характер. Контратаки врага следовали одна за другой.

Против 57-го гвардейского полка противник бросил остатки разгромленной нами дивизии при поддержке двадцати танков. На пути врага встал 2-й батальон майора Ф. А. Сычепко. Его поддержал огнем дивизион 46-го гвардейского артиллерийского полка. Однако численное превосходство позволяло врагу упорно продвигаться вперед. Погибли смертью храбрых заместитель командира батальона гвардии лейтенант П. С. Шумских и командир минометного взвода гвардии младший лейтенант Б. М. Кудрявцев, получил ранение командир стрелковой роты старший лейтенант П. Я. Варакин, по гвардейцы стояли насмерть.

Командир полка И. А. Гугин ввел в бой второй эшелон для нанесения удара во фланг контратакующему противнику. Генерал Дрейер бросил против вражеских танков противотанковый резерв - 117-й истребительно-противотанковый полк и одновременно приказал командующему артиллерией сосредоточить огонь по контратакующему противнику. Противотанкисты быстро развернулись на выгодном рубеже и сразу уничтожили пять вражеских машин. Бойцы огневого взвода 3-го дивизиона 46-го артполка под командованием лейтенанта А. У. Амонова выкатили орудия для стрельбы прямой наводкой, меткими выстрелами подбили еще два танка, одно самоходное орудие, уничтожили три пулемета и до 15 солдат противника.

Майора В. С. Чистяков, поддерживаемый десятью танками, ударил во фланг противника. В воздухе появились наши штурмовики и нанесли удар по врагу. Один за другим горели фашистские танки, бежала немецкая пехота. Враг, понеся большие потери, не выдержал и начал поспешно отходить. Дружно поднялись в атаку бойцы второго батальона, опрокинули и стали преследовать отходящего противника. Прорыв вражеской обороны на этом направлении был полностью завершён.

Командир корпуса ввел в бой свой передовой отряд - усиленный стрелковый батальон 55-го гвардейского полка на автомашинах под командованием гвардии подполковника Г. В. Цорина. На левом фланге дивизии вел тяжелый бой за овладение населенным пунктом Ермоклия 60-й гвардейский полк. Сосед справа 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия гвардии полковника Петрушина левофланговым полком отражала сильную контратаку механизированного полка с танками. Задержка наступления 10-й дивизии грозила сорвать выполнение задачи нашим корпусам и резко снизить темп наступления.

В этой обстановке командир 6-го гвардейского корпуса генерал Г. П. Котов принял решение ввести в сражение второй эшелон - 195-ю стрелковую дивизию полковника И. С. Шапкина с задачей окружить и уничтожить противника в Ермоклии. По его замыслу 10-я гвардейская дивизия должна была сковать противника с фронта, а 195-я вступить в бой левее 10-й дивизии, обойти Ермоклию с востока и нанести удар по правому флангу группировки противника. Нашему соединению было приказано силами 60-го гвардейского полка совместно со 195-й дивизией нанести, одновременный удар по левому флангу группировки противника, разгромить ее и освободить Ермоклию.

Получив задачу от командира корпуса, генерал Дрейер приказал мне направиться в 60-й гвардейский полк, чтобы на месте уточнить вопросы взаимодействия с 10-й и 195-й дивизиями. Я попросил разрешения, закончив дела, остаться на НП командира полка. Генерал Дрейер мою просьбу удовлетворил, тем более что на наблюдательный пункт дивизии прибыл начальник штаба полковник Лимонт, который всегда появлялся там, в критические моменты боя, чтобы помочь в управлении войсками.

На моих глазах 60-й гвардейский после непродолжительной артиллерийской подготовки и штурмовых ударов нашей авиации ринулся в атаку. Первым поднялся батальон под командованием гвардии капитана Л. Я. Полторжицкого. На подходе к селу путь преградил огонь двух вражеских пулеметов и одного самоходного орудия.

Заметив это, подполковник Макуха попросил командира второго дивизиона 46-го гвардейского артполка майора К. П. Пыгунова подавить врага. Через минуту метким огнем орудий старшего сержанта Е. Ф. Гончарова и сержанта Д. Г. Казана огневые точки были уничтожены. Батальон ворвался на окраину населенного пункта. Одновременно на западную окраину Ермоклии ворвались гвардейцы 1-го батальона под командованием майора М. П. Стрижакова. В этом бою был тяжело ранен заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант С. Г. Кряхов, который личным примером воодушевлял бойцов, шел впереди.

Немало подвигов было совершено гвардейцами. В трудную минуту ефрейторы А. И. Гусев и К. И. Гуренко бросились со связками гранат под гусеницы вражеских танков. Две вражеские машины уничтожили они. И тут же еще три подбили артиллеристы. Остальные танки повернули об-

ратно. Впоследствии Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР Александру Ивановичу Гусеву и Кузьме Иосифовичу Гуренко присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Воины стрелковых батальонов, на глазах которых гвардейцы Гусев и Гуренко совершили подвиг, ринулись в яростную атаку на врага. Они уничтожили еще два танка, истребили более сотни гитлеровцев и совместно с частями 195-й дивизии к 12 часам 21 августа освободили Ермоклию.

В этом бою гвардейцы показали массовый героизм и непреклонную волю к победе. Наступательный порыв был столь высок, что даже раненые оставались в строю. Так, командир отделения 3-го батальона сержант Голубев, несмотря на двукратное ранение в ногу, отказался идти в медсанбат, заявив, что должен форсировать реку вместе со всеми.

* * *

Между тем наступление дивизии развивалось успешно во всей полосе. В прорыв был введен механизированный корпус.

В 20 часов 21 августа мы с Борисом Антоновичем были вызваны к командиру дивизии. У него уже находились В. Е. Яценко, К. Ф. Глушич и И. А. Юрьев.

- Итоги двухдневных боев радуют нас, - сказал он нам. - Дивизия выполнила поставленную задачу, причем с небольшими потерями. Гвардейцы показали высокий моральный дух, хорошую боевую выучку, храбрость, отвагу. Теперь перед нами стоит новая задача - с утра 22-го перейти в преследование противника в общем направлении Брезоя, Минжир, Дезгинже и не допустить его отхода за реку Прут.

Затем генерал изложил решение, и я нанес его на карту. После этого по указанию начальника штаба мы вместе с майором Софрыгиным быстро подготовили боевые распоряжения частям и отдельным подразделениям дивизии и разослали с офицерами связи в войска.

Уже было далеко за полночь, когда мне удалось поесть, и я тут же, как подкошенный, свалился и уснул. Но сон мой был недолгим. В пять часов утра пришел майор Саутин и сообщил о результатах разведки противника. В ночь на 22 августа Саутин выслал группу под руководством гвардии старшины А. Г. Сиротина в составе гвардии старшины Н. Б. Свириденко, сержантов Е. Г. Сергеева и Г. И. Менькова, рядовых С. Е. Люсина, Б. С. Толокевича и А. И. Боровинского с задачей вести разведку в направлении Брезоя, Монзырь, Стурдзени, Абаклия. Действуя решительно и смело, разведгруппа просочилась в тыл противника и установила тщательное наблюдение за его передвижением. В районе населенного пункта Фынтынели группа заметила движение противника численностью до роты и устроила ему засаду. В короткой схватке разведчики уничтожили около 30 гитлеровцев и 18 человек захватили. Пленные показали, что им было приказано занять оборону в этом населенном пункте и прикрывать отход остатков 408-го полка 306-й дивизии, которые движутся на Монзырь.

- Все эти данные, - сказал Саутин, - я доложил начальнику штаба. Он отдал распоряжение Тесленко и Гугину немедленно выслать передовые отряды полков и в 7 часов утра начать движение главными силами. Вам приказано организовать контроль за выполнением отданных распоряжений и подготовить передовой командный пункт к выступлению.

Было еще темно, когда я направился к начальнику штаба. На горизонте время от времени вспыхивало зарево «катуш» и слышался раскат артиллерийских выстрелов. Там вели бой механизированные корпуса.

В 7 часов утра 22 августа части дивизии начали преследовать отступающего противника. Сплошного фронта не было. Между нашей дивизией и соседом справа - 333-й стрелковой дивизией образовался большой разрыв. Поэтому с рубежа Опач, Монзырь в образовавшийся промежуток командованием армии был введен 82-й стрелковый корпус, и теперь нашим правым соседом стала 183-я стрелковая дивизия.

Окрыленные успехом гвардейцы рвались вперед. Противник, оставляя группы прикрытия на естественно выгодных рубежах, стремился отвести остатки разгромленных войск, организовать оборону на выгодном рубеже и не допустить окружения своих войск в районе Кишинева. Однако передовые отряды с ходу сбивали заслоны противника и неотступно преследовали его основные силы.

На командный пункт дивизии шел поток кратких боевых донесений об успешных действиях частей и подразделений. В этой быстро меняющейся обстановке командиру, начальнику штаба и операторам дивизии приходилось вести частые переговоры по радио и проводным линиям связи. Поскольку преследование развивалось успешно, каждый стремился доложить подробнее.

Особенно удачно действовал 57-й гвардейский полк. Его передовой отряд под руководством заместителя командира полка гвардии майора В. Л. Тамбиева, славившегося отвагой, мужеством и воинским мастерством, первым ворвался в крупный населенный пункт Монзырь. Остатки пехотного полка противника пытались закрепиться на высоте 216,4 и восточной окраине Монзыря. Отряд Тамбиева, прикрываясь ротой с фронта, главными силами обошел противника и внезапным ударом с тыла разгромил его. В этой короткой, но жаркой схватке отряд уничтожил до 150 солдат и офицеров противника, а 35 взял в плен.

Не менее успешно действовал и передовой отряд 55-го гвардейского полка под командованием гвардии капитана И. Ф. Фенченко.

За 22 августа части дивизии освободили 9 населенных пунктов и прошли с боями 36 километров.

В 20 часов командный пункт дивизии развернулся в населенном пункте Каприоль. Уставший от непрерывного движения по пыльным дорогам и нервного напряжения, я пришел на доклад к Борису Антоновичу Лимонту с очередной оперативной сводкой. Он подписал ее и спросил:

- Как дела у Савченко с журналом боевых действий? Гвардейцы дивизии показывают образцы мужества и героизма. Это надо хорошо опи-

сать, чтобы их подвиги были известны потомкам. Просмотрите журнал сами, и пусть Савченко покажет его мне завтра.

- Есть! - ответил я.

Затем мы подготовили боевые распоряжения частям дивизии на продолжение наступления с утра 23 августа. Ночью, как правило, бывает меньше различных звонков и распоряжений, поэтому мы с майором Савченко хорошо поработали, а майор Софрыгин подготовил отчетную карту боевых действий дивизии за период наступления. Проверили получение полками отданных комдивом распоряжений и только в три часа ночи решили немного отдохнуть.

С утра 23 августа части дивизии продолжали стремительное преследование противника. Все находилось в движении. Небо над Молдавией закрыли облака пыли. Но враг еще продолжал огрызаться. У населенного пункта Дезгинже он пытался преградить путь передовому отряду 57-го полка, выставив две пехотные роты с двумя самоходными орудиями. Командир батальона Сыченко быстро развернул свой батальон и решительно атаковал гитлеровцев. Бой шел за каждую улицу. Особенно мешали продвижению две самоходные пушки. Тогда командир батареи противотанковых орудий старший лейтенант И. В. Коновалов выкатил орудия и прямой наводкой с первого выстрела подбил одну самоходку. Однако вторая самоходка вела огонь. Осколками был убит командир батареи и ранено несколько бойцов расчета. Второй орудийный расчет немедленно открыл огонь по самоходке, и вскоре она запылала. Дорога пехоте была открыта. Батальон полностью разгромил противника, овладел Дезгинже и продолжал наступление.

В 17 часов 23 августа на передовой командный пункт дивизии приехал командир корпуса генерал-майор Г. П. Котов. Выслушав подробные доклады командира дивизии, он раскрыл свою рабочую карту и проинформировал нас об обстановке на фронте в целом.

- Как видите, - сказал он в заключение, - кольцо, оперативного окружения кишиневской группировки противника почти замкнулось. Однако в нем еще несколько разрывов, через которые противник стремится вырваться. Командующий 37-й армией поворачивает 82-й стрелковый корпус на северо-восток. Нашему корпусу приказано закрыть разрыв между механизированными корпусами, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта и тем самым прочно замкнуть кольцо окружения кишиневской группировки противника. На вас, Николай Михайлович, возлагаю особую задачу - к утру 24 августа выйти в район Томая, занять там оборону силами одного полка, а главными силами стремительно продолжать наступление, овладеть местечком Леово, форсировать реку Прут и соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

- Задача понятна. Дивизия приложит все усилия, чтобы с честью выполнить ее, - ответил генерал Дрейер.

Командир корпуса попрощался и уехал, а спустя несколько минут поступил доклад из 55-го полка о том, что противник контратакует зна-

чительными силами. Генерал Дрейер приказал мне срочно свернуть передовой командный пункт и вместе с ним выехать на НП Тесленко, но прежде передать приказ командиру 60-го гвардейского полка ускорить движение, и, наступая левее 55-го полка, к утру 24 августа овладеть населенным пунктом Томай, и занять там прочную оборону фронтом на север. Я быстро связался по радио с подполковником Макухой и передал приказ командира по кодовой таблице, а затем доложил начальнику штаба дивизии.

В 19 часов 30 минут мы с группой командира дивизии подъехали к наблюдательному пункту Тесленко, находившемуся на высоте северо-восточнее Баюша. Подполковник подробно доложил обстановку:

- При подходе 2-го стрелкового батальона к Баюшу разведка полка установила движение колонны противника на Баюш с севера силою до полка пехоты, до 18 самоходных орудий и двух танков. Командир батальона капитан Шакиров быстро развернул батальон и занял оборону на северной окраине села. Противник тем временем начал атаковать батальон Шакирова. Для разгрома противника я повернул роту, которая действовала в передовом отряде и раньше прошла Баюш, и одновременно развернул подошедший 3-й батальон капитана Фенченко. Готовлю удар по левому флангу противника. Атаку назначил через 15 минут. Вот только артиллерии маловато для подготовки атаки батальонов, закончил доклад Тесленко.

- Чем можно поддержать полк? - спросил комдив у Глушича.

Тот доложил, что уже отдал распоряжение командиру 562-го гвардейского минометного полка произвести огневой налет, и приказал командиру 46-го гвардейского артполка поддержать еще двумя дивизионами.

Командир дивизии приказал мне связаться с командиром 15-го гвардейского противотанкового дивизиона и передать приказ о немедленном выдвигении и развертывании на северо-восточной окраине Баюша для уничтожения танков и самоходок противника. На машине встретил командира дивизиона, передал приказ комдива и, зная обстановку, порекомендовал быстро и скрытно занять позиции для стрельбы прямой наводкой.

В селе шел тяжелый бой. Противник бросал все новые и новые силы. Но гвардейцы стойко сражались, отбивая яростные атаки врага. Мы видели, как горят два немецких танка, их подбила противотанковая батарея полка под командованием старшего лейтенанта И. Н. Коноплева. Сам он погиб в этом бою, но батарея продолжала сражаться и уничтожила еще две самоходки. Еще одну подбил гранатами командир роты старший лейтенант А. В. Дзема, но и сам вскоре был убит осколком снаряда. Все больше и больше в батальоне появлялось раненых. И в этот критический момент дали свой огневой залп «катюши». Тут же по самоходкам открыл огонь 15-й противотанковый дивизион. Посыпались на врага снаряды 46-го артиллерийского полка, артиллерии и минометов подразделений 55-го полка. Гвардейцы стремительно атаковали противника с тыла и флангов.

Враг был окружен и в 30-минутной схватке полностью разгромлен. Сотни трупов валялись на подступах к окраине села. 150 человек сдались в плен, из них 10 офицеров. Противник оставил на поле боя 9 исправных самоходок, 10 грузовых и 5 легковых автомашин. На допросе пленные показали, что их усиленный полк по приказу командира 30-го армейского корпуса должен был занять прочную оборону в районе Леово с задачей обеспечить переправу через реку Прут в этом районе.

Командир дивизии приказал Тесленко привести полк в порядок и продолжать преследование противника в направлении Ново-Леово. Я связался по радио с начальником штаба дивизии, доложил о результатах боя 55-го гвардейского полка и передал приказание командира дивизии о перемещении командного пункта в Копкуй, куда со своей группой направился генерал Дрейер.

Впереди нас двигалась разведывательная рота дивизии. Ночь выдалась относительно прохладной. Пыль от впереди идущей машины комдива проникала в газик, попадала в глаза и рот. Я сидел на заднем сиденье и пытался заснуть. Но тряска на выбоинах полевой дороги и воспоминания о прошедшем бое в Баюше не давали мне этого сделать. Так, не смыкая глаз, к утру 24 августа мы догнали 60-й гвардейский полк и вместе с ним вошли в Копкуй. Полк пошел на Томай.

В Копкуе майор Софрыгин организовал размещение группы комдива и подыскал помещение для штаба дивизии. Я тем временем связался с начальниками штабов 55-го и 57-го полков и выяснил обстановку. Полки после трехчасового отдыха продолжали преследование противника в указанных им направлениях, пройдя за сутки более 45 километров.

Майор Саутин получил донесение от разведывательной группы, действовавшей в направлении Леово. Старший группы гвардии лейтенант П. П. Рябинин доложил по радио, что к 6 часам утра достиг Леово и был обстрелян противником. Однако все же удалось захватить пленного, который показал, что враг занимает оборону на высотах восточнее Леово.

Выслушав доклад Саутина о данных разведки, генерал Дрейер распорядился передать приказание полкам ускорить движение к реке Прут. 55-му гвардейскому полку овладеть населенным пунктом на левом берегу реки, а затем форсировать Прут и захватить плацдарм на его правом берегу. 57-му гвардейскому полку в районе Леово нанести удар по противнику с северо-востока и овладеть Леово.

Передав полкам приказ комдива, я связался с начальником штаба 60-го гвардейского полка гвардии майором С. И. Щеденко и запросил у него обстановку. Выявилось, что полк достиг Томае, сосредоточился на его северной окраине. Личный состав принимает пищу, а командиры полка с командирами батальонов отбыл на рекогносцировку местности для занятия обороны. В Томае находился штаб и одна бригада 4-го механизированного корпуса.

Вскоре в Копкуй прибыл основной командный пункт дивизии и кипела работа по обеспечению управления боевыми действиями войск.

В 8 часов утра 24 августа по указанию начальника штаба я с группой связистов и саперов прибыл в район высоты 186,0 в двух километрах северо-западнее Копкуя, где выбрал место для НП и организовал его оборудование. Тут же прилег на землю и уснул. В 10 часов на НП приехал генерал Н. М. Дрейер со своей группой. Обеспокоенный медленным продвижением 55-го и 57-го гвардейских полков, он приказал мне поехать навстречу 55-му и организовать его форсированный марш, а в 57-й с такой же задачей послал начальника штаба Б. А. Лимонта.

55-й гвардейский полк я встретил в районе населенного пункта Сарата-Ноуэ. Полк вел начальник штаба гвардии майор О. С. Иванов. На мой вопрос, где командир и почему полк так медленно двигается, Иванов ответил:

- Командир полка заболел и едет в санитарной роте, личный состав принимает пищу и к тому же, шагая по жаре и пыли, выбился из сил. Командир полка дал три часа отдыха.

Я видел усталые лица офицеров и солдат, по понимал, что обстановка требует быстреего выхода на Прут, и передал приказ комдива на организацию ускоренного движения к реке. Посоветовал Иванову использовать весь имеющийся транспорт полка для переброски личного состава, вооружения и техники, а все тылы пока оставить на месте и перебросить вторым рейсом. Вскоре боевые подразделения полка были посажены на повозки, трофейные лошади и частично на автомашины. Выслав вперед разведку и охранение, полк начал движение в направлении Ново-Леово.

А еще через несколько дней разгром окруженной группировки противника был полностью закончен.

Когда, оставив полк, возвратился на НП, меня встретили офицеры с печальными лицами.

- Что произошло? - спросил я с тревогой. Мне ответил майор Глушич:
- Цорин погиб...

Из рассказа майора Глушича я узнал подробности гибели Григория Васильевича.

Передовой отряд корпуса, которым, командовал Цорин, вышел к Мало-Леово и попытался с ходу овладеть им. Но противник встретил отряд мощным артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Завязался тяжелый бой. Подполковник дважды поднимал отряд в атаку. В последней пуля настигла его...

Известие о гибели Цорина потрясло меня до глубины души. Григория Васильевича все мы хорошо знали и уважали за его железную выдержку, богатый опыт и личную храбрость. Он был старожилом дивизии, вырос от командира батальона до заместителя командира дивизии. Его военный талант и беспредельная преданность партии и Родине снискали ему уважение всего личного состава.

Но было в тот день и радостное событие. Нам сообщили, что войска 5-й армии освободили город Кишинев. Огромное историческое и во-

енно-политическое значение Яско-Кишиневской операции 1944 года в Великой Отечественной войне всем известно. Немалый вклад в достижение этой победы внесли и бойцы нашего соединения.

За образцовое выполнение задания командования в боях с немецкими захватчиками в Яско-Кишиневской операции 20-я гвардейская Криворожская Краснознаменная стрелковая дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом Суворова II степени.

8. Из воспоминаний ветеранов 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии Вылиток В. С. и Лескина С.В.

(В. С. Вылиток, С. Ф. Лескин. Новомосковская Краснознаменная. Боевой путь 195-й Новомосковской Краснознаменной стрелковой дивизии. М.: Воениздат, 1979. С. 176-178).

С раннего утра 20 августа весь личный состав 195-й стрелковой дивизии был на ногах. В подразделениях шли короткие митинги, на которых зачитывалось Обращение Военного совета фронта к войскам. Военный совет призывал воинов разгромить врага на балканском направлении, очистить от гитлеровцев территорию Советской Молдавии, атаковать вражеские позиции дружно, наступать стремительно. В ответ на Обращение воины клялись до конца выполнить воинский долг.

Ровно в 8 часов от залпов тысяч орудий и минометов всколыхнулась земля у берегов Днестра. Темп артиллерийского огня то нарастал, то ослабевал, но не прекращался в течение почти двух часов.

В 9 часов 45 минут передовые подразделения 6-го гвардейского стрелкового корпуса, прижимаясь к разрывам снарядов своей артиллерии, стремительно атаковали первую вражескую позицию, а когда они ею овладели, были введены в бой танки. Это заставило гитлеровцев покинуть линию первых траншей и отойти на вторую позицию. Быстро продвигавшаяся 20-я гвардейская стрелковая дивизия вышла к населенному пункту Поляска и блокировала его.

Было 18 часов 20 августа, когда штаб 195-й стрелковой дивизии получил боевую задачу выдвинуть соединение в первый эшелон, развить успех 20-й гвардейской стрелковой дивизии, наступая в направлении населенного пункта Ермоклия. Дивизии было приказано обойти его с юго-востока и освободить. Справа оказывалась 20-я гвардейская стрелковая дивизия, слева - 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия.

К моменту ввода в бой 195-й стрелковой дивизии – рубеж ввода проходил в 3 километрах северо-восточнее Ермоклии - ее артиллерия успела переместиться ближе к боевым порядкам стрелковых полков. Полковые же артиллерийские батареи следовали с передовыми батальонами. Так как главный удар в полосе корпуса теперь развивала 195-я стрелковая дивизия, генерал Котов придал ей свой 42-й артиллерийский полк и 419-й истребительно-противотанковый полк.

С северо-востока, уступом вправо, на Ермоклию шел 604-й полк, в центре, развернув батальоны в линию, наступал 564-й полк, а с юго-востока, уступом влево, обходил населенный пункт 573-й полк.

Командир дивизии был намерен с ходу овладеть Ермоклией, но едва передовые батальоны под прикрытием огня своей артиллерии преодолели первые сотни метров по направлению к этому населенному пункту, как встретились с контратакующими танками и мотопехотой противника. Позже выяснилось, что это были силы 13-й немецкой танковой дивизии, спешно переброшенной гитлеровским командованием в Ермоклию. Сюда же были стянуты полковая группа «Драбе» из 384-й немецкой пехотной дивизии и группа «Зедлер» из 52-го армейского корпуса численностью до двух полков. Немецко-фашистское командование стремилось любой ценой преградить путь 6-му гвардейскому корпусу на юго-запад через Ермоклию.

Дивизии, как и ее соседям, пришлось вступить в тяжелые бои с крупными силами врага. Они начались вечером 20 августа, шли всю ночь, а с утра 21 августа достигли крайнего ожесточения.

В то трудное для соединения время на имя командира дивизии поступили письма из далекого Абдулино. Политотдел успел их размножить и передать подразделениям. Трудящиеся Оренбуржья, как и перед форсированием Днепра, напоминали своим землякам, перешагнувшим теперь Днестр, о славных революционных, боевых и трудовых традициях приуральского населения, призывали без устали громить врага. Тогда же в дивизию пришли письма от трудящихся Тираспольского района к воинам-молдаванам. Эффект от громких чтот этих писем в каждой роте, в каждом взводе был необычайно сильным. Слушая простые, задушевные слова, бойцы и командиры ощущали живую, неразрывную связь с народом, Родиной, а это побуждало стоять насмерть, сдерживая натиск противника.

В памятное утро 21 августа около 50 вражеских танков, за которыми неотступно бежала пехота, под прикрытием огня самоходных орудий напоззали на позиции 604-го и 564-го полков. Первыми встретили врага батареи 475-го артиллерийского полка, начав стрельбу с закрытых огневых позиций. Затем подключились к ведению огня батареи 42-го корпусного артиллерийского полка. Перед растянутым фронтом атакующих танков и самоходных орудий встала стена разрывов, но, даже потеряв несколько машин, враг не прекратил движения.

С наблюдательного пункта командующего артиллерией дивизии полковника А. Г. Извекова сквозь просветы в волнах густого дыма было видно, как, маневрируя на поле, танки и самоходки миновали зону заградительного огня и, прибавив скорость, приближались к окопам передовых рот. Полковник Извеков сильно волновался: ему надо было точно определить момент, когда в борьбу с машинами противника должны вступить истребительно-противотанковые батареи и полковая артиллерия, выведенные вперед для ведения огня прямой наводкой. Упусти этот момент – и танки врага прорвутся в мертвую зону. До головных машин оставался приблизительно один километр, как последовала его команда: «Огонь!» Прогромыхал залп десятков орудий полковой и приданной

истребительно-противотанковой артиллерии. Припав к стереотрубе, командующий артиллерией старался разглядеть, как легли разрывы. Он насчитал не менее 20 вражеских машин, загоревшихся на поле боя от прямых попаданий.

Уцелевшие вражеские машины повернули к Ермоклию, за ними – расстроенные цепи немецкой пехоты.

Ермоклия оставалась местом скопления значительных вражеских сил. Зная об этом, командир корпуса вызвал огонь эрэсовских установок и самолеты для удара по противнику в этом населенном пункте.

Воспользовавшись тем, что от огня «катюш» и авиации враг понес потери и пришел в замешательство, 195-я стрелковая дивизия, тесно взаимодействуя с правым соседом - 20-й гвардейской стрелковой дивизией, вновь поднялась в атаку. Разрозненный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь противника не смог остановить передовых батальонов 604-го и 564-го полков, а когда 573-му полку удалось с левого фланга обойти Ермоклию, фашисты оказались перед угрозой окружения, но пока сопротивления не прекращали.

Уже артиллерийская канонада грохотала западнее Ермоклии - туда вырвались подразделения 573-го полка и 20-й гвардейской стрелковой дивизии, - а у восточной окраины населенного пункта вблизи противотанкового рва фашисты с отчаянностью обреченных бросались в контратаки на подразделения 604-го полка. Сильнейший натиск выдерживал 1-й батальон. На 1-й взвод его 2-й роты обрушивался огонь самоходок, надвигалась цепь гитлеровцев. Но взвод, которым командовал лейтенант М. И. Сутурин, ни на шаг не отступал. Пулеметчик сержант Н. И. Карпухин частыми очередями отсекал вражеских пехотинцев от самоходок, а те без пехоты вперед не шли.

- Вперед! Бейте фашистов, как сержант Карпухин! - выкрикнул лейтенант Сутурин.

Поднялся весь взвод. С возгласами «За Родину! Ура!» бойцы, ведя огонь, рванулись вперед и вскоре один за другим скатились в противотанковый ров. За взводом устремилась вся рота. Выбраться из рва оказалось нелегко. Но и медлить было нельзя.

- Становись на плечи друг другу! - скомандовал Сутурин.

Бойцы проворно выбрались из рва. Подождав, когда артиллерия произведет огневой налет по крайним домам, за которые отходили фашисты, воины 2-й стрелковой роты снова пошли вперед. К 12 часам большое молдавское село Ермоклия было очищено от гитлеровцев.

Пока 195-я стрелковая дивизия взламывала оборону противника под Ермоклией, левый сосед - 10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия ликвидировала очаги сопротивления врага в населенном пункте Леонтино. Вскоре через ее полосу вошел в прорыв 7-й механизированный корпус. Вражеская оборона затрещала по всем швам.

Перед фронтом наступления 195-й стрелковой дивизии противник в беспорядке отходил в юго-западном направлении. О том, что его вынуди-

ли спастись бегством, говорили богатые трофеи, доставшиеся дивизии в освобожденной Ермоклии. Здесь было взято 80 подвод с военным имуществом, 100 лошадей, 30 пулеметов, 23 автомашины.

195-я стрелковая дивизия начала преследовать отступающие части противника. Вперед ушел передовой отряд дивизии. Тесно взаимодействуя с 64-й механизированной бригадой, отряд передвигался, буквально вися на плечах отходящих гитлеровцев. К вечеру 21 августа передовые отряды 6-го гвардейского стрелкового корпуса, в том числе и отряд полковника Холодова, продвинулись на 30 - 40 километров. А 22 августа - еще на столько же.

195-я стрелковая дивизия походным порядком шла вслед за своим передовым отрядом, держа направление на районный центр Комрат. Ее боевое охранение сбивало с пути мелкие группы прикрытия. В течение 22 августа соединение освободило одиннадцать молдавских сел. 23 августа темп наступления дивизии и ее соседей не снизился.

Самым же примечательным в этот день явилось то, что две бригады 7-го механизированного корпуса, прорвавшись в глубину вражеской обороны, вышли близ населенного пункта Леушени и к югу от него на восточный берег Прута. Вскоре сюда пробились и подвижные соединения 2-го Украинского фронта. Тем самым кольцо окружения вокруг 6-й немецкой армии замкнулось. Как и под Сталинградом, снова эта армия попала в гигантскую западню, приготовленную ей советскими войсками.

9. Из воспоминаний генерал-майора Кузнецова П. Г., бывшего командира 82-го стрелкового корпуса 37-й армии.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. - М.: Воениздат, 1959.

http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov_pg/10.html

Наступило утро 20 августа. Глубоким покоем веяло над плацдармом южнее Бендеры. Из-за садов Слободзеи медленно выплывало солнце.

За несколько предыдущих ночей на плацдарм были стянуты огромные массы войск и боевой техники. Отсюда готовился по врагу мощный удар.

Командующий войсками фронта сосредоточил на плацдарме и примыкавшем к нему правом берегу Днестра три общевойсковые армии, два механизированных корпуса, свой резерв - стрелковый корпус и почти три четверти фронтовой артиллерии.

Справа, южнее и восточнее Бендеры, вытянувшись вглубь в три эшелона, занимала исходное положение 57-я армия генерала Гагена. Она изготавилась к прорыву на своем левом фланге, на узком 4-километровом участке, между Хаджимусом и Киркаештами.

В центре плацдарма, упираясь правым флангом в озеро Ботно, а левым в высоту 138,7 западнее Талмаза, сжалась на 9-километровом участке 37-я армия генерала Шарохина. В предстоящей фронтовой операции ей отводилась ведущая роль. В первом эшелоне у нее два корпуса: спра-

ва, примыкая к озеру и седлая горловину кицканского гребня, – 66-й стрелковый корпус генерала Куприянова; слева, против Леонтины, – 6-й гвардейский генерала Котова. Главный удар армии нацелен вдоль гребня на фронте в 6 километров.

82-й стрелковый корпус, которым командовал я, был сосредоточен во втором эшелоне – в садах и рощах южнее Кицканы.

Приданный армии 7-й механизированный корпус генерала Каткова расположился на правом берегу Днестра.

Слева, от Талмаза до Чобручу, на 8-километровом участке сосредоточились основные силы (два стрелковых корпуса) 46-й армии генерала Шлемина.

Таким образом, на 18 километров прорыва, равного только 7 процентам общей протяженности фронта, командующий войсками фронта сосредоточил 72 процента всех своих дивизий, около 87 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок и 71 процент артиллерии и минометов. Сюда же был нацелен и удар с воздуха тысячи боевых самолетов фронтовой авиации.

Огромная сила сокрушающего удара, пока еще не приведенная в действие, ничем не выдавала себя. Враг и не подозревал, что над его головой занесен меч.

Часа за полтора до начала артподготовки, когда в войсках ставились задачи сержантскому и рядовому составу, я пришел на НП командарма. Его НП и мой располагались недалеко один от другого, на гребне западнее Копанки, но генерал Шарохин приказал мне в это утро быть вместе с ним. Видимость в сторону переднего края и у меня и у него была неважной. Просматривался лишь левый сектор в направлении Леонтины и Талмаза, да и тот наполовину закрывался растительностью. Правый сектор, где сосредоточился корпус Куприянова, не просматривался совсем. Его закрывала вытянувшаяся вдоль гребня большая роща.

Нужно сказать, что на этом резко пересеченном участке трудно было организовать наблюдение и всем другим командным звеньям. Командирам корпусов, дивизий и полков приходилось располагаться на деревьях.

Недостатки в наблюдении восполнялись хорошей маскировкой исходного положения и скрытыми к нему подходами. Юго-западное направление имело и ряд других преимуществ. Оно было доступно для всех родов войск и сразу же по выходе из межозерной горловины выводило на тактический, а затем и оперативный простор.

Шарохин волновался. Ему хотелось позвонить командирам корпусов Куприянову и Котову, а звонить было нельзя. Он сам категорически запретил это. Все переговоры до начала операции были сведены в код и теперь выражались односложными сигналами. А что могут сказать сигналы? Очень мало. К тому же, когда беспокожно на душе, хочется не сигналов, а настоящего человеческого слова.

Командарм подходил к телефонам, брался за трубку, но тут же опускал ее. «Выдержка, дорогой товарищ! Выдержка!» – так, видимо, одергивал он себя мысленно.

Перебросившись парой фраз со мной или спросив что-нибудь у адъютанта, он шел к стереотрубе и долго всматривался в оборону противника.

Утро разгоралось. Вес выше и выше поднималось солнце. Ровно в восемь воздух потряс мощный артиллерийский залп.

Начался первый огневой налет по переднему краю, ближайшей глубине, артиллерийским и минометным батареям противника.

За коротким огневым налетом последовал длительный период методического огня на разрушение, а затем снова двадцатиминутный огневой налет на подавление живой силы и огневых средств врага. Затем еще раз методический огонь и, наконец, последний огневой налет перед атакой.

Один час сорок пять минут продолжалась артиллерийская подготовка, и за это время в моих мыслях пронеслись все три года войны. Как они не похожи один на другой!

Мне вспомнился сентябрь сорок первого года, когда я впервые со своей дивизией в боях под Лужно на Северо-Западном фронте прорывал вражескую оборону. Пятнадцать орудий на километр фронта, половина боекомплекта и три часа светлого времени на подготовку - вот и все, что я имел тогда в своем распоряжении.

Я и мои боевые товарищи мечтали об артиллерийской плотности в 50 - 60 орудий. Впервые я получил ее только в боях на Украине.

В начале войны и мне, и моим соседям очень часто приходилось наступать с ходу. Старшие начальники не выделяли нам положенного на подготовку времени, и трудно сказать, почему они это делали: то ли из-за опасения преждевременно разгласить подготовку, то ли из-за неумения спланировать операцию и бой.

Материальная необеспеченность, отсутствие необходимого времени, бесплановость приводили к безуспешным боям.

Только с сорок третьего года, переломного года в войне, все резко изменилось.

Нашлось время, нашлись и средства, да и военные кадры стали другими.

Теперь у нас во фронте на восемнадцати километрах главного удара сосредоточено 4328 орудий и минометов среднего и крупного калибра, то есть, создана плотность 240 стволов на один километр прорыва. О таких масштабах мы раньше не могли и мечтать!

На каждое орудие и миномет на огневых позициях выложены два боевых комплекта на день боя. Так за годы войны выросли наши материальные возможности.

Но возросла не только техническая оснащенность армии, вместе с ней поднялось на высшую ступень и советское военное искусство, сформировались советские полководцы, возросло военное мастерство офицерских кадров.

Чтобы спланировать и подготовить такую операцию, как эта, требовалось большое умение, творческий талант военачальников, спокойствие и выдержка исполнителей.

В 9.45 плацдарм содрогнулся от мощного «ура». Началась атака, сопровождаемая огненным валом.

Перед войсками 3-го Украинского фронта стояла задача - прорвать оборонительную полосу противника, стремительно, развивая свой основной удар на запад вдоль Траянова вала, выдвинуться на реку Прут и там войти в соприкосновение с войсками 2-го Украинского фронта.

Главный удар войск 3-го Украинского фронта пришелся по стыку 6-й немецкой и 3-й румынской армий.

В итоге первого дня операции немецко-румынский фронт был прорван в полосе шириной до 40 километров и на глубину до 10 -12 километров. Наши войска вывели из строя частично 15-ю немецкую пехотную дивизию и почти полностью 21-ю пехотную и 4-ю горно-стрелковую румынскую дивизии и создали предпосылку для разрыва между двумя союзническими армиями.

Чтобы не допустить дальнейшего прорыва своего фронта южнее Бендеры и восстановить утраченное положение, командование 6-й немецкой армии в первый же день бросило в бой находившуюся в резерве 13-ю танковую дивизию. К исходу дня дивизия выдвинулась на рубеж Каушаны, Ермоклия, где заняла вторую полосу обороны и изготовилась для контратаки. Сюда же гитлеровцы подтягивали и пехотные резервы.

К исходу дня армия Шарохина встретила на подступах ко второй полосе ожесточенное сопротивление 13-й танковой дивизии. Опираясь на сохранившиеся опорные пункты, занимаемые подразделениями 15-й пехотной дивизии, танковые части переходили в яростные контратаки. Борьба с ними продолжалась всю ночь и утро следующего дня.

С рассветом 21 августа начался ввод в прорыв подвижной группы. Пропустив через свои боевые порядки 7-й механизированный корпус, наши дивизии двинулись вслед за ним.

Часов в десять - одиннадцать утра я приехал на северную окраину Поповки, где располагался НП командарма, чтобы доложить ему о движении корпуса в прорыв. Шарохина я застал на высоте, откуда он вместе со своим командующим артиллерией наблюдал за продвижением колонн.

Командарм только что возвратился из поездки, лицо его было покрыто легким слоем дорожной пыли.

- Разрешите узнать, как дела на фронте, товарищ командующий? - спросил я у него после того, как коротко доложил о марше корпуса.

- У нас и у Шлемина хорошо, а вот Гаген топчется на месте. Отстает его левый фланг. Тормозится продвижение и правого фланга Куприянова.

- А как с немецкой танковой дивизией?

- Доколачиваем. Сейчас вступают в бой танкисты мехкорпуса Каткова. Будет легче. Слышите? Началось! Пропускают.

Вдали загрохотала артиллерия.

Это, минуя боевые порядки Куприянова и Котова, вперед на оперативный простор вырывались подвижные войска. Их проходу содействовала артиллерия.

- Задерживать не буду. Задача прежняя. Желаю успеха, - сказал мне командарм. - По выходе на простор требуйте от людей больше инициативы, смелости и дерзости. До свидания!

К исходу второго дня операции глубина прорыва на главном направлении достигла 35 - 40 километров. Механизированные войска действовали уже впереди пехоты.

Наш корпус продолжал выдвигаться на запад, не имея соприкосновения с противником. Марш совершался по четырем маршрутам. В первом эшелоне следовали 92-я гвардейская дивизия Матвеева и 188-я стрелковая Даниленко, во втором, за правым флангом, - 28-я гвардейская Харьковская дивизия Чурмаева.

Вперед по маршруту Леонтина, Ермоклия, Токуз, Тараклия, Гура-Галбена я выслал на автотранспорте корпусной подвижный отряд в составе стрелкового батальона, артдивизиона и саперной роты.

22 августа начался отход 6-й немецкой армии. Преследуя ее, войска фронта к концу дня расширили прорыв до 130 километров по фронту и 70 километров в глубину.

Весь день 23 августа гитлеровцы продолжали отходить, не имея уже возможности закрепиться на промежуточных рубежах. Усилия гитлеровского командования сводились лишь к тому, чтобы удержать за собой переправы через реку Прут в районе Хуши и Леово. Но в этот же день обозначился уже и внутренний фронт окружения кишиневской группировки.

Подвижные войска 3-го Украинского фронта своими передовыми частями подошли к восточному берегу р. Прут на участке Леушени и повернули фронт на северо-восток, навстречу беспорядочно отступавшим вражеским колоннам.

Армия Шарохина, в том числе и наш корпус, весь день вела параллельное преследование отходивших колонн противника севернее Траянова вала. Армия Гагена овладела городом Бендеры.

День 24 августа ознаменовался крупным военно-политическим событием. На фронт пришли вести об отстранении от власти Антонеску, формировании нового румынского правительства и выходе Румынии из войны на стороне Германии. Румынские войска прекратили сопротивление.

Таковы были первые итоги блестящей победы Советской Армии между Днестром и Прутом.

Свергнув ненавистную фашистскую диктатуру и избавившись от иноземного империалистического гнета, румынский народ, руководимый Рабочей партией, повернул оружие против гитлеровцев.

24 августа войска двух фронтов соединились на переправах через Прут и завершили окружение кишиневской группировки немецко-фашистских войск. Армия Шарохина вступила в ожесточенные бои по уничтожению окруженного врага. Армия Берзарина, правофланговая армия нашего фронта, овладела в этот день столицей Советской Молдавии - городом Кишинев.

С 24 августа и наш корпус принял участие в боях по уничтожению окруженной группировки гитлеровцев. Всего за три дня войска корпуса

уничтожили 14 тыс. и взяли в плен около 4 тыс. немецких солдат и офицеров, а также захватили большие трофеи.

Таково было наше участие в Ясско-Кишиневской операции - одной из наиболее крупных операций Великой Отечественной войны.

10. Из воспоминаний майора Вязанкина И. А., бывшего начальника штаба 89-го гвардейского стрелкового полка 28-й гвардейской Харьковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 229-233).

... Мы умолкли. И я действительно услышал эту лесную тишину: легкий ветерок играл листвою дубов и кленов. Она сонно шепталась, словно живая. Пахло влажным мхом и спелой брусникой, пробуждавшиеся птицы заводили зоревые песни, а откуда-то издали доносилось постукивание дятла...

И вдруг вся эта райская тишина сменилась резким, больно ударившим по ушным перепонкам громом выстрелов недалеко от нас стоявших орудий. Лес наполнился гулом, заглушавшим разговор даже рядом стоявших людей. Мы переглянулись.

- Что это? Уже начало? - спросил я у Куликова.

- Не должно бы. Хотя о времени начала артподготовки Чурмаев нам ничего не говорил. Возможно, он об этом и сам не имел сведений. Однако на артподготовку эта пальба непохожа...

Спустившись в блиндаж, Куликов позвонил начарту Деканю. Он возглавлял артиллерию и минометы полка, входившие вместе с 61-м гвардейским артполком дивизии в сводную группу корпуса. От него мы узнали, что это было начало разведки боем. Стрельба как внезапно началась, так вскоре и закончилась.

В 8 часов утра наступившую было тишину, вновь разорвала артиллерийская канонада. Теперь она слышалась не с одного направления, а отовсюду. Что творилось на переднем крае, нам не было видно. Но по тому, как дрожала земля, как небо прочерчивали огненные трассы реактивных снарядов, как низко, почти на бреющем полете, над нами то и дело проносились тройки, девятки краснозвездных штурмовиков, мы представляли себе, что творится в расположении врага. Один час сорок пять минут длилась артиллерийская подготовка. А в 9 часов 45 минут мы услышали рокот двигателей танков и мощное, тысячеголосое «ура» пехоты.

Вскоре звуки боя стали удаляться. Мимо нас прошли орудия: сначала на конной, а затем на автомобильной тяге. В воздухе продолжала сновать штурмовая авиация. По всему чувствовалось: успех обозначился. И от этого становилось радостно на душе. К полудню из штаба дивизии со-

общили о том, что оборона врага прорвана, наступление развивается по плану.

В 15 часов снимаемся с места и мы. Идем медленно, но идем вперед. К 19 часам сосредоточиваемся в садах южнее Копанки. Можно было следовать и дальше. Но нас остановили. Дороги были нужны и подвижной группе армии - 7-му механизированному корпусу. Позднее нам стало известно и о результатах первого дня наступления: войска 37-й армии к исходу дня на ряде участков вклинились во вторую оборонительную полосу противника, продвинувшись в глубину на 10–12 км.

Внесли посильный вклад в эти успехи и наши артиллеристы, и минометчики, действовавшие в корпусной сводной группе по огневому обеспечению правого фланга армии. С большим воодушевлением об участии полковых минометчиков в постановке дымовой завесы рассказывал нам начальник химической службы полка Павел Александрович Селиверстов. Наконец-то и ему довелось применить свое оружие в бою.

Отличились и артиллеристы дивизиона Н. Г. Лаврентьева, поддерживавшего 181-й полк 61-й гвардейской стрелковой дивизии. В период артподготовки не все доты противника оказались подавленными. Правофланговый батальон полка был остановлен пулеметным огнем из дота.

Командир дивизиона Н. Г. Лаврентьев приказал подавить вражеский дот командиру 1-й батареи старшему лейтенанту Н. Н. Софинскому. Для корректировки огня Софинский с группой разведчиков выдвинулся на передний край и, определив координаты, передал их на огневые позиции. Дот врага был накрыт первым же огневым налетом. Батальон стремительно двинулся вперед. Старший лейтенант Софинский с разрешения Лаврентьева вместе с бойцами взвода управления и разведчиками батареи пошел вслед за пехотой. И тут случилось непредвиденное.

Отходившая группа противника наскочила на наших артиллеристов. Старший лейтенант Софинский не растерялся. Он развернул своих людей навстречу врагу и повел их в атаку. Завязавшийся бой был непродолжительным. До десятка фашистов уничтожили, а четырех взяли в плен. У артиллеристов потерь не было. При этом отличились командир взвода лейтенант Кайдаш, уничтоживший двух гитлеровцев, смело действовали артиллерийские разведчики Могила, Капличенко, связисты Гушев, Савельев и Максименко.

На следующий день по всему фронту развернулись ожесточенные бои. Наступление 37-й армии противник пытался остановить контратаками 13-й танковой дивизии, введенной в бой из резерва. Но сдержать наших гвардейцев ему не удалось.

Во второй половине дня была введена в прорыв подвижная группа армии. Темп продвижения первого эшелона увеличился. Примерно в 16 часов двинулись вперед и мы. Через час подошли к бывшему переднему краю обороны. Куда ни кинешь взгляд – все изрыто воронками от

авиабомб и снарядов. Местность усеяна разбитой вражеской техникой. Повсюду множество трупов гитлеровцев...

Конечно, идти во втором эшелоне за наступающими войсками легче, чем продвигаться с боем. Однако и легким этот наш марш назвать было нельзя. Наш полк шел авангардным в дивизии со всеми вытекающими отсюда предосторожностями и мерами охранения: с головой и боковыми походными заставами, мерами противовоздушной обороны. Мы шли вслед за войсками первого эшелона по территории, только что освобожденной от врага, это не исключало появления в нашем тылу значительных вражеских групп, могущих, как это имело место под Раздельной, наделать немало неприятностей и нам, и тылам армии. При этом нам нужно было сохранять и готовность при первом сигнале вступить в бой вместе с войсками первого эшелона.

Утром 22 августа с рубежа Опач, Монзырь в образовавшемся промежутке между 6-м гвардейским и 66-м стрелковым корпусами в сражение был введен первый эшелон нашего 82-го стрелкового корпуса. Перед фронтом корпуса враг начал поспешно отходить. Да так стремительно, что мы едва успевали продвигаться за первым эшеленом корпуса. Запомнились селения: Опач, Токуз, Лунга, Колбараш, Троица. Но так продолжалось только до вечера 23 августа. На рубеже реки Когильник, на участке Валя-Прежей-Ноу, Чимишлия, противник оказал сильное сопротивление. Командир 82-го стрелкового корпуса генерал Кузнецов с целью наращивания усилий ввел в бой второй эшелон - 28-ю гвардейскую дивизию. В это время наш полк находился еще на марше.

... День подходил к концу. Тринадцать часов непрерывного марша остались позади. Но люди все шли и шли. Так требовала обстановка. А день стоял жаркий, душный. Гвардейцы шли, не соблюдая особого равенства. По их грязным от пыли лицам текли ручьи пота. Выцветшие гимнастерки на спинах покрылись солью. Мы с Синягиным и офицерами штаба шли в голове главных сил полка. Куликов с небольшой оперативной группой - во главе авангардного батальона.

До конечного пункта - Сату-Ноу - оставалось несколько километров. Солнце катилось уже к закату. Втягиваемся в длинное селение Бахмутка, раскинувшееся вдоль обоих берегов реки Скиноса. По предложению Синягина мы останавливаемся, пропускаем одну ротную колонну, присоединяемся к другой, заводим разговор с воинами.

- Ну как, гвардейцы, устали? - обратился Сипягин к одному уже немолодому, усатому воину.

- Усталость - это ничего, товарищ гвардии майор. Главное - врага догнать, наступить ему на хвост и взяться за гриву. Это дело посерьезнее. Четвертые сутки уже гонимся за ним, а видим только его трупы. Если сбежит за Прут, там его труднее будет достать...

- Ничего, ничего. Наши танкисты врагу дорогу на запад уже перерезали. Скоро догоним его, - заверил Сипягин.

И вдруг впереди послышалось несколько кричающих разрывов вражеских снарядов.

- Вот он, фашист, и легок на помине, - сказал коренастый, приземистый гвардеец, идущий рядом с усачом.

«Да это в районе нашего первого батальона», - подумалось мне. Распорядившись ускорить шаг, мы с Синягиным поспешили в голову колонны. Командира полка подполковника Куликова нагнали на северной окраине Селемета у переезда через железную дорогу. Он приказал развернуть батальон по Троянову валу западнее реки Скиноса, а штаб расположить у мельницы.

На землю опустились сумерки. Артиллерия противника продолжала вести огонь по дороге, идущей из Селемета на север, к станции Сагайдак. Ей вторили крупнокалиберные пулеметы. Но наши гвардейцы двигались по полю в развернутом строю и потерь от вражеского огня не несли. Вскоре в штаб возвратились разведчики. Лейтенант Н. И. Долматов доложил, что противник обороняет рубеж Сату-Ноу, отметка 236,6. В Сату-Ноу создан сильный опорный пункт. На его южной окраине отмечены две автоматические пушки, четыре танка, три штурмовых орудия и четыре крупнокалиберных пулемета. Сведения о противнике Куликов и я нанесли на карту.

Спустя некоторое время на командный пункт прибыл командир дивизии генерал Чурмаев. Он поставил полку боевую задачу: выбить противника из Сату-Ноу и к исходу суток овладеть Суриком, закрепиться на его северной окраине. Начало наступления назначалось на 22 часа.

(Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. - М.: Воениздат, 1978. С. 246).

... К 10 часам 25 августа Сагайдак был полностью очищен от гитлеровцев. Развивая наступление в северо-западном направлении, 92-й гвардейский полк, в командование которым вступил подполковник Василий Романович Орехов, возвратившийся после лечения, в 15 часов 30 минут выбил врага из селения Митрополи, а еще через полчаса - из Броскарь и к исходу дня завязал бои за Гура-Галбенэ.

Успешно вел бой и 86-й гвардейский полк. В течение дня его воины освободили селения Бухна, Алексеевка, Цапай, Галбеница и к исходу суток завязали бой на юго-восточной окраине Гура-Галбенэ. Бой за это селение не прекращался и ночью. К 4 часам 26 августа общими усилиями двух полков Гура-Галбенэ было полностью очищено от гитлеровцев.

Наш 89-й гвардейский стрелковый полк с момента, когда в бой вступил 86-й полк, был выведен во второй эшелон дивизии с задачей быть в готовности развивать успех частей первого эшелона или с места отражать возможные контратаки противника. Но вступить с врагом в бой нам больше уже не довелось. После овладения Гура-Галбенэ вражеская группировка на нашем направлении прекратила сопротивление. Гитлеровцы начали сдаваться.

Некоторые читатели считают приводимый в мемуарах цифровой материал скучным. Но как обойтись без него, если порой он красноречивее слов. Прежде всего он дает представление о том, с каким напряжением

проходили бои, какие силы врага удалось нам одолеть. В трехдневных боях, по неполным подсчетам, полками дивизии было уничтожено: солдат и офицеров - 1910, орудий разного калибра - 39, пулеметов станковых - 54, ручных - 127, автомобилей - 59, повозок - 240. Взято в плен около 500 солдат и офицеров. Захвачено трофеев: орудий полевых - 25, штурмовых орудий - 12, зенитных - 4, минометов - 25, пулеметов станковых - 43, ручных - 58, автоматов - 245, винтовок - 2410, патронов - более 300 000, паровозов - 8, вагонов - 60, лошадей - 230.

Так гвардейцы нашей дивизии воевали за землю Молдавии. С разгромом окруженной вражеской группировки западнее Кишинева закончилась Яско-Кишиневская стратегическая операция. Она, как известно, имела большое военно-политическое значение. Перед Красной Армией открылась возможность освободительного похода в Румынию, Болгарию, Венгрию, оказания непосредственной помощи борющемуся народу Югославии.

11. Из книги сотрудника Бендерского историко-краеведческого музея В. И. Перстнёва «Жаркий август сорок четвёртого».

(Перстнёв В. И. Жаркий август сорок четвёртого. Бендеры, «Полиграфист», 2014. С. 36-63).

Второй этап освобождения города Бендеры.

... В ходе Яско-Кишиневской операции в направлении Бендер действовала 57-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Гагена. В первом же ее эшелоне боевые действия по освобождению города, а также близлежащих сел, вел 68-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора Николая Николаевича Шкодуновича в составе 93-й, 113-й, 223-й стрелковых дивизий. Главную роль в военных событиях, связанных с городом на Днестре, сыграла 93-я Миргородская стрелковая дивизия. В дальнейшем мы остановимся исключительно на боевых действиях этой дивизии, двух других и 68-го корпуса в целом по освобождению города Бендеры в августе 1944 г.

Весной 1944 г., когда наши войска достигли реки Днестр, 57-я армия всеми корпусами к утру 10 апреля вышла к восточному берегу реки, форсировала его на участке южнее Григориополя – Тирасполь, захватила ряд плацдармов на западном берегу. 68-й стрелковый корпус (генерал-майор Н.Н. Шкодунович, начальник политотдела корпуса полковник И.М. Юшков) захватил плацдарм в районе Шерпен, Спя. Однако проведенные в апреле боевые действия положительных результатов не дали. Наоборот, 10–12 мая противник сам перешел в наступление и потеснил силы корпуса на плацдарме.

В соответствии с общим замыслом Яско-Кишиневской операции Шерпенский плацдарм оказался неподходящим для выполнения по-

ставленных задач, так как не обеспечивал глубоко охватывающего удара главных сил 3-го Украинского фронта с юга и юго-запада при окружении кишиневской группировки противника. В связи с этим главные усилия войск фронта сосредоточились на плацдармах южнее Тирасполя.

68-й корпус к 12 августа был полностью сменен 32-м корпусом 5-й Ударной армии и выведен в район с. Малаешты (20–25 километров севернее Тирасполя) для доукомплектования, обучения и подготовки к выполнению новой задачи. Однако отдохнуть пришлось недолго, так как был получен приказ на сосредоточение дивизий корпуса на Кицканском плацдарме, что и было осуществлено. 16–17 августа 93-я, 223-я и 113-я стрелковые дивизии корпуса приняли исходные позиции у дивизий 82-го и 6-го стрелковых корпусов 37-й армии.

Рубеж обороны противника в полосе наступления 68-го стрелкового корпуса готовился немцами в течение всего лета и представлял собой систему траншей в 5-7 линий с отдельными дзотами (деревоземляными огневыми точками) и приспособленными к обороне прочными зданиями в населенных пунктах. На всем переднем плане – проволочные заграждения в несколько рядов и сплошные минные поля.

На севере оборона гитлеровцев опиралась на мощный укрепрайон – крепость Бендеры, защищенной к тому же с востока рекой Днестр и важный в тактическом отношении узел обороны Плавни и высоте 150.0 (Суворовская гора, известная нам по фронтовым сводкам как «Суворова могила»), а южнее их на сильно укрепленный населенный пункт Хаджимус. На южном фланге оборона немцев примыкала к хорошо укрепленному рубежу – селу Киркаешты и озеру Ботна.

Промежуточный рубеж обороны противника проходил по линии Фарладаны, Танатары, Урсоя, вторая полоса – по рубежу Талмазы, Каушаны.

Обе линии обороны заранее были подготовлены к обороне и оборудованы траншеями в 1-2 ряда.

На участке Бендеры, озеро Ботна войскам корпуса противостояли части 257-й и 15-й пехотных дивизий вермахта ограниченного боевого состава. Район Плавни–Хаджимус длиной 4,5 километра оборонялся силами 457-го пехотного полка немцев. На участке Хаджимус, озеро Ботна противодействие нашим войскам оказывали 88-й пехотный полк, батальон 106-го пехотного полка и фюзилерный батальон 15-й пехотной дивизии.

Дивизионные резервы немцев располагались: два батальона 257-й пехотной дивизии в Фарладанах и до двух батальонов 15-й пехотной дивизии в районе Танатар и Урсои. Танки и самоходно-штурмовые орудия у противника были в ограниченном количестве – до 10-15 единиц.

Наличие укрепленных населенных пунктов Плавни, Хаджимус, Киркаешты на переднем крае весьма усиливали оборону фашистов. В то же время отсутствие с нашей стороны активных действий в течение всего лета, относительная прочность обороны, сложные условия местности на плацдарме способствовали умиротворению противника, создавали

иллюзию незыблемости обороняемого рубежа. Во всяком случае, гитлеровцы не допускали мысли, что на этом участке фронта можно ожидать наступления крупными силами. Такой вывод подтверждался показаниями пленных офицеров 257-й пехотной дивизии.

Боевой порядок 68-го стрелкового корпуса и задачи дивизий.

Как известно, первый эшелон ударной группировки 3-го Украинского фронта в Яско-Кишиневской операции составляли 37-я и 57-я армии. Исходя из особых условий местности и ограниченных средств усиления, 57-я армия в свою очередь имела оперативное построение в три эшелона: 68-й, 9-й и 64-й корпуса в затылок друг другу. Таким образом, 68-й стрелковый корпус находился в первом эшелоне 57-й армии и играл роль ее тарана с задачей прорвать оборону противника на глубину 12-15 километров и открыть дорогу для всей армии.

68-й стрелковый корпус имел двухэшелонное построение: в первом эшелоне – 93-я и 113-я стрелковые дивизии, во втором эшелоне – 223-я стрелковая дивизия. Дивизии первого эшелона также имели два-три эшелона.

В направлении главного удара на Бендеры в 68-м стрелковом корпусе находилась 93-я стрелковая дивизия. Правее ее перед Бендерами занимала исходное положение для наступления 223-я стрелковая дивизия. Слева занимала боевые позиции 113-я стрелковая дивизия. Такое построение войск позволяло командованию армии и корпуса непрерывно наращивать силу удара по врагу с тем, чтобы обеспечить прорыв обороны на всю глубину.

Перед наступлением корпус был усилен 523-м минометным полком, 595-м и 1008-м истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, артиллерией 9-го и 64-го стрелковых корпусов, а также армейской артиллерийской группой в составе: 160-й пушечно-артиллерийской бригады, двух истребительно-противотанковых артполков. В распоряжение корпуса также поступили 5-й отдельный штурмовой батальон офицерского состава, пять отдельных стрелковых рот, армейская инженерная бригада, инженерно-саперный батальон.

93-я Миргородская Краснознаменная ордена Суворова II степени стрелковая дивизия (командир – генерал-майор А. Я. Крузе) в составе 68-го стрелкового корпуса 12-го апреля 1944 г. форсировала Днестр в районе с. Спея Тираспольского района. После того, как 68-й стрелковый корпус был вытеснен немцами с Шерпенского плацдарма, до 12 августа 1944 г. дивизия находилась в обороне на левом берегу в том же районе. Время нахождения в обороне было использовано для подготовки к активным наступательным действиям. Дивизия была доукомплектована до штатов военного времени личным составом, вооружением, транспортными средствами и всем необходимым имуществом.

Вновь был развернут 129-й стрелковый полк, который из-за недостатка личного состава с декабря 1943 г. находился в свернутом состоянии. Командиром полка был назначен начальник штаба 51-го стрелкового

полка подполковник Муллаян Шагимарданович Гадельшин, проявивший себя в минувших боях тактически грамотным командиром. Со всеми полками были проведены тактические учения по прорыву сильно укрепленной обороны противника на местности, напоминающей ту, на которой пришлось впоследствии наступать в районе Бендер.

Подготовлены были также соответствующие практические занятия со штабами полков и дивизий. Политработники и партийные организации, возглавляемые начальником политотдела дивизии полковником Григорием Петровичем Беловым всеми формами партийно-политической работы, готовили личный состав к предстоящему наступлению.

В ночь на 13 августа дивизия передала полосу обороны частям 5-й Ударной армии и ночными маршами к утру 15 августа сосредоточилась в лесу, в одном километре северо-западнее села Кицканы, а в ночь на 15 августа сменила части 28-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии на рубеже от южной окраины села Хаджимус до разъезда Киркаешты в готовности к наступлению.

Поскольку дивизия усилилась во время прорыва 5-м отдельным штурмовым офицерским батальоном численностью 900 человек и тремя штрафными ротами по 300 человек в каждой, создавалась возможность глубоко эшелонировать ударную группировку дивизии на узком фронте и этим самым увеличить ее пробивную силу.

Исходя из этого, фронт прорыва для дивизии был определен примерно в один километр на левом фланге. Остальную двухкилометровую полосу дивизии было решено прикрыть одним батальоном 266-го стрелкового полка. Боевой порядок дивизии состоял из двух эшелонов: штрафники, 51-й стрелковый полк и 266-й стрелковый полк (без одного батальона) составляли первый эшелон, а 129-й стрелковый полк – второй эшелон.

В первом эшелоне было создано 11 цепей, в том числе 6 цепей из штрафников (по одной роте на цепь) и 5 цепей из 5 батальонов 51-го и 266-го стрелковых полков. В голове ударной группировки находились штрафники, за ними следовали 51-й и 266-й стрелковые полки. В соответствии с замыслом предполагалось, что с началом наступления все 11 цепей поднимутся в атаку и, накатываясь одна за другой на траншеи противника, обеспечат прорыв на село Хаджимус и далее высоту 150.0 («Суворова могила») в обход крепости Бендеры.

Огромная работа выпала на долю артиллеристов. Дивизия на время прорыва усилилась большим количеством артиллерии, в частности 595-м истребительно-противотанковым полком, артиллерией и минометами 64-го стрелкового корпуса. Дивизия приняла от 223-й стрелковой дивизии до двух третей ее артиллерии. Ее усилили также два саперных батальона армейской инженерно-саперной бригады. На участке прорыва дивизии находилось свыше 200 единиц артиллерии и минометов. А всего на участке прорыва 3-го Украинского фронта было сосредоточено 240 орудий и минометов на каждый километр фронта. Командующий артиллерией дивизии полковник Ян Андреевич Ренцкульберг, его на-

чальник штаба майор Вальцев Николай Савельевич, командир 100-го артиллерийского полка майор Григорьев Владимир Николаевич, командир 144-го противотанкового дивизиона майор Хихловский не знали покоя ни днем, ни ночью. Нужно было как-то втиснуть эти сотни стволов на небольшой площади заболоченной земли, притом так, чтобы противник не заметил сосредоточения войск. Местами орудия ставились буквально колесо к колесу. Нужно было также разведать и засечь цели, чтобы артиллерийская подготовка не пришлась по пустому месту.

С целью разведки противника, выявления его системы огня, огневых точек, артиллерийских и минометных батарей, командир дивизии организовал в ночь с 17 на 18 августа разведку боем. Проведение этих разведывательных операций было возложено на 51-й стрелковый полк (командир – подполковник А.А. Косянец), и выполнялись они в основном силами штрафных подразделений.

Разведка боем в ночь с 17 на 18 августа способствовала обнаружению многих огневых точек на переднем крае, однако не смогла полностью раскрыть систему огня противника. Тогда в 17.05 18 августа была предпринята вторая частная операция, целью которой помимо разведки было овладение первой траншеей противника на окраине села Хаджимус и улучшение исходного положения для наступления.

После пятиминутного артиллерийского налета две штрафные роты поднялись в атаку. Штрафники действовали отчаянно и, несмотря на сильный пулеметный и минометный огонь противника, пересекли железную дорогу и ворвались во вражескую траншею. Хотя полностью отбить у противника первую траншею наступавшие не смогли, захват небольшого ее участка имел для дивизии большое значение, так как позволил продвинуть исходные позиции для наступления несколько вперед, на более сухое место и ближе к противнику. Вместе с тем была вскрыта система огня противника, и артиллеристы засекли цели для артподготовки, как на переднем крае, так и в ближайшей глубине.

Проведение частной операции сопровождалось большими потерями с нашей стороны: убито 74 человека (в том числе 63 штрафника), и ранено 134. Это подтвердило, что противник здесь создал сильную оборону и способен оказать весьма серьезное сопротивление.

В ночь на 20 августа 1944 г. была осуществлена исключительная по напряжению и сложности задача – вывод войск и боевой техники на исходное положение для наступления. На рубеж, который прежде занимал один стрелковый батальон, теперь выводилось восемь батальонов. Причем, людей и технику нужно было вывести и посадить в заранее подготовленные траншеи настолько скрытно, чтобы противник не обнаружил и не сорвал наступление массированными налетами артиллерии. Особая ответственность за выполнение этой задачи ложилась на штабы всех степеней, штабных офицеров, которые в течение всей ночи были на ногах, контролируя своевременность выдвижения подразделений, зна-

ние боевой задачи каждым солдатом и офицером, увязку взаимодействия с артиллерией и соседними подразделениями, обеспеченность подразделений боеприпасами и всем необходимым. Эта сложная задача командирами и штабами была выполнена блестяще: сосредоточение войск на исходном положении для наступления не было замечено противником.

113-я Нижнеднепровская Краснознаменная стрелковая дивизия (командир – полковник Л. Ш. Мухамедьяров) с 523-м минометным полком, артиллерией 9-го стрелкового корпуса (355 стволов), саперным батальоном армейской инженерно-саперной бригады получили задачу прорвать оборону противника на двухкилометровом участке: разъезд Киркаешты – с. Киркаешты с ближайшей задачей овладеть тремя-четырьмя траншеями противника и опорным пунктом – разъезд Киркаешты (гребень «Палец») до северо-западной окраины села Киркаешты. Далее после ввода в бой своего второго эшелона – 1290-го стрелкового полка, развить наступление на Земский питомник Миселиндра, прорвать с ходу промежуточную позицию противника и овладеть рубежом 124,2 – болото Ботна. Своим левofланговым полком обойти Киркаешты с северо-запада и запада и, взаимодействуя с батальоном 223-й стрелковой дивизии. Наступающим на Киркаешты с востока между озерами Ратунда и Ботна, овладеть сильным узлом обороны противника селом Киркаешты.

223-я Белградская Краснознаменная стрелковая дивизия (командир – полковник П.М.Татарчевский), находясь во втором эшелоне корпуса в районе Меренешт, нацеливалась на ввод в бой в направлении разъезд Киркаешты – с. Урсоя в стыке между 93-й и 113-й стрелковыми дивизиями.

Командир корпуса располагал противотанковым резервом – 1008-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком в количестве 20-и стволов. Артиллерия 223-й стрелковой дивизии, 9-го и 64-го стрелковых корпусов участвовали только в артиллерийской подготовке и поддерживали пехоту огнем валом. Танков и авиации в полосе наступления не было. На восточном берегу Днестра непосредственно против крепости Бендеры располагался сводный отряд корпуса – учебные роты дивизии. Кроме того, заложено около 500 122-155 мм. фугасных снарядов для траншейной стрельбы по району крепости.

Боевые действия 68-го стрелкового корпуса 57-й армии в ходе освобождения города Бендеры.

Медленно вступал в свои права рассвет 20 августа 1944 года. Наступление войск 3-го Украинского фронта началось ровно в 8 часов утра мощной авиационной и артиллерийской подготовкой, которая продолжалась 105 минут. После первых же выстрелов вся полоса переднего края противника закрылись густой пылью и дымом от разрывов и фактически вся стрельба, в том числе и орудий прямой наводки, велась без наблюдения целей. Еще раньше, в 6 часов 10 минут утра заговорила артиллерийская канонада в районе Ясс, на участке главного удара войск 2-го Украинского фронта. Она непрерывно длилась 1 час 30 минут.

В 9.45 над полем боя в районе Кицкан взвились в небо серии красных ракет – сигнал наступления. И тотчас пехота корпуса поднялась в полный рост, как будто выросла из-под земли. Командир 93-й стрелковой дивизии генерал-майор А.Я. Крузе еще накануне получил приказ командующего фронтом о назначении на новую должность. Однако, он попросил разрешение посмотреть, как начнется подготовленное им наступление. После того, как пехота пошла вперед, генерал собрался уезжать. Попрощаться с ним пришел и командир корпуса генерал-майор Н. Н. Шкодунович. Распоряжением командира корпуса временное исполнение должности командира дивизии было возложено на начальника штаба подполковника Иосифа Ивановича Асилимчика.

Он принимал непосредственное участие в разработке плана прорыва обороны противника в районе с. Хаджимус 20 августа 1944 г., вместе с офицерами штаба дивизии корректировал действия частей и подразделений при штурме высоты 150.0 (Суворовская гора). Его заслуги были высоко оценены, решением исполкома Бендерского городского совета народных депутатов трудящихся №3/166 от 22 августа 1969 г. в связи с празднованием 25-й годовщины освобождения города от фашистских оккупантов полковнику в отставке И.И. Алисимчику присвоено звание «Почетный гражданин г. Бендеры».

Вспоминая о предшествовавшей бою артподготовке, Иосиф Иванович впоследствии писал: «Когда мы с наблюдательного пункта следили за ходом артиллерийской подготовки, то полагали, что после такого огневого шквала ничто живое в обороне противника не сохранится. Весь передний край обороны противника был окутан плотной завесой дыма и пыли. Хотя села Хаджимус давно уже фактически не существовало, во время артподготовки на том месте, где когда-то было село, что-то взорвалось и запылало ярким пламенем».

Вскоре после начала наступления завязался бой в районе разъезда Киркаешты. С выходом на линию дороги Хаджимус–Киркаешты наступающая пехота подверглась сильному заградительному артиллерийско-минометному и пулеметному огню из Хаджимуса, Киркаешт и с высоты южнее Хаджимуса.

Цепи штрафных подразделений 93-й стрелковой дивизии, прижимаясь поближе к огневому артиллерийскому валу, ринулись вперед и с ходу заняли первые траншеи противника. Следовавшие за ними на правом фланге дивизии цепи 51-го стрелкового полка завязали бои в южной части села Хаджимус. Однако дальше продвинуться не смогли. Вопреки ожиданию, многие огневые точки на переднем крае обороны противника, особенно находящиеся в долговременных сооружениях, оказались не подавленными. Шквальным огнем в упор враг нанес большие потери первым цепям наступающих. Противник также силами нескольких танков и двух взводов пехоты контратаковал из Хаджимуса во фланг 51-го стрелкового полка.

266-й стрелковый полк 93-й дивизии (командир – майор Куденко)

вышел на дорогу Хаджимус–Киркаешты, но натолкнулся на организованное сопротивление с рубежа высоты «Палец» и также не смог продвинуться вперед. Тогда было принято решение в 13-00 ввести в бой второй эшелон дивизии – 129-й стрелковый полк, который в дальнейшем действовал в стыке между 51-м и 266-м полками в направлении железной дороги севернее разъезда Киркаешты. Ввод второго эшелона был поддержан коротким артиллерийским налетом по огневым точкам и артиллерийским позициям врага. 129-й стрелковый полк подполковника Гадельшина стремительной атакой прорвался через первую линию обороны противника, очистил от врага южную часть села Хаджимус и устремился в направлении высоты 150.0. Но в это время противник контратаковал полк силами танков и батальона пехоты. Таким образом, ввод второго эшелона 93-й стрелковой дивизии не привел к желаемому успеху. В результате дня боев к 20-00 дивизия сумела овладеть только южной частью Хаджимуса и северной частью оврага «Широкий», фактически выполнив лишь свою ближайшую задачу. Главным препятствием являлся организованный минометно-артиллерийский огонь из района северной окраины и центра с. Хаджимус, западнее его, а также из других участков.

113-я стрелковая дивизия также завязала упорные бои в районе высоты «Палец» и медленно продвигалась вперед, отражая контратаки противника. Немцы наносили удары из Киркаешт – во фланг дивизии и из района Земского питомника Миселиндра силами до батальона и 3-5 танков и самоходок.

Наличие сильного узла обороны в Киркаештах на фланге дивизии весьма тормозило успех. Ввод в бой второго эшелона дивизии – 1290-го стрелкового полка привел только к частичному успеху. 1292-й стрелковый полк с батальоном 223-й стрелковой дивизии завязал упорные уличные бои с противником в Киркаештах.

День близился уже к концу. Противник все чаще переходил в контратаки, главным образом, из леса (Земский питомник Миселиндра) силами одного-двух батальонов при поддержке танков и без них, пытаясь, во что бы то ни стало задержать наше наступление.

Около 17-00 20 августа решением командира корпуса генерала Н.Н. Шкодуновича вводятся в бой два полка 223-й стрелковой дивизии (второй эшелон корпуса) в направлении разъезда Киркаешты – Земский питомник Миселиндра.

Завязываются упорные бои на всей фронте корпуса. К исходу первого дня боев 20-го августа 223-й стрелковой дивизии удастся овладеть оврагом «Широкий», а 113-й дивизии развить небольшой успех в юго-западном направлении в обход Киркаешт.

В течение ночи шла упорная борьба по очистке села Киркаешты от противника и, лишь к утру 21-го августа, оно полностью было освобождено от врага.

В итоге дня боя корпус не смог выполнить даже своей ближайшей задачи. Сказалось отсутствие танков и относительно узкий фронт проры-

ва – до 4-х километров, обусловленный характером местности, а также недостаточным количеством артиллерии усиления. Последнее обстоятельство не позволило подавить в ходе артиллерийской подготовки узлы обороны противника в Хаджимусе и Киркаештах – на фронте корпуса, которые остались, по существу, нерасстроенными.

Ожесточенное сопротивление врага перед фронтом 68-го стрелкового корпуса и 57-й армии достаточно полно объяснено в военно-исторической литературе. Так, например, в книге «Яско-Кишиневские Канны» под редакцией маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского отмечено: «В течение первого дня великолепно наступавшие 37-я и 46-я армии прорвали оборону противника до 40 километров по фронту и 12 километров в глубину. Не выполнила своей задачи лишь 57-я армия. Ее соединения смогли овладеть только первой траншеей противника и железной дорогой на участке между Хаджимусом и озером Ботна. Здесь она вынуждена была отражать ожесточеннейшие контратаки вражеских танков. По-видимому, удар авиации и артиллерии на этом участке оказался не совсем достаточным, и основным силам противника удалось избежать потерь».

К этому можно добавить, что главный удар 3-й Украинский фронт наносил в стык 6-й немецкой и 3-й румынской армий. Причем, перед фронтом 37-й армии оборонялись немецкие и румынские войска, а перед фронтом 57-й армии – немецкие. Оборона немецких войск была значительно прочнее обороны румынских войск, и дрались немцы несравненно упорнее. В то же время авиационно-артиллерийский удар по немецким позициям был нанесен более слабый, чем по румынским. Кроме того, в составе ударной группировки 57-й армии отсутствовали танки, что также ослабляло ее пробивную силу. Все это до некоторой степени объясняет медленный темп наступления 57-й армии, по сравнению с очень высоким темпом 37-й армии.

С утра 21 августа наступление корпуса возобновилось. 93-я стрелковая дивизия к утру сумела выйти на северную окраину села Хаджимус, но в руках немцев оставался сильный опорный пункт – высота 150.0 («Суворова могила»). Второй и третий день наступления (21 и 22 августа) прошел в ожесточенных боях 93-й стрелковой дивизии за овладение этой ключевой позицией вражеской обороны в районе Бендер.

Немало залпов «катюш», артиллерийско-минометного огня потребовалось, чтобы окончательно сломить сопротивление противника на высоте 150.0. Превосходно укрепленная немцами, она господствовала над всей полосой местности в границах наступления корпуса и препятствовала продвижению 93-й стрелковой дивизии вперед, поскольку огневые средства противника фланкировали огнем по боевым порядкам дивизии.

Бои 93-й стрелковой дивизии, сыгравшей основную роль в прорыве обороны противника и овладению господствующими высотами в районе Бендер, как и других частей и соединений, полны отваги и мужества, самопожертвования и героизма. Вот некоторые примеры.

...Комсорг 2-го стрелкового батальона 51-го стрелкового полка младший лейтенант Виктор Лаев находился в одной из рот, когда выбыл из строя командир. Комсомольский вожак, не раздумывая, принял командование на себя, и смело повел роту в атаку. Под командованием Лаева рота успешно наступала, комсорг лично из автомата истребил 12 гитлеровцев, контратаковавших наше подразделение. Однако вражеская пуля сразила насмерть и самого героя. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны.

...В ходе боя за с. Хаджимус продвижению подразделения мешал вражеский пулемет. Рядовой Петруня пробрался к огневой точке и гранатами уничтожил ее. Другой рядовой Михаил Драгомиров, гранатами забросал немецкий дзот и огнем из автомата сразил трех фашистов, а когда кончились патроны, в рукопашном бою уничтожил еще одного гитлеровца. Оба воина были награждены медалью «За отвагу».

Особенно отличился в бою за село Хаджимус взвод лейтенанта Георгия Наливайко из состава 51-го стрелкового полка. Многие бойцы этого подразделения за мужество и отвагу были представлены к правительственным наградам.

При прорыве обороны противника многие воины 51-го, 266-го и 129-го стрелковых полков погибли, сделав возможное и невозможное. 129-й полк, введенный в бой в центре боевого порядка дивизии, смог глубже всех вклиниться в оборону противника. Особо отличились пулеметчики полка. Умело подавляла контратаки врага пулеметная рота старшего лейтенанта Л.Б. Дишельмана. Сам Дишельман по отзыву командира полка проявлял себя в бою храбрым и отважным командиром. Своим примером воодушевлял личный состав роты на боевые подвиги. В боях за Бендеры был награжден орденом Красной Звезды.

Громила врага минометная батарея капитана В.В. Ильяхинского. В его наградном листе сказано: «Товарищ Ильяхинский – командир батареи 120 мм минометов огнем содействовал взлому первой линии обороны противника 20.08.1944 года южнее с. Хаджимус. В дальнейшем обеспечил эффективность переносом огня в глубину обороны противника, подавляя огневые средства, мешающие продвижению нашей пехоты». За умелое руководство в бою минометным огнем и за личную смелость В.В. Ильяхинский удостоен ордена Красной Звезды.

266-й стрелковый полк вел тяжелые бои по прорыву обороны противника и одновременно прикрывал левый фланг 93-й стрелковой дивизии от внезапного прорыва противника. В этих боях решительно действовал батальон майора С. С. Южакова, который был награжден за бои у Бендер орденом Отечественной войны.

22 августа, когда развернулись бои за овладение основным опорным пунктом обороны противника – высотой 150,0, многие подразделения стремились первыми достичь господствующей высоты. Одним из таких подразделений был 1-й батальон 129-го стрелкового полка под командованием капитана Б.Н. Златогорского. Еще до начала наступления коман-

дир батальона передал красный флаг для водружения на высоте 150.0 в 1-ю стрелковую роту, которой командовал старший лейтенант Д.И. Стороженко.

К сожалению, сам Стороженко до высоты не дошел: он погиб в бою 20 августа смертью героя. Командование ротой принял на себя командир взвода, младший лейтенант, З. И. Насибулин, под руководством которого рота достигла высоты.

Героический подвиг в боях за высоту совершил комсорг 1-й стрелковой роты 3-го стрелкового батальона 129-го стрелкового полка Николай Курило. Рота, в которой служил Николай, дружно поднялась в атаку, смела передние ряды сопротивляющихся. Но в это время вражеский пулемет из хорошо замаскированной амбразуры хлестнул по нашим воинам. Свинцовый ливень вынудил роту залечь. Штурмовая группа, в которой находился Николай Курило, оказалась ближе других к немецкому дзоту. Комсорг роты вызвался выполнить боевую задачу. Используя каждый бугорок, каждую неровность местности, он приближался к вражескому дзоту. Немцы заметили смельчака и открыли по нему огонь. Поддержали огнем своего боевого товарища и наши стрелки и пулеметчики, что заставило немцев несколько снизить прицельность стрельбы. Этим обстоятельством воспользовался Николай Курило. Он быстро вскочил и сделал стремительный рывок вперед, приблизившись на 20-30 метров к дзоту, размахнулся и бросил гранату. К сожалению, она упала и разорвалась чуть в стороне от амбразуры. В этот момент автоматной очередью фашиста был ранен отважный боец. Собрав последние силы, Николай продолжал ползти вперед, выпустил из автомата несколько длинных очередей. Затем отбросил оружие в сторону, прополз еще несколько метров и, напрягая последние силы, резко приподнялся и швырнул гранату в амбразуру. Но в этот же миг вырвалась последняя огненная струя из немецкого пулемета и насмерть сразила героя. В то же время внутри дзота разорвалась граната, брошенная Николаем. Немецкий дзот умолк, что позволило нашим воинам овладеть высотой. Командир роты З. К. Насибулин водрузил красное знамя над высотой 150.0.

Лично отличился в этих боях и сам Закирьян Идиятович Насибулин. Командир 129-го стрелкового полка подполковник М.Ш. Гадельшин, представляя младшего лейтенанта З. И. Насибулина к правительственной награде – ордену Отечественной войны II степени писал в наградном листе: «В самый разгар боя вышел из строя командир роты. Тов. Насибулин принимает на себя командование ротой и смело ведет бойцов на штурм высоты. Первым прорывает сильно укрепленную, насыщенную огневыми средствами обороны противника. Успешно отражает 4 яростные контратаки противника, поддержанные «фердинандами», и удерживает высоту до подхода батальона»..

Рядом с миргородцами героически сражалась и 223-я стрелковая дивизия под командованием полковника П.М. Татарчевского. Первый день боев принес первые потери. Смертью героев погибли любимцы 1014-го

стрелкового полка – командир 1-го батальона капитан Исаак Шмелькин и заместитель командира 2-го батальона старший лейтенант Владимир Мухин. Славные воины посмертно были награждены орденами.

Всю ночь и весь день 21 августа шли ожесточенные бои за грейдерную дорогу на гребне высоты. Немцы ввели в бой танки, самоходки, бронетранспортеры, - вспоминает в книге «223-я Краснознаменная Белградская» командир полка Б.М. Мехтиев. Выйдя к грейдерной дороге, дивизия по приказу командира корпуса повернула направо, к высоте 150.0 «Солдаты роты под командованием лейтенанта Алексея Шадрина, - продолжает командир полка, - обдирая руки о колючий кустарник, кровавая колени об острые камни, упорно одолевали крутой склон, поросший мелким кизилом и можжевельником, продолжали наступать». За мужество, проявленное в этих боях, лейтенант Шадрин был награжден медалью «За отвагу». Его боевые товарищи также представлены к правительственным наградам. Медалью за отвагу в боях за наш город был награжден наводчик 4-й батареи 818-го стрелкового полка 223-й стрелковой дивизии рядовой Т.М. Цуркан.

223-я стрелковая дивизия, преодолевая упорное сопротивление противника в лесу в районе Земского питомника Миселиндра и на рубеже дороги Бендеры–Каушаны, 21 августа подошла к Танатарам и завязала бой на ее восточной окраине. Лишь к утру 22 августа село было очищено от противника.

113-я стрелковая дивизия в течение всего дня боя 21 августа сумела овладеть Урсой и выйти западнее от нее.

Таким образом, к утру 22 августа корпус вышел на рубеж высота 150.0 («Суворова могила»), отметка 142,7, западная окраина Танатар, западная окраина Урсои, станция Каушаны. В итоге двухдневных боев была прорвана главная и вторая оборонительные полосы противника на глубину 12-15 километров и по фронту – до 12 километров. Была разгромлена живая сила врага. Фактически перестали существовать 88-й и 106-й пехотные полки 15-й пехотной дивизии, был нанесен большой урон 257-й пехотной дивизии немцев.

Взятие штурмом Суворовской горы, потеря других оборонительных рубежей лишило противника последнего узла сопротивления в районе города. Гитлеровцы, боясь окружения, в ночь на 23 августа начали массовый отвод своих войск из Бендер.

Еще перед началом Яско-Кишиневской операции в ночь на 20 августа 248-я Одесская стрелковая дивизия сменила на Варницком плацдарме 416-ю Таганрогскую стрелковую дивизию. Вечером 22 августа дивизия была приведена в боевую готовность и начала выдвижение в сторону крепости. В 22.00 на участке 905-го стрелкового полка противник перестал отвечать на нашу пулеметную стрельбу. В 23.00, проделав два прохода в минных полях, 3-й стрелковый батальон полка начал выдвижение вперед и к 1.45 вышел к железной дороге. В 1.00 23 августа 902-й стрелковый полк занял первые траншеи и, не встречая сопротивления,

продвигался вперед. 899-й стрелковый полк, сделав проходы в минных полях, своих и противника, в 1.30 начал обходное движение с задачей захвата Бендер и крепости. К 3.00 899-й стрелковый полк достиг станции Бендеры, а 905-й стрелковый полк успешно прошел разъезд Калфа. Началось наступление в общем направлении на Кишинев.

Из боевого донесения штаба 68-го стрелкового корпуса № 00179 от 23.08.1944 г.: «68 ск сводным отрядом 93 и 223 сд под командованием подполковника Ермакова в 7.30 23.08.44 г. овладел городом и крепостью Бендеры».

В тот же день, 23 августа, в 23 часа Москва салютовала воинам 3-го Украинского фронта, овладевшим городами Бендеры и Белгород-Днестровский салютом 3-й категории, 12-ю артиллерийскими залпами из 124-х орудий. 24 августа была освобождена столица Молдавии город Кишинев войсками 5-й Ударной армии под командованием генерала Н. Э. Берзарина.

93-я Миргородская стрелковая дивизия Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1944 г. удостоена ордена Красного Знамени. В тексте грамоты по этому случаю сказано: «Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических республик за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны противника южнее Бендеры, за овладение городом Кишинев и проявление при этом доблести и мужества Указом от 7 сентября 1944 года наградил 93-ю Миргородскую дивизию орденом Красного Знамени».

305 наиболее отличившихся в боях за город воинов-миргородцев были награждены орденами и медалями СССР.

В августе сорок четвертого освобождали родной город бендерчане – миргородцы Андрей Семенович Матвеев, рядовой 129-го стрелкового полка и Николай Яковлевич Дронов, сержант, пулеметчик 266-го стрелкового полка 93-й Миргородской стрелковой дивизии, ветеран этого же прославленного соединения Юрий Константинович Шлыков, гвардии капитан 9-й артиллерийской дивизии прорыва резерва ВГК Семен Исаевич Левитан. В составе 239-го отдельного противотанкового истребительно-дивизиона 113-й Нижнеднестровской стрелковой дивизии отличился в сражениях за Бендеры горожанин, командир орудия, младший лейтенант запаса Степан Афанасьевич Штубей. Большим уважением бендерчан в послевоенные годы пользовался Павел Игнатъевич Вахний – гвардии подполковник в отставке, командир дивизиона «катюш» 87-го гвардейского Краснознаменного Одесского минометного полка.

На Варницком и Кицканском плацдармах участвовала в этих боях бендерчанка Наталья Ивановна Стенченко, сержант, командир отделения радиосвязи 3-й батареи 960-го отдельного зенитного ардивизиона. Летом 1944 года часть поступила в ведение 12 корпуса ПВО 3-го Украинского фронта и направлена в Тирасполь на охрану города, железнодорожной станции и подъездных путей. Важным объектом под охраной дивизио-

на был в те дни наведенный саперами мост через Днестр у бендерской крепости. Успешно действовали зенитчики и на Кицканском плацдарме в ходе Яско-Кишиневской операции.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 22 августа 1944 г. объявлена благодарность гвардии ефрейтору Ануфриеву Виктору Яковлевичу, стрелку 36-й моторизованной бригады 57-й армии, участнику августовских боев « по прорыву сильно укрепленной и развитой в глубину обороны противника южнее Бендеры». В послевоенное время Виктор Яковлевич жил и трудился в городе на Днестре.

В небе родного города громили врага летчики 17-й воздушной армии: Михаил Ефимович Аксенгор из 639-го штурмового авиационного полка 189-й штурмовой авиационной дивизии и его воздушный собрат Николай Васильевич Кобыляцкий, пилот 995-го штурмового авиационного полка 306-й штурмовой авиационной дивизии, ушедший из жизни в августе 2011 года. Артиллерийским огнем поддерживал атакующую пехоту младший сержант, наводчик орудия 374-го армейского истребительного противотанкового полка Степан Георгиевич Гульба. К сожалению, время неумолимо – их всех уже нет среди нас.

В боях на Варницком и Кицканском плацдармах в ходе двух этапов освобождения г. Бендеры действовали множество инженерно-саперных, артиллерийских и минометных частей. Среди них 5-я Днепропетровская Краснознаменная ордена Кутузова II степени понтонно-мостовая бригада РВГК, 51-й гвардейский Нижнеднестровский Краснознаменный минометный полк. За прорыв обороны противника южнее Бендеры почетного наименования «Нижнеднестровские» были удостоены также 113-я стрелковая и 189-я штурмовая авиационная дивизии.

Бендеры... Город, поднявшийся из руин, пожарищ и пепла. За послевоенные десятилетия он взметнулся ввысь новыми микрорайонами и гигантами индустрии, превратился в большой культурный центр, пережил подлинный расцвет. Он стал наилучшим памятником тем, кто навсегда остался молодым, легендой ушел в бессмертие...

12. Из воспоминаний полковника Сафонова М. И., бывшего начальника штаба 301-й Сталинской (Донецкой) ордена Суворова стрелковой дивизии 68-го корпуса 57-й армии.

(Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинёв, изд.-во «Картя Молдовеняскэ», 1975. С. 52-53).

... Удар с Кицканского плацдарма.

В пять часов утра 20 августа к нам поступил приказ командующего фронтом генерала армии Толбухина о начале наступления. Приказ был получен в нескольких экземплярах в виде боевых типографских листовок. Все части 301-й стрелковой дивизии были подняты по боевой тревоге.

В 8 часов началась артиллерийская подготовка, продолжавшаяся полтора часа. Одновременно с артподготовкой наша авиация нанесла бомбовые удары по вражеским позициям и резервам. Несмотря на предстоящие серьезные бои с еще очень сильным противником, у воинов дивизии было приподнятое настроение. Наступление, каким бы оно ни казалось трудным, всегда лучше обороны.

Над головами выли тяжелые артиллерийские и реактивные снаряды, волнами с ревом проносились самолеты «лавочкины» и «илы-2».

В это же время в подразделениях дивизии шли собрания красноармейцев, офицеров, каждый воин знакомился с боевым приказом командующего фронтом.

Мне пришлось побывать на одном из таких собраний в 3-м батальоне капитана В. А. Ишина 1054-го стрелкового полка. Отдельные выступления я записал в свою фронтовую тетрадь, которую храню, как самое ценное, по сей день. Вот некоторые записи.

Докладывает командир роты старший лейтенант В. В. Петренко:

«Личный состав 9-й стрелковой роты заверяет командование полка и дивизии в том, что я и все воины моей роты будут драться, не щадя сил и жизни. Я только прошу побольше дать нам противотанковых гранат, и тогда нам не страшны ни «фердинанды», ни «тигры».

Командир отделения коммунист Кади Абакаров:

«Я дагестанец, товарищи. Там я родился, там вырос, там моя семья. Но освобождение Молдавии от фашистских захватчиков я расцениваю как защиту моей родной республики. И поэтому буду беспощадно бить врага»...

Командир 2-го стрелкового батальона капитан И. М. Глушков:

«Я сражаюсь с гитлеровцами с начала войны. От нуля моего оружия и оружия подчиненных мне бойцов нашли себе могилу на Советской земле уже тысячи гитлеровцев. Сейчас наша задача - вырвать из фашистского рабства сотни тысяч людей Советской Молдавии. А потом, решительно продвигаясь вперед, добить его окончательно в собственной берлоге и водрузить знамя победы над рейхстагом. Это моя цель и мечта, цель и мечта всех воинов 2-го батальона».

Большую работу провели в эти дни офицеры политотдела дивизии, и частей. Вновь прибывшим воинам, особенно из освобожденных уже районов Молдавии, они разъясняли предстоящие задачи. Молодые бойцы, испытав гнет фашистской оккупации, горели желанием отомстить за все злодеяния врага на советской земле.

Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинёв, изд.-во «Картя Молдовеняскэ», 1975. С. 55-60.

... 21 августа наша 301-я стрелковая дивизия сменила 113-ю стрелковую дивизию, находившуюся в первом эшелоне 68-го стрелкового корпуса, и приготовилась к завершению прорыва первой полосы обороны немцев и развития наступления на запад. В первом эшелоне дивизии находились 1054-й стрелковый полк майора Н. Н. Радаева и 1052-й стрел-

ковый полк подполковника А. И. Пешкова. Во втором эшелоне дивизии был оставлен 1050-й стрелковый полк майора А. Г. Шурупова.

В назначенный час, после непродолжительной, но мощной артподготовки, части дивизии ринулись в атаку. Удар наших полков был настолько стремителен, что враг, оставляя одну позицию за другой, начал спешно откатываться на запад. Особую слаженность в действиях и активность при прорыве наиболее укрепленных позиций немцев проявил 1054-й стрелковый полк майора Радаева. Ему пришлось действовать на правом фланге в условиях заболоченной местности. Со своего наблюдательного пункта, оборудованного на гребне высоты, трудно было разобрать, что происходит на участках полков. Пыль и гарь, созданные артподготовкой и бомбежкой «илов», застилали передовую. Однако перед фронтом 1054-го стрелкового полка нам удалось рассмотреть, как гитлеровцы выскакивали из своих траншей и, словно очумелые, бежали кто куда. И вот в эти минуты Николай Николаевич Радаев позвонил по телефону комдиву и тревожно доложил:

- Товарищ «первый», немцы меня контратакуют.

Мы начали внимательно всматриваться.

- Не вижу никакой контратаки, - бросил мне Антонов.

- Я тоже, товарищ комдив.

- Наверное, Радаева ввела в заблуждение вся эта суматоха у немцев. - добавил он.

Владимир Семенович был грамотным командиром. Военная академия, плюс двухлетний боевой опыт многое ему дали. Бой он не только видел, но и чувствовал его дыхание сердцем. Это позволило Антонову оценивать обстановку и принимать разумные решения. Он звонит Радаеву и спрашивает:

- Николай Николаевич, а вы хорошенько посмотрите, ведь контратакующие вас немцы без оружия. Притом, вбежав в болото, они уже не могут вылезти оттуда. Что же эта за контратака?

Слова комдива, по-видимому, успокоили Радаева. Атака его батальонов возобновилась. Полковник Антонов, видя, что подразделения преодолели болота, приказал командующему артиллерией дивизии Николаю Федоровичу Казанцеву перейти огнем артиллерии на сопровождение, и пустил в бой 96-ю танковую бригаду полковника Валентина Алексеевича Кулибабенко, приданную нашей дивизии.

Бой разгорелся жаркий. Стремительно двинулись вперед батальоны капитана Федора Федоровича Бычкова и капитана Владимира Ишина. Первой в 1054-м стрелковом полку в траншее врага ворвалась рота старшего лейтенанта В. В. Петренко. Гитлеровцы с ходу были уничтожены. Не останавливаясь, рота овладела несколькими домами на западной окраине Хаджимуса. В этом бою отличился командир взвода лейтенант Карехин. Он выбил врага из нескольких дзотов. Будучи раненым, продолжал управлять боем взвода. Пулеметчик комсомолец Ключков настигал немцев и в упор расстреливал их. Успешно наступал и 1052-й стрелковый полк. Батальоны капитана В. Н. Емельянова и П. П. Бойцова

очищали от противника одну траншею за другой и, продвигаясь вперед, занимали выгодные высоты для штурма важного опорного пункта на пути села Урсоая.

Быстрое продвижение наших полков вперед тянуло как магнитом и самого комдива Владимира Семеновича Антонова. Он не мог сидеть в своем окопе, а метался по брустверу.

- Поезжай, Владимир Семенович, а я доложу командиру корпуса о перемещении НП.

- Правильно. Иначе оторвемся со своим наблюдательным пунктом.

Антонов тут же вызвал адъютанта лейтенанта Василия Дмитриевича Конозобку радиста Володю Курина с радиостанцией. Они помчались вперед. Не прошло и получаса, как я увидел тачанку майора Шурупова. Я подозвал фельдшера, старшего лейтенанта Валентину Смирнову.

- Товарищ полковник, у майора в раненой ноге началась гангрена, - тревожно сказала она.

- Гангрена?

- Да, товарищ полковник, рана и контузия дали о себе знать. Командир дивизии встретил сейчас и приказал срочно доставить майора Шурупова в санбат дивизии.

Я подошел к тачанке и взял руку Шурупова. Она огнем горела. Александр Георгиевич морщился от боли.

- Болит? - спросил я.

- Печет огнем. Но почему комдив отправил меня из полка? Я обязан командовать им.

- Комдив правильно поступил. С этим медлить нельзя.

Прощаясь, я пожелал Шурупову быстреешего выздоровления и возвращения в свой полк. Александр Георгиевич ничего не ответил, а только крепко сжал мою руку. Я наклонился и поцеловал его в щеку, которая была влажной от скатившихся слез.

К полудню 22 августа полк Радаева, выбив противника из опорных пунктов между первой и второй оборонительными полосами, подошел к селению Науй-Григорены. И тут произошло непредвиденное.

Наблюдая за ходом боя, командир дивизии с тревогой крикнул мне из своего окопа:

- Смотри, Радаева хотят контратаковать!

- Откуда? - переспросил я.

- Со стороны Жемана. За железнодорожным полотном.

В бинокль через густое марево я с трудом разглядел появившиеся за железнодорожной насыпью танки. За ними следовала небольшими колоннами пехота немцев. Я тут же позвонил Радаеву, предупредил его о возможной контратаке противника правого фланга полка.

- Вижу, вижу, - спокойно ответил Радаев. - Пусть идут.

Перевалив железнодорожное полотно Кишинев-Бендеры, гитлеровские пехота и танки теми же, что и за полотном, обычными маршевыми колоннами двигались по направлению Науй-Григорены. Фашисты словно бы и не собирались контратаковать залегшие и наспех окопавшиеся

цепи наших подразделений. Но уже недалеко от села танки и пехота немцев быстро приняли боевые порядки: танки, самоходные орудия и бронетранспортеры выдвинулись вперед. Автоматчики развернулись в цепи для атаки.

- Почему Радаев не открывает огонь? - спросил у меня Антонов. - Так близко подпускать танки - безрассудный риск.

Я вновь позвонил Радаеву и передал тревогу комдива.

- Ничего, все будет в порядке, - заверил майор.

И все же мы решили подстраховать Радаева. Командующий артиллерией дивизии полковник Казанцев подал команду, и дивизионная артиллерийская группа моментально ударила по вражеским машинам. Однако большое расстояние и малочисленность артгруппы не создали плотного заградительного огня и не остановили противника. Танки продолжали уверенно и быстро двигаться. А позиции полка все молчали. Не выдержав, командир дивизии Антонов схватил трубку телефона и сердито закричал:

- Радаев, ты о чем думаешь?

Я не расслышал, что ответил Антонову командир полка, но полковник в сердцах бросил трубку и выпалил:

- Смотри, упрямец!

И только тогда, когда первый эшелон танков подошел на несколько сот метров, полк Радаева словно очнулся от глубокой задумчивости и открыл мощный артиллерийский и минометный огонь. Удар был настолько массивным и метким, что около двадцати боевых машин гитлеровцев было сразу же выбито из строя, в том числе и девять «тигров». Поспешно пятились уцелевшие танки, самоходки и бронетранспортеры. Наблюдая это паническое бегство гитлеровцев, Антонов вылез из окопа и кричал, будто его могли слышать:

- Мо-ло-дцы! Молодцы, радаевцы! Так их! Так!

Больших успехов добился и 1052-й стрелковый полк, наступавший на левом фланге дивизии в направлении села Урсоая. За этот полк мы меньше всего беспокоились. Командование там было как на подбор: командир полка подполковник Александр Иванович Пешков, его замполит подполковник Иван Яковлевич Гружов, тоже опытный политработник, с большим стажем, коммунист. Прекрасным был и начальник штаба полка майор Николай Иванович Штанько. Поэтому с первой же атаки полк выбил из Урсоая врага, нанес ему серьезный урон в живой силе и технике и вынудил отступить по всему фронту.

Таким образом, с вводом в бой нашей 301-й дивизии создалась возможность для наступления 68-го стрелкового корпуса 57-й армии, который отставал в пути, и оказана помощь соединениям, выровнявшим общий фронт движения армии на запад.

13. Из воспоминаний капитана Чмелёва А. М., бывшего командира батальона 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии 46-й армии.

(Чмелев А. М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. - Кишинёв, изд-во «Картя Молдовеняскэ», 1983. С. 80-89).

59-я гвардейская стрелковая дивизия, входившая в состав 46-й армии, должна была действовать в общем направлении на Волонтировку, Тарутино и в то же время провести десантную операцию в районе Белгорода-Днестровского.

Для выполнения этой задачи 46-я армия на своем правом фланге в первый эшелон вводила прибывающий из резерва фронта 31-й гвардейский стрелковый корпус и уплотняла в связи с этим фронт 37-го стрелкового корпуса.

Исходные положения подразделения частей занимали только в ночное время. В ночь перед наступлением подразделения 179-го гвардейского стрелкового полка сосредоточились для переправы в плавнях в районе Копанки. Личный состав был распределен по лодкам, плотам. Были проделаны проходы в минных полях и подготовлены специальные команды, облаченные в костюмы водолазов.

За несколько часов до начала артиллерийской подготовки в полосе 37-й армии решением командования фронтом была проведена силовая разведка боем. Цель ее – ввести противника в заблуждение. В разведке участвовали штрафной и разведывательный батальоны и несколько штурмовых рот. Бой был тяжелым и кровопролитным. Разведывательные подразделения ворвались в первую траншею, но дальше продвинуться не смогли и отошли на прежние позиции.

На рассвете 20 августа на Копанском и Кицканском плацдармах все было готово для наступления. В 8 часов трассы реактивных снарядов прорезали воздух. Только Краматорскую дивизию поддерживали десять артиллерийских и минометных полков и один танковый полк. От грохота орудий вздрогнула земля. Дым от разрыва снарядов, пыль, земля, камни взметнулись вверх над обороной противника. Через мгновение все это слилось в непроницаемую завесу, постепенно закрывшую собой солнце. Штурмовики бомбили глубину обороны противника. На каждый километр фронта было около 250 орудий и минометов. Артиллерийская подготовка продолжалась один час сорок две минуты. Последние залпы ее завершались снова гвардейскими минометами. Это было сигналом для броска пехоты и танков. С многотысячным «ура» все пришло в движение. К обороне противника устремились неудержимой лавиной пехота, танки, автомобили...

46-я армия в первый день боя овладела крупными населенными пун-

ктами Талмазы и Чобручи. Сосед справа – 37-я армия – натолкнулся на мощный узел сопротивления гитлеровцев, расположенный вблизи села Леонтина у подножия обрывистой высоты, на крутых скатах которой с южной стороны находилось несколько наблюдательных пунктов противника. Они могли просматривать расположение наших войск до Копанки и Кицкан и участок на восточном берегу Днестра от Слободзеи до Тирасполя. Окруженный Леонтинский гарнизон, после отчаянного и упорного сопротивления, капитулировал.

Оборона противника после нашей артиллерийской подготовки превратилась в хаос: стояли обгоревшие кусты и деревья, кругом от разрывов снарядов и бомб были разбросаны бревна, кирпичи, доски, куски цемента.

В 9 часов 45 минут 179-й гвардейский стрелковый полк приступил к форсированию Днестра в районе села Копанка. С ходу были атакованы позиции противника, во взаимодействии с левым флангом 31-го гвардейского стрелкового корпуса нанесен сильный удар по румынским частям, потерпевшим поражение. К исходу дня полк выполнил поставленную задачу и находился на линии Чобручи – Раскаецы.

В первых же боях при прорыве обороны воины частей дивизии проявили храбрость, мужество, доблесть и отвагу. Особо отличился личный состав батальона гвардии майора А. П. Пичкурова 179-го гвардейского стрелкового полка. Батальон первым форсировал реку Днестр и занял плацдарм.

Первый же день наступления, 20 августа, явился подтверждением хорошей подготовки личного состава и предстоящим боевым действиям, необходимости труда, сложенного в эту подготовку.

Решением командира дивизии в прорыв был введен 2-й стрелковый батальон 183-го гвардейского стрелкового полка под командованием гвардии майора Ф. П. Машинцева. Воины батальона, на автомашинах продвигаясь вперед, достигли расположения тыловых частей, подразделений, служб и складов противника. Батальон истреблял гитлеровцев, брал в плен сотни «воjak», не оказывавших никакого сопротивления.

В районе Талмазы в первый день прорыва обороны противника после артиллерийской подготовки беспримерный подвиг при выполнении боевой задачи совершил сержант П. И. Банников. Ему было приказано блокировать дзот противника с группой бойцов. Несмотря на полученное ранение, истекая кровью, подполз он к дзоту и своим телом закрыл амбразуру. П. И. Банников погиб смертью героя. Командованием дивизии он был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза посмертно.

Рядовой, комсомолец 4-й стрелковой роты 179-го гвардейского стрелкового полка В. Н. Гузь в период боя, выдвигаясь вперед, уничтожил из своего ручного пулемета восемь солдат противника и пятерых захватил в плен.

Отважно сражались воины, призванные из освобожденных районов Молдавии – молдаване: С. Е. Малахов, П. М. Черни, В. И. Белошицкий, Г. С. Григорьев; украинцы: К. Т. Колотенко, И. В. Ханко, И. Г. Владий; русские: В. Д. Самофалов, И. Т. Белый и многие другие. Все они за боевые дела, мужество и отвагу, проявленные в боях, отмечены правительственными наградами.

Только на первых порах боя 20 августа воины 179-го гвардейского стрелкового полка, форсировав Днестр, захватили в плен около ста солдат и офицеров противника, много стрелкового оружия и боеприпасов.

В районе высоты 173.5 командир отделения 1-го батальона 183-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант И. Я. Акстин один из первых ворвался в траншеи противника. Взяв у раненого товарища ручной пулемет, он уничтожил несколько фашистов. В районе этой же высоты рядовой орудийного расчета 45 мм орудия И. Е. Галдысевич огнем из орудия уничтожил свыше десяти гитлеровцев, а шестерых взял в плен.

Храбро сражались в районе Талмазы стрелки 1-го батальона Г. Е. Князьков, Ф. Р. Кутуев, Кубай Кадыров. Пулеметчик рядовой Л. В. Коропов отличился в бою в районе высоты 173.5. Когда выбыл из строя командир взвода, он взял на себя командование отделением (командир отделения принял на себя командование взводом). А. В. Коропов подавил кочующую минометную точку противника, уничтожил четырех гитлеровцев, двое были взяты им в плен. Командир стрелкового отделения Д. С. Могилюк в боях за высоту 173.5 смело вел свое отделение на сближение с противником и, несмотря на ранение, не оставил отделение до выполнения задачи.

Командир отделения роты связи 183-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант В. А. Титарев в период прорыва обороны противника в районе Талмазы бесперебойно обеспечивал связь командования полка с наступающими подразделениями. Он успевал обеспечить паводку и маскировку линий связи раньше заданных сроков и оказывал помощь другим связистам.

Орудийный номер 45 мм орудия И. Г. Шугай 21 августа в районе высоты 173.5 подавил огневую точку противника. Его орудие попало под сильный пулеметно-минометный огонь противника. Загорелись ящики с боеприпасами. Шугай, рискуя жизнью, бросился в огонь и сумел спасти взрывоопасный груз.

Все отличившиеся были награждены медалями «За отвагу».

20 августа командир пулеметного расчета 179-го гвардейского стрелкового полка, коммунист, гвардии сержант З. Ф. Урушадзе со своим расчетом решительно и смело поддерживал наступающие боевые порядки пехоты. Огнем пулемета он подавил огневую точку и уничтожил четырех солдат противника. Несмотря на ранение, Урушадзе остался в строю и продолжал бой. К его медали «За отвагу» добавился орден Славы 3-й степени.

В бою за село Талмазы комсомолец, командир стрелкового отделения 183-го гвардейского стрелкового полка гвардии сержант И. В. Свиридов первым ворвался в траншеи противника и уничтожил четырех гитлеровцев, а через некоторое время – расчет станкового пулемета врага, чем способствовал продвижению нашей пехоты. И. В. Свиридов был награжден орденом Красной Звезды.

Среди первых пленных, захваченных в ближайшем тылу противника, был офицер. Он рассказал, что был вызван в штаб полка. В 8 часов услышал артиллерийский гул, поспешил в свой батальон. Пройти в батальон было невозможно, и он укрылся в погребе. Нашу артиллерийскую подготовку он назвал страшной, сказал, что румынские солдаты, оставшиеся в живых после артподготовки, потрясены, многие потеряли рассудок, стали седыми.

Один из пленных румынских солдат, показывая рукой на белые, как снег, волосы стоявшего рядом с ним румынского сержанта, сказал, что они в период артподготовки были в одном окопе и на его глазах сержант из бронекара превратился в седого старика, потерял дар речи.

Пленные офицеры подтвердили, что они не ожидали наступления Красной Армии с тяжелых Днестровских плацдармов и были захвачены врасплох.

В первый день прорыва обороны гитлеровцев 183-й гвардейский стрелковый полк, преодолев сопротивление пехоты и штурмовых орудий, отразил контратаку танков противника и с боями занял Хаджайлар. Противник, отходя в направлении Волонтировка, оказывал сильное огневое сопротивление из районов Якобсталь и урочища Прясич. К 20 часам полк вел бой за Волонтировку.

176-й гвардейский стрелковый полк, отразив контратаку противника из района Марияновка-де-Жос, подбив два штурмовых орудия гитлеровцев, вышел в район урочища Прясич. Подтянув артиллерию и перестроив боевые порядки, полк вышел к Волонтировке.

179-й гвардейский стрелковый полк, отразив контратаки противника из направления балки северо-западнее Слободзеи и атаку пехоты и танков из района ближайшей высоты, занял Кизил. Продолжая наступление, сломив сопротивление гитлеровцев на подступах к Степановне, полк также завязал бой за Волонтировку.

Потеряв выгодный в тактическом отношении рубеж в районе Волонтировка, противник начал стремительный отход в южном направлении. К исходу 22 августа части нашей дивизии освободили населенные пункты: Айновка, Манжа, Паулены (Петропавловка), Фрумушика-Веке (Окница), Фрумушика-Ноуэ, Зорены и закрепились на рубеже села Клиениц с прилегающими высотами.

Противник, откатываясь в юго-западном направлении, оказывал отчаянное сопротивление. На всех естественных рубежах в глубине своей обороны гитлеровцы организовали полевую фортификацию, вводили в бой крупные механизированные подразделения, при поддержке которых переходили в контратаки.

Перемалывая живую силу, уничтожая технику противника, части дивизии с боями продвигались вперед.

В день прорыва переднего края обороны противника потери частей дивизии составили убитыми 38 и ранеными 207 человек.

В первые два дня боев в районе села Талмазы через медико-санитарный батальон дивизии прошло 303 раненых воина. Госпитали помогли эвакуировать раненых в тыл.

Приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 154 от 22 августа 1944 года за прорыв обороны противника южнее города Бендеры личному составу соединений, участвовавших в прорыве, была объявлена благодарность.

В районе села Волонтировка орудийный номер 45 мм орудия противотанковой батареи 183-го гвардейского стрелкового полка комсомолец А. В. Кравченко метким огнем своего орудия разбил повозку противника с боеприпасами, заставил гитлеровцев оставить пушку, уничтожил шесть солдат гитлеровского расчета и несколько лошадей.

Пулеметчик 1-го стрелкового батальона этого же полка Ф. Ф. Любченко в районе села Волонтировка метким огнем своего пулемета уничтожил свыше десяти гитлеровцев. Будучи ранен, он не оставил поля боя до отражения контратаки противника. Стрелок этого же батальона И. К. Соколов в боях за Волонтировку уничтожил трех, гитлеровцев и трех взял в плен.

Повар 3-й минометной роты этого же полка рядовой А. В. Шаров в любых условиях, при любой погоде, в любой обстановке приготавливал и в горячем виде доставлял воинам на огневые позиции вкусную пищу.

Воины, отличившиеся в бою у села Волонтировка, были награждены медалью «За отвагу».

Успешно развивая наступление, за три дня боев части дивизии вышли к озеру Китай, в районе которого было завершено окружение большой группы противника, отрезаны так необходимые ему сейчас пути отхода в западном направлении. За этот период частями дивизии было взято в плен 666 солдат и офицеров противника, захвачены трофеи: бронемашин – 1, орудий и минометов – 24, ручных пулеметов – 24, винтовок – 163, автоматов – 80, лошадей – 110, железнодорожных составов с продовольствием – 1, различных складов – 7.

23 августа к исходу суток дивизия достигла междуречья севернее озера Китай. В течение дня были освобождены населенные пункты: Красна, Парис, Фершам-пеназул-Маре, Фершампеназул-Мик, Долены, Главаны, Дунаряика, Котул-Китаюлуй, железнодорожная станция Красна. Части дивизии захватили железнодорожный состав и два склада с продовольствием.

В ночь с 23 на 24 августа части дивизии в составе 37-го стрелкового корпуса повернули на юго-запад, в направлении города Измаил.

Участвуя в ликвидации разрозненных групп противника, окруженных в районе озера Китай, 176-й гвардейский стрелковый полк в тесном взаимодействии с Дунайской военной флотилией овладел городом и крепостью Измаил, подразделения частей дивизии способствовали этому. За образцовое выполнение заданий командования и участие в освобождении города Измаила приказом Главного командующего 176-му гвардейскому стрелковому полку присвоено наименование «Измаильский».

Приказом Ставки Верховного Главного командования № 163 от 28 августа 1944 года за овладение городом и крепостью Измаил всему личному составу Краматорской дивизии объявлена благодарность.

Вспоминая об этих боях, хочется назвать и воинов, пришедших в дивизию из освобожденных районов.

А. С. Моторницкий, беспартийный, житель села Копанка Бендерского района, добровольно пришел в Красную Армию до исполнения своего совершеннолетия. Служил во взводе охраны дивизии. Он зарекомендовал себя высокодисциплинированным и исполнительным воином. Уже в октябре 1944 года рядовой Моторницкий был награжден медалью «За боевые заслуги».

Житель села Глиное Слободзейского района И. Н. Доценко, беспартийный, стал ручным пулеметчиком в 176-м гвардейском стрелковом полку. 21 августа у населенного пункта Кизил очередями своего ручного пулемета он разил живую силу врага. Случилось так, что во время боя у Доценко отказал пулемет. Заметив ручного пулеметчика противника, он, скрытно подобравшись, забросал его гранатами. Вражеский пулеметчик был уничтожен. Овладев трофейным пулеметом, Доценко уничтожил восемь гитлеровцев. К его медали «За отвагу» добавился орден Славы 3-й степени.

Житель села Гашпар Братушанского района В. И. Щупарский, беспартийный, был зачислен на службу в 3-й батальон 183-го гвардейского стрелкового полка. Стал пулеметчиком. 20 августа в районе села Талмазы у рядового Щупарского от прямого попадания крупного осколка снаряда вышел из строя пулемет. Но солдат не бездействовал, а сумел подобраться к гитлеровскому танку и противотанковой гранатой подбил его. Танк остановился. Второй гранатой Щупарский вывел из строя другой танк. Остальные танки противника повернули назад. Рядовой В. И. Щупарский был представлен к награждению орденом Славы 3-й степени.

Уроженец города Бендеры Н. Я. Выхрестенко, беспартийный, будучи бронебойщиком подвижного отряда майора Ф. П. Машинцева, огнем своего противотанкового ружья 21 августа уничтожил пять огневых точек, вывел из строя два миномета, поджег автомашину и четыре повозки противника с боеприпасами. В этот же день он был ранен. За смелость, находчивость Н. Я. Выхрестенко был представлен к награждению орденом Славы 3-й степени.

Житель города Бендеры А. Н. Рязанов, беспартийный, отлично владел румынским языком. С мая 1944 года он стал разведчиком 183-го гвар-

дейского стрелкового полка. Неоднократно ходил в расположение войск противника, проявляя при этом исключительное хладнокровие и мужество. Безукоризненное знание румынского языка каждый раз способствовало разведчику в успешном выполнении задач. Вскоре рядовой А. Н. Рязанов из полка был переведен в разведотделение дивизии на должность переводчика румынского языка. На этой должности он проявил исключительное упорство в добывании необходимых разведывательных данных о противнике. С его помощью были установлены ценные данные об организации румынской армии. Это в значительной степени помогало своевременно вскрывать группировку, численный состав и замыслы командования противника, в дальнейшем способствовало успешному проведению боевых действий частями дивизии на территории Румынии и Венгрия. А. Н. Рязанов был награжден орденом Красной Звезды.

24 августа части дивизии продолжали ликвидацию разрозненных групп противника, пытавшихся найти пути выхода из окружения в районе озера Китай. В течение дня частями дивизии было пленено до двух тысяч солдат и офицеров противника, захвачено около 500 лошадей.

Ликвидировав остатки окруженных войск противника в районе озера Китай, части дивизии освободили населенные пункты Гасан-Батыр, Пандаклия, Гаджиклия, Алуат, Мусаит, Будей и к исходу дня 25 августа форсированным маршем вышли в район Балабан, Тараклия.

В первый день прорыва обороны противника в полосе наступления 46-й армии был введен в прорыв 4-й гвардейский механизированный корпус, который в тесном взаимодействии с 31-м стрелковым корпусом успешно продвигался в направлении Тарутино.

Немецкие войска устремились к реке Прут. Бомбардировочная и штурмовая авиация нашей 17-й воздушной армии наносила чувствительные удары по скоплениям отступавших в беспорядке гитлеровских войск. Прижатые к Пруту немецкие войска временно укрывались в лесах. Подразделения и части 3-й румынской армии сдавались в плен. Они не оказывали почти никакого сопротивления. Стало известно, что к рассвету 24 августа наши механизированные войска во взаимодействии со стрелковыми соединениями в нескольких местах форсировали Прут, захватили плацдармы и вскоре соединились с 18-м танковым корпусом 2-го Украинского фронта.

14. Из воспоминаний полковника Савельева В. П., бывшего начальника штаба 108-й гвардейской Николаевской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 46-й армии.

(Савельев В. П. Боевые будни штаба. М.: Воениздат, 1986. С. 186-194). http://militera.lib.ru/memo/russian/saveliev_vp/index.html

На рассвете зашли на наш НП. Здесь небольшой блиндаж, в нем два топчана, столик, на котором телефон, карта и лампа-гильза. Полковник

С. И. Дунаев уже прибыл сюда, тормозил по телефону артиллеристов. Члены комиссии не обнаружили недочетов в подготовке наступления.

В конце августа даже здесь, на юге, чувствовалось приближение осени: ночами остывала вода в реке и озерах, а утром плавни и речные поймы окутывал густой туман. И только после того как солнце прорезало пелену, оживал лес, пробуждались птицы, привыкшие к грохоту войны. Так было и в этот день, 20 августа. К утру выпала обильная роса и густой туман окутал плацдарм. На небе ни облачка. Позади поднималось солнце, обещая жаркий день.

В 8 часов сотни орудий обрушили огонь на оборону врага. В 8.55 артиллерия перенесла огонь в глубину, сразу же затарахтели пулеметы и автоматы, мощное «ура» накатило на оборону врага, закачались над нашей передовой траншеей 108 макетов, заранее подготовленных саперами. Они обозначали якобы начавшуюся атаку. После этого огненный смерч снова взметнулся над передним краем. Если какой-либо ретивый фашист рвался из-за укрытия к пулемету, чтобы отражать атаку, то он снова попадал под губительный огонь артиллерии. Под прикрытием огня группы разграждения завершали проделывание проходов в минных полях и проволочных заграждениях противника. С какой бы ювелирной точностью ни вела огонь наша артиллерия, но есть законы рассеивания, которые допускали отклонения от цели. Взрывы снарядов ложились совсем близко от этих групп.

Огонь бушевал над окопами врага, а в 9.43 двинулись вперед наши солдаты из первой траншеи. «За Родину! Вперед!» - призывно звучали во всей полосе наступления голоса командиров и политработников. В этих словах - большая взрывная сила, в них слились воедино удары сердец тысяч воинов, поднявшихся на схватку с врагом.

Пошли! Успех определялся обычно в первые минуты. Если подразделения с ходу врывались на передний край и, не останавливаясь, проскакивали его, то всякие сомнения в исходе боя отпадали. По всему крутому берегу бежали солдаты. Смелчаки уже вскочили в первую траншею и, не задерживаясь в ней, двинулись дальше. Дым от взрывов медленно уплывал влево. На маленьком кургане правее Чобручу затрепетал небольшой красный флаг. Пехота перевалила за гребень. Слева слышался огонь вражеских пулеметов. Из глубины обороны била тяжелая батарея, разбрасывавая снаряды по прежнему району, занимаемому частями дивизии.

Штабы двинулись за войсками. Рядом с Чобручу - курган с отметкой 129,0, где, по нашим данным, НП противника. Отсюда отчетливо просматривалась местность на плацдарме. Оккупанты бежали впопыхах: валялись оружие, кабель, разная рухлядь, а чуть дальше виднелись разбитые повозки, машины, кухни.

311-й полк, смело маневрируя огнем и подразделениями, решительно продвигался с боями вперед. Труднее развивались события в полосе 305-го полка. Противник удерживал на открытом фланге опорные пункты.

Сосед слева - 34-й стрелковый корпус переходил в наступление только на второй день, когда наши части завершали разгром группировки противника в первой полосе и тем самым создавали ему условия для форсирования Днестра. Поэтому приходилось выделять часть сил на прикрытие левого фланга.

Через час появились первые пленные. Грязные, напуганные, в изодранных мундирах. Офицеру - оператору штаба дивизии противника показали карту с данными, которые были вскрыты нашей разведкой. - Точная копия нашей, - улыбнулся он, словно встретил в далеком и неожиданном месте своего хорошего знакомого. Приглядевшись к карте, уточнил: - Одна рота вчера была выведена в резерв. Остальное точно...

Это была высшая похвала нашим разведчикам. Их большой труд оправдал себя. Весь огонь пришелся по заранее намеченным целям. Вот почему такими обезумевшими выходили навстречу пленные и быстро продвигались наши подразделения в центре полосы.

Но даже при успешном развитии наступления прорыв никогда не являлся легким делом. Не все фашисты бросили оружие и стали сдаваться в плен. Нашлись и такие, которые стреляли, стремясь задержать продвижение наступающих.

Командир полка подполковник И. П. Рудко выехал в батальоны. Начальник штаба майор И. Ф. Тарханов, как всегда при докладе, оставлял про запас самый последний рубеж, достигнутый подразделениями. Но теперь не было смысла скромничать, части успешно продвигались.

За короткий срок Иван Федорович стал хорошим начальником штаба. Никогда не спешил с доведением новых данных. Только убедившись в их правильности, передавал в штаб дивизии.

305-й полк заметно снизил темпы. Противник усилил перед ним сопротивление. Открытый левый фланг доставлял много неприятностей. Сил одного полка оказалось мало, чтобы разгромить здесь группировку врага. Командир полка подполковник А. Я. Ермоленко ввел в бой свой второй эшелон.

311-й полк продолжал упрямо и смело продвигаться в глубину обороны. Полковник С. И. Дунаев принял решение ввести в бой второй эшелон, чтобы двумя полками, вместе с соседом - 59-й гвардейской стрелковой дивизией, развивать успех, но командир 37-го стрелкового корпуса не согласился с таким решением и приказал направить резерв на левый фланг, где вел напряженный бой 305-й полк. Туда комкор нацеливал еще один полк 320-й дивизии. Он опасался за фланг армии, обеспечение которого было возложено на него.

308-й полк с ходу врезался в опорные пункты врага, частью сил стал обтекать район Фигурной рощи, где располагались резервы противника, создавая угрозу их окружения.

Успех в таких маневренных боях во многом зависел от смелости командиров и командиров рот. Командиры батальонов майор В. А. Чмель, капитаны А. С. Корниенко и И. Н. Павленко, адъютанты старшие капита-

ны А. А. Чигрин и И. Н. Заворохин смело осуществляли маневр огнем артиллерии, минометами и расчетами ПТР, обеспечивая надежное подавление оживших огневых точек врага.

Переместились вперед сначала наблюдательный, а затем и командный пункты дивизии. Батальон связи под командованием капитана Г. Я. Ямушева поддерживал устойчивую связь со всеми полками. В обороне все средства связи были отремонтированы, а значительная часть законсервирована с расчетом использования в ходе наступления. Такая предусмотрительность начальника связи майора К. М. Татуры и его помощника майора Г. И. Проценко обеспечивала теперь безотказную работу связи.

Весь день не стихал бой и не уменьшалось напряжение схватки. Теперь, когда противник стал отходить, особенно нужны были данные о его замыслах. Разведчики поздно ночью вышли на связь. Подтвердили начертание переднего края второй полосы, указали районы опорных пунктов и огневых позиций артиллерии. О себе - ни слова.

Только днем, когда вернулись с задания, стала известна причина задержки передачи данных. В одной деревне они наткнулись на колонну пехоты врага и открыли по ней огонь. У фашистов поднялась паника. Вдруг из-за поворота выскочил бронетранспортер и врезался в машину разведчиков. Пришлось поджечь и машину, и бронетранспортер, а самим уходить. В другом конце деревни совершили нападение на штаб, захватили рацию и с ее помощью вышли на связь.

К исходу дня штабы подсчитали: 409 гитлеровцев взяли в плен. Успех большой и радостный. Проритую брешь враг уже не мог залатать. С утра дивизия, имея все полки в первом эшелоне, обрушила удар по второй полосе обороны. Противнику удалось выдвинуть сюда резервы и остатки отошедших ночью подразделений. Основные усилия враг сосредоточил на удержании Слободзеи, превращенной в сильный узел сопротивления.

Положение дивизии значительно облегчилось: появился сосед слева - 353-я стрелковая дивизия, отпала необходимость выделять силы на покрытие левого фланга.

При захвате Слободзеи два полка направлялись в обход ее, а один сковывал противника с фронта. К 14 часам удалось зажать в клещи этот узел. Враг не выдержал натиска, и к исходу дня вся его группировка была разгромлена и городок оказался в наших руках. За два дня дивизия продвинулась на 30 км.

Противник побежал, эфир огласился паническими докладами. Одни искали своих подчиненных, другие вызывали вышестоящие штабы. Если кому-то удавалось войти в связь, то тут же без всяких кодов раздавались требования о помощи, сообщались данные о неслыханных потерях, слышались просьбы указать, куда бежать дальше.

У нас же по радио раздавался спокойный, твердый голос командарма генерала И. Т. Шлемина:

- Темп! Не сбавлять! Смелее вперед, не оглядывайтесь назад. Не отвлекайте силы!

Он знал: чем глубже продвинутся вперед наши части, тем скорее наступит полный разгром врага.

Отдельные группировки противника пытались еще наносить удары. Такую контратаку отбил 311-й полк. Одна блуждающая группа наскочила на колонну тыла дивизии. Майор А. И. Гребницкий и капитан Б. Я. Савельев организовали своими силами отражение вражеской атаки.

С небольшого кургана, где временно остановился штаб дивизии, отчетливо просматривались наши полки, стремительно продвигающиеся на запад. Густые шлейфы пыли тянулись над проселками. Прорыв свершился. Путь на запад был открыт. По своему опыту каждый понимал, что отходящие войска противника остановить наши части уже не могли.

Дивизии предстояло закрыть кольцо окружения. Протяженность рубежа, который следовало занять, составляла 25 км. Мы подсчитали, что если даже перехватывать только дороги, населенные пункты и высоты, то и в этом случае дивизия растянется в маломощную цепь, неспособную отразить на решающем направлении сильный удар вражеской группировки, вырывающейся из окружения. Не вызывало сомнения, что противник не станет наносить удары по всему фронту, а выберет небольшой участок, где сосредоточит свои основные силы. Где же мог быть этот участок? Здесь нельзя было допустить просчета. Его потом уже не исправить: противник, выскочив из кольца, стремительно побежит на запад.

Командир дивизии по своему опыту знал, что остановить и разгромить такую группировку - задача не из легких. Как ни в каком другом виде боя, здесь мысли и чаяния вражеских солдат сливаются с приказом командования: разорвать обруч и выскочить из окружения. Любой ценой. Такой противник не замечает в ходе атаки больших потерь, его не останавливает сильный огонь обороны, не смущает, что на поддержку его действий привлечено мало артиллерии и танков. Он пробивается изо всех сил вперед, падает, снова подхватывается и, задыхаясь, бежит к тому заветному рубежу, за которым, как его уверяют, нет больше русских и можно считать себя вне опасности.

Но ни командир, ни штаб дивизии не знали, где тот рубеж. Впервые при выработке командиром решения оказались ненужными расчеты соотношения сил и средств. Опыт подсказывал, что в сложившейся обстановке не годились общепринятые слагаемые и показатели. Они были настолько разными для каждой стороны, что терялся всякий смысл для их сравнения. У противника боевые возможности основывались на одном - инстинкте самосохранения. Количество войск, принимающих участие в атаке, уже не оказывало решающей роли на исход схватки.

Командир дивизии терпеливо выслушал мнения своих ближайших помощников и офицеров штаба. Все сошлись на том, что решающим фактором для противника являлось время. Ему нужно как можно быстрее преодолеть кольцо окружения. Посоветовавшись с подчиненными, командир дивизии решил сосредоточить основные усилия на направлении Плахтеевка, Лихтенталь, то есть там, где лежал самый короткий для противника путь.

В соответствии с таким решением полки заняли свои участки и приступили к их оборудованию. Сергей Илларионович присел на край канавы, подвинул к себе карту с обстановкой. Его беспокойство было понятно: вдруг противник нанесет удар правее или левее рубежа, занятого частями дивизии, - что тогда? Я подсел к полковнику Дунаеву, доложил о том, что уже сделано... Выехали на машинах две группы разведчиков, через час они должны были передать первую информацию о противнике. Я допросил двух пленных офицеров, оба подтвердили, что командование поставило задачу выдвигаться в направлении Плахтеевки, где, по их данным, не отмечалось русских. Начальники штабов полков донесли, что вторые эшелоны обеспечены машинами и в случае необходимости могут быть в короткие сроки переброшены на другое направление. В двух километрах в стороне к утру будет открыт еще один НП. Предложил выдвинуть два саперных взвода с запасом мин ближе к правому флангу в готовности перекрыть заграждениями участок местности за безымянным ручьем...

Командир слушал, временами уточнял отдельные детали. Видимо, только сейчас у него появилось дополнение к своему решению.

- Надо загонять сюда противника, - сказал он. - Оставить ему коридор. По сторонам, на дорогах, набросать мин. Если фашисты свернут влево или вправо - наскочат на них. Разминировать некогда, вынуждены будут бежать по намеченному нами маршруту. Разведчикам больше стрелять, не жалеть патронов.

Такие мероприятия вполне были обоснованны и помогали успешнее реализовать принятое решение.

Проходила беспокойная ночь. Командир не сомкнул глаз. По разным каналам в штаб стекались данные о движении колонн врага. Слышались короткие вспышки стрельбы.

Саперы доложили о перекрытии ряда участков дорог минами, разведчики держали под контролем большой район. По всем данным, группировка врага двигалась в направлении Плахтеевки.

Как только забрезжил рассвет, со стороны леса и деревни Плахтеевки на всем широком поле показались серо-зеленые цепи. Не сотни, а тысячи людей быстрым шагом, с оружием в руках шли на наши оборонительные позиции. До двух дивизионов артиллерии противника открыли огонь, снаряды ложились перед этой толпой, словно подбадривали ее.

Сергей Илларионович впервые улыбнулся при виде атакующего противника. Предвидение его оправдалось. Победа была сконструирована заблаговременно, теперь оставалось завершить разгром.

Командир дивизии по радиации дал команду на переброску сюда и 305-го полка. Наша артиллерия била залпами. Все стрелковое оружие было приведено в действие. Толпы фашистов редели и расплзались по полю, но фанатики продолжали упрямо продвигаться в западном направлении, они видели за этим широким полем свое спасение.

Два часа продолжался бой. Поле покрылось трупами врагов. Подошел

305-й полк, с ходу развернулся перед нашим НП. Три стрелковых и два артиллерийских полка били всей своей мощью по обезумевшим фашистам. Оборона прочно перекрыла дорогу врагу. Фашисты метались в поисках выхода, но везде встречали огонь. Вначале одиночки, а затем сотни, понимая безрассудство такой атаки, стали поднимать руки, выкидывать вверх белые тряпки. В 11 часов подразделения 308-го полка захватили командира и начальника штаба вражеской дивизии. Они надеялись выскочить из окружения. Короткими перебежками и ползком добрались до копны соломы, поставленной на убранном хлебном поле. Там решили переодеться в солдатское обмундирование и отсидеться в копне до темноты, чтобы потом проскочить невредимыми через это страшное поле и ускользнуть от нас.

Генерал успел надеть только солдатские ботинки, когда появились около копны русские. Командир дивизии показал, что с первых дней наступления русских он потерял связь с командованием, не знал положения соседей. Говорил тяжело, с одышкой, как после трудного бега:

- По своей инициативе, видя полный развал фронта, дал приказ пробиваться на запад и выходить из окружения. Почти всю артиллерию, а также автомашины из-за нехватки горючего пришлось бросить. Атаковали на узком фронте, - невнятно бормотал он, пугливо оглядывая нас. - Не знали, что у вас здесь такая стойкая оборона. Расчет наш не оправдался. Мы рассчитывали, что ваши части скованы боем в стороне, а здесь неприкрытый участок.

Подошел полковник Дунаев. Около низкорослых пыльных кустов на полевой дороге встали два командира дивизии: невысокого роста, крепкого сложения полковник Сергей Дунаев и рослый, пожилой гитлеровский генерал. Фашист стоял, как вкопанный столб, напряженно, вытянув руки по швам. Бросились в глаза его белые, длинные, грязные пальцы: они дрожали от усталости. Генерал ведь не привык ползать под огнем.

Командиры дивизий молча посмотрели друг другу в глаза. Победитель и побежденный. О чем говорить? Все уже сказано оружием на поле боя. Кто кого? - вопрос решен. На дорогу сгоняли сотни пленных. Но стрельба еще продолжалась: отдельные группы упрямо пробивались в глубину обороны. Задавать генералу вопросы, которые обычно ставили пленным, было бесполезно. Его дивизия как боевая единица перестала существовать. В штабах на ней поставят красным карандашом крест - похоронят навсегда.

- Если можете, то прикажите, чтобы прекратили огонь, - тихо проговорил Дунаев, указывая рукой на кукурузное поле, где слышалась стрельба.

Генерал, не отнимая от бедер рук, послушно поклонился. Распоряжение передал через офицера своего штаба.

Рядом с генералом стоял офицер штаба - пожилой, жилистый, с взглядом затравленного волка. Он держал в руках портфель, большой, кожаный, тяжелый. Как в былое время побежденный вручал победителю шпа-

гу, так этот преподнес мне портфель с набитыми бумагами. Старательно вытянув по швам руки и подобострастно, слегка склонив вперед голову и выгнув спину, не мигая, вглядывался в мое лицо. Он был готов, отвечать на любой вопрос, не скрывая никаких секретов.

- Документы мною сохранены, - быстро говорил он переводчику. - Все налицо. Подлинники. Можете проверить и убедиться.

Хотелось сказать ему, что всегда вызывает уважение офицер, сохраняющий свое достоинство, в каких бы условиях он ни оказывался. Меня интересовал не портфель, а почему они все-таки выбрали направление выхода из окружения на Плахтеевку.

- Самый короткий путь. Свернуть нам нельзя было. Нам уже наступали на пятки другие ваши части, В самый последний момент поняли, что совершили ошибку, - Он тяжело вздохнул и даже зажмурился. - Надо было двигаться левее. Разведчики подвели, они уверили, что здесь нет обороны... Но мы довольны, что попали к вам.

По дороге шла пленные. Их много. Увидев колонну, выходили из леса с поднятыми руками другие солдаты, становились в строй. Разномастная колонна длинной кишкой протянулась через небольшой лес, рассекла широкое пожелтевшее поле. Голова ее уже вползала на взгорье с видневшейся вдалеке деревней, а хвост только что готовился к движению. Эти оккупанты отвоевались.

В связи с капитуляцией Румынии румынские солдаты, весело улыбаясь, шли толпами домой. Они вышли из войны целыми и невредимыми.

Шесть дней продолжались бои. Сделано за это время дивизией много. По проверенным данным штабов, истреблено более 3000, взято в плен 7068 солдат и офицеров противника. Всю Яско-Кишиневскую операцию в целом можно смело назвать блестящей и поучительной. Остались считанные километры до нашей государственной границы.

15. Из воспоминаний немецкого генерал полковника Ганса Фриснера, бывшего командующего группы армий «Южная Украина».

Фриснер Г. Проигранные сражения. - М.; Воениздат, 1966. <http://militera.lib.ru/memo/german/friessner/index.html>

Заключительный этап....

В воскресенье 20 августа началось ожидаемое наступление крупных сил противника. Первый период этого сражения включал в себя бои в Бессарабии и Молдавии до Прута и Серета и до слияния этих рек с Дунаем севернее Галаца. Этот период продолжался до конца августа.

Ранним утром грохот залпов тысяч орудий возвестил о начале решающего сражения за Румынию. После сильнейшей полуторачасовой арт-подготовки советская пехота, поддержанная танками, перешла в наступление сначала в районе Ясс, а затем и на днестровском участке фронта. Многие стрелковые дивизии противника были сведены в ударные кли-

ня. Огромное количество живой силы и техники позволило Советам, хотя и с большими потерями, прорвать наш фронт на многих участках. Однако причиной этого сравнительно быстрого успеха является не численное превосходство противника, а прежде всего недостаточная стойкость и ненадежность многих румынских соединений. Бросается в глаза тот факт, что русские атаки были направлены преимущественно против участков фронта, обороняемых румынскими войсками.

Несмотря на упорнейшую оборону и частые контратаки немецких резервов, в частности силами 13-й танковой дивизии, русским удалось к полудню прорваться пятьюдесятью танками в районе Плоп-Стубей, что заставило нас отвести свои войска на высоты южнее Попяски и эвакуировать Карнатены. На других участках фронта армейской группы Думитреску имели место лишь кратковременные вклинения, которые к вечеру были подавлены. Несколько больших успехов противник добился на участках 294-й пехотной дивизии западнее Бутора, 14-й румынской и 106-й немецкой пехотных дивизий (у Редены) на северном фланге.

Первый день сражения принес противнику неожиданный успех. Ему удалось создать два больших участка вклинения, которые обеспечивали ему необходимую базу для развертывания запланированных операций. Было легко представить их дальнейший ход. Главный удар должна была нанести северная группировка, или 2-й Украинский фронт, с целью блокировать переправы через Прут, чтобы помешать отходу армейской группы Думитреску через реку на запад. Южная группировка – 3-й Украинский фронт, – по-видимому, должна была получить задание расширить участок вклинения, образовавшийся 20 августа, и ударами на запад, север и юг окончательно прорвать фронт армейской группы Думитреску и рассеять ее.

Так в общих чертах мы оценивали обстановку после первого дня сражения. Неожиданные успехи противника в основном объяснялись отсутствием стойкости у румынских войск. Совершенно ясно, что русское наступление крупными силами, учитывая наличие у нас прекрасной артиллерийской поддержки, не было бы столь результативным, если бы противник в итоге быстрого прорыва на участке 4-й румынской горнопехотной дивизии, позиции которой были захвачены еще в ночь на 20 августа, не вклинился глубоко в расположение 306-й и 15-й пехотных дивизий. Обеспечить их прикрытие силами одной только 13-й танковой дивизии было невозможно. Нельзя не заметить, что румыны вообще ничего не предприняли на этом участке.

В армейской группе Думитреску обе румынские дивизии 29-го армейского корпуса (4-я горнопехотная и 21-я пехотная) полностью распались. В армейской группе Велера полностью разгромленными оказались до пяти румынских дивизий. Катастрофический итог!

Как и следовало ожидать, противник быстро ввел в пробитые накануне бреши свои моторизованные соединения и танковые силы. Он опрокинул наше слабое прикрытие и, устремившись на юго-запад, про-

рвался до рубежа Паулэни, Фрумушица, Вече, Николаэни. Частью этих сил противник сумел охватить правый фланг 30-го корпуса и продвигаться в северо-западном направлении, зайдя при этом в тыл 52-му корпусу. Обстановка становилась все более и более критической, особенно на участке 30-го корпуса, которому удалось в тяжелых, проходивших с переменным успехом боях на своем открытом правом фланге отразить мощный удар советских войск, направленный против правого крыла 6-й немецкой армии. Этим корпусом, в состав которого входили закаленные в боях 306-я вестфальская и 15-я гессенская дивизии, командовал уже не раз отличавшийся в боях опытный военачальник генерал Постэль. Действия корпуса умело поддерживала 13-я ганноверская танковая дивизия, которая в те дни многократно выручала наши войска из беды. Противник оставил на поле боя много танков. Однако и наши потери также были очень велики.

Замысел противника был очевиден: он пытался как можно быстрее овладеть переправами через реку Прут с целью отрезать пути отхода армейской группе Думитреску.

Получив указание отойти за Прут, 6-я армия направила корпусные моторизованные и зенитно-артиллерийские части к мостам через реку с задачей организовать здесь прочную наземную оборону. В последующие дни, входившие в состав армии корпуса, напрягая все силы и ведя упорные оборонительные бои с превосходящими силами противника, который хотел заставить их изменить направление движения, пытались достигнуть реки Прут. За исключением 30-го корпуса, который все это время вел тяжелые бои у себя на фланге и в тылу, всем корпусам 6-й армии удалось, как докладывало ее командование, «успешно отойти на запад». Связь между штабом 6-й армии и ее корпусами осуществлялась теперь только по радио. Утром 22 августа командный пункт армии находился еще в Комрате. В этот же день войска 6-й армии были переподчинены непосредственно командованию группы армий, а руководство отходом 3-го румынского корпуса с приданной ему 9-й немецкой пехотной дивизией было возложено на штаб армейской группы Думитреску.

Советские войска уже действовали в пространстве между командным пунктом 6-й армии и командными пунктами ее корпусов. Поэтому я приказал лично командующему 6-й армией генералу от артиллерии Фреттер-Пико, который намеревался на свой страх и риск отправиться с созданной им небольшой оперативной группой штаба к окруженному 52-му армейскому корпусу, отойти с этой группой за Прут и руководить своей армией оттуда. Я упоминаю здесь об этом только потому, что один из авторов, некто Хаземанн, в своей книге «Мокрый хлеб» бросил командующему 6-й армией упрек, будто бы тот «бежал с поля боя». Генерал Фреттер-Пико мог в подобной обстановке и сам, не дожидаясь моего приказа, перенести в тыл свой штаб или командный пункт, ибо в данном случае вопрос стоял о жизни и смерти многих тысяч солдат, которыми нужно было правильно руководить и которых нужно было поддержать любыми доступными средствами, если об этом вообще могла идти речь. А если бы штаб армии оставался под непосредственным воздействием

противника, сделать это было бы невозможно.

К вечеру 22 августа противник подошел вплотную к Комрату. Теперь он проник глубоко в тыл, охватив фланг 6-й армии. В тот же вечер передовые танковые части противника, наступавшие с севера, вышли в район Васлуя на рубеже реки Бырлад. В результате возникла серьезная угроза полного окружения 6-й армии, чья задача заключалась в том, чтобы остановить продвижение русских с севера на юг между Прутом и Серетом на рубеже Хуши, Васлуй, Бакэу и удерживать переправу у Леово. Таким образом, весь наш оперативный замысел был расстроен противником.

23 августа передовые танковые части противника вышли в район к западу от Комрата. Некоторые отсюда повернули на юг и с ходу овладели населенными пунктами Татарэшти и Фурманка. В результате 3-й румынский корпус оказался окруженным. Хотя в районе Кубей продвижение противника и было задержано, ему удалось прорваться танковыми силами на Ханешти. Поэтому командование 6-й армии, которой теперь была переподчинена и оперативная группа Мита, отходившая по приказу командующего армейской группой генерала Велера через Хуши и имевшая задачу соединиться с войсками северного крыла 6-й армии, вначале решило оттянуть свои главные силы на позицию «Штефан».

К концу дня 23 августа фронт армейской группы Велера оказался развернутым на северо-восток и проходил по правому берегу Молдовы, а затем линия фронта поворачивала на восток, возвращаясь к старым позициям на восточных склонах Карпат. К югу от Бакэу, на реке Серет, оборонялись лишь слабые сводные оперативные группы, спешно составленные из разрозненных боевых, строительных и тыловых частей и подразделений. Одна из таких групп имела задачу прикрыть у Аджуда вход в долину реки Тротуш. В это время главные силы 6-й армии, реорганизованные в более или менее боеспособные оперативные группы, вели бои еще к востоку от реки Прут. На правом берегу Прута было выставлено немногочисленное боевое охранение, прикрывавшее два плацдарма - у Кагула и у Леово. Населенный пункт Хуши уже был занят противником. Короче говоря, окружение 6-й немецкой армии можно было считать свершившимся фактом.

Взяв на себя всю ответственность за военные действия на этом участке фронта, я подчинил себе все немецкие войска и инстанции, находившиеся в Румынии. Разумеется, эта мера, на которую я, собственно говоря, даже не имел права, оказалась слишком запоздалой. Если бы Гитлер или ОКВ уполномочили меня на это еще 6 августа, когда я ставил вопрос о необходимости обеспечения безопасности, тогда мне, может быть, удалось бы избежать катастрофы. И немецкий народ был бы избавлен от понесенных им здесь ужасающих жертв.

Когда мне стало известно об измене, я тотчас же связался по телефону с самым старшим по званию румынским генералом из тех, кто непосредственно подчинялся мне, и попросил его сообщить, как он относится к событиям в Бухаресте. Этим генералом был командующий 3-й румынской армией генерал-полковник Думитреску, старый опытный военачальник, с которым у меня уже установился неплохой контакт и которого я очень ценил. Он объяснил мне по телефону, что крайне поражен

действиями своего правительства, но тем не менее будет и дальше выполнять поставленную ему задачу, пока не получит из Бухареста новых инструкций. Он весьма сожалел о случившемся и сказал, что намерен подать в отставку. «Однако не требуйте от меня, генерал, - добавил он, - чтобы я нарушил присягу, данную королю».

Другой румынский военачальник - командующий 4-й румынской армией корпусной генерал Штефlea, назначенный 22 августа начальником румынского генерального штаба, в ответ на такой же вопрос заявил мне, что сможет говорить на эту тему только тогда, когда получит указания из Бухареста. Но он заверил меня, что будет сообщать о любых мероприятиях заблаговременно, чтобы избавить группу армий от всяких неожиданностей. Но как бы то ни было, а отныне рассчитывать на него и на других румынских армейских генералов мы уже не могли.

События в Бухаресте несколько заслонили собой боевые действия группы армий. Изменение Румынией фронта борьбы принесло с собой дальнейшее осложнение обстановки на румынской территории.

Румынский генеральный штаб отдал своим 3-й и 4-й армиям приказ, согласно которому все части и соединения румынских сухопутных войск, военно-воздушных и военно-морских сил немедленно выходили из подчинения немецким командным инстанциям и прекращали всякие военные действия против советских войск. 3-я и 4-я румынские армии должны были отойти на рубеж Фокшаны, Брэила, а румынские войска в Добрудже - отступить в район южнее устья Дуная. При этом им разрешалось сохранить все свое оружие. Любой попытке немецких войск разоружить их следовало оказывать сопротивление.

К счастью, потребовалось некоторое время, прежде чем необдуманные и поспешные распоряжения нового румынского правительства достигли фронтовых частей. Поэтому вначале некоторые румынские части и соединения не захотели оставлять нас в беде и продолжали борьбу. Однако они уже, вероятно, догадывались о том, что их ожидает. В то же время было много и таких частей, которые сразу сложили оружие и ушли походным порядком со своих позиций. Я собственными глазами видел, как уходящие с фронта роты румынских солдат встречались на дорогах с шедшими им на смену походными колоннами немецких солдат. Никто не знал доподлинно, что произошло. Немецкие войска и их командование оказались поистине в отчаянном положении!

С выходом румынских войск из игры перед советскими войсками открылись все пути для быстрого наступления в глубь румынской территории.

31 августа советские войска вступили в Бухарест, не встретив никаких немецких войск, которые могли бы оказать им сопротивление. Лишь в районе нефтепромыслов Плоешти русские встретили сопротивление крупных немецких оперативных групп, шедших с боями из района Бузэу, Плоешти на север и намеревавшихся пробиться через перевалы Тэртлэу и Предял. Эти бои, проходившие на труднодоступной высокогорной местности, на высоте 2000 метров над уровнем моря, были особенно тяжелыми и привели к большим потерям с обеих сторон.

Глава 5. Воспоминания гвардии подполковника Спесивцева Н. В., бывшего командира 1-го стрелкового батальона 282-го гвардейского Варненского стрелкового полка 92-й гвардейской Криворожской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии.

«Освобождение г. Тирасполя, форсирование Днестра, бой на Кицканском плацдарме, участие в Яско-Кишиневской операции 1944 г.»

До службы в 92-й гвардейской стрелковой Криворожской дивизии с мая 1942 года я участвовал в боях на Юго-Западном фронте в качестве командира отдельного мотоциклетного взвода разведки и командира отдельной роты автоматчиков 1-й Московской отдельной Истребительной противотанковой артиллерийской бригады. Бригада вела боевые действия на Харьковщине, отходила с боями на Воронеж, в районе среднего течения Дона участвовала в окружении, разгроме и пленении 5-й Королевской дивизии «Торино» 8-й итальянской армии. Находясь в оперативном подчинении 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Полубоярова П.П. бригада из района Верхнего Мамона наступала и освобождала города: Кантемировку, Волошино, Старобельск, Красный Лиман, Славянгорск, Краматорск, Доброполье, Красноармейское на Донбассе.

В марте 1943 года я был назначен на должность командира отдельной разведывательной роты 57-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии генерала Чуйкова В. И.

Прибывшая из Сталинграда 57-я гвардейская СД вела боевые действия на Северском Донце и на Изюмском плацдарме.

В этот же период был дважды ранен: осколком в левую руку на Дону, пулей в левую ногу и осколком разрывной пули в голову на Изюмском плацдарме. Кроме того в ночном разведывательном поиске по захвату «языка» в районе селе Каменка был контужен взрывом противотанковой гранаты.

С августа 1943 года в 57-й гвардейской СД дивизии командовал 1-м стрелковым батальоном 174-го гвардейского стрелкового полка. Участвовал в форсировании Днепра на его излучине в районе Вороново-Войсковок, между Днепропетровском и Запорожьем.

В ночь на 30 сентября 1-й стрелковый батальон в составе 174-го гвардейского СП под огнем врага переправился через Днепр и сходу вступил в бой по расширению плацдарма. 23 октября во время наступления на село Войсковое - был тяжело ранен в бедро правой ноги.

На излечении находился в военном госпитале № 32 (г. Красный лиман).

Когда 37-я армия 3-го Украинского фронта 23-го февраля 1944 г. освободила Кривой Рог и начала развивать наступление на Вознесенск, я прибыл в Днепропетровск и готовился к отправке на фронт.

В штабе 37-й армии, в начале апреля в г. Вознесенске, я получил назначение на должность командира стрелкового батальона в 282-й гвардейский стрелковый полк 92-й гвардейской Криворожской Краснознамённой стрелковой дивизии. Приняв от раненого майора Перевалова 1-й стрелковый батальон, я участвовал в боях за освобождение Тирасполя, при форсировании Днестра, захвате и расширении Кицканского плацдарма. Всю весну и лето 1944 года 92-я гвардейская Криворожская СД оборонялась на правом берегу Днестра, южнее Бендеры, а с 20 августа участвовала в Яско-Кишиневской операции.

В ночь на 10 апреля 1944 г. 92-я гвардейская Криворожская Краснознаменная стрелковая дивизия после упорных боев за Раздельную прорвала оборону противника на реке Кучурган и к полудню 11 апреля вышла на восточный берег Днестра, на подступы к Тирасполю.

В соответствии с замыслом Командующего 37-й армии генерала Шарохина 92-я гвардейская СД 57-го стрелкового корпуса совместно с 188-й стрелковой дивизией 82-го стрелкового корпуса должна была овладеть городом Тирасполь.

Боем войсковых частей на подступах к Днестру и разведкой всех видов было установлено, что основные силы потрепанных на реке Кучурган 15-й, 257-й и 258-й пехотных дивизий противника отходили в направлении Тирасполь - Бендеры. Левее на участке Карагаш, Слободзея Молдаванская отступали арьергарды и тылы этих дивизий, а также Румынские отряды.

Задачу на форсирование Днестра сходу и захват плацдарма на его правом берегу наша 92-я СД получила заблаговременно, еще на рубеже Раздельная, когда уничтожались прорвавшиеся из-под Одессы части противника.

Около пяти дней штабы дивизии и полков по картам, по военно-географическому описанию, по донесениям войсковой и инженерной разведки, опросам местных жителей и пленных изучали прилегающую к Днестру местность, свойства, характер реки и подступы к ней.

В 21 час 11 апреля 92-я гвардейская СД гвардии полковника Матвеева совместно с двумя правофланговыми полками 188-й СД, увязав свои действия, возобновили наступление. В 24 часа части 188-й СД прорвались в Колкотову балку и Суклею и завязали там уличные бои.

Выполняя поставленную задачу части 28-й и 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии на плечах противника ворвались в Карагаш и Слободзею Молдаванскую, завязали уличные бои и к 22 часам 11 апреля полностью очистили эти пункты от врага и преступили к форсированию Днестра.

К 3-м часам ночи 12 апреля совместным ночным штурмом части 92-й гвардейской Криворожской СД и 188-й СД освободили город Тирасполь.

К рассвету 92-я гвардейская Краснознамённая СД целиком выдвинулась на восточный берег Днестра в районе Терновки и стала готовиться к форсированию. После тщательной разведки подступов к реке, изучения противника и подготовки подручных материалов, рыбацких лодок и других средств для переправы, была проведена командирская разведка во всех звеньях полка и батальона.

Форсирование Днестра 282-й гвардейский СП проводил в районе его излучины южнее Тирасполя во второй половине дня 12 апреля на рыбацких лодках, плотках и подручных средствах.

К 21.00 часу полк захватил небольшой плацдарм севернее Меренешты и приступил к его расширению в направлении г. Бендеры. Прикрывавшие берег румынские подразделения были отброшены на запад. К 22 часам 12 апреля части 188-й СД завязали бой в районе Кицканы и совместно с подоспевшими частями 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии выбили противника из Кицкан.

Однако бои за расширение плацдарма пришлось вести нашими войсками еще целых полмесяца. С 12 по 27 апреля на плацдарме ни на минуту не утихали ожесточенные бои.

282-й гвардейский СП под командованием смелого, храброго и решительного командира полка гвардии подполковника Студеникина Василия Евстегнеевича имел задачу - наступая вдоль шоссеиной дороги очистить правый берег Днестра и овладеть северо-восточной окраиной Плавни.

Правый берег Днестра, поросший сплошь фруктовыми садами, способствовал противнику скрытно маневрировать живой силой и огневыми средствами, а также производить внезапные контратаки.

Оказывая упорное сопротивление, немцы цеплялись за каждый дом, высоту, за каждую складку местности. 1-й стрелковый батальон, которым я тогда командовал, наступал вдоль берега Днестра на правом фланге полка.

Засевшие в бетонированных подвалах и окопах немецко-фашистские молодчики оборонялись упорно и фанатично. Продвигаясь вдоль берега метр за метром и преодолевая упорнее сопротивление врага, наш полк, примерно 20 апреля овладел северо-восточной частью Плавни в 1-1,5 километрах южнее г. Бендеры. К вечеру того же дня ко мне на батальонный наблюдательный пункт прибыл подполковник Студеникин. Коротко ознакомившись на местности с обстановкой, он отдал приказ на наступление.

1-му стрелковому батальону с батареей ИПТД, взводом САУ-76, отделением сапёров при поддержке 3-го гаубичного артдивизиона (командир дивизиона гвардии капитан Смерж) и минометной батареей полка было приказано ночной атакой выбить противника из опорного пункта в саду, северо-восточнее Плавни и закрепиться на захваченном рубеже.

Я решил атаковать противника внезапно, без артиллерийской подготовки и без криков «Ура». Время атаки «Ч» было назначено на 23 часа вечера.

В назначенное время роты со средствами усиления, используя закрытую местность, двинулись по моему сигналу на рубеж атаки. Для оборонявшихся немецких подразделений наш скрытый маневр оказался неожиданным. Атакующие роты 1-го батальона без крика «ура» ворвались в траншею противника. Попытки немцев огнем и контратаками восстановить утраченные позиции успеха не имели. Быстро были подтянуты и установлены на новых позициях огневые средства: станковые пулеметы, орудия прямой наводки и минометная рота.

К утру батальон закрепился, была организована круговая оборона, велось усиленное наблюдение за противником. Однако к утру немцы опомнились, активизировали свои действия и, подтянув за ночь свежие силы и средства, немецкое командование бросило в контратаку против 1-го стрелкового батальона до батальона пехоты при мощной поддержке артиллерии, минометов и 4-х танков «Тигр».

Первая попытка немецких автоматчиков по ходам сообщения прорваться в траншею, где закрепились наши подразделения, была успешно отбита в рукопашной схватке бойцами 2-й стрелковой роты гвардии лейтенанта Вишневецкого.

Его танки, используя складки местности и сад, медленно ползли вперед, за ними цепью в полный рост передвигалась пехота, ведя огонь на ходу. По противнику был открыт уничтожающий огонь из всех огневых средств батальона. Пулеметчики роты старшего лейтенанта Филиппа Лобжанидзе прижали немецкую пехоту к земле, отсекая ее от танков. Большой урон наступающим гитлеровцам нанесли батальонные минометчики роты старшего лейтенанта Ивана Стрижко.

Танки, остановившись, прямой наводкой с дистанции 150-200 метров в упор вели огонь по брустверам наших окопов. Шел тяжелый огневой бой. По фашистским танкам открыла огонь наша САУ-76, но вскоре она была выведена из строя. Из района Бендер вражеская артиллерия наносила удары по боевым порядкам 282-го гвардейского стрелкового полка.

1-й стрелковый батальон нес значительные потери. Несколько раз немецкие автоматчики контратаковали вслед за танками позицию нашего батальона, но каждый раз гвардейцы упорно оборонялись, отбивали вражеские контратаки с большими для него потерями.

Огневой бой продолжался. Фашистские танки подошли вплотную к нашим окопам. Потери росли с нашей стороны, многие пулеметные расчеты были выведены из строя. Тогда офицеры Лобжанидзе, Батеха, Божко смело легли за пулеметы и били ненавистного врага. В разгар боя на передний край нашей обороны прибыли командир 282-го гвардейского СП подполковник Студеникин Б. Е., который личным примером воодушевлял солдат, сержантов и офицеров стоять на смерть.

В этом бою никто не дрогнул, ни один солдат не отошел с занимаемого рубежа, исключительное мужество, упорство и самообладание показал в бою личный состав батальона.

Все попытки врага сбросать гвардейцев в Днестр - закончилась про-

валом. Отбитый у врага опорный пункт был удержан и стал передним краем обороны 1-го стрелкового батальона на все лето 1944 г.

27 апреля в соответствии с приказом командира дивизии наш полк перешел к жесткой обороне.

С переходом к обороне 92-я гвардейская стрелковая дивизия гвардии полковника Матвеева вошла в состав 82-го корпуса генерал-майора Кузнецова.

Для обороны всей низины с передним краем от Плавней до Киркаешты протяжением 8 км и в глубину 6 км, до Кицканских высот командир корпуса оставил две дивизии (92-ю и 28-ю СД) и одну дивизию во втором эшелоне в районе Кицкан.

На правом фланге 92-й гвардейской стрелковой дивизии, южнее г. Бендеры в 1-1,5 километрах занимал оборону 282-й гвардейский стрелковый полк, седлая шоссе, идущее из Меренешты на Бендеры. Правый фланг 1-го стрелкового батальона непосредственно упирался в Днестр, а левый примыкал к 4-ой стрелковой роте 2-го стрелкового батальона, которой командовал гвардии старший лейтенант Макрушин Василий Васильевич - смелый и отважный офицер. Вторым батальоном тогда командовал майор Истомин - бывший моряк (в первых числах мая был ранен и отправлен в госпиталь). На этом рубеже фронт стабилизировался.

С переходом к обороне в подразделениях полка развернулись в невиданных до сих пор масштабах инженерные работы по закреплению захваченного плацдарма, шла боевая подготовка с личным составом /особенно с офицерами/, производилось боевое сколачивание подразделений.

В нашем батальонном районе обороны на первой позиции (в 1-м эшелоне полка), занимавшем по фронту до 800 метров, и в глубину до 1000 метров, были отрыты четыре траншеи полного профиля, оборудованные ячейками для стрелков, основными и запасными огневыми позициями для пулеметов, минометов, орудий прямой наводки, бойницами для снайперов, подбрустверными нишами, блиндажами для отдыха личного состава и хранения боеприпасов.

Все траншеи были соединены между собой широко развитой системой ходов, сообщений. К началу июня в каждой роте и батарее были оборудованы красные уголки, наблюдательные пункты с укрытиями в 2-3 наката от огня противника.

Мой основной батальонный НП, оборудованный в районе 2-й траншеи, (150-200 метров от переднего края), справа от шоссе, был признан командиром дивизии полковником Матвеевым образцовым.

Рядом с моим НП располагался НП командира третьего гаубичного артдивизиона гвардии капитана С. Смерж, который все лето огнем подерживал 1-й батальон в обороне на занимаемом рубеже.

С капитаном С. Смержем у нас было установлено четкое взаимодействие. Были спланированы огни: »НЗО», «ПЗО», «С0» на случай внезапного нападения противника. Мои заявки на открытие огня артиллеристы капитана Смержа выполняли исключительно быстро, и умело подавляли

цели. Только в 1-ом батальоне было построено для круговой обороны более 10 ДЗОТов. Каждый ДЗОТ был заминирован управляемыми минами натяжного действия.

На дне 1-й и 2-й траншей глубоко в землю были зарыты управляемые фугасы и мины. Рядом с моим НП в бетонированном подвале дежурили у пульта два полковых сапера, готовых по моей команде взорвать траншеи в случае их внезапного захвата врагом.

Об этом знали только три человека: полковой инженер, командир полка подполковник Студеникин и я. В центре района обороны 1-го батальона был развернут в подвале разбитого дома батальонный пункт медицинской помощи, который возглавляла фельдшер гвардии старший лейтенант А. Бекетова и медсестра Люба Мазурова.

Перед первой и второй траншеями батальонного района обороны были установлены минные поля, проволочные заграждения, рогатки, ежи, а так же малозаметные препятствия. Для борьбы с танками врага был оборудован противотанковой опорный пункт. Связь штаба батальона с ротами осуществлялась по телефону и при помощи световых и звуковых сигналов, со штабом полка по телефону и радио. Примерно в 2000 метрах от переднего края располагались подразделения обслуживания батальона: взвод снабжения во главе с лейтенантом Аксюткиным и отделение боепитания, которым командовал старший сержант Дерфель.

Питание личного состава было организовано 2-х разовое (утром и вечером) путем подвоза в походных кухнях горячей пищи до специально оборудованного в районе второй траншеи пункта.

Здесь в укрытии от огня противника располагались кухни, и проводилась раздача пищи в термоса старшинам рот и батарей, которые разносили ее по своим подразделениям.

Кроме того в тылу была оборудована батальонная баня. Личный состав батальона повзводно каждые 10 дней мылся в бане и менял белье.

Возвращаясь назад, хочу напомнить, что пополнение подразделений полка и 1-го стрелкового батальона личным составом было проведено в период с 10 по 30 мая. В это же время мы получили новые 57 мм противотанковые пушки вместо 45 мм устаревших, а также 12 станковых пулеметов «Горюнова» в пулемётную роту вместо пулеметов системы «Максим». Роты 1-го стрелкового батальона были укомплектованы на 90-95%.

Большую партийно-политическую работу среди личного состава батальона вели мой заместитель по политчасти гвардии капитан Семенов и парторг батальона гвардии старший лейтенант Тафа Мухамеддулин.

В этот период большую работу провел штаб батальона во главе с начальником штаба гвардии старшим лейтенантом Василием Божко. Мой заместитель по строевой части Герой Советского Союза гвардии капитан Батеха Василий много внимания уделял организации системы огня в обороне и обучению снайперов.

В первых числах июня командир 82-го корпуса генерал Кузнецов провёл на базе района обороны 1-го батальона инструкторско-методические занятия с командирами стрелковых и пулемётных рот всего корпуса.

Район обороны 1-го стрелкового батальона 282-го гвардейского СП был признан лучшим в полку. За умелую организацию непреступной обороны на Кицканском плацдарме южнее г. Бендеры всему личному составу 1-го стрелкового батальона командир корпуса генерал Кузнецов объявил благодарность.

Перед фронтом батальона оборонялись немецкие подразделения и подразделения предателей Родины - власовцев. Первая траншея противника проходила в саду за противотанковым рвом в 40-50 метрах от нашей траншеи (на правом фланге батальона). Потом немецкая траншея удалялась на 100-150 метров вглубь его обороны.

До июня 1944 г. немцы имели над нами огневое превосходство. После того, как полк уверенно закрепился на плацдарме, организовал систему огня, оборудовал свой район обороны в инженерном отношении, пополнился личным составом, вооружением, техникой и боеприпасами до полного штата, наши возможности бить врага намного увеличились. С этого времени огневая инициатива перешла в руки советского командования.

Пользуясь преимуществом, мы часто уверенно открывали залповый огонь по врагу из всех огневых средств, сосредотачивали его по важным участкам обороны, подавляли живую силу и огневые средства.

Чтобы завладеть огневой инициативой, каждый стрелок 1-й траншеи нашей обороны должен был в течение суток расстрелять 120 патронов, а пулемётчики и автоматчики по несколько лент или дисков.

Мы заставили немцев больше молчать. Однако разведка с обеих сторон велась активно и непрерывно. Несколько раз немецкие полковые группы на лодках пытались высадиться в тылах 1-го стрелкового батальона. Но каждый раз они уничтожались, не доплыв до берега.

Были попытки захвата наших огневых средств на переднем крае, но также безуспешные. Личный состав батальона нес службу в обороне бдительно, и умело отражал всякие попытки врага выбить нас с занимаемых позиций или захватить «языка».

В апреле 1944 г. в наш батальон был назначен на должность командира пулемётной роты гвардии старший лейтенант Лобжанидзе. С первых дней боевой службы он показал себя волевым, честным, исполнительным и храбрым офицером. 92-я гвардейская СД после упорных боев за Кривой Рог, Вознесенск и Тирасполь устремила к Днестру. Наш 282-й гвардейский СП вел ожесточенные бои с превосходящими силами врага за захват и удержание плацдарма. Пулемётчики роты старшего лейтенанта Лобжанидзе на лодках, под огнем врага высадились на правый берег Днестра и совместно с батальоном несколько дней сдерживали натиск немцев, пытавшихся непрерывными атаками сбросить наш батальон в реку. Темной июльской ночью группа фашистских головорезов внезапно напала на пулемётный расчет, ворвалась в нашу траншею. В

короткой рукопашной схватке погибли два советских солдата. Но фашисты заплатили за это дорогую цену. Воины под командованием Ф. Лобжанидзе и А. Ажуралиева в рукопашной схватке уничтожили 15 немецких разведчиков.

Спустя неделю эти же бойцы выследили стоявший на переднем крае немецкий пулемет, подползли под покровом темноты и, набросив на пулемет противника веревку, перетащили его через линию фронта. После войны гвардии капитан Филипп Яковлевич Лобжанидзе жил и работал военруком в средней школе села Орджоникидзе Лагодехского района Грузинской ССР. В этом селе он 46 лет проработал директором школы.

Когда наши подразделения на плацдарме пополнились и окрепли, стали выводить вторые эшелоны за Днестр для более глубокой полевой подготовки. Так в начале августа на полях Слободзеи Молдавской в 10-15-ти километрах восточнее Днестра начались батальонные учения 92-й дивизии, выведенной на подготовку к наступательным боям.

По распоряжению командарма 37 армии генерала Шарохина был подготовлен оборонительный район по типу противостоявшей нам на плацдарме вражеской обороны. С траншеями, заграждениями, долговременными огневыми точками, обсеченными позициями. Траншеи были заполнены чучелами. Через эту оборонительную полосу после предварительной тренировки пропускался каждый стрелковый батальон.

Атака пехоты и танков на глубину первой позиции сопровождалась огненным валом. Батальонным учениям большое внимание уделяли командарм и командующий 3-м У.Ф, генерал армии Ф.И.Толбухин.

Они были на учебном поле почти ежедневно. При проведении учения с 1-м стрелковым батальоном 282-го гвардейского стрелкового полка во время постановки мною задач и организации взаимодействия, а также в период наступления присутствовал командарм Шарохин.

Он дал мне вводную. Я быстро принял решение в соответствии с обстановкой и отдал распоряжение командиру минометной батареи полка на отражение вражеской контратаки.

Комбат быстро подал команду на открытие огня. Цель была накрыта. Командующему это понравилось. Затем он взобрался на стрельбищную вышку и наблюдал оттуда за атакой батальона и огненным валом, а после «прорыва обороны» внимательно подсчитывал пробоины, определяя действенность артиллерийского и пехотного огня.

Генералы Ф. И. Толбухин и М. Н. Шарохин часто беседовали с бойцами, офицерами и были любимыми и уважаемыми военачальниками.

После 15 августа началась подготовка к наступательным боям, рекогносцировка и организация взаимодействия в звене командира полка и командиров батальонов, а в последующие 3 дня до начала операции была произведена перегруппировка войск.

Все рекогносцировки офицерского состава и перегруппировка войск производилась в условиях тщательной маскировки, в строжайшей тайне. Противник и не подозревал, что над ним нависли грозные тучи.

За несколько дней и ночей на Кицканский плацдарм были стянуты огромные массы войск и боевой техники. Отсюда готовился по врагу мощный удар.

К утру 20 августа наша 92-я гвардейская СД была сосредоточена в садах южнее Кицкан. Задачи сержантскому и рядовому составу были поставлены на наступление с 7 до 8.00 20 августа.

Ровно в 8.00 часов воздух потряс мощный артиллерийский залп. Начался огневой налет. Ровно один час 45 минут продолжалась артподготовка. На 18 -километровом участке главного удара 3-го Украинского Фронта было сосредоточено 4328 орудий и минометов, т.е. 240 орудий на 1 километр прорыва, огромная масса танков. О таких масштабах мы раньше не могли и мечтать! На каждое орудие и миномет на день боя было выложено 2 боекомплекта. Так выросли наши материальные возможности.

В 9.45 плацдарм содрогнулся от мощного «Ура». Началась атака, сопровождаемая огненным валом.

3-й Украинский фронт имел задачу - прорвать оборонительную полосу противника и, стремительно развивая свой основной удар на запад вдоль Траянова вала (древнегреческого военного укрепления), выдвинуться на реку Прут и там войти в соприкосновение с войсками 2-го Украинского фронта.

Войска 2-го Украинского (генерала армии Малиновского) прорывали оборону противника между реками Серет и Прут и устремлялись вперед на Васлуй и Хуши, чтобы на реке Прут в районе Леово и севернее в свою очередь соединиться с войсками 3-го Украинского фронта. Цель - окружение и разгром всей вражеской группировки, сосредоточенной в районе Яссы, Кишинев, Бендеры. В итоге первого дня операции немецко-румынский фронт был прорван в полосе шириной до 40 км и на глубину до 10-12 км.

К исходу дня армия Шарохина встретила на подступах ко второй полосе в районе Каушаны, Ермаклия ожесточенное сопротивление 13-й танковой дивизии, которую командующий 6-й немецкой Армией в первый же день бросил в бой. Танковые части переходили в яростные контратаки.

С рассветом 21 августа начался ввод в прорыв подвижной группы (7-й механизированного корпуса), наша дивизия двинулась вслед за ним. К исходу второго дня наша дивизия продолжала двигаться на запад, не имея соприкосновения с противником. Дивизия шла в первом эшелоне корпуса, а 282-ой гвардейский полк в авангарде дивизии.

Впереди по маршруту: Леонтина, Ермаклия, Токуз, Тараклия, Гура-Галбена двигался высланный командиром корпуса подвижный отряд в составе стрелкового батальона, артдивизиона и саперной роты.

22 и 23 августа войска 6-й немецкой армии под ударами наших войск

отходили на запад. Армия Шарохина, в том числе и наша 92-я гвардейская Криворожская Краснознаменная стрелковая дивизия вели параллельное преследование противника севернее Траянова вала.

23 августа Королевская Румыния капитулировала. Свергнув ненавистную фашистскую диктатуру, румынский народ повернул оружие против гитлеровцев.

24 августа войска 3-го и 2-го Украинских фронтов соединились на переправах через Прут и завершили окружение Кишиневской группировки немецко-фашистских войск.

37-я армия генерал-лейтенанта Шарохина вступила в ожесточенные бои по уничтожению окруженного врага. С 24 августа наш 282-ой гвардейский стрелковый полк принял участие в боях по уничтожению окруженной группировки фашистов.

Из района Чимишлия 92-я гвардейская СД повернула направо и развила наступление на север, наперерез отходящим вражеским колоннам. Осью наступления являлась небольшая река Кагильник и село Гура Галбена. 92 гвардейская СД развернулась восточнее реки и около 12 часов дня вошла в соприкосновение с противником. Упорные бои развернулись в полосе 28-ой гвардейской СД за населенный пункт Сагайдак и примыкающие к нему высоты. Здесь противник предпринял первую попытку прорвать наш фронт и выйти из окружения. Однако 28-я гвардейская СД с помощью 276-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковника Симонова (из дивизии Матвеева) выбила противника из Сагайдака. До вечера на этом направлении враг предпринял шесть контратак, но разорвать кольцо и пробиться на Градешты и Чимишлию гитлеровцам так и не удалось. Более успешно наступление развивалось в полосе 92-й гвардейской СД.

Примерно в 12 часов 24 августа на безымянной высоте южнее Галбеница, командир нашего полка подполковник В. Е. Студеникин отдал боевой приказ на наступление командирам батальонов, средств усиления и на местности увязал вопросы взаимодействия.

282-й гвардейский СП имел задачу, развернувшись в боевой порядок наступать в северном направлении, овладеть Галбеницей, в последующем - захватить важную в тактическом отношении высоту между Гура-Галбеной и Галбеницей и не допустить прорыва отходящих гитлеровских частей в западном направлении.

1-му стрелковому батальону было приказано наступать в центре боевого порядка полка, огнем и атаками уничтожать на высотах заслоны противника, овладеть центром Галбеница. В последующем решительной атакой в тесном взаимодействии с 2-м и 3-м стрелковыми батальонами полка уничтожить противника на безымянной высоте северо-восточнее Галбеница, закрепиться фронтом на восток и жесткой обороной не до-

пустить выхода противника из окружения. Батальон поддерживал гаубичный артиллерийский полк. Справа наступал 3-й стрелковый батальон гвардии капитана Петра Абалмасова, слева – 2-й стрелковый батальон гвардии майора Павла Голубева.

К вечеру, подразделения полка в жестокой схватке овладели четырьмя опорными пунктами врага, и продвинувшись с боями до 9 километров, вышли на скаты высот северо-восточнее Галбеница, где были скованы огнем противника, со стороны Митрополита и Драскеря. Штаб, и командир полка В. Е. Студеникин расположились в 1500 метрах за боевым порядком 1-го стрелкового батальона. Расположившись на безымянных высотах батальоны полка, поспешно окопавшись, организовали систему огня и наблюдения, уточняли взаимодействие и готовились к отражению контратак. Первый стрелковый батальон располагался в первом эшелоне. 1-я стрелковая рота со средствами усиления занимала район обороны слева на скатах, прикрывая дорогу на стыке со 2-м стрелковым батальоном, 2-я стрелковая рота оборонялась справа. 3-я стрелковая рота без одного взвода прикрывала высоту с тыла. Батальонный резерв: взвод автоматчиков, стрелковый взвод, два станковых пулемета и один ротный пулемет был расположен в районе НП батальона между 2-й и 3-й траншеей ближе к вершине высоты в готовности наносить контратаки в любом направлении.

Приданная противотанковая артиллерийская батарея была установлена на танкоопасном направлении слева у дороги. Пулеметная рота повзводно расположилась для поддержки стрелковых рот. Минометная рота окопалась на западных скатах высоты.

Рядом с моим НП расположились заместитель командира поддерживающего артиллерийского полка с радиостанциями и командир ИПТБ полка.

1-й стрелковый батальон имел следующий боевой и численный состав: три стрелковых роты по 105-107 человек, пулеметная рота - 12 станковых пулеметов системы Горюнова, минометная рота: 9 - 82 мм батальонных минометов, артиллерийская батарея имела 4 - 57 мм противотанковые пушки, взвод противотанковых ружей - 4 ружья системы Симонова, истребительная противотанковая батарея: 4 - 76 мм полковые пушки, взвод сапер с комплектом мин, взвод связи. Батальон имел личного состава около 550 человек.

С батальонного НП хорошо было видно, как от Резен на юг, в направлении Сагайдака, и на юго-запад, в направлении на Галбеницу, тянулись нескончаемым потоком отходящие вражеские колонны.

Но путь на Сагайдак-Чимишлию был для них закрыт и, поэтому выйдя на рубеж железной дороги у станции Злата, колонны поворачивали строго на запад.

Расстояние от НП до противника достигало 1,5-2 километра. Артиллерийский полк наносил массированные удары по колоннам. Но противник расчленился в более мелкие группы и продолжал движение на запад. Вот колонна врага до двух батальонов мотопехоты с бронетранспортерами и зенитными пушками, установленными для стрельбы по наземным целям - «мясорубками», как их называли солдаты, 5-ю самоходными орудиями, подойдя на 700-800 метров к нашим позициям перешла мостик через небольшой ручей и развернулась в боевой порядок.

С расстояния 500 метров немецкие зенитки и крупнокалиберные пулеметы открыли огонь по нашему переднему краю. Самоходки врага, прячась за складки местности, медленно ползли вперед, за ними шли автоматчики, ведя огонь на ходу.

Боеприпасов у нас было до 2-х боекомплектов, но мы решили подпустить врага еще ближе. Первыми ударили по врагу артиллеристы гаубичного полка и минометная рота. Они поставили неподвижно-заградительный огонь впереди наступающей цепи.

Четко заработали станковые пулеметы нашей обороны. Несколько выстрелов произвели по самоходкам врага полковые пушки, одна самоходка и бронетранспортер были подбиты.

Враг был остановлен. Тогда самоходные орудия врага, пятясь назад, скрылись за скатами холма.

Понеся потери от огня нашей артиллерии, немцы залегли, и стали поспешно зарываться в землю. Перед вечером немцы предприняли еще две контратаки на стыке 1-го и 2-го стрелковых батальонов, нанося главный удар вдоль дороги. В этот раз наступало до усиленного полка при мощной поддержке артиллерии. Атаку немцев сопровождали самоходки и зенитные пушки. Врагу удалось, ценой больших потерь подойти к переднему краю 1-го и 2-го батальонов на 150-200 метров. Скованный огнем всех средств нашей обороны противник закрепился и готовился к ночной атаке.

Примерно в 20.00 к телефону меня вызвал командир полка. Я доложил обстановку, гвардии подполковник Студеникин подтвердил свой приказ: «Любой ценой удержать высоту, обратить особое внимание на стык с левым соседом 2-м стрелковым батальоном и дорогу, по которой немцы пытаются вывести свою технику. После этого я усилил оборону вдоль дороги. Весь батальон готовился к отражению новых попыток врага - вырваться из кольца, серьезно готовились к бою и подразделения 2-го и 3-го батальонов.

Ночью, произведя перегруппировку, немецкое командование решило во чтобы то ни стало вывести свои войска на запад. Примерно в 1 час ночи 25 августа без артподготовки немцы внезапно атаковали наши боевые порядки слева на стыке 1-й и 3-й стрелковых рот силой до пехотного

батальона и слева вдоль дороги на участке 2-го батальона силами до пехотного полка нанесли главный удар. Имея большое численное превосходство в живой силе, врагу удалось на нескольких участках вклиниться в нашу оборону. Но гвардейцы 1-го и 3-го батальонов в рукопашной схватке огнем, прикладами и контратаками выбили врага из окопов. При этом только в районе обороны 2-й роты немцы оставили 47 трупов, 2 орудия и 7 пулеметов МГ-42.

Во время боя 2-й стрелковой роты упорно и храбро сражались пулеметчики гвардии старшего лейтенанта Филиппа Лобжанидзе. В рукопашной схватке Лобжанидзе лично из пистолета убил 3-х фашистов, пытавшихся захватить станковый пулемет, четвертого - пристрелил пулеметчик расчета. Внезапно фашистский ефрейтор набросился на Лобжанидзе. Только сила, сноровка и хладнокровие спасли старшего лейтенанта, ставшего победителем в смертельной схватке с врагом.

Огнем всех средств и смелыми действиями бойцов и командиров 1-ой стрелковой роты во взаимодействии с контратакой батальонного резерва успешно была отбита ночная атака и на стыке с левым соседом. Однако немцам удалось потеснить подразделения 2-го батальона, которые по приказу Студеникина отошли на два километра и закрепились на высоте.

В эту же ночь гитлеровцы прорываясь, атаковали Сагайдак и Гура-Галбену. В Гура-Галбену ворвались более 1000 фашистов с артиллерией и минометами, потеснив советские подразделения.

В полосу 92-й гвардейской СД на узком фронте вклинилось до 4-х полков пехоты при поддержке 40 танков и самоходок. Был смят и отброшен к югу, не успевший закрепиться 280-й гвардейский стрелковый полк.

В ночных схватках с врагом героически погиб его отважный командир гвардии подполковник Батулин. На участке 282-го гвардейского стрелкового полка обстановка усложнилась. К утру немецкие подразделения блокировали 1-й и 2-й стрелковые батальоны частью сил, а основными колоннами стали прорываться на запад, обходя наши 1-й и 3-й батальоны.

Но ни одному фашисту не удалось уйти безнаказанно. К вечеру враг был разбит, наши войска опять заняли Сагайдак и Гура-Галбену. После отхода 2-го стрелкового батальона с занимаемых позиций, немцы обойдя 1-й стрелковый батальон слева, вышли в тыл полка и атаковали штаб и подразделения обслуживания полка.

Под напором превосходящих сил штаб и командир полка Студеникин отошли ко 2-му стрелковому батальону. Полк оказался расчленен на две части. Впереди, занимая жесткую круговую оборону - насмерть стояли подразделения 1-го и 3-го батальонов, а западнее остальные подразделения полка.

С пяти часов утра всякая связь с полком была потеряна. Телефонная связь была прервана, а радиостанции были выведены из строя в ночном бою осколками снарядов. Быстро таяли боеприпасы, на одни сутки осталось продовольствие (суточный паек «НЗ»).

В этих условиях гвардейцы 1-го и 3-го батальонов еще 3-е суток удерживали высоту, они ежедневно отбивали по 5-7 атак превосходящих сил врага. Но не дрогнули и не отступили ни на шаг.

Между мною и командиром 3-го батальона гвардии капитаном Абалмасовым в течение всего боя было полное взаимодействие и взаимовыручка. Часто огнем и контратаками мы помогали друг другу в отражении натиска врага.

К вечеру 27 августа, израсходовав все боеприпасы и продовольствие, 1-й и 3-й батальоны решительной атакой прорвались в район Гура-Галбена, где и соединились с подразделениями 282-го гвардейского полка. Командование полка, дивизии и корпуса, считавшие, что 1-й и 3-й батальоны полностью были разгромлены и уничтожены фашистами в неравном бою - были крайне удивлены и обрадованы нашему возвращению с поля боя победителями.

Меня и Абалмасова на машине привезли в штаб 92-й гвардейской СД, где нас поздравил полковник Матвеев, поблагодарил за блестящее выполнение боевого задания командования и приказал всех отличившихся в боях солдат, сержантов и офицеров представить к правительственным наградам.

Исключительное мужество, храбрость, отвагу и воинское мастерство показал в прошедших боях личный состав 1-го стрелкового батальона.

Только в 4-х дневных боях на высоте, северо-восточнее Галбеницы 1-й батальон уничтожал и пленил более 500 фашистских молодчиков. Нами было захвачено и разгромлено много орудий и боевой техники. В Яско-Кишиневской операции по уничтожению окруженной немецкой группировки, особенно храбро сражалась за свободу и независимость нашей Родины: командир пулеметной роты 1-го батальона старший лейтенант Ф. Лобжанидзе, командир минометной роты старший лейтенант Иван Стрижко, командир пулеметного взвода лейтенант А. Ашуралиев, мой заместитель по строевой части Герой Советского Союза капитан Василий Батеха, парторг батальона старший лейтенант Мухамеддулин Гафа, автоматчик ефрейтор Федор Барышев, старший сержант Дерфель и многие другие. 84 воина 1-го батальона за героизм, мужество и умелое выполнение задания командования были удостоены высоких правительственных наград.

Не могу не вспомнить добрым словом командира Василия Макрушина. Волевой и храбрый в бою офицер, постоянно держал локтевую связь с 1-м батальоном, умело управлял боем в самой сложной обстановке.

Храбро, с особой отвагой и героизмом дрался с врагами Петр Абалмасов - командир 3-го батальона, хладнокровный и опытный кадровый офицер - был любимцем своих воинов и грозой для фашистов.

И наконец, весь личный состав полка глубоко уважал и любил своего командира гвардии подполковника Василия Евстегнеевича Студеникина. Он был строгим, справедливым и заботливым командиром, чутко относился к нуждам солдат и офицеров и всегда являл собой в бою образец мужества, храбрости, стойкости и решительности.

За умелое руководство боевыми действиями стрелкового батальона по разгрому немецко-фашистской группировки в Яско-Кишиневской операции и проявленное при этом мужество, отвагу, стойкость и героизм командир 3-го стрелкового батальона капитан Абалмасов был награжден орденом «Александра Невского». Этой же награды был удостоен и я.

Для нашей дивизии Яско-Кишиневская операция явилась поистине школой мужества и героизма. Полкам больше не пришлось участвовать в крупных операциях. После 27 августа мы устремились к Дунаю и наступали вглубь Румынии и к границам Болгарии.

Почти четверо суток в окружении, без сна и покоя, ни на минуту не смыкая глаз, с полным напряжением моральных и физических сил гвардейцы 1-го и 3-го батальонов 282-го гвардейского стрелкового полка упорно и стойко обороняли безымянную высоту на далекой молдавской земле северо-восточнее Галбеницы.

Под ураганным огнем непрерывно контратакующих превосходящих сил врага, пытавшегося вырваться из окружения, без воды, пищи и при недостатке боеприпасов - они храбро стояли насмерть и до конца выполнили военную присягу и свой воинский долг.

В этих боях солдаты, сержанты и офицеры 282-го полка совершили подвиг, достойный восхищения. До сих пор я с восторгом, гордостью и благодарностью вспоминаю наш полк, свой первый батальон, храбрых солдат и славных офицеров, с которыми мне пришлось пройти нелегкий боевой путь в годы Великой Отечественной войны от Тирасполя до Бургаса.

Гвардии подполковник в отставке - Спесивцев Николай Владимирович, г. Харьков, 25 ноября 1980 г. (Из фондов Бендерского историко-краеведческого музея. Публикуется впервые).

Глава 6. Итоги и значение Яско-Кишинёвской наступательной операции

В апреле 1944 г. в результате успешного наступления на правобережной Украине войска 2-го Украинского фронта вышли на рубеж гг. Яссы – Оргеев и перешли к обороне. Войска 3-го Украинского фронта вышли на реку Днестр и захватили на ее западном берегу несколько плацдармов. Этим фронтам, а также Черноморскому флоту и Дунайской военной флотилии была поставлена задача провести Яско-Кишиневскую стратегическую наступательную операцию с целью разгрома крупной группировки немецких и румынских войск, прикрывавшей балканское направление.

В ходе Яско-Кишиневской стратегической наступательной операции (20 - 29 августа 1944 г.) войск 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с силами Черноморского флота была разгромлена немецкая группа армий «Южная Украина», прикрывавшая балканское направление, завершено освобождение Измаильской области Украины, Молдавской ССР и выведена из войны Румыния.

Яско-Кишиневская операция – одна из крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций вооруженных сил СССР. В ее ходе за короткий срок полностью была разгромлена группа армий «Южная Украина», уничтожено 22 немецкие дивизии, разгромлены почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. Немецкая оборона на южном крыле советско-германского фронта рухнула.

Разгром советскими войсками основных сил группы армий «Южная Украина» лишил гитлеровцев и правительство Антонеску их главной вооруженной опоры, создал благоприятные условия для свержения фашистского режима в Румынии и вывода её из войны на стороне Германии. Уже в ходе Яско-Кишинёвской наступательной операции, после победы вооруженного восстания в Бухаресте 23 августа, советские войска начали осуществлять взаимодействие с войсками Румынии, перешедшей на сторону антигитлеровской коалиции. Румыния вышла из войны на стороне Германии и 24 августа объявила ей войну.

Поражение немецких войск создало благоприятные условия для глубокого охвата всего южного крыла стратегического фронта Германии. Для советских войск открылись пути в Болгарию, Венгрию, Появилась возможность оказания непосредственной помощи союзной Югославии. Возникли благоприятные условия для развертывания борьбы против нацистских поработителей в Албании и Греции.

По сравнению с другими операциями на окружение периода Великой Отечественной войны в Яско-Кишиневской операции фронты не распыляли свои усилия по главным и вспомогательным направлениям, а каждый из них вначале осуществлял один, но чрезвычайно мощный удар. Вспомогательные же удары наносились только после прорыва обо-

роны на главном направлении с использованием уже образовавшейся брешы для расширения фронта наступления.

К 3 сентября были ликвидированы последние разрозненные группы попавших в окружение немецких войск. В ходе боёв с 20 августа по 3 сентября советские войска уничтожили 22 немецкие дивизии, в том числе 18 дивизий, оказавшихся в окружении, а также разгромили почти все румынские дивизии, находившиеся на фронте. Было взято в плен 208,6 тыс. солдат и офицеров, в том числе 25 генералов, уничтожено 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, 298 самолётов, 15 тыс. автомашин. Советские войска захватили более 2 тыс. орудий, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин, 40 самолётов и много другой боевой техники и вооружений. Враг понёс настолько большой урон, что для восстановления сплошного фронта ему потребовалось около месяца. При этом он был вынужден перебрасывать на румынский участок фронта дополнительные силы из других Балканских стран.

В этой операции советское командование эффективно использовало подвижные танковые и механизированные войска, которые сыграли решающую роль в окружении противника восточнее реки Прут и развитии наступления на внешнем фронте. В операции также было достигнуто чёткое взаимодействие сухопутных войск с Черноморским флотом и авиацией.

Следует отметить, что боевые действия нашей авиации в ходе операции проходили при ее полном господстве в воздухе. Это давало возможность надежно поддерживать и прикрывать наступавшие войска и наносить авиации противника большой урон. Так, за время операции было проведено 124 воздушных боя, в результате которых сбито 172 самолета врага – 24,4% исходного состава его авиационной группировки в этой операции.

Ясско-Кишиневская операция, пожалуй, одна из немногих крупных стратегических операций Великой Отечественной войны, в которой победа над врагом была достигнута сравнительно малыми жертвами. 2-й и 3-й Украинские фронты потеряли 67 тысяч человек, из них безвозвратные потери составили 12,5 тыс. человек. В то время как противник в результате окружения и уничтожения своей группировки лишился 22 дивизий. Только пленными советские войска захватили 208 600 вражеских солдат и офицеров. Это – наглядное свидетельство высокого уровня советского военного искусства и боевого мастерства командного состава.

За боевые отличия 126 соединениям и частям сухопутных войск и флота, участвовавшим в Ясско-Кишиневской операции, были присвоены почетные наименования Кишиневских, Ясских, Фокшанских, Рымницких, Констанцких и др.

Особо следует отметить правильный выбор командованием 3-го Украинского фронта места нанесения главного удара. Вопреки всем сложившимся правилам военной стратегии удар с Кицканского плацдарма был таким неожиданным и сокрушительным для группы армий «Южная

Украина», что фактически не оставил никаких надежд на восстановление линии фронта. 37, 46 и 57-я армии 3-го Украинского фронта буквально разрезали группу армий «Южная Украина» на отдельные части и разгромили её основные силы в течение всего восьми дней.

Наступая в первом эшелоне ударной группировки 3-го Украинского фронта, 37-я армия играла ведущую роль в операции. Ее войска в течение двух дней прорвали тактическую зону обороны противника, разгромили его самый крупный оперативный резерв – 13-ю танковую дивизию – и на пятый день операции вышли к р. Прут, на пути отхода кишиневской группировки врага. В последующие три дня 37-я армия совместно с механизированными корпусами приняла на себя удар основных сил кишиневской группировки врага и одновременно с другими армиями фронта успешно решила задачу по ликвидации крупной окруженной вражеской группировки 6-й немецко-фашистской армии.

В ходе восьмидневных боев 37-я армия разгромила крупные силы противника. Только убитыми гитлеровцы потеряли свыше 60 000 солдат и офицеров. Количество пленных достигало свыше 27 000 человек, из них было 19 477 немецких солдат и офицеров. За это же время захвачено и уничтожено 108 танков и штурмовых орудий, более 820 орудий и минометов (Архив МО, ф. 392, оп. 121250, д. 219, лл. 354-355).

За образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество многие части и соединения армии были награждены правительственными наградами.

Войска 37-й армии в Кишиневской операции проявили высокие морально-боевые качества.

О действиях советских войск на Кицканском плацдарме и в Яско-Кишинёвской операции написаны десятки книг и защищены диссертации.

1. Приказ Верховного Главнокомандующего генералу армии Ф. И. Толбухину, генералу армии Р. Я. Малиновскому по случаю освобождения столицы Молдавской ССР г. Кишинёва.
(Краткая хроника Яско-Кишинёвской операции. – Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», С.134-135)

Войска 3-го Украинского фронта при решительном содействии войск 2-го Украинского фронта в результате умелого обходного маневра и атаки с фронта сегодня, 24 августа, штурмом овладели столицей Молдавской ССР – городом Кишинев – важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны противника.

В боях за овладение городом Кишинев отличились войска генерал-лейтенанта Берзарина, генерал-лейтенанта Галанина, генерал-лейтенанта Коротеева, генерал-майора Фирсова, генерал-майора Жеребина, генерал-майора Латышева, генерал-майора Бирюкова, генерал-майора Серюгина, полковника Шостацкого, генерал-майора Соколова, генерал-майора Сызранова, полковника Фомиченко, генерал-майора

Федоровского, полковника Хильчевского, полковника Фролова, полковника Афонина, генерал-майора Цветкова, полковника Чижова, генерал-майора Буняшина; артиллеристы генерал-майора артиллерии Косенко, генерал-майора артиллерии Цикало, полковника Павлова, полковника Соколова, подполковника Клименкова; танкисты генерал-майора танковых войск Полозкова, полковника Анисимова, полковника Тяглова, полковника Андреева; летчики генерал-полковника авиации Судец, генерал-полковника авиации Горюнова, саперы полковника Фурса, полковника Малова, полковника Чевычелова; связисты полковника Фалина, подполковника Сухих.

В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение Г.Кишинев, представить к присвоению наименования «Кишиневские» и к награждению орденами.

Сегодня, 24 августа, в 22 часа Москва от имени Родины салютует доблестным войскам 3-го и 2-го Украинских фронтов, овладевшим г. Кишинев, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение Кишинева.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины! Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. Сталин «Правда», 1944, 25 августа.

2. Из сообщения Совинформбюро об итогах Яско-Кишинёвской операции Красной армии по окружению немецких войск

(Краткая хроника Яско-Кишинёвской операции. – Кишинёв, изд.-во «Карта Молдовеняскэ», С.136-138).

2 и 3 сентября сего года нашими войсками в районе Бакэу была ликвидирована последняя группа немецко-фашистских войск из числа окруженных в результате Яско-Кишиневской операции. Ликвидация этой группы противника явилась заключительным этапом Яско-Кишиневской операции наших войск.

В результате наступательных операций, проведенных на юге с 20 августа по 3 сентября, войска 2-го Украинского фронта под командованием генерала армии (ныне Маршала Советского Союза) Малиновского и войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Толбухина полностью окружили и ликвидировали 6-ю и 8-ю немецкие армии, входившие в состав группы немецких войск «Южная Украина», которой командовал генерал-полковник Фриснер.

Тем самым была полностью завершена Яско-Кишиневская операция по окружению немецких войск – одна из самых крупных и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций в нынешней войне.

В ходе успешного наступления войска 2-го и 3-го Украинских фронтов окружили и уничтожили (не считая румынских войск): 62, 79, 106, 161, 257, 258, 282, 294, 302, 320, 335, 370, 376 и 384 немецкие пехотные дивизии, 1 немецкую зенитную дивизию, 228, 243, 286, 325, 259, 278, 732, 911 бригады штурмовых орудий, 40, 46, 52, 70, 77, 127, 140, 149, 612, 792, 818 артиллерийские полки резерва главного командования, 721, 1007, 1009, 1160 отдельные противотанковые дивизионы, 40, 86, 194, 732, 735, 737 и 906 отдельные артиллерийские дивизионы резерва главного командования, 52 минометный полк, 278, 300 и 707 зенитные артиллерийские дивизионы резерва главного командования, 4 самокатный полк, 999 крепостной полк, гренадерский полк «Нойхамер», отдельный полк связи, 52, 112, 130, 152, 154, 602 строительные батальоны, два батальона связи, 318 и 522 охранные батальоны, 7, 17, 500, 560 штрафные батальоны, 27, 219, 246, 541, 651 саперные батальоны резерва главного командования, 472 батальон истребителей танков и 794 батальон «Осназ».

Кроме того, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромили 15, 46, 76, 153, 306 пехотные, 10 моторизованную и 13 танковую дивизии немцев.

За время наступательных боев с 20 августа по 3 сентября войска 2-го и 3-го Украинского фронтов нанесли немецко-фашистским войскам следующие потери в живой силе и технике:

Уничтожено: самолетов – 298, танков и самоходных орудий – 490, орудий разных калибров – 1.500, автомашин – 15.000.

Немцы оставили на поле боя более 150.000 трупов своих солдат и офицеров.

За это же время войска 2-го и 3-го Украинских фронтов захватили у немцев следующие трофеи: самолетов – 40, танков и самоходных орудий – 340, орудий разных калибров – более 2.000, автомашин – около 18.000.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов взяли в плен 106 600 немецких солдат и офицеров.

...В итоге наступательных операций, проведенных в тесном взаимодействии войск 2 и 3 Украинских фронтов и завершившихся разгромом группировки немецко-фашистских войск на юге, потери немцев по главным видам боевой техники составляют: самолетов – 338, танков и самоходных орудий – 830, орудий разных калибров – 3.500, автомашин – 33.000. Убито и взято в плен 256.600 немецких солдат и офицеров.

Таким образом, операция Красной Армии по окружению и ликвидации Яско-Кишиневской группировки немецкой армии, смело и мастерски осуществленная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов по плану Верховного Главнокомандования Красной Армии, полностью ликвидировала 15 немецких дивизий, из которых ни одно подразделение не смогло выйти из окружения.

Координацию боевых действий 2-го и 3-го Украинских фронтов осуществлял представитель Ставки Верховного Главнокомандования, Маршал Советского Союза Тимошенко.

«Правда», 1944, 5 сентября

Глава 7. Кицканы.

История и память поколений

О Кицканах пока ещё никто не написал книги. Хотя такие попытки были. Дипломную работу по истории Кицкан в университете в своё время написал учитель истории Кицканской средней школы № 1 Виктор Иванович Шпак, но так его рукопись в силу различных причин не стала книгой. Поэтому авторы предприняли свою попытку написать краткий исторический очерк об основных, наиболее известных фактах из истории села и его жителей. При желании и необходимости этот небольшой исторический очерк, может превратиться в большую и интересную книгу. А писать есть о чём и о ком.

1. Краткий исторический очерк о селе Кицканы

Село Кицканы расположено в западной части Слободзейского района, на правом высоком берегу реки Днестр, на водораздельном выступе, известном как «Кицканский мыс» между долинами рек Днестр и Ботна.

Село находится в 22 км от райцентра, в 6 км от г. Тирасполь и 10 км от г. Бендеры. Кицканы исторически занимали выгодное транспортно-торгово-географическое положение на путях из центра Молдавского княжества вдоль Днестра на Белгород, из Буджака в Подолию.

Пойменные почвы в окрестностях Кицкан отличаются высоким плодородием и пригодны для выращивания овощных и зерновых культур. Склоны «Кицканского мыса» имеют угол и экспозицию, благоприятствующие виноградарству и садоводству. Близость Днестра и плавней Ботны создает исключительные условия для орошения и рыболовства. Обширный пойменный Кицканский лес традиционно имел большое хозяйственное и рекреационное значение, как для села, так и для расположенных вблизи Тирасполя и Бендер.

Есть несколько версий происхождения названия села.

Первая версия. Своё название село получило от турецкого названия озера «Кишчина», располагавшегося рядом с населённым пунктом. В молдавском языке из за изменения согласных и добавления окончания (н) Кишчина – Кишчина – Кицкна образовалось слово «Кицкань», что означает в молдавском языке: киц – колодец, кана- кружка.

Вторая версия связана с местом расположения древней части села на склоне Кицканского мыса. С молдавского языка склон переводится как – «писк» (литературный), «киск» (народный) - Кискань-Кицкань.

Однако, древние археологические памятники в окрестностях села свидетельствуют о проживании здесь людей задолго до официальной даты основания населенного пункта. Среди них выделяются Верхний Траянов вал, следы проживания гето-даков.

Также спорной является и первая дата упоминания села. Первое письменное упоминание о проживании людей на территории современного села Кицканы относится к 1368 году. Другой источник упоминает, что имение Кицканы и Копанка были подарены 31 августа 1429 года господа-

рем Молдавии Александром Добрым монастырю Нямец, имевшему центральную усадьбу за Прутом. Документ подписан 31 августа 1429 года.

Третьим письменным упоминанием является 1538 год, с которого Кицканы входят в Бендерскую раю Оттоманской порты.

В 1789 г. донские казаки под командованием полковника М. И. Платова в составе Южной армии князя Г. А. Потемкина участвовали в походе на крепость Бендеры. Казацкие полки атамана Платова размещались по линии от села Хаджимус до села Киркаешты, и далее по низине, минуя большое озеро Ботна, до так называемого Кицканского гребня, где они готовились к штурму Бендерской крепости.

В результате нескольких русско-турецких войн второй половины XVIII века наш край был освобожден русской армией от турецкого ига, и с 1812 года село Кицканы, как и вся Бессарабия входит в состав Российской империи. После присоединения Бессарабии к России село Кицканы входит в состав Бендерского уезда Бессарабской губернии.

В статистическом словаре Бессарабии за 1823 год (стр. 97) говорится о том, что в 1800 г. в Кицканах в 788 жилых домах и в 14 нежилых домах проживало 2665 жителей. Брали воду из четырех колодцев, мололи зерно на восьми мельницах. Село имело большой фруктовый сад, свою потребительскую кооперацию. Православные ходили по воскресеньям в каменную церковь св. Николая. Рядом с молдаванами, составлявшими большинство населения в то время, жили украинцы, цыгане, поляки и евреи.

Сегодня Кицканы единственное село в Слободзейском районе, в котором преобладает русское население. Видимо это связано с большим количеством, переселившихся в своё время, в Кицканы старообрядцев-липован, и расположением между двумя крупными промышленными городами.

2. Ново-Нямецкий Свято Вознесенский мужской монастырь.

Ново-Нямецкий монастырь в Кицканах стал преемником традиций древней Нямецкой Лавры и её знаменитого пастыря - восстановителя духовного старчества преподобного Паисия Величковского. Толчком к образованию обители в Кицканах стала жесткая политика Румынского государства под началом Александра Кузы, который стремился подчинить государственному влиянию Церковь, и в первую очередь богатые монастыри.

В 1858 году митрополит Ясский Софроний направил иеромонаха Феофана (Кристя) в Российскую империю, с целью восстановления прав Нямецкого монастыря на его исторические имения в Бессарабии. Отец Феофан преуспел в этой миссии и стал управляющим бессарабскими имениями. Антицерковные притеснения в Румынии привели к нарушениям в Нямецком монастыре устава преподобного Паисия, и нямецкие монахи - особенно ревнители паисиевского устава - стали постепенно тайно переселяться в Бессарабские вотчины. Во главе нямецких мона-

хов-беженцев встали отец Феофан и духовник Нямецкой обители, иеросхимонах Андроник. В связи с секуляризацией монастырских земель в Румынии иеромонах Феофан подал прошение архиепископу Кишиневскому Антонию, Синоду Русской Православной Церкви, и императору Александру II об устройении нового монастыря на бессарабских вотчинах Нямецкой обители. Монастырь должен был не только служить приютом для гонимой братии, но и быть опорой преследуемого в Дунайских княжествах Православия. Из-за этого румынское правительство чинило препятствия основанию новой обители. Указ об учреждении обители был подписан императором Александром II 13 января 1864 года.

Монашеская жизнь в новой обители была организована по уставу преподобного Паисия. Для устройства обители было выбрано имение Кицканы, (10 тысяч десятин) подаренное Нямецкому монастырю ещё в 1429 году господарем Александром Добрым. Иеромонах Феофан, который возглавил Ново-Нямецкую обитель посвященную Вознесению Господа, приступил к постройке корпуса келлий в том же 1864 году. Во владение монастыря, по завещению жителя села Андрея Глодя, также перешел Никольский храм, построенный на его средства.

Из Румынии был привезен список с чудотворной Нямецкой иконы Божией Матери, который впоследствии прославился многими чудесами. Благодаря активной переписке отца Феофана с первых дней существования нового монастыря, Ново-Нямецкая обитель находилась в дружеских отношениях со многими представителями Поместных Церквей и со старцами Святой Горы Афон, которые также одарили монастырь святынями.

В 1867-1878 гг. был построен Вознесенский собор обители. В 1885-1893 гг. в монастыре были построены трапезная, больница и библиотека. В 1902-1905 гг. был воздвигнут Успенский храм, а в 1913-1914 гг. построена уникальная колокольня высотой 72 м.

Монастырь стал известен благодаря большой культурно - просветительской деятельности и процветал до начала шестидесятых годов прошлого века, независимо от смены политических режимов в крае.

В 1962 году обитель была закрыта. В последующие годы постройки и ценности монастыря сильно пострадали, были частично разрушены и расхищены. В 1975 году в колокольне монастыря был открыт музей Боевой Славы Яско - Кишиневской операции.

Монастырь возобновил свою деятельность в 1990 году. Заботы, по восстановлению, благоукрашению и устройению духовной жизни обители легли на плечи священноархимандрита монастыря епископа Бендерского Викентия, ныне архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского, и наместника обители архимандрита Доримедонта. В последующие годы была налажена церковная жизнь, отремонтированы храмы, колокольня и келии монастыря. Появились и новые постройки.

Вблизи обители была возведена церковь преподобного Паисия Нямецкого для мирян. В 1993 году в живописном месте на краю села был основан скит во имя мучеников Викентия и Доримедонта. В 1990 -

2001 г. при монастыре действовала духовная семинария. В 1995 году священноархимандритом монастыря стал митрополит Кишиневский и всея Молдовы Владимир. При монастыре был открыт музей. Появились также библиотека, типография и иконописная мастерская. В обитель вернулись её прежние святыни - ковчег с мощами и чтимый список Нямецкий иконы, а в 1994 году был передан посох преподобного Паисия. Нынешним наместником монастыря является архимандрит Паисий (Чекан).

В 2013 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в ходе своего пастырского приезда в Молдову, побывал и Приднестровье. Кроме Тирасполя Патриарх посетил Ново - Нямецкий Кицканский монастырь. В 2014 году прошли торжества по поводу 150-летнего юбилея со дня основания монастыря.

3. Кицканы в годы Великой Отечественной войны. Ветераны войны.

В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. более 250 жителей села воевало на фронте. Из них 160 человек были призваны в советскую армию после апреля 1944 года. 70 кицканцев не вернулись с войны, многие получили ранения и были награждены орденами и медалями за храбрость.

Село было освобождено 12 апреля 1944 года в ходе ожесточённых боёв, когда на правый берег Днестра, преследуя отступающие немецкие и румынские части, переправились воины сразу нескольких советских дивизий из 37-й армии 3-го Украинского фронта. Завоёванному в тяжёлых боях Кицканскому плацдарму волей советского командования суждено было сыграть одну из решающих ролей в ходе Яско-Кишинёвской наступательной операции (20. 08 – 29.08. 1944 г.) 2-го и 3-го Украинских фронтов. Именно с Кицканского плацдарма был нанесён решающий и неотразимый удар 37-й, 46 и 57 армий 3-го Украинского фронта по немецко-румынской группировке войск. В результате в течение восьми дней было окружено и полностью уничтожено 22 вражеские дивизии.

Жители села принимали активное участие в строительстве дорог и мостов через Днестр, помогали раненым, подвозили на подводах боеприпасы, продовольствие. В период подготовки к Яско - Кишинёвской операции все гражданское население села было эвакуировано в конце апреля до конца августа в села Плоское и Кассиль на левом берегу Днестра. В селе из жителей остались только выборные уполномоченные по одному от каждых десяти дворов, которые следили за сохранностью домов и оказывали посильную помощь представителям военной администрации в подготовке к предстоящему наступлению.

Среди жителей села есть участники Яско-Кишиневской операции и даже его освобождения.

После освобождения села в советскую армию добровольно вступили или были призваны 160 жителей Кицкан. Из них, 65 человек, призванных в действующую армию в апреле-мае 1944 года, в августе уже участвова-

ли в Яско-Кишинёвской операции, и отдельные из них даже участвовали в прорыве вражеской обороны 20 августа с Кицканского плацдарма.

Среди них были: Мельниченко Иван Васильевич - рядовой стрелок 580 стрелкового полка 188-й стрелковой дивизии 37-й армии (награжден медалями «За отвагу» и «За Победу над Германией»); Соловенко Степан Петрович – рядовой стрелок 523 полка 188-й стрелковой дивизии 37-й армии (медаль «За Победу над Германией»); Шматок Василий Федорович - пулеметчик 195 стрелковой дивизии 37-й армии (медаль «За Победу над Германией»); Роик Григорий Иванович, гвардии рядовой, наводчик миномета 233-го полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии (награждён Орденом Славы 3 степени), Гончар Николай Петрович – гвардии рядовой 60-го гвардейского стрелкового полка 20-й стрелковой дивизии 57-й армии (медали «За Отвагу» и «За Боевые заслуги»); Бродеску Феодосий Ильич - рядовой 278 стрелкового полка 28-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии и др.

Участники освобождения села 12 апреля 1944 г.

Почтарь Л. Я., Шиян В. М.

Почтарь Леонид Яковлевич, 1923 г.р., уроженец с. Ближний Хутор Слободзейского района, участник Яско-Кишинёвской операции. В действующей армии с августа 1942 г. лейтенант, командир пулеметной роты 580-го стрелкового полка 188-й Нижнеднепровской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии. В боях показал себя смелым и решительным командиром Красной Армии, умеющим хорошо командовать своим подразделением в боевой обстановке. В бою 5 октября 1943 года за расширение плацдарма на правом берегу Днепра он третий раз был тяжело ранен. Вернувшись в свою часть после выздоровления, лейтенант Почтарь был назначен командиром пулемётной роты. В апреле 1944 года от своих родных узнаёт, что его отец был расстрелян оккупантами на кануне ухода из села. 12 апреля Леонид Яковлевич участвует в форсировании Днестра и освобождении села Кицканы. Затем в подготовке и проведении Яско-Кишиневской операции. 20 июня 1944 г. Почтарь Л. Я. за участие в боях на Кицканском плацдарме был награжден орденом «Красной звезды». После войны жил и работал в Кицканах, агроном по защите многолетних насаждений колхоза «Красный садовод».

Шиян Василий Михайлович, 1919 г.р., уроженец Еланецкого района Николаевской области, участник Яско-Кишинёвской операции, гвардии рядовой 214-го гвардейского стрелкового полка 73-й гвардейской Краснознаменной Сталинградско - Дунайской стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Участвовал в апреле 1944 г. в освобождении села Кицканы. За участие в боях на Кицканском плацдарме был награждён медалью «За отвагу». За те четыре месяца, что воевал на Кицканском плацдарме полюбил эту землю и после войны вернулся в Кицканы, работал учителем начальных классов. Награждён двумя медалями «За отвагу» и медалью «За боевые заслуги».

Ветераны войны, жители села Кицканы.

Роик Василий Павлович, 1925 г.р., уроженец села Кицканы, участник Яско-Кишинёвской операции. Перед уходом румынских войск вместе со своими друзьями Степаном Блидарём, Иваном Кузьменко и Николаем Ивановым прятался в Тираспольском лесу, чтобы не быть призванным в румынскую армию.

12 апреля 1944 г. было воскресенье, большой религиозный праздник Пасха. С вечера со стороны Тирасполя и Слободзеи раздавалась канонада, там шли бои. Неожиданно рано утром они столкнулись с советскими разведчиками. Друзья показали им путь в село. С утра у монастыря и на гребне кицканских высот шёл ожесточённый бой, который стих только во второй половине дня.

Василий вместе с друзьями на второй день пришли в военную комендатуру и поросились на фронт. Их мобилизовали и отправили в 213-й запасной стрелковый полк для боевой подготовки. С начала августа 1944 г. Роик В. П. стрелок 55-го стрелкового полка 20-й гвардейской Криворожской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии 37-й армии. Участвовал в Яско-Кишинёвской операции, освобождении Румынии, Венгрии, Польши и Германии. Награждён орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией». После войны в 1948 г. вернулся в родное село и работал в колхозе «Красный садовод» на разных должностях: рядовым колхозником, звеньевым и бригадиром садоводческой бригады № 8.

Роик Григорий Иванович, житель села Кицканы, частник Яско-Кишинёвской операции, гвардии рядовой, наводчик миномета 233-го полка 60-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии. Награждён орденом Славы 3 степени. В послевоенные годы работал водителем в колхозе «Красный садовод».

Шматок В. Ф., житель села Кицканы, участник Яско-Кишинёвской операции. Пулеметчик 195-й Новомосковской Краснознамённой стрелковой дивизии 37-й армии. После войны работал в родном селе.

Посторонко Н. В., житель села Кицканы, младший сержант, командир отделения 18-й инженерно штурмовой бригады. Защищал Сталинград и брал Берлин. За Сталинград медали «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда». Затем путь сапёра Посторонко лежал на запад. Ещё две медали: «За отвагу» и «За освобождение Варшавы». За участие в штурме Берлина награждён орденом Славы III степени. После войны работал в родном селе в колхозе «Красный садовод». Его считали везучим. Да так оно и было. За всю войну, которую он прошел с первого до последнего дня всего два лёгких ранения и контузия. Ни разу не лежал ни в госпитале, ни в медсанбате. И почти постоянно на переднем крае. На переднем крае он оставался и после войны. Одной из наиболее дорогих его наград является большая серебряная медаль ВДНХ СССР, которой он был удостоен за ударный труд на полях колхоза «Красный садовод».

Шановалов Андрей Федосеевич, родился в декабре 1926 г. в селе Козловка Песчанского района Винницкой области Украины. В армию призван после освобождения села от оккупации в апреле 1944 г. Сержант, командир отделения, помощник командира взвода разведки, роты управления 1241-го гаубичного артиллерийского полка 177-ой гаубичной артиллерийской бригады 24-ой артиллерийской ордена Суворова дивизии прорыва РГК. 19 апреля 1945 г. был тяжело ранен, инвалид войны. После войны закончил зоотехническую школу и кооперативно-торговый техникум. С марта 1949 г. живёт в Кицканах: председатель Копанского рабкоопа совхоза, заведующий торговой частью, председатель кицканского сельпо. Был председателем Совета ветеранов и инвалидов села Кицканы. Награждён орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За победу над Германией», «За доблестный труд», «Ветеран труда» и юбилейными медалями.

Холодный Григорий Иванович, родился в 1920 г. в селе Корыльское Коробского района Черниговской области. Гвардии сержант, в армии с октября 1940 года, принимал участие в Финской войне. Великую Отечественную войну прошёл с июня 1941 г. по май 1945 г. Награждён орденом Красной звезды (окт. 1943) и боевыми медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги». Механик-водитель плавающего бронетранспортёра 9-го гвардейского тяжёлого артиллерийского полка 20-й гвардейской тяжёлой артиллерийской бригады. Как коммунист после демобилизации 1949 году направлен на работу в Молдавию. В Кицканах живёт и работает с 1949 г.: председатель сельсовета, бригадир 2-ой бригады, заведующий животноводческой фермой колхоза «Красный садовод».

Юркин Василий Семёнович, родом из г. Киров Российской Федерации. Коммунист, пехотный старший лейтенант. В конце войны командир роты Юркин был тяжело ранен, потерял левую руку, инвалид войны. После войны жил в Кицканах. Работал бригадиром и начальником перевалки в колхозе «Красный садовод». Награждён орденом Красной звезды и медалями.

Вихрачев Мир Никитович, родом с Дальнего Востока. После войны много лет жил и работал преподавателем математики, завучем в Кицканской средней школе № 1. Участник войны с милитаристской Японией, участвовал в десантных операциях на Курильских островах, награждён медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией».

Когда в Кицканах открыли первый Мемориал Славы, на гранитных плитах были высечены фамилии и звания погибших воинов советской армии. Мир Никитович организовал из своих учеников поисковый отряд и вместе с ними стал писать в военные архивы тех частей, которые воевали на плацдарме. Самыми активными следопытами были Зина Попова, Ира Цветкова, Анна Апетри, Лидия Нога и др. Следопыты узнавали домашние адреса погибших и сообщали их родным о захоронения их близких. Оказывается, что многие и не знали, где похоронены их близкие. В

годы войны в похоронках часто писали: «Геройски погиб в бою за советскую Родину. Похоронен на берегу Днестра возле города Тирасполь под грушей». Так завязалась переписка учеников из Кицкан с родственниками погибших. В Кицканы стали поступать письма из всех концов бывшего Советского Союза. В село приезжали поклониться праху своих близких родственники погибших на Кицканской земле из Одесской, Николаевской, Ворошиловоградской, Воронежской, Харьковской областей, Краснодарского и Приморского краев, Башкирии, из Подмосковья, из городов Грозного, Краснодара, Москвы, Одессы, Керчи, Николаева, Херсона и других мест.

Во время переписки с родственниками случились совершенно неожиданные истории. Когда следопыты написали матерям погибших воинов: Ивана Владимировича Гулида из Свердловска и Степана Мироновича Дроздова из Завадовска о месте их захоронения, то от них пришли ответы, что они были ранены и остались живы.

Также широко известна и интересна история «воскресшего из мертвых» Владимира Митрофановича Голоты. «Я жив!» - написал он следопытам. И потом, 9 мая 1970 года он побывал на Мемориале славы в Кицканах, и собственноручно молотком и зубилом снял свою фамилию с мраморной плиты Братского надгробья. Он рассказал следопытам, как во время боя недалеко от него разорвался вражеский снаряд, его ранило и контузило и засыпало землёй. Раненые товарищи сказали, что его разорвало и нашли на месте взрыва обрывки одежды и солдатские паспорта погибших с указанием их фамилий и номером воинской части. Вот так попало имя Владимира Голота на мрамор братского надгробья.

Нисиченко Пётр Павлович и Елена Михайловна

Нисиченко Пётр Павлович, ветеран войны, родился в 1926 году в селе Ново-Савицкое в крестьянской семье. После окончания семилетней школы учился в Тираспольской средней школе. В апреле 1944 г. был призван в армию и направлен в учебный полк. Уже в июне в составе 336-го гвардейского полка 120-й гвардейской стрелковой дивизии I Белорусского фронта, молодой пулемётчик принял боевое крещение в районе г. Орша.

После войны он поступил учиться в Тираспольский учительский институт, где встретил свою будущую супругу Елену Михайловну Мараховскую. После окончания института они получили направление на работу в Липканский район на севере Молдавии. В тяжелые послевоенные времена они обучали грамоте и детей и взрослых, а в свободное время работали вместе с крестьянами.

С 1954 года Пётр Павлович и Елена Михайловна работают в Кицканской школе №5 учителями. Школа размещалась в девяти крестьянских домах и работала в три смены. Позже Пётр Павлович стал директором школы, а в 1964 году его избрали секретарём партийной организации колхоза «Красный Садовод. С 1971 по 1977 гг. он был ди-

ректором Кицканской средней русско-молдавской школе №1. По его инициативе и при его активном участии в 1972 году на месте бывшего наблюдательного пункта командующего 37-й армией был построен Обелиск Славы в честь Яско-Кишинёвской операции. С 1980 года Пётр Павлович работал председателем Кицканского сельского Совета. Отличник народного образования МССР, почётный колхозник колхоза «Красный садовод», дипломант ВДНХ СССР, награждён многими боевыми и трудовыми наградами.

После выхода на пенсию он стал активно заниматься общественной жизнью села и воспитанием подрастающего поколения. Был председателем Совета ветеранов войны и труда. Способствовал реконструкции мемориала Братских могил в центре села. Благодарными жителями села у входа в Кицканскую среднюю школу №1 в память о нём была установлена мемориальная доска. Память о нём навсегда останется в сердцах родных, близких и жителей села.

Нисиченко Елена Михайловна, родилась 7 июня 1924 г. в крестьянской семье. С детства мечтала быть учительницей и после окончания школы поступила в педагогический техникум в городе Балта. Выпускные государственные экзамены совпали с началом Великой Отечественной войны. Лена и её четыре подруги добровольно пришли в военкомат и попросились на фронт. молодые педагоги рвались на фронт. Их направили на работу в штаб 9-й общевойсковой армии Одесского военного округа, который базировался в селе Красногорка, недалеко от Тирасполя.

В мае 1942 года началось очередное стремительное наступление вражеских войск. Штаб 9-й Армии был разгромлен. В одном из боев Лену контузило. Придя в себя, измученная, голодная, не зная дороги, она стала пробираться через лес где по счастливой случайности встретила двух летчиков: лейтенанта Полину Артемовну Седову и полковника Ивана Германовича Батыгина. Они помогли ей выбраться к реке, переправиться и зачислили в 219-й авиационный дивизион 4-го авиакорпуса 2-й воздушной армии, в котором она сражалась до победы.

Первое время была мастером авиаоборудования, затем техником. Ей, восемнадцатилетней, приходилось нести дежурства по аэродрому, обычно располагавшемуся на опушке леса, подвешивать к самолетам бомбы весом 25 и более килограммов. Жаркие бои шли в те дни на Кавказе. Фашисты рвались к Грозному, сутками бомбили нефтепромыслы. Днем от дыма было темно как ночью. Но и бомбы, подвешенные девушками-оружейницами, наносили ощутимый урон живой силе и технике врага. За оборону Кавказа Лена получила свою первую боевую награду.

Осенью 1943 года дивизию перебросили под Москву в г. Дягилево на переоформление. Началось наступление советских войск. Летчики её авиакорпуса сражались в небе Кубани, освобождали Киев, Бердичев Житомир. В составе 2-го Украинского фронта Мараховская участвовала в боях по освобождению Львова, Кракова, Ченстохова, Катовиц и других польских городов. В те дни её дивизии было присвоено почётное наименование Ченстоховская, а к ее знамени прикреплен орден Суворова.

9 мая 1945 года не стал для их дивизии днем окончания войны. Они продолжали бить фашистов в Праге, в Австрии, на юге Венгрии. О славном боевом пути Лены Мараховской лучше всяких слов говорят ее награды - медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией». За отличные боевые действия по освобождению городов Советского Союза и городов Европы от немецко-фашистских захватчиков она получила от Верховного Главнокомандования восемнадцать благодарностей.

В родные места Лена вернулась в августе 1945-го в звании сержанта. Хотела работать преподавателем, но... ей казалось, что за годы войны она забыла все, чему учили в техникуме. Чтобы восстановить знания и приобрести новые, она поступила в Тираспольский учительский институт на историко-филологический факультет; одновременно работала - здесь же, в учебной части. Время было трудное, но вчерашние фронтовики учились наперекор всем невздам и помогали восстанавливать город. Жили дружно и весело. Студенты и преподавательский коллектив института жили одной жизнью, общими интересами.

Здесь, в институте, встретила Лена своего суженого - Петра Нисиченко. После окончания института коммунисты Нисиченко вместе с маленьким сынишкой добровольно поехали работать в отдаленный Липканский район, на севере Молдавии. В 1954 году семья Нисиченко переехала в Кицканы. Елена Михайловна работала учителем, организатором внеклассной работы, директором школы, была депутатом сельского совета. Заслуженный учитель МССР.

4. Коллективизация и успехи послевоенного развития.

Коллективизация в селе Кицканы началась в послевоенные годы. В 1946 году на территории села было создано отделение совхоза «Молдавия», центральная усадьба которого размещалась в селе Кременчуг.

В 1947 году был создан первый колхоз, который носил имя «Мичурина», и объединил 128 колхозников. Колхоз им. Мичурина владел землёй площадью 340 га, 10 парами лошадей, 3 волами, 20 коровами. Председателем колхоза был избран Шевченко Иван Иванович. Для села с населением в то время 4600 человек это было недостаточно. И в 1949 году было создано ещё 5 колхозов.

На территории старого сельсовета:

- «Красный садовод» - председатель Кулябин Василий Яковлевич;

- «Путь к коммунизму» - председатель Сологуб Лука Акимович;

- Колхоз имени Ворошилова - председатель Игнатенко Иван Васильевич.

На территории нового сельсовета образовалось еще два колхоза:

- Колхоз имени Кирова - председатель Кравченко Герман Григорьевич

- Колхоз имени Молотова - председатель Борисов Яков Федосеевич.

В течение последующих двух лет стали видны и положительные мо-

менты и недостатки в деятельности созданных колхозов. Плодородность полей была разная, разный уровень обеспеченности техникой, отношения к труду, разный стиль руководства коллективными хозяйствами и соответственно разные результаты деятельности приводили к недовольству людей и массовым переходам из колхоза в колхоз. Поэтому в 1951 году произошло первое объединение колхозов в более крупные хозяйства. Из шести колхозов в селе осталось два: «Красный садовод» и имени Кирова. В 1956 году произошло второе объединение колхозов, и остался только один - «Красный садовод», председателем которого был избран Турлаев Федор Игнатьевич.

Посевные площади колхоза также расширились за счёт монастырских земель. Колхоз специализируется на овощеводстве, виноградарстве и выращивании фруктов. В 1959 г. колхоз продал государству 2207 тонн фруктов, 1857 тонн овощей, 661 тонну винограда, 434 тыс. литров молока и 1 тонну мяса и стал колхозом – миллионером. Денежная прибыль составила 1 миллион 700 тысяч рублей.

Шестидесятые и семидесятые годы стали расцветом колхозного производства. Колхоз «Красный садовод» добился больших успехов в экономическом развитии и социально-бытовом строительстве.

В феврале 1963 года колхоз возглавил Николай Онуфриевич Чечуй, который вывел его в лидеры не только в Слободзейском районе, но и в республике.

Родился Н.О. Чечуй в декабре 1912 года в крестьянской семье в селе Троицкое Ананьевского района Одесской области. После семилетки с 1928 по 1931 гг. учился в садово-виноградарском техникуме в г. Одессе. Работал агрономом в Разделянском районе. В 1932 году поступил в одесский сельскохозяйственный институт. С 1933 по 1935 гг. работал агрономом в Тираспольском районе. С 1935 года агроном в Первомайском районе Одесской области.

Когда началась Великая Отечественная война ушёл на фронт. Воевал на Юго-западном, I и II Украинских фронтах. Служил в качестве рядового, младшего командира, офицера в должностях: рядового, начальника радиостанции, командира взвода, парторга отдельного батальона, заместителя командира по политической части. За боевые заслуги был награжден орденами: Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, 5 боевыми медалями.

Вернулся с войны и начал восстанавливать народное хозяйство. В 1946 - 1955 гг. работал в совхозе «Молдавия» Тираспольского района (с. Кременчуг и с. Кицканы) агрономом и затем директором. В 1955 - 1961 гг. работал председателем исполкома районного совета в Киперченском (Оргеевском), Комратском и Тираспольском районах. В 1961 - 1962 гг. директор опытного хозяйства Молдавского НИИ орошаемого земледелия и овощеводства в Тирасполе. В феврале 1963 г. был избран председателем колхоза «Красный садовод».

Когда Чечуй начинал работать председателем колхоза, в Кицканах

не было ни одной постройки нового времени. Все здания были доведенные и отремонтированы в первые годы колхозного строительства. В восьмой пятилетке (1966-1970) в Кицканах произошли коренные изменения. Колхоз производил большое количество внеплановой продукции, которую мог реализовывать по свободным ценам. Дополнительный доход позволял закупать технику, строительные материалы, строить новые административно-производственные помещения и объекты социально-культурного назначения. Общее собрание колхозников по инициативе Н. О. Чечуя приняло план социально-экономического развития села.

В колхозе была создана строительная бригада численностью 150 человек под руководством Бикира Александра Гавриловича, человека увлечённого своим делом.

Через несколько лет уже появились первые результаты. В 1968 году была открыта новая 3-х этажная типовая школа №1 на 960 мест. К концу 8-й пятилетки открылись: Дом Культуры на 640 мест, Летний кинотеатр, 2-х этажное здание гостиницы на 40 мест, кафе «Букурия» на 70 мест, ресторан «Стругураш» на 100 мест, новые здания сельского совета и правления колхоза, детские сады «Радость», «Ягодка» и «Теремок», Дом быта, животноводческая ферма, полевые станы 10-ти производственных бригад, колхозный гараж, помещения 2-х тракторных бригад, противоэрозийные полевые сооружения, 2 библиотеки, отделение связи и радиопункт, поликлиника. В центре села был заложен парк культуры и отдыха. В селе были установлены памятники: В.И. Ленину, Обелиск Славы, в честь Яско-Кишиневской операции, Мемориальный комплекс братских могил советских воинов павших в ходе освобождения села и боёв на Кицканском плацдарме.

Одновременно шло большое строительство частных домов колхозников, других жителей села. Появились новые улицы и целые микрорайоны. Село расширилось на километры.

Успехи в колхозном производстве, постоянная забота об укреплении материально-технической базы колхоза способствовали тому, что хозяйство вошло в десятку наиболее крепких, и технически оснащённых в республике. Была создана мощная мелиоративная система, орошающая почти 800 га. Земель, что позволило ещё больше повысить урожайность в овощеводстве и садоводстве. В селе были построены крупный тепличный комбинат, овощехранилище, новые полевые дороги, произведено зарыбление двух колхозных прудов. В конце 70-х годов «Красный сад-вод» имея овощеводческо-садоводческую специализацию вошел в число наиболее крупных в республике колхозов - миллионеров.

Его продукция была отмечена Дипломами и медалями ВДНХ СССР. Многие колхозники и руководители колхоза неоднократно награждались государственными наградами за заслуги в развитии сельского хозяйства. Н. О. Чечуй был награжден орденами Ленина и Знак Почета, трудовыми медалями.

5. Кицканы сегодня

После распада СССР и образования независимых государств, с сентября 1990 г. Кицканы вместе со Слободзейским районом входят в состав Приднестровской Молдавской Республики.

Главой администрации села является Виктор Иванович Медведев. В Кицканский сельский совет также входят сёла Меренешты и Загорное. В Кицканах проживает 8 500 человек в 3590 домах подключённых к газу, электричеству, водопроводу, телефонной сети. Село большое, имеет 62 благоустроенные улицы. Протяжённость дорог и улиц села составляет 63 км. Площадь села 740 га. Общая площадь земель 3579 га, из них сельхозугодия составляют 3156 га, остальное – пастбища.

В селе работают две средние школы, школа искусств, три детских дошкольных учреждения, Дом Культуры, библиотека, музей села и музей Боевой Славы Яско-Кишиневской операции, образцовый танцевальный коллектив «Грация», ансамбль «Надежда» и футбольный клуб «Сокол».

Обслуживают население сел Кицканы, Меренешты и Загорное поликлиника, две аптеки, 22 торговых предприятия торгующих промышленными и продовольственными товарами, ресторан «Стругураш», кафе-бар «Артиум», несколько парикмахерских. В лесной зоне села расположен санаторий «Днестровские зори», детские оздоровительные учреждения «Виктория», «Лесная поляна», «Юность». Кицканы связаны маршрутным транспортом с городами Тирасполь и Бендеры. Часть жителей села учится и трудится в городах.

К большому сожалению сельчан, с распадом СССР произошёл и развал колхозной системы. Сегодня в Кицканах вместо одного колхоза «Красный садовод», который содержал всю социально-бытовую инфраструктуру сел, работает 9 сельскохозяйственных предприятий, которые обрабатывают 2929 гектаров сельхозугодий. Самые крупные из них: «Сады Приднестровья» - 1277 га.- руководитель Ярыч И. Т.; «Зеленый сад» - 242 га., руководитель Сологуб А.А.; «Полус-Агро» - руководитель Берил Н.В.; «Карди» - руководитель Мордач П.В.; «Реут» - руководитель Сарзу Н.Н., «Акбарс» - руководитель Бризицкий Б.В. и др.

«Сады Приднестровья» занимает площадь -1277 гектаров земли. Агрофирма специализируется на выращивании фруктов, винограда и зерновых. С 2005 года агрофирму возглавляет Ярыч Игорь Теодорович – грамотный, энергичный и неравнодушный руководитель, депутат Слободзейского совета народных депутатов, в декабре 2010 г. односельчане избрали его депутатом Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики 5 созыва. Как руководитель крупного хозяйства осуществляет большую благотворительную деятельность в селе, оказывает помощь госадминистрации села в решении социально-бытовых проблем и благоустройстве населённого пункта.

6. Памятные места села Кицканы

Обелиск Славы Яско-Кишинёвской операции.

На той самой высоте, на которой в апреле 1944 года шли ожесточённые кровопролитные бои, а затем находился наблюдательный пункт 37-й армии 3-го Украинского фронта, сейчас воздвигнут памятник Обелиск Славы Яско-Кишинёвской операции (автор - молдавский архитектор Семен Шойхет).

Обелиск Славы был открыт 9 мая 1972 года. Свыше десяти тысяч жителей со всей республики пришли сюда на открытие, чтобы отдать дань любви и благодарности освободителям Молдавии. На открытии обелиска присутствовали командующий 37-й армией Н. М. Шарохин, начальник штаба 37-й армии А. К. Блажей, командующий 17-й воздушной армией В. А. Судеец и много ветеранов, участников боев на Кицканском плацдарме.

Над Днестром взметнулся ввысь как символ железной стойкости, мужества и героизма советских воинов 35-ти метровый обелиск в форме штыка. На чугунной плите текст:

«... 20 августа 1944 года отсюда, с Кицканского плацдарма, начали наступление войска 3-го Украинского фронта, которые совместно с войсками 2-го Украинского фронта, Черноморского флота и Дунайской военной флотилии в ходе Яско-Кишиневской операции окружили и разгромили мощную вражескую группировку и завершили освобождение Молдавской ССР от фашистских захватчиков. Слава героической Советской Армии!».

С Кицканских высот, если смотреть на северо-восток и восток, хорошо просматриваются очертания города Тирасполь. Со стороны Тирасполя 12 апреля 1944 года бойцы 92-й гвардейской стрелковой дивизии и 188-й стрелковой дивизии форсировали реку Днестр. Видна также и Слободзея Молдавская, со стороны которой форсировали Днестр воины 10 гвардейской воздушно-десантной дивизии, и со стороны Слободзеи Русской -195-я Новомосковская стрелковая дивизия. Виден Карагаш со стороны которого через Днестр переправлялись воины 28-й гвардейской дивизии, и входил в бой 20 августа 1944 г. 7-й механизированный корпус.

Если посмотреть в противоположную сторону, на запад от Кицканских высот, то открывается прекрасный вид на Бендеры, Киркаешты и Хаджимус, знаменитую «Суворовскую» высоту. Там весной и летом 1944 года пролегла передовая линия обороны немецких войск. И её штурмовали воины 68-го стрелкового корпуса 57-й армии.

Мемориальный комплекс Братские могилы.

В самом центре села Кицканы расположено братское кладбище воинов советской армии погибших в боях на Кицканском плацдарме в апреле-августе 1944 года. На мемориальных плитах высечены имена 1494 бойцов и командиров, освобождавших село от фашистских оккупантов

и погибших во время боёв на плацдарме. Ещё 1700 воинов захоронено в Братских могилах села Копанка. И в общей сложности ещё более 3000 воинов, погибших в боях на плацдарме захоронены на мемориальных комплексах Бендер, Тирасполя, Киркаешт, Хаджимуса, Терновки, Карагаша, Суклеи и Слободзеи.

Мы приходим сюда вновь и вновь исполненные огромной человеческой любовью, благодарности и признательности к тем, кто пал за свободу молдавской земли. Новый Мемориальный комплекс был открыт здесь 9 мая 1975 года в день 30-летия Победы в Великой Отечественной войне.

Мемориальный комплекс построен по проекту молдавского архитектора Евгения Зиброва и скульптора Геннадия Соломатина.

Стела из штыков и касок символизирует нерелевующий строй Советских Вооруженных Сил, впереди фигура Родины-матери, слева небольшая памятная доска, которая посвящена односельчанам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. В трех небольших холмиках полторы тысячи человеческих жизней. Когда вы пройдете вдоль братских могил, то увидите, что фамилии с самыми различными окончаниями, так как за освобождение этого молдавского села пали воины, представители всех национальностей Советского Союза.

Музей Боевой славы Яско-Кишинёвской операции.

Бывший Кицканский плацдарм в 60-е годы стал местом паломничества ветеранов тех боев. Многочисленные группы участников кровавых событий из 92-й гвардейской, 188-й стрелковой, 10-й гвардейской воздушно-десантной, 28-й гвардейской, 93-й стрелковой, 223-й стрелковой и других дивизий приезжали сюда, чтобы поклониться праху своих боевых товарищей. В конце 60-х годов гости сокрушились о том, что память о тех событиях недостаточно увековечена и стали писать в партийные и советские органы города Бендеры и МССР о создании в этом районе музея Боевой славы. Вскоре голос уважаемых ветеранов был услышан. Место для музея выбирали сравнительно не долго, его подсказали сами участники боев. Колокольня закрытого к тому времени Кицканского монастыря особо напоминала о событиях лета 1944 года. Тогда ее использовали в качестве наблюдательного пункта. На колокольню для оценки обстановки поднимались маршалы Советского Союза С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин, С. С. Бирюзов, командующий 37-й армией генерал-полковник М. Н. Шарохин и другие военачальники. Отсюда же рассматривал через стереотрубу город Бендеры, «гору Суворова» известный советский писатель А. А. Фадеев.

В начале 70-х годов началось переоборудование колокольни монастыря под музей. В основном строительство и наполнение экспонатами музея было поручено республиканскому краеведческому музею г. Кишинева. Необходимую помощь и содействие оказывали работники Бендерского межрайонного краеведческого музея во главе с А.В. Зайцевым. Огромную работу проделали при этом участники обороны

Кицканского плацдарма и Яско-Кишиневской операции, бывший командир полка 28-й гвардейской стрелковой дивизии, полковник запаса Василий Романович Орехов. Особенно он преуспел в сборе редчайших экспонатов, установив связи с многими участниками боев, в том числе и видными военачальниками. В. Р. Орехов стал первым заведующим созданного в Кицканах музея Боевой славы.

Торжественное открытие музея Боевой славы в селе Кицканы состоялось 7 мая 1975 года в канун 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Оно стало событием республиканского масштаба и получило широкий резонанс в Молдавии. Первый его заведующий В. Р. Орехов сумел пригласить самых именитых гостей со всех уголков страны. В настоящее время музей находится в помещении Дома культуры села Кицканы.

7. Известные люди нашего села

Парфелюк Исая Константинович, родился 29 мая 1885 года в крестьянской семье в селе Кицканы Бендерского уезда Бессарабской губернии. Рано осиротел и воспитывался в семье старшей сестры, проживавшей вместе с мужем-офицером в Тирасполе. Окончил гимназию.

С началом Первой мировой войны в 1914 году Исая был мобилизован в армию и после окончания офицерских курсов направлен на Юго-Западный фронт командиром разведывательной роты. Парфелюк сразу хорошо зарекомендовал себя, проявляя храбрость и личное мужество. Неоднократно он во главе разведчиков роты уходил на поиск «языка», добывал важные разведывательные сведения.

В связи с громадной убылью офицеров Парфелюк становится сначала командиром батальона, а затем 76-го пехотного Шипкинского полка. Командование фронта высоко оценивает действия 30-летнего полковника: за время боевых действий он был удостоен 13 наград, в том числе ордена Святого Георгия четырех степеней и именного Георгиевского оружия за храбрость.

После Февральской революции офицеры и солдаты 55-го Подольского полка, которым в то время командовал Парфелюк, единогласно выбирают его своим командиром. В октябре 1917 года 14-я пехотная дивизия, в состав которой входил полк, с оружием в руках переходит на сторону советской власти. Во время Гражданской войны молодой командир полка успешно борется с махновскими бандами на юге Украины и в Бессарабии, совершает рейды по тылам румынской армии. Затем служит в штабе Украинского военного округа, возглавляет разведывательный отдел 14-й армии, организует нелегальную отправку разведчиков на территорию оккупированной румынами Бессарабии.

Гражданская война была еще в полном разгаре, а Парфелюку уже ставится новая задача – организовать и возглавить работу нелегальной резидентуры военной разведки в приграничных районах Молдавии. Полный георгиевский кавалер, полковник царской армии стал первым резиден-

том советской военной разведки. Ему присваивается оперативный псевдоним «Семенов». На нелегальной работе в оккупированной Бессарабии Парфелюк-Семенов пробыл с 1919 по 1923 г.

В 1937 году бывший царский офицер попадает под репрессии. В связи с так называемым «военным заговором» комдиву Парфелюку предъявляют ложное обвинение в сотрудничестве с румынской разведкой. 25 декабря 1941 года расстрелян. Уже после войны семье разведчика сообщили, что «генерал-майор И. К. Парфелюк скончался от сердечного приступа в 1943 г.»

А в 1971 году решением коллегии Верховного Суда СССР Исай Константинович был посмертно реабилитирован «в связи с отсутствием состава преступления».

Остапенко Николай Иванович, родился 15 декабря 1953 года в селе Кицканы Слободзейского района в крестьянской семье. Его предки – выходцы из Сибири. В семье он был средним ребенком. И сейчас проживают в Кицканах его старшая сестра Валентина Ивановна и младший брат Виктор Иванович. Из рассказов самого Николая Ивановича известно, что детство его было трудным и типичным для сельских ребят: большой сад требовал ухода круглый год, как и подсобное хозяйство и огород.

Отец Николая, Иван Петрович, от зари до темна работал в колхозе. Так что воспитанием детей занималась в основном мать, Ксения Федоровна. Она всегда хотела, чтоб ее дети жили лучше, чем она. А для этого, по ее мнению, необходимо было учиться. И мать с отцом приложили все усилия, чтобы их дети выросли образованными людьми.

После окончания средней школы, он поступает в Кагульское педагогическое училище, готовившие учителей начальных классов. По окончании курса педучилища работает учителем в Чадыр-Лунгском районе и служит в Советской армии.

Вернувшись в мае 1975 года из армии, Николай Иванович поступает в Кишиневский университет на исторический факультет. Хотя в армии ему настойчиво предлагали военную карьеру - его решение было твердым – учительство. Работал учителем истории и географии в школе № 3, с 1982 года преподавал историю в средней школе № 1, затем работал директором заочной школы.

В 1985 г. односельчане избирают Николая Ивановича председателем сельского Совета. Было молодому председателю всего 32 года. С приходом Остапенко главой администрации появился в Кицканах новый Мемориал Славы, стал возрождаться Ново-Нямецкий Монастырь, похорошели улицы. Хороших задумок у него было много – газификация села, асфальтирование улиц, строительство нового здания поликлиники, очистка и благоустройство колодцев, ремонт детской больницы (сейчас в этом здании музыкальная школа), установка автобусных остановок, ремонт школ и детских садов, благоустройство сельского кладбища. При нем село Кицканы стало впервые отмечать «День села». Сегодня, много

лет спустя, в Кицканах вспоминают о Николае Ивановиче как об очень спокойном, уравновешенном, выдержанном, внимательном человеке, многое успевшем сделать для своего родного села и для всей республики.

В сложный, переломный период истории всегда ярко высвечиваются характеры людей. Одни прячутся за спины, уваливая от ответственности. Другие открыто выбирают путь борьбы – нелегкий, опасный, но прямой и честный. К этим вторым относился и Николай Остапенко. В начале 90-х годов он работал председателем Слободзейского районного совета народных депутатов, был активным сторонником создания Приднестровской Молдавской Республики. Сложное, непростое было время. Его любили слободзейцы и ненавидели враги Приднестровья. Ранним утром 23 апреля 1992 года его машина при выезде из Карагаша была расстреляна из автоматов террористами группы «Бужор». 48 пуль попало в машину, из них 18 в Николая Остапенко. Была надежда, что этот такой крепкий, сильный человек – выкарабкается, выживет. Но чуда не произошло. 30 апреля Николая Ивановича не стало.

Он очень многое успел сделать при жизни для нас, односельчан, а сколько бы мог еще сделать, будь он жив. Благодарные жители Кицкан и Слободзеи назвали улицы его именем, ежегодно проводится турнир его имени по мини футболу. Николай Иванович не ушел из нашей жизни, он навсегда остался со своим народом, остался в нашей памяти. Похоронен Н. И. Остапенко на Мемориале Славы в г. Тирасполь.

Приложения:

1. Список руководящего состава фронтов, армий, флота, флотилии и корпусов, принимавших участие в Ясско-Кишинёвской операции

2-й Украинский фронт

Командующий фронтом – генерал армии, с 10. IX. 1944 г. Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Член Военного совета – генерал-лейтенант танковых войск, с 13. IX. 1944 г. генерал-полковник танковых войск И. З. Сусайков.

Член Военного совета – генерал-майор интендантской службы, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант М. М. Стахурский.

Начальник штаба – генерал-полковник М. В. Захаров.

Начальник оперативного управления – генерал-майор Н. О. Павловский.

Начальник политического управления – генерал-лейтенант А. Н. Тевченков.

Начальник разведывательного отдела – генерал-майор Ф. Ф. Поветкин.

Командующий артиллерией – генерал-полковник артиллерии Н. С. Фомин.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками – генерал-полковник танковых войск А. В. Куркин.

Начальник инженерных войск – генерал-майор инженерных войск, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант инженерных войск А. Д. Цирлин.

Начальник связи – генерал-лейтенант войск связи А. И. Леонов.

Начальник химической службы – полковник, с 13. IX. 1944 г. генерал-майор технических войск А. В. Бабушкин.

Начальник тыла – генерал-лейтенант В. И. Вострухов.

3-й Украинский фронт

Командующий фронтом – генерал армии, с 12. IX. 1944 г. Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин.

Член Военного совета – генерал-лейтенант, с 13. IX. 1944 г. генерал-полковник А. С. Желтов.

Член Военного совета – генерал-майор интендантской службы В. М. Лайок.

Начальник штаба – генерал-полковник С. С. Бирюзов.

Начальник оперативного управления – генерал-майор А. П. Тарасов.

Начальник политического управления – генерал-майор И. С. Аношин.

Начальник разведывательного отдела – генерал-майор А. С. Рогов.

Командующий артиллерией – генерал-полковник артиллерии М. И. Неделин.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками – генерал-лейтенант танковых войск Ф. В. Сухоручкин.

Начальник инженерных войск – генерал-полковник инженерных войск Л. З. Котляр.

Начальник связи – генерал-лейтенант войск связи И. Ф. Королев.

Начальник химической службы – генерал-майор технических войск А. Е. Полянский.

Начальник тыла – генерал-лейтенант интендантской службы А. И. Шебунин.

Черноморский флот

Командующий флотом – адмирал Ф. С. Октябрьский.

Член Военного совета – контр-адмирал, с 25. IX. 1944 г. вице- адмирал И.И.Азаров.

Начальник штаба – контр-адмирал И. Ф. Голубев-Монаткин.

Начальник политического управления – генерал-майор авиации А.Н.Филаретов.

Командующий военно-воздушными силами флота – генерал-лейтенант авиации В. В. Ермаченков.

Начальник оперативного отдела – капитан 1-го ранга О. С. Жуковский.

4-я гвардейская армия

Командующий армией – гвардии генерал-лейтенант И. В. Галанин.

Член Военного совета – гвардии генерал-майор И. А. Гаврилов.

Начальник штаба – гвардии генерал-майор К. Н. Деревянко.

5-я ударная армия

Командующий армией – генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин.

Член Военного совета – генерал-лейтенант Ф. Е. Боков.

Начальник штаба – полковник, с 13. IX. 1944 г. генерал-майор А.М.Кущев.

7-я гвардейская армия

Командующий армией – гвардии генерал-полковник М. С. Шумилов.

Член Военного совета – гвардии генерал-майор А. В. Мухин.

Начальник штаба – гвардии генерал-майор Г. С. Лукин.

27-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант, с 13. IX. 1944 г. генерал-полковник С. Г. Трофименко.

Член Военного совета – генерал-майор П. В. Севастьянов.

Начальник штаба – генерал-майор войск связи Г. М. Брагин.

37-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант М. Н. Шарохин.

Член Военного совета – генерал-майор В. Д. Шабанов.

Начальник штаба – генерал-майор А. К. Блажей.

40-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант Ф. Ф. Жмаченко.

Член Военного совета – генерал-майор К. П. Кулик.

Начальник штаба – генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант В.М.Шарапов.

46-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант И. Т. Шлемин.

Член Военного совета – генерал-майор П. Г. Коновалов.

Начальник штаба – генерал-майор М. Я. Бирман.

52-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант, с 13.IX.1944 г. генерал-полковник К. А. Коротеев.

Член Военного совета – генерал-майор И. П. Кабичкин.

Начальник штаба – генерал-майор А. Н. Коломинов.

53-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант И. М. Манагаров.

Член Военного совета – генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант П.И.Горохов.

Начальник штаба – генерал-майор А. Е. Яковлев.

57-я армия

Командующий армией – генерал-лейтенант К. А. Гаген.

Член Военного совета – генерал-майор Л. П. Бочаров.

Начальник штаба – генерал-майор П. М. Верховлович.

6-я танковая армия

Командующий армией – генерал-лейтенант танковых войск, с 13. IX. 1944 г. генерал-полковник танковых войск А. Г. Кравченко.

Член Военного совета – генерал-майор танковых войск Г. Л. Туманян.

Начальник штаба – генерал-майор танковых войск Д. И. Заев, с 22.VIII. 1944 г. генерал-майор танковых войск А. И. Штромберг.

5-я воздушная армия

Командующий армией – генерал-полковник авиации С. К. Горюнов.

Заместитель командующего армией по политчасти – генерал-майор авиации В.И.Алексеев.

Начальник штаба – генерал-майор авиации, с 13.I X. 1944 г. генерал-лейтенант авиации Н. Г. Селезнев.

17-я воздушная армия

Командующий армией – генерал-полковник авиации В. А. Судец.

Заместитель командующего армией по политчасти – генерал-майор авиации В.Н.Толмачев.

Начальник штаба – генерал-майор авиации Н. М. Корсаков.

Дунайская военная флотилия

Командующий флотилией – контр-адмирал, с 25. IX. 1944 г. вице-адмирал С.Г.Горшков.

Член Военного совета – капитан 1-го ранга А. А. Матушкин.

Начальник штаба – капитан 1-го ранга А. В. Свердлов.

Стрелковые и кавалерийские корпуса

Командир 6-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. гвардии генерал-лейтенант Г. П. Котов.

Командир 9-го стрелкового корпуса - Герой Советского Союза, генерал-майор И. П. Рослый.

Командир 10-го гвардейского стрелкового корпуса – генерал-майор, с 13. IX. 1944г. гвардии генерал-лейтенант И. А. Рубанюк.

Командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор Н.И.Бирюков.

Командир 21-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. гвардии генерал-лейтенант П. И. Фоменко.

Командир 24-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор П.П.Авдеенко.

Командир 25-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор Г.Б.Сафиулин.

Командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор П.А.Фирсов.

Командир 27-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор Е.С.Алехин.

Командир 31-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-майор С. А. Бобрук.

Командир 32-го стрелкового корпуса – генерал-майор Д. С. Жеребин.

Командир 33-го стрелкового корпуса – генерал-майор А. И. Семенов.

Командир 34-го стрелкового корпуса – генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант И. С. Кособуцкий.

Командир 35-го гвардейского стрелкового корпуса – гвардии генерал-лейтенант С. Г. Горячев.

Командир 37-го стрелкового корпуса – генерал-майор Ф. С. Колчук.

Командир 48-го стрелкового корпуса – генерал-майор З. З. Рогозный.

Командир 49-го стрелкового корпуса – генерал-майор Г. Н. Терентьев.

Командир 50-го стрелкового корпуса – генерал-майор С. П. Меркулов.

Командир 51-го стрелкового корпуса – генерал-майор И. М. Любовец, с 28. 08. 1944 г. генерал-майор С. П. Тимошков.

Командир 57-го стрелкового корпуса – генерал-майор Ф. А. Остащенко.

Командир 64-го стрелкового корпуса – генерал-майор И. К. Кравцов.

Командир 66-го стрелкового корпуса – генерал-майор Д. А. Куприянов.

Командир 68-го стрелкового корпуса – генерал-майор Н. Н. Шкодунович.

Командир 73-го стрелкового корпуса – генерал-майор С. С. Мартиросян.

Командир 75-го стрелкового корпуса – генерал-майор А. З. Акименко.

Командир 78-го стрелкового корпуса – генерал-майор Г. А. Латышев.

Командир 82-го стрелкового корпуса – генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. генерал-лейтенант П. Г. Кузнецов.

Командир 104-го стрелкового корпуса – генерал-лейтенант А. В. Петрушевский.

Командир 5-го гвардейского кавалерийского корпуса – гвардии генерал-майор, с 13. IX. 1944 г. гвардии генерал-лейтенант С. И. Горшков.

Танковые и механизированные корпуса

Командир 4-го гвардейского механизированного корпуса – гвардии генерал-майор танковых войск, с 13. IX. 1944 г. гвардии генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов. Командир 5-го механизированного корпуса (с 12. IX. 1944 г. 9-го гвардейского механизированного корпуса) – генерал-лейтенант танковых войск М. В. Волков.

Командир 5-го гвардейского танкового корпуса – гвардии генерал-лейтенант танковых войск В. М. Алексеев, с 28.VIII.1944 г. гвардии генерал-майор танковых войск М. И. Савельев.

Командир 7-го механизированного корпуса - генерал-майор танковых войск Ф.Г.Катков. Командир 18-го танкового корпуса – генерал-майор танковых войск В. И. Полозков, с 29.08. 1944 г. полковник И. М. Колесников.

Командир 23-го танкового корпуса – генерал-майор танковых войск, с 13. 09.1944 г. генерал-лейтенант танковых войск А. О. Ахманов.

Авиационные корпуса

Командир 2-го штурмового авиационного корпуса – генерал-лейтенант авиации В. В. Степичев.

Командир 3-го гвардейского истребительного авиационного корпуса – гвардии генерал-майор авиации, с 13. 09. 1944 г. гвардии генерал-лейтенант авиации И. Д. Подгорный.

Командир 9-го смешанного авиационного корпуса – генерал-лейтенант авиации О. Д. Толстиков.

Корпуса противовоздушной обороны территории страны

Командир 12-го корпуса ПВО – генерал-майор артиллерии Ф. Г. Янковский.

В Ясско-Кишинёвской операции принимало участие 92 стрелковых, воздушно-десантных и кавалерийских дивизий, 17 артиллерийских, миномётных, зенитно-артиллерийских дивизий, 18 авиационных дивизий, 9 соединений военно-морского флота и сотни отдельных бригад, полков, батальонов войск специального назначения.

2. Командный состав корпусов и дивизий 37-й, 46-й, 57-й армий 3-го Украинского фронта прорвавших оборону противника 20 августа 1944 г. и наступавших с Кицканского плацдарма в ходе Ясско-Кишинёвской операции.

Командный состав 37-й армии

Командующий армией – генерал-лейтенант М. Н. Шарохин.

Член Военного совета – генерал-майор В. Д. Шабанов.

Член Военного совета армии по тылу – генерал-майор Сосновиков В. В.

Начальник штаба – генерал-майор А. К. Блажей.

Начальник политотдела армии полковник Б. С. Мельников.

Начальник оперативного отдела штаба полковник П. А. Диков.

Командующий инженерными войсками генерал-майора А. И. Галдович.

Командующий бронетанковыми и механизированными войсками полковник Е. Я. Вишман.

Командующий артиллерией полковник В. П. Чистяков.

Начальник связи армии полковник П. П. Туровский.

Начальник разведотдела полковник В. И. Щербенко.

Начальник химической службы подполковник Л. В. Чибисков.

66-й стрелковый корпус 37-й армии

Командир корпуса – Герой Советского Союза, генерал-майор Куприянов

Д.А. Начальник штаба полковник - Сафонов С. В.

Начальник политотдела полковник - Хмельнов К. И.

- 61 гвардейская Краснознамённая Славянская стрелковая дивизия – командир генерал-майор Лозанович Л. Н., начальник штаба полковник Притузов А.И., начальник политотдела подполковник Глуценко М. А.

- 333-я Синельниковская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия - командир – Герой Советского Союза, генерал-майор

Голоско А. М., начальник штаба полковник Маковеев В. Ф., начальник

политотдела полковник Гашинский Д. А.

- 244-я Запорожская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия - командир полковник Калядин Г. И., начальник штаба подполковник Гефтер М. И., начальник политотдела полковник Филосафов Н.Н.

6-й гвардейский стрелковый корпус 37 армии

Командир корпуса – генерал – майор Котов Г. П.

Начальник штаба – полковник Зайчиков М. Д.

Начальник политотдела – полковник Груздов А. В.

- 20-я гвардейская Криворожская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия - командир генерал-майор Дрейер Н. М., начальник штаба полковник Лимонт Б. А., начальник политотдела полковник Ященко В. Е.

- 10-я гвардейская Криворожская Краснознамённая ордена Суворова воздушно-десантная дивизия – командир полковник Петрушин А. Н., начальник штаба полковник Игнатьев П. Н., начальник политотдела подполковник Воронцов А. И.

- 195-я Новомосковская Краснознамённая стрелковая дивизия – командир полковник Шапкин И. С., начальник штаба полковник Овсянников А. Н., начальник политотдела подполковник Абраменко Н. П.

82-й стрелковый корпус 37-й армии

Командир корпуса – генерал-майор Кузнецов П. Г.

Начальник штаба – генерал-майор Щекотский Ф. М.

Начальник политического отдела Пащенко К. П.

- 92-я гвардейская Криворожская Краснознамённая стрелковая дивизия – командир полковник Матвеев М. И., начальник штаба подполковник Леонтьев К. Д., начальник политотдела полковник Скворцов М. Ф.

- 28-я гвардейская Харьковская Краснознамённая стрелковая дивизия – командир генерал-майор Чурмаев Г. И.

- 188-я Нижнеднепровская Краснознамённая стрелковая дивизия – командир полковник Даниленко В. Я.

68-й стрелковый корпус 57-й армии

Командир корпуса – генерал-майор Шкодунович Н. Н.

Начальник штаба – генерал-майор Джелаухов Х. М.

- 223-я Белградская Краснознамённая стрелковая дивизия – командир полковник Татарчевский П. М.

- 93-я Миргородская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия – командир генерал-майор Крузе А. Я., начальник штаба подполковник Алисимчик И. И., начальник политотдела полковник Белов Г. П.

- 113-я Нижнеднепровская Краснознамённая стрелковая дивизия - командир полковник Мухамедьяров Л. Ш.

31-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии

Командир корпуса – Герой Советского Союза, генерал-майор Бобрук С. А.

- 4-я гвардейская Апостоловско-Венская Краснознамённая ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия – командир генерал-майор Парфёнов К.Д.-34-я гвардейская Енакиевская, Краснознаменная, ордена Кутузова стрелковая дивизия – командир полковник Максимович И. А.

- 40-я гвардейская Енакиевско-Дунайская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия – командир генерал-майор Панченко Г. Ф.

37 стрелковй корпус 46-й армии

Командир корпуса – генерал-майор Ф. С. Колчук .

- 59 гвардейская Краматорская Краснознамённая орденов Суворова, Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия. Командир – генерал-майор Г.П.Карамышев.

- 108 гвардейская Николаевская Краснознаменная, ордена Суворова стрелковая дивизия. Командир – полковник С. И. Дунаев, начальник штаба полковник Савельев В. П., начальник политотдела подполковник Вахрушев Л.П.- 320 Енакиевская Краснознамённая ордена Суворова стрелковая дивизия. Командир – полковник И. З. Бурик.

7-й Новоукраинско-Хинганский ордена Ленина Краснознамённый ордена Суворова механизированный корпус.

Командир – генерал-майор Катков Ф. Г.

Начальник штаба - полковник Sommer А. И.

- 16-я механизированная бригада. Командир полковник Маршев.

- 63-я механизированная бригада. Командир полковник Жуков.

- 64-я механизированная бригада. Командир полковник Шутов.

- 41-я гвардейская танковая бригада. Командир полковник Копиенко.

Кроме 7-го механизированного корпуса, 37-й армии были приданы 5-й тяжёлый танковый полк, 52-й танковый полк, 398, 864 и 1891 самоходно-артиллерийские полки.

9-й Одесский смешанный авиационный корпус.

Командир корпуса – генерал-лейтенант авиации Толстикова О. Д.

- 136 штурмовая Нижнеднепровская ордена Суворова авиационная дивизия.

Командир полковник Терехов Н. П.

- 306-я штурмовая Нижнеднепровская Краснознамённая ордена Суворова авиационная дивизия. Командир полковник Иванов В. И.

- 295-я истребительная Новомосковская Краснознаменная ордена Кутузова авиационная дивизия. Командир полковник Шатилин Ф. С.

Артиллерийские дивизии

- 9-я Запорожская Краснознамённая ордена Суворова артиллерийская дивизия прорыва Резерва Главного Командования. Командир Герой Советского Союза, генерал-майор артиллерии Ратов А. И.

- 3-я зенитно-артиллерийская Киевско-Никопольская орденов Кутузова Богдана Хмельницкого дивизия резерва ВГК. Командир полковник Гладков В. В.

- 35-я зенитно-артиллерийская Нижнеднепровская дивизия резерва ВГК.

Командир полковник Слюсарев М. Ф.

В прорыве обороны врага на Кицканском плацдарме кроме указанных соединений и подчинённых им воинских частей также принимало участие более 30-ти различных отдельных бригад, полков, батальонов, дивизионов войск специального назначения 3-го Украинского фронта и резерва Верховного Главного Командования.

3. Соединения и части, удостоенные правительственных наград за образцовое выполнение заданий командования в ходе Ясско-Кишинёвской операции

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 сентября 1944 года за образцовое выполнение заданий командования при овладении городом Кишинев и проявленные при этом доблесть и мужество награждены:

Орденом Красного Знамени

452 армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Корсуньский полк.

1322 армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Черкасский полк.

466 армейский минометный Корсуньский полк.

32 мотострелковая Корсуньская бригада.

Орденом Кутузова II степени

110 танковая Знаменская Краснознаменная бригада.

170 танковая Кировоградская Краснознаменная бригада.

181 танковая Знаменская Краснознаменная бригада.

Орденом Кутузова III степени

16 гвардейский воздушно-десантный стрелковый полк.

75 стрелковый полк.

124 гвардейский стрелковый полк.

230 гвардейский стрелковый полк.

382 стрелковый полк.

849 стрелковый полк.

928 стрелковый полк.

Орденом Александра Невского

126 гвардейский стрелковый полк.

201 стрелковый полк.

232 гвардейский стрелковый полк.

818 стрелковый полк.

932 стрелковый полк.

493 армейский минометный Белоцерковский полк.

Орденом Красной Звезды

387 отдельная кабельно-шестовая рота.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1944 года за образцовое выполнение заданий командования при прорыве обороны южнее города Бендеры, а также за овладение городом Кишиневом и проявленные при этом доблесть и мужество награждены:

Орденом Красного Знамени

93 стрелковая Миргородская дивизия.

180 гвардейский стрелковый полк.

160 армейская пушечная артиллерийская Криворожская бригада.

Орденом Суворова II степени

20 гвардейская стрелковая Криворожская Краснознаменная дивизия.

10 гвардейская воздушно-десантная Криворожская Краснознаменная дивизия.

7 артиллерийская Запорожская Краснознаменная дивизия.

9 артиллерийская Запорожская Краснознаменная дивизия.

46 гвардейская пушечная артиллерийская Запорожско-Одесская Краснознаменная бригада.

7 механизированный Ново-Украинский Краснознаменный корпус.

Орденом Кутузова II степени

3 зенитная артиллерийская Никопольская дивизия.

22 зенитная артиллерийская Запорожская дивизия.

7 отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская Никопольская Краснознаменная бригада.

9 отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская Апостоловская бригада.

10 отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская Криворожская бригада.

42 отдельная истребительно-противотанковая артиллерийская Одесская бригада.

4 гвардейский механизированный Сталинградский Краснознаменный Ордена Суворова корпус.

5 отдельная гвардейская мотострелковая Краматорская Краснознаменная ордена Суворова бригада.

5 понтонно-мостовая Днепропетровская бригада.

11 штурмовая инженерно-саперная Запорожская Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого бригада.

12 штурмовая инженерно-саперная Мелитопольская Краснознаменная ордена Суворова бригада.

Орденом Богдана Хмельницкого II степени

185 гвардейский стрелковый полк.

283 гвардейский стрелковый полк.

324 армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Криворожский полк.

249 армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Криворожский полк.

23 отдельная минометная Запорожская бригада.

35 гвардейский минометный Запорожский полк.

61 гвардейский минометный Запорожский полк.

87 гвардейский минометный Одесский полк.
315 гвардейский минометный Нижнеднестровский Краснознаменный полк.
523 армейский минометный Верхнеднестровский полк.
282 отдельный авиационный Николаевский полк связи.
68 отдельный Вознесенский полк связи.

Орденом Суворова III степени

864 самоходный артиллерийский полк.
5 отдельный гвардейский танковый Запорожский Краснознаменный полк прорыва.
52 отдельный танковый Днепродзержинский Краснознаменный полк.

Орденом Красной Звезды

217 батальон аэродромного обслуживания.
465 батальон аэродромного обслуживания.
687 батальон аэродромного обслуживания.
30 отдельный Криворожский полк связи.
38 отдельный линейный Николаевский батальон связи.
236 отдельный батальон связи.
259 отдельный линейный батальон связи.
298 отдельный линейный батальон связи.
428 отдельный линейный батальон связи.
489 отдельный линейный батальон связи.
72 отдельный гвардейский саперный батальон.
26 моторизованный топографический отряд.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1944 года за образцовое выполнение заданий командования при овладении городами Измаил и Галац и проявленные при этом доблесть и мужество награждены:

Орденом Суворова III степени

366 гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский Могилевский полк.
437 армейский истребительно-противотанковый артиллерийский Днепродзержинский Краснознаменный полк.

Орденом Красной Звезды

773 отдельный Херсонский радиодивизион.
1207 отдельную телеграфно-строительную роту

4. Соединения и части, удостоенные за образцовое выполнение заданий командования в ходе Ясско-Кишинёвской операции почётных наименований «Нижнеднестровские» и «Кишинёвские»

Приказом ВГК от 7 сентября 1944 года соединениям и частям 3-го Украинского фронта, отличившимся в боях при прорыве обороны противника южнее Бендеры и за овладение городом Кишинев, присвоены наименования «Нижнеднестровских» и «Кишиневских».

«Нижнеднестровских»:

113 стрелковой дивизии;
8 гвардейскому стрелковому полку;
103 гвардейскому стрелковому полку;
179 гвардейскому стрелковому полку;
305 гвардейскому стрелковому полку;
1145 стрелковому полку;
4 зенитной артиллерийской дивизии;
35 зенитной артиллерийской дивизии;
152 гаубичному артиллерийскому полку;
274 гаубичному артиллерийскому полку;
352 гвардейскому тяжелому самоходному артиллерийскому полку;
506 корпусному артиллерийскому полку;
902 артиллерийскому полку;
51 гвардейскому минометному Краснознаменному полку;
562 армейскому минометному полку;
136 штурмовой авиационной дивизии;
189 штурмовой авиационной дивизии;
31 истребительной авиационной дивизии;
48 отдельному гвардейскому разведывательному авиационному полку
Главного Командования;
96 отдельному корректировочно-разведывательному авиационному полку;
267 истребительному авиационному Краснознаменному полку; 449
дальнебомбардировочному полку;
951 штурмовому авиационному полку;
8 инженерно-саперной бригаде;
44 моторизованной инженерной бригаде;
65 инженерно-саперной бригаде;
137 отдельному полку связи;
25 пограничному Краснознаменному полку.

«Кишиневских»:

117 гвардейскому стрелковому полку;
273 гвардейскому стрелковому полку;
288 гвардейскому стрелковому полку;
1038 стрелковому полку;
132 гвардейскому артиллерийскому полку;
507 армейскому истребительно-противотанковому артиллерийскому полку;
521 армейскому истребительно-противотанковому артиллерийскому полку;
489 армейскому минометному полку;
897 истребительному авиационному полку;
61 инженерно-саперной бригаде;
8 отдельному полку связи;
26 отдельному полку связи ВВС.

Приказом ВГК от 15 сентября 1944 года частям 2-го Украинского фронта, отличившимся в боях за овладение городом Кишинев, присвоено наименование «Кишиневских»:

11 гвардейскому воздушно-десантному полку;
41 стрелковому полку;
122 гвардейскому стрелковому полку;
217 гвардейскому стрелковому полку;
248 стрелковому полку;
847 стрелковому полку;
924 стрелковому полку;
32 артиллерийскому полку;
74 артиллерийскому полку;
89 гвардейскому артиллерийскому полку;
171 гвардейскому артиллерийскому полку;
787 артиллерийскому полку;
844 артиллерийскому полку;
132 отдельному полку связи.

5. Биографии воинов, получивших звание Героя Советского Союза за героизм, проявленный в боях по захвату и расширению Кицканского плацдарма.

1. Карпов Иван Петрович, 1913 - 1944 - Герой Советского Союза

Карпов Иван Петрович - командир расчета станкового пулемета 60-го гвардейского стрелкового полка (20-я гвардейская стрелковая дивизия, 37-я армия, 3-й Украинский фронт), гвардии сержант.

Родился в 1913 году в селе Елховка ныне Тоцкого района Оренбургской области (по другим данным - в городе Ташкенте) в семье крестьянина. Русский. Окончил 6 классов. Работал в колхозе «Новая жизнь», слесарем на заводе.

В Красной Армии с апреля 1941 года. В боях Великой Отечественной войны с 1942 года. Воевал на Западном, Сталинградском, 3-м Украинском фронтах, участвовал в Сталинградской битве, освобождении Украины.

К весне 1944 года гвардии сержант Карпов - командир расчета станкового пулемета 60-го гвардейского стрелкового полка. Отличился в боях при форсировании реки Днестр и освобождении Молдавии.

В апреле 1944 года гвардии сержант Карпов один со своим пулеметом на плоту в числе первых форсировал реку Днестр в районе населенного пункта Слободзея (ныне город, административный центр Слободзейского района непризнанной Приднестровской Молдавской Республики) и занял оборону. Огнем своего пулемета он заставил замолчать три ближайшие огневые точки фашистов, мешавшие переправе передовых подразделений. Когда пехота противника пошла в атаку, Карпов, сменив позицию, ударил с фланга губительным огнем. Часто

меня огневые позиции, пулеметчик дал возможность подразделениям полка с малыми потерями форсировать реку. Только в первый день боев за плацдарм Карпов подавил огонь пяти станковых пулеметов, истребил более 30 фашистов.

13 апреля в бою у деревни Копанка (ныне село в Каушанском районе Молдавии), отражая шестую за день контратаку пехоты и танков противника, пулеметчик Карпов подпустил пехоту на расстояние 50 метров, стреляя в упор, уничтожил 36 немецких солдат во главе с офицером. В представлении к присвоению геройского звания указано: «Своей стойкостью, храбростью и отвагой он обеспечил успешное форсирование водного рубежа, и прочное закрепление за нашими войсками плацдарма на правом берегу реки Днестр».

Погиб в одном из следующих боев. О судьбе воина после боев на Днестре, как указано в биографическом справочнике, «точных документальных данных не обнаружено».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм гвардии сержанту Карпову Ивану Петровичу присвоено звание Героя Советского.

Награжден орденом Ленина.

2. Кузнецов Георгий Степанович , 20.04.1924 - 18.01.1981 - Герой Советского Союза.

Кузнецов Георгий Степанович - командир стрелкового взвода 55-го гвардейского стрелкового полка 20-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии, гвардии младший лейтенант, Герой Советского Союза. Георгий Степанович Кузнецов родился 20 апреля 1924 года в селе Чистое (ныне Щучанского района Курганской области) в крестьянской семье.

В период коллективизации семья Кузнецовых переехала на жительство в город Копейск Челябинской области. После окончания семи классов Георгий поступил в Копейское горнопромышленное училище. Когда началась война, с третьего курса ушёл на рудоремонтный завод имени С. М. Кирова учеником слесаря.

В августе 1942 года Кузнецова призвали в Красную Армию и направили учиться в Тюменское военное пехотное училище. В феврале 1943 года весь курс училища был досрочно выпущен и направлен на фронт.

Воевал Георгий Степанович на Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах. Сражался под Сталинградом, освобождал Придонье, Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Югославию. Был командиром отделения станковых пулемётов, затем, после окончания курсов младших лейтенантов, – командиром взвода. Был трижды ранен. Награждён медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В апреле 1944 года командир взвода Кузнецов возглавил группу из

шести бойцов и под огнём противника преодолел Днестр у молдавского города Тирасполя. Захватив плацдарм на правом берегу, воины обеспечили успешную переправу полка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года гвардии лейтенанту Георгию Степановичу Кузнецову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1946 году гвардии майор Кузнецов ушёл в запас. Вернулся в Копейск, на завод имени С. М. Кирова. Был технологом, начальником цеха, заместителем директора по кадрам.

В 1969 году Георгий Степанович уехал на Камчатку, работал заместителем начальника управления отделочных работ треста «Камчатксельстрой». За трудовые успехи был награждён орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Умер Георгий Степанович Кузнецов 18 января 1981 года. Бюст героя установлен в городе Копейске Челябинской области.

3. Маркин Федор Дмитриевич, 05.03.1915 - 25.03.1982 - Герой Советского Союза

Федор Дмитриевич Маркин, гвардии старший сержант, разведчик 24-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 10-й гвардейской воздушно-десантной стрелковой дивизии.

Родился 5 марта 1915 года в д. Низовке Самойловского района Саратовской области. Русский. В 1927 году окончил начальную школу в родном селе. В 1936 - 1938 годах служил в Красной Армии. Летом 1938 года принимал участие в боях с японскими захватчиками в районе озера Хасан.

Во время Великой Отечественной войны - с января 1942 по май 1945 года - сражался на Южном, Карельском и 3-м Украинском фронтах. Участвовал в освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии и Австрии. Трижды ранен. За боевые отличия награжден орденами Красной Звезды (1943), Славы 3-й степени (1944) и медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.» и двумя юбилейными медалями.

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Федору Дмитриевичу Маркину присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года за доблесть и мужество, проявленные при форсировании реки Днестр.

После окончания войны Федор Дмитриевич вернулся в родное село. В 1946 - 1951 годах работал председателем колхоза «12 лет Октября», в 1954 - 1960 - заведующим хозяйством колхоза «Ударник». С 1960 года Ф. Д. Маркин возглавлял коллектив колхозной птицеводческой фермы в д. Низовке Самойловского района Саратовской области.

Умер 25 марта 1982 года.

Это было 12 апреля 1944 года южнее Тирасполя. Командир полка майор Жеребцов вызвал к себе гвардии старшего сержанта Маркина и поставил перед ним ответственную задачу: с группой разведчиков переправиться на правый берег Днестра, уничтожить огневые точки противника в первой траншее, захватить прибрежную высоту и удерживать ее до переправы основных сил полка.

Для выполнения задачи Маркин отобрал пять разведчиков и одного сапера. В два часа ночи группа Маркина погрузилась в деревянную лодку и отчалила от берега. Гитлеровские наблюдатели осветили Днестр ракетами и, обнаружив разведчиков, открыли огонь из пулемета. Один из разведчиков был ранен, но остальные налегли на весла, и лодка вскоре причалила к занятому врагом берегу. Разведчики отошли в сторону от места высадки, взобрались на прибрежную кручу. Маркин подполз к стрелявшему пулемету и длинной очередью из автомата заставил его замолчать, а затем с близкого расстояния метко бросил в амбразуру вражеского дзота противотанковую гранату. Взрывом гранаты и автоматным огнем было уничтожено более двух десятков гитлеровцев.

Вскоре разведчики уничтожили еще один пулемет противника с расчетом и захватили участок траншей на прибрежной высоте. Маркин дал красную ракету - сигнал успешного выполнения боевой задачи. Пользуясь благоприятной обстановкой, полк без потерь в личном, составе и боевой технике форсировал Днестр, смелой атакой опрокинул врага и расширил крохотный плацдарм, захваченный храбрыми разведчиками. Позднее на этот плацдарм переправились все части 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Следующей ночью группа разведчиков под командованием Маркина по заданию штаба дивизии разведала брод через Днестровский лиман, к которому вышли наступающие подразделения. Этот брод был использован для переправы двух стрелковых полков.

Плацдарм южнее Тирасполя, захваченный нашими частями, имел важное оперативное значение. Отсюда в августе 1944 года войска 3-го Украинского фронта начали крупные операции по освобождению Молдавии и Румынии.

Только за два месяца боев на Правобережной Украине Федор Маркин взял в плен 20 фашистов и уничтожил 24 гитлеровца и два пулемета. Слава о храбром разведчике гремела по всему фронту.

4. Наумов Илья Егорович, 20.07.1902 - 21.06.1974 - Герой Советского Союза

Наумов Илья Егорович - командир саперного взвода 24-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта, гвардии старший лейтенант.

Родился 20 июля 1902 года в селе Родионовка Краснопартизанского (бывшего Пугачевского) района Саратовской области. Русский. Образование - семилетняя школа и военное училище. В Красной Армии служил с 1941 по 1945 год.

С октября 1942 до весны 1944 года сражался на Западном и 3-м Украинском фронтах. Принимал участие в боях по ликвидации ржевско-вяземского плацдарма противника, освобождении Украины и Молдавии. Дважды тяжело ранен. За боевые отличия награжден орденом Красной Звезды (1944) и тремя медалями.

Звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 4422) гвардии старшему лейтенанту Наумову Илье Егоровичу присвоено 13 сентября 1944 года за отвагу и мужество, проявленные при форсировании реки Днестр.

В 1945 году И. Е. Наумов был демобилизован из Советской Армии. В 1945-1947 годах работал председателем Пугачевского горсовета. В 1947 году переехал на местожительство в Саратов, окончил областную партийную школу. С 1954 года работал заведующим Волжским райфинотделом города Саратова. Скончался 21 июня 1974 года. Похоронен в Саратове на Воскресенском кладбище.

12 апреля 1944 года войска 37-й армии освободили Тирасполь и на широком фронте вышли к Днестру. У молдавского села Карагаш готовился к преодолению реки также гвардейский полк, в котором служит Наумов. Ему, как командиру саперного взвода, было дано задание обеспечить в инженерном отношении форсирование Днестра, захват и закрепление захваченного плацдарма. Наумов отлично справился с поставленными задачами.

Вместе с первыми штурмовыми группами пехоты взвод Наумова переправился на правый берег реки и в ожесточенном бою захватил небольшой плацдарм. Обстановка на плацдарме осложнилась в первые же минуты боя. Противник предпринимал отчаянные попытки вернуть утраченные позиции, уничтожить наши подразделения. Наумов получил приказ минировать наиболее вероятные направления вражеских контратак. Со своим взводом он работал без отдыха всю ночь. Приказ командира полка был выполнен.

Особенно сильные контратаки противник предпринял утром следующего дня. На узком участке фронта он пустил большую группу танков и до батальона пехоты. Первые три танка подорвались на минах, поставленных Наумовым. Еще несколько танков было подбито огнем нашей артиллерии. Атака гитлеровцев была отбита.

Через некоторое время противник попытался обезвредить минное поле. Под прикрытием дымовой завесы и заградительного огня артиллерии гитлеровцы стали снимать наши мины. Наумов со своим взводом выдвинулся вперед и огнем с близкой дистанции стал уничтожать саперов противника. В завязавшемся бою он лично уничтожил 15 гитлеровцев.

Полк в этот день не только отбил контратаки фашистов, но и значи-

тельно расширил плацдарм по фронту и в глубину. Во второй половине дня подразделения вышли к широкому Днестровскому лиману. Надо было найти брод. Выполнение этой задачи было возложено на взвод старшего лейтенанта Наумова, усиленный полковыми разведчиками.

Противник обстреливал лиман из всех видов оружия. По левому берегу непрерывно били артиллерия и минометы. Над лиманом кружили вражеские разведывательные самолеты. С западного берега гитлеровцы вели хотя и бесприцельный, но интенсивный пулеметный огонь.

Рискуя жизнью, группа саперов и разведчиков под руководством Наумова приступила к разведке брода. Маскируясь камышами, по пояс в воде, Наумов шел впереди, ведя за собой людей. Иногда он проваливался в ямы, но вплавь вновь выбирался на мелководье. Бойцы обозначали брод вехами. Тяжелая и опасная работа продолжалась более двух часов и была закончена как раз ко времени выхода к лиману всех подразделений полка. Вконец измученный Наумов отказался от отдыха и сам повел по разведанному броду передовые группы пехоты. Полк без потерь форсировал лиман и на его западном берегу овладел важным тактическим рубежом.

5. Ручин Александр Степанович, 10.09.1917 - 10.06.1979 - Герой Советского Союза

Ручин Александр Степанович - командир взвода пешей разведки 24-го гвардейского воздушно-десантного полка 10-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 37-й армии 3-го Украинского фронта, гвардии лейтенант.

Родился 10 сентября 1917 года в деревне Пузеево ныне Воскресенского района Нижегородской области в крестьянской семье. Русский. В 1929 году окончил 4 класса, после чего работал в колхозе.

В Красную Армию призван в 1938 году и направлен для прохождения действительной военной службы на Дальний Восток в воздушно-десантные войска. Был рядовым, помощником командира взвода, старшиной роты. Окончил курсы младших лейтенантов. Член ВКП (б)/КПСС с 1944 года.

Боевое крещение офицер-десантник А. С. Ручин получил в 1941 году у Старой Руссы. Потом были бои в Молдавии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Австрии. Пять раз был ранен, одно из ранений - тяжелое, но каждый раз, после выписки из госпиталя, Александр Ручин возвращался в боевой строй.

Взвод пешей разведки 24-го гвардейского воздушно-десантного полка (10-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, 37-я армия, 3-й Украинский фронт) во главе с гвардии лейтенантом Александром Ручиным первым в полку 12 апреля 1944 года переправился через реку Днестр в районе села Карагаш ныне Слободзейского района Приднестровской Молдавской Республики, выбил гитлеровцев из траншей и закрепился на плацдарме.

Лично командир взвода А. С. Ручин из автомата уничтожил до двадцати фашистов и удерживал с воинами-десантниками вверенного ему подразделения захваченный плацдарм.

Дерзкие, смелые и решительные действия штурмовой группы лейтенанта Ручина способствовали переправе через Днестр всего 24-го гвардейского воздушно-десантного полка. 13 апреля 1944 года, возглавляя разведывательный взвод лейтенант Ручин А. С. нашёл брод через Днестровский лиман и возглавил переправу подразделений полка.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, гвардии лейтенанту Ручину Александру Степановичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 3491).

После войны А. С. Ручин продолжал службу в армии. В 1945 году он окончил курсы усовершенствования офицерского состава. С 1947 года старший лейтенант Ручин А. С. - в запасе. Вернулся на родину в рабочий посёлок Воскресенское, где тринадцать послевоенных лет проработал начальником снабжения сплавной конторы, затем - начальником штаба гражданской обороны, мастером по строительству в Воскресенском леспромхозе.

В октябре 1973 года заслуженный ветеран вышел на пенсию. Скончался 10 июня 1979 года. Похоронен на кладбище села Воскресенское Нижегородской области.

Награждён орденом Ленина, орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды, медалями.

6. Шариков Николай Григорьевич, 27.12.1922 - 08.08.1991 - Герой Советского Союза

Шариков Николай Григорьевич - командир батальона 573-го стрелкового полка 195-й Ново-Московской Краснознамённой стрелковой дивизии 6-го гвардейского стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта, старший лейтенант.

Родился 27 декабря 1922 года в селе Летки ныне Старошайговского района Мордовской республики. Из семьи крестьянина. Русский.

В 1928 году семья переехала в Новосибирск. В 1933 году при несчастном случае на стройке погиб отец (мать умерла ещё раньше), и Николай воспитывался в детском доме. Окончил школу-семилетку. По её окончании работал на предприятиях Новосибирска: табельщик в конторе «Заготзерно», маслёнщик на лесопильном заводе, слесарь мелькомбината № 1.

В июне 1941 года призван в Красную Армию Октябрьским районным военкоматом Новосибирска. Окончил 2-е Омское военно-пехотное училище в 1942 году. Служил командиром взвода и роты 282-го стрелкового полка Сибирского военного округа (город Бийск Алтайского края).

С января 1943 года - на фронтах Великой Отечественной войны. С января по апрель 1943 года воевал командиром роты на Северо-Западном фронте, затем отправлен в тыл на учёбу.

С декабря 1943 года - вновь в действующей армии, командир батальона в 573-м стрелковом полку на 2-м и 3-м Украинских фронтах. Участвовал в Нижнеднепровской, Никопольско-Криворожской, Березнеговато-Снигирёвской наступательных операциях.

Командир батальона 573-го стрелкового полка 195-й стрелковой дивизии 6-го гвардейского стрелкового корпуса 37-й армии 3-го Украинского фронта старший лейтенант Н. Г. Шариков проявил мастерство командира и личное мужество в Одесской наступательной операции. В начале операции, в ночь на 29 марта 1944 года, получив приказ на форсирование реки Южный Буг, комбат Шариков подготовил штурмовую группу и включил в неё расчёты всех станковых пулемётов своего батальона. Он же лично возглавил эту группу. Переправившись через реку под огнём врага, бойцы захватили плацдарм и удержали его, отразив несколько контратак. В отражении контратак сыграли большую роль доставленные с первым броском станковые пулемёты, буквально косившие вражескую пехоту на подступах к окопам. Плацдарм был удержан, обеспечена переправа на него остального батальона, а затем и полка.

Развернулось стремительное наступление. Батальон Шарикова наступал в составе 37-й армии севернее Одессы, в общем направлении на Тирасполь. Двигаясь по раскисшей от весенней распутицы и дождей степи, бойцы с боями за две недели преодолели свыше 150 километров, сбивая врага с промежуточных рубежей. Так, 2 апреля батальон выбил противника из сёл Окоровка и Комцы. Немцы предприняли три контратаки с танками, но все они были отбиты с большими для врага потерями.

4 апреля батальон атаковал деревню Шарово. Противник упорно оборонялся и задержал наступление советских воинов. Оценив обстановку, Н. Г. Шариков оставил на прежнем направлении атаки одну роту, а сам с остальными силами батальона в темноте скрытно обошёл вражеские позиции. Стремительная ночная атака во фланг решила успех боя. Среди оборонявшихся солдат врага возникла паника. Преследуя разбежавшихся немцев, бойцы батальона нанесли им большие потери, было захвачено большое количество вооружения, а само село освобождено.

В ночь с 6 на 7 апреля в районе станции Кучурган противник предпринял ночную атаку с танками. Батальон Н. Г. Шарикова был отрезан от главных сил. Правильно расставив силы и средства, комбат организовал оборону в условиях полного окружения и отбивал вражеские атаки. Затем согласовав свои действия с командиром полка, организовал прорыв и возглавил решающую атаку. Прорвав кольцо окружения, батальон вышел к своим, вынеся всех раненых и всю материальную часть.

12 апреля 1944 года Н. Г. Шариков во главе батальона с ходу форсировал реку Днестр в районе села Кицкань южнее Тирасполя (Молдавская

ССР). На занятом плацдарме он атаковал укрепленную противником важную высоту и выбил с неё противника. Затем правильно организовал оборону. Отражая многочисленные контратаки противника, бойцы удержали высоту. Этот успех сыграл большую роль в удержании стратегически важного Кицканского плацдарма советских войск.

За мужество и героизм, проявленные на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1944 года старшему лейтенанту Шарикову Николаю Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В августе 1944 года Н. Г. Шариков вновь проявил мужество и героизм в ходе Яско-Кишинёвской наступательной операции, а в сентябре - в боях по освобождению Румынии. В конце месяца дивизия, в которой он воевал, была переброшена на территорию Болгарии и там дислоцировалась до конца войны. За время участия в боях (в общей сложности около года) Н. Г. Шариков был дважды ранен и дважды контужен, награждён пятью орденами. Проявил себя умелым командиром: все представления его к наградам содержали слова «батальон не имел потерь» или «успех достигнут с минимальными потерями».

После войны продолжил службу в Советской Армии. В 1949 году окончил Высшие стрелково-тактические курсы усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел». В 1960 году подполковник Н. Г. Шариков уволен в запас.

Жил в городе Артёмовск Донецкой области Украинской ССР. До 1968 года работал в Артёмовском городском исполкоме. Умер 8 августа 1991 года.

Награждён орденами Ленина (13.09.1944), Красного Знамени (7.09.1944), Суворова 3-й степени (23.10.1944), Александра Невского (23.03.1944), Отечественной войны 1-й (11.03.1985) и 2-й (4.06.1944) степеней, медалями.

6. Краткая библиография хроники Яско-Кишиневской операции

1. Научные исследования и научно-популярные работы

Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., Воениздат, 1974.

Афтенюк С. Я. На пути к победе над фашистскими захватчиками. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1976.

Афтенюк С. Я., Елин Д. Д., Коренев А. А., Левит И. И. Молдавская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 г. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1970.

Ванеев Г. И. Черноморцы в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1978, С. 346 – 368.

Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. (Под ред. П.А.Жилина.) М., Политиздат, 1970.

Голубко В. Ф., Барышев Н. И. На южном фланге. (Боевой путь 4-го гвардейского механизированного корпуса). М., Наука, 1973, С.168 – 210.

Дюрягин Г. М., Говоров М. В. Ни шагу назад. Боевой путь 120-й (169-й) гвардейской Звенигородской Краснознаменной стрелковой дивизии. Казань, Татарское книжн. изд-во, 1978.

Елин Д. Д. Партизаны Молдавии И.Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1974.

Еремеев Л. М. Глазами друзей и врагов. (О роли Советского Союза в разгроме фашистской Германии.) М., Наука, 1966.

Желтов А. С. 3 – й Украинский на Балканах. В кн.: Великий освободительный поход. М., Политиздат. 1970.

Назария С. Международные отношения в эпоху мировых войн: факты и мифология. Кишинёв, Центральная типография, 2012, С. 341 – 465.

Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. Сб. статей (сост. Андреев В. П. и др.). М., Воениздат, 1958.

История второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Т. 9. М., Воениздат, 1978, С. 97 – 133.

История Молдавской ССР. Кишинёв, 1968. Т. 2.

Коренев А. А. Пароль – подвиг. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1968.

Кравченко Г. С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.) М., Экономика, 1970.

Краткая хроника Яско-Кишинёвской операции. (Составители: Марчук Ю. А., Свиринов И. Е.). - Кишинёв, изд.-во «Картя Молдовеняскэ», 1984.

Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин . М., Воениздат, 1968, С.137 – 172.

Лисецкий А. М. Сытник М. К. Кишинев в годы Великой Отечественной войны. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1975.

Мацуленко В.А. Разгром немецко-фашистских войск на Балканском направлении. М., Воениздат, 1957.

Мацуленко В. А. Удар с Днестровского плацдарма. (Наступление 37-й армии 3-го Украинского фронта в августе 1944 года). М., Воениздат, 1961.

Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., Воениздат, 1967.

Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Кишинёв, 1970.

Одесский Краснознамённый. Кишинёв, 1985.

Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов (кол. авторов, под ред. Маршала Советского Союза Захарова М. В.). М., Наука, 1970.

От Волги до Праги. Боевой путь 7-й гвардейской (64-й) армии (кол. авторов). М., Воениздат, 1966.

- От Волжских степей до австрийских Альп. Боевой путь 4-й гвардейской армии. (Сост. Воронцов Т. Ф., Бирюков Н. И. и др.) М., Воениздат, 1971.
- Перстнёв В. И. Бендеры. Огненные плацдармы войны. Бендеры, «Полиграфист», 2004.
- Перстнёв В. И. Жаркий август сорок четвёртого. Бендеры, «Полиграфист», 2014.
- Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны. М., 1975.
- Савельев В. П., Попов Н. В. Гвардейская Николаевская. Боевой путь 108-й гвардейской стрелковой Николаевской Краснознаменной ордена Суворова дивизии. М., Воениздат, 1978, С. 63 – 100.
- 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены. Боевой путь (кол. авторов). М., Воениздат, 1971.
- Советская Молдавия. Краткая энциклопедия. Кишинёв, 1982.
- Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 6, 7.
- СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 г. М., Воениздат, 1970.
- Степанюк В. Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. – Кишинэу, Центральная типография, 2006, С. 369 – 375.
- Шорников П. М. Молдавия в годы Второй мировой войны: к 70-летию Великой Победы над фашизмом. – Кишинэу. 2014, С. 370 – 385.
- Ярошенко А. А. В бой шла 41-я гвардейская. Боевой путь 41-й гвардейской Корсуньско-Дунайской ордена Суворова дивизии. М., Воениздат, 1982, С.109 – 116.
- Яско-Кишиневские «Канны» (кол. авторов, под ред. Маршала Советского Союза Малиновского Р. Я.). М., Наука, 1964.

2. Мемуарная литература

- Амелин Я. Г. Сквозь весь огонь. Сказание о 80-й гвардейской дивизии. Алтайское книжн. изд-во, 1975, С.164 – 200.
- Антонов В. С. Путь к Берлину. М., Наука, 1975, С.126 – 175.
- Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М., Воениздат, 1963.
- Бирюзов С. С. Суровые годы 1941 – 1945. М., Наука, 1966.
- Бирюков Н. И. Трудная наука побеждать. Изд. 2-е доп., М., Воениздат, 1975.
- Блажей А. К. В армейском штабе. М., Воениздат, 1967.
- Богатырёв А. Т. Огненный вал. Киев, Политиздат Украины, 1977.
- Боков Ф. Е. Бессмертный подвиг сынов Азербайджана. Баку, Госиздат, 1971, С. 63 – 77.
- Боков Ф. Е. Весна Победы. М., Воениздат, 1979, С.3 – 51.
- В боях за Молдавию. Кн.1-я. (Сост. Дьяков П. И., Григорьев И. Т.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1964.
- В боях за Молдавию. Кн. 2-я. (Сост. Свиридов И. К., Григорьев И. Т.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1968.
- В боях за Молдавию. Кн. 3-я. (Сост. Доронин П. И., Свиридов И. К., Григорьев И.

Т.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1970.

В боях за Молдавию. Кн. 4-я. (Сост. Доронин П. И.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1976.

В боях за Молдавию. Кн. 5-я. (Сост. Дьяков П. И., Мисочник А. М.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1982.

Вязанкин И. А. За строкой боевых донесений. М., Воениздат, 1978.

Вылиток В. С., Лескин С.Ф. Подвиги не меркнут. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1980.

Гуцул Н. Ф. Они сражались за Молдову. – Кишинэу, Центральная типография, 2004, С. 67-88.

Евстигнеев К. А. Крылатая гвардия. М., Воениздат, 1982.

Жуковский И. М. Наступление продолжается. Записки командира стрелкового полка 333-й стрелковой дивизии. Волгоград, Нижне-Волжское книжное изд-во, 1969.

Загорулько В. А. Портрет войны. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1974, С. 69 – 84.

Кузнецов П. Г. Дни боевые. – М., Воениздат, 1959.

Кузьминов М. Я. О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах. Ставрополь, кн. изд-во, 1974.

Лапоногов И. С. Дунайские были. М., Политиздат, 1974.

Ленев Г. М. Путь к рейхстагу. Ростов-на-Дону, кн. изд-во, 1969.

Лоза Д. Ф. Презирая смерть. М., Изд-во ДОСААФ, 1970.

Ларчук Ю. А. Память сердца. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1981, С. 57 – 81.

Мошляк И.Н. Вспомним мы походы... М., Воениздат, 1978.

На огненном плацдарме. (Сост. Гуревич Я.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1973.

Они защищали и освобождали Молдову. Боевой колокол памяти. Авт.-сост.: Гуцул Н. Ф., Сысоев П. И. – Пермь, «Звезда», 2001, С. 281 – 432.

Партизаны вспоминают... (Сост. Елин Д. Д.) Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1980.

Рассказы о великих днях сражений. (Сост. Королев В.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1975.

Сафонов М. И. Ради твоего счастья, Молдавия. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1975.

Свиридов И. К. 295-я Херсонская трижды орденоносная. Изд. 2-е, доп. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1980, С. 152 – 210.

Середа И. Е. От первого мгновения до последнего. Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1980.

Сивков Г. Ф. Готовность номер один. М., Советская Россия, 1973.

Скоморохов Н. М. Боем живет истребитель. М., Воениздат, 1975, С. 159 – 200.

Солдаты славы не искали. (Сост. Свиридов И. К., Середа И. Е.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1978.

Считать живыми. (Сост. Маркин Д.). Кишинев, Картя Молдовеняскэ, 1978, С.109 – 117.

Чмелёв А. М. Прошла с боями... Хроника боевых действий 59-й гвардейской Краматорской стрелковой дивизии. Кишинёв, изд.-во «Картя Молдовеняскэ», 1983.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2-я, М., Воениздат, 1974, С. 112 – 156.

Якименко А. Д. В атаке – «Меч». М., Изд-во ДОСААФ, 1973.

3. Иностранная литература в переводе на русский язык

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии (1933 – 1945 гг.). Т. 3.

Война на два фронта. М., Воениздат, 1976.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация. (О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории). М., Воениздат, 1974.

Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., Изд-во иностр. лит., 1956.

Фриснер Г. Проигранные сражения. М., Воениздат, 1966.

Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., Воениздат, 1956.